

БЫЛЫЕ ГОДЫ. 2015. № 38 (4)
РОССИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Редакционная коллегия:

А. А. Черкасов (г. Сочи, Россия)
гл. редактор – д-р ист. наук

Е. Ф. Кринко (г. Ростов-на-Дону, Россия)
зам. гл. редактора – д-р ист. наук

С. И. Дегтярев (г. Сумы, Украина)
д-р ист. наук

В. Г. Иванцов (г. Сочи, Россия)
канд. ист. наук

Т. А. Магсумов (г. Набережные Челны, Россия)
канд. ист. наук

Журнал включен в базу Scopus,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index.

Журнал зарегистрирован в федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС77-47157 от 03.11.2011

Редакционный совет:

П. Джозефсон (г. Вотервилль, США)

В. П. Зиновьев (г. Томск, Россия)

Р. Марвик (г. Ньюкасл, Австралия)

В. И. Меньковский (г. Минск, Белоруссия)

Р. В. Метревели (г. Тбилиси, Грузия)

Б. Н. Миронов (г. Санкт-Петербург, Россия)

Дж. Санборн (Пенсильвания, США)

Е. С. Сенявская (г. Москва, Россия)

В. Сандерлэнд (г. Цинциннати, США)

С. Г. Суляк (г. Тирасполь, Молдавия)

Ф. Б. Шенк (г. Базель, Швейцария)

М. Шмигель (г. Банска Быстрица, Словакия)

Учредитель

СОЧИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Адрес для писем:

354000, г. Сочи, ул. Советская 26а
Тел.: 8(918)201-97-19
E-mail: Bylyegody@sutr.ru
Сайт журнала: www.bg.sutr.ru
Англоязыч. сайт журнала: www.en.bg.sutr.ru

Выходит с 2006 г.
Периодичность – 1 раз в 3 месяца

Подписано в печать 01.12.2015 г.
Формат 21 × 29,7/4.

Уч.-изд. л. 8. Усл. печ. л. 6,3.
Заказ № 42.

Редактор, корректор
В.С. Молчанова
Редактор-переводчик А. В. Рожкова
Технический редактор, электронная
поддержка Н. А. Шевченко

На обложке слева направо:
Сестра милосердия, в центре Император Николай II, граф Келлер
В нижней части обложки: герб Черноморской губернии
и открытка «Герои Первой мировой войны»

BYLYE GODY (FORETIME). 2015. Vol. 38. Is. 4
RUSSIAN HISTORICAL JOURNAL

Editorial Staff:

A. A. CHERKASOV (SOCHI, RUSSIA)
Editor in Chief – Dr. (History)

E. F. KRINKO (ROSTOV-ON-DON, RUSSIA)
Deputy Editor in Chief – Dr. (History)

S. I. DEGTYAREV (SUMY, UKRAINE)
Dr. (History)

V. G. IVANTSOV (SOCHI, RUSSIA)
PhD (History)

T. A. MAGSUMOV (NABEREZHNYE CHELNY,
RUSSIA)
PhD (History)

This magazine is listed in Scopus,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index.

This magazine is registered in the Federal
Supervision Agency for Information Technologies
and Communications. Magazine Certificate of
Registration **ПН №ФС77-47157** 03 November
2011.

Editorial Board:

P. JOSEPHSON (WATERVILLE, USA)

R. MARKWICK (NEWCASTLE, AUSTRALIA)

V. I. MENJKOVSKY (MINSK, BELARUS)

R. V. METREVELI (TBILISI, GEORGIA)

B. MIRONOV (ST. PETERSBURG, RUSSIA)

J. SANBORN (PENNSYLVANIA, USA)

E. S. SENYAVSKAYA (MOSCOW, RUSSIA)

F. B. SCHENK (BASEL, SWITZERLAND)

M. ŠMIGEL (BANSKÁ BYSTRICA, SLOVAKIA)

S.G. SULYAK (TIRASPOL, MOLDOVA)

W. SUNDERLAND (CINCINNATI, USA)

V. P. ZINOV'EV (TOMSK, RUSSIA)

Founder
SOCHI STATE UNIVERSITY

Postal Address:

26a, Sovetskaya str., Sochi city, 354000

Tel.: 8(918)201-97-19

E-mail: Bylyegody@sutr.ru

Website: www.bg.sutr.ru

English version of the magazine site:

www.en.bg.sutr.ru

Issued from 2006

Publication frequency – once in 3 months

Approved for printing 1.12.2015

Format 21 × 29, 7/4.

Ych. Izd. I. 8. Ysl. pech. I. 6, 3.

Order № 42.

Editor, Proofreader

V. S. MOLCHANOVA

Editor-translator **A. V. ROZHKOVA**

Technical Editor, Electronic support by

N. A. SHEVCHENKO

On the cover page from left to right:

Sister of charity, the Emperor Nicholas II at the center, Count Keller

At the bottom of the cover page: Chernomorskaya Gubernia (Black Sea Province) emblem
and card "Heroes of World War I"

C O N T E N T S

ARTICLES AND STATEMENTS

Christianity on the Territory of the Russian Black Sea Region (in the VIII–XVth centuries): Historical and Archaeological Aspects Olga V. Natolochnaya, Lyudmila G. Zimovets, Nina I. Kryukova	779
Tactic "Tulgama" the Art of War the Mongols XIII century Leonid A. Bobrov, Aleksei V. Salnikov	786
The History of Islam in Western Siberia: Interdisciplinary Approach to Chronology and Periodization Sergey F. Tataurov, Mikhail A. Korusenko	798
Genoese Domain in the Crimea (the Second Half of 14th century) Sergey G. Bocharov	808
Nuremberg Counting Jetons of XVI–XIX centuries: from Western Europe to Western Siberia Andrey A. Pushkarev	825
Foreign Sources in the Contemporary Works of British-American Researchers on History of Russian Colonization Guzel V. Ibneyeva, Iliya A. Popov	834
Accessions of the Crimean Khanate (1783): Influence on Prospects and Problems of Folding of the Russian North Caucasus Boris V. Vinogradov	842
The Role of the XVIII Century Maps and the Population of the Higher North of Russia and Norway in the Construction of the Borders of the Internal Sovereignty Vladislav I. Goldin, Konstantin S. Zaikov, Aleksandr M. Tamitskiy	849
Public and State Significance The Ranks of the Table of Ranks in the Russian Empire at the End of XVIII – the First Half of the XIX Centuries Sergey I. Degtyarev	865
«Orenburg Frenchmen»: Life of War Prisoners of the Grand Arme'e of Napoleon Who Obtained the Russian Citizenship and Stayed for Living in the Orenburg Guberniya (1814–1836 years) Alexey I. Kortunov	876
Jikis and Jiketi in Conditions of War and Peace (1840–1860 years) Aleksandr A. Cherkasov, Mikhal Shmigel, Sergei N. Bratanovskii, Violetta S. Molchanova	888
Spirits Trade After Reform in 1863: To the Issue of Efficiency of State Regulation of Spirits Turnover in Terms of Free Trade Natalia Ye. Goryushkina	894
The Function of a Trade of a Post-Reform Siberian Town Valery A. Skubnevsky	901
First Battleships of the Coast Defense of Russian Emperor Fleet Yuri F. Katorin, Anatolii P. Nyrkov	910
The formation of the religious infrastructure of cities of Kuban and Black Sea region in the context of the development of cross-cultural dialogue (the middle of XIX – beginning of XX century) Sergey L. Dudarev, Sergey N. Ktitorov	924
To the Issue of Historical Prerequisites and the Significance of the Construction of the Railway Network in the Caucasus (the late 19th and early 20th Century era) Vladimir B. Karataev, Irina N. Markaryan, Ruslan M. Allalyev	933
Educational Congress and Teachers' Courses as a Means of Methodical Education Teachers Second Half of XIX – Beginning XX Centuries: Regional Dimension Sergei I. Belentsov, Oksana P. Dovger, Alesia A. Kuznetsova, Natalia J. Agronina, Valentina L. Barkova	940

Vasilii Ilich Denisov: Historical Portrait at the Backdrop of the Russian Modernization (End of XIX – Beginning of XX Century) Maria V. Bratolyubova, Irina G. Brizgalova, Natalia V. Samarina	948
Elements of European Political Culture in the Central Asian National Outskirts of the Russian Empire: Perception Specifics of Foreign Cultural Innovations (late 19 th – early 20 th) Yuliya A. Lysenko, Inna V. Anisimova, Irina B. Bochkareva, Marina F. Lysenko	955
«Society for Welfare of Workers and Employees of Gold and Mining Fields» as a Source on Research of Economic and Social Status of Employees of the Gold-Mining Fields of Siberia at the End of XIX – the Beginning of the XX Century Peter P. Rumyantsev	965
Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX Centuries Alexander G. Gryaznukhin, Tatiana V. Gryaznukhina	972
The Development of the System of Mining Education in the «Kingdom of Poland» in the XIX Century Anton B. Mokeev	982
The Question of the Economic Structure of the Rusins of Bessarabia in the 19 th – beginning of the 20 th Century Sergey G. Sulyak, Vladimir V. Kazakov	992
The Country Council Work on Extracurricular Enlightenment of Adults in the Volga-Ural Region Timur A. Magsumov, Marina S. Nizamova	1001
Between the Prohibition and Indulgence: Casual Religious Culture of the Orthodox Population Russian north in the Second Half of the XIX – early XX century Pavel V. Fedorov, Alexey A. Malashenkov	1011
The Belgian Investments in Mass Transit of the Cities in Russian Empire at the End of the XIX th and at the Beginning of the XX th Centuries Ilya V. Shpakov, Yelena D. Mikhailova, Nataliya N. Koroteeva	1019
Refinement of the Causes of Ethnic Migration North Selkups Based on the Historical Memory of Indigenous Ethnic Groups Turukhansk District of Krasnoyarsk Krai Natalia P. Koptseva, Ksenia V. Reznikova	1028
The Development of Agriculture and Trade Relations in the Caucasus in the Early 20 th Century Tatiana E. Gvarliani, Evgeniya V. Vidishcheva, Ilya M. Rassolov	1039
Societies of the Mutual Credit of Siberia at the Beginning of the XX Century: Number, Structure of Management and Composition Tatiana A. Kattsina, Elena V. Bolonkina, Lyudmila E. Marinenko	1047
The Activities of All-Russian Peasant Union on the Black Sea Province During the First Russian Revolution Konstantin V. Taran, Natalia V. Svechnikova, Stanislav I. Buslaev	1053
Financial and Credit Cooperation of Zemstvo in the Middle Volga at the Beginning of XX th Century: The Legal and Economic Aspects of Functioning Tatyana A. Kobzeva	1062
The Revolutionary Movement in the Evaluation of F.M. Dostoevsky: To Understand Conservatism in the Political History of Russia Konstantin A. Lotarev, Oleg V. Kuznetsov	1069
The Method of Analysis Derived Coefficients of Database as a New Method of Historical Research (for Example, a Database of Ballistic Parameters of Naval Artillery) Nicholas W. Mitiukov, Kent Rand Crawford	1078
Forms of Consolidation of Provincial Society in the Conditions of World War I Irina N. Litvinova	1085

The Evolution of Public Views of the Black Sea Province During the First World War Lyubov G. Polyakova, Valentina A. Ageeva, Leonid L. Balaniuk	1093
Forms of Representation of National Identity in the Official and Pro-Government Periodical Press of Eastern Russia (June 1918 – December 1919) Dmitry N. Shevelev, Kirill A. Konev	1105
Evacuees and social stress on the Soviet home front: the Iaroslavl’ experience, 1941 Roger D. Markwick, Beate Fieseler	1115
Russian Historical Journal “Bylye Gody” publications for 2015	1119

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 38, Is. 4, pp. 779-785, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

ARTICLES AND STATEMENTS

UDC 930.85

Christianity on the Territory of the Russian Black Sea Region (in the VIII–XVth centuries): Historical and Archaeological Aspects

¹Olga V. Natolochnaya

²Lyudmila G. Zimovets

³Nina I. Kryukova

¹ International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation
Laboratory for World Civilizations
PhD (History), Senior Researcher

² Russian State Social University, Branch in Sochi, Russian Federation
E-mail: nauka-rgsu-s@mail.ru

³ Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation
Stremyanny lane, 36, Moscow, 117997
Doctor of legal Sciences, Professor

Abstract

The article discusses the historical and cultural heritage of the territory of the Greater Sochi in the medieval period. The attention is paid to the Christian Orthodox churches and their archaeological study. This article utilizes the records of archaeological expeditions, monographic literature and periodicals. In conclusion the authors note that 9 temples were built on the territory of the Sochi region in the middle ages. In the IX–XII centuries the temples have a cross-domed type of building. Later there were built the single-domed churches, which were distinguished by the proportions, the elegance of form, and the compactness of the internal space. The cross-domed churches were built of slabs of sandstone and shale. The technology of masonry walls was typical for provincial Byzantine churches. The masonry mortar was not destroyed and weathering in the humid subtropical climate.

Keywords: the Black Sea Region, Christianity, the Middle Ages, the local history, temples.

Введение

История территории российского Причерноморья охватывает довольно значительный хронологический период – примерно 350 тыс. лет. За это время территория Причерноморья неоднократно попадала под цивилизационное влияние внешних сил. В данной статье мы хотели бы уделить внимание византийскому средневековому влиянию на данной территории.

Материалы и методы

Материалами для подготовки статьи стали отчеты археологических экспедиций, монографическая литература, а также материалы периодической печати.

При решении исследовательских задач применялись как общенаучные методы (анализа и синтеза, конкретизации, обобщения), так и традиционные методы исторического анализа.

Использование общенаучных методов позволило уточнить датировку, например, Лооского храма. В работе использован историко-ситуационный метод, который предполагает изучение исторических фактов в контексте изучаемой эпохи в совокупности с «соседствующими» событиями и фактами.

Результаты

В эпоху Средневековья на побережье, например, в Сочи появляются первые культовые сооружения – христианские храмы. Установлено, что в период Средневековья на территории Сочи и его окрестностей находилось свыше полутора десятков храмов. Живописные руины некоторых из них можно увидеть и сегодня. В настоящее время известны христианские храмы в Лоо, Агуа, Хосте, Адлере, Веселом, Липниках, Лесном, Голицыне, Монастыре и других местах [1].

Наиболее ранней являлась базилика VIII в. на территории совхоза «Южные культуры» (Адлер). Ее украшали фресковая роспись и мозаичный пол. Рядом с храмом найдено погребение, датированное IX–X вв. Оно перекрыто плитами, орнамент которых очень близок к оформлению хор и оконных проемов в Софийском соборе VI в. в Константинополе [2].

Территория, на которой находится пансионат «Магадан» (Лазаревский район города Сочи), является весьма интересным местом для историков и археологов. В 1960 г. рабочие рыли котлован под строительство одного из корпусов Дома отдыха «Магадана». На месте работ были обнаружены находки – золотые украшения и останки древних людей. На место были приглашены работники Сочинского краеведческого музея. Вот как описал обследованные им ценности старший научный сотрудник Сочинского краеведческого музея П.М. Голубев, руководивший экспедицией: «Оказалось разрушенным богатейшее захоронение. Значительную часть изделий составляют золотые женские украшения. Это бляхи-броши, флакончик с крышечкой для хранения благовоний, перстень с геммой и ряд других. Предметы находились в стеклянном сосуде янтарного цвета с греческими письменами.

Если найденный в захоронении перстень относится к греческому стилю, то для других предметов характерно смешение стилей, вкусов и направлений, какое наблюдалось в римское время в Западной Грузии и в Боспорском царстве – чеканка, филигрань с применением голубой и зелёной эмали, характерная для искусства рубежа нашей эры. Украшения покрывались цветными камнями, гранатами, сердоликами, халцедонами, использовались восточные элементы орнамента и скифо-сарматские мотивы изображения животных.

Находки, обнаруженные в Лоо, являются уникальными. Огромно их научное и художественное значение. Они вошли в мировую сокровищницу археологии» [3].

В 100 метрах к северо-западу от описанного погребения при рытье котлована были обнаружены остатки древней каменной кладки на сложном известковом растворе. Пробными расчистками были вскрыты два каменных свода. Возможно, здесь находился храм или дом знатного владельца. Прекрасная стилизация арочного входа, выполненная по рассказам очевидцев в нижней части «магаданского» парка уже в 90-е годы XIX века. Рядом с аркой находится древнегреческая амфора. «Этот замечательно выполненный уголок античной культуры напоминает каждому о том, что наше побережье находилось на периферии сначала древнегреческой, а затем древнеримской цивилизации. А с IV века нашей эры здесь установилось византийское владычество, которое длилось без малого 900 лет», – пишут в своей книге «Ступени Магадана. Книга о санатории» В.А. Киреев и Н.Н. Маренов [4].

Подробное описание находок из данного погребения составил археолог Ю.Н. Воронов и описал его в книге «Древности Сочи и его окрестностей» [5]. На обложку своей знаменитой книги Воронов поместил изображение женского профиля-геммы, украшавшее, найденный в местечке Лоо, перстень. Учёный датировал раскопанное погребение II–III вв. нашей эры.

Историки утверждают, что в то же историческое время, которое было описано выше, наместник императора в Каппадокии (территория нынешней Турции), римский военный чиновник Флавий Арриан совершал объезд берегов вокруг Понта Эвксинского, как тогда называли Чёрное море. Свои наблюдения и впечатления от этой поездки он изложил в «Перипле Эвксинского Понта», книге, которая на многие века стала самым авторитетным источником сведений о побережье Северо-Западного Кавказа.

Флавий назвал людей, живших на побережье зилхами (в других источниках зихи, зикхи, зиги, джикхи). Историки утверждают, что это не кто иные, как абазинцы Причерноморья, точнее, их ближайшие предки. С многовековым пребыванием абазинцев на побережье связано и происхождение наименования посёлка Лоо, и история средневекового византийского храма. Развалины его находятся в ближайших окрестностях санатория «Магадан», а раньше и вовсе находились на его лесной территории, которая впоследствии была передана Сочинскому национальному парку.

По некоторым источникам переселение абазинцев на северные склоны Кавказского хребта происходило вплоть до XVII века. Более других учёных в изучении проблемы абазинцев продвинулся советский этнограф и историк Леонид Иванович Лавров, один из авторитетнейших кавказоведов XX века. Он считал абазинцев (самоназвание народа *абаза*) самостоятельным кавказским народом с очень сложным происхождением – этногенезом. В средние века и ранее этот народ, ныне

немногочисленный, живущий в пределах Карачаево-Черкесской республики, играл большую роль в истории Западного Кавказа.

Абазины в древности были родственны убыхам и говорили на протаабазинском языке, близком убыхскому языку. В средние века большая часть абазинских родов стала говорить на другом языке, сформировавшемся под влиянием диалектов абхазского. К адыгской языковой группе абазины не принадлежали, как и сменившие их на побережье убыхи.

В новом абазинском языке выделилось два диалекта: тапанта и шкарауа. Абазины-тапанта, жившие именно в наших местах, стали после VIII века н.э. именоваться лоовцами, а река, в долине которой они издревле жили – рекой Лоо. История этого названия плотно переплетена с историей проникновения христианства на побережье Западного Кавказа.

В VIII веке из родственных племён санигов, абасгов и апсилов (так называемые *гениохи* греческих авторов) сформировалась абхазская народность, и было создано абхазское царство. Создатель царства, принимая христианство, при крещении получил христианское имя Леон II (Лео, Лев). Его многочисленное потомство, как в самой Абхазии, так и в стране абазин Зихии дало начало нескольким ветвям князей Лау или Лоо (по-русски Лоовых).

По имени князей стало именоваться всё подконтрольное им абазинское общество – лоовцы. Многие топонимы и гидронимы Большого Сочи, в том числе и река Лоо, также образовались от наименования этого влиятельного феодального рода. Интересно, что в русском источнике 1643 г. упоминается фамилия абазинского князя Левов, который в числе других абазинских мурз приехал к «Пяти горам», чтобы принести шерть (прошение) представителю русского царя Михаила Фёдоровича. Вполне допустимо, что тогда этимология этой фамилии для русских людей была ещё прозрачной, не затуманенной временем. Лоовы-Левовы – это потомки Льва.

С обращением в христианство абазин-лоовцев тесно связана и история византийского храма – главной исторической достопримечательности посёлка Лоо. Когда граф С.Д. Шереметев, историк и историограф, на территории владения которого находился средневековый христианский храм, показывал его своим гостям, сооружение уже находилось в руинах. Этому есть документальные подтверждения, в числе которых и фото С.М. Прокудина-Горского, сделанное примерно в 1909 г. Снимок долгое время хранился в библиотеке Конгресса США и только недавно в числе других фоторабот талантливого русского фотохудожника был опубликован в Интернете. К тому времени, когда был сделан фотоснимок, уцелела только северная стена храма и часть алтарной восточной, где чётко просматривались алтарные выступы – апсиды. С лёгкой руки графа Шереметева разрушенный храм был определён как византийский, а время его строительства соотнесено со временем строительства самой Византии – четвёртым веком нашей эры. Это слишком ранняя, исторически недостоверная датировка до сих пор блуждает по некоторым справочникам и путеводителям.

Детально обследовал Лооский храм советский археолог Ю.Н. Воронов. Его выводы, изложенные в книге «Древности Сочи и его окрестностей», сводились к следующему «Храм в Лоо расположен в 2 км от моря на высоте около 200 метров. Южная стена памятника разрушена полностью, западная и восточная также сильно повреждены временем. Лишь северная стена сохраняет ещё свою высоту. Наружные размеры храма: ширина 12,25 м, длина 21 м. Толщина стен до 1,1 метра [6]. Храм имел три входа: с севера, с запада и с юга. Ширина северного дверного проёма – 1,4 метра.

Стены храма в Лоо сложены прекрасно обработанными известняковыми блоками и плитами песчаника и сланца. Известняком была облицована вся наружная поверхность стен, окна и двери. Эти же блоки составляют связующую основу пилястр, пронизывающих стены насквозь. Раствор отличается примесью очень крупного песка и отборного мелкого гравия, что находит ближайшую аналогию в византийских стенах Анакопии VII века. Этим же или несколько более поздним временем (VIII–IX вв.), вероятно, и следует датировать лооский храм, который относится к группе абхазо-аланских церквей, характеризующих особый западнокавказский путь развития византийского храмового зодчества (Пицунда, Лыхны, Зеленчук) [7].

Экспедиция профессора Б.Б. Овчинниковой производила раскопки внутри храма и за его ближайшими пределами в 1987–1991 гг. Исследованный археологический материал позволил уточнить время строительства храма, дошедшего до наших дней в руинах – XIII–XIV вв. Однако в кладке обрушившихся стен были найдены блоки, выполнявшие роль облицовки в более раннем строении, стоявшем на этом же фундаменте. И хотя археологи предположили, что этот ранний храм был построен в X–XI веках, совсем не исключена гораздо более ранняя датировка, которая может быть отнесена к предыстории храма.

Вот данные руководителя экспедиции: «В результате изучения памятника удалось вскрыть ряд погребений, как на территории самого храма, так и за его пределами с южной стороны. Они относятся к различным периодам функционирования культового комплекса. Большая часть захоронений представлена безынвентарными могилами, в которых покоились погребённые (головой на запад). В некоторых могилах встречен незначительный сопровождающий покойного инвентарь. Если суммировать все вновь полученные данные, то можно считать, что Лооский храм функционировал в X–XIV вв., не ранее. В этот период он неоднократно подвергался перестройкам и достройке» [8].

Вполне вероятно, что возведённый в период раннего средневековья Лооский храм был освящён как Симоно-Кананитский, в честь апостола Иисуса Христа, проповедовавшего христианство и принявшего мученическую смерть на Кавказе. В таком случае возникновение храма в Лоо, стоявшего на месте нынешнего, может быть отнесено к VI в. А сам храм в какой-то период своего существования мог быть кафедральным собором, центром Зихской епархии Константинопольской христианской церкви.

Такую возможность не отрицает и руководитель археологической экспедиции из Екатеринбурга профессор Бронислава Борисовна Овчинникова. В качестве одного из доказательств данной версии приводится найденная во фрагментах каменная скамейка, находившаяся в алтарной части храма. Но даже если она служила местом заседаний епископата, то несомненная принадлежность более позднему строению только добавляет вопросов об истинном назначении и характере культово-обрядовой и миссионерской деятельности, которая велась в этом сооружении, властвовавшем некогда над всей округой.

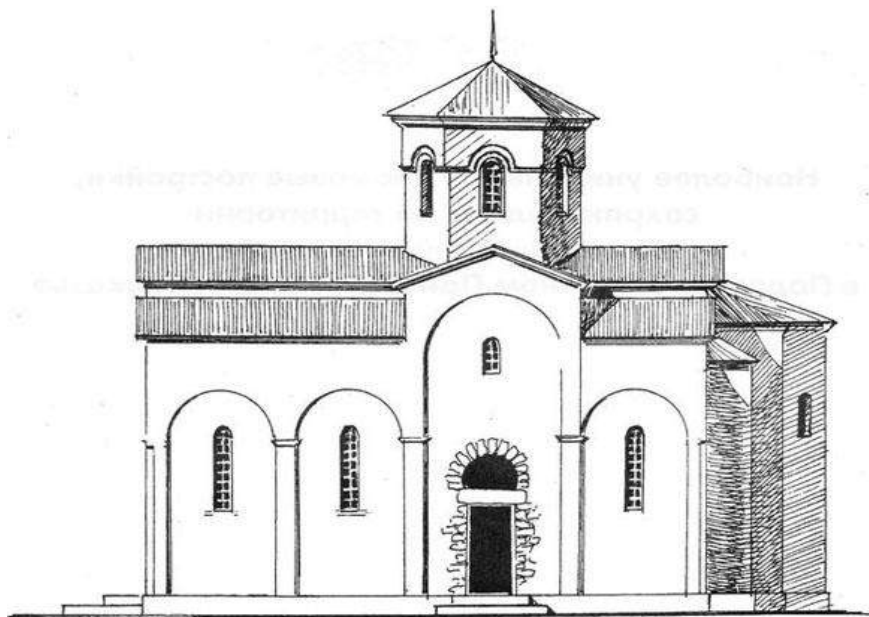

Рис. 1. Вид храма в Лоо XI в.

Христианский храм функционировал в течение промежутка времени от X–XIV века и неоднократно подвергался реконструкции в течение этого периода. Отдельные строительные периоды были отмечены: X–XII века и XIII–XIV века. Появление основного здания храма, вероятно, Лоо датируется XI–XII веками. Архитектурные особенности церкви указывают на византийской традиции, хотя с некоторыми абхазо-грузинскими особенностями [9].

Лооский храм таит ещё немало тайн и загадок. Священные руины по-прежнему ожидают археологов. В наши дни храм становится объектом экскурсионного показа, привлекающим всё большее число посетителей. Однако проблемы консервации и реставрации уникального исторического памятника пока не находят положительного решения.

Интересен храм, расположенный в селе Монастырь (левый берег реки Мзымта). Он подробно описан Ю.Н. Вороновым в книге «Древности Сочи и его окрестностей» [10]: «Зал церкви разделен парой пилостр на две части. К нему примыкает с востока широкое алтарное полукружие, имевшее снаружи пятигранное оформление. Изнутри вдоль стен зала прослеживается невысокий и узкий выступ-парапет. В зал вели две двери: с запада и с юга. Алтарь освещался с помощью одного окна.

Второй этаж освещался с помощью окон, остатки которых сохранились в западной стене. К западу от первого придела отмечена площадка, где, по свидетельству старожилов, еще в конце 1940-х гг. возвышались каменные столбы высотой 3–4 м».

Монастырский храм расположен на территории небольшого укрепления, от которого сохранились стены и большая башня. Она охраняла крепостные ворота, находящиеся юго-восточнее храма. Стены крепости сложены из грубо обработанного камня панцирной кладкой на известняковом растворе. Собранный по склонам в крепости и у храма материал включает обломки кирпича, плоской и гнутой черепицы, которой был покрыт храм, пифосов, кувшинов, кухонной посуды, прясел, датированных IX–X вв. н.э.

Обзор имеющихся материалов показывает, что христианство на рассматриваемой территории прочно пришло лишь в приморской зоне. Исследователи обратили внимание на тот факт, что храмы, расположенные вблизи побережья, не имели оград, а храмы, расположенные в горной местности, были защищены мощными стенами. Отсутствие следов христианских храмов в глубоких горных долинах (например, на Красной Поляне) позволяет сделать вывод о том, что здесь христианство не получило широкого распространения.

Рис. 2. Руины храма в Лоо. Современное состояние

В начале XI в. на вершине горы Ахун был построен храм, украшенный разным по камню орнаментом, характерным для грузинских церквей того времени (Синатле, Кацхи, Сапара). К периоду не ранее XI в. относятся и маленькая церковь в урочище Агуа (ущелье реки Сочи), по своему плану напоминающая восточногрузинские храмы. К еще более позднему времени может быть отнесена дополнительная стена в крепости на реке Годлик (Чемитоквадже). Эта внутренняя линия обороны отсекает от основной крепости небольшой двор, тяготеющий к морскому берегу и занимающий не стратегически полноценный, наиболее возвышенный участок крепости, а наиболее низкий ее участок. Фасадная часть этой стены облицована прекрасно обработанными блоками. В тех местах, где облицовка отвалилась, обнажилась забутовка, положенная слоями из наклонных плоских булыжников, изредка образующих «елочку». Обычно эти слои имеют наклон в одну сторону, и отделены друг от друга горизонтально уложенными в ряд плоскими булыжниками. Примечательно, что ряды облицовки совпадают с внутренними рядами наклонных булыжников. Толщина стены до 2,5 м, а сохранилось она в высоту до 5 м. Технические приемы сооружения стены указывают на то, что она была построена в период генуэзской колонизации на побережье, относящемся к XIV–XV вв.

Заключение

Таким образом, в раннесредневековую эпоху среди местного населения распространение имело язычество, связанное с культом предков, животных, растений.

Византийская империя стремилась распространить свое влияние на местное население с помощью утверждения христианства. Самым ранним храмом на территории Сочи является базилика, расположенная на месте бывшего совхоза «Южные культуры». Фресковая живопись и мозаичный пол, которыми оформлен храм, позволяют утверждать, что оформление данного храма схоже с оформлением Софийского собора VI в. в Константинополе.

Храм в Лоо, фундамент которого сохранился полностью по периметру, является единственным в России уникальным культовым сооружением этого периода. Особенности его строения указывают на то, что его строительство связано с миссионерской деятельностью Византии.

На всей территории района Сочи в период средневековья было построено 9 храмов. В IX–XII вв. храмы имеют крестово-купольный тип строения. В дальнейшем строили однокупольные храмы, которые отличались пропорциями, изяществом форм, компактностью внутреннего помещения.

Крестово-купольные храмы сооружались из плит песчаника и сланца. Техника кладки стен характерна для провинциальных византийских храмов. Кладочный раствор не подвергался разрушению и выветриванию во влажном субтропическом климате.

Примечания:

1. Ермачков И.А., Зайцев А.М. Архитектурные памятники средневековья на территории Большого Сочи // Русская старина. 2010. № 2 (2). С. 19-21.
2. Бурсаниди Е. Эхо трапезундской империи // Сочи, 2003. №42. С. 9.
3. Краевед Черноморья. 2001. № 3. С.23.
4. Киреев В.А., Маренов Н.Н. Ступени Магадана. Книга о санатории. Сочи, 2000. С. 23/
5. Воронов Ю.Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979.
6. Овчинникова Б.Б. Храм в Лоо // Церковная археология. Материалы Первой Всероссийской конференции. Сер. "Археологические изыскания" Институт истории материальной культуры Российской Академии наук; Комитет по культуре и туризму Администрации Псковской области; Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник; Псковское общество Святой Ольги Российской; Государственный музей-заповедник "Кижы". 1995. С. 95-96.
7. Воронов Ю.Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979. С. 92.
8. Овчинникова Б.Б. Десять лет Лооской археологической экспедиции. // Сочинский краевед. 2000. № 6. С. 12.
9. Очинникова Б.Б. Об архитектурно-строительных особенностях храма в поселке Лоо (г. Сочи) // Античная древность и средние века. 2011. Т. 40. С. 375-389.
10. Воронов Ю.Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979. С. 83.

References:

1. Ermachkov I.A., Zaitsev A.M. Arkhitekturnye pamyatniki srednevekov'ya na territorii Bol'shogo Sochi // Russkaya starina. 2010. № 2 (2). S. 19-21.
2. Bursanidi E. Ekho trapezundskoi imperii // Sochi, 2003. №42. S. 9.
3. Kraeved Chernomor'ya. 2001. № 3. S. 23.
4. Kireev V.A., Marenov N.N. Stupeni Magadana. Kniga o sanatorii. Sochi, 2000. S. 23
5. Voronov Yu.N. Drevnosti Sochi i ego okrestnostei. Krasnodar, 1979.
6. Ovchinnikova B.B. Khram v Loo // Tserkovnaya arkheologiya. Materialy Pervoi Vserossiiskoi konferentsii. Ser. "Arkheologicheskie izyskaniya" Institut istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi Akademii nauk; Komitet po kul'ture i turizmu Administratsii Pskovskoi oblasti; Pskovskii gosudarstvennyi ob"edinennii istoriko-arkhitekturnyi i khudozhestvennyi muzei-zapovednik; Pskovskoe obshchestvo Svyatoi Ol'gi Rossiiskoi; Gosudarstvennyi muzei-zapovednik "Kizhi". 1995. S. 95-96.
7. Voronov Yu.N. Drevnosti Sochi i ego okrestnostei. Krasnodar, 1979. S. 92.
8. Ovchinnikova B.B. Desyat' let Looskoi arkheologicheskoi ekspeditsii. // Sochinskii kraeved. 2000. № 6. S. 12.
9. Ochinnikova B.B. Ob arkhitekturno-stroitel'nykh osobennostyakh khrama v poselke Loo (g. Sochi) // Antichnaya drevnost' i srednie veka. 2011. T. 40. S. 375-389.
10. Voronov Yu.N. Drevnosti Sochi i ego okrestnostei. Krasnodar, 1979. S. 83.

УДК 930.85

**Христианство на территории российского Причерноморья (VIII–XV вв.):
историко-археологический аспект**

¹ Ольга Васильевна Натолочная

² Людмила Григорьевна Зимовец

³ Нина Ивановна Крюкова

¹ Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

Лаборатория мировых цивилизаций

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

² Филиал Российского государственного социального университета в г. Сочи, Российская Федерация

г. Сочи, ул. Пластунская, 151/1

E-mail: nauka-rgsu-s@mail.ru

³ Российский экономический университет им Г.В. Плеханова, Российская Федерация

117997 г. Москва, Стремянный пер., 36

Доктор юридических наук, профессор

Аннотация. В статье рассматривается историко-культурное наследие территории Большого Сочи в средневековый период. Уделено внимание христианским православным храмам и степени их археологической изученности. Материалами для подготовки статьи стали отчеты археологических экспедиций, монографическая литература, а также материалы периодической печати. В заключении авторы отмечают, что на всей территории района Сочи в период средневековья было построено 9 храмов. В IX–XII вв. храмы имеют крестово-купольный тип строения. В дальнейшем строили однокупольные храмы, которые отличались пропорциями, изяществом форм, компактностью внутреннего помещения. Крестово-купольные храмы сооружались из плит песчаника и сланца. Техника кладки стен характерна для провинциальных византийских храмов. Кладочный раствор не подвергался разрушению и выветриванию во влажном субтропическом климате.

Ключевые слова: Причерноморье, христианство, средневековье, локальная история, храмы.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 38, Is. 4, pp. 786-797, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 903.22

Tactic "Tulgama" the Art of War the Mongols XIII century

¹Leonid A. Bobrov

²Aleksei V. Salnikov

¹Novosibirsk state University, Russian Federation

Pirogova St.2, Novosibirsk, 630090

Doctor of historical Sciences

E-mail spsml@mail.ru

²North-Caucasian Institute of business, engineering and information technology, Russian Federation

Dzerzhinsky St. 62/1, Armavir, 352900

PhD (History)

E-mail alexkat_salnikov@mail.ru

Abstract

In this publication, based on a comprehensive analysis of the sources, considered one of the most important tactics of the Mongols of the XIII century, known under the Turkic name "Tulgama". The name of the maneuver is derived from the Turkic verb "talamak", meaning "to surround, to wrapped up, to turn, to whirl, to twist".

It is established that the maneuver "Tulgama" was a special tactic, providing coverage flank (flanks) of the enemy in the rear and the application of massed archery shot in his builds. Selected three varieties under consideration tactic: right flank or left flank and steam room (double) "Tulgama". The most typical was right flanks "Tulgama" when doing the nomads, covered the left wing of the enemy with its right flank. This allowed the attacking archers to fire from the most convenient position (left-forward, left, and left-back).

A characteristic feature of the Mongol tactical art was a steam room (double) "Tulgama" when the troops of nomads covered both enemy's flank, concluding the enemy's army in the ring, then attacked her from all four sides. A similar technique could not only shoot down from the position, but almost completely destroy the enemy troops. For the most efficient use of maneuver "Tulgama" the Mongols made increasing use of expanded mesalamines system, with a powerful thrust forward flank groups.

The concentration of the shock troops on the flanks (reinforced, including by weakening the Central shelf) is dramatically different from the tactics of the Mongols from the traditional tactics of the Turks, whose best part was typically the center of the combat formations. However, direct confrontation of these two approaches during the military campaigns of the XIII century demonstrated the advantages of the Mongol tactical schemes. High efficiency of reception "Tulgama" led to its continued existence in the military art of the nomads.

Keywords: tulgama, environment, flank, nomads, Mongols, conquest, borrowing.

Введение

Изучение военно-исторического наследия народов Великой Степи традиционно ведется по двум основным направлениям. Первым направлением является изучение военной истории nomadov, в том числе анализ предпосылок, подготовки, общего хода и последствий войн, а также конкретных военных компаний, походов и сражений. Вторым направлением профильных научных исследований является анализ военного искусства кочевников, под которым понимается теория и практика строительства вооруженных сил, подготовки и ведения боевых действий (в том числе анализ комплекса вооружения, тактики ведения боя, фортификации и осадного искусства, военной организации, военной стратегии). Несмотря на то, что масштабные завоевания хуннов, древних тюрков и монголов волновали умы не одного поколения отечественных и зарубежных

исследователей, далеко не все области военного искусства кочевников изучены в достаточной степени. Так если комплекс вооружения и военная организация номадов изучаются давно и плодотворно, то тактика ведения боя, а также фортификация и осадное искусство тюрков и монголов до недавнего времени не привлекали к себе должного внимания исследователей. Вместе с тем необходимо отметить, что без детального анализа тактического искусства номадов невозможно объяснить причины многочисленных побед степняков над армиями оседло-земледельческих народов, а также оценить вклад номадических сообществ в развитие мирового военного искусства. Таким образом, изучение тактических приемов кочевников является актуальной научной задачей. Под тактикой мы понимаем составную часть военного искусства, включающую теорию и практику подготовки и ведения боя. Основными компонентами тактики являются боевой строй и тактические приемы ведения сражения. Дополнительными элементами тактики являются подготовка сражения, развертывание войск (переход от походного строя в боевой), тактическая разведка, военные хитрости и др.

Материалы и методы

Главным методологическим основанием научных исследований по изучению тактического искусства кочевников традиционно являются принципы историзма, объективности, а также системный подход, состоящий в целостном рассмотрении совокупности объектов, при котором выясняется, что их взаимосвязь приводит к появлению новых интегративных свойств системы.

В рамках применения системного подхода к изучаемому материалу, отдельные тактические приемы и комплексы таких приемов, изучаются, как обособленное и развивающееся целое, состоящее из согласованных, необходимых и достаточных для существования данной системы элементов, каждый из которых обладает способностью к самостоятельному развитию при сохранении целостных характеристик системы.

В рамках системного подхода используются рациональные положения эволюционизма (изменчивость и наследственность) и диффузионизма (заимствование, перенос, смешение). Методика обработки источников определяется задачами исследования. Изучение тактического искусства номадов возможно путем систематизации профильных материалов и изучения их в развитии на протяжении определенного исторического периода. Данные, полученные при анализе письменных источников, дополняются и уточняются изобразительными и вещественными материалами. На этапе реконструкции тактических приемов и боевых построений задействован комплексный подход, основанный на сопоставлении письменных, вещественных, и изобразительных источников.

Обсуждение

Первые работы по военному делу монгольских и тюркских номадов, в которых затрагивались вопросы их тактического искусства, появились во второй половине XIX в.

Так, в частности, генерал-лейтенантом М.И. Иваниним, на основании анализа письменных источников и т.н. «Уложения Тимура» были выполнены описания и чертежи построений среднеазиатских армий второй половины XIV в. [1] Признавая исключительную важность работы Иванина для отечественной науки, тем не менее необходимо отметить, что авторство Тимура применительно к тексту «Уложения» продолжает оставаться предметом научной дискуссии. Высказывались предположения, что документ был составлен значительно позднее конца XIV–XV вв. Так, в частности, В.В. Бартольд, проанализировав текст «Уложения», предположил, что он был написан в Индии не ранее XVII в. [2]

В советский период отдельные аспекты монгольской и тюркской тактики ведения полевого сражения XIII–XV вв. были рассмотрены в работах Е.А. Разина и А.А. Рослякова [3; 4].

Однако узость источниковой базы, не позволила российским и советским исследователям второй половины XIX – середины XX вв. реконструировать конкретные тактические приемы кочевников и проследить их эволюцию на протяжении эпохи Средневековья и Нового времени. Планомерное изучение тактического искусства тюркских и монгольских номадов на основе комплексного анализа вещественных, изобразительных и письменных источников началось в последней четверти XX в.

Из работ последних десятилетий можно выделить статьи и монографии М.В. Горелика [5; 6], Ю.С. Худякова [7; 8], И.М. Миргалеева [9], И.Л. Измайлова [10], Р.П. Храпачевского [11; 12], А.К. Кушкумбаева [13; 14].

Определенная работа по изучению монгольской, ойратской и казахской тактики ведения полевого сражения была проделана и авторами настоящей публикации [15-19].

Несмотря на известные успехи, достигнутые в сфере изучения тактики номадов, данную тему сложно считать исчерпанной. К числу актуальных научных задач следует отнести изучение базовых тактических приемов кочевников Великой степи, а также их эволюцию на протяжении эпохи Средневековья и раннего Нового времени.

Целью настоящей статьи является выявление характерных особенностей одного из важнейших тактических приемов монгольских войск XIII в., получившего известность под названием «*тулгама*».

Результаты

В отличие других тактических приемов номадов («хоровод», притворное отступление и др.) «тулгама» долгое время не ставилась объектом специального научного исследования. Как правило, она кратко упоминалась авторами общесторических трудов посвященных народам Великой степи XV–XVI вв. без детального анализа собственно военно-тактических особенностей данного маневра [20-22].

В результате, в современной научной литературе рассматриваемый тактический прием получил весьма разнообразные толкования, вплоть до самых экзотических. Так, например, некоторые авторы определяют его, как «таранный» (!) удар сокрушающий фланг противника.

Это тем более удивительно, что содержание и смысл этого маневра были подробно описаны современниками событий. Классическим описанием «тулгама» может считаться сообщение знаменитого потомка Тимура правителя Ферганы (а в дальнейшем основателя Империи Великих Моголов) Захириддина Бабура, который столкнулся с данным тактическим приемом кочевников Дашт-и Кипчак в сражении у Ходжа Кардзана в 1501 г. Детальное описание маневра позволяет реконструировать все основные этапы его выполнения (рис. 1).

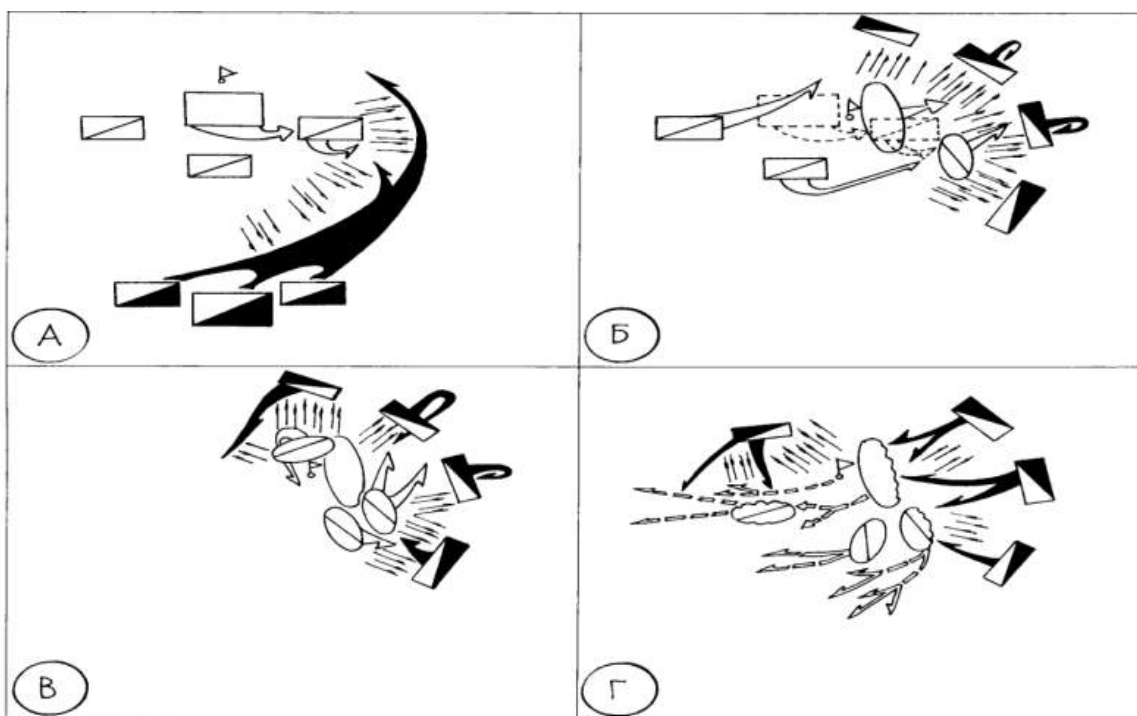

Рис. 1. Правифланговая «тулгама» на примере сражения у Ходжа Кардзана.
Реконструкция Боброва Л.А.

Рассмотрим сообщение Бабура подробнее: «Когда ряды сблизились, враги стали заходить краем правого фланга нам в тыл [здесь и далее курсив наш – Л.Б.]; тут я повернулся к ним фронтом и наш авангард, куда были записаны все наличные йигиты, выдавшие битвы и рубившиеся мечом, оказались на правой руке; перед ним [авангардом] не осталось ни одного человека. Все же мы отбили и отгеснили врагов, вышедших вперед, и прижали их к центру... Правый фланг врага, потеснив наш левый фланг, зашел нам в тыл. Так как наш авангард тоже остался на правой руке, то наш фронт оказался оголенным. Люди неприятеля напали на нас спереди и сзади и начали пускать стрелы... Мы несколько раз нападали на противника и с боем отгесняли его; наши передовые тоже ходили в наступление. Люди, которые зашли нам в тыл, также приблизились и начали пускать стрелы прямо в наше знамя [т.е. в сторону ставки командования]; они напали спереди и сзади и наши люди дрогнули. Великое искусство в бою узбеков эта самая «тулгама». Ни одного боя не бывает без тулгамы» [23].

Таким образом «тулгама» представлял собой особый тактический прием, который предусматривал охват фланга (флангов) противника с выходом в тыл и нанесением массированного лучного удара по его построениям (рис. 1). Это подтверждается и самим происхождением термина, который образован от тюркского глагола «тулгамак», то есть «окружить, обернуть, обратить, кружить, крутить» [21]. Особо оговоримся, что для обозначения маневра по охвату и окружения противника мы применяем тюркский термин «тулгама». Оригинальное монгольское название данного тактического приема в настоящее время не установлено.

Охват фланга вынуждал вражеских военачальников начать спешный разворот своих воинских подразделений лицом к атакующим (рис. 1 а), что приводило к нарушению боевых порядков, но не

решало тактической задачи, так как кочевники продолжали осыпать перестраивающихся вражеских воинов стрелами, как с фронта, так и с фланга и с тыла (рис. 1 б). В случае необходимости, номады повторно обходили войска противника с фланга, что еще более усиливало неразбериху в его рядах (рис. 1 в). Контратаки обороняющихся не приводили к желаемому результату, так как легкие степные лучники уходили из под удара конницы противника, а затем, снова возвращались на поле боя (рис. 1 б, в). При этом вражеские войска, вынужденные совершать непредусмотренные планом боя развороты и перестроения под ливнем стрел, неизбежно нарушали строй. В конечном счете, это приводило к смешению рядов и отступлению войск противника (рис. 1 г).

Главная роль при выполнении классического «тулгана» (как и в «хороводе») отводилась массированной лучной стрельбе. Ни о каком «таранном» ударе, упоминаемом некоторыми современными авторами, речь в источниках не идет. Рукопашная схватка не исключалась при выполнении маневра, но не являлась его обязательным элементом. Главное отличие «тулгана» от «хоровода» заключалось в том, что в первом случае приоритет отдавался маневру, а обстрел противника велся не только с фронта, но и с фланга и с тыла. Однако нельзя исключать, что «тулган» могла включать в себя (как составные части атаки) и «хороводы» конных лучников [19].

Представляется возможным выделить три основных разновидности рассматриваемого тактического приема: правофланговая, левофланговая и парная (двойная) «тулган».

Наиболее типичной являлась правофланговая «тулган», при выполнении которой кочевники, атаковали левое крыло противника своим правым флангом (рис. 1). Доминирование данной разновидности маневра вполне объяснимо, так как в этом случае атакующие лучники могли беспрепятственно вести стрельбу по врагу из максимально удобного положения (влево-вперед, влево, и влево-назад), что было бы затруднительно, если бы противник находился справа от атакующей конницы. Тем не менее, в некоторых случаях, чтобы маневр был неожиданностью для противника, он осуществлялся левым флангом (левофланговая «тулган»), или двумя флангами одновременно (парная «тулган») [24]. Следует, также подчеркнуть, что «тулган» могла осуществляться, как фланговыми отрядами, так и всей армией целиком (рис. 1).

Вопрос о времени появления «тулгана» в военном искусстве номадов остается открытым. Можно предполагать, что он уходит корнями в периоды поздней Древности и раннего Средневековья. Однако первые подробные и достоверные сведения о применении «тулгана» степными военачальниками относятся к периоду Великих монгольских завоеваний XIII в.

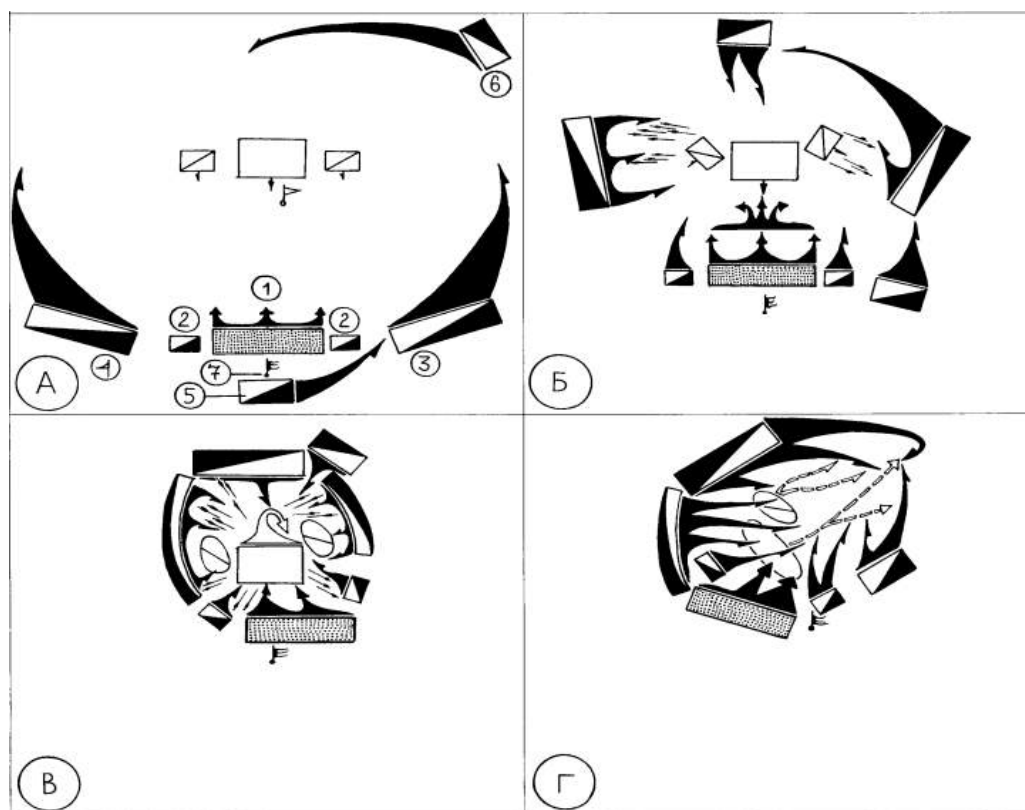

Рис. 2. «Монголо-татарская» парная (двойная) «тулган» XIII в. Реконструкция Л.А. Боброва.

Еще до провозглашения Темучина Чингиз-ханом, вокруг будущего «Потрясателя Вселенной» сплотились военачальники и воинские группы, прославленные среди монголов, как мастера охвата и окружения вражеских войск. Так, например, говорили об уруудцах и манхудцах (мангутах)

характеризуя которых Джамуха особо подчеркивал, что «...окружить кого – это им как раз подобает» [25].

Опираясь на весьма совершенную военную организацию армии и суровую военную дисциплину, полководцы Чингиз-хана и его приемников довели данный маневр до высокой степени совершенства [19].

В полевом сражении монголы охватывали фланг(и) противника, заходили ему в тыл, одновременно засыпая его стрелами. Материалы рассматриваемого периода фиксируют факты применения воинами Чингиз-хана и его приемников, как правофланговой, так и левофланговой «*тулгамы*». Однако наиболее типичным тактическим приемом монголов первой половины-середины XIII в. была двойная (парная) «*тулгама*», когда кочевники пытались обойти не один, а оба вражеских фланга (рис. 2).

Целью маневра было не просто сбить противника с позиций, но и окружить вражескую армию, замкнув ее в кольцо (рис. 2 а, б), после чего осуществить нападение со всех четырех сторон (рис. 2 в). Подобный прием позволял не только нанести поражение войскам противника, но и практически совершенно уничтожить их.

Необходимо отметить, что нужный военно-тактический баланс был найден далеко не сразу. По указанным выше причинам, связанным с особенностями ведения лучного боя, правофланговая «*тулгама*» была более эффективна, чем левофланговая. Поэтому, ведущая роль в сражении обычно отводилась правому крылу армии, в то время, как левое играло вспомогательную роль.

Чтобы левый фланг мог действовать активно, страхуя и поддерживая правый, монголам потребовалось время и новый боевой опыт. Так, например, в сражении Джучи с хорезмийцами в 1218 г. монголы обошли и разгромили левый фланг армии султана Мухаммеда и уже начали теснить ее центр, когда выяснилось, что хорезмийцы опрокинули левое монгольское крыло, чем выровняли положение на поле боя [26].

Из данной ситуации были сделаны правильные выводы. И уже в сражении 1221 г. усиленный левый фланг монголов не только эффективно поддержал атаку правого крыла, но и сыграл решающую роль в победе над среднеазиатской армией [27; 10].

По мере накопления боевого опыта, отработанный в боях с цзиньскими чжурчжэнями и хорезмийцами тактический прием стал одним из ключевых элементов тактического искусства монголов [19]. Практически идентичные описания данного маневра оставили китайские, мусульманские и европейские авторы XIII в. Приведем некоторые из них.

ПэнДа-я и Сюй Тин (1237 г.): «...выигрыш темпа для тактического приема [черных татар] *сосредоточить войска слева, справа и сзади* [противника]. И как только войска замкнут [окружение] со всех четырех сторон, то те, которые выполнили [маневр] самыми последними, дают [сигнальный] звук [барабана] «гугуй». [Черные татары] с четырех сторон и восьми направлений откликаются (на него), одновременно объединяют силы и все вместе наносят удар» [28].

Плано Карпини (1246 г.): «Когда же они желают приступить к сражению, то располагают все войска так, как они должны сражаться... Пред лицом врагов они посылают отряд пленных и других народов, которые находятся между ними; может быть, с ними идут и какие-нибудь татары. *Другие отряды более храбрых людей они посылают далеко справа и слева*, чтобы их не видели их противники, *и таким образом они начинают сражаться со всех сторон...они всегда стараются замкнуть своих неприятелей в середине*; отсюда должно сильно остерегаться, чтобы они не имели возможности сделать это, потому что в таком случае войско легче всего терпит поражение» [29].

Ц. де Бридиа (1247 г.): «Когда же они должны сойтись с врагами, многие из них вооружаются большим количеством колчанов и стрел, и прежде чем стрелы противника достигнут их, они выпускают свои, даже если это преждевременно и они не могут выпускать [стрелы] прицельно. А когда они могут достать [противника] стрелами беспрепятственно, говорят, что [это напоминает] скорее дождь, чем летящие стрелы. И это [происходит] по причине крайней густоты [летящих] стрел. Если же они застают врагов неготовыми [к сражению], то *неожиданно окружают их, словно веном*[то есть со всех сторон]» [30].

Если окруженный противник упорно сопротивлялся, то монгольские полководцы намеренно открывали проход в рядах своих войск (рис. 2 г). Окруженные, увидев «спасительный путь» к отступлению, смешивали свои боевые порядки и устремлялись в этот ложный «коридор», после этого, монгольские воины беспрепятственно убивали бегущих. В ходе военных кампаний в Восточной Азии монголы эффективно применяли данную военную хитрость против цзиньских армий: «Монгольские войска, соединившись с войсками из Хайбэя, окружили их [чжурчжэней] со всех четырех сторон... пользуясь изнуренностью и расслаблением войск противника, *монголы открыли им дорогу в Цзень-чжеу и пропустили, между тем со свежими войсками ударили с двух сторон, отчего нючжэньская армия пришла в смятение*. Крики подобны были обрушившейся горе».

С не меньшим успехом данным тактическим приемом монгольские полководцы пользовались на другом краю континента, во время походов в Европу: «...гонят их [врагов] по одному [специально оставленному] пути, с тем чтобы они побежали, и как бы обрушиваются на них, метая без меры [стрелы]. Так что если кто-либо в середине [не продолжает] сражаться, то погибает, спасаясь бегством» [30]. Ту же военную хитрость подробно описал Плано Карпини: «А если случайно

противники удачно сражаются, то татары устраивают им дорогу для бегства, и сразу, как те начнут бежать и отделяться друг от друга, он их преследуют и тогда, во время бегства, убивают больше, чем могут умертвить на войне» [29].

Эффективность приема «тулгана» демонстрирует и тот факт, что даже самые смелые и талантливые противники монголов не могли ничего противопоставить данному тактическому маневру кочевников. Яркой иллюстрацией данного военно-исторического феномена является сражение хорезмийской армии Джалал ад-Дина с войсками Чингиз-хана у р. Инд в 1221 г. (рис. 3; 4).

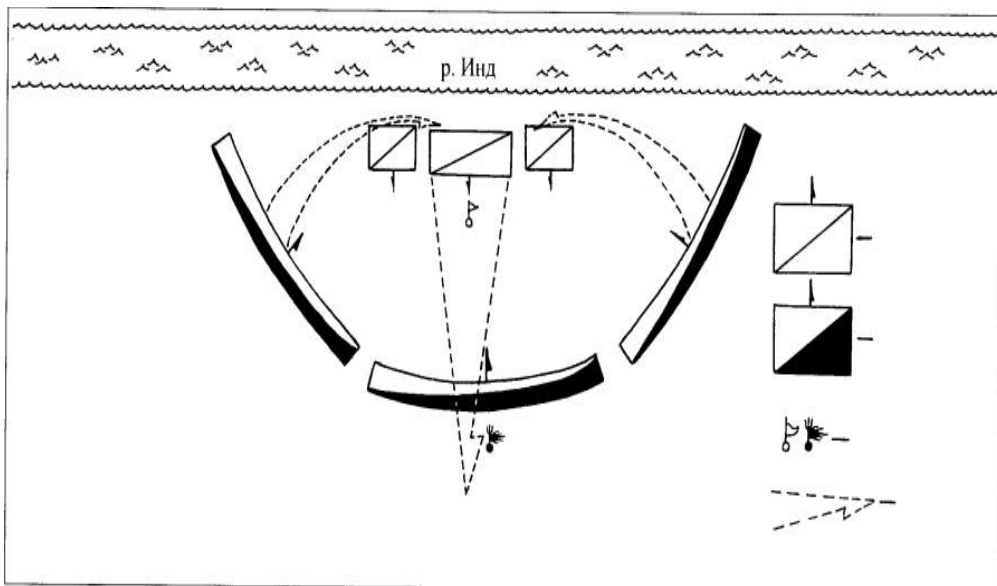

Рис. 3. Расположение и планы монгольских и хорезмийских войск перед битвой у р. Инд в 1221 г. Реконструкция Боброва Л.А.

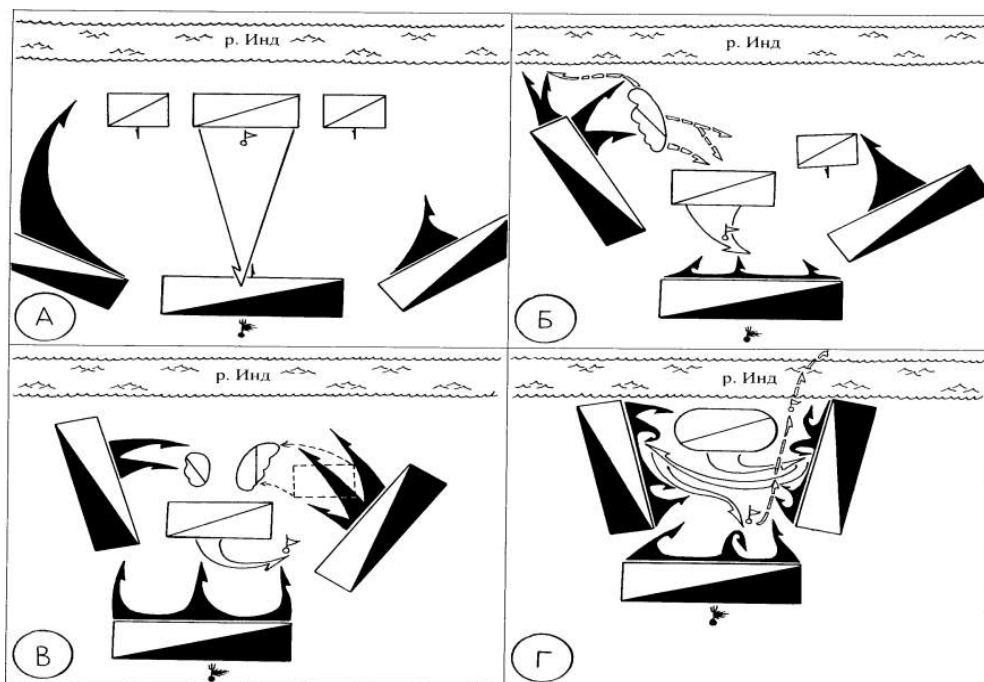

Рис. 4. Битва у р. Инд в 1221 г. Реконструкция Боброва Л.А.

Согласно сообщениям авторов XIII - начала XIV вв., как монгольская, так и хорезмийская армия имели трехчленное построение (центр и два крыла), при этом, за спиной хорезмийцев была р. Инд. Султан Джелалад-Дин находился в центре боевого построения, где были собраны его лучшие отряды. Ход сражения свидетельствует, что Джалал ад-Дин предполагал мощным фронтальным ударом прорвать центр монгольской армии в то время, как фланговые отряды хорезмийцев должны были прикрывать тылы наступающей конницы (рис. 3).

Монгольская армия была выстроена в форме полумесяца. Крылья построения были выдвинуты в сторону хорезмийцев, что исключало неожиданный прорыв Джалал ад-Дина вдоль речного берега. Если хорезмийский султан усилил свой центр, то Чингиз-хан главную роль отводил фланговым

группировкам, которые должны были совершить тактический прием «тулгاما», охватить крылья хорезмийской армии, окружить ее или прижать к воде (рис. 3). Главная роль в сражении Чингиз-хан отводил левому крылу своей армии, где были собраны отборные тысячи «бахадуров».

Согласно данным современника событий Ан-Насави в начале сражения, хорезмийская конница атаковала и прорвала центр монгольской армии, однако 10 тыс. монгольских всадников «из числа отборных воинов, имевших титул бахадуров... *вышли на правый фланг Джалал ад-Дина, где находился Амин-Малик, и разбили его, отбросив к центру.* Вследствие этого расстроился боевой порядок [Джелал ад-Дина] и была поколеблена его стойкость. Битва прошла, [оставив] погибших, обогранных кровью [раненых], утонувших в реке» [31].

Еще более подробное описание данной битвы оставил Ала ад-дин Ата Малик ибн Мухаммед Джувайни (1226-1283): «Победоносное войско Властелина Семи Стран *атаковало правый фланг, которым командовал Амин-Мелик, и они [хорезмийцы] были отброшены назад, и большая их часть убита.* Амин-Мелик обратился в бегство и помчался в Пешевар, надеясь, что резвость его коня спасет ему жизнь. Но монголы перекрыли дороги и он был убит в пути. *Левый фланг также был оттеснен назад, но султан стойко держался в центре с семьями воинами и сражался с рассвета до полудня, нападая слева на правый фланг, а оттуда на центр противника;* и в каждой схватке он укладывал наземь несколько человек. *Но войско Чингисхана продолжало наступать, и численность его с каждым часом все увеличивалось, и султана уже негде было повернуться.* Схожие данные сообщает и Рашид-ад Дин. Приведенные описания позволяют реконструировать ход сражения у р. Инд следующим образом (рис. 4). Пока хорезмийская конница атаковала центр монгольской армии, отборные войска номадов собранные на левом фланге совершили маневр «тулгاما» и разгромили правый фланг хорезмийцев (рис. 4 а, б). Правое крыло монголов, в свою очередь, повторило тот же тактический прием и потеснило противостоящих ему воинов Джелал ад-Дина (рис. 4 б, в). Последний, постарался спасти положение на флангах, однако его отчаянные попытки контратаковать отборные войска «бахадуров» (совершивших левофланговую «тулгаму»), а затем центр монгольской армии не позволили выправить положение и Джелал ад-Дин был вынужден бежать, бросившись с оружием и на коне в р. Инд (рис. 4 г).

Результаты

Завершая обзор особенностей классического («монголо-татарского») «тулгاما» XIII в. отметим, что данный тактический прием весьма точно соответствовал стрелковому комплексу монголов, который был ориентирован на ведение боя преимущественно на малой и средней дистанции. Для этой цели служили более простые (по сравнению с хуннскими и древнетюркскими прототипами), но более надежные сложносоставные луки «монгольского типа» с центральной веслообразной накладкой, а также стрелы с широкими плоскими наконечниками ассиметрично-ромбической или секторной формы, которые впоследствии получили широчайшее распространение среди народов Великой Монгольской империи от ее столицы Каракорум до Северного Кавказа [7, 32].

Как показали экспериментальные испытания, используемые монголами стрелы были менее устойчивы в полете, чем их трехлопастные аналоги, а, значит, менее эффективны при прицельной стрельбе на дальней дистанции, зато при стрельбе на расстоянии до 100 м. они давали исключительный поражающий эффект. Тяжелые плоские наконечники с широким лезвием наносили страшные широкие раны, приводившие к обильной кровопотере. Выполняя «тулгاما» (охватывая фланг противника) монголы отряд за отрядом пронеслись мимо вражеского строя, засыпая его стрелами. Благодаря тому, что стрельба велась с минимальной (или средней) дистанции она приводила к чудовищным потерям среди обороняющихся воинов и их боевых коней. Смертоносный «ливень» буквально выкашивал построения противника, заставлял паниковать, провоцировал на неподготовленную атаку или обращал в бегство. Если противник решался контратаковать, то монголы, отходили назад, увеличивая дистанцию, но не разрывали строй и не прекращали засыпать противника стрелами. Для такой стрельбы на дальней дистанции монголы сохранили в своем саадном наборе стрелы с небольшими легкими наконечниками с трехлопастным или Z-образным в сечении пером. Это позволяло военачальникам Чингиз-хана и его преемников сделать тактический рисунок сражения максимально гибким, меняя дистанцию стрельбы в зависимости от особенностей боевой обстановки [19].

Прием «тулгاما» оказал значительное влияние на военное дело номадов в целом и эволюцию боевого строя в частности [19]. В основе монгольского тактического искусства эпохи Великих завоеваний лежали две базовые идеи: идея прорыва (сокрушения) боевых порядков противника и идея охвата (окружения) врага. И если для реализации первой из них служил прием «*шиучи*» («долото») и соответствующий ему глубоко эшелонированный строй с мощным центром и ослабленными, или вовсе отсутствующими фланговыми отрядами [19], то для осуществления идеи охвата (окружения) идеально подходил прием «тулгاما» и развернутый месяцевидный строй с усиленными флангами выдвинутыми в сторону противника. Данный строй получил известность под названием «Номонтулхикурбайри» («Лук-ключ»), «Гусиные крылья» или «Хилаял» («Полумесяц»).

В своем классическом варианте развернутый месяцевидный строй состоял из пяти или шести основных элементов. Основную линию построения формировали центр («гол») и мощные фланги

(«гар») (рис. 2а, № 1-4). К трем частям основной линии построения, часто добавлялись авангард («манкыла», «туму») и аррьергард-«кечка» (резерв и/или засада) (рис. 2а, №5, 6). Интересно, что тюркские правители, военачальники и историки Средней Азии второй половины XVI в. возводили пятичастное боевое построение именно к воинской практике эпохи Чингиз-хана: «*В соответствии с тем, как это было принято у Чингиз [-хана], выделили правое крыло, левое крыло, центр, аррьергард и [часть], которая должна быть в засаде*» [33].

Для современно читателя подобный боевой порядок представляется типичным для войск степняков, тем более что схожие варианты построений мы встречаем в боевой практике номадов раннего и развитого Средневековья. Однако, не исключено, что подобное расположение войск на поле боя (рис. 4а) было действительно закреплено в качестве основного варианта боевого построения именно Чингиз-ханом.

В пользу данной версии свидетельствуют примеры военной практики номадов позднего Средневековья, которые продолжали scrupulously следовать установлениям «Потрясателя Вселенной» даже в значительно более мелких деталях. Будущий завоеватель Индии – Бабур, описывая боевой строй кочевников Моголистана начала XVI в., отмечал, что они не только сохраняли тактические порядки эпохи Чингиз-хана, но даже место каждого степного рода в этом строю: «Среди моголов установления Чингиз хана до сих пор таковы, как их учредил Чингиз хан. [Бойцы] правого крыла стоят на правом крыле, левого крыла – на левом крыле, середины – в середине; все из рода в род стоят на местах, указанных в ярлыке [Чингиза]» [23].

Каждая часть монгольского боевого построения состояла из более мелких отрядов во главе со своими командирами. Так, например, Марко Поло приводит сведения, что строй армии Хулагу, Берке, Токты и Ногая формировался соответственно из 30, 35, 20 и 15 отрядов [34]. Уже в ходе первых заграничных военных компаний монголы стали пополнять свои войска иноэтническими контингентами: тюрками, чжурчжэнями, киданями, китайцами и т.д.

По данным Плано Карпини, центр монгольской армии в первой половине XIII в. мог состоять из плененных и предателей покоренных народов (рис. 2а, № 1), усиленных некоторым количеством собственно монголов (рис. 2а, 2), в то время, как ударные фланги совершавшие охват построений противника (рис. 2а, № 3, 4) составлялись из «более храбрых людей» [29].

Роль элитных «штурмовых» подразделений армии Чингиз-хана и его преемников выполняли так называемые «войска батуров». В их состав отбирались наиболее сильные и опытные воины, получавшие (во время правления Чингиз-хана и Угэдэя) повышенный продовольственный паек и относящиеся к элите монгольской армии и общества [28; 35].

Можно предполагать, что в полевых сражениях воины «свирепого войска батуров» могли располагаться, как в центре боевых порядков (позади упомянутых Плано Карпини «пленных» и войск покоренных народов), так и в ударных отрядах на флангах армии (как например, в упомянутой выше битве с хорезмийцами у р. Инд в 1221 г.).

Ставка военачальника и главное знамя обычно находились в центре построения на возвышенности, чтобы полководец мог контролировать ход сражения и управлять войсками (рис. 2, №7).

Согласно Плано Карпини: «*Вожди или начальники войска не вступают в бой, но стоят вдали против войска врагов...*» [29]. По данным Марко Поло: «*Великий хан...стоял на возвышении, в теремце на четырех слонах; высоко поднялось его знамя, отовсюду было видно...*» [34].

Характерной особенностью монгольского строя являлись выдвинутые вперед фланговые группы, благодаря которым основная линия построения войск представляла собой полумесяц обращенный рогами к противнику (рис. 2а; 3; 4а). Эту особенность развернутого монгольского строя, ориентированного на охват и окружение войск противника, очень точно подметил Ц. де Бридиа (1247 г.): «*Ядро войска располагают вокруг триумфального знамени в центре в великом множестве [воинов], а на флангах помещают два меньших [войска], с каждой стороны по одному на малом расстоянии [от центра] и сильно выступающие вперед*» [30].

Такой месяцевидный строй напоминал по форме лук, что нашло отражение в позднейшей военной терминологии монголов. Так, например, в период позднего Средневековья подобный строй носил название «*Номонтулхикурбайри*» («Лук-ключ»). Использовался ли данный термин в XIII в. неизвестно, однако авторы начала XIV в. применяли подобные сравнительные параллели. Так, например, Рашид ад-Дин, описывая бой Чингиз-хана с Джалал ад-Дином отмечал, что: «*Монгольские войска со (всех) сторон окружили султана; они встали несколькими полукружьями друг за другом наподобие лука, а река Синд была как бы тетива...*» [36].

Другим термином, который, возможно, применялся для обозначения развернутого строя в форме полумесяца, был «гусиные крылья». Так, по Ган-му, в сражении с цзиньской армии монголы «выстроились наподобие гусиных крыльев», и, действуя тремя «колоннами» (центр и два фланга?) зашли в тыл и окружили чжурчжэней [19].

Заключение

Завершая обзор маневра «тулгама» в тактическом искусстве монголов первой половины XIII в. необходимо отметить, что в этот период идея окружения армии противника путем охвата его флангов

уже прочно вошла в военную практику Чингиз-хана и его приемников. Рост значения данного тактического приема стимулировал рост популярности развернутого месяцевидного строя снабженного мощными крыльевыми группами. Стремление повысить эффективность приема «тулгана» за счет концентрации ударных войск на флангах (усиленных, том числе, за счет ослабления центрального полка) резко отличало тактику монголов от традиционной тактики тюрков раннего и развитого Средневековья у которых наиболее многочисленные и хорошо вооруженные отряды обычно составляли центр боевого построения [3; 37].

Прямое столкновение этих двух подходов в ходе военных кампаний первой половины XIII в. продемонстрировало преимущества монгольской тактической схемы над другими народами [38].

Месяцевидное построение позволяло максимально эффективно использовать главные оружейные и военно-тактические преимущества кочевников: мобильность (обеспеченную великолепным конским парком) и превосходство в дистанционном бою (за счет массового применения мощных сложносоставных луков).

Развернутые и выдвинутые вперед фланги минимализировали возможность охвата армии противником и, в то же время, создавали условия для проведения приема «тулгана» с последующим окружением вражеской армии. Наконец, данное построение было актуально при ведении, как наступательного, так и оборонительного сражения. Все эти факторы обусловили исключительно длительное существование данного строя в военном искусстве тюркских и монгольских кочевников [18].

Благодарность

Исследование проведено по проекту № 2718 в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России.

Примечания

1. Иванов М.И. Состояние военного искусства у среднеазиатских народов // О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингисхане и Тамерлане. СПб.: Тип. «Общественная польза», 1875. С. 129–231.
2. Бартольд В.В. Сочинения. М., 1964. Т.2. Ч.2. 600 с.
3. Разин Е.А. История военного искусства. М.: Наука, 1957. Т. 2. 652 с.
4. Росляков, А.А. Военное искусство народов Средней Азии и Казахстана в VI–XV вв. // Учен. зап. Туркм. гос. ун-та. Ашхабад, 1962. Вып. 21. С. 207–244.
5. Горелик М.В. Степной бой (из истории военного дела татаро-монголов)// Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Н., 1990. С. 155-160.
6. Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV вв. Воинское искусство, снаряжение, оружие. М.: ООО «Вост. горизонт», 2002. 84 с.
7. Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого Средневековья. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 189 с.
8. Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого Средневековья. Новосибирск: Ин-т археол. и этногр. СО РАН, 1997. 159 с.
9. Миргалеев И.М. Битвы Тохтамыш-хана с Аксак Тимуром// Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Казань, 2011. С. 170-182.
10. Измайлов И.Л. Военное искусство // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 422-431.
11. Храпачевский Р. П. Военная держава Чингисхана. М. : АСТ, 2004. 557 с.
12. Храпачевский Р.П. Армия монголов периода завоевания Древней Руси. М.: Квадрига, 2011. 264 с.
13. Кушкумбаев А.К. Институт облавных охот и военное дело кочевников Центральной Азии. Сравнительно-историческое исследование. Кокшетау: «Келешек-2030», 2009. 170 с.
14. Кушкумбаев А.К. Значение засады в монгольской стратегии и тактике ведения боевых действий // Золотоордынская цивилизация. Вып. 5. Казань: ООО «Фолиант», 2012. С. 181-192.
15. Бобров Л.А. Вооружение и тактика восточных и западных монголов в эпоху позднего Средневековья (XVII в.) // Историко-культурное наследие Северной Азии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 11–19.
16. Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII вв.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. 770 с.
17. Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее Средневековье и Новое время. Учебное пособие. Н.: Новосиб. Гос. Ун-т, 2010. 288 с.
18. Бобров Л. А. Казахская тактика ведения боя в конном строю в конце XV- XVI вв. // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Ч.1. СПб: «ВИМАИВиВС», 2013. С. 231-258.

19. Кушкумбаев А.К., Бобров Л. А. Монгольская тактика ведения степного боя// Военное дело кочевников Казахстана и сопредельных стран эпохи Средневековья и Нового времени. Астана: ИП «BG-print», 2013. С. 5-47.
20. Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков. М.: Наука, 1965. 194 с.
21. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: «Рауан», 1992. 374 с.
22. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государство и народы евразийских степей. Древность и Средневековье. СПб.: «Петербургское востоковедение», 2000. 307 с.
23. Бабур-наме. Записки Бабура. Ташкент : Ин-т востоковедения АН РК, 1993. 464 с.
24. Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата : Наука (Казахская ССР), 1969. 620 с.
25. Дмитриев С. В. Элементы военной культуры монголов (на примере анализа сражения в местности Калааджит-Элет)// Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра СО РАН, 2004. С. 363-380.
26. Золотая Орда в источниках. Т. 1. Арабские и персидские сочинения. М.: «Наука», 2003. 448 с.
27. Иванин М.И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингис-хане и Тамерлане. Улан-Удэ: ОАО «Республиканская типография», 2007. 256 с.
28. Золотая Орда в источниках. Т.3. Китайские и монгольские источники. М.: «Наука», 2009. 336 с.
29. Плано Карпини. История монголов. М.: «ТАУС», 2008. 96 с.
30. Христианский мир и "Великая Монгольская империя". Материалы францисканской миссии 1245 года. М.: Евразия. 2002. 126 с.
31. Шихаб-дин ан-Насави. Сират ас-султан Джалалад-ДинМанкбурны. М.: Восточная литература. 1996. 804 с.
32. Сальников А.В. Золотоордынский аспект влияния на развитие вооружения народов Северного Кавказа XIII-XIV вв. // Глобальный научный потенциал. 2014. №11(44). С. 70-71.
33. Хафиз-и Таныш ибн Мир Мухаммад Бухари. Шараф-нама-йи шахи (Книга шахской славы). Часть 1. М.: Наука, 1983. 254 с.
34. Поло М. Книга о разнообразии мира. М.: ЭКСМО, 2005. 480 с.
35. Kradin N.N. Heterarchy and hierarchy among the ancient Mongolian nomads // Social Evolution & History. 2011. № 1. P. 187-214.
36. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.1. Кн.2. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 404 с.
37. Юнусов А.С. Военное дело тюрков в VII–X вв. (по арабским источникам) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Н., 1990. С. 97-105.
38. Hall T.D. Mongols in world-system history // Social evolution and history. 2005. №2. P. 89-118.

References:

1. Ivanin M.I. The State of the military art from Central Asian peoples // the military art, and conquests of the Mongol-Tatars and Central Asian peoples when Genghis Khan and Tamerlane. SPb.: Type. "Public benefit", 1875. P. 129-231.
2. Bartold V.V. Composition. M., 1964. Vol. 2. Part 2. 600 p.
3. Razin E.A. History of the military art. M.: Nauka, 1957. Vol. 2. 652 p.
4. Roslyakov A.A. Military art of peoples of Central Asia and Kazakhstan in the VI–XV centuries]. Exercises. Zap. Turkm. state University. Ashgabat, 1962. Vol. 21. P. 207-244.
5. Gorelik M.V. Steppe fight (from the history of warfare of the Mongols)// Military of ancient and medieval population of North and Central Asia. N., 1990. P. 155-160.
6. Gorelik M.V. Army of the Mongol-Tatars X–XIV centuries, martial arts, gear, weapons. M.: OOO "East horizon", 2002. 84 p.
7. Khudyakov Y.S. Arms of the Central Asian nomads in the early and developed middle Ages. Novosibirsk :Nauka. Sib. - DEP, 1991. 189 p.
8. Khudyakov Y.S. Armed nomads of South Siberia and Central Asia in the era of the middle Ages. Novosibirsk: Institute of archeology and ethnographical. SB RAS, 1997. 159 p.
9. Mingaleev I.M. The Battle of Tokhtamysh Khan with Aksak Timur// Military Affairs of the Golden Horde: the problems and prospects of studying. Kazan, 2011. P. 170-182.
10. Izmailov I.L. Military art // History of Tatars from ancient times in seven volumes. T. III. Kazan: Institute of history. Mardjani an RT, 2009. P. 422-431
11. Grachevskiy R.P. Military power of Genghis Khan. Moscow : AST, 2004. 557 p.
12. Grachevskiy R.P. Army of the Mongols conquest of Ancient Russia. M: Quadriga, 2011. 264 p.
13. Kushkumbaev A.K. Institute battue Okhotsk and military Affairs of Central Asian nomads. Comparative-historical research. Kokshetau: "KELESHEK-2030", 2009. S. 170.
14. Kushkumbaev A.K. the Value of an ambush in the Mongol strategy and tactics of warfare // Golden Horde civilization. Vol. 5. Kazan: LLC "Folio", 2012. P. 181-192.

15. Bobrov L.A. Armament and tactics of the Eastern and Western Mongols in the late middle Ages (XVII) // Historical and cultural heritage of Northern Asia. Barnaul: Publishing house of Alt. Universitypress, 2001. P. 11-19.
16. Bobrov L.A., Khudyakov Y.S. Weapons and tactics of the nomads of Central Asia and southern Siberia in the late middle Ages and the modern age (XV – first half of XVIII centuries). St. Petersburg: Faculty of Philology and arts, St. Petersburg state University, 2008. 770 p.
17. Bobrov L.A., Borisenko A.Y., Khudyakov Y.S. The Interaction of the Turkic and Mongolian peoples with the Russians in Siberia in the military in the late middle Ages and New time. Training manual. N.: Novosibirsk. GOS. Univ., 2010. 288 p.
18. Bobrov L.A. Kazakh tactics of fighting on foot in the last third of the XVI - the middle of XIX century.// War and weapons. New research and materials. Part I. St. Petersburg: "Visavis", 2012. P. 105-135.
19. Kushkumbaev A.K., Bobrov L.A. Mongol tactics of the steppe of the battle// Military nomads of Kazakhstan and neighboring countries of the middle Ages and New time. Astana: FE "BG-print", 2013. P. 5-47.
20. Akhmedov B.A. The State of nomadic Uzbeks. M.: Nauka, 1965. 194 p.
21. Klyashtorny S.G., Sultanov T.I. Kazakhstan. The chronicle of three centuries. Alma-ATA: "Rauan", 1992. 374 p.
22. Klyashtorny S. G., Sultanov T. I. the state and the peoples of the Eurasian steppes. Antiquity and the middle Ages. SPb.: "The Petersburg Oriental studies", 2000. 307 p.
23. Babur-nama. The Memoirs Of Babur. Tashkent, Institute of Oriental studies of the Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, 1993. 464 p.
24. Materials on the history of the Kazakh khanates of the XV–XVIII centuries (taken from Persian and Turkic writings). Alma-ATA: Nauka (Kazakh SSR), 1969. 620 p.
25. Dmitriev S. V. elements of the military culture of the Mongols (on the example of analysis of the battle in the area Kalaaji-Elet)// Mongol Empire and the nomadic world. Ulan-Ude: Publishing house of Buryat scientific center SB RAS, 2004. P. 363-380.
26. The Golden Horde in the sources. Vol. 1. Arabic and Persian works. M.: "Science", 2003. 448 p.
27. Ivanin M. I. About the art of war and conquests of the Mongol-Tatars and Central Asian peoples under Genghis Khan and Tamerlane. Ulan-Ude: JSC "Republican printing house", 2007. 256 p.
28. The Golden Horde in the sources. Vol. 3. Chinese and Mongolian sources. M.: Nauka, 2009. 336 p.
29. Plano Carpini. History of the Mongols. M.: "ALIK", 2008. 96 p.
30. The Christian world and the "Great Mongolian Empire". Materials 1245 Franciscan missions. M. Eurasia. 2002. 126 p.
31. Shahabad-DIN an-Nasawi. Sirat al-Sultan Jalalud-Denmarkbuy. M. Easternliterature. 1996. 804 p.
32. Salnikov V. A. Golden Horde aspect of influence on the development of weapons of peoples of the North Caucasus XIII-XIV centuries.//Global scientific potential. 2014. No. 11(44). P.70-71.
33. Hafiz-and Tanysh Ibn Mir Muhammad Bukhari. Sharaf-nama-Yi Shahi (the Book of the Shah of fame). Part 1. M.: Nauka, 1983. 254 p.
34. Polo M. the Book about the diversity of the world. M.: EKSMO, 2005. 480 p.
35. Kradin N.N. Heterarchy and hierarchy among the ancient Mongolian nomads// Social Evolution & History. 2011. № 1. P. 187-214.
36. Rashid al-DIN. The book of Chronicles. Vol. 1. KN.2. Moscow-Leningrad: Izd-vo an SSSR, 1952. 404 p.
37. Yunusov S. A. Military of Turks in VII-X centuries (according to Arab sources) // Military of ancient and medieval population of North and Central Asia. N., 1990. P. 97-105.
38. Hall T.D. Mongols in world-system history //Social Evolution & History. 2005. №2. P. 89-118.

УДК 903.22

Тактический прием «тулгaма» в военном искусстве монголов XIII в.

¹ Леонид Александрович Бобров

²Алексей Викторович Сальников

¹ Новосибирский государственный университет, Российская Федерация
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090
Доктор исторических наук, доцент
E-mail: spsml@mail.ru

² Северо-Кавказский институт бизнеса, инженерных и информационных технологий, Российская Федерация
Ул. Дзержинского, 62/1, Армавир, 352900
Кандидат исторических наук
E-mail: alexkat_salnikov@mail.ru

Аннотация. В настоящей публикации, на основании комплексного анализа источников, рассмотрен один из важнейших тактических приемов монголов XIII в., получивший известность под тюркским названием «*тулгاما*». Название маневра происходит от тюркского глагола «*тулгамак*», то есть «окружить, обернуть, обратить, кружить, крутить».

Установлено, что маневр «*тулгاما*» представлял собой особый тактический прием, предусматривавший охват фланга (флангов) противника с выходом в тыл и нанесением массированного лучного удара по его построениям. Выделено три разновидности рассматриваемого тактического приема: правофланговая, левофланговая и парная (двойная) «*тулгاما*». Наиболее типичной являлась правофланговая «*тулгاما*», при выполнении которой кочевники, охватывали левое крыло противника своим правым флангом. Это позволяло атакующим лучникам вести стрельбу из максимально удобного положения (влево-вперед, влево, и влево-назад).

Характерной чертой монгольского тактического искусства стала парная (двойная) «*тулгاما*», когда войска кочевников охватывали оба вражеских фланга, заключая армию противника в кольцо, после чего нападали на нее со всех четырех сторон. Подобный прием позволял не только сбить с позиции, но и практически совершенно уничтожить вражеские войска. Для максимально эффективного применения маневра «*тулгاما*» монголы стали все чаще использовать развернутый месяцевидный строй, с мощными выдвинутыми вперед фланговыми группами.

Концентрации ударных войск на флангах (усиленных, том числе, за счет ослабления центрального полка) резко отличало тактику монголов от традиционной тактики тюрков, у которых лучшие части обычно составляли центр боевого построения. Однако прямое столкновение этих двух подходов в ходе военных кампаний XIII в. продемонстрировало преимущества монгольской тактической схемы. Высокая эффективность приема «*тулгاما*» обусловила его длительное существование в военном искусстве кочевников.

Ключевые слова: тулгاما, окружение, фланг, номады, монголы, завоевания, заимствования.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 38, Is. 4, pp. 798-807, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 904;393;282

The History of Islam in Western Siberia: Interdisciplinary Approach to Chronology and Periodization

¹Sergey F. Tataurov
²Mikhail A. Korusenko

¹Omsk State University n.a. F.M. Dostoevskiy, Russian Federation
644077, Omsk, Prospekt Mira, 55-A
PhD (History), Associated Professor
E-mail: TatSF2008@rambler.ru

²Omsk State University n.a. F.M. Dostoevskiy, Russian Federation
644077, Omsk, Prospekt Mira, 55-A
PhD (History), Associated Professor
E-mail: otto.link@gmail.com

Abstract

The article is devoted to the problem of determining the period and mode of the spread of Islam in Western Siberia. The authors analyze the criteria for singling out the evidence of Muslim burial rite in the materials of burial complexes of the XIII-XVIII centuries. Historical, ethnographical and archeological approaches are analyzed. The authors note uneven study of the problem in the frames of history, ethnography and especially archeology. In the fields of history and ethnography considerable data on the problem of Islam penetration into Western Siberia has been accumulated. Archeology is just approaching the problem. The authors have put forward a hypothesis of the process of introduction of the new religion into the region. In its constraints the factors which affected the spread of Islam among the Turkic-speaking population of Western Siberia have been considered. A conclusion is made about breaking this process into stages of initial penetration, transformation of Islam into the religion of the elite, gradual transition to the formation of the first Muslim communities and ultimate Islamisation of the Siberian Tatars.

Keywords: Western Siberia; the Tatars; archeology; history; ethnography; Islam; penetration; spread; a religious community; foundation.

Введение

Двадцать лет назад, в 1994 г., в Омске с большим размахом была проведена международная научная конференции «Исламская цивилизация в преддверии XXI века (К 600-летию ислама в Сибири)», на которой, по мнению организационного комитета, должны были быть подведены итоги изучения истории распространения ислама в Сибири. Действительно, к концу XX в. сформировалась солидная база научных трудов, посвященных этому процессу. К проблеме исламизации населения Сибири неоднократно обращались такие видные ученые, как В.И. Соловьев, В.В. Радлов, Н.Ф. Катанов, С.В. Бахрушин, Ф.Т. Валеев, Н.А. Томилов и многие другие. На конференции был сделан вывод, что «...в настоящее время ислам проповедуется подавляющим большинством тюркоязычного населения Западной Сибири и, в целом, сибирское мусульманство оценивается как явление всемирно-исторического масштаба» [1, с. 127-133].

На этом форуме диссонансом прозвучал доклад В.И. Соболева, который начинался словами: «Вопросу исламизации населения Западной Сибири в научной работе практически не уделялось внимания. В основном изучению подвергались проблемы традиционных религиозных обрядов и верований. Существующей ситуации есть вполне объективное объяснение – отсутствие в настоящее время широкой источниковой базы» [2, с. 140-142].

Спустя двадцать лет после этого выступления стала очевидна правильность суждений ученого. В настоящий момент круг источников по этой проблеме, прежде всего археологических, по-прежнему сильно ограничен и пока перспективы по его расширению достаточно проблематичны. Источниковая база наиболее хорошо разработана в историко-этнографическом плане, создание археологических источников или ввод их в научный оборот в настоящий момент сильно отстаёт и в методическом плане и в плане репрезентативности данных.

Обсуждение

Историко-этнографический подход к проблеме. Большинство авторов в качестве точки отсчета распространения ислама в Западной Сибири принимают 1394–1395 гг. – поход исламских миссионеров – 365/366 шейхов и 1700 воинов на берега Иртыша, известный нам по двум рукописям, хранящимся в Тобольском государственном музее-заповеднике и опубликованных в свое время Н.Ф. Катановым [3, с. 133-146]. В настоящее время достоверно установлено, что данные рукописи являются списками с так называемой Карагайской рукописи, обнаруженной исследователями-этнографами А.Г. Селезнёвым, И.А. Селезнёвой, И.В. Беличем в начале 2000-х гг. в д. Карагай Вагайского района Тюменской области [4, с. 36-47].

Со времени публикации Н.Ф. Катанова прошло более ста лет и многие погребальные комплексы, упомянутые в этих рукописях, были найдены и осмотрены. Сейчас у ученых в Западной Сибири есть сведения о 80 местах захоронения святых «астана» (из них – 25 – картографированы), которые так или иначе связаны с этим легендарным походом [4, с. 101]. В тоже время установить точную дату создания таких сооружений, используя исторические и этнографические материалы, довольно сложно, а археологически данные комплексы не исследовались.

В действительности же многие «астана» имеют достаточно позднее происхождение – XVI – XVII и даже XVIII вв. и связаны с переселением новых групп тюркоязычного населения, в основном из Средней Азии, обобщенно именуемых бухарцами или сартами. Не противоречат приведенным датам и сведения о так называемых «астана караулчы» - хранителях святых мест, генеалогические схемы некоторых из них восходят как раз к XVI–XVII вв. [4, с.48-50, 134-138, 141, 144].

Проведённые исследования позволяют констатировать, что культ «астана» и феномен социального института их хранителей имеет как общемусульманскую, универсальную составляющую, так и сугубо местную, привязанную к конкретному поселению, и, вероятно, общине верующих [4, с. 154-155].

Выявленные и описанные историками и этнографами феномены святых мест распространены в южных районах современной Тюменской и в северных районах Омской областей, прилегающих к бассейнам р. Иртыш и Ишим. Речь идёт о Тобольском, Вагайском, Уватском районах Тюменской области и Усть-Ишимском, Знаменском, Большереченском районах Омской области. Особняком здесь стоит Цынгалинская астана в Ханты-Мансийском автономном округе – это крайняя северная точка в размещении этих сакральных объектов. В других ареалах расселения сибирских татар культ «астана» и феномен хранителей этих святынь не зафиксирован. Это некоторые районы современной Новосибирской, Омской, Томской и Тюменской областей, где расселены этно-территориальные группы сибирских татар (томские, барабинские, некоторые группы тоболо-иртышских татар).

Поэтому даже с точки зрения истории и этнографии, легендарный поход шейхов из Средней Азии в Сибирь может рассматриваться как некая условная точка, от которой начался процесс принятия ислама населением Сибири, а наполнение такого процесса составили постоянные миграции пришлого населения сначала из районов Средней Азии (XVII–XVIII вв.), а затем из Европейской России (середина XIX – начало XX вв.).

Можно отметить в связи с этим, что эти исторические события оказали сильнейшее влияние на местное население, что косвенно подтверждают и исторические предания (о них ниже) и лингвистические материалы. В современном языке сибирских татар выявлены арабо-персидские заимствования, связанные с религиозными терминами - «астана», «сеид», «ших», «аулийалар», «аулийа», «йахшилар», терминами для обозначения души/духа живого человека «джан», «рованджан», «рух», «арвах» и т.д., которые мы соотносим именно с раннемусульманским пластом в культуре сибирских татар [4, с. 17-31; 5, с. 186].

Необходимо принимать во внимание, что письменные источники об историческом походе миссионеров в Сибирь носят «...фольклорный по происхождению характер и представляют собой результат зафиксированных письменно устных преданий» [4, с. 47] и никаких археологических следов этого события пока не выявлено. Таким образом, только исторические и этнографические источники для исследования интересующей нас проблемы могут быть применены ограниченно.

В то же время, попытки привлечь данные археологии к датировке принятия ислама тюркоязычным населением Западной Сибири предпринимаются довольно давно.

Археологический подход к проблеме. Несомненно, здесь нужно обратиться к творческому наследию уже упомянутого нами В.И. Соболева. На первый план в проблеме изучения проникновения и развития ислама в Западной Сибири он ставил «прямые свидетельства», а именно археологические данные. Например, в качестве мусульманских памятников он приводил могильник 1-е Киргизское кладбище в Омской области, могильник у села Гжатск в Новосибирской области, и,

под вопросом, «ханское кладбище», находившееся у Искера. Общим для этих памятников является следующее: захоронение под небольшими курганными насыпями, наличие подбоев в могильных камерах, ориентация погребенных головой на север-запад, перекрытие подбоев деревом, отсутствие инвентаря. На основании археологических материалов, полученных с территории Барабинской лесостепи (современная Новосибирская область), в основном из могильников, В.И. Соболев время возникновения ислама в регионе относил к достаточно поздним XV|||–XIX векам [2, с. 140-141]. Не противоречат этому и исторические свидетельства, касающиеся этой территории [6, с. 240].

Необходимо отметить, что в отличие от позиции В.И. Соболева, для ряда исследователей безусловным признаком того, что погребение совершено по канонам ислама является лишь ориентация погребений – головой на северо-запад и обращения лица покойного в сторону Мекки [7, с. 134-137; 8, с. 368-370].

В настоящее время начали появляться работы, в которых делаются попытки связать тот или иной археологический комплекс с проникновением адептов новой религии в Сибирь [9, с. 116-118]. Причём некоторые исследователи идут радикально дальше – они декларируют раннее проникновение ислама (X||| в. н.э.) в таежную зону Западной Сибири, а именно Томское Приобье [7, 8]. В частности, сторонники такого подхода / Е.В. Водясов и О.В. Зайцева на материалах раскопок двух могильников - Астраханском (датируется ранним средневековьем) и Тояновом городке (датируется поздним средневековьем) были выделены группы могил с «признаками исламской погребальной обрядности» [7, с. 134]. Причем эти захоронения авторами разделены еще на две части – «погребения соответствующие канону мусульманского обряда» и «погребения с чертами мусульманской обрядности». Судя по тексту рассмотренной публикации, только 7 могил из нескольких десятков захоронений на Астраханском могильнике соответствуют мусульманскому канону. Во всех остальных случаях, исследователями при интерпретации материала, применён определенный допуск, «приближающий» их выводы к стандарту мусульманского погребения. В одних случаях они отмечают невозможность установления положения черепа. В других - оперируют только одним критерием – покойный «правильно» ориентирован, но погребён с инвентарем, или без инвентаря, но с «не правильной» ориентацией. В их анализе есть и еще один допуск – они причисляют к мусульманским погребениям захоронения в которых зафиксирована только одна вещь и «которые могли и не являться погребальным инвентарем (детали одежды, украшения, находившиеся на умершем в момент смерти, и т.д.)». Тем самым мы можем констатировать, что строгость анализа заменена допущениями, а количество погребений, на которых строится данная концепция ничтожно мало. Еще одним фактом, не позволяющим выдвигать Астраханский могильник, в качестве «уникального и опорного памятника в контексте дальнейшего исследования этапов исламизации местного населения» [7, с. 134], является датировка этого комплекса. Л.М. Плетнева пишет, что по ряду признаков хронологического порядка Астраханский могильник отличается от других могильников развитого средневековья и допускает, что данный комплекс в целом датируется X|||–XIV вв., а возможно, и XV в. [10, с. 116]. Тем самым этот комплекс вполне возможно функционировал позднее рассматриваемого авторами времени и «притягивать» его к золотоордынским государственным образованиям не правомерно.

Что касается могильника «Тоянов городок», то, к сожалению, в силу того, что его исследовало большое количество ученых, а материалы большей части не опубликованы и находятся в разной степени сохранности, привлекать данные его раскопок необходимо чрезвычайно осторожно. На настоящий момент вопрос о датировке этого археологического памятника остается открытым. Относительно раскопок собственно М.П. Грязнова, то на его рисунках, которые хранятся в Музее археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, не зафиксировано положение черепов в захоронениях, только общая ориентация. По крайней мере, это касается полевых материалов (планов) по раскопкам 1924 г. В переписке М.П. Грязнова и А.П. Дульзона ставится вопрос об общей датировке погребальных комплексов и авторы останавливаются на XVI–XVII вв. [11, с. 193-196]. Тем самым могильник выпадает из интересующего нас времени – X|||–XIV вв.

Необходимо отметить, что уже в следующей публикации, в 2014 г., О.В. Зайцева и Е.В. Водясов удалили сведения могильника «Тоянов городок» из списка памятников, отобранных для анализа, а взамен стали рассматривать данные раскопок могильника Шайтан ||. О нём они пишут буквально следующее: «...Единственный могильник, где еще удалось выявить безинвентарные погребения с соблюдением киблы – это могильник Шайтан ||...» [12, с. 505]. В связи с этим возникает вопрос к авторам о корректности привлечения тех или иных материалов и их методологических и методических подходов.

Мы считаем, что аргументация вышеназванных исследователей построена без учёта исторических и этнографических реалий региона. Прежде всего, возникает вопрос к авторам рассмотренной концепции об истории этих ранних мусульман. Как они попали на территорию Томского Приобья, и главное, какова их дальнейшая судьба? Этнографические и исторические данные не содержат сведений о раннемусульманских центрах на территории Томского Приобья, за исключением, может быть, пригородов г. Томска (XVII в.). На наш взгляд выдвинутый авторами тезис о том, что «...исследования материальных свидетельств дополняют письменные источники, а

иногда и предлагают альтернативную точку зрения на исторические процессы, происходившие в исламском мире...» [12, с. 504] совершенно не правомерен при изучении процесса распространения ислама в регионе. В связи с этим следует заметить, что использовать исторические, этнографические и археологические источники в отрыве друг от друга невозможно, особенно при изучении такой сложной проблемы, как проникновение и утверждение на территории Западной Сибири новой религии.

Завершая данный раздел необходимо подчеркнуть, что на настоящий момент в Западной Сибири нет регионов, где бы ученые могли зафиксировать устойчивую серию (хотя бы 3-5, не говоря уже о 7-10) памятников со сходными культурными элементами, позволяющими репрезентативно зафиксировать рассматриваемый нами процесс. Нет и антропологических данных, которые могли бы выделить вышеперечисленные памятники и связать их с определенными группами мигрантов. Поэтому приводимые О.В. Зайцевой и Е.В. Водясовым данные следует рассматривать только на уровне предварительной гипотезы.

Материалы и методы

Даже такой довольно краткий обзор подходов историков, этнографов, археологов к проблеме принятия ислама в Западной Сибири выявил большое количество пробелов в изучении этапов этого процесса. Очевидная сложность – то, что лежит, что называется «на поверхности» – неравномерная изученность регионов Западной Сибири, где проживает тюркоязычное население, обобщенно именуемое в настоящее время сибирскими татарами или татарами Западной Сибири. Это, прежде всего, касается археологической изученности региона. Повторимся, нам не известны сведения о большом числе мусульманских могильников XVI–XVIII вв. на обширных территориях Западной Сибири, за исключением, может быть, нескольких, упомянутых В.И. Соболевым. То есть говорить, о раннем (XIII–XIV вв.) проникновении ислама на территорию Западной Сибири можно, но о его повсеместном или даже сколько-нибудь значительном распространении в упомянутый период – нельзя.

Не очевидные сложности лежат в методической и источниковедческой областях. Здесь нужно указать на не разработанность археологических критериев выделения смены мировоззренческих основ по результатам исследования погребальных памятников средневековья-Нового времени в регионе.

Так же, с нашей точки зрения, не следует абсолютизировать критерии выделения мусульманских погребений, которые, например, использовал В.И. Соболев (см. выше). Вполне вероятным направлением работы кажутся поиски изменений в следах погребальной практики по регионам Западной Сибири, а затем – выработка обобщенной модели такого процесса на широких археологических материалах. Опять же, повторим, проблему принятия новой религии – ислама тюркоязычным населением региона невозможно решить, не рассматривая источники в комплексе.

В плане использования комплексного источника можно высказать некоторые предположения методологического и методического плана. На наш взгляд, в основании доказательной базы должны лежать представления о связи погребальных комплексов с конкретными сообществами людей – в нашем случае – с мусульманскими общинами. Так как только наличие общины и возможность соблюдения её членами определенных норм, предписанных для выполнения религиозных действий, свидетельствуют о приверженности этих людей определенной религиозной системе. Это особенно актуально для распространения ислама в Западной Сибири, где ряд факторов – природные условия, специфика исторического развития и значительная удаленность от религиозных центров, привели к распространению на этой территории «бытового» или «народного ислама». Такой форме религии, которая позволяет гибко подходить к традиционным нормам и обычаям местного населения и, в необходимых случаях, допускать значительные отклонения от установок шариата [13, с. 106; 14, с. 20; 15, с. 6-8].

Феномен «народного ислама» важен для формирования подходов к интерпретации археологических материалов – ведь за исключением 2-3 могильников мы не можем отнести к мусульманским даже погребальные памятники XVII–XVIII вв., уже не говоря о более ранних. Для авторов настоящей работы очевидно, что в Западной Сибири в рассматриваемое время не было традиции хоронить новообращенных мусульман на отдельных кладбищах. На наш взгляд, отсутствие отдельных погребальных мусульманских комплексов кроется в сохранении у тюркоязычного населения в это время специфических социальных структур. Этнографические материалы показывают нам деление населения у сибирских татар на тугумы – достаточно сложные и давно сформировавшиеся социальные институты. «Тугум в понимании ряда информаторов – это две-три (и более) семьи, т.е. это родственники, одна порода» [15, с. 183-188]. «Тугум объединял группу родственных семей и представлял собой определенное социальное и культурно-историческое единство» [16, с. 132-139].

Мы можем предположить, что верхушка социальной структуры (в социокультурных образованиях, объединенных по принципу общности происхождения или территориально), принявшая раньше своих сородичей новую религию, не могла себе позволить захоронения вне общего кладбища или погребения на таком могильнике по кардинально отличающегося от обычного

обряду. Как нам кажется, просто не кому ещё было выдерживать мусульманский канон при погребении.

Исходя из вышесказанного, а так же того, что новая религия пришла на территорию Западной Сибири в форме ханафитского мазхаба ислама суннитского толка, следует предположить, что на этапе его проникновения и распространения (XVI–XVIII вв.) его адепты могли допускать определенные послабления в выполнении правил шариата, в том числе и при совершении погребального обряда.

По этой причине даже у столицы Сибирского ханства – Искера мы находим в описаниях ханское кладбище, хотя, зная отношение хана Кучума к новой религии, этот могильник, вслед за В.И. Соболевым, правильнее назвать мусульманским.

Наличие инвентаря в погребении является для многих исследователей чертой разграничения между мусульманскими и немусульманскими захоронениями. На наш взгляд для Западной Сибири XVI–XVIII вв. это утверждение нельзя. Исследователю, работающему с такими археологическими материалами, следует допускать, что захоронения выполнялись во многом с учетом традиционных обрядов, сложившихся у населения за много поколений до прихода новой религии.

То есть, в период распространения и укрепления ислама в Западной Сибири, в погребения (и мужчин и женщин), в том числе и на «астана», в качестве сопровождающего инвентаря вполне могли класть оружие, доспехи и другие предметы (бытовые, украшения и т.д.). В связи с этим назрела острая необходимость более пристального внимания к таким комплексам и, по возможности, их исследования археологическими методами.

Нельзя обойти вниманием и такой критерий «классического» мусульманского погребения как ориентация умершего головой на северо-запад. В этой связи интересно рассмотреть сюжет о том, где для тюркоязычного населения Сибири того времени располагалась Мекка. Мы считаем, что для XVI–XVII вв., может быть и XVIII в. это было совершенно неопределенное в географическом отношении место. Кроме того и практически недоступное для того, что бы неопиты новой религии могли совершить туда паломничество. Вполне логичным кажется предположение, что, в том числе и из-за этой неопределенности и физической недоступности общемусульманских святынь, непосредственно вблизи основных населенных пунктов ряда этно-территориальных групп сибирских татар возникли святыне места - «астана». Именно они стали объектами поклонения для адептов новой веры, куда они совершали свои региональные паломничества и проводили важнейшие религиозные обряды [4, с. 126-134]. Эти святыне места со временем стали ключевыми точками сакрального мусульманского ландшафта некоторых регионов Западной Сибири.

Современные этнографические материалы только подтверждают этот тезис. Так, М.А. Корусенко, собирая в конце XX в. сведения о погребальном обряде в этно-территориальной группе аялыньских татар (расселены по р. Таре, современная Омская область), обратил внимание на некоторые расхождения в ориентации головы покойного при описании процесса погребения у современных мусульман. «Характерно, что информанты из д. Чеплярово сами отмечали разницу, в каком направлении кладут умершего головой у них и в д. Юрт – Бергамак (населенный пункт выше по р. Тара): у них – на запад, а в Юрт-Бергамак – на восток. Обычно западное направление головы и поворот лица к югу они связывают с направлением на *Киблу* (Мекку). Восточная ориентация головы умершего, видимо, в настоящее время также ассоциируется с направлением на мусульманские святыни. Сведения об ориентации покойного в могиле головой на восток зафиксированы нами и в деревнях Инцисс и Берняжка. Причем одна из респондентов – Накия Хамитовна Уразмамбетова (Назырова) - утверждала, что Мекка находится именно на востоке» [13, с. 61].

Обращаясь к археологическим материалам, следует отметить, что в могильниках XVII–XVIII вв. и более поздних, ситуация с разбросом в ориентации погребений является обычным явлением. Например, при раскопках могильника Бергамак II, датированного нами XVII–XVIII вв. и расположенного так же на р. Таре было зафиксировано пять вариантов ориентации захоронений [17, 18]. Похожая ситуация с вариантами ориентации могил прослеживается и на современных кладбищах тарских татар [19, с. 91-118]. Сходные данные получены при раскопках в Барабинской лесостепи, где определенная часть погребений в могильниках позднего средневековья ориентирована головой на юг и лицом на восток, что объясняется авторами раскопок, монгольским влиянием [20, с. 172].

Завершая рассмотрение критерия ориентации умершего, отметим, что однозначно соотнести северо-западное направление с признаком мусульманского погребения в регионе исследований невозможно. Невозможно по той причине, что для погребального обряда населения лесостепной и таёжной зон Западной Сибири предшествующих эпох так же характерна северо-западная ориентация покойных. Это связано с направлением течения рек, которые в Западной Сибири текут преимущественно с юга на север – погребения устраивались параллельно или под небольшим углом к реке, умерший ориентировался вниз головой по ее течению. В мировоззрении населения региона именно низовья реки могли ассоциироваться с «нижним миром», миром, куда необходимо «отправить» умершего. То есть ориентация умершего головой на северо-запад как минимум не являлась при принятии ислама чем-то новым, а являлась, может быть одним из известных вариантов размещения тела умершего.

На наш взгляд использование двух рассмотренных критериев – безинвентарности и ориентации умерших в погребениях условно в сторону Мекки не является достаточным основанием отнесения археологических комплексов к мусульманским. Свидетельством того, что население изучаемой территории исповедует определенную религию (устойчивую мировоззренческую систему), являются целый ряд данных, получаемых из различных по характеру источников. К ним нами отнесены сведения о: наличии общины верующих при достаточном количестве взрослого мужского населения; храмовых комплексов для совершения служб; данные о надмогильных и внутримогильных сооружениях и конструкциях, возможно и о глубине могил; данные о мировоззренческих представлениях, например, об окружающем мире, месте человека в нём, о жизненном пути человека, его начале и конце; лингвистические данные, например, о терминах, характеризующих те или иные стороны погребального обряда. Особым направлением сбора данных об интересующей нас проблеме является поиск и анализ рукописных, выявление новых архивных и других исторических источников и т.д.

Результаты

В связи с перечисленными критериями поиска данных об изменении верований населения региона нам бы хотелось заострить внимание читателей на определённых моментах. А именно – на проблеме выявления следов функционирования религиозных общин и храмовых сооружений, которые как нам представляется, являлись основанием для распространения и поддержания религиозных верований.

Появление религиозных общин на территории какого-либо региона напрямую свидетельствует о наличии у определенной группы населения ресурсов, которые могут стать источником для распространения религиозных верований во вне, из общины, на другие группы населения и территории. В той связи ещё раз необходимо отметить довольно очевидную мысль – первые мусульмане попали в Западную Сибирь достаточно рано. В этом нет ничего удивительного – весь степной пояс Евразии был связан определенными социально-экономическими и политическими отношениями. В частности торговые пути в регионе исправно функционировали весь период средневековья и торговцы (среди которых вероятно были и мусульмане) возили свои товары далеко на север.

А вот формирование мусульманских общин в Западной Сибири начинается только во второй половине XVI в., это событие связано с образованием Сибирского ханства и деятельностью хана Кучума. Здесь интересен сюжет о том, что хан Кучум дважды обращается к бухарскому хану Абдулле II с просьбой организовать мусульманские миссии в Сибирь. Приезд проповедников не означал быстрое появление мусульманских общин в ханстве, так как эта миссия, по-видимому, переезжала вместе с ханом Кучумом от одной его ставки к другой. Так, руководитель миссии Дин Али-Ходжа после поражения хана Кучума под Искером со своим родом и соратниками переезжает в Тарское Прииртышье и поселяется в д. Сеитово (район современного г. Тара, Омская область), а после основания г. Тары - в городской Бухарской слободе.

Как нам представляется, это была первая в Тарском Прииртышье, а возможно и во всей Сибири, мусульманская община. Ее существованию и росту способствовало то, что в Бухарскую слободу шел постоянный приток переселенцев-мусульман со Средней Азии, которые оседали как в самой Таре, так и на близлежащих территориях. Только с 20-х по 70-е годы XVII в. количество бухарских дворов в Тарском Прииртышье увеличилось с 3 до 53 (примерно 212 чел.), в 1782 г – их было уже 1243 чел, в 1987 – 4247 чел. [21, с. 22, 25].

Непременным атрибутом существования религиозной общины является наличие храмового комплекса. Именно с тарской мусульманской общиной связано строительство первых, после присоединения Западной Сибири к российскому государству мечетей, сначала деревянных, а затем и каменной [22, с. 111-113]. При них сначала была открыта начальная мусульманская школа (мектеб), а позднее и средняя (медресе). Выпускники школы стали служить муллами не только в Западной Сибири, но и за ее пределами – в Поволжье, Южном Урале и т.д. Тарская община долгое время была одной из самых многочисленных в Западной Сибири и одним из основных центров распространения мусульманства в Западной Сибири [23].

В настоящий момент, за исключением фундамента Тарской мечети (заложенной примерно в 1775 г. и разрушенной в 30-е годы XX в.), храмовые комплексы интересующего нас периода в городах Сибирского ханства не найдены. Возможно, остатки мечети зафиксировал Н.Н. Пигнатти во время своих исследований Искера [24, с. 13]. Есть упоминания путешественников XVIII в. об остатках кирпичных мечетей в городках сибирских татар [25, с. 396]. В ряде научных работ имеются рисунки городов, даются реконструкции столиц сибирских ханств с одной или несколькими мечетями [26]. Исторические документы свидетельствуют о разрешении строить мечети инородческому городскому и сельскому населению Западной Сибири по крайней мере с середины XVIII в. [6, с. 244, 245]

Еще одним, хорошо доступным для изучения свидетельством распространения мусульманства являются надмогильные сооружения. Они условно делятся на два блока – это мавзолеи и надмогильные камни с эпитафиями. Традиция возводить мавзолеи пришла в Западную Сибирь с юга вместе с миссионерами и переселенцами из Бухары и трансформировалась у них, вследствие отсутствия привычного строительного материала - камня в устройство оградок, срубов и т.д. из дерева. В упомянутых выше рукописях, захоронения «павших за веру» называются мавзолеями, современными

исследователями их конструктивные детали описываются по аналогии с ныне действующими сооружениями [4, с. 103, 105].

Надмогильные камни с изречениями из Корана так же являются прямым доказательством существования мусульманской общины. В Тарском Прииртышье самый ранний из таких объектов камень – кайрак находится на кладбище д. Сеитово и датируется по аналогиям XVII в. Подобные камни известны в этом и в других районах Западной Сибири [4, с. 189-191].

Если обратиться к хронологии и периодизации процесса принятия ислама населением Западной Сибири, то вопрос о времени распространения ислама в Западную Сибирь на настоящее время остается открытым.

В.И. Соболев делит этот процесс на три этапа:

I. Первые десятилетия XV в. Ислам привнесен окружением хана Тохтамышша и распространяется в местной феодализирующейся верхушке общества.

II. XVI столетие (время существования Сибирского ханства). Благодаря политике, проводимой ханом Кучумом по привлечению проповедников, торговцев из районов Средней Азии новая религия была распространена в господствующих слоях общества.

III. XVII–XIX вв. Для данного этапа характерно расширение среды, в которой распространяется ислам. Но нельзя считать, что это явление получило массовый характер. Во-первых, у тюркоязычного населения Западной Сибири еще сохранялись устойчивые фрагменты древних религиозных форм, например, анимизма, шаманизма; во-вторых, распространяется влияние христианской религии, которая завоевывала все более прочные позиции, иногда даже вытесняя ислам [2, с. 142].

Соглашаясь в целом со схемой В.И. Соболева необходимо прокомментировать некоторые моменты.

Что касается первого этапа, то он мог начаться и несколько ранее – в конце XIII – начале XIV вв., что связано с религиозными процессами в Средней Азии, но по содержанию это действительно знакомство верхушки общества с новой религией.

Второй этап (60-70-е годы XVI – конец XVI вв. – время существования Сибирского Ханства) связан с деятельностью хана Кучума по принятию населением Сибирского ханства ислама в качестве государственной религии. Это время появления первых мусульманских общин в Западной Сибири, состоящих преимущественно из переселенцев из Средней Азии. В этот период происходит переход от элитной религии к общей уже для некоторых слоёв населения. Тем не менее, ислам распространен преимущественно в местах проживания этих общин. Определёнными следами этого этапа являются арабо-персидские лексические заимствования в языке сибирских татар.

На третьем этапе (XVII–XVIII вв.) продолжилось формирование общин, вокруг крупных городов и в ряде сельских населённых пунктов. Постепенно такие общины стали самостоятельными структурами, распространяя свое влияние на близкие территориальные образования. Пользуясь особенностями государственного управления, они успешно отстаивали свою автономию и сопротивлялись прозелитской политике русской православной церкви. Известно, что в тот период практиковались различные способы обращения в христианскую веру, в том числе и насильственные – разрушение мечетей, изгнание духовных людей и т.д. [27, с. 142]. Но именно в этот период было подготовлено основание для дальнейшего процесса исламизации местного тюркоязычного населения.

Позволим выделить еще один этап – четвертый, и отнести его к XIX – началу XX в., во время которого происходит окончательная исламизация тюркоязычного населения Западной Сибири. Этот этап связан с массовым переселением в Западную Сибирь поволжско-приуральских татар. По мере увеличения численности, пришлые группы стали играть все более заметную роль в жизни сибирских татар, о чём свидетельствуют этнографические многочисленные материалы. Приведём несколько сюжетов из них. «...В д. Инцисс казанские татары... появились небольшой группой и не играли никакой роли в жизни деревни. Затем в деревню приехал Тугум Едихановых, который сразу заявил о себе и, сибирские татары стали считаться с мнением казанских татар [15, с. 186]. Известны конфликты между казанскими и сибирскими татарами, в том числе и на религиозной почве, когда первые выступали против языческих верований, бытовавших в то время у местного населения – уничтожали фигурки идолов-кукол, срубали священные деревья и т.д. Интересные сведения о таком конфликте среди жителей д. Черталы (современный Муромцевский район Омской области): «... недалеко от деревни стояло «священное» дерево сибирских татар – культовая сосна. С середины XIX в. поволжско-приуральские татары здесь стали преобладать и, пользуясь этим, спилили «священное» дерево. После этого они собрали у сибирских татар всех их идолов (информаторы называли их «куклами») и отправили на плоту вниз по течению реки Тары...» [28, с. 243]. Именно поволжско-приуральские татары «заставили» аборигенов соблюдать основные каноны ислама, пусть и в мягкой, адаптированной к местным реалиям, форме.

Заключение

Подводя итог всему вышесказанному следует отметить, что вопрос о времени проникновения ислама в Западную Сибирь нельзя решать только по одной группе источников, например, археологическим материалам. Игнорирование исторических источников, особенно арабоязычных, не допустимо. То же самое можно заметить и об этнографических материалах, в которых очень хорошо отражена история первых мусульманских общин и их противостояния с различными этнокультурными образованиями, которые придерживались иных верований.

Ещё раз подчеркнём, что только наличие религиозной общины и связанных с ее деятельностью храмовых, сакральных и погребальных комплексов может быть неопровержимым свидетельством распространения религии в регионе. Разумеется, археологическая источниковая база и методологические подходы и методический инструментарий нуждаются в пополнении и дополнительной разработке.

То есть, во II тыс. н.э. Западную Сибирь ни в коем случае нельзя исключать из тех мировых процессов, которые происходили на остальной территории Евразии, особенно в вопросах распространения мировых религий.

Благодарности

Работа подготовлена в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1684.2014/К.

Примечания:

1. Томилов Н.А. Некоторые проблемы изучения ислама в Сибири / Н.А. Томилов, А.Г. Селезнев // Ислам, общество и культура: Материалы Международной научной конференции «Исламская цивилизация в преддверии XXI века (К 600-летию ислама в Сибири)». Омск: ТОО Репро-текст, 1994. С. 127-133.
2. Соболев В.И. Распространение ислама в Сибири // Ислам, общество и культура: Материалы Международной научной конференции: Исламская цивилизация в преддверии XXI века (К 600-летию ислама в Сибири). Омск: ТОО «Репро-текст», 1994. С. 140-142.
3. Катанов Н.Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багаутдина против инородцев Западной Сибири // Учёные записки Казанского университета, 1903. - Кн. XII. - С. 133-146.
4. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального / А.Г. Селезнев, И.А. Селезнёва, И.В. Белич. Москва: Изд. дом Марджани, 2009. 216 с.
5. Корусенко М.А. Мифология сибирских татар в символах образов и вещей (опыты прочтения) / М.А. Корусенко, Ю.И. Ожередов, А.А. Ярзуткина. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2013. 256 с. (Труды Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. Т. V.)
6. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032-1882 гг. / сост. И.В. Щеглов под ред. чл. Отд. В. И. Вагина. Иркутск, 1883. 779 с.
7. Водясов Е.В. Признаки мусульманской погребальной обрядности в Обь-Томском междуречье / О.В. Зайцева, Е.В. Водясов // Вестник Томского государственного университета (История)/Изд-во Том. Ун-та, 2013. №3 (23). С. 134-137.
8. Водясов Е.В. Время появления ислама в Томском Приобье по археологическим данным / Е.В. Водясов, О.В. Зайцева // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. III. С. 368-370.
9. Карачаров К.Г. Мусульмане на севере Западной Сибири в позднем средневековье в свете новейших исследований / К.Г. Карачаров, Д.И. Ражев // Форум «Идель-Алтай». Казань: ООО «Фолиант», 2009. С.116-118.
10. Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. 350 с.
11. Татауров С.Ф. Материалы исследований Тоянова городка М.П. Грязновым в архиве МАЭ ОмГУ // VIII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: Сб. научн. тр. Омск: Амфора, 2012. С. 193-196.
12. Зайцева О.В. Распространение ислама на северо-восточной периферии Золотой Орды в свете новых археологических данных / О.В. Зайцева, Е.В. Водясов // Былые годы, 2014. №34 (4). С. 504-509.
13. Корусенко М.А. Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII-XX вв.: Опыт анализа и содержания. – Новосибирск: Наука, 2003. 192 с. (Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума; Т.7).
14. Юнусова В.И. Ислам и музыкально-культурные традиции народов Поволжья: (к проблеме взаимосвязи конфессии и художественной культуры) // Этнографическое Обозрение. 1996. №2. С.19-30.
15. Корусенко С.Н. Современный этнический состав и некоторые аспекты этнической истории татарского населения Муромцевского района Омской области (по данным генеалогий) // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума (культура тарских татар). Новосибирск, 1996. Т.1. С. 183-188.
16. Ерш И.А. Некоторые проблемы изучения этнического самосознания сибирских татар // Народы Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1995. С. 132-139.
17. Татауров С.Ф. Полевой отчет о работах в Муромцевском районе Омской области. Архив МАЭ ОмГУ. Ф. II. Д. 166-1, 166-2.
18. Татауров С.Ф. Могильник Бергамак II / С.Ф. Татауров С.С. Тихонов // Археолого-этнографические комплексы: проблемы культуры и социума (культура тарских татар). Новосибирск, 1996. Т.1. С.58-84.

19. Корусенко М.А. Планиграфия и ориентация татарских поселений и могильников в низовьях р. Тары / М.А. Корусенко, С.Ф. Татауров // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума (культура тарских татар). Новосибирск, 1997. Т.2. С.91-118.
20. Молодин В.И. Бараба в эпоху позднего средневековья / В.И. Молодин, В.И. Соболев, А.И. Соловьев. Новосибирск: Наука, 1990. 262 с.
21. Корусенко С.Н. Сибирские бухарцы в начале XVIII в. Омск: Изд. дом «Наука», 2011. 248 с.
22. Татауров С.Ф. Первая каменная мечеть Западной Сибири // XIII Сулеймановские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Тюмень: Полиграфический центр «Экспрессия», 2010. С. 111-113.
23. Алферова О.Ю. Храмы в крепостных стенах: конфессиональная история города Тары / О.Ю. Алферова, С.А. Алферов, Е.И. Кудряшова С.Ф. Татауров. Омск: Издательский дом «Наука», 2014. 230 с.
24. Пигнатти В.Н. Искер (Кучумово городище) // Ежегодник Тобольского губернского музея, 1915. Т. 25. С. 1-36.
25. Фальк И.П. Записки путешествия от С.-Петербурга до Томска / Полное собрание ученых путешествий по России. Санкт-Петербург, 1824. Т.6. 560 с.
26. История Ханты-мансийского округа с древности до наших дней. Екатеринбург: Изд-во "Волот", 2000. 472 с.
27. Томилов Н.А. Этническая истории тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI – начала XX в. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1992. 271 с.
28. Карнаухов А.В. Сравнительно-историческая характеристика поселений аялыных татар Тарского Прииртышья: (на примере деревень Черталы и Инцисс) // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск, 1998. С. 241-244.

References:

1. Tomilov N.A. Some problems of studying Islam in Siberia: Islam, society and culture: Materials of the International Scientific Conference: Islam civilization at the turn of the XXIst century (to the 600th anniversary of Islam in Siberia). Omsk: TOO Repro-tekst Publ., 1994. pp. 127-133. (In Russian)
2. Sobolev V.I. The spread of Islam in Siberia. Islam, society and culture: Materials of the International Scientific Conference: Islam civilization at the turn of the XXIst century (to the 600th anniversary of Islam in Siberia). Omsk: TOO «Repro-tekst» Publ., 1994. pp. 140-142. (In Russian)
3. Katanov N.F. About the religious wars of Sheikh Bagautdin followers against the indigeneous dwellers of Western Siberia .Academic notes of Kazan' University, 1903. Book XII. pp. 133-146. (In Russian)
4. Seleznev A.G. The cult of saints in Siberian Islam: the particulars of the universal / A.G. Seleznev, I.A. Selezneva, I.V. Belich. Moscow: Mardzhani Publ., 2009. 216 p. (In Russian)
5. Korusenko M.A. The mythology of the Siberian Tatars in the symbols of images and things: an attempt of interpretation. / M.A. Korusenko, Yu.I. Ojeredov. A.A. Yarzutkina. Sankt-Peterburg: Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2013. 256 p. (Works of the Museum of archeology and ethnography of Tomsk State University. Vol. V). (In Russian)
6. Chronological list of the most important data in the history of Siberia of 1032 - 1882. sost. I.V. Shcheglov pod red. chl. Otd. V. I. Vagina. Irkutsk, 1883. 779 pp. (In Russian)
7. Vodyasov E.V. The signs of Muslim burial rites in the Ob' – Tom' interfluve. Tomsk State University Herald (History)/Tomsk University Publ., 2013. №3 (23). pp. 134-137. (In Russian)
8. Vodyasov E.V. The time of Islam emergence in Tomsk Ob' River Region according to the archeological data. Works of the IV (XX) All-Russian archeological conference in Kazan': Otechestvo Publ., 2014. Vol. III. pp. 368-370.
9. Karacharov K.G. The Muslims in the north of Western Siberia in late Middle Ages in the light of most modern research. Forum «Idel'-Alatay». Kazan': OOO «Foliant», 2009. pp.116-118. (In Russian)
10. Pletneva L.M. Tomsk Ob' River region in the beginning of the millennium (on archeological sources. Tomsk: Tomsk University Publ., 1997. 350 p. (In Russian)
11. Tataurov S.F. The materials of research of Toyanov settlement by M.P. Gryaznov in the MAE OmGU archive. VIII historical readings commemorating Mikhail Petrovich Gryaznov; the collection of scientific works. Omsk: Amfora Publ., 2012. pp. 193-196. (In Russian)
12. Zaytseva O.V. The spread of Islam in the north-east periphery of the Golden Horde in the light of the new archeological data. *Bylye gody*, 2014. №34 (4). pp. 504-509. (In Russian)
13. Korusenko M.A. The burial rite of the Turkic population of the lower reaches of the Tara River in XVII-XX centuries: an essay on analysis and contents. Novosibirsk: Nauka Publ., 2003. 192 p. (Ethnographic- archeological complexes: the problems of culture and society. Vol.7). (In Russian)
14. Yunusova V.I. Islam and musical-cultural traditions of the peoples of the Volga Region (to the problem of connections between a confession and the arts). Etnograficheskoe Obozrenie. 1996. №2. pp.19-30. (In Russian)
15. Korusenko S.N. Modern ethnic composition and some aspects of ethnic history of the Tatar population of Muromtsevo Rayon of Omsk Oblast'(on the genealogical data). Ethnographic- archeological

complexes: the problems of culture and society (the culture of Tara Tatars). Novosibirsk, 1996. Vol.1. pp. 183-188. (In Russian)

16. Ersh I.A. Some issues of studying the ethnical self-consciousness of the Siberian Tatars. Peoples of Siberia and adjacent territories. Omsk, 1995. pp. 132-139. (In Russian)

17. Tataurov S.F. A field report on the works in the Muromtsevo Rayon of Omsk Oblast'. MAE OmGU archive. F. II. D. 166-1, 166-2. (In Russian)

18. Tataurov S.F. Bergamak II burial mound. / S.F. Tataurov, S.S. Tikhonov. Ethnographic-archeological complexes: the problems of culture and society (the culture of Tara Tatars). Novosibirsk, 1996. Vol.1. pp.58-84. (In Russian)

19. Korusenko M.A. Planigraphy and orientation of the Tatar settlements and burial mounds in the lower reaches of the Tara River. / M.A. Korusenko, S.F. Tataurov. Ethnographic- archeological complexes: the problems of culture and society (the culture of Tara Tatars). Novosibirsk, 1997. Vol.2. pp.91-118. (In Russian)

20. Molodin V.I. Baraba in the times of the late Middle Ages. / V.I. Molodin, V.I. Sobolev, A.I. Soloviev. Novosibirsk: Nauka Publ., 1990. 262 p. (In Russian)

21. Korusenko S.N. Siberian Bukhartsy in the beginning of the XVIII century. Omsk: Nauka Publ., 2011. 248 p. (In Russian)

22. Tataurov S.F. The first stone mosque in Western Siberia. XIII Suleymanov readings: Materials of All – Russian scientific – practical conference. Tyumen': Ekspressiya Publ., 2010. pp. 111-113. (In Russian)

23. Alferova O.Yu. Cafedrals within fortresses: confessional history of the town of Tara. Omsk: Nauka Publ., 2014. 230 p. (In Russian)

24. Pignatti V.N. Isker Isker: The ancient settlement of Kuchum. Annual journal of Tobolsk Province museum, 1915. Vol. 25. pp. 1-36. (In Russian)

25. Fal'k I.P. The travelogue from St. Peterburg to Tomsk. The complete collection of academic trips around Russia. Saint-Peterburg, 1824. Vol.6. 560p. (In Russian)

26. The history of Khanty-Mansi Autonomous Area from ancient times to present days. Ekaterinburg: Volot Publ., 2000. 472 p. (In Russian)

27. Tomilov N.A. Ethnic History of the Turkic-speaking population of western Siberian Valley in the end of the XVI - the beginning of the XX century. Novosibirsk: Novosibirsk University Publ., 1992. 271 p. (In Russian)

28. Karnaukhov A.V. Comparative historical characteristics of the settlements of Ayalyn Tatars of the Tara Irtys Region (on the example of the settlements of Chertaly and Intsiss. Ethnic history of Turkic peoples of Siberia and adjacent territories. Omsk, 1998. pp. 241-244. (In Russian)

УДК 904;393;282

История ислама в Западной Сибири: междисциплинарный подход к хронологии и периодизации

¹Сергей Филиппович Татауров

²Михаил Андреевич Корусенко

¹ Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Российская Федерация

Кандидат исторических наук, доцент

E-mail: TatSF2008@rambler.ru

² Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Российская Федерация

Кандидат исторических наук, доцент

E-mail: korusen@omsu.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме определения времени и характера распространения ислама в Западной Сибири. Рассматриваются критерии выделения в материалах погребальных комплексов XIII – XVIII вв. признаков мусульманского обряда погребения. Анализируются подходы к проблеме с точки зрения истории, этнографии и археологии. Авторами отмечено неравномерное изучение проблемы в рамках истории, этнографии и, особенно, археологии. В рамках истории и этнографии накоплены значительные данные и материалы по проблеме проникновения ислама в Западную Сибирь. Археология только подступает к этой проблеме. Авторы создали гипотезу процесса внедрения новой религии в регион. В её рамках рассмотрены факторы, оказавшие влияние на распространение ислама среди тюркоязычного населения Западной Сибири. Делается вывод о делении этого процесса на этапы – первоначального проникновения, превращения ислама в религию элиты общества, постепенный переход к формированию первых мусульманских общин и окончательная исламизация сибирских татар.

Ключевые слова: Западная Сибирь, татары, археология, история, этнография, ислам, проникновение, распространение, религиозная община, создание.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 38, Is. 4, pp. 808-824, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94/904

Genoese Domain in the Crimea (the Second Half of 14th century)

Sergey G. Bocharov

Kazan Federal University, Russian Federation
Archeotechnologies and archeological material sciences laboratory
PhD (History), Senior researcher
420000, Kazan. Kremlevskaya street, 18
E-Mail: sgbotcharov@mail.ru

Abstract

The article describes the domain of the Genoese republic in the Crimea in the middle of the 14th century. During this period, the Genoese possessions in the northern Black Sea region consist of one major city Caffa. In the second half of 14th century in the city was reaches the highest point of development. During the second half of the 14th - the first half of 15th centuries Caffa played a leading role in marchand and political life of the Black Sea region. After 1365 the administration of Caffa passes from the defense to the captures of the land previously depending from the Golden Horde. As a result, creates a new political entity on the Crimean Black Sea coast - a system of cities, castles and villages, subject to Genoa, called the Genoese Gazaria and covered the all coastline including the settlement of the South Coast of Crimea, Soldaya (Sudak), Cembalo (Balaclava) and Vosporo (Bosporus, Kerch).

Keywords: Genoa; Caffa; the Golden Horde; the historical topography; Genoese Gazaria; Crimea in the Middle Ages.

Введение

В третьей четверти XIV в. генуэзские владения в Северном Причерноморье состоят только из одного крупного города – Каффы. Как возникает этот город? Как он выглядит в интересующий нас период и как будет развиваться позднее? Попытаемся ответить на эти вопросы.

Материалы и методы

В данной работе впервые для решения проблем исторической топографии средневековой Каффы используется комплексное исследование трех категорий исторических источников. Первая категория – источники письменные, которые дают возможность выяснять названия ряда известных городских строений, а также даты их функционирования. Привлечены публикации средневековых нотариальных актов и нарративные источники, опубликованные палеографами Университета Сорбонна (Франция) и Исторического института Университета Генуи (Италия). Вторая категория – данные картографии, при помощи которых возможна локализация конкретных строений. Использовались генеральные планы города, составленные военными картографами России в середине XVIII в., которые ныне хранятся в фондах трех крупных архивов: Российского государственного Военно-исторического архива (Москва), Российского государственного архива военно-морского флота (Санкт-Петербург), Российского государственного архива древних актов (Москва). Третья категория – археологические свидетельства, то есть, результаты археологических раскопок, которые предоставляют конкретные сведения об устройстве и размерах городских объектов. Отчеты крымских археологических экспедиций находятся на хранении в Научном архиве Крымского Института археологии (в прошлом - Крымского филиала Института археологии НАНУ, Симферополь), научном архиве Института археологии НАНУ (Киев), научном архиве Института археологии РАН (Москва) и научном архиве Института истории материальной культуры РАН (Санкт-

Петербург). Сопоставление комплекса этих источников позволит создать реконструкцию урбанистической структуры средневековой Каффы в самом широком разнообразии.

Поскольку было необходимо вычленение сведений об отдельных объектах, локализация каждого из них на территории города и на основе археологических данных составление детальных описаний уникальных единиц городской микротопографии, все это в совокупности определило характер **используемой методики**, которая включала синхронно анализ типологический, картографический и хронологический.

Рис. 1. Каффа в первой половине XIV в.

Обсуждение

В наши дни существует некоторый диссонанс между сведениями по исторической топографии Каффы, почерпнутый из данных письменных источников, и свидетельствами натуральных обследований при археологическом изучении памятника. Письменные тексты великолепно проанализированы специалистами-палеографами трех научных школ: для Италии это школа профессора Лауры Баллето, для Франции – ученики профессора Мишеля Балар, в России - коллектив лаборатории руководимой академиком РАН Сергеем Павловичем Карповым. До настоящего времени не проведено комплексного описания расположения объектов в городе и предместьях, а также, собственно, самой крепости и отдельных узлов ее фортификации. Кроме этого, нет базовой идентификации не только оборонительных сооружений, но и культовых зданий, других объектов городской застройки с теми их названиями, которые упомянуты в письменных текстах. **Задача** настоящей статьи частично ликвидировать эту диспропорцию.

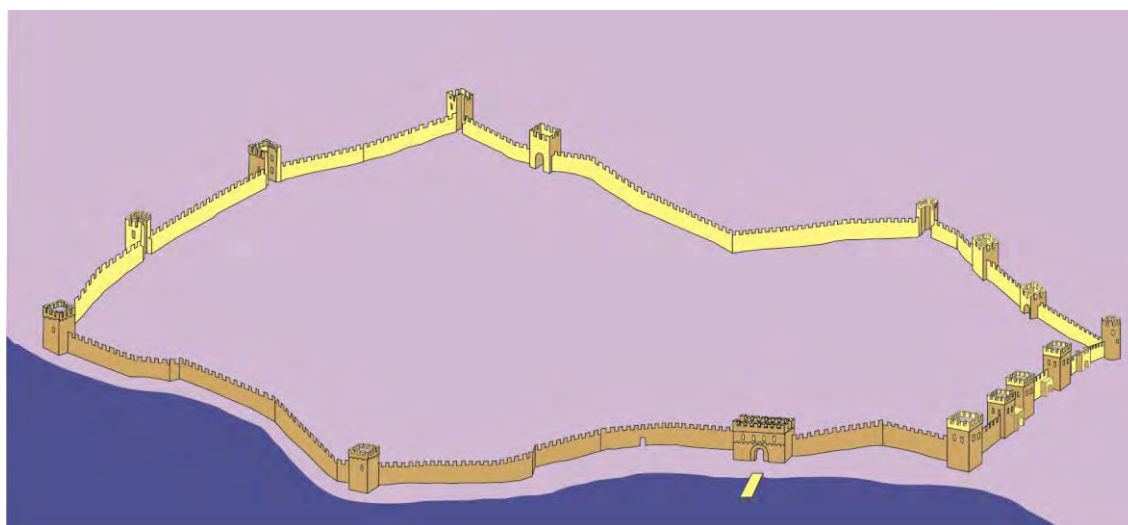

Рис. 2. Крепость Каффы (цитадель) в первой половине XIV в. Реконструкция.

Результаты

Каффа (70-е гг. XIII в. – 1475 г.) – не просто важнейшая фактория Генуи, но и один из крупнейших городов Северного Причерноморья, основной экономический и административный центр территории, получившей название Генуэзской Газарии. Будучи впервые заселенной лишь в 1270-х годах, город быстро развивается в 1280-х - 1300-х гг. [1, р. 98-123], и уже в середине XIV в. он превратился в самый крупный центр генуэзцев на черноморских берегах. В нем сошлись не только морские, но и сухопутные пути, которые соединяли Восток и Русь с европейским Западом [2, с. 32-35]. По письменным источникам XIII и XIV вв. можно судить о постепенном росте значимости его правителей в окружающих территориях. Так, например, консулу Каффы в 1316 г. еще запрещалось вмешательство в дела других факторий генуэзцев в Причерноморье, а уже в 1343 г. в источниках упомянут титул консула Каффы и “всей Газарии” [3, р. 204]. Спустя век Статут Каффы 1449 г. постулирует главенствующее положение главы города уже во всей административной иерархии генуэзцев по берегам Черного моря [4, с. 831].

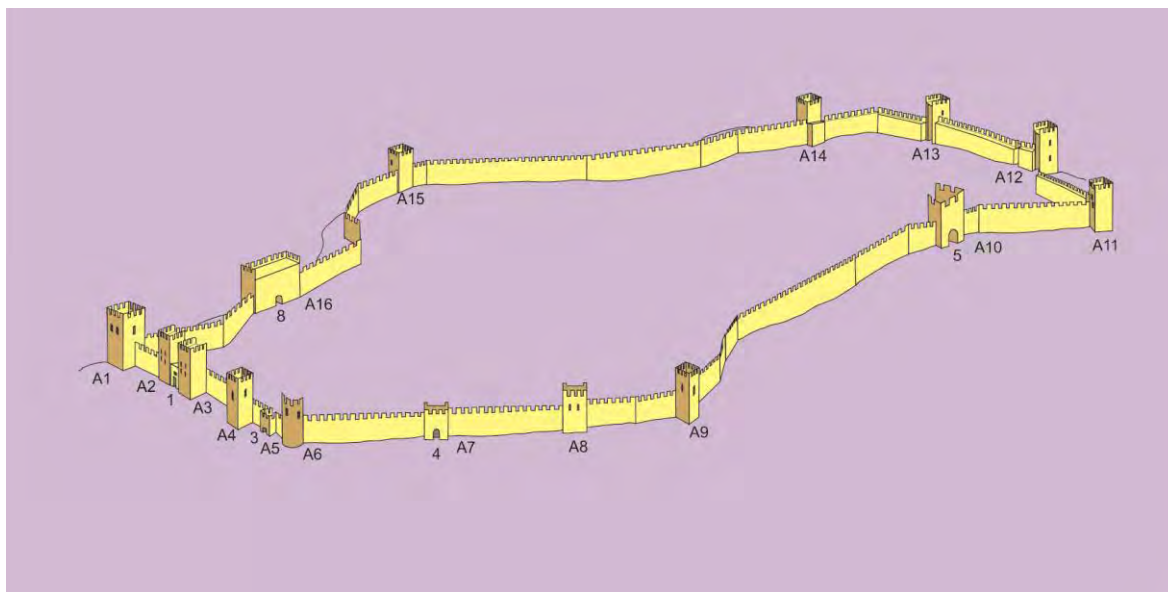

Рис. 3. Крепость Каффы (цитадель) в первой половине XIV в. Реконструкция.

Таким образом, за два столетия из небольшой генуэзской фактории Каффа превращается в крупный черноморский город с мощнейшей фортификацией, представленной не только хорошо укрепленной цитаделью, но и существенными внешними оборонительными сооружениями [5, с. 69-71]. Размещение населения, функции разных этнических групп в городе определяют развитие и характер застройки [6, с. 5-6]. Облик Каффы определяют, во-первых, его торговые функции. В городе важнейшими пунктами являются рынки и рыночные площади, склады товаров и караван-сарай, а также постоялые дворы. Особенно важное место отведено порту и его сооружениям. Во-вторых, Каффу отличала невероятная полиэтничность. В нем сплелись христианская и мусульманская культуры разных народов. Выходцы из стран Европы – латиняне, занимающие главенствующие позиции в управлении, в городе были в меньшинстве и находились в окружении представителей самых разнообразных общин: армянской [9, с. 220-221; 10, с. 211-234], греческой [7, с. 425-436; 8, с. 159-169], еврейской, татарской [11, р. 42] и многих других. Городской пейзаж, во многом, определялся специфичными кварталами и культовыми сооружениями этих народов.

Но как возник этот центр и в чем причина его богатства и быстрого роста? Ответ на эти вопросы следует искать в событиях, развернувшихся в причерноморских степях в XIII в.

Именно в XIII в изменилась политическая ситуация в Северном Причерноморье. Перемены связаны с несколькими событиями: с распадом Византийской Империи в 1206 году, с вхождением Крымского полуострова в Монгольское государство (1249 г.) [12, Ст. 49; 13, с. 294-295], с появлением западноевропейских купцов в Черном море и созданием ими своих факторий [14]. Дальнейший ход событий определялся именно этими государствами и их наследниками – Золотой Ордой, затем Крымским ханством; Трапезундской империей, затем княжеством Феодоро; Генуэзской республикой.

На протяжении всего периода средних веков Крымский полуостров имел четкое географическое районирование. Большая часть полуострова – степная – либо входила в состав кочевых держав, либо просто была занята кочевыми народами не создавшими своей государственности. Территория горного Крыма и побережье у Керченского пролива с оседлым населением входили в состав Византийской империи (с перерывом во времена хазарского каганата). В XIII в. происходят изменения, как в степной зоне полуострова, так и в горной. До этого времени основными политическими факторами здесь были взаимоотношения Византийской империи с

кочевыми народами степи и сдерживание этих народов на границах империи. В свою очередь, с античных времен на Крымском полуострове было два региональных политических и экономических центра в восточном Крыму – Пантикапей-Боспор, в западном – Херсонес-Херсон. К XIII веку роль основного экономического центра Византии в Восточном Крыму переходит от Боспора к Сугдее (византийский приморский город в восточной части главной гряды Крымских гор). В 1206 году с захватом крестоносцами Константинополя исчезает с политической сцены Византийская империя, входившие в ее состав Таврические города и земли переходят под контроль южнопонтийской Трапезундской империи, которая продолжает поддерживать старую византийскую политику поддержания мирных отношений с кочевниками. С падением Византии венецианское правительство – основной инициатор нападения крестоносцев на столицу империи – Константинополь, получает разрешение на торговлю в Черном море, которое раньше было закрыто для латинян [3, р. 202]. И с этого времени венецианские купцы, хоть и редко, но появляются в северопричерноморских портах.

Рис. 4. Угловая башня цитадели (А 11).

В начале XIII в. начинается новый период и в истории степей Северного Причерноморья или Дешт-и-Кипчак. После почти двухвекового господства половцев в степях появляются новые восточные кочевники с гораздо более высокой организацией военного дела и государственности. Впервые монголы появляются в Крыму во время похода полководцев Чингизхана Джебе и Субедея в 1223 г. Эти войска нападают на главный византийский центр восточного Крыма – Сугдею [15, с. 604; 16, с. 22]. Следующее появление войск монголов в Крыму приходится на 1229–1230 гг. [13, с. 294]. Затем, после военных действий хана Бату 1237–1238 гг. на русских землях и против половцев, Крымский полуостров постепенно включается в состав новой империи [15, с. 604; 17, с. 489; 13, с. 295]. Первое упоминание о собственном административном центре на полуострове, городе Солхат, относится к 1263 году [16, с. 54, 63]. Создание новой громадной империи сделало безопасными огромные пространства евро-азиатских степей, что существенно повлияло на развитие коммерции.

После возрождения в 1262 г. Византийской империи, соблюдая условия Нимфейского договора, император Михаил VIII Палеолог дает разрешение генуэзцам на свободную торговлю по берегам Черного моря и организацию собственных факторий. Генуэзским торговцам были предоставлены небывалые привилегии а, в то же время, купцам других государств доступ в бассейн Черного моря был почти запрещен [14, р. 97]. Таким образом, в Крыму сошлись два важных торговых пути: сухопутный – азиатский и морской – европейский, что превратило полуостров в центр, где соединялись товарные потоки как с запада, так и с востока.

Видимо, генуэзцам не удастся обустроить факторию в самой Солдае и они добиваются разрешения монгольского хана на строительство собственной небольшой фактории недалеко от города.

В произведении Никифора Григоры «Византийская хроника» 1266 г. приводится как год возникновения Каффы [18, р. 684]. Известный историк Мишель Балар предлагает другую последовательность событий, связанных с возникновением города, считая маловероятной указанную выше дату. По его мнению, генуэзцы довольно поздно, лишь в 1268 году смогли утвердиться в отведенном латинянам квартале Константинополя – местечке Пера. О монетах, которыми расплачивались в Каффе, имевшими название аспр, впервые упоминается в 1276 г. и до 1280 г. такие

упоминания единичны. Соответственно, по мнению французского исследователя, город Каффа мог быть основан приблизительно между 1268 и 1275 гг. Наиболее предпочтительная дата – 1275 год, поскольку работавший в Солдае (Судаке) в 1274 году нотариус Федерико Пьяцалунга совершенно ничего не сообщает о Каффе [14, р. 118].

Рис. 5. Башня цитадели (А 12).

Почему Каффа возникла именно на Карантинном холме, на берегу Феодосийского залива? Удобное географическое расположение Сугдеи и близкое нахождение этого города от степного пространства полуострова повлекли за собой возникновение на расстоянии 20 км от него к северу административного центра Крымского улуса Золотой Орды – Солхата. А затем - и последовательное превращение по сути византийского города в порт ордынского Солхата. В Сугдее начинают обустривать торговое поселение латинские купцы – венецианцы и генуэзцы [19, р. 8; 20, р. 80; 21, р. 244; 22, р. 230]. Однако в этом городе приоритет так и остался за венецианцами [23, р. 553-556].

Рис. 6. Ворота цитадели (5).

Перед генуэзцами встала необходимость основать на землях Золотой Орды своё собственное торговое поселение. Если обратить внимание на карту Крыма, то Карантинный холм окажется единственным местом, где генуэзцам было удобно создать новую факторию в непосредственной близости со степью. Основными условиями для этого были следующие: однодневный переход каравана до Солхата (около 20 км), достаточно удобный степной подход к гавани, но, при этом, расположение на холме давало преимущества при фортификационном укреплении поселения. На этот холм и приходит некоторое количество генуэзских купцов, основавших на берегу Феодосийского залива маленькую торговую станцию - факторию. Как показывают дальнейшие события, место было выбрано очень удачно, поскольку фактория активно растет, а уже в 1281 году впервые упомянут консул как глава города [14, р. 118]. Начиная с 1285 г. в нотариальных актах Генуи упоминание Каффы становится частым. Первый расцвет городской торговли и, как следствие, самого города приходится на 1289–1290 гг. [24, р. 220; 1, р. 286].

Рис. 7. Стены и башни цитадели Каффы.

Итак, в 70-х гг. XIII века происходит интересующие нас событие – возникновение нового латинского города на юге Причерноморской степи. Здесь особенно важно то, что именно нового города. Так или иначе, под контроль монгольской администрации попадают все города крымского полуострова, существовавшие в составе Византийской империи Херсонес-Сарукермен, Боспор-Керчь, Сугдея-Судак, Кырк-Ор. Часть из них не претерпевает значительных изменений в своем топографическом и демографическом устройстве, они остаются, по сути, провинциальными византийскими центрами, находящимися на подконтрольной ордынцам территории, выплачивающими дань монголам (такими городами были Херсонес, Боспор). Сугдея и Кырк-Ор (в наши дни известен как Чуфут-Кале) напротив меняют свой городской пейзаж и становятся золотоордынскими городами. Возникают в Крыму и два новых города: один - золотоордынский политический и экономический центр крымского улуса Золотой Орды, Солхат-Крым; другой - западноевропейский (латинский), Каффа.

О раннем периоде городской жизни Каффы мы знаем крайне мало. Он преимущественно известен из документов нотариуса Ламберто ди Самбучето. По его сообщению, Каффа в этот период являлась небольшим городом, который по периметру имел ров и вал с деревянным частоколом [18, р. 684]. Несколько домов были расположены уже за пределами этой изгороди. Городская территория была разделена на кварталы, называвшиеся контрадо. В них мирно уживались представители разных этнических групп. В качестве примера можно привести описанный в источниках дом, который населяли представитель греческой общины Никитас Тана, генуэзец Лучино дель Орто и Михаил - епископ Солдайи, который был сирийцем [14, р. 206]. По традиции в итальянских городах было несколько общественных зданий. Для Каффы ими были церковь св. Франциска, больница св. Иоанна, храм Девы Марии и резиденция консула [25, р. 222-223, doc. CCXXVIII; 1, р. 124, 265, 273, 292-293, 365-367, doc. 300, 689, 704, 742, 882; 25, р. 224-232; 14, р. 201, 206, 325].

В 1308 г., после осады города войсками золотоордынского хана Тохты, Каффа была оставлена жителями и была потеряна генуэзцами как важнейший, опорный торговый пункт. Вполне естественно, что как только, после смерти Тохты, новый хан Узбек занял престол, представители коммуны Генуи 9 августа 1312 года направляют к нему посольство, которое добивается разрешения восстановить Каффу [26, р. 110].

Рис. 8. Стены и башни цитадели Каффы.

Поражение, нанесенное войсками Тохты в 1308 году, оставило свой след в дальнейшей системе управления городом и в 1313 году в доминионе - Генуе была специально создана особая коллегия (Officium Gazarie). Коллегия состояла из восьми человек и, по сути, это было управление по делам торговых поселений всего Северного Причерноморья.

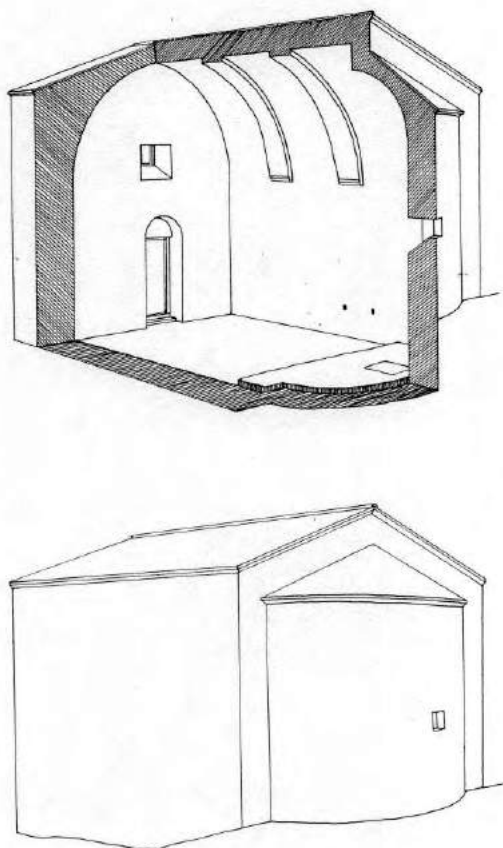

Рис. 9. Греческая церковь Свв. Феодоров (G 12). Реконструкция.

Кроме этого, в Генуе 18 марта 1316 года был принят специальный план по восстановлению Каффы (Ordo de Caffa). В нем предусматривалось: во-первых, постройка новой крепости из камня (castrum) (Рис. 1-3); во-вторых, план запрещал застройку пространства за крепостной стеной, примыкавшего к дороге на город Солхат (Рис. 1); в-третьих, предусматривалось, что город будет разделен на две части: *civitas* – территорию внутри крепостной стены и *burg* – территорию, считающуюся городской, но расположенную вне пределов стены (рис. 1) [3, p. 200].

Рис. 10. Греческая кафедральная церковь Введения во храм Богоматери (G 1). Алтарная часть.

Внутри крепости городская территория была разделена на участки, предназначенные к продаже с торгов, но исключительно для граждан коммуны Генуи. На выкупленных участках к концу 1320 года они были обязаны построить дома. Вся территория бурга за пределами стен крепости сдавалась в аренду представителям нелатинских городских общин. Плата за аренду таких участков вносилась в казну города [3, p. 200]. По-видимому, такой специфичный план восстановления Каффы был разработан сознательно для того, чтобы избежать или уменьшить возможность конфликтов, поскольку стены из камня хорошо отделяли районы проживания восточных колонистов от европейских [27, p. 89].

Рис. 11. Греческая церковь Св. Георгия (G 9).

Несмотря на то, что именно «латиняне» были основателями города и доминировали в торговле и политике, они никогда не составляли в нем большинства населения [14, р. 213]. Выгоды торгового города, с момента его основания, стали привлекательны для многих народов. В городе было большое количество представителей греческой общины, которые прибывали в город как из Константинополя, так и с южного берега Черного моря, из городов Трапезунда, Синопа, а также из более ранних греческих поселений Крыма. Греки проявляют коммерческую и ремесленную активность во внутригородской торговле, но не занимают высоких постов в городской администрации [14, р. 213; 28, с. 29].

Еще одна христианская община – армянская, составившая к середине XV в. большинство населения города. Они переселяются в Каффу из таких областей как Великая Армения, Киликия и огромная Золотая Орда. Представители этой этнической группы не занимают высших должностей в чиновной иерархии, их роль в международной торговле незначительна, однако они хорошо известны в городском ремесле Каффы и именно армянские артели возводят каменные строения в городе и по всей ближней округе [29, с. 8; 30, с. 9; 14, р. 214; 3, с. 227; 27, р. 92].

Рис. 12. Греческая церковь Св. Димитрия (G 11).

Еще одна важная группа народов – татары и турки принимают активное участие в ремесленных производствах, но не допускаются к управлению городом. Преимущественно они были расселены в западном направлении, на окраине вблизи Солхатской дороги. Среди этого населения проживал тудун - специальный представитель золотоордынского хана в Каффе [26, р. 88].

Менее значимой группой были иудеи - как раввинисты, так и караимы [14, с. 279-289; 31, р. 24-27; 32, р. 215-216]. Известны также представители таких народов как болгары, грузины, сирийцы, черкесы и русские [14, р. 279; 33, с. 113].

После восстановления города, его правители - официалы прилагают усилия по поддержанию мирных отношений с представителями золотоордынской администрации и правителями государства. Город переживает экономический подъем, связанный в первую очередь, с удачной торговой деятельностью, одинаково выгодной как Золотой Орде, так и Каффе. Новые переселенцы в первой половине XIV в. начинают занимать и осваивать районы в южном и западном направлениях от крепостной стены. Проследить динамику развития городской территории сложно, но, принимая во внимание, демографический фактор организации городской территории [27, р. 89], вполне понятно, что каждый квартал (*contrado*) имел свою выраженную этническую доминанту: латинскую, греческую, армянскую, еврейскую или тюркскую, и соответствующие религии культовые сооружения. Дата возведения церкви, синагоги или мечети (конечно, в том случае, когда они упомянуты в письменном источнике) дает возможность судить о времени занятия населением каждого городского участка определенным этническим компонентом [34, с. 114].

В 1340 году начинается строительство каменной крепости (*castrum*) [35, р. 38-39; 27, р. 87], внешний облик которой можно установить по картографическим источникам [36, с. 82-85]. Каструм охватил почти полностью поверхность Карантинного холма и территорию к югу от него. В полигон крепости входят 16 башен (Рис. 4, 5), 6 ворот (Рис. 6), 2 калитки и 15 куртин (Рис. 7, 8). Высота стен в

среднем составляет около 13 метров, высота башен – около 20 метров. Крепостные стены имеют длину примерно в 1440 метров, площадь внутри них - 11,3 га (Рис. 1-3) [36, с. 87-88].

Систему градостроительства раннего периода функционирования города от его возникновения до проигранного сражения 1308 года охарактеризовать не представляется возможным, поскольку нет ни графических, ни археологических материалов, характеризующих этот период. Кроме того, строительные работы в городе после его восстановления в 1312 году фактически полностью уничтожили раннюю застройку.

Топографию Каффы до середины XIV в. можно реконструировать лишь с некоторой долей вероятности. Застройка внутри новой каменной крепости (*civitas*) полностью заняла вершину Карантинного холма, склоны на северо-востоке (приморский) и на северо-западе, а также равнинный участок в северо-западной части. Участок на равнине имел плотную застройку пересекающимися продольными и поперечными улицами (Рис. 1). Продольные улицы прямые, были ориентированы по линии северо-запад - юго-восток, поперечные – по направлению юго-запад - северо-восток. Продольных улиц насчитывалось девять, поперечных – пять. В равнинной части города архитектурную доминанту представлял дворец коммуны Каффы и прилегающая к нему площадь. На вершине и склонах Карантинного холма застройка имела иной характер. В соответствии с рельефом местности улицы не были прямыми, имели излом и иную ориентировку – почти точно в направлении восток-запад. Три поперечные улицы отклонялись от оси север-юг на 15 %. Основные улицы берут начало у ворот крепости. Таким образом, городские кварталы цитадели города были хорошо распланированы и имели единообразное архитектурное решение [34, с. 112].

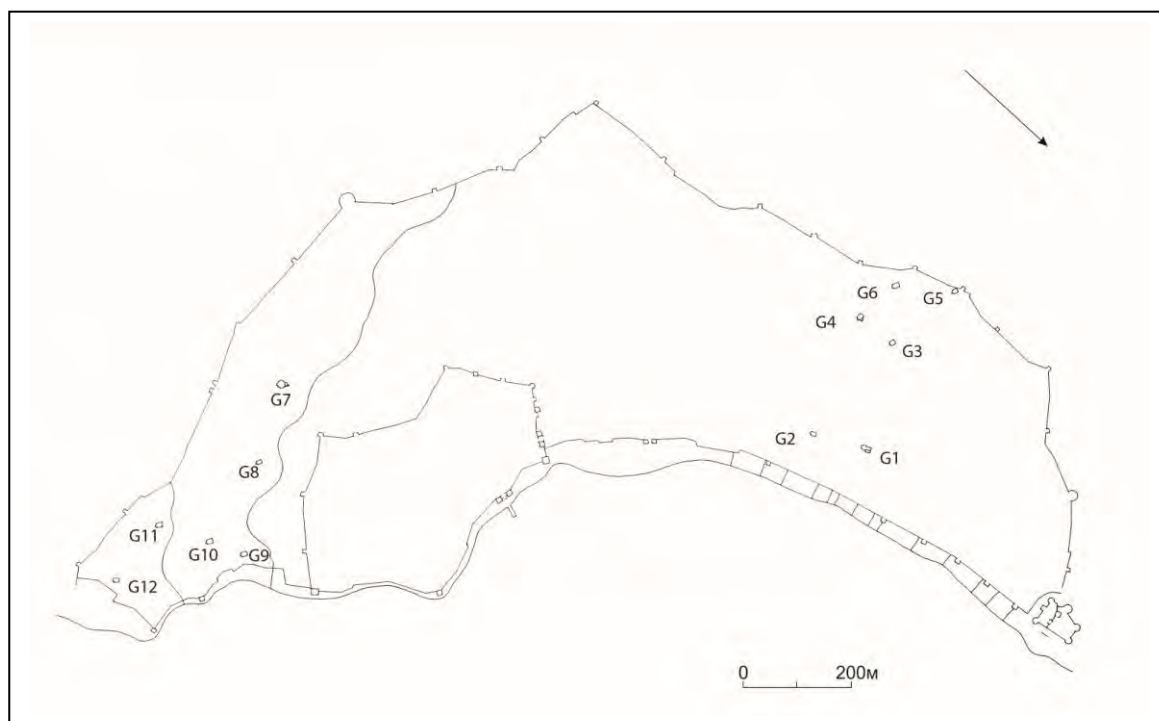

Рис. 13. Расположение греческих церквей в Каффе: 1 – Введения во храм Богоматери, 3 – Св. Николая, 4 – Св. Варвары (?), Свв. Апостолов (?), 8 – Св. Параскевы, 9 – Св. Георгия, 11 – Св. Димитрия, 12 – Свв. Феодоров Тирона и Стратилата, 13 – Успения Богоматери. Черным цветом отмечены церкви 1, 9 и 11, сохранившиеся до наших дней. 2, 5, 6, 10 – названия не установлены.

Неукреплённое пространство бурга имело иную организацию, чем цитадель (Рис. 1). Планировка кварталов была иррегулярной, но сеть улиц вела к воротам крепости и была связана с незастроенным районом вблизи Солхатской дороги.

Специфика застройки Каффы в середине XIV века по нашему мнению стала следствием выполнения предписаний «Ordo de Caffa» - нового плана возрождения города, где четко просматривается стремление отделить каменными стенами зону проживания латинян от горожан из других общин. Авторы плана не озаботились соблюдением норм планировки за пределами крепости, и бурги свободно застраивались в любых удобных направлениях, за исключением солхатского. Уже одно это свидетельствует об отсутствии здесь единого плана строительства. Поскольку город быстро разрастался, новые группы населения занимали новые площади бурга, процесс полностью вышел из-под контроля городской администрации, что не позволило изменить такое положение вещей в дальнейшем [34, с. 112].

Действия администрации колонии по укреплению городской фортификации оказались правильными, что и подтвердила вся дальнейшая последовательность событий. В 1340-х годах разразился военный конфликт между Генуэзской республикой и золотоордынским государством. Два раза, в 1344 и 1346 годах, ханские войска подступают к стенам Каффы. Однако осуществить захват новой каменной крепости им ни разу не удалось [37, с. 123]. В сущности, в этом конфликте хан Джанибек терпит поражение. Ликвидировать присутствие генуэзцев и их опорный пункт в Восточном Крыму ему не удастся, как это в свое время было сделано при хане Тохту. В следующее десятилетие с 1347 и по 1357 гг. стороны в военные конфликты не вступали.

Рис. 14. Армянская кафедральная церковь Св. Сергия (Сурб Саркис).

Процесс застройки пространства вне цитадели (*extra muros castris*) активно нарастал и после 50-х годов XIV века, появились и совершенно новые кварталы [38, с. 712]. Сильно возросшее население города старые оборонительные стены уже не могли защитить. В нестабильной политической обстановке перед Солхатской войной 1385-1386 годов и в период войны администрация Каффы вынуждена была провести масштабные работы по строительству внешнего кольца обороны. (Рис. 4-6) [39, р. 20].

Что же такое Солхатская война? Развивая план действий начертанный в «*Ordo de Caffa*» власти города, начиная с 40-х гг. XIV века, присоединяют ряд поселений на восточном побережье полуострова. С целью ликвидации главного конкурента Каффы - портового города Солдайя в 1365 году генуэзцы разворачивают локальные боевые действия, итогом которых становится захват Солдайи и 18 селений ее округа. Эта акция на последующие 20 лет существенно осложнила взаимоотношения коммуны Каффы с золотоордынской администрацией Солхата. [40, с. 180; 41, р. 214; 42, р. 41]. До середины 1370-х годов на Солдайю и ее округу распространяется власть генуэзцев, в самом городе возводится новая крепость [35, р. 107]. Этот процесс был приостановлен вмешательством ордынских властей. Эмир Мамай в 1375 году делает попытку вернуть Содайю и ее округу под протекторат ордынцев. Ему удалось отвоевать 18 поселений дистрики Солдайи [14, р. 161], но захват города не получился. В ответ генуэзцами был увеличен гарнизон Солдайи, который к 1376 году стал насчитывать 42 человека [14, р. 159]. Наконец, наместником Солхата Яркасом и представителем Конак Бега, одного из соперников Тохтамыша в борьбе за власть в Орде был заключен мирный договор 27 ноября 1380 года [43, р. 11-12]. 24 февраля 1381 года этот же договор был подписан уже с наместником Тохтамыша Елиас Беем. Условия договора сводились к признанию генуэзской оккупации Солдайи и всех селений ее дистрики [43, р. 11].

Даже имея ратифицированный договор о мире, генуэзские власти Каффы понимали, что возможность обострения отношений с ордынцами вплоть до военного противостояния сохраняется. В первые годы после конфликта производится ремонт пострадавших объектов крепостной цитадели. А затем в 1383 году [43, р. 10] были предприняты масштабные работы по строительству нового кольца обороны – внешних стен города (Рис. 5; 6). Из письменных источников известно, что эти работы проходили под непосредственным контролем трех консулов, последовательно сменявших друг друга на этом посту: Якопо Спинола (1383 г.), Пьетро Казано (1384 г.) и Бенедетто Гримальди (1385 г.) [3, р. 207]. Эти работы вполне себя оправдали, поскольку отношения с ордынскими властями вновь обострились. Пик конфронтации приходится на 1385-1386 годы, и в истории этот конфликт получил

название “Солхатская война”. В этом противостоянии коммуна Каффы увеличила свои продовольственные запасы, проведя ряд закупок зерна на побережье Болгарии. Была организована доставка дополнительного вооружения и снаряжения из Генуи и Перы, приглашены специалисты по изготовлению разнообразного оружия, в числе которого и огнестрельное. Возможно, что источники по истории Солхатской войны освещают наиболее раннее упоминание производства и применения артиллерии на территории Восточной Европы [43, p. 13].

Что известно о дальнейшем ходе Солхатской войны? В 1386 году для того, что бы подавить восстание населения Южного берега Крыма (в исторических источниках – Готии) из Каффы была отправлена галера с вооруженными людьми [14, p. 161]. Гарнизон Солдайи был вновь увеличен, уже теперь до 60 человек. [14, p. 159]. Солхатская война закончилась мирным соглашением от 12 августа 1387 года. Им были подтверждены права Коммуны Генуи на все прежние завоевания: собственно, город Солдайю, переходящие из рук в руки 18 селений его округи, а также на поселения Готии [44, p. 187; 14, p. 161; 43, p. 15]. Строительство стен внешнего кольца обороны Кафы завершилось примерно в 1389 году, поскольку на закладной плите башни возле Кайядорских ворот стоит именно эта дата [35, p. 56]. По-видимому, плита и надпись на ней имеют отношение к башне В1, которая ныне называется башней святого Константина, поскольку это единственная башня внешнего оборонительного кольца, которая расположена у моря и вблизи ворот [36, с. 92].

Площадь городской территории внутри новых стен увеличилась в восемь раз, это примерно 82 га. Длина периметра внешнего оборонительного кольца, составила около 5240 метров. Стены укрепляли ту часть города, которая примыкала к морю (2070 м) и ту, что полностью находилась на высотах (3170 метров). Стены внешнего кольца имеют среднюю высоту 10 м, башни – 17,5 м. [36, с. 92].

Крепостные башни служили не исключительно для нужд обороны. Башня Станталис выполняла функции арсенала, туда обязаны были сдавать оружие генуэзские чиновники [38, с. 724]. На одной из башен (башне Христа) были расположены главные часы города, за которыми следили четыре специальных сторожа, обязанные звонить в колокол в соответствующее время, возвещать о закрытии и открытии ворот города. [38, с. 703]. Архив оффиции Св. Антония находился в одноименной башне, запасы зерна коммуны Каффы хранились в башне Стагноум [14, p. 724].

Рис. 15. Армянская церковь Св. Иоанна Предтечи.

После постройки нового оборонительного кольца облик города существенно изменился. Теперь в Каффе появились уже не два, как прежде, а три модуля застройки: внутри цитадели расположены кварталы, носившие имя цивитас (civitas), кварталы в пределах стен внешнего кольца обороны называются бурги (burg) и застройка вне стен крепости - антибурги (antiburg). Данная схема членения города на три части, сложившись в конце XIV века, будет существовать до конца XVIII столетия. Затем, уже российские имперские архитекторы, предложат иную градообразующую схему для Феодосии.

Месторасположение средневековых культовых зданий - один из слабо изученных аспектов истории Каффы. Точная локализация храмов, мечетей, кенас, позволяет определить городские районы, где большую часть населения составляли представители той или иной конфессии, или общины Каффы, охарактеризовать различные части города с точки зрения этнического состава населения и, тем самым, выявить стабильность или, наоборот, изменчивость этого зонирования. Размещение культовых зданий в условиях растущего города также маркирует этапность роста его территории и время заселения его различных районов.

В Каффе проживали представители нескольких вероисповеданий. В городском пейзаже доминировали преимущественно храмы христиан трех основных конфессий - католические, православные (византийские) и армянские. Известны также два иудаистских молельных дома и одна мечеть [11, p. 42].

По письменным источникам мы знаем названия католических церквей: Св. Агнессы (ecclesia Sancti Agnetis) 1318 г., Девы Марии (ecclesia Sancte Marie) 1316 г., Св. Доминика (ecclesia Beati Dominici, Fratrum Predicatorum) 1344 г., Св. Марии на базаре (ecclesia Sancte Marie Bazalis) 1386 г., Св. Доминика (ecclesia Sancti Dominici) 1386 г., Св. Георгия (ecclesia Sancti Georgii) 1381 г., Св. Георгия во дворце коммуны (Sancti Georgii capellam palatii) 1386 г., Св. Лаврентия (ecclesia Sancti Laurentii) 1381 г., Св. Анны (ecclesia Sancte Annea) 1381 г., Св. Николая (ecclesia Beati Nicolai) 1344 г., Св. Михаила (ecclesia Sancti Michaelis) 1381 г., Св. Франциска (ecclesia Beati Francischi, ordinis Minorum) 1344 г., Св. Иоанна (ecclesia Beati Iohannis Baptiste) 1381 г., Св. Екатерины (ecclesia Sancte Caterine) 1381 г., Св. Даниила (ecclesia Sancti Daniillii) 1386 г., Св. Антония (ecclesia Sancti Antonii) 1381 г., Св. Креста (ecclesia Sancte Crucis) 1381 г., Св. Ангела (ecclesia Sancti Angeli) 1386 г., Св. Лазаря (ecclesia Sancti Lazari) 1386 г., Св. Симона (ecclesia Sancti Simonis) 1386 г., Св. Квирика 1386 г., Христа (ecclesia Christi) 1381 г. [27, p. 91; 14, p. 213].

К сожалению, фиксированные даты строительства есть только для нескольких церквей. В 1316 году заново возводится церковь Св. Марии [27, p. 91; 14, p. 213], в 1318 строится кафедральный собор Св. Агнессы [27, p. 91; 14, p. 213], в 1386 году близ лоджии Коммуны завершено строительство нового дворца тогда же, видимо, появилась и дворцовая часовня [27, p. 91; 14, p. 213; 38, с. 707]. Можно предположить, что подавляющее большинство церквей было построено в промежуток от времени восстановления фактории в 10-х годах до начала 80-х годов XIV века - двадцать два латинских храма упоминаются в массариях Каффы 80-х годов [38, с. 704].

Без проведения широких археологических исследований городской территории невозможно точно локализовать католические храмы в ее пределах. Возможно лишь приблизительно обозначить места, где они концентрировались. И основным ориентиром служит изменение пейзажа города в период Османского владычества. По источникам этого времени известно, что практически все население латинского цивитаса Каффы, а также частично армянское и греческое были насильственно переселены в Стамбул после взятия османским войсками города в 1475 году. Кварталы, опустевшие после этой акции, заселялись мусульманами, и теперь архитектурными доминантами в них выступают мечети. Высокой концентрацией объектов мусульманского культа отличаются в городе периода Османов три исторических района: цитадель, рыночная площадь с прилегающей к ней жилой застройкой и кварталы в приморской части на главной улице. По нашему мнению, именно здесь и располагались прежде католические храмы.

Во второй половине XIV в. большую часть населения Каффы составляли греки. В текстах 1381-1386 годов упомянуты 10 византийских храмов: Свв. Апостолов, Св. Феодора (Рис. 9; 13), Св. Анастасии, Св. Варвары, Св. Акиндина, Св. Кириака, Св. Параскевы, Св. Василия, Св. Никиты. Рядом с церковью Св. Димитрия (Рис. 12; 13) располагался центр греческой общины (logia Grecorum). Кроме того, есть сведения о храме Св. Николая (1374 г.) [45, p. 25; 8, с. 159-169].

Все православные (греческие) храмы составляли в городе три компактные группы: первая - в центре главной улицы приморской части (Рис. 10), вторая - в северо-западной части, в непосредственной близости от первой, третья - на юго-востоке городской территории (Рис. 11; 13). Единственная загородная греческая церковь, располагалась на незаселенной территории уже вне пределов внешнего оборонительного кольца, вблизи юго-восточного района.

Собственную церковную организацию во главе с епископом имела в Каффе армянская община. До начала XV века в латинских и армянских текстах XIV в. упомянуто шесть армянских церквей: Св. Троицы, Св. Саркиса (Сергия) (Рис. 14), Св. Иоанна Предтечи (Рис. 15), Св. Георгия, Св. Николая и Св. Минаса, а также, вне города, монастырь Гамджак с церковью Прсв. Богородицы [46, p. 229; 9, с. 220-221].

Первое и единственное свидетельство существования иудейских памятников в Каффе периода генуэзского господства принадлежит баварцу - солдату Иоганну Шильтбергеру, который побывал в Каффе в начале XV века и заметил, что там "... есть два рода евреев, имеющие две синагоги...". По данным картографических источников удалось локализовать эти культовые объекты. Интересно отметить, что оба здания принадлежали разным этническим и конфессиональным общинам - собственно евреям, которые прибыли в Каффу из стран Европы, Ближнего Востока и Византии, и общине караимов, проживавших в Крыму в предшествующий период. Оба сооружения располагались в юго-западной части средневекового города на территории восточного склона холма Митридат, на расстоянии 80 метров друг от друга, посередине кварталов, в XIV-XV вв. известных под названием Judecha, которые были населены людьми, исповедующими иудаизм. В плане оба здания прямоугольной формы и отличаются лишь размерами [6, с. 7].

Заключение

Во второй половине XIV в. город достигает наивысшей точки развития. На протяжении второй половины XIV - первой половины XV вв. Каффа играла ведущую роль не только в торговой, но и

политической жизни Черноморского региона. После 1365 г. администрация Каффы от обороны переходит к наступлению и на Крымском побережье Черного моря, на землях ранее принадлежавших Золотой Орде, создает новое политическое образование - систему городов, крепостей и селений, подчиненных Генуе, которое получило название Генуэзская Газария и охватывало всю береговую черту, включая поселения Южнобережья [47, с. 186-205], города Солдайю, Чембало (Балаклаву), Воспор (Боспор, Керчь) [48, с. 157-161; 49, с. 282-294; 50, с. 137-145] и их сельские округа.

Благодарности

Работа выполнена за счет средств субсидии, выделенной в рамках государственной поддержки Казанского (Приволжского) федерального университета в целях повышения его конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров.

Примечания:

1. Balard M. *Gênes et l'Outre-Mer*. T.1: Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto 1289-1290. Paris, 1973. 416 p.
2. Еманов А.Г. Север и юг в истории коммерции: На материалах Кафы XIII – XV вв. Тюмень, 1995. 226 с.
3. Balard M. Les Génois en Crimée aux XII-XV siècles // *Арχειον Ποντου. Αθηναί*, 1979. Vol. X. P. 201-217.
4. Юргевич В.Н. Примечания к Уставу для генуэзских колоний в Черном море // ЗООИД. 1863. Т. V. С. 803-857.
5. Бочаров С.Г. Оборонительные сооружения Каффы в конце XIII-XV вв. // *Фортификация в древности и средневековье. Материалы методологического семинара ИИМК. СПб., 1995. С. 69-71.*
6. Бочаров С.Г. Историческая топография Каффы (конец XIII - 1774 г.). Фортификация, культовые памятники, система водоснабжения: автореф. канд. дис. М., 2000. 21 с.
7. Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. Об атрибуции одной из средневековых церкви в Феодосии // *Стратум Плюс. Кишинев, 2000. № 5. С. 425-436.*
8. Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. Греческие православные церкви средневековой Каффы // *Православные древности Таврики. Киев, 2002. С. 159-169.*
9. Бочаров С.Г. Армянские церкви и проблемы исторической топографии Каффы (XIV-XVIII вв.) // *Материалы IV Международной конференции студентов и молодых ученых. Киев, 1996. С. 220-221.*
10. Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. Новые материалы к истории армянской колонии Каффы // *ВВ. 1997. Т. 57. С. 211-234.*
11. Bocharov S. Ottoman mosques of the city of Caffa-Kefe (1475-1774) // *The art of Islamic world and artistic relationship between Islamic countries and Europe. Abstracts. Krakow, 2009, P. 42.*
12. Νυσταζοπουλου Μ. Η ἐν Ταυρικῇ Χερσονσῶ πόλις Σουδαία. Αθηναί. 1965. 132 Στ.
13. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // *На стыке континентов и цивилизаций. М., 1996. С. 277-526.*
14. Balard M. *La Romanie Génoise (XIII- début du XV e siècle)*. Roma, Genova, 1978. T. I, II. 1009 p.
15. Антонин, архимандрит. Заметки XII–XV века, относящиеся к крымскому городу Сугдее (Судаку), приписанные на греческом синаксаре // ЗООИД. 1863. Т. V. С. 595-629.
16. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов относящийся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб., 1884. 558 с.
17. Бартольд В.В. Работы по исторической географии // *Сочинения. Т. 3. М., 1965. 713 с.*
18. Nicephori Gregorae. *Historiae Byzantinae* // *Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Pars XIX. Vol. II. Bonnae. 1830. P. 681-687.*
19. Beyer A. *The Latins in the Euxine* // *Rapports XVe Congrès International d'Etudes Byzantines. Athènes, 1976, P. 6-25.*
20. Thiriet F. *De l'importance des mers dans le système romaniote de Venise* // *Byzantino Bulgarica. –Sofia, 1981, P. 73-86.*
21. Berindei M., Migliardi O., Riordan G. *Venise et la Horde d'Or fin XIIIe – début XIVe siècle* // *CMRS. 1988. Vol. XXIX (2). P. 239-263.*
22. Martin M. *The Venetians in the Black Sea: a general Sarvey* // *Rivista di Bizantinistica. 1993, Vol. 3. T. 2. P. 227-248.*
23. Nystazopoulou Pélékidis M. *Venise et la mer Noir du XIe au XVe siècle* // *Venezia e il Levante fino al secolo XV. Firenze, 1973. P. 550-578.*
24. Bratianu G.I. *Recherches sur commerce Génois dans la Mer Noire au XIII- e siècle*. Paris, 1929. 359 p.
25. Bratianu G.I. *Actes des notaires génois de Péra et de Caffa de la fin XIII siècle (1281-1290)*. Bucarest, 1927. 365 p.
26. Balard M. *Habitat, ethnies et métiers dans les comptoirs Génois d'Orient (XIII-XV siècle)* // *D'une ville a l'autre: structures matérielles et organisation de l'espace dans les villes Européennes (XIII-XVI siècle)*. Rome. 1989. P. 107-131.

27. Balard M., Veinstein G. Continuité ou changement d'un paysage urbain? Caffa Génois et Ottomane // *Le Paysage urbain au Moyen Age*. Lyon, 1981. P. 79-131.
28. Balard M. "Infideles" ou Comans ? A propos des "Sarraceni" de Caffa // *Bulletin d'études karaites*. 1989. T. II. P. 83-90.
29. Микаелян В.А. На Крымской земле. История армянских поселений в Крыму. Ереван, 1974. 209 с.
30. Корхмазян Э.М. Армянская миниатюра Крыма (XIV-XVII вв.). Ереван, 1978. 132 с.
31. Musso G.G. Gli ebrei nel Levante genovese: ricerche di archivio // *Berio - Bollettino bibliografico quadrimestrale*. 1970. n. 2, maggio - agosto. P. 5-27.
32. Jacoby D. Les quartiers juifs de Constantinople à l'époque byzantine // *Société et démographie à Byzance et en Roumanie latine*. London, 1975. P. 167-227.
33. Еманов А.Г. Латиняне и нелатиняне в Кафе (XIII-XV вв.) // *Из истории Византии и византиноведения*. Л., 1991. С. 107-116.
34. Бочаров С.Г. Каффа и Золотая Орда в первой половине XIV века // III Международная научная конференция, посвященная 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова «Город и степь в контактной Евро-азиатской зоне». Тез. Док. М., 2006. С. 112-115.
35. Skrzinska E. Inscriptions latines des colonies génoises en Crimée // *ASLSP*. 1928. Vol. LV1. 141 p.
36. Бочаров С.Г. Фортификационные сооружения Каффы (конец XIII - вторая половина XV вв.) // *Причерноморье в средние века*. СПб., 1998. Вып. 3. С. 82-117.
37. Карпов С.П. Кризис Таны 1343 г. в свете новых источников // *ВВ*. 1994. № 55. С. 121-127.
38. Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 г. / Пер., вступит. статья и примечания В.Н.Юргевича // *ЗООИД*, 1863. Т. V. С. 629-857.
39. Bocharov S. The 1365-1387 Conflict between Genova and the Golden Horde as Reflected in the Genoese Fortification of Crimea // *Ethnic Contacts and cultural exchanges North and West of the Black Sea (between the Greek Colonization and the Present)*. Yassi, 2005. P. 19-21.
40. Петров Н.И. Греческое рукописное евангелие XI века // *Записки Императорского русского археологического общества*. СПб., 1886. Т. I. С. 169-198.
41. Pistarino G. *I Gin dell'Oltremare*. Genova, 1988. 250 p.
42. Basso E. La colonizzazione Genovese nel Mar Nero nel tardo medioevo: aspetti etnici e sociali // *I problemi del Mar Nero nel passato e nel presente*. Genova, 1992. P. 22-51.
43. Basso E. Il "bellum de Sorchati" ed i trattati del 1380 - 1387 tra Genova e l'Ordo d'Oro // *Studi genuensi*. N. S. Genova, 1991. Vol. VIII. P. 11-26.
44. Vasiliev A. A. *The goths in the Crimea*. Cambridge, Massachusetts, 1936. 293 p.
45. Balard M. The Greeks of Crimea under Genoese Rule in the XIVth and XVth Centuries // *DOP*. № 49. 1995. P. 23-32.
46. Balard M. Les Orientaux à Caffa au XVe siècle. // *Byzantinische Forschungen XI*. Amsterdam. 1987. P. 223-238.
47. Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии генуэзской Газарии XIV-XV веков (Керченский полуостров) // *175 лет Керченскому музею древностей. Материалы международной конференции*. Керчь, 2001. С. 157-161.
48. Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии генуэзской Газарии XIV-XV вв. Южный берег Крыма // «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических». Сборник научных трудов по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения П.И. Кеппена. Киев, 2004. С. 186-205.
49. Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии генуэзской Газарии XIV-XV вв. Консульство Солдайское // *Античная древность и средние века*. Сборник научных трудов. Екатеринбург, 2005. Вып. 36. С. 282-294.
50. Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV-XV веков (Кампанья Каффы) // *Материалы V Международной научной конференции, посвященной 80-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве»*. Казань; Астрахань, 2011. С. 137-145.

References:

1. Balard, M. (1973) *Gênes et l'Outre-Mer*. T.1: Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto 1289-1290. Paris. 461.
2. Emanov, A. (1995) North and south in the history of commerce: on materials Caffa XIII – XV centuries. Tyumen. 226 (In Russian).
3. Balard, M. (1979) Les Génois en Crimée aux XII-XV siècles. *Арχειον Ποντου*. Αθηναί, 1979. Vol. X. 201-217.
4. Yurgovich, V. (1863) Notes to the Charter for the Genoese colonies in Black sea. Notes of the Odessa Society of History and Antiquities. V. 803-857. (In Russian).
5. Bocharov, S. (1995) Fortifications of Caffa in the late thirteenth and fifteenth centuries. Fortification in ancient and medieval times. Materials methodological seminar IHMC. St. Petersburg. 69-71. (In Russian).

6. Bocharov, S. (2000) Historical topography of Caffa (end of XIII - 1774). Fortification, religious monuments, water supply system. Abstract PHD dis. Moscow. 21 (In Russian).
7. Aybabina, E., Bocharov, S. (2000) About attribution of a medieval church in Feodosia. *Stratum Plus. Kishenev. № 5.* 425-436. (In Russian).
8. Aybabina, E., Bocharov, S. (2002) Greek orthodox church of the medieval ancient Caffa. *Orthodox ancient of Tavriki*. Kyiv. 159-169. (In Russian).
9. Bocharov, S. (1996) Armenian churches and the problem of historical topography of Caffa (XIV - XVIII centuries). Proceedings of the IV International Conference of Students and Young Scientists. Kiev. 220-221. (In Russian).
10. Aybabina, E., Bocharov, S. (1997) **New materials in the history of the Armenian colony of Caffa.** Byzantine vremennik. 57. 211-234. (In Russian).
11. Bocharov, S. (2009) Ottoman mosques of the city of Caffa-Kefe (1475-1774). The art of Islamic world and artistic relationship between Islamic countries and Europe. Krakow. 42.
12. Νυσταζοπουλου Μ. Η ἐν Ταυρικῇ Χερσονσῶ πόλις Σουγδαία. Αθῆναι. 1965. 132 Στ.
13. Safargaliev, M. (1996) The collapse of the Golden Horde. At the junction of the continents and civilizations. M. 277-526. (In Russian).
14. Balard, M. (1978) La Romanie Génoise (XIII - début du XV-e siècle). Roma, Genova. I, II. 1009.
15. Antonin, Archimandrite, (1863) Notes XII - XV century, relating to the Crimean city of Sughd (Sudak), attributed to the Greek Synaxarion. Notes of the Odessa Society of History and Antiquities. V. 595-629. (In Russian).
16. Tizengauzen, V. (1884) The collection of materials relating to the history of the Golden Horde. I. St. Petersburg. 558. (In Russian).
17. Bartold, V. (1965) Works in the historical geography. 3. Moscow. 713 (In Russian).
18. Nicephori Gregorae (1830) *Historiae Bizantinae. Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae.* XIX. II. Bonnae. 681-687.
19. Bryer, A. (1976) The Latins in the Euxine. Rapports XV-e **Congrès International d'Études Byzantines.** Athènes. 6-25.
20. **Thiriet, F. (1981) De l'importance des mers dans le système romaniote de Venise.** Byzantino Bulgarica. Sofia. 73-86.
21. **Berindei, M., Migliardi, O., Riordan, G. (1988) Venise et la Horde d'Or fin XIIIe – début XIVe siècle.** CMRS. XXIX (2). 239-263.
22. Martin, M. (1993) The Venetians in the Black Sea: a general Sarvey. *Rivista di Bizantinistica.* 3. 2. 227-248.
23. Nystazopoulou Pélékidis, M. (1973) Venise et la mer Noir du XIe au XVe siècle. Venezia e il Levante fino al secolo XV. Firenze. 550-578.
24. Bratianu, G. (1929) Recherches sur commerce Génois dans la Mer Noire au XIII- e siècle. Paris. 359.
25. Bratianu, G. (1927) Actes des notaires génois de Péra et de Caffa de la fin XIII siècle (1281-1290). Bucarest. 365.
26. **Balard, M. (1989) Habitat, ethnies et métiers dans les comptoirs Génois d'Orient (XIII-XV siècle). D'une ville à l'autre: structures matérielles et organisation de l'espace dans les villes Européennes (XIII-XVI siècle).** Rome. 107-131.
27. **Balard, M., Veinstein, G. (1981) Continuité ou changement d'un paysage urbain? Caffa Génois et Ottomane.** Le Paysage urbain au Moyen Age. Lyon. 79-131.
28. **Balard, M. (1989) "Infideles" ou Comans? A propos des "Sarraceni" de Caffa.** Bulletin d'Études karaites. II. 83-90.
29. Mikaelian, V. (1974) On the Crimean land. History of Armenian settlements in the Crimea. Yerevan. 209. (In Russian).
30. Korkhmazyan, E. (1978) Armenian miniature of Crimea (XIV-XVII centuries.). Yerevan. 132. (In Russian).
31. Musso, G. (1970) Gli ebrei nel Levante genovese: ricerche di archivio. Berio-Bollettino bibliografico quadrimestrale. n. 2, maggio-agosto. 5-27.
32. Jacoby, D. (1975) Les quartiers juife **de Constantinople a l'époque byzantine.** Société et démographie a Byzance et en Romanie latine. London. 167-227.
33. Emanov, A. (1991) Latins and nelatinyane in Caffa (XIII-XV centuries). From the history of Byzantium and Byzantine. Leningrad. 107-116. (In Russian).
34. Bocharov, S. (2006) Cuffa and the Golden Horde in the first half of the XIV century. III International Scientific Conference to the 75th anniversary of G.A. Fedorov-Davydov`s "The City and the steppe in contact Euro-Asian region". Moscow. 112-115. (In Russian).
35. Skrzinska, E. (1928) Inscriptions latines des colonies génoises en Crimée. ASLSP. LV1.
36. Bocharov, S. (1998) Fortifications of Caffa (end of XIII - the second half of the XV cent.). Black Sea area in the middle ages. S. Petersburg. 3. 82-117. (In Russian).
37. **Karpov, S. (1994) Crisis of Tana in 1343 in the light of new sources.** Byzantine vremennik. № 55. 121-127. (In Russian).

38. Charter for the Genoese colonies in the Black Sea, published in Genoa in 1449. (1863). Trans., introduction and notes V.N. Yurjevicha. Notes of the Odessa Society of History and Antiquities. V. 629-857. (In Russian).

39. Bocharov, S. (2005) The 1365-1387 Conflict between Genova and the Golden Horde as Reflected in the Genoese Fortification of Crimea. Ethnic Contacts and cultural exchanges North and West of the Black Sea (between the Greek Colonization and the Present). Yassi. 19-21.

40. Petrov, N. (1886) Greek manuscript gospel of XI century. Notes of the Imperial Russian Archaeological Society. St. Petersburg. I. 169-198. (In Russian).

41. **Pistarino, G. (1988) *Gin dell'Oltremare. Genova. 250.***

42. Basso, E. (1992) La colonizzazione Genovese nel Mar Nero nel tardo medioevo: aspetti etnici e sociali. I problemi del Mar Nero nel passato e nel presente. Genova. 22-51.

43. **Basso, E. (1991) *Il "bellum de Sorchati" ed i trattati del 1380 - 1387 tra Genova e l'Ordo d'Oro.*** Studi genuensi. N. S. Genova. VIII. 11-26.

44. Vasiliev, A. (1936) The goths in the Crimea. Cambridge, Massachusetts.

45. Balard, M. (1995) The Greeks of Crimea under Genoese Rule in the XIVth and XVth Centuries.

DOP. № 49. 23-32.

46. Balard, M. (1987) Les Orientaux à Caffa au XVe siècle. Byzantinische Forschungen XI. Amsterdam. 223-238.

47. Bocharov, S. (2001) Notes on the historical geography of the Genoese Gazaria XIV - XV centuries (Kerch Peninsula) // 175 years of Kerch Museum of Antiquities. Proceedings of the international conference. Kerch. 157-161. (In Russian).

48. Bocharov, S. (2004) Notes on the historical geography of the Genoese Gazaria XIV - XV centuries. Southern coast of Crimea. "About Antiquities Southern coast and mountains Taurian". Proceedings of scientific papers on the conference in honor of the 210 - anniversary of P. I. Keppen. Kiev. 186-205. (In Russian).

49. Bocharov, S. (2005) Notes on the historical geography of the Genoese Gazaria XIV–XV. Consulate Soldayskoe. Antiquity and the Middle Ages. Collection of scientific papers. Ekaterinburg. 36. 282-294. (In Russian).

50. Bocharov, S. (2011) Notes on the historical geography of the Genoese Gazaria XIV - XV centuries (Campagna of Caffa) // Proceedings of the V International scientific conference devoted to the 80th anniversary of G. A. Fedorov-Davydov "Dialogue of the city and steppe cultures in Eurasia." Kazan, Astrakhan. 137-145. (In Russian).

УДК 94/904

Генуэзские владения в Крыму во второй половине XIV в.

Сергей Геннадиевич Бочаров

Казанский Федеральный университет, Российская Федерация
Лаборатория археотехнологии и археологического материаловедения
420000, Казань, ул. Кремлевская, 18
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
E-Mail: sgbotcharov@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена присутствию Генуэзской республики в Крыму в середине XIV в. В этот период генуэзские владения в Северном Причерноморье состоят только из одного крупного города – Каффы. Во второй половине XIV в. город достигает наивысшей точки развития. На протяжении второй половины XIV – первой половины XV вв. Каффа играла ведущую роль не только в торговой, но и политической жизни Черноморского региона. После 1365 г. администрация Каффы от обороны переходит к наступлению на землях, ранее принадлежавших Золотой Орде, в результате чего создает на Крымском побережье Черного моря новое политическое образование – систему городов, крепостей и селений, подчиненных Генуе, которое получило название Генуэзская Газария и охватывало всю береговую черту, включая поселения Южного бережья - города Солдайю, Чембало (Балаклаву) и Воспоро (Боспор, Керчь), а также их сельские округа.

Ключевые слова: Генуя; Каффа; Золотая Орда; историческая топография; Генуэзская Газария; Крым в Средние века.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 38, Is. 4, pp. 825-833, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 737.23/904

Nuremberg Counting Jetons of XVI–XIX centuries: from Western Europe to Western Siberia

Andrey A. Pushkarev

Tomsk State University, Russian Federation
634050, Tomsk Region, Tomsk, Lenin Avenue, 36
E-mail: supdron@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the history of Western counting jetons, which have spread over a vast area from Western Europe to Siberia. The history of jetons is very dynamic. For more than three centuries in Western Europe tokens were used as a tool for calculation in trading shops, government offices, etc. In the second half of the XVI century because the spread of the written account the functions of jetons fundamentally changed. They are being used as chips in card games, they were presented as souvenirs, scattered among the crowd at weddings and festivals, etc. At the same time, jetons became the translation tool for public information about the government, in the form of images of the reigning monarch, as well as key political events.

Through trade exchange jetons penetrate into the territory of Western Siberia, where their function changed again. All counting tokens from burial graves in Western Siberia, have holes for hanging or sewing, which indicate their use as ornaments. However, in the culture of the indigenous population decorations had not only aesthetic but also a sacred, religious meaning.

Keywords: Counting jetons, Western Siberia, Western Europe, archaeology, numismatics.

Введение

Западноевропейские счетные жетоны (счетные пфенниги) представляют собой феномен, который получил распространение на обширной территории от Западной Европы до Сибири. Изначально жетоны появляются в XIII в. в Западной Европе как инструмент для ведения наглядного счета. В XVI в. ситуация кардинально меняется – с распространением арабских чисел появляются письменные методы счета, и необходимость в жетонах для осуществления математических операций отпадает. Парадоксально, но при этом популярность жетонов не только не уменьшается, а значительно увеличивается. Фактически происходит инверсия функции жетонов – вместо инструмента счета они начинают использоваться как сувениры, фишки в карточных играх и др. Помимо этого, они становятся средством пропаганды определенных политических лозунгов, идей. Изображение на жетонах царствующих монархов, а также отражение ключевых политических событий фактически превращают их в средство трансляции наиболее важной информации для населения Европы. Однако на этом удивительная история счетных жетонов не заканчивается.

Посредством торгового обмена жетоны попадают на территорию Сибири, где их функция вновь меняется. В традиционной культуре аборигенов Сибири они приобретают мифический и религиозный смысл. Профили монархов здесь воспринимаются уже как изображения мифических персонажей и духов. Жетоны органично встраиваются в обрядовую практику традиционных культур Сибири и используются для оформления фигур духов-охранителей, изображения умерших и жертвенных даров и пр.

Специфика счетных жетонов заключается в том, что, с одной стороны, это нумизматический источник, а с другой – и археологический. В связи с этим целесообразно рассмотреть историю их исследования в двух аспектах – нумизматическом и археологическом.

В зарубежной нумизматике тема, связанная со счетными жетонами второй половины XVI–XIX вв., хорошо изучена. Капитальные труды по анализу и датированию данных источников вышли в свет еще в конце XIX – начале XX в. [1; 2; 3]. Итогом многолетних исследований стал двухтомный каталог М. Митчинера «Жетоны, медали и токены» (1988) [4]. Автором был обработан колоссальный объем нумизматических источников, составлено их подробное описание и произведена датировка. Помимо каталога, в книге присутствует очерк по истории производства жетонов. Сегодня данный труд является основным для определения и датировки западноевропейских счетных жетонов.

Серьезным препятствием для отечественных разработок темы, связанной со счетными жетонами, является то, что иностранные исследования не переводились на русский язык в библиотеках России и практически отсутствуют. Только в 2000-е гг. в информационной сети Интернет появляется ряд зарубежных статей, посвященных счетным жетонам, в которых описана история их чеканки, а также приведены датировки некоторых из них [5; 6].

В отечественной нумизматике тема, посвященная счетным жетонам, до сих пор отражена единственной работой – И.Г. Спасского [7]. Его статья является частью коллективного исследования об археологическом изучении стоянок русских арктических мореходов на о. Фаддея и в заливе Симса. Среди прочих артефактов на о. Фаддея была обнаружена небольшая серия жетонов нюрнбергского медальера Ганса Краувинкеля. И.Г. Спасский составил информативный нумизматический очерк, в котором провел анализ не только серии жетонов с о. Фаддея, но и привлек к изучению и другие счетные пфенниги, обнаруженные на территории Сибири [7, с. 130-138].

В работах сибирских исследователей счетные жетоны, как археологические источники начинают анализироваться в 1990-х гг. В разработке методики датировки погребений со счетными жетонами стала значима работа Б.В. Мельникова [8]. Он проследил пути проникновения жетонов в Западную Сибирь, подробно описав торговые маршруты XVII в., и убедительно доказал широкие возможности использования счетных жетонов в качестве датирующего материала.

Рассматриваемая тема разрабатывалась в монографии О.А. Милищенко, посвященной использованию монет и жетонов как датирующего инвентаря из позднесредневековых поселений и могильников бассейна р. Тара [9]. В ней впервые для погребальных памятников Западной Сибири сделана попытка использования метода датировки с помощью эталонных инвентарных комплексов.

Определенный научный вклад в разработку темы, связанной с западноевропейскими счетными жетонами, внес с начала 2000-х гг. и автор данной статьи. Опубликована статья, посвященная датированию счетных пфеннигов (2003) [10]. Совместно с А.И. Бобровой представлена классификация счетных жетонов из памятников Нарымского Приобья (2004) [11]. В другой статье автор выделил и описал основные этапы процедуры датировки счетных жетонов: определение даты чеканки нумизматических находок, периода хождения, времени доставки в Западную Сибирь и обращения в культуре аборигенного населения (2012) [12].

Целью настоящего исследования явилось обобщение и анализ всех имеющихся данных о счетных жетонах, обнаруженных в могильниках на территории Западной Сибири.

Материалы и методы

В процессе настоящего исследования проанализирован широкий круг нумизматических, археологических и исторических источников, касающихся феномена распространения и использования западноевропейских счетных жетонов в культуре народов Западной Сибири. Распространение жетонов в Восточной Сибири не рассматривается, поскольку большинство соответствующих источников с этой территории не опубликованы.

Автором к началу 2015 г. выявлено 199 счетных пфеннигов, происходящих из 55 погребений 22 могильников Западной Сибири. Все находки жетонов картографированы, что позволило проанализировать особенности их распределения на данной территории. Для всех жетонов, за исключением экземпляров очень плохой сохранности определено имя мастера-чеканщика. Именно эта информация дает возможность датировать жетоны, так как по письменным источникам восстановлены годы работы большинства мастеров, чеканивших их [4, с. 311].

На основной массе счетных пфеннигов XVII в. имя мастера воспроизводилось полностью и располагалось на кольцевой легенде аверса или реверса. Например, практически все жетоны самого популярного мастера Ханса Краувинкеля II содержали на реверсе легенду HANNES KRAUWINCKEL IN NVRENB (Ханс Краувинкель в Нюрнберге). Различие было только в небольших модификациях последнего слова. В XVIII в. среди нюрнбергских мастеров стало популярно размещать свое имя под обрезом на одной из сторон жетона. При этом они очень часто сокращали имя до инициалов. Например, на жетонах Эрнста Людвиг Зигмунда Лауэра (Ernst Ludwig Sigmund Lauer) нередко присутствует только сокращение ELSL.

При анализе западносибирской коллекции было замечено, что помимо имени мастера на некоторых счетных жетонах присутствуют элементы, позволяющие сузить датировку.

Во-первых – присутствие изображения портрета реально существовавшего лица (монарха), имя которого упоминается в легенде жетона. В этом случае годы правления монарха уточняют датировку, проведенную по годам работы мастера. В качестве примера можно привести счетный жетон мастера Иоганна Вайдингера из погребения 102 могильника Кыштовка-2. На аверсе этого жетона находится

погрудное изображение вправо Вильгельма III, а на реверсе – герб Бурбонов: щит с тремя лилиями, увенчанный большой короной [13, с. 129]. Если датировать жетон по годам работы мастера, то определяется следующий период: 1670-1727 гг. Но учет времени правления Вильгельма III уточняет датировку: 1689-1702 гг.

Во-вторых, датировку жетона позволяет сузить отображение на нем какого-либо исторического события. Например на счетных пфеннигах из кургана 20 Лукьяновского-1 могильника, чеканенных мастером Лазарем Готлибом Лауффером, изображены Вильгельм III и его жена Мария [11, с. 349-350]. Эти жетоны были выпущены в год их коронации (1689) и являются миниатюрными копиями официальных коронационных медалей [14, plates 1-3].

История функционирования счетных жетонов в Западной Европе. Счетные жетоны (счетные пфенниги) представляют собой металлические марки, которые использовались в средневековой Европе как инструмент математического счета. Термин «счетный жетон» заимствован от французского слова «jeter» - толкать, пихать, так как во время счета жетоны двигали по специальной доске (абаке или абакусу) [15, с. 270; 4, p. 20].

В античные времена греки и римляне для математического счета использовали мелкие камешки или костяные диски. Римляне называли их «calculi» (от лат. Calculus - известняк, мелкая галька), именно отсюда пошло слово «calculation» - вычисление. В средневековой Европе счетные жетоны приобрели форму монет и стали выпускаться исключительно из металла, но, по сути, они были теми же счетными единицами и в этом смысле ничем не отличались от римских «calculi» [6].

Вычисления посредством жетонов являлись приемами наглядного счета. Для проведения наглядных математических операций были необходимы: счетные жетоны и специальная счетная доска – абакус. Он имел очень много разновидностей – это мог быть специальный кусок ткани, на котором были вышиты квадраты или линии. Также абакус могли изготовить в виде деревянной доски или расчерченных линий на столе. Любая счетная доска состояла из горизонтальных линий, каждой из которых соответствовало определенное количество единиц. Промежутки между линиями соответствовали половине вышестоящего числа.

В качестве примера можно привести схематическую модель абакуса и отобразить на ней число 1742. Горизонтальные линии соответствуют числам М (1000), С (100), Х (10), I (1) (рис. 1). При этом промежутки между линиями будут равны соответственно 500 – 50 – 5. Итак, для изображения числа 1742 потребуется 10 жетонов. При проведении операции сложения жетоны, расположенные на одной линии, группировались вместе. Если в итоге на одной линии находилось пять и более жетонов, то пятерка убиралась, и один из них переходил на следующий уровень.

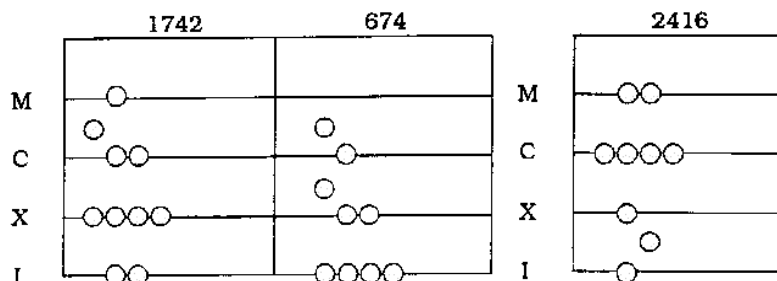

Рис. 1. Схема абакуса со счетными жетонами. По: Mernick P., Mernick H. Jettons... [5]

По внешнему облику счетные жетоны похожи на обыкновенные монеты, однако они имеют следующие внешние отличия:

- 1) основная масса жетонов чеканилась из неблагородных металлов (медь, латунь);
- 2) на счетных жетонах, начиная с середины XVI в., практически всегда есть информация о мастере-чеканщике;
- 3) на жетоне, в отличие от монеты, нет изображения номинала и стоимости.

Счетные жетоны оформлялись в соответствии со вкусами своего времени и содержали надписи и различные изображения. Их оформление всегда имело определенную цель: иногда религиозную, иногда передавало сведения о тех, кто использовал эти жетоны, иногда несло информацию о правителе и государственной власти.

Первые счетные жетоны (в форме металлических дисков, похожих на монету) появились во второй половине XIII в. в Англии и Франции. Они представляли собой копии серебряных пенни, чеканенных теми же штемпелями, но в латуни. Эти жетоны чеканились во время правления королей Эдуарда I и II [2, p. 24].

В XIV в. счетные жетоны чеканились в различных странах Западной Европы, однако Англия и Франция занимали лидирующие позиции в их изготовлении. С XV в. центром чеканки жетонов становится французский город Турне [2, p. 190].

Во второй половине XVI в. роль счетных жетонов сильно меняется. С распространением арабских чисел появляются письменные методы счета, и необходимость в жетонах для осуществления математических операций отпадает. Однако даже после этого их продолжали чеканить. У предметов появляется множество других функций: жетоны использовали как фишки в карточных играх, их дарили как сувениры, разбрасывали среди толпы на свадьбах и праздниках и т.д. Жетоны также использовались с целью трансляции информации идеологического характера [2, р. 6]. «Особенно ярко выступает политическая направленность использования счетных пфеннигов» во время Нидерландской революции – «на них встречаются изображения казни графов Эгмонта и Горна (1579), гибели испанской Армады (1588), борьбы Нидерландов за свободу вероисповедания и национальную независимость» [15, с. 270].

Со второй половины XVI в. жетоны стали своего рода средством массовой информации. Из-за своей дешевизны они получили массовое распространение среди всех слоев европейского общества того времени, и люди, несомненно, обращали внимание на сюжеты, чеканенные на них. Как правило, изображения на жетонах были очень просты для восприятия и понятны даже малообразованным людям.

Именно с середины XVI в. центр производства счетных жетонов переносится в немецкий город Нюрнберг, который становится главным экспортером счетных пфеннигов в страны Западной Европы. Самые ранние серии представлены в основном небольшими жетонами (приблизительно 2 см в диаметре) из латуни. Изображения на них разнообразны: священник, лошадь, обезьяна, шиты, а также державы – торговой марки Нюрнберга. Эти серии в основном датируются первой четвертью XVI в. [5]. Мастеров, выпускавших счетные пфенниги, было много, однако в их производстве доминировали четыре семьи – Шультес, Краувинкель, Лауфер и Лауэр [2].

Некоторые серии счетных пфеннигов разных мастеров очень схожи, самыми популярными были жетоны с изображением на лицевой стороне державы в драйпассе, а с обратной – кольца из чередующихся корон и лилий. При этом внешне различалась только легенда, остальные элементы оставались практически идентичными (рис. 2). Этот тип жетонов распространился приблизительно в период 1550–1630 гг. Также существовало множество разновидностей жетонов-медалей, чеканившихся в основном Хансом Краувинкелем и Вольфом Лауфером, каждая из которых представлена небольшим количеством [5].

Рис. 2. Счетный жетон Ханса Краувинкеля. Тискинский курганный могильник (Нарымское Приобье), курган 4, погребение 43. Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета, коллекция 9017. Раскопки А.И. Бобровой 1979 г.

Производство нюрнбергских жетонов являлось разновидностью частного предпринимательства: сам мастер выбирал наиболее популярные сюжеты для будущих жетонов, сам чеканил и занимался их реализацией [4, р. 307]. Так, у самого известного мастера Ханса Краувинкеля были личные представительства в Париже и Амстердаме [6]. Скорее всего, именно рыночное производство счетных жетонов привело их к такому широкому распространению как на территории Западной Европы, так и в России вплоть до Сибири.

Счетные жетоны на территории Западной Сибири. Жетоны являются оригинальной категорией инвентаря в могильниках Западной Сибири XVI-XIX вв. Они поставлялись из Европы в Россию, после чего следовали в Сибирь, где купцы обменивали их на товары, которые предлагали сибирские аборигены.

Погребения XVI-XIX вв. сравнительно богаты инвентарем, так как в это время начинается массовый приток русских и иностранных товаров на сибирский рынок. Простое перечисление ввозимых товаров по данным таможенных книг займет не одну страницу: популярными товарами были предметы быта (топоры, ножи, котлы и др.), а также украшения (перстни, серьги, бусы, бисер). При этом счетные жетоны являлись небольшой каплей в море русского импорта. Прямое упоминание об импорте счетных жетонов присутствует в составленной И.Ф. Кильбургером росписи немецких товаров, которые были привезены морским путем в 1671 г. в г. Архангельск: в росписи упоминаются

4 ящика счетных пфеннигов [16, с. 125]. В таможенных книгах сибирских городов большинство из них проходило, скорее всего, под статьей «лавочная мелочь» [17, с. 94, 107].

Общее количество западносибирских жетонов составляет, как упомянуто выше, 199 экз. Все они происходят из города Нюрнберга (Германия), где их отчеканили 20 мастеров В том числе: Ганс Краувинкель II (57 экз.); Вольф Лауфер II (32 экз.); Конрад Лауфер (23 экз.); Ганс Шультес III (22 экз.); Эрнст Лауэр (19 экз.), а также еще 15 мастеров (с каждым из них соотнесено от 1 до 8 экз., а в целом 37 экз.). У 9 экз. не удалось определить мастера из-за плохой сохранности.

Интересен характер распределения жетонов различных мастеров-чеканщиков в могильниках Западной Сибири (рис. 3): счетные пфенниги самой крупной серии медальера Ганса Краувинкеля II обнаружены на 11 памятниках из 22, Вольфа Лауфера II – на 8, Конрада Лауфера – на 7 памятниках.

Среди всей совокупности жетонов наиболее представительными являются серии счетных пфеннигов Ганса Краувинкеля II, Вольфа Лауфера II и Конрада Лауфера. Скорее всего, эти медальеры были основными поставщиками жетонов в Западную Сибирь. Серии счетных пфеннигов других мастеров эпизодически попадали на рынки той или иной территории Сибири, однако широкого распространения здесь не имели. Наиболее красноречиво об этом свидетельствует география находок жетонов, чеканенных разными мастерами (рис. 3). Например, счетные пфенниги Ганса Шультеса III и Лазаря Готлиба Лауфера найдены только в пределах территории современной Томской области, что может говорить о единичности поставок жетонов этих мастеров.

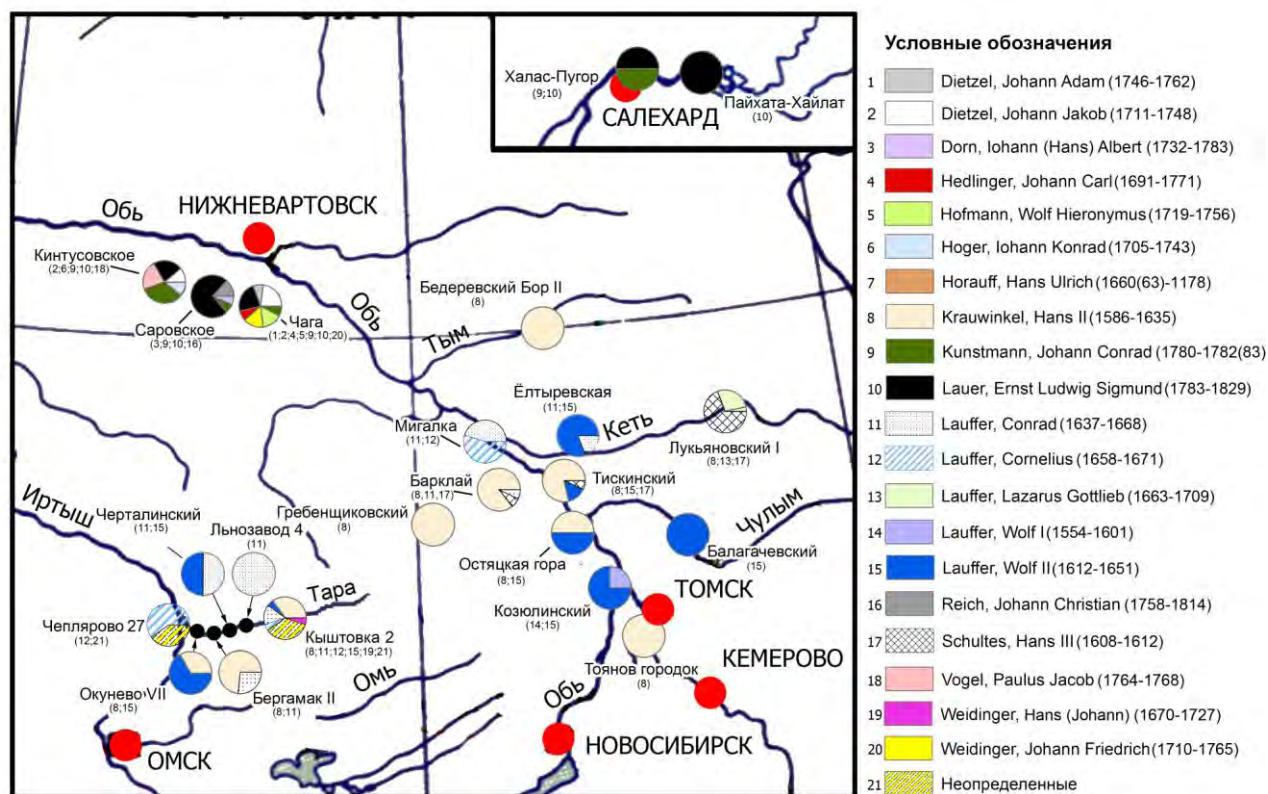

Рис. 3. Распределение жетонов различных мастеров-чеканщиков в могильниках Западной Сибири

Ареал распространения счетных жетонов охватывает всю Западную Сибирь. Очевидно, что на такой большой территории проживали различные группы населения, существенно отличающиеся друг от друга по культурным и языковым признакам. В частности, тюркоязычное население лесостепной зоны Западной Сибири на протяжении многих веков занималось кочевым или полукочевым скотоводством и имело тесные связи со степным миром. Он, помимо экспорта предметов материальной культуры, также оказывал мощное религиозное влияние через распространение ислама. Отчасти отсутствие в некоторых позднесредневековых могильниках счетных жетонов может объясняться распространением мусульманской традиции, предписывающей совершать погребения без какого-либо сопроводительного инвентаря [18, с. 127; 19, с. 505-506].

Напротив, самодийское и финно-угорское население западносибирского Севера было преимущественно охотниками и собирателями и к приходу русских придерживалось традиционных форм религии.

Популярность счетных жетонов огромной территории Западной Сибири свидетельствует о наличии определенных универсальных смыслов для представителей различных культур.

Так, все счетные жетоны из могильников Западной Сибири имеют отверстия для подвешивания или пришивания, которые указывают на их использование в качестве украшений. Находки на о. Фаддея и городище Мангазея счетных пфеннигов с проделанными отверстиями для пришивания свидетельствуют о том, что жетоны заранее готовились именно как украшения для аборигенных жителей [7, с. 130, 138]. Интересные результаты дает детальное обследование отверстий для пришивания. Все жетоны медальера Ганса Шультеца III из Лукьяновского могильника имеют очень аккуратные просверленные отверстия, расположенные одинаково друг от друга. Создается впечатление, что они еще до продажи были сделаны на точном сверлильном инструменте.

На археологических материалах определение принадлежности счетных жетонов к тем или иным видам украшений сильно затруднено из-за плохой сохранности органических материалов. Как правило, оно определяется гипотетически по расположению жетонов относительно тела погребенного. Проведенный анализ местонахождения жетонов показал, что более чем в половине случаев они были обнаружены в районе головы погребенного. То есть они могли входить в состав украшений головного убора, косы, либо серег.

Другое, часто встречаемое место обнаружения жетонов – область пояса. В качестве примера можно привести детское погребение кургана 33 Лукьяновского могильника, где обнаружен хорошо сохранившийся пояс с нашитыми на него жетонами [20]. Помимо областей головы и пояса, жетоны встречены в районе живота, груди и ног погребенных, т.е. они могли украшать практически любой элемент одежды.

В этнографических материалах с территории Западной Сибири сведений о жетонах немного. В качестве аналогов могут выступать сведения об использовании монет, так как они по внешнему виду очень схожи с жетонами. Анализ этнографических материалов в целом подтверждает археологические данные: монеты, как и счетные жетоны, использовались для украшения различных элементов одежды. У татар Среднего Прииртышья монеты использовались в украшениях головы (шапок, тюбетеек, накосников) а также на распашной плечевой одежде (безрукавки, жилеты) [21, с. 17-66]. У обских угров (ханты, манси) монеты помещались на косы, серги, халаты, съемные воротники [22, с. 125-126, 78-80].

У обских угров счетные жетоны активно использовались в обрядовой практике. В двух случаях жетоны присутствовали на одежде фигурок духов-покровителей. Еще несколько экземпляров обнаружены в качестве жертвенного дара божествам [23, с. 72-73].

Украшения одежды для аборигенного населения Западной Сибири имело не только эстетический, но и сакральный смысл. Все предметы, которые человек носил на себе, должны были помогать ему в его повседневной жизни и оберегать его и близких от различных неприятностей. Попытаемся выявить эти смыслы, охарактеризовав отдельные элементы жетонов: материал, форма и изображения, помещенные на них. Легенда не имела самостоятельного значения для аборигенов, так как европейские языки им были неизвестны.

У традиционных народов Западной Сибири издавна прослеживается трепетное отношение к цветному металлу, он имел большую ценность и обладал по преданиям магической силой. «Желтые металлы (медь, бронза, латунь, золото) являлись символом солнца, небесного огня, верхнего мира, плодородия» [24, с. 74]. В частности, у обских угров металл сам по себе считался священным. Монеты и жетоны в обрядовой практике «символизировали принадлежность культовых фигур к миру живых существ, служили вместилищем жизненной силы или символизировали душу» [23, с. 117].

Вторая значимая характеристика нумизматических источников – их форма. Этот элемент также играл большую роль в традиционной культуре. Круг, заключенный в форме жетона, символизировал солнце, мироздание. Почитание солярного знака отмечено в большинстве традиционных культур. Сама специфика тесной связи аборигенов Сибири с природой определяла особый статус этого знака. Круг часто встречается на других украшениях, таких как подвески, зеркала, чаши и др. По своей форме счетные жетоны некоторым образом «выигрывали» у русских серебряных копеек XVIII в., имевших овальную форму и незначительные размеры.

Третья характеристика – изображения на жетонах, несомненно, была не менее важна, чем две предыдущие. Например, для обских угров сюжеты, нанесенные на жетоны (портреты королей, фигуры всадников-воинов, воинов-гусар и пр.), были знакомы. «Подобные изображения они издавна привыкли видеть на восточных серебряных блюдах» [23, с.73]. Эти изображения могли ассоциироваться с какими-либо мифологическими персонажами, божествами и пр.

Все перечисленные характеристики счетных жетонов (материал, форма и изображение) играли в традиционных культурах важную роль. Сочетание этих элементов делало счетные жетоны наряду с монетами популярными у традиционных народов Западной Сибири и сопредельных территорий.

Заключение

Изучение счетных жетонов находится еще только в самом начале пути и далеко до завершения. Во-первых, ареал распространения жетонов на территории современной Российской Федерации не ограничивается только Западной Сибирью. Находки счетных пфеннигов фиксируются в

археологических памятниках Восточной Сибири [25] и Поволжье [26]. Необходимо тщательное изучение этих коллекций жетонов, их археологического и этнографического контекста.

Во-вторых, совершенно неразработанной является тема, связанная с производством и распространением русских жетонов, которые пришли на смену западноевропейским счетным пфеннигам. Их находки также фиксируются на территории Западной Сибири и Поволжья. Эти темы очень тесно связаны, так как и те и другие жетоны выполняли у аборигенного населения идентичные функции.

В-третьих, необходимо практическое применение счетных жетонов как датирующего инвентаря. Это актуально в первую очередь для погребальных памятников Западной Сибири, для которых практически отсутствуют иные способы датировки. Перспективным является использование погребений с жетонами и монетами в качестве эталонных датирующих комплексов для сравнительной датировки археологических комплексов, где нумизматические находки отсутствуют. Эта процедура является следующим шагом на пути построения хронологии археологических памятников Западной Сибири XVI–XIX вв.

Благодарности

Статья написана в рамках научного проекта, выполненного при поддержке Программы «Научный фонд им. Д.И. Менделеева Томского государственного университета» в 2015 г.

Примечания:

1. Neumann J. Beschreibung der bekanntesten Kupfermunsen. Prag, 1886. Band V.
2. Barnard F.P. The Casting Counter and the Counting Board. Castle Cary, 1981.
3. Eklund O.P. The Counters of Nuremberg // The numismatist vol. 39 (1926). P. 164-169. 424 p.
4. Mitchener M. Jetons, Medalllets and Tokens. Vol. 1. Mediaeval period & Nuremberg. Seaby, 1988. 704 p.
5. Mernick P. Jettons or Reckoning Counters [Электронный ресурс] / Mernick P., Mernick H. 2002. Режим доступа: <http://www.mernicks.freeseve.co.uk/jetton/> (дата обращения 02.04.2012).
6. Van Beek B. Jetons: Their Use and History [Электронный ресурс]. 1986. Режим доступа: <http://www.chicagocoinclub.org/projects/PiN/juh.html> (дата обращения 02.04.2012).
7. Спасский И.Г. Счетные жетоны // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в. Л.; М.: Изд-во Главсевморпути, 1951. С. 130-138.
8. Мельников Б.В. Поздние погребальные памятники Таежного Прииртышья // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск: Изд-во ОмГУ, 1991. С. 142-156.
9. Милищенко, О.А. Монеты и жетоны как датирующий инвентарь позднесредневековых поселений и могильников: (На примере бассейна реки Тары). Омск: Изд-во ОмГАУ, 2005. 144 с.
10. Пушкарев А.А. Датировка западноевропейских счетных жетонов // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск: Изд-во Наука-Омск, 2003. С. 228-230.
11. Боброва А.И. Счетные пфенниги 17 века в Нарымском Приобье / А.И. Боброва, А.А. Пушкарев // Традиционные культуры и общества Северной Азии с древнейших времен до современности. Кемерово: Изд-во КемГУ, 2004. С. 348-350.
12. Пушкарев А.А. Методика датировки погребений с нумизматическими находками из могильников Западной Сибири // Вестн. Томского государственного университета. История. 2012. № 2 (18). С. 152-159
13. Молодин В.И. Кыштовский могильник. Новосибирск: Наука, 1979. 184 с.
14. Rapin de Thoyras P. History of England. The Metallic History of the Reigns of King William III. and Queen Mary, Queen Anne, and King George I / P. Rapin de Thoyras, N. Tindal. London, 1747. 570 p.
15. Фенглер Х. Словарь нумизмата / Х. Фенглер, Г. Гироу, В. Унгер М.: Радио и связь. 1982. 328 с.
16. Курц Б.Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствования Алексея Михайловича. Киев, 1915. 625 с.
17. Таможенные книги сибирских городов XVII века. Вып. 2. Туринск, Кузнецк и Томск / З.В. Башкатова, И.Р. Соколовский, И.П. Каменецкий, В.А. Есипова. Новосибирск: Изд-во РИПЭЛ плюс, 1999. 124 с.
18. Водясов Е.В. Мусульманские некрополи XVII–XIX вв. в окрестностях г. Томска / Е.В. Водясов, О.В. Зайцева // Вестн. Томского государственного университета. История. 2015. № 1 (33). С. 152-159.
19. Зайцева О.В. Распространение ислама на северо-восточной периферии Золотой Орды в свете новых археологических данных / О.В. Зайцева, Е.В. Водясов // Былые годы. 2014. № 34(4). С. 504-509.
20. Археологическая коллекция из раскопок Лукьяновского курганного могильника // Музей археологии и этнографии Сибири ТГУ, колл. № 7308.
21. Смирнова Е.Ю. Одежда татар Среднего Прииртышья: этнокультурные связи и контакты. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. 112 с.
22. Богордаева А.А. Традиционный костюм обских угров. Новосибирск: Наука, 2006. 239 с.

23. Бауло А.В. Атрибутика и миф: металл в обрядах обских угров. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. 160 с.
24. Павлинская Л.Р. Некоторые вопросы техники и технологии художественной обработки металлов // Материальная и духовная культура народов Сибири: Сб. Музея антропологии и этнографии. Л.: Наука, 1988. Т. XLII. С. 71-85.
25. Харинский А.В. Счетные жетоны и монеты в погребениях приольхонских бурят XVIII–XIX вв. // Древняя и средневековая история Восточной Азии: К 1300-летию образования государства Бохай. Владивосток: Изд-во ДВО РАН, 2001. С. 273-276.
26. Шапран И.Г. Немецкие счетные жетоны: (по материалам марийских и удмуртских некрополей) // Проблемы хронологии волжских болгар. Казань, 1998. С. 27-28.

References:

1. Neumann J. Beschreibung der bekanntesten Kupfermunsen. Prag, 1886. Band V.
2. Barnard F.P. The Casting Counter and the Counting Board. Castle Cary, 1981.
3. Eklund O.P. The Counters of Nuremberg // The numismatist vol. 39 (1926). P. 164-169. 424 p.
4. Mitchener M. Jetons, Medalllets and Tokens. Vol. 1. Mediaeval period & Nuremberg. Seaby, 1988. 704 p.
5. Mernick P. Jettons or Reckoning Counters [Internet document] / Mernick P., Mernick H. 2002. Link: <http://www.mernicks.freemove.co.uk/jetton/> (date of access 02.04.2012).
6. Van Beek B. Jetons: Their Use and History [Internet document]. 1986. Link: <http://www.chicagocoinclub.org/projects/PiN/juh.html> (date of access 02.04.2012).
7. Spassky I.G. Counting jetons // Historical site of Russian arctic navigation XVII. Spb.; M.: Publishing House of the Arctic Ocean Way Agency, 1951. P. 130-138. (In Russian)
8. Melnikov B.V. Late burials of Taiga Irtysh region // Ancient burials of Ob-Irtysh region. Omsk: Omsk State University Publishing, 1991. P 142-156. (In Russian)
9. Milischenko, O.A. Coins and jetons as dating artifacts from late medieval settlements and burials: (On an example of the Tara basin region). Omsk: OmGAU Publishing, 2005. 144 p. (In Russian)
10. Pushkarev A.A. Dating of Western European counting jetons // Integration of archeological and ethnographic research. Omsk: Science-Omsk Publishing House, 2003. P. 228-230. (In Russian)
11. Bobrova A.I. 17th century counting jetons of Narym Ob region/ Bobrova A.I., Pushkarev A.A. // Traditional cultures and societies of Northern Asia from ancient times to the present (In Russian). Kemerovo: Kemerovo State University Publishing, 2004, pp 348-350.
12. Pushkarev A. Dating methods for burials with numismatic finds from burial grounds in Western Siberia // Bulletin of Tomsk State University. History series. 2012. № 2 (18). P. 152-159 (In Russian)
13. Molodin V.I. Kyshtovsky burial., Novosibirsk: Science- Novosibirsk Publishing House, 1979. 184 p. (In Russian)
14. Rapin de Thoyras P. History of England. The Metallic History of the Reigns of King William III. and Queen Mary, Queen Anne, and King George I / P. Rapin de Thoyras, N. Tindal. London, 1747. 570 p.
15. Fengler H. Dictionary of the numismatists / H. Fengler, G. Gierow, W. Unger M.: Radio and communication publishing. 1982. 328 p. (In Russian)
16. Kurtz B.G. Kilburger's essay on Russian trade in the reign of Alexei Mikhailovich. Kiev. 1915. 625 p. (In Russian)
17. Siberian cities customs books of XVII century. Vol. 2. Turinsk, Tomsk and Kuznetsk / Z.V. Bashkatova, I.R. Sokolovsky, I.P. Kamenetz, V.A. Esipova. Novosibirsk: RIPEL plus publishing, 1999. 124 p. (In Russian)
18. Vodyasov E.V. Muslim necropolis of XVII–XIX centuries near the Tomsk. / E.V. Vodyasov, O.V. Zaitseva // Bulletin of Tomsk State University. History series. 2015. № 1 (33). P. 152-159. (In Russian)
19. Zaitseva O.V. Spread of Islam in the North-Eastern Periphery of the Golden Horde in the Light of New Archaeological Evidence / Zaitseva O.V., Vodyasov E.V. // Bylye Gody. 2014. № 34 (4). P. 504-509. (In Russian)
20. The archaeological collection of Lukianovsky burial ground // Museum of Archaeology and Ethnography of Siberia Tomsk state university. Collection №7308. (In Russian)
21. Smirnova E.Yu. Clothing of Tatars of Middle Irtysh region: ethno-cultural contacts and communications. Novosibirsk: Publishing House of the IAE SB RAS, 2004. 112 p. (In Russian)
22. Bogordaeva A.A. Traditional costume of Ugric people of Ob river region. Novosibirsk Nauka,, 2006. 239 p. (In Russian)
23. Baulo A.V. Attributes and myth: metal in the rites of Ugric people of Ob river region. Novosibirsk: Science- Novosibirsk Publishing House,, 2004. 160 p. (In Russian)
24. Pavlinskaya L.R. Some questions about technique and technology of artistic treatment of metals // Material and spiritual culture of the peoples of Siberia: Series of Museum of Anthropology and Ethnography. Spb.: Science-St. Petersburg Publishing House, 1988. Т. XLII. P. 71-85. (In Russian)
25. Harinsky A.V. Counting jetons and coins in burials of Olkhon Buryats in XVIII-XIX centuries. // Ancient and Medieval History of East Asia: By the 1300 anniversary of the Bohai State. Vladivostok: Publishing House of the RAS, 2001, P. 273-276. (In Russian)

26. Shapran I.G. German counting jetons: (based on Mari and Udmurt burial grounds) // Problems of history of the Volga Bulgarians. Kazan, 1998. P 27-28. (In Russian)

УДК 737.23/904

**Нюрнбергские счетные жетоны XVI–XIX вв.:
от Западной Европы до Западной Сибири**

Андрей Александрович Пушкарев

Томский государственный университет, Российская Федерация
634050, Томская область, г. Томск, пр. Ленина, 36
Инженер-исследователь
E-mail: supdron@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена истории западноевропейских счетных жетонов, которые получили распространение на обширной территории от Западной Европы до Сибири. История счетных жетонов очень динамична. С XIII в. на протяжении более чем трех столетий жетоны в Западной Европе используются как инструмент математического счета в торговых лавках, государственных учреждениях и т.п. Во второй половине XVI века с распространением письменных методов счета в функциях жетонов происходят кардинальные изменения. Они начинают использоваться как фишки в карточных играх, их дарили как сувениры, разбрасывали среди толпы на свадьбах и праздниках и т.д. Одновременно с этим, у жетонов превращаются в инструмент трансляции для населения информации о государственной власти, в виде изображений царствующих монархов, а также ключевых политических событий.

Посредством торгового обмена жетоны проникают на территорию Западной Сибири, где их функция вновь меняется. Все счетные жетоны, из могильников Западной Сибири, имеют отверстия для подвешивания или пришивания, которые указывают на их использование в качестве украшений. Однако в культуре аборигенного населения украшения имели не только эстетический, но и сакральный, религиозный смысл.

Ключевые слова: Счетные жетоны, Западная Сибирь; Западная Европа; археология; нумизматика.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 38, Is. 4, pp. 834-841, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 930.2

Foreign Sources in the Contemporary Works of British-American Researchers on History of Russian Colonization

¹Guzel V. Ibneyeva

²Iliya A. Popov

¹Kazan (Volga Region) Federal University, Russian Federation
Kremlevskaya st., 18, Kazan city, Republic of Tatarstan, 420008
Dr. (History), Professor

E-mail: guzel.ibneyeva@yandex.ru

²Kazan (Volga Region) Federal University, Russian Federation
Kremlevskaya st., 18, Kazan city, Republic of Tatarstan, 420008
postgraduate student

E-mail: welcomin@yandex.ru

Abstract

The article considers the use of foreign archival sources by modern British and American researchers, specializing in Russian colonization processes in XVI–XVIII centuries. The authors examine the study of archival sources relating to the Russian colonization, deposited in the British archives, as well as their influence on the British historiography of Russian colonization. Additionally, this article analyzes the involvement of unpublished documents from the archives of Turkey by Anglo-American historians, which allow to highlight the history of Russian colonization of Transcaucasia, and the use of sources from the archives of China, tells the story of the accession of Siberia and the Far East to the Russian state. The authors show how archival sources of Russian origin residing abroad ("Hoover archives", "Yudin collection" at the Library of Congress, "Bakhmeteff Archive" and the materials of the Russian Orthodox Church abroad), were introduced into scientific circulation by foreign researchers. The article defines an influence of archival sources on the development of the British and American historiography of Russian colonization.

Keywords: Russian colonization, History of Siberia, Steppe, Caucasus, contemporary British-American historiography, archival sources, UK National Archives, Archive of the Prime-Minister of Turkey, Hoover Archives, Californian Historical School.

Введение

В данной статье осуществлена попытка проанализировать источниковую основу работ современных англо-американских исследователей, занимающихся изучением русской колонизации Сибири, Дальнего Востока, Степи и Кавказа конца XVI – XVIII вв. Рассмотрение использования зарубежных архивных документов англо-американскими исследователями позволяет лучше понять закономерности складывания их концепций русской колонизации означенного периода. Кроме того, зарубежные источники по истории русской колонизации по большей своей части не использовались российскими авторами. Следовательно, источниковая основа российских и англо-американских историков отличается именно в аспекте привлечения зарубежных архивных источников. В силу этого естественным становится вопрос о влиянии этого корпуса источников на складывание концепций англо-американских историков развития русской колонизации.

Материалы и методы

Источниками для написания статьи послужили работы современных англо-американских авторов, занимающихся темой русской колонизации, а также зарубежные работы, посвящённые архивному делу в Великобритании и Соединённых Штатах. В данном исследовании нашел широкое

применение, такой общенаучный метод, как метод классификации и типологизации. В данном случае он применялся для формирования групп зарубежных источников по русской колонизации. Историко-генетический метод в данной работе применялся для изучения генезиса различных теорий, концепций и представлений о русской колонизации в англо-американской историографии, формирующихся, прежде всего, на основе привлеченных источников.

Обсуждение

Проблема активного применения зарубежных исторических источников в трудах по истории русской колонизации не была популярна в отечественной историографии вплоть до распада Советского Союза. Это обуславливалось во многом идеологическими причинами. В это время за рубежом велась работа по анализу корпуса источников, находившегося в распоряжении иностранных исследователей. Эти труды были посвящены рассмотрению определённых видов источников или ограничивались исследованием источников из какого-либо одного архива. Это характерно, например, для исследований Джанет Хартли, проводимых ею в Британском архиве.

После распада Советского Союза в российской историографии начинают появляться работы, исследующих комплексы источников по русской истории, отложившихся за рубежом. В основном они касались архивных документов русского происхождения и не концентрировались на вопросе их использования в исследованиях англо-американских авторов, посвящённых колонизации. Таковы работы Е.В. Петрова о фондах русско-американских историков в архивах США [1] и Е.Г. Пивоварова о формировании коллекции славянских материалов в Библиотеке Конгресса США [2]. Исследования российских авторов не охватывали тот корпус зарубежных источников, которые использовали англо-американские авторы в своих исследованиях по истории России. В последнее время внимание к теме русской колонизации повысилось. Так, в диссертационном исследовании Д.И. Ананьева целый параграф был посвящён источниковой основе трудов зарубежных исследователей по истории колонизации Сибири [3].

Результаты

Все источники, которыми оперируют современные англо-американские исследователи русской колонизации можно разделить на несколько групп. Прежде всего, они делятся на источники опубликованные и неопубликованные. К последним относятся архивные материалы, отложившиеся в зарубежных архивах. Данная статья как раз посвящена анализу применения в работах современных англо-американских авторов именно этих источников.

Неопубликованные источники можно также условно разделить на несколько групп: источники нероссийского происхождения и собственно российские источники. Фонды зарубежных архивов включают в себя, как правило, источники двух видов. Это, прежде всего, источники личного происхождения: дневники, письма и прочие записи иностранных путешественников и учёных, находившихся с конца XVI по конец XVIII в. на территории России и на присоединённых к ней землях. Помимо этого, зарубежные архивы хранят различного рода актовые и делопроизводственные материалы из стран, сопредельных с Российским государством, охватывающие различные этапы освоения русскими новых территорий. Они включают в себя документы военно-политического или гражданско-торгового происхождения.

Для получения более подробного представления о содержании, роли и степени использования в англо-американских исторических исследованиях вышеозначенных источников остановимся на каждой из них в отдельности.

В первую очередь, охарактеризуем **источники иностранного происхождения**. Наибольшим количеством источников по русской колонизации с конца XVI по конец XVIII вв. располагает Национальный архив Соединённого Королевства. В частности, сохранились депеши и донесения британских офицеров и военных атташе, проходящих службу либо на территории российского государства, либо в непосредственной близости от него. В них можно найти описание общего положения дел в российском государстве, суждения послов о геополитических планах российской власти, развитие военных действий и так далее. Среди них следует назвать письма английских послов и агентов в России государственному секретарю Уильяму Станхопу, графу Харрингтону (1734–1735 гг.) [4]. Британских военных и дипломатов во многом интересовали вопросы взаимоотношений России и Османской империи, поскольку они непосредственно затрагивали интересы Соединённого Королевства на Среднем и Ближнем Востоке. Поэтому в их посланиях пристальное внимание уделяется процессу колонизации Российского государства территории Степи и Кавказа (например, письма о военном положении на Кавказе в 1722 г. и т.д. [5]).

Помимо этого, в Национальном архиве Соединённого Королевства содержится большое количество деловой документации источников гражданского, в основном торгового происхождения. Это различного рода письма, реляции, доклады, а также прочие актовые материалы, описывающие товары, добывавшиеся и вывозившиеся английскими торговцами из присоединённых Россией территорий. Среди них преобладают материалы о вывозе товаров из Сибири, например, сообщения о поставке железа и древесины в 1733 г. [6]. Другой пласт источников представляет материалы Московской компании, созданной в 1555 г. для исследования Северного морского пути. В документах

этой компании, хранящихся в Национальном архиве, содержится большой объём информации об освоении русскими Сибири и экономическом укладе народов Севера.

Данные архивные материалы не могли не заинтересовать английских исследователей, занимающихся темой русской колонизации. В различное время они вызывали интерес у Лео Ловенсона [7], Джералдин Фипс [8], Грегори Волкер [9], Ральф Клименсон [10], Джерами Блэк [11] и др. Анализ источников из британских архивов играл ключевую роль в их исследованиях по истории России и русской колонизации. Активно изучала источники по русской колонизации, находящиеся в Британских архивах, профессор Джанет Хартли. Она выпустила множество исследований, посвящённых архивным материалам по истории России [12] и Украины [13]. Хартли не только составила путеводитель по библиотекам и архивам Великобритании, в которых они находятся [14], но и повсеместно использовала эти источники в своих работах [15]. Применяют британские архивные источники при написании своих работ и такие современные британские исследователи русской колонизации как Дэвид Коллинз [16] и Роджер Бартлетт [17]. Они привлекали их к описанию общего экономического развития Сибири в XVIII веке. Однако, стоит заметить, что вышеозначенные источники занимают в их работах далеко не ведущую роль.

Несмотря на подобное разнообразие документов о русской колонизации Сибири, Степи и Кавказа, содержащихся в национальном архиве Соединённого Королевства, их всё же недостаточно для того, чтобы составить полноценное представление о происходящих процессах. Кроме того, большинство из них, были введены в научный оборот предыдущими поколениями исследователей, и уже не могут обеспечить новизну положений в трудах современных историков. Возможно, это послужило причиной тому, что большинство современных англо-американских авторов, занимающихся темой расширения российского государства с конца XVI по XVIII вв., при написании своих работ стали меньше на них ссылаться, стараясь найти новые комплексы источников [18]. Поиск новых документов во многом они связывают с российскими архивами, доступ в которые с конца 1980-х годов был облегчен.

Некоторые материалы по освоению русскими территории Северной Америки можно найти в американских архивах. Существование русских колониальных поселений на территории Аляски и Калифорнии (то есть на территориях, занимаемых ныне современными Соединёнными Штатами Америки), имело большое значение для политической жизни США. В связи с этим в американских архивах сохранились некоторые материалы, посвящённые этим поселениям. Однако данный комплекс источников не слишком значителен и его все же следует отнести к разряду хорошо изученных [19].

Русская колонизация Сибири и Дальнего Востока, начиная с середины XVII в., была тесно связана с Китаем. Территориальные споры, военные действия друг с другом и в отношении других государств оказали сильное влияние на колониационные процессы в восточных регионах России и территории Степи. Столь тесное переплетение интересов привело к тому, что в китайских архивах отложилось большое количество материалов, имеющих отношение к русской колонизации. В отличие от западных архивных материалов, они остаются по-прежнему малоизученными, поскольку данный корпус источников объёмен и современные исследователи успели изучить и ввести в активный научный оборот пока только небольшую их часть. Обуславливалось это, прежде всего, с трудностью получения доступа к архивным материалам в Китае.

До конца 1980-х гг. вся англо-американская историография истории русско-китайских отношений была вынуждена основываться на архивных материалах в основном российского происхождения. Однако в последнее время эта тенденция изменилась: все больше появляется монографий, основывающихся на источниках китайского происхождения. Это явилось следствием упрощения допуска иностранцев к национальным архивам Китая, а так же стремительная их компьютеризация [20].

Коснулась эта тенденция и англо-американских исследователей истории русского колониализма. Так, в монографии Фреда Бергхольца (университет Нью-Йорка), посвящённой отношениям между Джунгарским каганатом, Российской империей и Китаем, рассматриваются материалы не только из архивов Китая, но и некоторые документы, хранящиеся в Монголии [21]. В большинстве своём это делопроизводственные документы и актовые материалы. Привлечь источники китайского происхождения пытался и американский исследователь Джон ЛеДонн в своей работе «Великая стратегия Российской империи, 1650-1831» [22]. Во многом это связано с тем, что последние годы он работает в университете Саппоро и имеет больше возможностей, нежели другие авторы, для выявления источников азиатского происхождения. Вместе с тем, отметим, что анализу источников китайского происхождения в своей работе он отводит не самое большое место: они служат в основном для подтверждения его концепции геополитики российского государства. Таким образом, в трудах англо-американских исследователей, касающихся русской колонизации в XVII и XVIII вв., выявилось стремление обратиться к анализу архивных материалов центрально-азиатского происхождения.

Однако эта тенденция остаётся пока не ярко выраженной, поскольку не охватывает большей части исследователей. Значительное количество источников китайского, корейского и японского происхождения проанализировал в своей работе о колонизации русскими Дальнего Востока

американский историк Джон Стефан [23]. Использование данных источников позволило автору создать разностороннюю историю «русского» Дальнего Востока – помочь читателям взглянуть на некоторые процессы с другой стороны, а так же расширить наши знания о некоторых исторических событиях, имевших место в данном регионе. Следует отметить, что практически все зарубежные авторы повествуют о походе Хабарова на Амур, основываясь напрямую или косвенно на материалах XVIII века, собранных еще Миллером и Шлёцером. Между тем именно Джон Стефан с помощью источников китайского происхождения попытался расширить фактическую основу этого события, что ему вполне удалось.

Похожая ситуация складывается и с архивными материалами, находящимися в Турции (прежде всего это военные и делопроизводственные документы), с той лишь разницей, что административные барьеры по получению к ним доступа не так велики, как в Китае. Однако данные источники все же не введены в активный научный оборот. Большую работу по выявлению и исследованию источников османского происхождения, касающихся русской колонизации причерноморской степи и Кавказа, проделал американский историк Михаил Ходорковский (Университет Лойолы). В его книге, посвящённой политике российского государства по отношению к народам Кавказа в XVIII в., анализируется ряд источников личного происхождения, найденных им в Архиве премьер-министра Турции в Стамбуле [24]. Ходорковским впервые были введены в научный оборот документы из личной переписки турецких дипломатов на Кавказе [24].

Другим важным корпусом источников по русской колонизации, являются **документы**, имеющие **российское происхождение**, которые по тем или иным причинам оказались в архивных фондах за пределами российского государства.

Одним из обстоятельств нахождения их за границей стала передача официальными российскими организациями своих документов на хранение в американские архивные учреждения или учебные заведения. В основном, это были документы, касающиеся русской колонизации Американского континента. Так были переданы документы Русской американской компании из Ново-Архангельска властям Соединённых Штатов по условиям продажи Аляски в 1867 г. [25]. В данный момент эти материалы хранятся в Национальном архиве США в Вашингтоне [26]. Более того, в Отделе рукописей Библиотеки Конгресса США находится архив аляскинской епархии Русской православной церкви. В данном архиве хранится большое количество источников, посвящённых русскому освоению территории Северной Америки начиная с 1772 г., которые активно вовлекались в научный оборот американскими исследователями, ещё в первой трети XX в. [27].

Следует заметить, что помимо архива аляскинской епархии Русской православной церкви, в отделе рукописей Библиотеки Конгресса США хранится большое количество иных документов, принадлежащих Русской православной церкви, которые включают архивы консистории и отдельных приходов, в том числе располагающихся на колонизируемых Россией территориях [2]. Данные материалы были переданы РПЦ на хранение в американские архивы после прихода к власти в России большевиков и вынужденной эмиграции многих иерархов церкви.

Однако, основной частью, так называемого, Европейского отдела Библиотеки конгресса США принято считать «Коллекцию Г.В. Юдина». Она включает в себя огромное собрание книг, архивных материалов и их копий, собранных красноярским купцом Геннадием Васильевичем Юдиным в конце XIX в. Архив Юдина представляет собой весьма ценный материал для изучения истории русского колониального освоения Сибири с начала XVII в. [28] Свою коллекцию Г.В. Юдин в 1906 г. добровольно продал Библиотеке Конгресса США, надеясь тем самым обеспечить ей максимальную сохранность. На данный момент многие документы «Коллекции Г.В. Юдина» находятся помимо Библиотеки Конгресса в различных университетских архивах и библиотеках США. Вместе с тем, некоторое количество материалов было возвращено в Россию. Со дня перевозки архива Юдина в США и по настоящее время, он остаётся главным источниковым базисом для трудов американских исследователей русской колонизации Сибири.

Огромное значение для англо-американских историков имеют также коллекции документов о русской колонизации Степи, Кавказа, Сибири, Дальнего Востока и Аляски, собранные российскими и американскими исследователями. Самым значительным среди них является так называемый «Гуверовский архив» («Гуверовский архив войны, революции и мира»), находящийся в Стэнфордском университете в Калифорнии. Его основатель Герберт Гувер, находясь на территории Российской империи, а затем и в Советской России, собрал огромную коллекцию документов по истории российского государства, включая и те, которые отражали его территориальное расширение [29]. Нанятый им куратор Франк Голдер, не только активно пополнял коллекцию новыми документами, но и вплотную занялся изучением на их основе русской колонизации Сибири и Дальнего Востока. Оставив после себя ряд монографий, посвящённой этой теме, он тем самым стал одним из основателей так называемой «Калифорнийской школы» изучения русской колонизации [30].

Впоследствии, на основе данной коллекции свои исследования проводили ряд крупнейших американских историков, занимающихся изучением этой проблем, такие как, например, Раймонд Фишер, Роберт Кернер, Георг Ланцефф и другие. Современные англо-американские исследователи, занимающиеся изучением русской колонизации с конца XVI–XVIII вв., по-прежнему уделяют

большое внимание источникам, находящимся в данном архиве. Однако используют эти материалы в своих работах, по большей части, не напрямую, а ссылаясь на своих предшественников, изучивших их ранее.

Значительное место в изучении русской колонизации занимают документы и материалы из личных архивов русских историков. После октябрьской революции 1917 г. часть из них, эмигрировавшая в США, впоследствии передала свои личные коллекции различным американским архивам, прежде всего университетским. На данный момент различного рода «русскими коллекциями» располагают свыше сорока американских организаций [1]. Среди них можно выделить так называемый «Бахметьевский архив» Батлеровской библиотеки Колумбийского университета США в Вашингтоне. Борис Александрович Бахметьев в течение длительного времени собирал в одну коллекцию личные материалы таких известных российских историков, как В.Г. Симкович, С.А. Корф, Д. Федотов-Уайт, М.Т. Флоринский, И.Н. Шумилин, К.Ф. Штепп, А.Ц. Ермолинский [2].

Для американских историков, занимающихся темой русской колонизации, одним из самых важных собраний документов по истории колонизации Сибири является личный архив Павла Николаевича Милюкова. Данная коллекция находится в стенах архива Калифорнийского университета в Беркли [1]. Можно смело говорить о том, что во многом благодаря архиву П.Н. Милюкова получила своё широкое развитие так называемая «Калифорнийская школа» изучения территориального расширения российского государства. Если её основатели – Р.Дж. Кернер, Р. Пирс, Дж. Харрисон и Р. Фишер – являются последователями концепций С.М. Соловьева и В.О. Ключевского, то во многом, возможно, благодаря тому, что эти архивные материалы стали доступными для изучения в результате собирательской деятельности ученика В.О. Ключевского. Материалы коллекции П.Н. Милюкова в Калифорнийском университете успешно используют в своих научных работах и современные представители Калифорнийской исторической школы, занимающиеся русской колонизацией, как, например, Марк Бассин. Он много работает в Европе и в своих трудах уделяет значительное внимание теме исторической географии. Именно сквозь призму географического фактора русской колонизации он старается увязать традиции калифорнийской исторической школы и американской историографии вообще с наследием российских дореволюционных авторов [31].

Таким образом, на территории США находится довольно значительное количество документов и материалов, которые могут быть использованы для изучения территориального расширения российского государства с конца XVI по конец XVIII вв., что является хорошим основанием для развития научных исследований, посвящённых этой проблеме в американской исторической науке.

Вместе с тем, отметим, что современные английские и американские историки в изучении русской колонизации на современном этапе уделяют большое внимание архивным материалам, находящимся и на территории современной России.

Заключение

Современные англо-американские исследователи русской колонизации территории Степи, Кавказа, Сибири и Дальнего Востока (конца XVII–XVIII вв.) при написании своих работ используют разнообразный круг источников. Фундаментом источниковой базы американских историков следует назвать материалы, содержащиеся в фондах «Гуверовского» архива и Отдела рукописей Библиотеки Конгресса США. Данные источники широко введены в научный оборот и используются многими исследователями если не напрямую, то опосредованно – «из вторых рук». Можно определенно утверждать, что именно источники из вышеозначенных архивов стали основой развития американской историографии русской колонизации и предопределили на долгое время описываемые в ней сюжеты.

Весьма неоднозначно обстоит ситуация с отношением современных англо-американских исследователей истории расширения российского государства к архивным материалам зарубежного происхождения. Прежде всего, это относится к документам из британских архивов. Материалы по русской колонизации, хранившиеся в них, активно использовались историками вплоть до конца 1980-х годов. Вполне естественно, что это делали, по большей части, британские авторы. Однако с повышением доступности российских архивов для иностранных специалистов интерес к ним резко упал. Среди современных авторов цитирование источников из российских архивов встречается во много раз чаще, чем из британских. Можно сказать, что вовлечение в научный оборот источников из британских архивов повлияло в значительной мере на развитие британской исторической школы русской колонизации до середины 1980-х, однако это влияние было не столь устойчивым и со временем интерес исследователей сосредоточился именно на источниках, отложившихся в российских архивах.

Несколько иначе обстоит ситуация с архивными материалами в Турции и Китае. Они только начинают привлекаться современными англо-американскими авторами для раскрытия темы русской колонизации Кавказа и Сибири в ракурсе международных отношений. Особенно большие перспективы сулит открытие источников из архивохранилищ Китая и Монголии. Они в значительной степени позволяют взглянуть по новому на процессы присоединения территории Сибири и Дальнего Востока к Российскому государству в русле международных, общеазиатских процессов. Вследствие

того, что большая часть этих источников, ещё не привлекалась западными исследователями, есть основания предполагать, что они могут серьезно повлиять на развитие англо-американской историографии русской колонизации в будущем.

Таким образом, можно говорить, что зарубежные архивные материалы, составляющие основное отличие источниковой основы трудов англо-американских историков от российских, все же не оказывают решающее влияние на формирование их концепций русской колонизации. Зарубежные исследователи ссылаются на них изредка, в случаях необходимости подтверждения теории, сформированной с опорой на источники русского происхождения. Следовательно, концептуальные разногласия между отечественными и зарубежными историками не связаны с использованными источниками: их расхождения определяются различием методологических подходов и парадигм. Вместе с тем, в трудах зарубежных авторов присутствует превалирование некоторых сюжетов, как следствие длительной традиции использования материалов из определённых архивов, что особенно характерно для Калифорнийской школы изучения русской истории. В целом, следует отметить, что англо-американские исследования последних 20–25 лет обладают большей обоснованностью, актуальностью использованных материалов, многообразием применяемых источников, привнесших значительную новизну в изучение русской колонизации.

Примечания:

1. Петров Е.В. Фонды русско-американских историков в архивах США // Зарубежная архивная Россия. Итоги и перспективы возвращения. Материалы международной научно-практической конференции, 16–17 ноября 2000 г. М.: Федеральная архивная служба России, 2001. С. 43–56.
2. Пивоваров Е.Г. Формирование коллекции славянских материалов Библиотеки конгресса США: к истории русско-американских культурных контактов: 1765 – середина 1950-х гг. : дис. ... докт. ист. наук : 07.00.03; С.-Петербург. гос. ун-т. СПб., 2007. 553 с.
3. Ананьев Д.А. История Сибири конца XVI – первой половины XIX вв. в англо- и германоязычной историографии (XX в.) : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Новосибирск, 2007. 183 с.
4. The National Archives of the United Kingdom. SP 91/16. f. 135.
5. The National Archives of the United Kingdom. SP 78/177/134. f. 309 -311.
6. The National Archives of the United Kingdom. ADM 106/848/176.
7. Loewenson L., 1936. Russian Documents in the British Museum. Slavonic and East European Review, vol. 14, no. 42. P. 661-9.
8. Phipps G.M. Manuscript Collections in British Archives Relating to Pre-Petrine Russia // Canadian-American Slavic Studies, 1972. vol. 6, no. 3. P: 400–15.
9. Walker G. Resources for Soviet, East European and Slavonic Studies in British Libraries. Birmingham, 1981. 240 p.
10. Cleminson R. A union catalogue of Cyrillic manuscripts in British and Irish collections, School of Slavonic and East European Studies, University of London. London, 1988. 293 p.
11. Black J. Notes and Documents. The Russian Black Sea Littoral in 1791: A Memorandum on Commercial Opportunities // The Journal of The British Records Association, 1996. Vol. 24, № 95. P. 121–129.
12. Hartley J.M. The Study of Russian History from British Archival Sources. London: Mansell, 1986. 184 p.
13. Hartley J.M. Documentary Sources Relating to Ukraine in Repositories in the United Kingdom: A Preliminary Check. Kyiv; London, 1993. 94 p.
14. Hartley J.M. Guide to Documents and Manuscripts in the United Kingdom Relating to Russia and the Soviet Union. London: Mansell, 1987. 526 p.
15. Hartley J.M. A Social History of the Russian Empire 1650–1825. London: Addison Wesley Longman, 1999. 312 p.
16. Collins D. Subjugation and settlement in seventeenth and eighteenth-century Siberia // The History of Siberia: From Russian conquest to Revolution / Ed. A. Wood. London: Routledge, 1991. 192 p.
17. Bartlett R. P. Human Capital: The Settlement of Foreigners in. Russia 1762-1804. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. 358 p.
18. Peopling the Russian Periphery: Borderland Colonization in Eurasian History / eds. N.B.Breyfogle, A.M.Schrader, W.Sunderland. London: Routledge, 2008. 200 p.
19. Петров А.Ю. Российско-американская компания: хозяйственная деятельность на отечественном и зарубежном рынках (1799–1867 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03. Москва, 2006. 478 с.
20. Ван Шу Пин. Архивы и архивное дело в Китае: преемственность и эволюция: Вторая половина XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2002. 26 с.
21. Bergholz F. W. The partition of the steppe: the struggle of the Russians, Manchus, and the Zunghar Mongols for empire in Central Asia, 1619–1758 : a study in power politics. New York: Peter Lang Publishing, 1993. 799 p.
22. LeDonne J. The Grand Strategy of the Russian Empire, 1650–1831. Oxford, Oxford University Press, 1997. 288 p.

23. Stephan. J. The Russian Far East. Stanford University Press, 1994. 482 p.
24. Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington, Indiana University Press, 2002. 308 p.
25. Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения, 1815–1832. М.; Наука, 1975. 626 с.
26. Records of the Russian-American Company, 1802–1867. М. 11. 77 rolls
27. Белобородько В.Л. Архив русской церкви на Аляске в библиотеке Конгресса США // Вопросы истории. 1969. № 8. С. 189–192.
28. Коллекция Г. В. Юдина. История создания и обзор документов, хранящихся в государственном архиве Красноярского края // Личные фонды. Справочник. Архивы Красноярского края. Красноярск, 2001. С. 90–96.
29. Даниельсон Е. Архивы русских эмигрантов в Гуверовском институте // Вестник архивиста. 2001. №1 (61). С. 202–211.
30. Golder F. A. Russian Expansion on the Pacific, 1641–1850. Cleveland: Arthur H. Clark Co., 1914. 368 p.
31. Bassin M. Turner, Solov'ev, and the "Frontier Hypothesis": The Nationalist Signification of Open Spaces // The Journal of Modern History. 1993. Vol. 65, No. 3. September. P. 473–511.

References:

1. Petrov E.V. Funds of Russian-American historians in the archives of the USA // The foreign archival Rossika. Results and prospects of return. Papers of the international scientific-practical conference, 16–17 November 2000. М.: Federal Archival Service of Russia, 2001. P. 43–56. (In Russian).
2. Pivovarov E. G. The formation of the collections of Slavic materials in US Library of Congress: the history of Russian-American cultural contacts: 1765 – mid 1950s. : theses ... doctor of hist. sciences: 07.00.03; State University of St. Petersburg. SPb., 2007. 553 p. (In Russian).
3. Anan'yev D.A. Istoriya Sibiri kontsa XVI – pervoy polovinyi XIX vv. v anglo- i germanoyazychnoy istoriografii (XX v.) : theses... cand. of hist. sciences. 07.00.00. Novosibirsk, 2007. P. 183.
4. The National Archives of the United Kingdom. SP 91/16. f.135.
5. The National Archives of the United Kingdom. SP 78/177/134. f. 309–311.
6. The National Archives of the United Kingdom. ADM 106/848/176.
7. Loewenson L. Russian Documents in the British Museum // Slavonic and East European Review. 1936. Vol. 14, no. 42. P. 661–669.
8. Phipps G.M. Manuscript Collections in British Archives Relating to Pre-Petrine Russia // Canadian-American Slavic Studies. 1972. Vol. 6, no. 3. P. 400–415.
9. Walker G. Resources for Soviet, East European and Slavonic Studies in British Libraries. Birmingham, 1981. 240 p.
10. Cleminson R. A union catalogue of Cyrillic manuscripts in British and Irish collections, School of Slavonic and East European Studies, University of London. London, 1988. 293 p.
11. Black J. Notes and Documents. The Russian Black Sea Littoral in 1791: A Memorandum on Commercial Opportunities // The Journal of The British Records Association, 1996. Vol. 24, № 95. P. 121–129.
12. Hartley J.M. The Study of Russian History from British Archival Sources. London: Mansell, 1986. 184 p.
13. Hartley J.M. Documentya Sources Relating to Ukraine in Repositories in the United Kingdom: A Preliminary Check. Kyiv; London, 1993. 94 p.
14. Hartley J.M. Guide to Documents and Manuscripts in the United Kingdom Relating to Russia and the Soviet Union. London: Mansell, 1987. 526 p.
15. Hartley J.M. A Social History of the Russian Empire 1650–1825. London, Addison Wesley Longman, 1999. 312 p.
16. Collins D. Subjugation and settlement in seventeenth and eighteenth-century Siberia // The History of Siberia: From Russian conquest to Revolution / Ed. A. Wood. London: Routledge, 1991. 192 p.
17. Bartlett R. P. Human Capital: The Settlement of Foreigners in. Russia 1762–1804. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. 358 p.
18. Peopling the Russian Periphery: Borderland Colonization in Eurasian History / eds. N.B. Breyfogle, A.M. Schrader, W. Sunderland. London: Routledge, 2008. 200 p.
19. Petrov A.J. The Russian-American Company: economic activity in the domestic and foreign markets (1799–1867): theses ... doctor of hist. sciences: 07.00.03. Moscow, 2006. 478 p. (In Russian).
20. Wang Shu Ping. Archives and Information Science in China: Continuity and Evolution: The second half of the XX century: synopsis of theses ... doctor of hist. sciences. Moscow, 2002. 26 p. (In Russian).
21. Bergholz F. W. The partition of the steppe: the struggle of the Russians, Manchus, and the Zunghar Mongols for empire in Central Asia, 1619–1758: a study in power politics. New York: Peter Lang Publishing, 1993. 799 p.
22. LeDonne J. The Grand Strategy of the Russian Empire, 1650–1831. Oxford, Oxford University Press, 1997. 288 p.
23. Stephan. J. The Russian Far East. Stanford University Press, 1994. 482 p.

24. Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington, Indiana University Press, 2002. 308 p.
25. Bolhovitinov N.N. The Russian-American relations, 1815–1832. M.: Science, 1975. 626 p. (In Russian).
26. Records of the Russian-American Company, 1802–1867. M. 11. 77 rolls
27. Beloborodko V.L. The archive of the Russian Church in Alaska in the Library of Congress // **Questions of history. 1969. № 8. S. 189–192.** (In Russian).
28. The collection of G.V.Yudin. A History and overview of the documents kept in the State Archive of the Krasnoyarsk's edge // **Personal funds. Directory. The archives of the Krasnoyarsk's edge. Krasnoyarsk, 2001.**C. 90–96. (In Russian).
29. Danielson E. The archives of Russian immigrants in the Hoover Institution // **Bulletin archivist. 2001. №1 (61). Pp. 202–211.** (In Russian).
30. Golder F. A. Russian Expansion on the Pacific, 1641–1850. Cleveland: Arthur H. Clark Co., 1914. 368 p.
31. Bassin M. Turner, Solov'ev, and the "Frontier Hypothesis": The Nationalist Signification of Open Spaces // **The Journal of Modern History. 1993. Vol. 65, No. 3. September. P. 473–511.**

УДК 930.2

Зарубежные источники по истории русской колонизации в трудах современных англо-американских исследователей

¹Гузель Вазыховна Ибнеева

²Илья Александрович Попов

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская Федерация
420008, Республика Татарстан, город Казань, ул. Кремлевская, 18
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: guzel.ibneyeva@yandex.ru

²Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская Федерация
420008, Республика Татарстан, город Казань, ул. Кремлевская, 18
Аспирант
E-mail: welcomin@yandex.ru

Аннотация. Статья рассматривает использование зарубежных архивных источников в работах современных англо-американских исследователей русской колонизации конца XVI по конец XVIII века. Авторы разбирают изучение архивных источников, касающихся русской колонизации, отложившиеся в Британских архивах, а так же их влияние на британскую историографию русской колонизации. Помимо этого в статье анализируется привлечение англо-американскими историками неопубликованных документов из архивов Турции, которые позволяют раскрыть историю колонизации русскими Закавказья, а также использование источников из архивов Китая, повествующие о присоединении к Российскому государству Сибири и Дальнего Востока. Авторы показывают, как архивные источники российского происхождения, находящиеся за рубежом («Гуверовский» архив, коллекция Юдина в Библиотеки Конгресса США, «Бахметьевский» архив и материалы Русской православной церкви за рубежом), вводились в научный оборот зарубежными исследователями. В статье определяется влияние архивных источников на развитие англо-американской историографии русской колонизации.

Ключевые слова: Русская колонизация, история Сибири, Степь, Кавказ, современная англо-американская историография, архивные источники, источниковедение, Национальный архив Соединённого королевства, Архив премьер-министра Турции в Стамбуле, Гуверовский архив, Калифорнийская историческая школа.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 38, Is. 4, pp. 842-848, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(470.6)1783”

Accessions of the Crimean Khanate (1783): Influence on Prospects and Problems of Folding of the Russian North Caucasus

Boris V. Vinogradov

Armavir State Pedagogical Academy, Russian Federation
Rosa Luxemburg street, 159, Armavir city, Krasnodar Krai, 352901
Dr. (History), Professor
E-mail: vinogradov.b@mail.ru

Abstract

The article explores the long-term and ambiguously estimated by historiographies the consequences of accession to Russia of the Crimean khanate in the context of prospects and problems of folding of the Russian North Caucasus. Peculiar features of the Russian citizenship of a number of the mountain people in the conditions of obvious strengthening of Russia in the Caucasus, dynamics of the corresponding views and actions of the Kabardian nobility in the conditions of removal Crimean and weakening of the Turkish threat of Kabarde are analyzed. Nuances of integration in structure of Russia of the Right bank of Kuban in the context of imperial migration policy and features of an ethnopolitical and confessional situation in the North Caucasus are exposed to research. It is proved that accession of the Crimea and Prikubanya opened for the Russian authorities, both new opportunities, and new problems which permission demanded both considerable time, and elaboration of new approaches to interaction with mountaineers.

Keywords: geopolitical fight for the Caucasus, an ethnopolitical situation, the osmano-russian wars, a stadial level of development, traditional values, the Russian North Caucasus

Введение

Исследование характера и особенностей российско-горского взаимодействия в широком хронологическом диапазоне остается в настоящее время проблематикой дискуссионной, причем на уровне как научном, так и публицистическом, более, пожалуй, воздействующем на общественное сознание. В оценивании российско-северокавказских взаимоотношений в немалой мере проявлялись и проявляются важные черты развития отечественной историографии – дореволюционной, советской и постсоветской, особенно по части осмысления путей и методов складывания российского многонационального государства, что, в свою очередь, выводило и выводит на осмысление его исторического бытия. Многофакторная и неоднозначная по своим обусловленности и проявлениям, деятельность России на Кавказе включала в себя несколько специфических периодов, предопределенных обстоятельствами и внешнеполитического, и внутрирегионального свойства.

В научном кавказоведении широко известно, что вторая половина XVIII в. ознаменовалась усилением России на Северном Кавказе, да и в целом, в рамках продолжительной геополитической борьбы за Кавказ с Османской империей и Ираном. Данные констатации были связаны с однозначным успехом в осmano-российской войне 1768–1774 гг. и с фактором присоединения к Российской империи большей части Крымского ханства в 1783 г. Эти взаимосвязанные события предопределили положение России в качестве сильнейшей, доминирующей стороны в противоборстве с восточными державами, несмотря на стабильно сложный для нее «европейский внешнеполитический контекст» [1, с. 65–99]. Проблематика присоединения к России Крымского ханства и последствия этого для Северного Кавказа находили отражение в зарубежной историографии. Так, известный английский историк Алан Фишер в работе «The Russian Annexation of the Crimea, 1772–1783» (2008) [2] вполне справедливо утверждал об ослаблении позиций Османской империи на Северном Кавказе в связи с потерей Портой Крымского ханства и о значении

присоединения последнего к России для формирования и развития российского многонационального государства имперского типа. Вместе с тем для «англоязычной» историографии (в том числе – американской) характерна и долговременная тенденция представлять те или иные конкретные мотивированные шаги России по расширению своей территории и их совокупность в качестве перманентной экспансии на «римско-монгольский манер» [3].

Материалы и методы

Предлагаемая статья строится на основе анализа документальных материалов из фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Государственного архива Краснодарского края (ГАКК) и опубликованных источников. К последним необходимо, прежде всего, отнести материалы Актов Кавказской археографической комиссии (АКАК). Кроме того, критически осмысливались положения и выводы ряда научных работ разных лет, посвященных разнообразным аспектам деятельности России на Кавказе и в Северо-Восточном Причерноморье, нюансам российско-горских взаимоотношений в исследуемый период. В качестве основополагающих в методологическом плане использовались принципы историзма и объективности. Комплексно применялись историко-генетический, историко-сравнительный и историко-системный методы как основные среди специально-исторических. При анализе характера и особенностей российско-горского взаимодействия критическому осмыслению подвергались возможности и «узкие места» унитарно-стадиальных и плюрално-циклических концепций исторического развития. Это определяется традиционной применимостью в советском кавказоведении (да и в ряде современных исследований) понятийно-терминологических конструкций марксистской формационной теории, которая разрабатывалась большей частью на основе осмысления европейского социально-экономического опыта, и, как представляется, не в состоянии адекватно отобразить особенности социокультурного опыта позднесредневековых горских сообществ в имевшей место динамике и в связи с характером и событиями российско-горского взаимодействия. Вместе с тем, при анализе исследуемой проблематики не представляется возможным сколь-нибудь широкое использование и понятийно-терминологического аппарата плюрално-циклических концепций, так как «цивилизационная теория» в настоящее время не является достаточно апробированной и ее использование применительно к исследованию кавказских реалий бывает отмечено немалыми элементами эклектики и даже умозрительности. Данные констатации обнажают объективные превратности того исторического плюрализма, который возобладал в отечественной науке в постсоветское время.

Обсуждение

В конце XVIII в., во многом, вследствие усиления России в рамках противоборства в регионе с Османской империей и Ираном, происходило расширение российской политической ориентации горских «владельцев» и этносоциальных сообществ, что находило отражение в подданнических присягах, реальное «наполнение» которых, правда, отражало и специфику местных социокультурных традиций, и различное понимание их сути субъектами взаимодействия [4]. Здесь следует отметить, что само «подданство» горских народов по отношению к России еще со времен Ивана Грозного значительно отличалось от того «подданнического стандарта», который существовал внутри российского государства. Сложившиеся в России «вертикальные» соотношения между властью и обществом не могли быть апробированы применительно к отношениям с горскими этносоциальными сообществами хотя бы уже и потому, что горские подданные находились вне российских административных границ, на территории региона, который являлся объектом борьбы между Османской империей, Ираном и Россией. Политические устроения горцев, принимавших присяги на российское подданство, определялись, как правило, конкретной региональной обстановкой, необходимостью защиты от притязаний восточных держав или же собственными их «усобицами», имевшими практически постоянный характер. К тому же, наличие усобиц как постоянного фактора местных реалий предполагало наличие в горской среде не только пророссийской, но и протурецкой, а для Северо-Восточного Кавказа – и проиранской «партий», при наличии ситуационной изменчивости внешнеполитической ориентации. В этом довольно запутанном контексте распространение среди горских подданных каких-либо «российских порядков» было уже невозможным. Кроме того, при всей условности понятия «подданство» применительно к статусу горцев в отношении к России, первые весьма нередко нарушали условия соответствующих присяг, особенно – по части набегов в российские же пределы. Обозначенные особенности российско-горского взаимодействия продолжали существовать в качестве фактора и в условиях явного усиления России на Кавказе в конце XVIII в.

В данной связи представляется, что государственно-правовые устои феодально-абсолютистской России не могли беспрепятственно сосуществовать с достаточно конфликтной по имперским меркам (но единственно возможной в местном понимании) горской традиционностью, «знаковые» черты которой отнюдь не всегда соотносились только с проявлениями феодализации позднесредневековых горских сообществ, степень которой, кстати, была весьма неодинакова у различных этнических групп, но, как представляется, достаточно устойчиво преувеличивается в целом ряде кавказоведческих исследований [5].

Если использовать терминологический арсенал унитарно-стадиальных концепций исторического развития, имела место стадиальная неравнозначность субъектов российско-горского взаимодействия, несмотря на долговременную взаимную историческую мотивированность к сближению в процессе формирования российского Северного Кавказа. Вместе с тем, если применять «выкладки» цивилизационной теории (в рамках плюрально-циклических концепций исторического развития), становится не вполне ясным, по каким критериям те или иные горские этносоциальные сообщества можно именовать «цивилизациями» при условии, заметим, различных трактовок смысла самого этого понятия. Ведь в последнее время можно встретить и выделение «кавказской цивилизации», и «цивилизации Кабарды» [6], и утверждение о «цивилизационной несовместимости» Северного Кавказа и России [7].

На перспективу (причем максимально приближенную) складывается ситуация, в которой овладение Россией Крымом и Правобережьем Кубани обусловило не только ряд выгод, таких как, например, возможности для широкой казачье-крестьянской колонизации Степного Предкавказья, но и ряд специфических ранее не существовавших проблем во взаимоотношениях с теми же горскими народами. Так, на протяжении целого ряда десятилетий пророссийская ориентация значительной части кабардинцев (при наличии, заметим, и протурецкой «партии») определялась в преобладающей степени потребностью в российской защите от постоянных крымско-турецких притязаний. Ситуация начала меняться уже в контексте условий Белградского мирного договора 1739 г. с Османской империей, 6-я статья которого провозглашала нейтральный статус Кабарды по отношению к России и Турции [8]. Уже тогда наметилась тенденция к снижению мотивированности кабардинской знати к российской «протекции» при стремлении к собственному доминированию на Центральном Кавказе в новых региональных реалиях, обусловленных, заметим, достижениями российской политики. Снятие собственно крымской угрозы (вехами которого являлись и «нейтрализация» Крымского ханства по Кючук-Кайнарджийскому договору 1774 г., и, собственно, ликвидация ханства в 1783 г.) и заметное ослабление Османской империи определили существенную динамику политических умонастроений кабардинской знати, фактически игнорирующей фактор российского подданства Кабарды, закрепленный на международном уровне в 1774 г., или же дающей ему интерпретации, неприемлемые для российских интересов в регионе. Даже наиболее лояльные по отношению к российским властям и имперской социокультурной традиции представители кабардинской знати, такие как Измаил Атажукин, в начале XIX в. позиционировали Кабарду в качестве «доброго соседа и союзника» России. Сам Измаил Атажукин – блестящий российский офицер и кабардинский князь одновременно – выдвигал такие проекты стабилизации обстановки в регионе, которые были категорически неприемлемы для российских интересов, но вполне соответствовали чаяниям «союзнической» (опять-таки, в собственном ее понимании), но никак не подданнической, кабардинской знати [9]. На фоне ослабления внешней угрозы Кабарде иной смысл и перспективы приобрело завершение ее исламизации. Заметим здесь, что принимаемые кабардинцами при Иване IV присяги на подданство России осуществлялись в условиях, когда адыги мусульманами не являлись, исповедуя традиционные политеистические верования с некоторыми «вкраплениями» христианства и ислама. В то же время проповеди ислама в достаточно настойчивой форме исходили от Крымского ханства и Османской империи в качестве одного из механизмов формирования соответствующей внешнеполитической ориентации. Наличие у адыгов прокрымской «партии» впоследствии во многом объяснялось нюансами процесса исламизации знати, наличием династических связей с крымскими социальными верхами. Вместе с тем отметим, что шедший на протяжении XVII–XVIII вв. у адыгов как таковой процесс исламизации не являлся существенным препятствием для политических контактов с Россией и принятия подданнических присяг. Недаром имевшие место со стороны Османской империи призывы к горцам подняться на борьбу с «неверными» долгое время не находили практически никакого отклика. Однако в конце XVIII в. новые обстоятельства ситуацию изменили. Отсутствие в регионе лояльного по отношению к России мусульманского духовенства (кадры которого готовились, как правило, в османских владениях, что предопределяло соответствующие «политические воззрения»...) в совокупности с фактическим нежеланием иметь над собой любую российскую власть обусловили в конце XVIII в. начало в Кабарде «шариатского движения» [10]. Его можно рассматривать в качестве того исламского «модернизационного» проекта, который призван был, с одной стороны, консолидировать кабардинскую знать, а с другой – предельно ограничить российские «модернизационные» возможности в регионе. В данном контексте вскоре обозначится и перспектива использования Турции в качестве потенциального союзника против нежелательного для кабардинских князей усиления России на Северном Кавказе. Первый пример подобного свойства имел место еще на заключительном этапе османо-российской войны 1768 – 1774 гг., когда ряд кабардинских владетелей в составе крымско-турецкого войска приняли деятельное участие в нападении на российские коммуникации по Тереку [11]. Наиболее рельефно, уже в условиях международного признания российского суверенитета над Кабардой, это проявится в событиях османо-российской войны 1806–1812 гг., когда кабардинская знать вступит в непосредственный контакт с турками и замыслит весьма конкретные антироссийские военные акции на Кавказской линии. Естественно, это вызовет «силовую реакцию» русских региональных военных

властей [12], [13], [14]. В данной связи большое количество безответных, думается, вопросов вызывает именование этих военно-политических перипетий «кабардино-русской войной 1810–1812 гг.» [15].

Непросто складывались и обстоятельства освоения российским государством бывшей кубанской части Крымского ханства. Кубанские ногайцы, часть из которых до того проявляла приверженность к России (в условиях, заметим, «калейдоскопичных» политических процессов в независимом от Турции с 1774 г. Крымском ханстве...) для обеспечения российских военно-стратегических интересов на Северо-Западном Кавказе не являлись приемлемым контингентом, что обусловило их переселение. Осуществленное А.В. Суворовым в конце июня 1783 г. приведение кубанских ногайцев к присяге на подданство России не могло прекратить распри между ордами и участие в набегах [16]. Следует признать, что для обеспечения на Северо-Западном Кавказе российских интересов и элементарной безопасности на вновь обретенной границе необходим был в качестве «засельников» Прикубанья лояльный и максимально предсказуемый этносоциальный контингент. И сразу было понятно, что крестьяне, как государственные, так и «частновладельческие» (то есть крепостные) для выполнения этих задач не подходили, хотя бы уже вследствие регулярных региональных «неспокойствий» и вполне прогнозируемых внешнеполитических обстоятельств. Данный фактор, по крайней мере, до середины 1790-х гг. (а сугубо в хозяйственном отношении – намного дольше...) предопределил недостаточную освоенность Россией Прикубанья. Переселение же на Кубань в 1792–1794 гг. Черноморского и части донского казачества, хоть и призвано было решить стоявшие перед Россией задачи, существенно изменило традиционную этнополитическую ситуацию в регионе. Достаточно известно, что османские власти стремились использовать территорию Левобережья Кубани («Закубанья», если пользоваться географическими определениями того времени), формально подвластного Порте по условиям фактического раздела Крымского ханства в 1783 г. в качестве плацдарма в грядущих войнах с Россией. Для этого, в частности, целенаправленно возвращались и поддерживались антироссийские настроения среди западных адыгов. Происходивший в их среде процесс исламизации и традиционные ценности по части набегового промысла создавали для этого благоприятные условия. Переход в 1787 г. на «турецкий берег» Кубани шейха Мансура, открыто действовавший против России с 1785 г. под исламскими лозунгами (заметим, впервые в практике российско-северокавказских взаимоотношений) на Северо-Восточном и Центральном Кавказе, дополнительно стимулировал соответствующие умонастроения и действия западных адыгов в условиях османо-русской войны 1787–1791 гг. Сама эта война, как известно, была предопределена стремлением турецких властей (в немалой степени, «с подачи» европейской дипломатии) вернуть себе Крым, и вообще, добиться самой масштабной ревизии тех реалий, которые сложились в связи с договорами 1774 и 1783 годов. Здесь необходимо отметить, что в ходе этой, однозначно успешной для России, войны ген. И.В. Гудович, тогдашний командующий на Кавказской Линии, рассматривал вариант присоединения Левобережья Кубани (благо, военные реалии давали к тому формальные основания...) и даже приводил западных адыгов к присягам на российское подданство. Однако еще до заключения с Турцией Ясского трактата, в сентябре 1791 г. И.В. Гудович получил ордер от Г.А. Потемкина, где предписывалось освободить «закубанцев» от подданства, признавая их независимость [17]. Явная демографическая и хозяйственно-коммуникационная слабость российского Прикубанья видится здесь одним из резонов для подобного решения. Последовавшие вскоре «высочайшие инициативы», призванные заинтересовать западных адыгов в лояльности России хозяйственными выгодами [18] были не в состоянии остановить мощную инерцию горской традиционности. К тому же Ясский мирный договор, заключенный в декабре 1791 г. и в целом, применительно к кавказским реалиям, повторявший трактаты 1774 и 1783 гг., признавал зависимость «закубанцев» от Порты. А та в сколь-нибудь пророссийских настроениях западных адыгов заинтересована, естественно, не была.

В данном широком контексте российские (прежде всего казачьи, но и, затем, крестьянские) поселения и коммуникации были долговременными притягательными объектами для систематических набеговых предприятий «закубанцев». Заметим, вместе с тем, что в случае нормализации российско-османских взаимоотношений, как то было с 1799 по 1805 гг., анапские паши как представители турецкой администрации не имели практически никакого влияния на западных адыгов в деле прекращения нападений в российские пределы и возвращения «уворованного» [19].

Так или иначе, складывались новые реалии межэтнического и социально-политического взаимодействия в рамках пограничного сосуществования «догосударственного мира» западных адыгов (не станем здесь брать в расчет попытки некоторых современных кавказоведов найти у них феодальную раздробленность или даже сословно-представительные монархии, равно как и фактор присутствия османской администрации на черноморском побережье) и российской государственной структуры. Отметим, что ранее существовавшее «контактное взаиморасположение» западных адыгов и кубанских ногайцев не предполагало масштабный выход за рамки традиционных представлений и действий тех и других. Даже если учесть относительно недавние от рассматриваемого времени жизненные привычки Черноморских казаков (бывших запорожцев), достаточно сопоставимые с некоторыми горскими традиционными ценностями, то все равно следует помнить, что именно в конце XVIII в. активно происходил процесс подчинения казачества российской государственной

власти. А это оставляло все меньше возможностей для проявления некогда существовавшей казачьей «вольницы».

Конечно, взаимодействие российского населения Прикубанья с западными адыгами в конце XVIII – начале XIX в. знало и многочисленные мирные, позитивные примеры. Причем стремление к взаимовыгодному партнерству могло, как инициироваться российскими властями, так и исходить собственно от представителей населения Прикубанья и формально турецкого Закубанья. Однако совокупность обстановки на Северо-Западном Кавказе вряд ли оставляла шансы на ее стабилизацию на взаимоприемлемых для сторон взаимодействия условиях.

Заключение

Как бы то ни было, усиление России на Кавказе в конце XVIII в., обусловленное во многом фактором присоединения Крыма и Прикубанья, открыло для российских властей, как новые возможности, так и новые, вероятно, неожиданные, проблемы, разрешение которых требовало и немало времени, и выработки новых подходов к взаимодействию с горцами в контексте неоднозначного и многомерного процесса складывания российского Северного Кавказа. В начале XIX в. стала складываться ситуация, когда прежний вариант «подданства» горских этносоциальных сообществ уже не соответствовал стратегическим интересам Российской империи на Кавказе, при том условии, что собственно российские границы все более продвигались на Южный Кавказ (Закавказье), что было связано сначала с присоединением Грузии (1801), а затем – с успехами в войнах с Османской империей (1806–1812) и Ираном (1804–1813). Если раньше фактической границей России на Кавказе была Кавказская линия, и подданство горцев в немалой мере носило «внешний» характер, теперь «горские подданные», по большей части избавленные от ранее существовавших угроз со стороны восточных держав, оказались в тылу российских владений при условии сохранения всех своих традиционных ценностей, в том числе в отношении к своему российскому подданству. Существовавшая на протяжении многих десятилетий в условиях противоборства за Кавказ между Россией, Турцией и Ираном система взаимоотношений российского государства с горцами стала заходить в тупик, фактически исчерпав свои возможности. Складывались причинность и общие контуры Северокавказского кризиса XIX века, того явления, которое по историографической традиции часто именуется Кавказской войной, при наличии ряда вопросов к этому терминологическому определению.

Таким образом, явный успех России в 1783 г. предопределил целую цепочку взаимозависимых обстоятельств, как собственно в российско-горских взаимоотношениях, так и во внешнеполитической сфере.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Министерства образования и науки Краснодарского края в рамках проекта № 15-11-23001 а(р) «Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе в контексте фактора присоединения к России Крымского ханства (1772–1829 гг.)»

Примечания

1. Виноградов Б. В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783–1816 гг. Славянск-на-Кубани: ИЦ СГПИ, 2005. С. 65–99.
2. Fisher A. W. The Russian Annexation of the Crimea, 1772–1783 // Cambridge University Press on behalf of School of Oriental and African Studies. Vol. 34, № 1 (2008). P. 155–182.
3. Le Donne J.P. The Grand Strategy of the Russian Empire, 1650–1831. NY: Oxford University Press, 2004. P. 1–9.
4. Гапуров Ш.А. Северокавказские горцы, Россия, Османская империя и Иран: некоторые вопросы взаимоотношений в XVI–XVIII вв. // Кавказская война: спорные вопросы и новые подходы. Махачкала, 1998. С. 116.
5. См., например: Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты Кабарды и их кризис в XVIII – первой половине XIX века. Нальчик: Эль-фа, 1994; Чирг А.Ю. Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII – 60-е гг. XIX в.). Майкоп: Меоты, 2002; Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века (Очерки социально-экономического и общественно-политического устройства Чечни и Ингушетии в XVIII – начале XIX века). Элиста: АПП «Джангар», 2002 и др.
6. Хатко С.Х. Цивилизация Кабарды. СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008.
7. Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты Кабарды и их кризис в XVIII – первой половине XIX века. Нальчик: Эль-фа, 1994. С. 420.
8. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. С. 433.
9. Виноградов Б.В. Интегративные проекты и дезинтегрирующие факторы в российско-северокавказских взаимоотношениях конца XVIII – начала XIX в. Славянск-на-Кубани: ИЦ СГПИ, 2009. С. 93 – 97.

10. Туганов Р.У. Шариатское движение в Кабарде против царизма в 1799–1807 гг. // Живая старина, журнал по проблемам краеведения КБ АССР. 1991. №1. С.8 – 19.
11. Виноградов Б.В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783–1816 гг. Славянск-на-Кубани: ИЦ СГПИ, 2005. С. 99.
12. Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1869. Т. II. ч.2. С. 954.
13. Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1870. Т. IV. С. 851.
14. Виноградов Б. В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783–1816 гг. Славянск-на-Кубани: ИЦ СГПИ, 2005. С. 323–325.
15. Жемухов С.Н. Кабардино-русская война 1810–1812 гг. Нальчик: Скалар, 2000.
16. Матвеев О.В., Ракачев В.Н., Ракачев Д.Н. Этнические миграции на Кубани: история и современность. Краснодар: Книга, 2003. С. 34.
17. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Фонд 23. Кавказские дела. Опись 1. Дело 37. Лист 4.
18. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Фонд 23. Кавказские дела. Опись 1. Дело 37. Лист 4, 4 об., 5.
19. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Фонд 250. Войсковая канцелярия Черноморского казачьего войска. Опись 1. Дело 7. Лист 3 – 3 об., 4.

References:

1. Vinogradov B.V. The specifics of the Russian policy in the North Caucasus in 1783–1816. Slavyansk-on-Kuban: CI state pedagogical University, 2005. P. 65 – 99.
2. Fisher A. W. The Russian Annexation of the Crimea, 1772 – 1783 // Cambridge University Press on behalf of School of Oriental and African Studies Vol. 34, №. 1 (2008). P. 155 – 182.
3. Le Donne J.P. The Grand Strategy of the Russian Empire, 1650 – 1831. NY: Oxford University Press, 2004. P. 1 – 9.
4. Gapurov S. A. North Caucasian mountaineers, Russia, the Ottoman Empire and Iran: certain questions of mutual relations in XVI – XVIII centuries // the Caucasian war: controversial issues and new approaches. Makhachkala, 1998. P. 110 – 121.
5. See, for example: Kazarov V. H. Traditional social institutions Kabarda and the crisis in the XVIII – first half XIX century. Nalchik: EI-FA, 1994; Cirg A. Yu. The development of the socio-political system of the Circassians of the Northwest Caucasus (end of XVIII – the 60-ies of XIX century). Maikop: the Meots, 2002; Akhmadov S. B. Chechnya and Ingushetia, and in the XVIII – early XIX century (Essays sotsialno-economic and socio-political structure of Chechnya and Ingushetia in the XVIII – early XIX century). Elista: app "Jangar", 2002, etc.
6. Hatco S. H. Civilization Kabarda. SPb: Publishing house of St. Petersburg. University press, 2008.
7. Kazarov V. H. Traditional social institutions Kabarda and the crisis in the XVIII – first half XIX century. Nalchik: EI-FA, 1994. P. 420.
8. The history of the peoples of the North Caucasus from ancient times to the late eighteenth century. Moscow: Nauka, 1988. P. 433.
9. Vinogradov B. V. Integrative projects and dezintegriruetsja factors in the Russian-North Caucasian relations of the late XVIII – early XIX century. Slavyansk-on-Kuban: CI state pedagogical University, 2009. P. 93–97.
10. Tuganov R. W. Sharia movement in Kabarda against tsarism in 1799 – 1807 // Living antiquity, the journal of local history KB ASSR. 1991. No. 1. P. 8 – 19.
11. Vinogradov B. V. The specifics of the Russian policy in the North Caucasus in 1783–1816. Slavyansk-on-Kuban: CI state pedagogical University, 2005. P. 99.
12. Acts of the Caucasian archaeographic Commission. Tiflis, 1869. T. II. part 2. P. 954.
13. Acts of the Caucasian archaeographic Commission. Tiflis, 1870. T. IV. P. 851.
14. Vinogradov B. V. The specifics of the Russian policy in the North Caucasus in 1783–1816, Slavyansk-on-Kuban: CI state pedagogical University, 2005. P. 323 – 325.
15. Zhemukhov S. N. Kabardian-Russian war 1810 – 1812. Nalchik: Scalar, 2000.
16. Matveev O.V., Rogachev V. N., Rakachev D. N. Ethnic migration in the Kuban region: history and modernity. Krasnodar: Book, 2003. P. 34.
17. Russian state archive of ancient acts (RGADA). The Fund 23. Caucasian Affairs. Inventory 1. Case 37. Sheet 4.
18. Russian state archive of ancient acts (RGADA). The Fund 23. Caucasian Affairs. Inventory 1. Case 37. Sheet 4, 4 vol., 5.
19. State archive of the Krasnodar region (SAKR). Fund 250. Army office of the black sea Cossack army. Inventory 1. Case 7. Sheet 3 – 3 vol., 4.

УДК 94(470.6)''1783''

Присоединения Крымского ханства (1783 г.): влияние на перспективы и проблемы складывания российского Северного Кавказа

Борис Витальевич Виноградов

Армавирская государственная педагогическая академия, Российская Федерация
352901, Краснодарский край, г. Армавир, ул. Розы Люксембург, 159
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: vinogradov.b@mail.ru

Аннотация. В статье исследованы некоторые долговременные и неоднозначно оцениваемые в историографии последствия присоединения к России Крымского ханства в контексте перспектив и проблем складывания российского Северного Кавказа. Проанализированы характерные особенности российского подданства ряда горских народов в условиях очевидного усиления России на Кавказе, динамика соответствующих взглядов и действий кабардинской знати в условиях снятия Крымской и ослабления турецкой угрозы Кабарде. Подвергаются исследованию нюансы интеграции в состав России Правобережья Кубани в контексте имперской политики и особенностей этнополитической и конфессиональной ситуации на Северном Кавказе. Доказано, что присоединение Крыма и Прикубанья обусловило для российских властей как новые возможности, так и новые проблемы, разрешение которых требовало и значительного времени, и выработки новых подходов к взаимодействию с горцами.

Ключевые слова: геополитическая борьба за Кавказ, этнополитическая ситуация, османороссийские войны, стадийный уровень развития, традиционные ценности, российский Северный Кавказ.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 38, Is. 4, pp. 849-864, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(470+481)(045)

The Role of the XVIII Century Maps and the Population of the Higher North of Russia and Norway in the Construction of the Borders of the Internal Sovereignty

¹Vladislav I. Goldin

²Konstantin S. Zaikov

³Aleksandr M. Tamitskiy

^{1, 2, 3} Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Russian Federation
Lomonosov avenue 2, Arkhangelsk, Russian Federation, 163002

¹Dr. (History), Professor

E-mail: v.i.goldin@yandex.ru

²PhD (History)

E-mail: k.zaikov@narfu.ru

³PhD (Political Science), Associate Professor

E-mail: a.tamitskiy@gmail.com

Abstract

This article is based on materials of the Russian and Norwegian archival documents, maps and studies, including for the first time introduced into scientific circulation. The aim of this article is to analyze the role of XVIII century maps of Russia and Norway in the construction of the boundaries of the internal sovereignty on example of "«the common districts» and to determine role of the local actors in the spatial territorialization of the northern regions of both countries. The authors emphasize that the maps was perceived as a conceptual visualization of the state claims therefore the maps was used in the diplomatic and political articulation in the both countries. In Norway, it was the regional concept of border delimitation along the Peisen River, or as a minimum extension of Norwegian sovereignty over the areas of the Norwegian economical activity. In Russia, it was the local concept of the border along the western boundary of the Neiden districts and the attempt to integrate the socio-cultural space of the Skolts into the state space. It emphasizes the role of local Russian Kola authorities and Sami in maintaining the stability of the interstate border.

Keywords: the Russian-Norwegian relations; map; boundaries; "«the common districts», Sami

«Карта это не объект, словно микроскоп или сканер она представляется нам техническим устройством, которое расширяет и формирует сенсорное восприятие человека, выступая одновременно и визуальной проекцией и нашими глазами в мире пространственных образов»

Christian Jacob, "The Sovereign Map"

Введение

Научные знания о физическом пространстве, населении и ресурсах – это набор инструментов, который необходим любому государству во все времена. Знания, полученные в результате исследования территорий, помогают отчетливее определить сферу государственных интересов, очерчивать политические границы и реализовывать функции внутреннего суверенитета.

Отдельное место среди научного знания занимает картография, или наука, которая аккумулирует сведения о пространстве политических субъектов¹. Карта представляется нам

¹ Описываются характеристики картографии в контексте политической географии (Прим. авторов)

визуальной семиотической системой, формирующей пространственное восприятие объектов и форм территориальности. Однако она не только объект или инструмент, который несет некую проекцию, заложенную ее конструктором, но и медиатор, который воспроизводит образ пространства и передает его от субъекта к субъекту [1]. Карта – важнейший ресурс власти, потому как посредством визуализации информации об объектах она формирует политическое пространство места, региона и страны в целом [2]. Таким образом, карта наряду с исследованием и освоением территорий является одним из основных элементов пространственной социализации, т.е. совокупности социальных практик, которые производят и воспроизводят представления о пространственных границах района проживания сообществ [3].

Согласно целям, заложенным в карты, они могут выполнять множество функций, однако мы заинтересованы лишь в тех, которые влияют на формирование физико-политических границ. В этой связи речь в статье пойдет о функциях легитимации территориальных притязаний, производства и воспроизводства знаний о пространственных границах, а также об определении основных локальных субъектов конструирования пространственных образов отображенных на картах России и Норвегии XVIII в. [4].

Материалы и методы

Статья подготовлена на основе массива исторических документов, имеющих в Государственном архиве Архангельской области, Российском государственном историческом архиве, Архиве внешней политики Российской империи, том числе впервые вводимых в научный оборот. Также материалы исследования основываются на достижениях политической географии и междисциплинарном осмыслении проблематики с позиции исторической, географической и социальных областей научного знания. В работе проводится контекстуальный анализ символических систем карт Норвегии и России XVIII в. полевых журналов землемерных и топографических комиссий с их последующим сопоставлением с локальными документами о территориально-хозяйственных конфликтах исследуемых географических районов.

Приложение № 1. Карта трех саамских сиййт, составлявших «общие округа» Норвегии и России в XVII – нач. XIX вв.

1. Нявдемский сиййт (Нейден нор.),
2. Пазрецкий сиййт (Пасвиг нор.),
3. Печенгский сиййт (Пейсен нор.)

Обсуждение

Пространство, анализируемое в картах России и Норвегии XVIII в., это «общие округа», или территория современного Южного Варангера, которая с начала XVII в. была совместным владением государств. До этого периода указанные территории были масштабнее, но в результате расширения зон административного контроля, христианизации населения и его колонизации объем их сузился. Исторически они охватывали земли коренного населения (сийт) восточной группы саамов (скольтов) вдоль р. Нейден, Пасвиг и Пейсен, и по договору 1681 г. обе державы имели равные права на сбор налогов с этого населения [5, 6].

С XVIII века Россия и Норвегия начинают активное картографирование этих территорий. Объективными предпосылками этому были развитие научного знания и идеология эпохи Просвещения. Появление статистики, создание новых методик картографирования, развитие топографической техники значительно усовершенствовали картографию, что способствовало ее дальнейшему распространению. К тому же карты постепенно становятся одним из важнейших инструментов управления территориями и формирования политического пространства [7, 8].

В России интерес к картографированию «общих округов» не был связан с попытками обозначения территориальных пределов. Для постоянно расширяющейся империи границы были скорее препятствием развития, чем фактором, обеспечивающим внутренний суверенитет. Постоянные военные конфликты требовали мобилизации ресурсов и консолидацию власти в руках монарха. В связи с этим Петр I пересмотрел политику управления территориями, и образованные им новые макрорегионы нуждались в четких административных границах, научном знании об их народонаселении. Одним из таких регионов являлась Архангелогородская губерния, образованная в 1708 г. «Общие округа» были северо-западной окраиной данной губернии.

В Норвегии интерес к картографированию «общих округов» был связан с началом колонизации данного региона и желанием элит обозначить границы внутреннего суверенитета. Власти провинции Финнмарк стали проявлять интерес к заселению Южного Варангера еще с конца XVII в. На северном берегу Варангер-фьорда уже располагались норвежские поселения Варде, Вадсе и Киберг, но этот берег имел довольно бедную флору и фауну, поэтому норвежские поселенцы использовали ресурсы более богатого в промысловом отношении южного берега фьорда и даже пытались его заселить в первой половине XVIII в., но это было безуспешно. Комплекс сервитутов ограничивал полномочия Норвегии на территории округов, и этого было достаточно для того, чтобы колонизация района стала невозможной, по крайней мере, легально [9]. Дело в том, что коренные жители округов были под административной юрисдикцией России. Тесное соседство с амбициозной державой, которая на протяжении всего XVIII столетия вела успешную территориальную экспансию, было достаточным, чтобы центральные власти королевства желали установления четких границ с Российской империей [10].

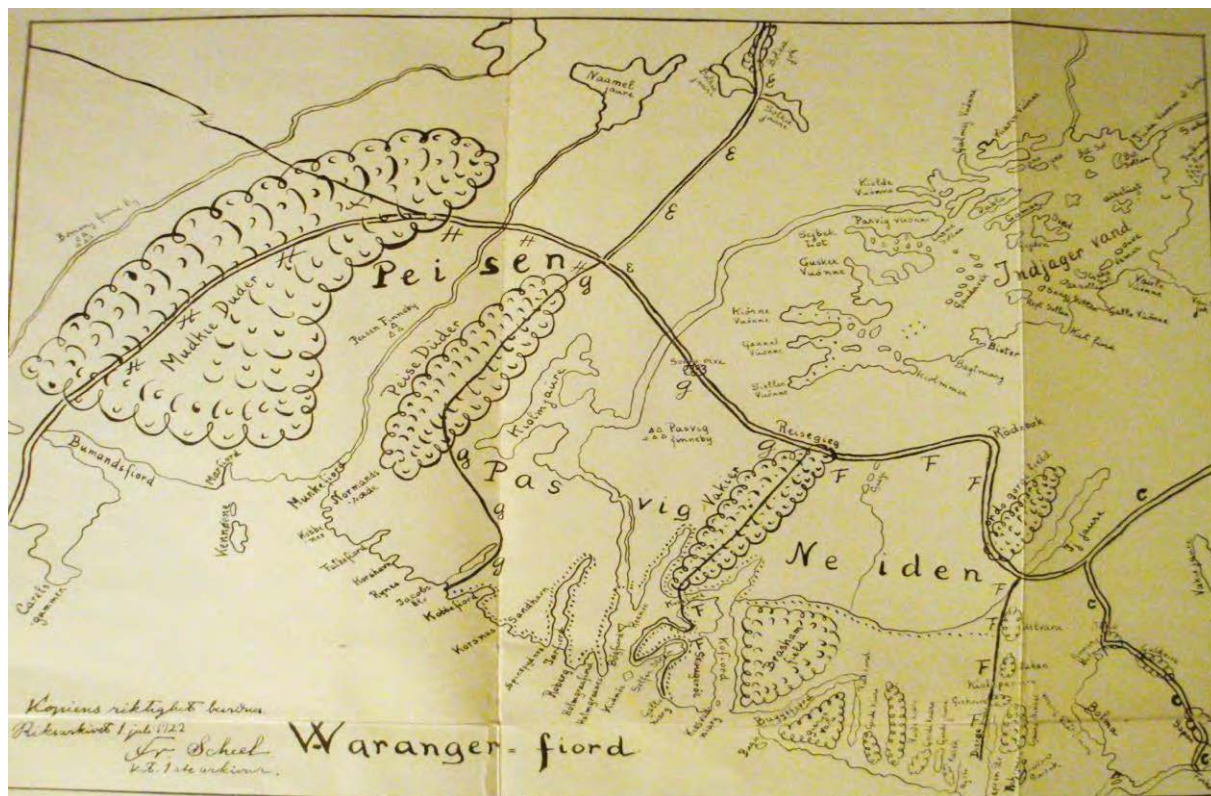
В российской историографии сложилась прочная традиция изучения истории разграничения «общих округов» в рамках классической политической и дипломатической истории. Ученые упоминали карты как один из исторических фактов при составлении нарратива, но они не анализировались как отдельный исторический источник. Центральное место в исследованиях занимало описание поведения отдельных политических акторов и их мотивов в процессе принятия решений по делимитации границы [11, 12, 13, 14, 15, 16].

В норвежской историографии сложилась традиция изучения карт «общих округов» как инструмент реконструкции границ социокультурного пространства скольтов. К сожалению, исследователи не анализировали роль карт «округов» в дипломатических переговорах России и Норвегии исследуемого периода, их влияние на формирование пространственных образов пограничья [17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25].

Мы видим, что в современном исторической науке присутствует явный недостаток научного знания о том, насколько картографирование «общих округов» повлияло на формирование образа границы России и Норвегии, какое место занимали карты в процессе принятия решений в ходе дипломатических переговоров XVIII в. Данные вопросы подводят исследователя к переоценке источниковой позиции карты с объектной в субъектную. Отметим, что историки обеих стран не рассматривали субъектную функцию карт в исторической ситуации, что мы считаем важным недостатком современной нордистики и северного исторического краеведения. Кроме того не мало важное значение занимает вопрос какое место занимали жители крайнего севера в процессе конструирования пространственных образов.

Первые систематические работы по статистическому описанию и очерчиванию «общих округов» были сделаны майором Питером Шнитлером в 1742–1745 гг. Офицер входил в состав норвежской экзаменационной пограничной комиссии, которая провела исследование спорных норвежско-шведских владений в 1742–1745 гг. Собранные материалы впоследствии стали базой для переговоров о разграничении общих норвежско-шведских владений в 1747–1751 гг. Одним из последних районов, который был исследован Шнитлером, и были совместные русско-норвежские владения [26].

Опираясь на отчеты норвежских фогтов¹ и документы архива Финмаркской губернии, майором было сделано первое статистическое описание «общих владений» и составлена карта округов приписанных к крепости Вардехюс [27].

Приложение № 2. Карта округов приписанных к крепости Вардехюс (1745 г.).

Целями составления округов и карт Шнитлера являлись формулирование норвежских интересов на общей территории, их легитимация и предложение линии разграничения совместных владений. Определяя черту возможной границы, он опирался на две группы доказательств: исторические и прагматические, которые соответствовали современным интересам норвежских жителей Северного Варангера.

К первой группе он отнес исторические документы, которые доказывали норвежские права на Кольский полуостров с XII в. Однако Шнитлер подчеркивал, что после укрепления русского присутствия на полуострове уже более ста лет (с 1613 г.) Норвегия не получала налогов с земель, находящихся восточнее «общих округов». Отказываясь от неосуществимых претензий, он предложил проект разграничения, который защищал интересы норвежского населения Северного Варангера [28].

Ко второй группе доказательств относились современные сведения о ресурсах округов, хозяйственных нуждах норвежского населения и характере хозяйственного освоения «округов». Майор определил наиболее важные районы стратегических ресурсов (лес, рыба, места пригодные для пастбы скота) и выгодные места дислокации торгового и военного флотов. Сопоставив географическое положение и ресурсоемкость округов с нуждами норвежских подданных, Шнитлер предложил отказаться от исторических притязаний на Кольский полуостров в пользу защиты интересов норвежских колонистов Отсфинмарка [29].

Майор предложил считать округа Неиден и Пасвиг частной норвежской территорией по трем критериям: принципу хозяйственной оккупации, экономической целесообразности и культурному родству. В протоколе он писал, что норвежские подданные активно осваивают оба округа более века, оба пространства имеют достаточное количество ресурсов для норвежских поселений, и коренное население культурно родственно норвежским варангерским саами, с которыми у них общие традиции, язык и культура.

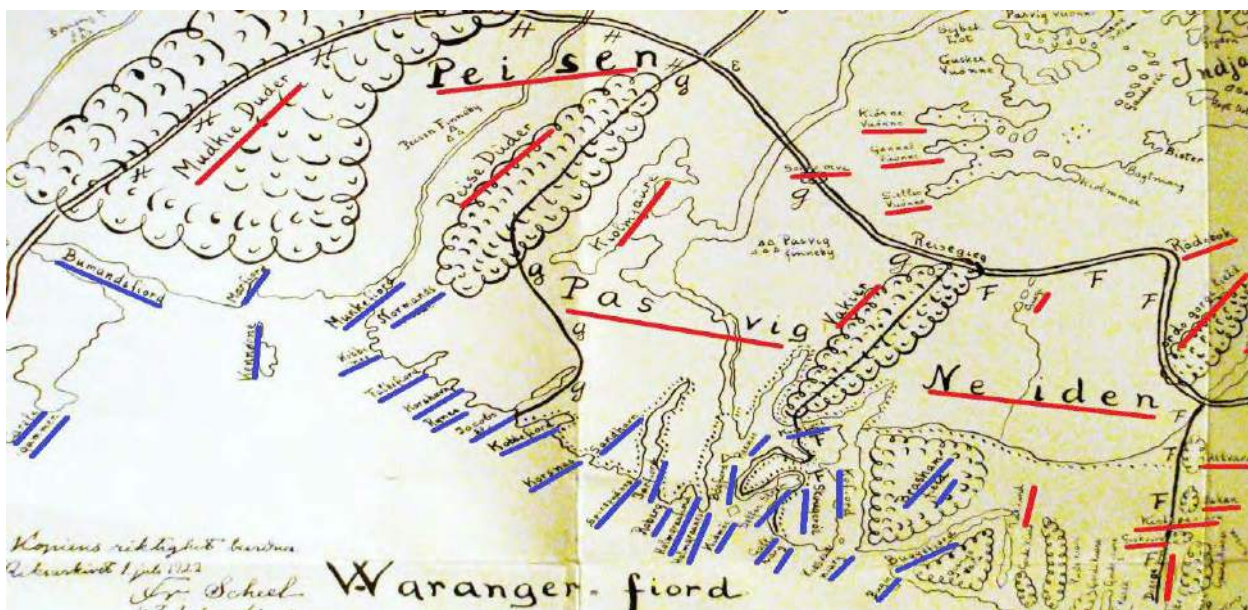
Совместным владением норвежский майор предложил считать лишь округ Пейсен и разграничить ее от Мар фьорда (Амбарной губы) в вверх по правому берегу р. Печенги до ее истока. Пространство к западу от Мар фьорда до истока Печенги оставить за Норвегией, а к востоку – за

¹ Фогт – налоговой и судебный чиновник Норвегии в подчинении, которого находились населенные пункты, объединенные по территориальному признаку в налоговые округа, низшие административные единицы Норвегии с 1670 г. до нач. XIX в.

Россией. В случае одобрения проекта Россией необходимо было отказаться от исторических претензий на Кольский полуостров, представив это своеобразной наградой за территориальную уступку. В случае же российского отказа от этого проекта предложить провести границу по срединной линии р. Печенги от Мунк фьорда (Печенгской губы) до ее истоков. После разграничения сохранить за норвежским подданным право лова рыбы и рубки леса по правой стороне р. Печенги, отказаться от исторических притязаний на Кольский полуостров и ежегодно возмещать России сумму налога ранее получаемую ею с округов Нейден и Пасвиг.

В случае если же Россия вообще не пойдет на разграничение территорий, то добиваться от нее признания за норвежскими подданными прав лова рыбы, рубки леса и колонизации всех трех «общих округов», сохраняя притязания на Кольский полуостров. Таким образом, по плану П. Шнитлера все территории, которые были необходимы для дальнейшего развития Северного Варангера предполагалось оставить за Норвегией [30].

Петер Шнитлер был первым в Норвегии, кто попытался интегрировать интересы локального населения в государственные масштабы и сформулировать комплексную стратегию поведения Норвегии в разрешении территориального спора с Россией. Поэтому карта округов, которую составил майор, была не просто пространственной визуализацией местности, но политической декларацией территориальных претензий Норвегии.

Приложение № 3. Фрагмент карты округов приписанных к крепости Вардехюс.

Красное подчеркивание – топонимы саамского происхождения.

Синее подчеркивание – топонимы норвежского происхождения.

Визуализация карты Шнитлера позволяет определить, насколько сильно данная территория была интегрирована во внутреннее пространство Норвегии. Довольно плотная локализация на карте географических объектов была обусловлена стремлением автора усилить ощущение интеграции района и визуально локализовать все возможные объекты, на которые распространялись территориальные притязания Норвегии. Это объясняет, почему высокая плотность объектов на карте (фьордов) превалирует над их точной географической локализацией. Например, недостоверные пропорции островов, рек, озер. Искусственное смещение озера Хиолм яуре (совр. - Солмиярви) на северо-восток и расположение его под истоком Якобс ельв. В действительности озеро располагается намного юго-восточнее истока Якобс Ельв. Такой же прием уплотнения географических объектов, их ассиметричная локализация с искажением объемов и мест расположения встречается и на русских картах 1745, 1792, 1794 гг.

Следующий знак, которым Шнитлер подчеркивал экономическую интеграцию части Южного Варангера, это точечный пунктир вдоль р. Нейден и далее от ее устья, вдоль побережья и прибрежных островов в юго-восточном направлении от Кой фьорда (Нявдемской губы) до Якобс ельв. Этим автор карты выделял наиболее экономически значимые для норвежского населения районы Южного Варангера.

Приложение № 4. Фрагмент карты округов приписанных к крепости Вардехюс.

Внутренние географические объекты в большинстве своем сохранили саамские топонимы, их Шнитлер выделил для локализации границ сийт двоеданных саами. Кроме этого на карте визуализирована граница сийт «общих округов» и дано указание статуса проживавших там саами (для этого Шнитлер использовал букву F вдоль границ сийт). Так автор визуально декларировал частичное распространение функций внутреннего суверенитета Норвегии над коренными жителями «общих округов» и указал пределы норвежских территориальных притязаний во внутренних их землях.

Приложение № 5. Фрагмент карты округов приписанных к крепости Вардехюс. Черная стрелка - указатель на зимнюю дорогу отображенную на карте.

На карте нанесена зимняя дорога из Вардехюс в Колу, которой пользовались норвежские чиновники для поездки с требованием дани. Известно, что в реальности никакой дороги на территории «общих округов» не существовало, был только условный маршрут, изменяемый ежегодно в зависимости от погодных условий. Почему же тогда майор придал такое больше значение этому пути и обозначил его на карте?

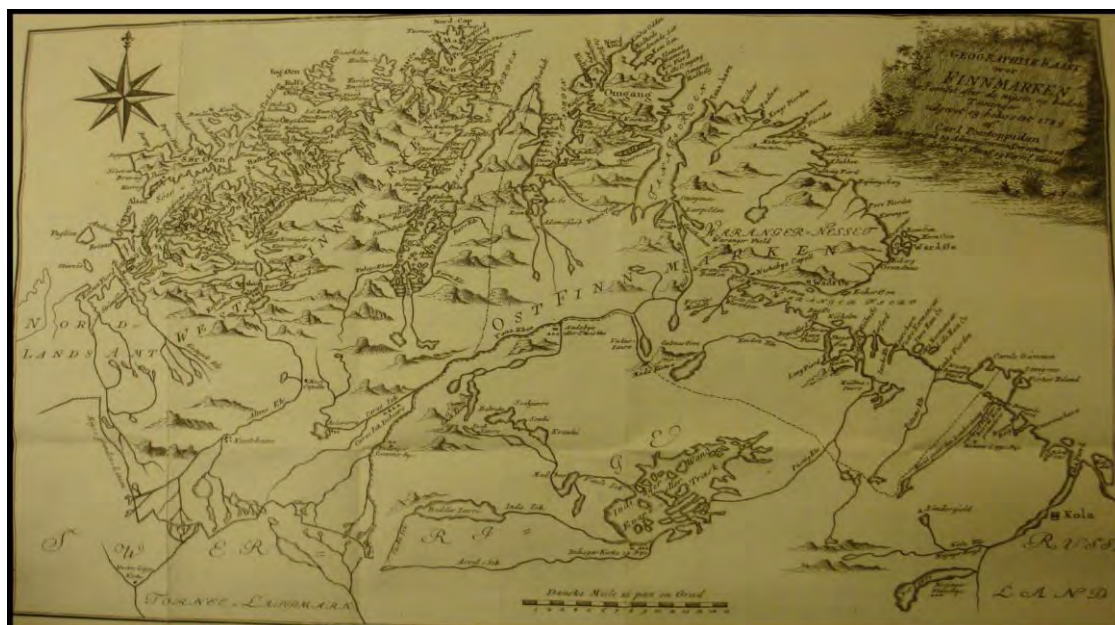
Локализация виртуальной дороги позволяла подчеркнуть историческую преемственность старых претензий Норвегии на территориальное пространство восточнее «общих округов». Линия несуществующей дороги усиливала ощущение интеграции внутренних районов «округов» с Норвегией, а также была прямой политической декларацией норвежских претензий на внутренние земли скольтов.

Границы «общих округов» Шнитлер разместил вдоль западного побережья реки Мотки, идущей от истока реки к перешейку полуострова Рыбачий, и далее по срединной линии острова. Этой чертой автор обозначил район «общих владений», но не политической границы Норвегии. В дальнейшем она была заимствована последующими картографами как визуальная политическая декларация территориальных пределов Норвегии. Несмотря на погрешности карты, смещение географических объектов, особенно внутренней территории округов (рек, озер, гор), их схематичность, она довольно подробно описывает все побережье южного Варангера, а также острова прибрежной зоны – Буг ойен (Верес Наволок), Кёй ойен (Кий остров), Хельм ойен, Скугер ойен (Шалим), Рейн ойен (Солдатский остров).

Насколько сильным было влияние карты и исследований Шнитлера на воспроизводство образа пространственных границ Норвегии во второй половине XVIII в.?

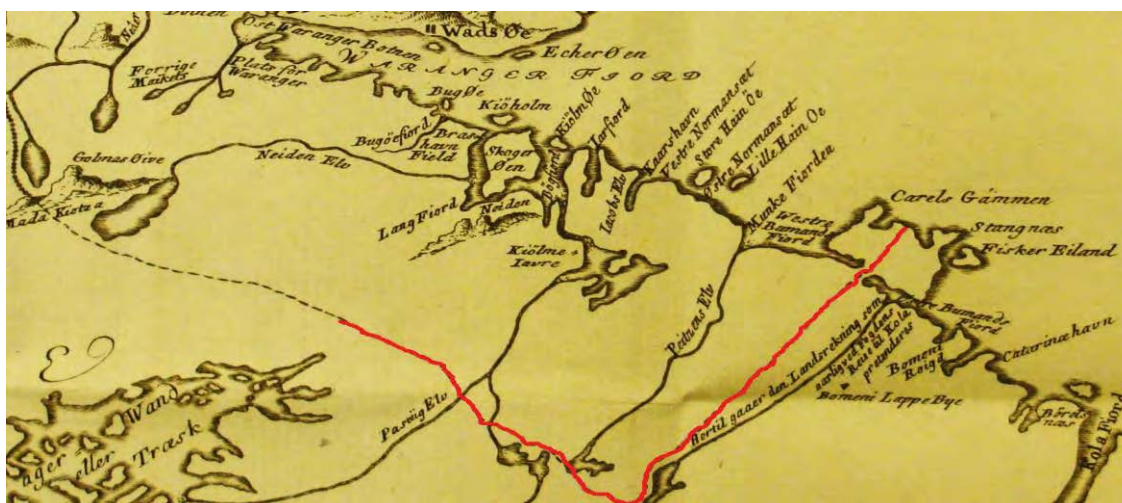
Административные барьеры русских властей, рост промысловой активности поморов и нужды норвежских подданных подтолкнули финмаркские власти с середины XVIII в. к разграничению «общих округов». В 1770–1780-ых гг. губернаторы Фьельштедт и Соммерфьельдт решают обратиться в королевский двор с предложением делимитации округов. В отчетах, которые были отправлены в Министерство иностранных дел королевства оба губернатора использовали карту и статистическое описание Шнитлера, как основной аргумент легитимации норвежских притязаний на «общие округа» [31]. Линия границы, предложенная королевским двором Норвегии в 1789, 1793, 1797, 1809 гг., полностью соответствовала концепции Шнитлера [32].

В дальнейшем карта Питера Шнитлера была взята за основу датским топографом Христианом Понтопиданом в 1795 г. при составлении «Географического описания карты Северной Норвегии».

Приложение № 6. Географическая карта Финмарка 1789 г.

Карта Понтопидана была более выраженной политической декларацией Норвегии на расширение внутреннего суверенитета. Взяв за основу карту Шнитлера, Понтопидан решает разместить несуществующую российско-норвежскую границу по восточной границе Пейсен сийты. От истока р. Мотки вдоль ее западного побережья к перешейку полуострова Рыбачий и по середине острова до его северного побережья.

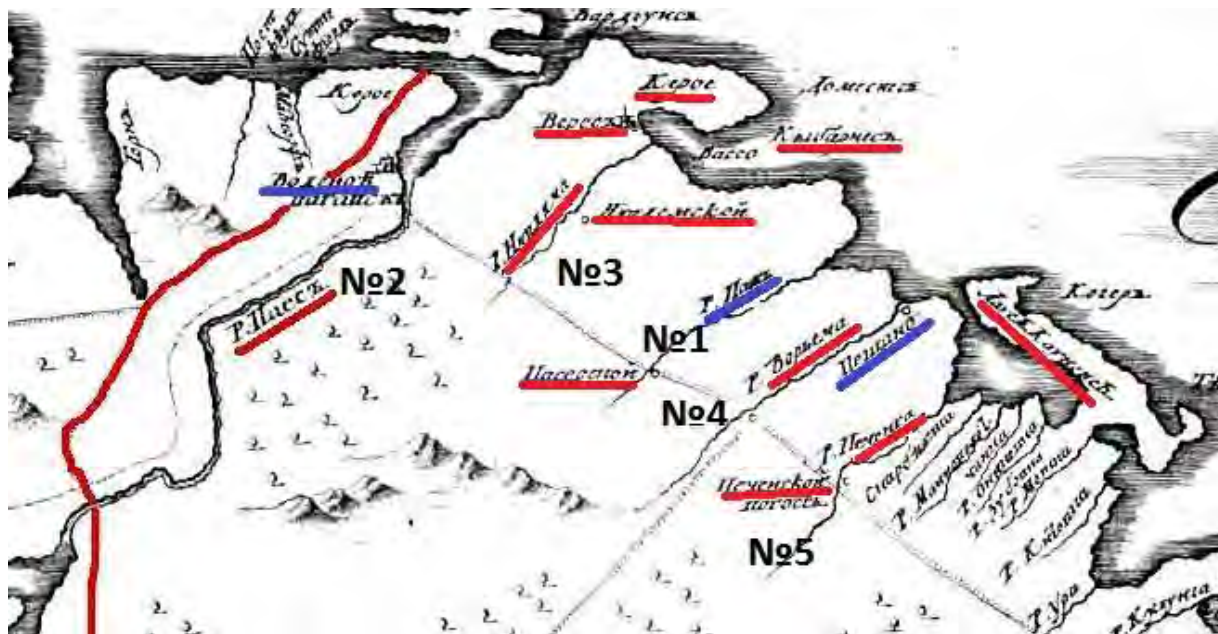

Приложение № 7. Фрагмент географической карты Финмарка 1789 г. Красный цвет – выделение линии государственной границы Дании-Норвегии отображенной в оригинале карты черным пунктиром.

По карте датского картографа все три округа оказались вписаны в территориальное пространство Норвегии. Еще одним важным символом декларации было размещение на карте вдоль воображаемой границы с Россией упоминания, что Норвегия имеет претензии на территории, находящиеся за указанной линией. Этим Понтопидан воспроизводил норвежские претензии на

территории, лежащие западнее Кольского полуострова. Остальные значимые географические объекты округов, а также их расположение, в том числе некорректная локализация Салмиярви под истоком Якобс ельв, полностью соответствовали данным карты Шнитлера.

В России первые картографические работы по съемке Кольского уезда и приграничных округов были проведены в 1728–1729 гг. По указу Императрицы Екатерины I в августе 1728 г. в Архангелогородскую губернию были посланы геодезисты Российской академии наук для составления статистического описания и ландскарта означенной губернии [33]. В архиве Архангельской области не сохранилось полевых журналов и отчета о картографических работах, проведенных на рубеже 1720–1730-х гг. XVIII в. Однако составленная карта лесов вошла в Атлас Российской империи 1745 г.

Приложение № 8. Фрагмент Атласа Российской империи 1745 г.

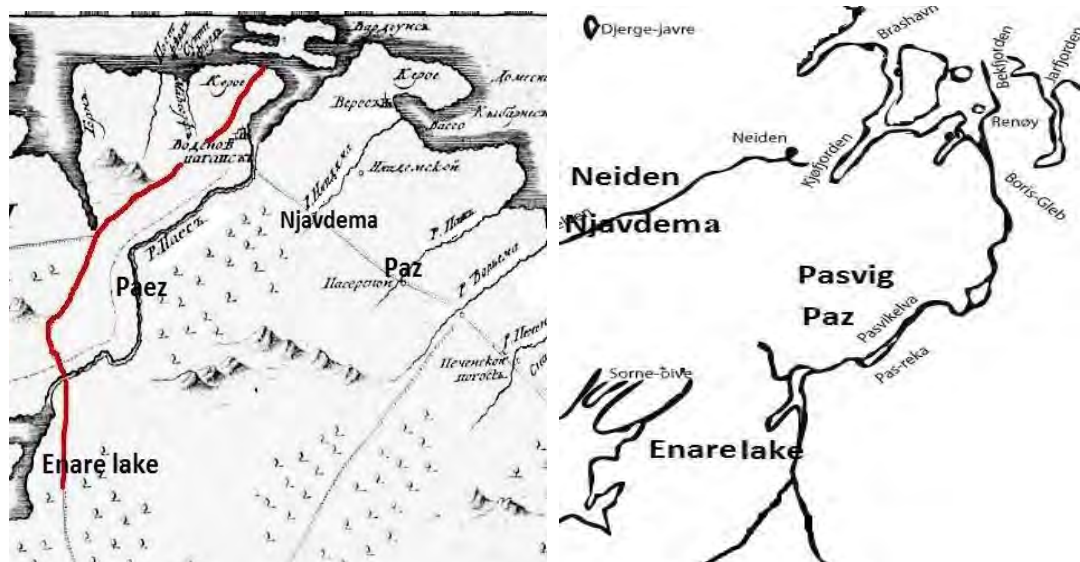
Красная линия – государственная граница Российской Империи, отображенная в оригинале карты черной линией. Красное подчеркивание – топонимы саамского происхождения. Синее подчеркивание – топонимы русского происхождения.

На карте атласа используется прием различной номинации географических объектов русскими, саамскими и норвежскими топонимами. На карте представлена и государственная граница между Россией и Норвегией, обозначенная вдоль р. Паесь (№ 2 на карте). Расположена она была западнее р. Нявдема (№ 3 на карте) и Верес губы. Прибрежная линия Северного Варангера смещена в юго-западном направлении так, что он не выглядит побережьем его северной части на этой карте. От устья р. Паесь граница шла по правому берегу реки до истока реки у озера Энаре, далее через исток вдоль старой шведской границы.

По карте Атласа 1745 г. реки Нявдема (Нейден), Паз (Пасвиг), Ворьема (Якобс) и Печенга (Пейсен) размещены юго-западнее пограничной реки Паесь. Однако сравнение с современными картами восточного Финнмарка доказывает, что авторами карты Кольского уезда были допущены погрешности при картографировании «общих кругов». Очевидно, что архангельские картографы приняли различное наименование одной реки (саамский Паесь и русский Паз) за различные географические объекты.

Здесь мы видим яркий пример влияния различной языковой номинации географических объектов на формирование пространственных образов населения. Карта Атласа 1745 г. отличается также грубым описанием береговой линии приграничного района. В ней отсутствуют названия фьордов, островов, лежащих у побережья Южного Варангера. Среди других знаков можно выделить только обозначение саамских погостов (деревень) и промыслового становища Песчаное.

В дальнейшем атлас использовался в губернской гимназии для изучения географии Архангельской губернии. Визуальная локализация дублирующего пограничного географического объекта р. Паесь сформировала представление, что граница между Российской империей и Норвегией существует намного западнее р. Нявдем, вдоль р. Паесь, что естественно не соответствовало действительному положению вещей. Обнаружить же р. Паесь, находящейся за р. Нявдем, последующим картографам никогда не удавалось.

Приложение № 9. Фрагменты карт.

Слева – Атлас Российской империи 1745 г. Справа – Современной карты Южного Варангера

Сопоставив линию границы, обозначенную в Атласе 1745 г. с современными картами, мы можем утверждать, что согласно представлениям российских властей середины XVIII века граница Российской империи де-факто проходила по р. Паз (Пасви́г). Тем не менее, скудное географическое отображение побережья, островов, описание населенных пунктов и дорог позволяют сделать предположение, что в первой половине указанного столетия данная территория была довольно слабо освоена.

Следующие картографические работы для подготовки Генеральной карты Российской империи, изданной в 1776 г., были проведены в 1760 г. Согласно указам Правительствующего Сената Кольской канцелярии необходимо было собрать сведения о границе для сочинения географического атласа. В ходе работ, проведенных премьер-майором Матвеем Абатуровым, было подготовлено статистическое описание погостов с указанием расположения российско-норвежской границы [34]. Результаты проделанной работы были отправлены в Российскую академию наук в 1761 г. На карте 1776 г. граница вновь указывалась по реке Пасвь, впадающей в о. Энаре, но смещения рек в восточном направлении по карте 1776 г. уже не наблюдалось.

Приложение № 10. Фрагмент Генеральной карты Российской империи 1776 г.

Красное подчеркивание – государственная граница Российской Империи, отображенная в оригинале карты черной линией. Синее подчеркивание – река Пасвь.

Пограничная р. Пасвь значилась между реками Нявдем и Печенга. Это подтверждает, что центральные власти считали российско-норвежской границей р. Паз, которая в XVIII в. была известна под топонимом Пасвь. Это в дальнейшем стало основанием для предложений Норвегии-

Швеции в 1824 г. признать условную линию по р. Паз как отправную при определении границ Норвегии и России [35]. Однако береговая линия на карте 1776 г. была нанесена условно с искажением и отсутствием прибрежных островов.

Последние топографические работы в XVIII в. были проведены архангельскими чиновниками в 1784-1785 гг. Причинами, которые побудили новую съемку «общих округов» стали межевание Олонецкой и Архангельской губерний указом от 1781 г., указ Правительствующего Сената от 24 сентября 1782 г. об учреждении пограничной российской таможенной границы и ее стражи [36].

В ходе подготовки инструкций русскими губернаторами (А.П. Мельгунов, Т.И. Тутолмин) впервые была высказана идея о необходимости учреждения таможенного контроля на территории «общих округов». Почему же представители региональной власти решили, что граница существует?

В ходе сбора первых сведений о пограничном пространстве России-Норвегии обнаружилось, что новых карт района и достоверной информации о населении, объектах попросту нет. По рапорту Кольского коменданта Эрнера (1782 г.) оказалось, что точных сведений о границе с Норвегией у местной русской администрации не имеется. В Архангельской портовой таможне данных о проведении ранее пограничной таможенной цепи или пограничных заставах так же не оказалось. Единственным источником информации были карты 1745 и 1776 гг. [37, 38]. На обеих картах декларировалось наличие государственной границы по р. Паесь и региональная элита, полагаясь на официальные карты, посчитала их достаточно убедительным аргументом для того, чтобы определить линию таможенной стражи по р. Паесь.

Почему если о границе никто не знал, она вдруг появилась на карте 1745, 1776 и 1792 гг.? Кто был источником этой информации? Приоткрыть завесу тайны на этот вопрос помогают рапорты землемеров, картографов, выполнивших съемку «общих округов» в 1784–1785 гг.

В феврале 1784 г. Губернатор Т.И. Тутолмин дал распоряжение снарядить топографическую экспедицию для изучения российско-норвежской пограничной территории и нанести на карту линию государственной границы по р. Паесь с рекомендациями мест установки таможенных постов. В сентябре 1784 г. был командирован землемер Кузьма Киселев, который вместе с исправником Шестаковым отправились проводить съемку местности [39].

В декабре 1784 г. Киселев и Шестаков пытались приступить к исследованию округов, но неудачно. Вначале они не смогли выехать из Колы по причине «неузнаваемости зимнего пути и опоздания скольтов, пришедших в Колу лишь в середине декабря». Потом в ходе полевых работ они продвинулись только до зимнего погоста Печенгских саами. В январе 1785 г. они выслали рапорт краткой формулировкой о том, что «...за гористость местности и глубины снегов приступить к снятию границы невозможно» [40].

Архангельские власти, раздраженные тем, что землемер затягивает исполнение указа Сената дважды (декабрь 1784 г., января 1785 г.) отсылали повторный приказ «о незамедлительной необходимости продолжить работы зимой и в весенняя время».

В феврале 1785 г. экспедиции удалось продвинуться до зимнего погоста Пазрецкого сиййта. В это же время там собрались саами Нявдемского сиййта. Решив не продолжать съемку местности зимой, Киселев и Шестаков доверились данным о российско-норвежской границе, полученным при опросе нявдемских скольтов. Скольты полагая, что указанные пределы помогут защитить их от миграций варангерских саамов, показали, что граница России и Норвегии расположена вдоль границы их сиййта. «Российско-датская граница лежит у океана моря с Верес Наволока до Колмись горы и далее до реки Паясь, вдоль ее западной стороны до океана моря» [41].

На поступивший рапорт Киселева в марте 1785 г. землемер получает ответ от Архангельского наместника И.Р. Ливена с предписанием срочно продолжить снятие границы и проложить границу согласно существующим трактатам по р. Паесь, а не основываться на показаниях лопарей. И если же землемер будет медлить, то «велит нерадивых членов комиссии ....уволить с должности и отдать под суд». Испугавшись карательных санкций, уже 30 марта 1785 г. Киселев отрапортовал, что съемка границы завершена, и она выправлена согласно российско-датскому трактату по р. Паесь [42].

Узнать по какому трактату региональные власти определили границу по р. Паесь нам не удастся. Сведений о наличии договора между Россией и Данией в XVIII в. нет. Возможно, губернаторы полагали, что указанная на картах 1745 и 1776 гг. пограничная линия была нанесена на основе трактата о границе, заключенного между Россией и Норвегией–Данией, поэтому и указали на них в рапорте землемеру.

Материалы съемки российско-норвежской границы в 1784-1785 гг. были впоследствии использованы при составлении Генеральной карты Архангельского наместничества 1792 г. и Атласа Российской империи 1794 г.

По картам 1792 г. и 1794 г. граница России и Норвегии располагалась от устья р. Паесь до о. Энаре. Как и на карте 1745 г. граница была расположена северо-западнее Верес Наволока, а реки Нявдема и Паз снова были смещены в восточном направлении.

Приложение № 11. Фрагмент Генеральной карты Архангельского наместничества 1792 г.

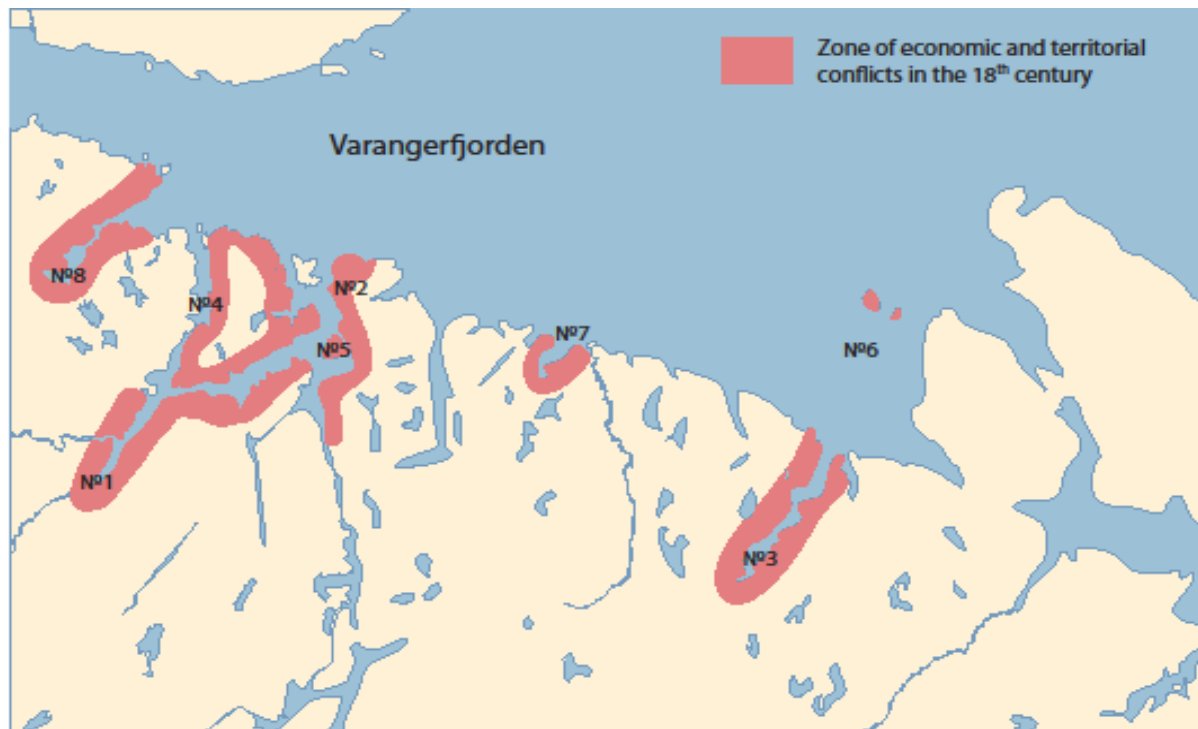

Приложение № 12. Фрагмент Атласа Российской Империи 1794 г.

Русские картографы, найдя реку Паз, до которой они добрались в феврале, решили что р. Паесь, указанная саами, это другой объект. Саами было принято указывать границы сийт без указания точных географических координат. В порядке очереди они называли объекты, которые обозначали условные северную и западную, южную и восточную границы сийта. Задачей экспедиции было описание северо-западной границы Российской империи. Так как саами не указали им точное направление пограничных объектов, то картографы разместили западную, южную и восточную границы сийта в одну сплошную линию границы, полагая, что Верес Наволок и р. Паесь находятся в одном направлении. Идентичная ситуация возможна была с исследованием 1745 г.

Хотя карта Киселева имела явное смещение географических объектов, на ней более подробно описывается побережье Южного Варангера от Рыбачьего полуострова до Верес губы с нанесением на карту о. Кий, о. Шалим и Айновых о-вов.

Рост промысловой активности норвежских подданных на территории скольтов с 40-х гг. XVIII в. стали порождать конфликты, куда втягивалась русская колониальная администрация. В это же время были предприняты попытки русских властей усилить административно-хозяйственный контроль над территорией скольтов. Так были введены торгово-промысловая монополия и установлены сезонные таможенные заставы [43]. Кольские власти, заинтересованные в сохранении за скольтами промысловых угодий, пытались помочь вытеснить норвежцев с территории «общих округов», поэтому в 1747-1749 гг. и 1768 гг. между Россией и Норвегией начались прения по поводу хозяйственных прав обеих стран на отдельные части «общих округов».

Приложение № 13. Карта районов территориально-хозяйственных споров XVIII в.

- 1 - Нявдемская губа (Кой фиорд норв.), 2 - Пазрецкая губа (Бок фиорд норв.),
- 3 - Печенгская губа (Мунк фиорд норв.), 4 - о. Шалим (Скугер ойен норв.),
- 5 - о. Солдатский, (Рен ойен норв.), 6 - о-ва Айновы (Хенне ойене норв.),
- 7 - Вилемский наволок (Вурсел фиорд норв.), 8 - Верес Губа (Бук фиорд норв.)

Эти конфликты были связаны с инцидентами, когда русские солдаты гарнизона Колы пробовали выгнать норвежских подданных с Верес наволока, Вилемского наволока, Нявдемской и Печенгской губ, островов Шалим, Солдатский и Айновых. В конфликтных ситуациях местные чиновники и представители торговых монополий объявляли эти районы территорией Российской империи [44, 45].

В последующей дипломатической переписке королевского двора Норвегии-Дании с императорским двором России оказывалось, что юридических документов, подтверждающих исключительное владение Норвегии или России над этими землями нет. Аргументы обеих держав строились на внутривосточных документах и праве обычая, чего было недостаточно для требования преференций при разделе спорных владений. В этой связи обе державы использовали свои политические карты, как единственный точный источник информации и инструмент легитимации экономических прав ее подданных на территории округов. С норвежской стороны главными аргументами был протокол Шнитлера и его карта. Русскими властями использовался Атлас 1745 г. Географические спорные объекты, расположенные на берегу Южного Варангера, на русском атласе обозначены не были. Канцелярия Архангельской губернии нашла в налоговых регистрах письменные упоминания скольтов об этих географических объектах, но без карт доказать право России на них не могла. Коллегия иностранных дел Российской империи, посчитав карты более легитимным инструментом, чем внутренние налоговые регистры, удовлетворила норвежские хозяйственные притязания, и норвежские подданные продолжили освоение указанных районов. Инициативные члены Кольской команды были наказаны шпицрутенами и сосланы на флот [46]. Эти примеры подчеркивают существенную значимость точной визуализации физико-политического пространства карт для аргументации территориальных претензий.

Следующий конфликт возник в 1791 г. Скольты в очередной раз решили вытеснить норвежских подданных с территории островов Шалим, Солдатский, Айновых и Вилемского наволока. Кольские

власти снова поддержали скольтов и объявили эти территории русскими, выслав исправника для выдворения норвежских подданных.

В ходе дипломатических переговоров региональные власти использовали более точную карту 1792 г. и смогли доказать право России лишь на Айновы о-ва, лежащие близ п-ова Рыбачий. Доказать же исключительную принадлежность России Солдатского острова и Вилемского наволока им не удалось. Генерал-Губернатор Т.И. Тутолмин и Коллегия иностранных дел Российской империи, не найдя эти три объекта на карте, решила отклонить претензии скольтов и допустить норвежских подданных на эти географические объекты. Кольский исправник Шестаков, тот же человек, который помогал составлять карту 1792 г. был оштрафован за попытку выгнать норвежских подданных с общих владений [47].

Заключение

Картографирование и исследование общих округов России и Норвегии с первой половины XVIII в. положили начало конструированию комплексного образа приграничной территории, которые через визуализацию были интегрированы в государственное пространство. Во второй половине XVIII в. карты играли ключевую функцию в воспроизводстве пространственного образа границы у политических элит России и Норвегии.

Семиотическая техника карт XVIII в. и характер их использования подчеркивают, что карты воспринимались как концептуальная визуализация политических притязаний обоих государств и их политическая декларация. Из визуальной, физической модели пространства внутреннего суверенитета они превратились в инструмент легитимации политических требований. Преимущество в отображении географических объектов, линий воображаемой государственной границы, использование этих символов карт в дипломатической и политической артикуляции интересов, доказывают, что к концу XVIII в. в России и Норвегии сложились устойчивые концепции территориальной политики.

В Норвегии – это региональная концепция делимитации границы по линии р. Пейсен и, как минимум, расширение суверенитета на территории хозяйственной активности норвежских подданных. В России же – локальная концепция устойчивой границы вдоль западной границы Нейден и интеграция социо-культурного пространства коренного населения «общих округов» во внутреннее пространство России.

На характер территориальных концепций сказывалась асимметрия межгосударственного и регионального развития. Норвегия как малое государство было более заинтересовано в наличие фиксированной межгосударственной границы. Нехватка пахотных земель и ресурсов обусловили более прагматичный подход Норвегии к изучению своего территориального пространства и оценке его ресурсоемкости. Экономически уже в начале XVIII в. Южный Варангер был интегрирован в социально-экономическое пространство Восточного Финмарка, что объясняет детализированное отображение географических объектов «общих округов» на норвежских картах. Однако общий статус территории, хозяйственное противостояние российских подданных и административные барьеры русской администрации были препятствием для экономического роста Северного Варангера. Поэтому уже в середине XVIII в. у региональных элит Северной Норвегии сформировалась в полнее определенная концепция территориальной политики, отображенная на современных периоду картах и атласах.

Российские центральные и региональные власти были более гибко настроены в отношении наличия фронтальных зон. Территориальная политика Российской империи XVIII в. была направлена на формирование крупных автономных региональных образований, которые в обмен на делегирование им властных полномочий отвечали лояльностью центральной власти. Это позволяло сократить издержки государства на поддержание территориальной целостности, аккумулировать ресурсы и стимулировать стремление регионов и потенциальных колоний быть частью Империи, которая давала им привилегии, закон и порядок.

В экономическом и военном значении округа не являлись стратегическим регионом. Низкий уровень освоенности территории русскими объясняет превалирование на картах саамских топонимов и бедность визуализации географических объектов. Отсутствуют документы, которые доказывают, что региональные и центральные власти целенаправленно исследовали пограничный регион для формулирования концепции разграничения. Санкт-Петербург и Архангельск достаточно далеко находились от «общих округов», поэтому концепция устойчивой границы и ее образ был сформулирован местными кольскими властями и скольтами, которые стали ее проводниками.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-00104 «Российская Арктика: от концептуализации к эффективной модели государственной этнонациональной политики в условиях стабильного развития регионов»).

Примечания:

1. Jacob C. The Sovereign Map. Theoretical approaches in cartography throughout history. London, 1996. Pp. 12-14, 21.
2. Black J. Maps and Politics. London, 1997 Pp.18-19.
3. Paasi A. Territories, Boundaries and Consciousness. The Changing Geographies of the Finnish-Russian Border. Helsinki, 1996. P. 8.
4. Monmonier M. How to lie with maps. London, 1996. Pp. 88-90.
5. Wikan S. Grensebygda Neiden. Møte mellom folkegrupper og kampen om ressursene. Svanvik, 1995. P. 19
6. Johnsen O.A. Finmarkens politiske historie aktmæssig fremstillet // Skrifter. Videnskapselskapet i Kristiania 1922. II Historisk-Filosofisk Klasse. Kristiania, 1923. Pp. 139, 194-195.
7. Häkli J. Borders in the political geography of knowledge // The Dividing line: borders and national peripheries / Ed.: L-F. Landgren, M. Häyrynen. – Helsinki, 1997. Pp. 12-13.
8. Nielsen J.P. Some Reflections on the Norwegian-Russian Border and the Evolution of State Border in General // Russia-Norway. Physical and Symbolic Borders/Ed: T.N. Jackson, J.P. Nielsen. Moscow, 2005. Pp. 8-9.
9. Niemi E. Etnisitet, nasjonalitet og grenseforhold i det nordligste Skandinavia fram til vår tid // Grenser og grannelag i Nordens historie / Red.: Imsen S. Oslo, 2005. P. 391.
10. Ibid. P. 389.
11. Пересадило Р.В. Русско-норвежские отношения в материалах государственного архива Архангельской области // Русский Север в документах архива / Ред., кол.: В.А. Волынская, Е.И. Овсянкин, Т.А. Санакина. Архангельск, 1998. С. 87;
12. Давыдов Р.А. Промыслы российских лопарей в контексте российско-норвежских отношений (XIX - начала XX веков) // Баренц журнал. 2007. № 1(5). С. 42-53.
13. Попов Г.П., Давыдов Р.А. Мурман. Очерки истории края XIX - начала XX в. Екатеринбург: УрО РАН, 1999.
14. Рогинский В.В. Конвенция 1826 г. о разграничении между Норвегией и Россией: как дипломатическая проблема // Вестник Баренц-Центра МПГУ. Мурманск, 2008. № 7. С. 25-30.
15. Кристоман Б.Б. История научно-промыслового освоения европейского Севера в контексте политических интересов Российской империи в XIX – начале XX вв: дис. на соиск. учен. степ. к. ист. н. Архангельск, 2003.
16. Похлебкин В. Россия первой признала норвежскую независимость // Международная жизнь. 1997. № 5. С. 48-61.
17. Nielsen J.P. Decree. Op.
18. Lähtenmäki M. The peoples of Lapland. Boundary demarcation and interaction in the North Calotte from 1808 to 1889. Helsinki, 2006.
19. Andresen A. Siid'æen som forsvant. Østsamene i Pasvik etter den norsk-russisk grensetrekningen i 1826. - Sør-Varanger Museum, 1989.
20. Andresen A. States Demarcated-People Divided: the Skolts and the 1826 Border Treaty // Russia-Norway. Physical and Symbolic Borders / Ed: T.N. Jackson, J.P. Nielsen. Moscow, 2005. Pp.80-104.
21. Ishizuka M. Norwegian-Russian Borderland in Transition: Spatial Perception among Norwegian Elites in 1826-1852 // Russia-Norway. Physical and Symbolic Borders/Ed: T.N. Jackson, J.P. Nielsen. Moscow, 2005. Pp. 95-104.
22. Wikan S. Grensebygda Neiden. Møte mellom folkegrupper og kampen om ressursene. Svanvik, 1995.
23. Nielsen J.P. The Russia of the Tsar and North Norway. "The Russian danger" Revisited // Acta Borelia. 2002. №1. Pp. 75-92.
24. Nielsen J.P. Some Reflections on the Norwegian-Russian Border and the Evolution of State Border in General// Russia-Norway. Physical and Symbolic Borders/Ed: T.N. Jackson, J.P. Nielsen. Moscow. Pp. 7-16.
25. Niemi E. Decree. Op. Pp. 387-415.
26. Hansen L.I., Schmidt T. Major Peter Schnitlers Grenseeksaminasjonsprotokoller 1742-1745. Oslo, 1985. S. 7-8.
27. Ibid.
28. Ibid. P. 102.
29. Ibid. P. 74-76.
30. Ibid. P. 104-106.
31. Johnsen, O.A. Decree. Op. Pp. 234-235, 324-328.
32. АВПРИ. Ф. 53/3. Оп. 1. Д. 661. Лл. 15-17.
33. ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 1. Д. 479. Л.1.
34. ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 6577. Л. 21.
35. АВПРИ. Ф. 1. Адм. Дела II–6. Ч.III. Лл.10-20.
36. ГААО. Ф. 1367. Оп. 2. Д. 114. Лл.1-2.
37. ГААО. Ф. 1367. Оп. 2. Д. 294. Лл.1-20.
38. ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 1. Д. 296. Лл.1-11.

39. ГААО. Ф. 1367. Оп. 2. Д. 63. Лл.13-16.
40. ГААО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 3. Лл.1-2, 20, 43-46, 49, 60-93.
41. Там же.
42. Там же.
43. АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 701. Лл. 7-56, 109-119.
44. Там же.
45. ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т.5. Д.9571. Лл. 1-8.
46. Там же.
47. ГААО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 512. Лл. 1-7, 21-24.

References:

1. Jacob C. The Sovereign Map. Theoretical approaches in cartography throughout history. London, 1996. Pp. 12-14, 21.
2. Black J. Maps and Politics. London, 1997 Pp.18-19.
3. Paasi A. Territories, Boundaries and Consciousness. The Changing Geographies of the Finnish-Russian Border. Helsinki, 1996. P. 8.
4. Monmonier M. How to lie with maps. London, 1996. Pp.88-90.
5. Wikan S. Grensebygda Neiden. Møte mellom folkegrupper og kampen om ressursene. Svanvik, 1995. P. 19
6. Johnsen O.A. Finmark political history // Writings published by the Norwegian scientist academy in Oslo. II Hist. file. class. Christiania, 1922. Pp. 139, 194-195. (In Norwegian).
7. Häkli J. Borders in the political geography of knowledge // The Dividing line: borders and national peripheries / Ed.: L-F. Landgren, M. Häyrynen. – Helsinki, 1997. Pp. 12-13.
8. Nielsen J.P. Some Reflections on the Norwegian-Russian Border and the Evolution of State Border in General // Russia-Norway. Physical and Symbolic Borders/Ed: T.N. Jackson, J.P. Nielsen. Moscow, 2005. Pp. 8-9.
9. Niemi E. Ethnicity, nationality and boundary conditions in the northernmost Scandinavia until the present time // Boundaries and grannelag in Nordic history / Red.: Imsen S. Oslo, 2005. P. 391. (In Norwegian)
10. Ibid. P. 389.
11. Peresadilo R.V. Russian-Norwegian relations in the materials State Archives of Arkhangelsk Region // Russian North in the archive documents / Ed., Col.: V.A. Volynskaya, E.I. Ovsyankin, T.A. Sanakina. Arkhangelsk, 1998. P. 87. (In Russian).
12. Davydov R. Crafts Russian Lapps in the context of Russian-Norwegian relations (XIX - early XX centuries) // Barents journal. 2007. № 1 (5). P. 42-53. (In Russian).
13. Popov G.P, Davidov R.A. Moorman. Sketches of history of the region XIX - early XX century. Ekaterinburg: UrB RAS, 1999. (In Russian).
14. Roginskii V.V. 1826 Convention on the delimitation between Norway and Russia as a diplomatic problem // Bulletin Barents Center Moscow State Pedagogical University. Murmansk, 2008. № 7. P. 25-30. (In Russian).
15. Kristoman B.B. The history of scientific and commercial development of the European North in the context of the political interests of the Russian Empire in the XIX - early XX centuries: PhD thesis. Arkhangelsk, 2003. (In Russian).
16. Pohlebkin V. Russian first recognized Norwegian independence // International Affairs. 1997. № 5. C. 48-61. (In Russian).
17. Nielsen J.P. Decree. Op.
18. Lähteenmäki M. The peoples of Lapland. Boundary demarcation and interaction in the North Calotte from 1808 to 1889. Helsinki, 2006.
19. Andresen A. Sii'daen disappeared. East Sami in Pasvik by the Norwegian-Russian border road in 1826. Sør-Varanger Museum, 1989 (In Norwegian)
20. Andresen A. States Demarcated-People Divided: the Skolts and the 1826 Border Treaty // Russia-Norway. Physical and Symbolic Borders / Ed: T.N. Jackson, J.P. Nielsen. Moscow, 2005. Pp.80-104.
21. Ishizuka M. Norwegian-Russian Borderland in Transition: Spatial Perception among Norwegian Elites in 1826-1852 // Russia-Norway. Physical and Symbolic Borders/Ed: T.N. Jackson, J.P. Nielsen. Moscow, 2005. Pp. 95-104.
22. Wikan S. Border village Neiden. Meeting between peoples and struggle for resources. Svanvik, 1995 (In Norwegian).
23. Nielsen J.P. The Russia of the Tsar and North Norway. "The Russian danger" Revisited // Acta Borealia. 2002. № 1. Pp. 75-92.
24. Nielsen J.P. Some Reflections on the Norwegian-Russian Border and the Evolution of State Border in General // Russia-Norway. Physical and Symbolic Borders/Ed: T.N. Jackson, J.P. Nielsen. Moscow. Pp. 7-16.
25. Niemi E. Decree. Op. Pp. 387-415.
26. Hansen L.I., Schmidt T. Major Peter Schmitler Limit Examination Protocols from 1742 to 1745. Oslo, 1985. P. 7-8. (In Norwegian).

27. Ibid.
28. Ibid. P. 102.
29. Ibid. P. 74-76.
30. Ibid. P. 104-106.
31. Johnsen, O.A. Decree. Op. Pp. 234-235, 324-328.
32. AVPRI. F. 53/3. Op. 1. D. 661. D. Pp. 15-17.
- 33. GAAO. F. 1. Op. 1. T. 1. D. 479. P. 1.**
- 34. GAAO. F. 1. Op. 1. T. 4. D. 6577. P. 21.**
- 35 AVPRI. F. 1. Adm. Case II–6. Part III. Pp. 10-20.
36. GAAO. F. 1367. Op. 2. D. 114. Pp. 1-2.
37. GAAO. F. 1367. Op. 2. D. 294. Pp. 1-20.
38. GAAO. F. 1. Op. 1. T. 8. D. 296. Pp. 1-11.
39. GAAO. F. 1367. Op. 2. D. 63. Pp. 13-16.
40. GAAO. F. 4. Op. 4. D. 3. Pp. 1-2, 20, 43-46, 49, 60-93.
41. Ibid.
42. Ibid.
43. AVPRI. F. 2. Op. 2/1. D. 701. Pp. 7-56, 109-119.
44. Ibid.
- 45. GAAO. F. 1. Op. 1. T. 5. D. 9571. Pp. 1-8.**
46. Ibid.
47. GAAO. F. 4. Op. 7. D. 512. Pp. 1-7, 21-24.

УДК 94(470+481)(045)

**Роль карт и населения Крайнего Севера России и Норвегии XVIII в.
в конструировании границ внутреннего суверенитета**

¹ Владислав Иванович Голдин

² Константин Сергеевич Зайков

³ Александр Михайлович Тамицкий

¹⁻³ Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация

163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д.2

¹ Доктор исторических наук, профессор

E-mail: v.i.goldin@yandex.ru

² Кандидат исторических наук

E-mail: k.zaikov@narfu.ru

³ Кандидат политических наук, доцент

E-mail: a.tamitskiy@gmail.com

Аннотация. Данная статья основывается на материалах российских и норвежских архивных документов, карт и исследований, в том числе вводимых впервые в научных оборот. Целью данной статьи являются анализ роли карт России и Норвегии XVIII в. в конструировании границ внутреннего суверенитета на примере «общих округов», и определение места локальных акторов в пространственной территориализации северных регионов обоих государств. Авторы указывают, что карты воспринимались как концептуальная визуализация государственных притязаний обоих государств, используемая в дипломатической и политической артикуляции интересов. При этом для Норвегии – это региональная концепция делимитации границы по линии р. Пейсен и расширение суверенитета на территории хозяйственной активности норвежских подданных. В России же – локальная концепция устойчивой границы вдоль западной границы Нейден и интеграция социокультурного пространства коренного населения «общих округов» во внутреннее пространство России. При этом подчеркивается роль местных кольских властей и саами в сохранении устойчивости межгосударственной границы.

Ключевые слова: российско-норвежские отношения; карта; границы; «общие округа», саамы.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 38, Is. 4, pp. 865-875, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(470)

Public and State Significance The Ranks of the Table of Ranks in the Russian Empire at the End of XVIII – the First Half of the XIX Centuries

Sergey I. Degtyarev

Sumy State University, Ukraine
17 Kominterna St., Sumy, 40009
Dr (History), Assistant Professor
E-mail: starssergo@bigmir.net

Abstract

The article reveals the problem of social and political values of ranks that rewards civil servants of the Russian Empire in the late 18th century - the first half of the 19th century. Were determined service and social benefits of officials after rewarding their ranks. Investigated the conditions of obtaining ranks, the impact of ranks to the development of the bureaucratic system of the Russian Empire. The author concludes that the ranks were an important element of the bureaucratic system of the Russian Empire. The highest value of ranks have shown at the end of 18th - the first half of the 19th century. At that time, ranks were a attribute of official and social status of the official, and was an instrument of the national and unification policy of Russian government.

Keywords: XVIII century, XIX century, Russian Empire, national regions, the civil service, an official, rank, Table of Ranks.

Введение

В 1991 г. прекратил свое существование СССР. Не взирая на это, в различных сферах жизни большинства новосозданных постсоветских государств сохранились пережитки прежних времен. Одним из них является бюрократическая система, построенная на жестких иерархических принципах, административно-командных методах управления. Но эта модель зародилась еще в период административных реформ в Российской империи последней четверти XVIII в. и, пережив времена империи и советской диктатуры, вошла в жизнь многих современных обществ (хотя и в несколько измененном виде). По нашему мнению, эффективности функционирования этой системы в значительной мере содействовала используемая правительством по отношению к чиновникам система поощрений и наград.

Разнообразные награды и поощрения символизировали для чиновников Российской империи успешную карьеру и были набором благ, которыми пытались владеть представители всех социальных категорий, задействованные на государственной службе. Российская исследовательница Е. Марасинова проанализировала конкретное содержание понятия «награда» и выделила две его категории: реальные материальные ценности; символы сословно-статусного престижа [13, с. 22].

В XVIII в. к материальным ценностям относились земли, имения, крепостные и т.п. Но со временем практика пожалования имений или крепостных прекратилась. В конце XVIII – первой половине XIX вв. материальное поощрение приобрело денежный эквивалент. Это были премии, дополнительное жалованье, право на пенсион (сначала оно использовалось как награда). Практиковались также награждения ценными подарками: перстнями, часами, табакерками и др. Важными для служащих государственных учреждений были поощрения, которые влияли на их сословно-статусный престиж (чины, должности, титулы, ордена, личное внимание монарха). Важное место при этом отводилось награждению именно чинами, определенными еще в 1722 г. Табелью о рангах. Политика пожалования правительством государственным служащим таких чинов имела ряд позитивных сторон, но для нее были характерны и некоторые просчеты.

Материалы и методы

Изучая разные аспекты истории бюрократического аппарата Российской империи, некоторые исследователи затрагивали проблемы пожалования чинов гражданским служащим. Среди этих ученых следует выделить Н. Бармака, А. Градовского, П. Зайончковского, А. Козлову, Е. Марасинову и др. Глубоко этот вопрос изучали В. Евреинов и Л. Шепелев [10; 34, с. 47-102; 35, с. 166-191]. Автор данной статьи также затрагивал эту проблему в контексте исследования социокультурных характеристик гражданских чиновников Российской империи на украинских землях в конце XVIII – в первой половине XIX вв. [7, с. 258-275].

Источниками к данному исследованию послужили нормативные документы, которые регулировали процедуру награждения гражданских служащих чинами. Это императорские указы, министерские циркуляры и т.д., опубликованные в «Полном собрании законов Российской империи», различных сборниках исторических документов или в ведомственных периодических изданиях («Журнал Министерства внутренних дел», «Журнал Министерства народного просвещения»). Были также проработаны рукописные материалы из Центрального государственного исторического архива Украины в городе Киев и некоторых региональных архивов. Это позволило нам использовать до сих пор неизвестный фактологический материал по теме исследования.

В данной работе мы уделим внимание разным аспектам награждения гражданских государственных служащих чинами, определенными Табелью о рангах, в т.ч. проанализируем, как влияла такая награда на статус и социальное положение чиновников, в каких условиях она предоставлялась и т.п. Мы ограничимся хронологическими рамками от последней четверти XVIII в. до середины XIX в., когда вследствие административных реформ Екатерины II была создана новая, единая для всех регионов Российской империи модель управления; произошло значительное разрастание бюрократического аппарата, стабильное функционирование которого поддерживалось с помощью разнообразных стимулов.

Обсуждение

Чин как символ сословно-статусного престижа гражданских чиновников

Как мы отмечали выше, чины влияли на сословно-статусный престиж гражданских чиновников. В течение XVIII в. произошло отделение чина от должности (особенно это касалось гражданских и придворных чинов). Чины стали использоваться независимо от занимаемой должности, но как особая награда. Классик второй половины XVIII в. Д. Фонвизин в своем «Опыте Российского сословника» уже различал должность (он использовал термин «звание») и чин. Повышаясь в чинах, служащий мог оставаться на одной должности [32, с. 198]. Награда эта могла предоставляться за особые заслуги, но чаще лишь за определенное количество лет безупречной службы в предыдущем чине. Чин был почетным признаком положения его носителя в четко определенной служебной иерархии. Постановления Екатерины II и Павла I, которые давали возможность чиновникам получать следующий чин при условии обычной выслуги лет, совершили попытку превратить получение чина в право государственных служащих. Лишь получение чина вне определенного срока за особые заслуги сделало его наградой. Но в условиях нехватки достойных кандидатов для замещения должностей, которых становилось все больше, чины продолжали раздаваться часто без нужной выслуги и без особых заслуг [34, с. 16-17; 35, с. 153]. Фактически чин в течение всего исследуемого периода содержал признаки награды. Был предпринят ряд попыток прекратить эту практику. Но они оказались неудачными и чины продолжали раздаваться как служебное поощрение.

Ценность чина во всех сферах жизни, особенно в правительственной службе, в конце XVIII – в первой половине XIX вв. была колоссальной. Чин уже победил свое узкое значение. Если раньше он указывал на место своего носителя в системе бюрократической иерархии, то теперь чин превратился в универсальный критерий оценки многих социальных явлений. Чин стал символом принадлежности к господствующему сословию, мерой сконцентрированной в его руках власти [13, с. 22].

Государственные служащие вместе с получением чина по Табели о рангах получали набор привилегий, льгот и гарантий.

Социально-экономические гарантии сводились к праву чиновников на материальную помощь: разовую, временную или постоянную в случае болезни и других ситуациях, на пенсию, на отпуск и т.д. Чины сами по себе не давали материальных выгод, но в XIX в. по ним назначались прогонные, суточные и квартирные деньги. По чинам также назначались служебные подарки (также один из видов награды) [34, с. 17].

Морально-психологические гарантии определяли право на проявление уважения соответственно чину (к чиновникам IX-XIV классов обращались «Ваше благородие», VI-VIII – «Ваше высокоблагородие», V – «Ваше высочордие» и т.д.); право дворян на особый суд; восстановление честного имени чиновника. Таким образом, в какой-то мере чин как самая важная ценность, санкционированная верховной властью, не только закреплял социальные преимущества служащего-дворянина, но и частично гарантировал человеческое достоинство [27, с. 105]. К тому же еще в 1775 г. был издан императорский манифест, который касался экипажей и ливрей. Правительство объясняло появление этого документа своим желанием уменьшить расточительную роскошь дворянства.

С другой стороны этот акт можно было расценивать как предоставление некоторых льгот на роскошь за службу (фактически своеобразная разновидность награды). Так, чиновникам первых двух классов разрешалось пользоваться экипажами с шестью лошадьми и двумя всадниками, а также носить ливрею, «выложенную по швам». Лица III-IV классов могли ездить также шестерней, но без всадников и носить ливрею, «выложенную по борту». Чиновники VI-VIII классов могли запрягать экипаж четырьмя лошадьми без всадников. Им тоже разрешалось носить специальные ливреи. Причем льготы касательно экипажей распространялись и на семьи чиновников – жены, малолетние дети и незамужние дочери могли пользоваться ими [36, с. 563]. Случалось даже, что многие дворяне, которые по силе указа манифеста потеряли право пользоваться четверками или шестерками лошадей, использовали государственную службу именно для того, чтобы вернуть себе это право и другие, подобные этому. Про это писал тот же Д. Фонвизин: «Я видел множество таких, которые служат, или, паче, занимают места в службе для того только, что ездят на паре. Я видел множество других, которые пошли тотчас в отставку, как скоро добились права впрягать четверню» [31, с. 223].

К организационно-управленческим гарантиям относим продвижение по службе, которое было возможным путем выслуги и за отличия. К тому же после выхода в отставку чиновники сохраняли свой чин и связанные с ним привилегии [15, с. 146-153].

Одной из льгот было то, что, занимая должность более высокую, чем был класс чина, служащий пользовался правами, предоставленными именно классу должности [6, с. 153]. А если он переходил на гражданскую службу из военного ведомства, имея военный же чин, то он мог как сохранить его, так и заменить на гражданский аналог.

В течение исследуемого периода военная служба считалась более престижной, чем гражданская. В связи с этим согласно указа от 6 февраля 1826 г. все военные, которые переходили на гражданскую службу повышались на один чин: например, капитаны становились коллежскими ассесорами, полковники – статскими советниками [36, с. 642]. Не все чиновники желали менять свои «более престижные» военные чины на гражданские. Так, Харьковский полицмейстер Панкратьев, невзирая на гражданскую должность, пользовался чином капитана, а в 1839 г. был награжден чином майора [23, с. XXVI]. Но государство все же пыталось делать так, чтобы в гражданских учреждениях служащие меньше пользовались военными чинами. Бывшим военным, которые теперь служили в других ведомствах, предлагалось заменить их старый чин на гражданский. Например, такое предложение получил в 1832 г. и учитель Бердичевского уездного училища отставной поручик И. Кисловский [4, л. 50].

Но все же военные чины долго оставались слишком популярными, чтобы полностью исчезнуть из гражданского ведомства. Так, состоянием на 1826 г. в гражданских учреждениях во всех регионах Российской империи служили 11776 чиновников [подсчеты сделаны нами по материалам Месяцеслова за 1826 г., поэтому здесь не учитываются мелкие служащие, которые занимали различные канцелярские должности. Сюда также не включались чиновники высших и центральных учреждений, данные по которым содержатся в первой части Месяцеслова – С.Д.]. Среди них лиц, которые пользовались военными чинами насчитывалось 2625, то есть почти 22,3% от общего числа чиновников учреждений губернского уровня и ниже [14]. Более детальное разделение гражданских служащих империи по чинам приведено в таблице 1. К гражданским отнесены все служащие с гражданскими чинами или лица без чинов вообще. Последние по гражданскому ведомству могли претендовать на награждение лишь гражданскими чинами. Нами также было замечено, что больше всего гражданских чиновников с военными чинами служили в низших учреждениях (городского, уездного уровней). В учреждениях губернского (областного) уровней такие служащие были довольно редким явлением (кроме регионов с особым статусом, где преобладали военные в целом – например, Земли Войска Донского).

Таблица 1.

Разделение чиновников Российской империи по чинам

С военными чинами	С гражданскими чинами и без чинов	С придворными чинами	Всего
2625	9137	14	11776
22,3%	77,6%	0,1%	100%

С получением чинов были связаны сословные привилегии, которыми наделялся служащий. Так, вступление на службу и получение классного чина изменяли «права состояния» если служащий не был дворянином (это следует воспринимать для таких лиц как одну из важнейших льгот). Поскольку он через чины получал почетное гражданство, личное или потомственное дворянство. Для дворян же чин был показателем признания его заслуг перед государством.

Наиболее желанной целью для служащих-недворян на гражданской службе было получение прав потомственного дворянства. Согласно сенатского указа от 18 мая 1788 г. чиновник мог получить статус потомственного дворянина если был произведен в чин VIII класса на действительной службе, но не при выходе в отставку. Данные о таком дворянине вносились в 3-ю часть губернской родословной книги. Неединичными были случаи, когда выходцы из непривилегированных слоев населения выслуживали чины намного более высокие, чем VIII класс. Примером такой удачной карьеры является служебная биография Ф.П. Заставского, родившегося около 1768 г., а в 1830 г. занимавшего должность директора училищ Таврической губернии. Он происходил из духовенства, но получил права потомственного дворянина на гражданской государственной службе по ведомству народного образования. Карьеру Ф.П. Заставский начал в 1788 г. старшим учителем (образование получил в Киевской духовной академии и Санкт-Петербургской учительской семинарии). В 1799 г. получил чин титулярного советника (IX класс); 1807 г. – коллежского ассесора (VIII класс); 1818 г. – надворного советника; 1822 г. – коллежского советника; 1827 г. – статского советника (V класс). В 1824 г. был награжден орденом св. Анны III степени [3, л. 10б-4].

Одной из наиболее важных привилегий при вступлении на государственную службу для лиц из непривилегированных сословий было право на получение личного дворянства. Претендовать на него позволял соответствующий чин. Личный дворянин имел ряд сословных прав и преимуществ: освобождался от телесных наказаний, подушного оклада, рекрутской повинности. Но личное дворянство не было наследственным, не давало права на владение крепостными, на участие в дворянских собраниях, занятие дворянских выборных должностей. Сначала все чиновники-недворяне, которые имели чин ниже VIII класса, могли претендовать на личное дворянство. Но существовали некоторые исключения. Такие чиновники все же могли претендовать на потомственное дворянство в двух случаях:

- 1) если их дед, отец и они сами имели чины, дающие право на личное дворянство;
- 2) если отец и сын имели такие чины, будучи в них в течение 20 лет на действительной службе «безпорочно», то внук имел право просить потомственное («действительное») дворянство [36, с. 519].

Новые правила присвоения классных чинов были созданы в 1790 г. Эти правила четко различали сословные привилегии в чинопроизводстве. С этого времени начали повышаться сроки выслуги на чин VIII класса (именно с него предоставлялось потомственное дворянство). Чиновнику не дворянского происхождения можно было присвоить чин титулярного советника или коллежского ассесора лишь при условии его 12-летней безупречной службы.

В 1820-х годах М. Сперанский даже предложил предоставлять чиновникам, чьи отцы и деды прослужили по гражданской службе свыше 40 лет и были личными дворянами, право просить себе дворянство после трехлетней службы. Но это предложение было отклонено [16, с. 185].

Система получения разных прав и привилегий путем чинопроизводства была изменена в 1845 г. манифестом о порядке получения дворянства службой [17]. Теперь чин коллежского регистратора (XIV класс) давал звание личного почетного гражданина, которое было введено правительством в 1832 г. и могло предоставляться представителям различных социальных групп (детям личных дворян, духовным лицам, выпускникам академий, семинарий или высших учебных заведений, представителям вольных профессий). По набору привилегий почетное гражданство можно сравнить с личным дворянством, но однозначно оно не претендовало на потомственность. Начиная с чина титулярного советника (IX класс), предоставлялось личное дворянство. И только чин статского советника (V класс) давал возможность получить статус потомственного дворянина [11, с. 42; 35, с. 141].

Сроки выслуги для получения разных классных чинов несколько раз изменялись. Для некоторых чинов требовались или сдача экзаменов, или аттестат об университетском образовании (эти требования также подвергались изменениям). Сроки выслуги для чиновников не дворянского происхождения устанавливались значительно большие, чем для дворян (хотя существовали условия, которые могли повлиять на уменьшение выслуги – образование или какие-либо особые заслуги) [25, с. 224-227]. Положением «Об особых преимуществах гражданской службы в определенных местностях, губерниях западных и Царства Польского» предусматривались сокращенные сроки выслуги для тех чиновников, которые служили в так называемых окраинах империи.

Лишь Александр II ликвидировал сословную пропасть в середине чиновничества, издав в 1856 г. закон, по которому «награждения повышением в чинах, также как и все прочие по службе награды, должны быть даруемы только за постоянные... труды на самой службе, без принятия в уважение каких-либо обстоятельств сей службы предшествовавших» [22]. Этот нормативный акт закладывал основу для установления общих сроков выслуги на все классные чины (до V класса) для лиц всех сословий. В целом же, начиная с Екатерины II, сословные привилегии при чинопроизводстве в гражданской службе из российского имперского законодательства уже не выводились.

Некоторые особенности награждения чинами

Мы уже отмечали выше, что гражданский чиновник мог получить чин или за выслугу необходимого срока, или за особые заслуги. В данной части статьи мы остановимся на некоторых особенностях, которые могли повлиять на награждение чинами.

Иногда специфика условий предоставления следующего чина была связана с социальной принадлежностью служащих. Так, в 1791 г. было издано постановление, согласно с которым, подавая в Сенат предложение о награждении чиновника чином коллежского ассесора (VIII класс), обязательно следовало прилагать к нему свидетельство о его дворянском происхождении [20].

В государственной службе Российской империи существовала практика награждения чином некоторых служащих, которые уходили в отставку. Но такой чиновник мог претендовать на повышение чином на один ранг при условии, что в последнем чине он прослужил не менее года и если он был дворянином. В тех случаях, когда гражданский чиновник получал новый ранг при выходе в отставку, а потом возвращался на службу, его выслугу не засчитывали до тех пор, пока не будут повышены все те, кто служил в таком же чине. Если чиновник выйдет в отставку вторично, новый ранг ему не давался, пока все, кто находился там же на службе с ним не сравнялись [12, с. 58-59]. Имели место случаи, когда чиновник увольнялся, выслужив необходимый срок для повышения чином, но так и не успевал его получить. В некоторых ситуациях служащий мог получить чин вместе с документами об увольнении. Так, А. Калинин прослужил 5 лет на должности учителя физики и естественных наук в Каменец-Подольском уездном училище, имея высшее образование и степень кандидата философии, но так и оставался без классного чина. Когда он увольнялся с указанной должности в 1832 г., встал вопрос, награждать ли его таким повышением. Должность, которую занимал Калинин, соответствовала XII классу, но, учитывая его научную степень, чин должен был соответствовать X классу, то есть коллежскому секретарю. Взвешивая на то, что этот чиновник даже выслужил необходимые для следующего чина 4 года, было принято решение ходатайствовать о его награждении чином IX класса - титулярного советника [5, л. 24-370б].

Как видим, получение чинов могло зависеть и от образования государственных служащих. Со второй половины XVIII в. в империи начинает активно увеличиваться количество чиновников. Это стало одной из причин, которые толкали государство начать создание системы образования, которой до этого времени фактически не существовало. Образование было необходимым не только для поднятия общего интеллектуального уровня населения, но и для обеспечения государственных учреждений Российской империи образованными чиновниками [7, с. 106]. В этот период некоторые государственные деятели выдвигали идею о предоставлении служебных привилегий чиновникам, которые закончили средние или высшие учебные заведения.

В определенной степени эта идея была реализована. Со временем, обучаясь в таких заведениях, лица, которые их успешно заканчивали, могли претендовать на чин сразу при вступлении на государственную службу. Например, будущий учитель истории Кобеляцкого уездного училища Полтавской губернии П.Г. Заславский в 1845 г. окончил Полтавскую губернскую гимназию с правом на чин XIV класса [33]. Посещение университетских курсов давало право на чин XIV класса; окончание университета с успешной сдачей экзаменов – XII класса. Получение академической степени кандидата давало право на чин X класса, магистра – IX, доктора – VIII.

Существовали также учебные заведения с особым статусом, к которым относились Волынский лицей в городе Кременец, Ришельевский лицей в Одессе, Лицей высших наук князя Безбородько в Нежине, Демидовский лицей в Ярославле. Например, в статуте Ришельевского лицея зафиксировано, что после десятилетнего курса обучения его выпускники могли получить чин XII класса. Те, кто учился в так называемых внешних классах без оплаты (дети несостоятельных родителей) имели право на чин XIV класса. На более высокие чины могли претендовать воспитанники педагогического института при Ришельевском лицее. Они получали чин IX класса, но только после обязательной шестилетней службы надзирателями или адъюнктами [7, с. 268-269; 9, с. 96]. Известный российский публицист и поэт Иван Сергеевич Аксаков в 1842 г. окончил Императорское Училище правоведения с чином IX класса. Это позволило ему уже в возрасте 25 лет, в 1848 г. получить чин VIII класса [1, с. 497]. Подобных примеров существует достаточно много.

Подобным образом поощрялись и выпускники гимназий. Согласно с «Уставом Гимназий и Училищ Уездных и приходских, состоящих в ведомстве Университетов Санкт-Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского» от 8 декабря 1828 г. лица, которые заканчивали гимназии с похвальными аттестатами, принимались на гражданскую государственную службу сразу с чином XIV класса по Табели о рангах (§235) [30].

Еще 6 августа 1809 г. Александр I по рекомендации М. Сперанского издал указ об экзаменах. Согласно с ним условием для получения чинов V и VIII классов на гражданской службе была сдача экзамена при университете. Экзамен содержал проверку знаний по таким предметам, как словесность, юриспруденция, история, математика и физика. По юридическому направлению на экзамене проверялись знания по естественному, римскому, частному, уголовному праву, государственной экономии [7, с. 126; 29, с. 99].

Закон об экзаменах для чиновников, инициатором которого был М. Сперанский, в какой-то мере мог повлиять на уменьшение количества служащих, которые получали чины, дающие дворянство.

Но этот нормативный акт имел целью не сокращать количество претендентов на дворянство из непривилегированных слоев населения, а поднять общий образовательный уровень всех чиновников без исключения. Поэтому многими государственными служащими, в том числе и дворянского происхождения, этот закон воспринимался негативно до тех пор, пока не был отменен сначала де-факто, а со временем и де-юре. Так, казначей Волынского лицея И. Кручковский прослужил в чине титулярного советника с 1813 г. и лишь через 19 лет у него появилась возможность получить чин коллежского ассесора. Начал действовать императорский указ о том, что чиновники, служившие по «счетной части», освобождались от экзаменов для получения указанных чинов. Это дало возможность И. Кручковскому претендовать на повышение чином в 1832 г., о чем дирекция училищ Волынской губернии и ходатайствовала перед Училищным комитетом Харьковского университета [4, л. 12-12об]. Таким образом, закон об экзаменах относительно мало повлиял на изменение количества чиновников, которые получали чины VIII и выше классов.

Для чиновников в сфере народного просвещения, которые служили в университетах, создавались особые условия для получения чинов. Указом от 11 января 1811 г. определялось, что «Студенты, Кандидаты, Лекторы, Магистры, Докторы, Адъюнкты, Ординарные и Экстраординарные Профессоры и Академики, в Российских учебных заведениях действительно служащие и получившие классы, по учебному порядку им предназначенные, доколе они остаются в учебной службе, производятся в чины до Статских Советников по заслугам и не подлежат испытанию, в Указе 6 Августа 1809 года для гражданских чиновников предписанному».

Существовала определенная специфика в награждении чинами и выборных чиновников. Ее видно из закона 1801 г., согласно с которым правительство признавало службу дворян по выборам государственной, но в то же время высказывалось: «Находим справедливым существенную их награду отнести к тому же доверию и уважению общества, которое и места сии предназначало; а потому и повелеваем дворян, служащих по выбору, производить в чины тех только, кои имеют чины ниже мест ими занимаемых, и не иначе, как когда впродолжение двух трехлетий непрерывно они служили, когда об отличности их служения от главного начальства их представлено будет» [25, с. 451]. Дворянские депутаты до 1815 г. вообще не награждались ни чинами, ни орденами [21].

Таким образом, должностные лица, служившие по выбору дворянства, находились в определенном классе. Но что касается повышения их в чинах, награждения орденами и другими знаками отличия, то они отличались от так называемых коронных (назначаемых) чиновников вплоть до закона 1831 г. Этот закон сравнивал службу по выборам в наградах и привилегиях с общей государственной службой.

Хотя все, кто служил по выборам дворянства считались находящимися на государственной службе, но когда речь шла о наградах, то их должности разделялись на две категории: 1) должности по делам дворянства и 2) по делам, которые относились ко всем сословиям. Чиновники первой категории исполняли свои обязанности бесплатно, а повышение чином могли получить лишь «по высочайшему усмотрению». Должностные лица второй категории получали жалование, повышались в чинах, награждались орденами и имели право на пенсионное обеспечение «по общему порядку службы гражданской» [25, с. 454].

Предводители дворянства чинами выше VIII класса поощрялись редко сравнительно с другими выборными чиновниками. Например, в Полтавской губернии чин действительного статского советника уездные предводители дворянства не получали ни разу до 1860 г., а губернские – очень редко, при этом многие из них прослужили свыше 20 лет [21, с. 97].

Попытки отказаться от гражданских чинов

С конца XVIII в. путем гражданской государственной службы многие представители непривилегированных слоев населения получили дворянство. Это вызвало неудовольствие в правительственных кругах и в среде богатого дворянства. Еще во времена Екатерины II дворянство настаивало на отмене обязательного характера службы, не приуменьшая ее значения, и пыталось ограничить получение дворянства через выслугу. Оно даже считало, что потомственное дворянство имеет более высокий статус, чем выслуженное. Сама же Комиссия о дворянских вольностях высказывалась за необязательность дворянской службы. Выступая против чинов, она предлагала ограничиться только моральным стимулированием служащих. То есть работа Комиссии шла фактически вопреки желаниям императрицы [12].

Уже в самом начале XIX в. правительство все больше ощущало негативные последствия существования чинов. Тотальной была погоня за ними. Это сопровождалось игнорированием служебных интересов, некомпетентностью, коррупцией, невозможностью выдвигать на ответственные должности способных людей, которые не имели соответствующего чина и т.п. Рассматривались два варианта решения данной проблемы: полная ликвидация чинов и частичное реформирование системы чинопроизводства [34, с. 58].

Система предоставления чинов в этот период стала многими государственными сановниками признаваться устаревшей и несовершенной. Неоднократно звучали идеи о ликвидации чинов по Табели о рангах. Многие аргументы в пользу этой идеи положительно воспринимались на самом высоком государственном уровне. Одним из первых вопрос о том, что чины себя изжили, поставил

государственный контролер Б. Кампенгаузен. По его мнению, чины нарушали иерархию должностей, поскольку подчиненный фактически мог получить чин более высокий, чем руководитель.

В 1823 г. даже рассматривался проект закона о ликвидации чинов. Но благодаря министру финансов Е. Канкрину, противнику этого акта, дело было приостановлено [11, с. 44]. После этого в течение XIX в. этот вопрос поднимался на высшем уровне еще несколько раз, но всегда не находил поддержки у императора.

Среди влиятельных государственных сановников было много и тех, кто выступал за сохранение системы табельных чинов. Одним из них был украинец по происхождению Д. Трощинский, который считал, что чины являются одним из лучших способов поощрения чиновников. Одним из наиболее существенных доказательств в пользу чинов была мысль о том, что идея каждого подданного, что он должен служить престолу, с ликвидацией Табели о рангах обязательно ослабнет (слова С. Уварова Николаю I). Кроме того, на государственную службу не захотят идти дворяне, но вместо них туда попадет множество людей «менее привязанных к правительству, а более занятых собственными выгодами». В будущем это вроде бы могло привести к повышению политической активности среднего класса, который в европейских государствах назывался буржуазией [11, с. 45-46].

Но со временем на заседании Комитета 16 ноября 1827 г. был зачитан доклад академика Шторха «О неудобствах нынешней системы гражданских чинов и о средствах к исправлению» [26, с. 198]. Имели место случаи, когда дворяне поступали на государственную службу лишь для того, чтобы получить классный чин, после чего шли в отставку. Как следствие, во второй четверти XIX в. стали действовать правила, согласно с которыми молодые дворяне, не получившие образования в средних учебных заведениях, и все лица, которые по аттестатам имели право на чины XIV-X классов, были обязаны перед вступлением на службу в департаменты и канцелярии министерств или отдельных отделений в столицах прослужить минимум три года в губернских учреждениях. Если за первые два года эти молодые служащие имели положительные отзывы по службе, то позволялось награждение их чином за отличие.

Позже правительство ввело некоторые ограничения к этим правилам. Чинами «за отличие» не награждались молодые чиновники, которые в течение двух лет уходили в отставку и пользовались многократными или длительными отпусками. Так же не повышались чиновники, которые не выслужили двух лет в одном учреждении или ведомстве (имела место проблема частых переходов чиновников в другие ведомства и учреждения, что очень негативно отображалось на качестве выполнения служебных обязанностей) [17].

Увеличение количества чиновников и попытки правительства защитить дворянскую среду от проникновения туда представителей непривилегированных социальных групп путем получения чинов привели и к соответствующим изменениям в законодательстве. Глава Государственного Совета Б. Васильчиков предлагал по этому вопросу Николаю I ряд таких изменений. В частности он обращал внимание царя на слишком значительное увеличение дворянства за счет чинопроизводства как на военной, так и на гражданской службе. В подтверждение своих слов он указывал, что только в течение 1836-1844 гг. получили чин VIII класса, а как следствие и дворянство, 4685 лиц. Причем большинство из них, по словам Б. Васильчикова, имели низшее образование (относились к III разряду). Кроме того, этот государственный деятель называл количество лиц, которые получили права потомственных дворян за весь период правления Николая I – 20 тыс. (сюда были отнесены все, кто получил указанный статус и на военной службе, и на гражданской, и путем награждения орденами). Чтобы исправить такую ситуацию, глава Государственного Совета предлагал «сократить способы к отвращению сего зла на будущее время, не закрывая, однако же, вовсе пути к достижению потомственного дворянства, как высшей награды службы действительно полезной для государства» [11, с. 39-40].

Но в целом система награждения чинами так и осталась неизменной. Она была слишком привлекательной для всех слоев населения, в том числе дворянства.

Роль чина в становлении бюрократической системы Российской империи

Начиная приблизительно с середины XVIII в., количество государственных гражданских чиновников в Российской империи непрерывно увеличивалось. Определенную роль в этом процессе играла и система награждения служащих чинами по Табели о рангах.

Административные реформы в Российской империи в конце XVIII – в начале XIX вв., усложнение функций гражданских чиновников, присоединение к империи новых территорий (Кавказ, польско-украинские земли, Бессарабия и др.) стали причинами значительного расширения бюрократического аппарата. Количество государственных служащих постоянно увеличивалось, причем как в учреждениях губернского, уездного, городского уровней, так центральных и высших, которые находились в Москве и Петербурге. Много чиновников, особенно дворянского происхождения, стремились сделать карьеру в столичных городах, поэтому и пытались попасть именно туда, минуя учреждения низших инстанций. Правительство же нуждалось в служащих для таких учреждений. Обеспечить все должности, например, в регионах, где основу населения составляли не россияне (далее будем использовать термин «национальные регионы» – С.Д.),

представителями местных элит не всегда было возможно. Можно выделить следующие причины этого:

– языковая проблема. Среди указанных регионов, наверное, наименее она проявлялась на левобережных украинских землях, где в исследуемый период фактически все государственные служащие свободно владели русским языком и где давно функционировало довольно большое количество учебных заведений с русским языком преподавания (на этих землях российским правительством уже достаточно долго проводилась унификационная политика). Актуальной эта проблема была на территориях, которые Российская империя получила после разделов Речи Посполитой, вследствие войн с Османской Портой, в прибалтийских губерниях и др. В государственных учреждениях там часто создавались даже должности переводчиков;

– проблема нобилитации элит национальных регионов по российскому имперскому законодательству. Правительство пыталось замещать существующие должности представителями привилегированных слоев населения. В исследуемый период таких должностей было слишком много. В то же время во многих регионах империи не хватало элиты – или ее часть в общей массе населения была очень незначительной, или не всегда статус этих людей приравнивался правительством к дворянскому (мелкая украинская казацкая старшина, мазылы в Бессарабской области, чиншевая украинско-польская шляхта и т.п.). К тому же, следует не забывать ту часть дворянства, которая отдавала предпочтение военной службе или вообще отказалась служить;

– проблема отсутствия необходимого количества кандидатов на государственные должности, которые бы имели необходимый образовательный уровень. Учитывая сословный подход правительства в образовательной политике, эта проблема в большой мере связана с частыми проявлениями нежелания представителей высших слоев населения учиться и отсутствием возможности получить образование у большинства представителей непривилегированных сословий.

Чтобы заполнить вакантные должности в местных государственных учреждениях правительство предпринимало различные меры, одной из которых было приглашение на службу чиновников (или кандидатов в служащие) в регионы империи, где их не хватало, из более в этом отношении обеспеченных. Для этого применялся ряд стимулов, в числе которых была возможность получить чины на льготных условиях.

Роль определенного стимула чин играл и в тех регионах империи, где проблема заполнения должностей остро не стояла. Особенно это заметно в период активных административных преобразований в Российской империи и расширения ее границ, то есть именно в конце XVIII – начале XIX вв. Тогда имели место случаи, когда чиновников из разных ведомств награждали чинами не по порядку, а «перепрыгивая» через классы. Например, в Слободско-Украинской губернии в 1803 г. чинами были награждены 12 чиновников [2, л. 1: 8, с. 58]. При этом все, кто получил чин титулярного советника (IX класс), до награждения имели чины XII класса, то есть они обошли X класс (таких было 5 человек).

Подобные случаи были неединичными в исследуемый период и возможно даже были своеобразной «платой» государства обществу (по большей части привилегированной его части, хотя были и исключения) за возможность наладить новосозданную бюрократическую систему надлежащим образом и за относительно короткое время. Со временем такая практика «перепрыгивания» была отменена и чиновникам предоставлялся исключительно следующий по Табели о рангах чин.

В целом с конца XVIII в. до 40-х годов XIX в. количество чиновников с чином VIII класса действительно значительно увеличилось. Если на 1796 г. гражданских чиновников VIII класса насчитывалось 958 лиц, то согласно с ведомостями Инспекторского департамента чинов гражданского ведомства от 29 декабря 1846 г. таких служащих было уже 5411. Ситуация изменилась в пользу увеличения количества чиновников указанного класса в империи после принятия в 1790 г. закона, по которому предоставление чина VIII класса происходило независимо от занимаемой должности [19]. С 1799 г. это правило было распотранено и на чины V класса включительно [16]. Можно даже сказать, что доступ и к потомственному дворянству, и ко многим высоким должностям получили представители практически всех сословий [11, с. 40-41]. В частности это легко было заметить на местном уровне, где в государственные учреждения низших инстанций дворянство часто идти не желало, а представители других социальных групп пытались попасть достаточно активно. В этом случае чины и играли роль наиболее влиятельного стимула для гражданских служащих и кандидатов на должность

Заключение

Подводя итоги, следует отметить, что чины были чрезвычайно важным элементом бюрократического механизма Российской империи. Более всего их значимость проявилась именно в конце XVIII – первой половине XIX вв. В это время они служили не просто признаком служебного и социального статуса, которым владел чиновник. Чины стали одним из тех средств, с помощью которого правительство реализовывало свою политику, унифицируя управленческие практики и, в определенной степени, социальные структуры присоединенных к империи национальных регионов

(лево- и правобережные украинские земли, Прибалтика, Кавказ, Бессарабия и т.д.) по общероссийскому образцу.

Фактически лишь со второй половины XIX в. чины выполняют непосредственно свою основную функцию – определяют порядок продвижения лица по служебной лестнице. Привилегии, связанные с ними остались (хотя условия их получения несколько усложнились), но правительство уже не использовало табельное чиновничество как одно из средств для реализации своей национально-унификационной политики.

Благодарности

Работа выполнена в рамках фундаментального исследования 0115U000677 «Историческое развитие пограничья Северо-Восточной Украины как способ конструирования общенациональной модели исторической памяти».

Примечания

1. Аксаков И.С. Письма к родным. 1844-1849. М.: «Наука», 1988. 704 с.
2. Государственный архив Харьковской области (ГАХО). Ф. 267. оп. 1. Д. 43. 5 л.
3. ГАХО. Ф. 667. Оп. 285. Д. 20. 46 л.
4. ГАХО. Ф. 667. Оп. 287. Д. 122. 184 л.
5. ГАХО. Ф. 667. Оп. 287. Д. 192. 37 л.
6. Градовский А.Д. Существо государственных должностей и учение о службе гражданской // Собрание сочинений А.Д.Градовского. Т.8. Начала русского государственного права. Часть II. Органы управления. СПб.: Типография М.М.Стасюлевича, 1903. С. 1-185.
7. Дегтярьов С.І. Цивільне чиновництво України у кінці XVIII – першій половині XIX ст.: монографія. Суми: ТОВ Друкарський дім «Папірус», 2014. 472 с.
8. Дегтярьов С.І. Педагогічні чиновники в українських губерніях першої половини XIX ст.: види утримання, заохочень і покарань // Сумський історико-архівний журнал. 2014. № XXII. С. 54-64.
9. Диссон Ю.А. Лицеи и благородные пансионеры в системе народного просвещения России в первой трети XIX века: дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.02. М., 2008. 307 с.
10. Евреинов В.И. Гражданское чиновничество в России: Исторический очерк. СПб., 1887. 286 с.
11. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: «Мысль», 1978. 280 с.
12. Degtyarev S.I. Materials for the History of the Hamlet (Selo) Gorodische and Town (Mestechko) Bakhmach. // *Gardarika*, 2014, Vol. (1), № 1, pp. 13-25.
13. Марасинова Е.Н. Русский дворянин второй половины XVIII в. (социо-психология личности) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. № 1. 1991. С. 17-28.
14. Месяцеслов с росписью чиновных особ или Общий штат Российской империи, на лето от Рождества Христова 1826. Часть вторая. СПб.: При Императорской Академии Наук, б/г. 502+XV+VII с.
15. Метушевская Т.И. Правовой статус государственного служащего в России XVIII – первой половине XIX вв.: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2007. 198 с.
16. О порядке представления в чины за выслугу лет и за отличие // ПСЗ-I. Т. XXV. № 19159.
17. О порядке представления к чином за отличие молодых людей из Дворян, обязанных выслугою законного срока в губернских и равных им присутственных местах // Журнал Министерства Народного Просвещения. Ч. LXXXI. СПб.: В Типографии Императорской Академии Наук, 1854. Отд. I. С. 4-6.
18. О порядке приобретения дворянства службой // ПСЗ-II. Т. XX. Отд. 1. № 19086.
19. О правилах производства в статские чины // ПСЗ-I. Т. XXIII. № 16930.
20. О приложении при представлениях о награждении чином 8 класса свидетельств о дворянстве // ПСЗ-I. Т. XXIII. № 16960.
21. О производстве в чины и об удостоивании к награждению орденом Св. Владимира всех призванных на службу по избранию Дворянства и служащих в звании Депутатов // ПСЗ-I. Т. XXXIII. № 25846.
22. О сроках производства в чины по службе гражданской // ПСЗ-II. Т. XXXI. № 31237.
23. Общий циркуляр по Министерству Внутренних Дел: о награждении, определении и увольнении должностных лиц, в Августе, Сентябре и Октябре, 1839 года // Журнал Министерства Внутренних Дел. № X. 1839. Распоряжения. С. СXX-SXXX.
24. Павловский И.Фр. К истории полтавского дворянства 1802-1902 г. Очерки по архивным данным. Выпуск первый. Полтава: Электрич. типо-литогр. Торгового Дома И. Фришберг и С. Зорохович, 1906. 277+XLI с.
25. Романович-Славатинский А. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. Свод материала и пригготовительные этюды для исторического исследования. СПб.: Типография Министерства Внутренних Дел, 1870. 564 с.

26. Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 74. Журналы Комитета учрежденного высочайшим рескриптом 6 Декабря 1826 года. СПб.: В Государственной Типографии, 1891. 502 с.
27. Сердюцкая О.В. Преподавательская служба в Российской империи второй половины XVIII в. // Вопросы истории. № 10. 2008. С. 99-113.
28. Суляк С. Императора облаяли в Черновцах (О малоизвестной встрече российского и австрийского императоров в 1823 г.) // Русин. Международный исторический журнал. 2011. №4. С. 44-53.
29. Уортман Р.С. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 520 с.
30. Устав Гимназий и Училищ Уездных и приходских, состоящих в ведомстве Университетов Санкт-Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского // ПСЗ-2. Т. III. № 2502.
31. Фонвизин Д. К г. Сочинителю «Былей и небылиц» от Сочинителя вопросов // Фонвизин Д. Сочинения. М.: Правда, 1981. 320 с.
32. Фонвизин Д. Опыт Российского сословника // Фонвизин Д. Сочинения. М.: Правда, 1981. С. 198.
33. Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киев. Ф. 707. Оп. 16. Д. 682. 942 л.
34. Шепелев Л.Е. Отмененные историей. Чины, звания и титулы в Российской империи. Л.: Издательство «Наука», Ленинградское отделение, 1977. 153 с.
35. Шепелев Л.Е. Чиновный мир России: XVIII – начало XX в. СПб.: «Искусство-СПБ», 1999. 479 с.
36. Яблочков М. История дворянского сословия в России. СПб.: Типография А.М. Котомина, 1876. 680 с.

References:

1. Aksakov I.S. Letters to his family. 1844-1849. Moscow: "Nauka", 1988. 704 p.
2. The State Archive of the Kharkiv region. Fund 267. Inventory 1. File 43. 5 sheets.
3. The State Archive of the Kharkiv region. Fund 667. Inventory 285. File 20. 46 sheets.
4. The State Archive of the Kharkiv region. Fund 667. Inventory 287. File 122. 184 sheets.
5. The State Archive of the Kharkiv region. Fund 667. Inventory 287. File 192. 37 sheets.
6. Gradovsky A.D. The essence of civil service positions and the doctrine of the Civil Service // Collected Works by A.D.Gradovsky. Vol. 8. Beginning of the Russian state law. Part II. Management bodies. St. Petersburg: Printing house of M.M. Stasyulevich. 1903. Pp. 1-185.
7. Degtyarev S. Civil officialdom in Ukraine at the end of the 18th – the beginning of the 19th centuries: Monograph. Sumy: Publishing House Papyrus, 2014. 472 p.
8. Degtyarev S.I. Pedagogical officials in the Ukrainian provinces of the first half of the XIX century: kinds of monetary maintenance, rewards and punishments // Sumy historical and archival journal. 2014. № XXII. Pp. 54-64.
9. Disson Y.A. Lyceums and Noble boards in the national education system of Russia in the first third of the 19th century: diss. ... cand. hist. sciences: 07.00.02. Moscow. 2008. 307 p.
10. Evreinov V.I. Civil chinoproizvodstvo in Russia: Historical Review. St. Petersburg. 1887. 146 p.
11. Zayonchkovsky P.A. Government apparatus of autocratic Russia in the nineteenth century. Moscow. 1978. 280 p.
12. Degtyarev S.I. Materials for the History of the Hamlet (Selo) Gorodische and Town (Mestechko) Bakhmach. // **Gardarika**, 2014, Vol. (1), № 1, pp. 13-25.
13. Marasinova E.N. Russian nobleman the second half of XVIII century (social psychology of the person) // **Bulletin of Moscow University. Series 8. History.** № 1. 1991. Pp. 17-28.
14. The Menologion and the general staff of the Russian Empire in 1826. Part 2. St. Petersburg. 1826. 502+XV+VII p.
15. Metushevskaya T.I. The legal status of civil servant in the Russia XVIII - first half XIX centuries: diss. ... cand. jurisprudence: 12.00.01. Moscow. 2007. 198 p.
16. Procedure for submission to the ranks for seniority and merits // Complete Collection of Laws of the Russian Empire, ed. 1. Vol. XXV. № 19159.
17. Procedure for submission to the ranks of the young nobles for his merits // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Vol. LXXXI. 1854. Part. I. Pp. 4-6.
18. The acquisition of the nobility using the service // Complete Collection of Laws of the Russian Empire, ed. 2. Vol. XX. Part. 1. № 19086.
19. The rules for giving civil ranks // Complete Collection of Laws of the Russian Empire, ed. 1. Vol. XXIII. № 16930.
20. About the application of evidences about the noble status // Complete Collection of Laws of the Russian Empire, ed. 1. Vol. XXIII. № 16960.
21. About granting of ranks and awarding the Order of St. Vladimir deputies from the nobility // Complete Collection of Laws of the Russian Empire, ed. 1. Vol. XXXIII. № 25846.
22. Dates of providing civil ranks // Complete Collection of Laws of the Russian Empire, ed. 2. Vol. XXXI. № 31237.

23. General Circular of the Ministry of Internal Affairs: on awarding, on the appointment of the staff and the dismissal of officials in August, September and October, 1839 // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. № X. 1839. Instructions. Pp. CXX-CXXX.

24. Pavlovskiy I.Fr. On the history of the Poltava nobility 1802-1902. Essays on the archive data. Vol. 1. Poltava, 1906. 277+XLI p.

25. Romanovich-Slavatinsky A. The nobility in Russia from the beginning of the XVIII century until the abolition of serfdom. Set of materials and preparatory studies for historical research. St. Petersburg: Printing house of Ministry of Internal Affairs. 1870. 564 p.

26. Collection of the Imperial Russian Historical Society. Vol. 74. Journals of the Committee established pursuant to imperial rescript December 6, 1826. St. Petersburg: The Government Printing Office. 1891. 502 p.

27. Serdiutskaya O.V. Teaching Service of the Russian Empire in the second half of the 18th century // **Questions of history. № 10. 2008. Pp. 99-113.**

28. Suljak S. The Emperor was unjustly called down in Chernovtsy // Rusin. International historical magazine [Kishinev], ed. by S.G. Sulyak. 2011. Nr 4. Pp. 44-53.

29. Wortman R. The Development of a Russian Legal Consciousness. Moscow. 2004. 520 p.

30. Statutes of the gymnasiums, county and parochial schools, which are subordinated to St. Petersburg, Moscow, Kazan and Kharkiv Universities // Complete Collection of Laws of the Russian Empire, ed. 2. Vol. III. № 2502.

31. Fonvizin D. To the writer of "true stories and tall tales" from the inventors of questions // Fonvizin D. The works. Moscow: Pravda. 1981. 320 p.

32. Fonvizin D. The experience of the Russian soslovnik // Fonvizin D. The works. Moscow: Pravda. 1981. P. 198.

33. Central State Historical Archive of Ukraine in Kiev. Fund 707. Inventory 16. File 682. 942 sheets.

34. Shepelev L.E. Cancelled by history. Grades, ranks and titles in the Russian Empire. Leningrad. 1977. 153 p.

35. Shepelev L.E. Bureaucratic world of Russia: XVIII - the beginning of the XX century. St. Petersburg: "Art-SPB". 1999. 479 p.

36. Yablochkov M. History of the nobility in Russia. St. Petersburg: Printing house of A.M. Kotomin. 1876. 680 p.

УДК 94(470)

Общественное и государственное значение чинов по Табели о рангах в Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX вв.

Сергей Иванович Дегтярев

Сумский государственный университет, Украина

40009, г. Сумы, ул. Коминтерна, д. 17

Доктор исторических наук, доцент

E-mail: starsergo@bigmir.net

Аннотация. В статье раскрывается проблема общественного и государственного значения чинов, которыми награждались государственные служащие Российской империи согласно Табели о рангах в конце XVIII – первой половине XIX вв. Определено, какими служебными и социальными привилегиями наделялись чиновники вследствие награждения их чинами. Исследованы условия, при которых их получали, влияние чинов на развитие бюрократической системы Российской империи. Больше всего значимость чинов проявилась в конце XVIII – первой половине XIX вв. В это время они служили не просто признаком служебного и социального статуса чиновника, но и были инструментом национально-унификационной политики российского правительства.

Ключевые слова: XVIII в., XIX в., Российская империя, национальные регионы, гражданская служба, чиновник, чин, Табель о рангах.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 38, Is. 4, pp. 876-887, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

«Orenburg Frenchmen»: Life of War Prisoners of the Grand Arme'e of Napoleon Who Obtained the Russian Citizenship and Stayed for Living in the Orenburg Guberniya (1814–1836 years)

Alexey I. Kortunov

M.Akmullah Bashkir State Pedagogical University, Russian Federation
October revolution street 3a, Ufa city, 450000
PhD (History), research associate
Email: kortunov@rambler.ru

Abstract

The article describes the life of soldiers and military officers of the Grand Arme'e of Napoleon Bonapart who were captured by Russians in 1812 and were sent for living to the Orenburg guberniya of the Russian Empire. Unique historical records allowed us to follow the life of those Frenchmen who decided to stay in the Orenburg guberniya and obtained the Russian citizenship. Several dozens of people, including women, were enrolled into bourgeois, peasant and Cossack classes. Many of them later became Christians and changed their names and surnames by the Russian ones. The latest data about «Orenburg Frenchmen» are dated 1836 (at that time in the Orenburg guberniya there were only fifteen such people).

Keywords: Frenchmen, exiled, Orenburg guberniya, The Grand Arme'e of Napoleon, Russian citizenship, settling, war prisoners.

Введение

1812–1814 годы стали новой вехой в истории всего Европейского пространства. Как известно более двухсот лет назад начался известный поход Великой армии Наполеона Бонапарта в Россию. И вот уже два столетия прошло с момента падения Парижа и ссылки Наполеона на остров Эльбы. Все эти события, бесспорно, повлияли на судьбу не только правящей элиты Европы, аристократии, дворянства, но и на судьбу обычных европейцев. Сегодня особо актуальным нам представляется описание жизненного пути не столько известных личностей, чьи биографии хорошо известны читателям, сколько обычных людей, ставших участниками военных баталий начала XIX столетия. Мы говорим о простых солдатах и офицерах той самой Великой Армии Наполеона Бонапарта, кто отправился в славный поход вместе со своим Императором для покорения «дикой», непонятной многим европейцам страны, России.

События 1812 года способствовали появлению на российских просторах огромного количества французов, немцев, итальянцев, венгров и других представителей европейской семьи, входивших в армию Наполеона. В ходе военных действий только в 1812 году в русском плену оказалось более 110 тысяч человек [1, с. 34]. После войны в России, приняв новое подданство, остались сотни бывших пленников Наполеоновской армии.

Материалы и методы

Источниковой базой данного исследования послужили документы Государственного архива Оренбургской области (ГАОО) и Центрального исторического архива Республики Башкортостан (ЦИА РБ). Методологическую основу исследования составили традиционные общенаучные принципы историзма и объективности. Принцип историзма позволит проследить судьбу военнопленных Великой армии Наполеона принявших русское подданство и оставшихся на поселении в Оренбургской губернии в первой половине XIX века с учётом определенных специфических условий, присущих только изучаемому периоду и территории. Основными стали

проблемно-исторический, хронологический методы и метод историко-сравнительного анализа, использование которых обусловлено поставленной в исследовании цели.

Обсуждения

Целью нашего исследования является описание судьбы военнопленных французской армии отправленных в Оренбургскую губернию Российской Империи и оставшихся на поселении в регионе, приняв русское подданство. Сегодня в российской исторической науке прочно закрепилось понятие – «оренбургские французы». В литературе первые систематизированные сведения о бывших военнопленных Великой армии, принявших российское подданство и проживающих в Оренбургской губернии, появляются в конце XIX века в работах П.Л. Юдина [2; 3]. Впоследствии к юбилею начала войны (1912 году) были изданы некоторые труды, косвенно относящиеся к проблеме нашего исследования. В советский период тема пленных практически не появлялась в исследованиях историков, которые упоминали о них только при описании хода военных действий Отечественной войны. Исключением стали работы П.Е. Матвиевского [4], посвященные истории Оренбургской губернии в 1812 году, где рассматривались отдельные эпизоды из жизни оренбургских военнопленных и В.Г. Сироткина [5], который осветил такой аспект, как использование пленных в различных сферах жизнедеятельности Российской Империи.

С начала 1990-х годов и до настоящего времени историография изучаемого вопроса значительно расширилась. По истории оренбургских французов вышли статьи таких ученых как Бессонов В.А. [6; 7], Иванов К.В. [8; 9], Исковский А.Е. [10], Земцов В.Н. [11], Картунов А.И. [12; 13], Миловидов Б.П. [14], Сироткин В.Г. [15; 16], Хомченко С.Н. [17; 18] и др.

Некоторые подробности о жизни в Оренбургской губернии военнопленных Наполеоновской армии мы можем узнать из опубликованных мемуаров и воспоминаний тех самых пленников, которые после окончания войны возвратились на Родину. В частности это труды С. Рюппеля [19], К. Вагевира [20], О. Белэ [21] и др.

Результаты

Первые упоминания о пленных французах появляются в августе 1812 года, а уже в сентябре выходит указ о размещении военнопленных Наполеоновской армии в пяти российских губерниях (Астраханской, Пермской, Саратовской, Вятской и Оренбургской). По нашим подсчетам в Оренбургскую губернию только в августе-ноябре 1812 года было отправлено семь партий военнопленных, общей численностью – 2394 человека. Среди них были офицеры, нижние чины, дезертиры и женщины [22].

Первые пять партий вышли из пунктов отправления в августе-сентябре 1812 года. Маршрут четырех партий пролегал по почтовым трактам из Москвы (через Владимир) и Смоленска до Симбирска, затем через Самару, Бузулук до Оренбурга. Пятая партия также двигалась в Оренбург по почтовым трактам, только через Казань. Сведения о данных пленных мы объединили в общую таблицу.

Таблица 1

Состав и численность пленных Наполеоновской армии отправленных на поселение в Оренбургскую губернию в августе–сентябре 1812 года [23; 24, с. 42-51; 25, с. 360–381]

№ Партии	Когда и откуда вышли	Состав партии	Прибыли к месту назначения
1-я	Вышли в августе 1812 года из Москвы во Владимир. В сентябре из Владимира в сопровождении Владимирского ополчения (во главе с Поручиком Макаровым) направились в Оренбург	Нижних чинов – 174; Дезертиров – 17; Всего: 191 чел.	Прибыли в Оренбург 1 ноября 1812 года в количестве 182 чел. (9 чел. в пути скончались)
2-я	Вышли в августе 1812 года из Москвы во Владимир. В сентябре из Владимира в сопровождении Владимирского ополчения (во главе с Подполковником Языковым) направились в Оренбург	Офицеров – 12; Нижних чинов – 848; Дезертиров – 4; Всего: 864 чел.	Когда прибыли на место сведений не сохранилось. До переправы через Волгу (близ Самары) скончались 20 чел. От Самары до Бузулука скончались еще 409 нижних чинов. В Бузулуке умерло 25 чел.
3-я	Вышли в августе 1812 года из Москвы во Владимир. В сентябре из Владимира в сопровождении Владимирского	Офицеров – 15; Нижних чинов – 465; Всего: 480 чел.	Когда прибыли на место сведений не сохранилось

	ополчения (во главе с Капитан-лейтенантом Бульгиным) направились в Оренбург		
4-я	Вышли в сентябре 1812 года из Смоленска и в сопровождении Смоленского ополчения (во главе с Прапорщиком Камсеном (или Комсеном)) направились в Оренбург	Нижних чинов – 135; Дезертиров – 17; Всего: 152 чел.	Когда прибыли на место сведений не сохранилось
5-я	Вышли в конце августа 1812 года из Москвы (во главе со Штабс-капитаном Станкевичем) и направились в Оренбург	Полковник – 1; Обер-офицеров – 5; Нижних чинов – 293; Всего: 299 чел.	Когда прибыли на место сведений не сохранилось. Три человека умерло в Казани. Десятки больных были оставлены на лечение в Казани, после излечения отправлялись дальше в Оренбургскую губернию
Всего в пяти партиях в Оренбургскую губернию было направлено – 1986 чел. Точное количество прибывших к месту назначения неизвестно.			

Для поселения пленных первых пяти партий были назначены три города (Оренбург, Верхнеуральск и Троицк) и 18 крепостей (Верхнеозерная, Губерлинская, Звериноголовская, Илецкая Защита, Кизильская, Красноярская, Крутоярская, Магнитная, Нижнеозерная, Орская, Петропавловская, Рассыпная, Степная, Таналыцкая, Татищевская, Уртазымская, Усть-Уйская и Чернореченская) [26, с. 43]. Для присмотра за военнопленными в каждой крепости должно было быть минимум по 50 казаков или башкир [27].

Из официальной делопроизводственной документации 1812 года мы узнаем, что состав военнопленных, направленных в Оренбургскую губернию, был многонациональным. В рапорте от 5 ноября 1812 года, адресованного Оренбургскому военному губернатору князю Волконскому, «О прибытии первой партии военнопленных...» сообщается, что из пяти партий военнопленных французов следующих в Оренбург, первая партия под командованием поручика Макарова, состоящая из 17 дезертиров и 174 пленных (всего 191 человек) 1 ноября пришла в Оренбург. Из них в дороге умерло 9 человек, и считались больными 35 человек. Всего до Оренбурга добралось 182 человека (французов – 102, голландцев – 21, испанцев – 21, поляков – 18, швейцарцев – 12, немцев – 4, вюртембергцев – 1, австрийцев – 1, саксонцев – 1 и вестфальцев – 1 [28]. Среди пленных числились: капитан Француз Негри, сержанты Гаспар Мюиш, Жузеп Пики, Жузеп Тинши, капитан Котт, адъютант Гро и многие другие [29]. В октябре-ноябре 1812 года в Оренбургскую губернию были отправлены еще две партии (6-я и 7-я) военнопленных французской армии.

Таблица 2

Состав и численность пленных Наполеоновской армии отправленных на поселение в Оренбургскую губернию в октябре-ноябре 1812 года [30, с. 50–51; 31, 360–386]

№ Партии	Когда и откуда вышли	Состав партии	Прибыли к месту назначения
6-я	Вышли в октябре 1812 года из Воронежа в Симбирск и далее в Оренбург (во главе с Прапорщиками Петровым и Мякишевым) в сопровождении Симбирского ополчения	Штаб-офицеров – 1; Обер-офицеров – 9; Нижних чинов – 207; Всего: 217 чел.	Когда прибыли на место сведений не сохранилось
7-я	Вышли в ноябре 1812 года из Тамбова в Оренбург (во главе с Прапорщиком князем Чанышевым) в сопровождении Московского пехотного полка	Обер-офицеров – 10; Нижних чинов – 181; Всего: 191 чел.	Когда прибыли на место сведений не сохранилось. В пути скончалось 3 чел. Прибыло к месту назначения 188 чел.
Всего в двух партиях в Оренбургскую губернию было направлено – 408 чел. Точное количество прибывших к месту назначения неизвестно.			

Из семи партий (в общей сложности 2394 человек), направленных в Оренбургскую губернию в 1812 году, до места назначения дошли не все. Как сообщалось выше, в первой партии в дороге скончалось девять пленников, во второй партии были самые большие потери: на берегу реки Волга у

переправы (недалеко от Самары) было захоронено 20 пленных. От Самары до Бузулука скончалось 409 нижних чинов, а в Бузулуке умерло еще 25 человек. Были потери и в других партиях, но менее значительные. Причинами столь высокой смертности среди военнопленных являлись начавшиеся холода, ветхость обуви и одежды, плохое питание.

Некоторые группы военнопленных не дошли до Оренбурга и остались в Бузулуке и Бугульме опять же по причине начавшихся холодов и болезней. Впоследствии, уже оттуда напрямую они рассылались по крепостям. Таким образом, общее количество прибывших к месту назначения военнопленных армии Наполеона выяснить не представляется возможным.

По некоторым данным в Оренбургской губернии на февраль 1813 года насчитывалось 1580 пленников и 3 дезертира (2 штаб- и 49 обер-офицеров следующих национальностей: французов – 18, поляков – 15, вюртембергцев и португальцев – по 7, вестфальцев – 2, а также пруссак и итальянец, и нижних чинов – 1532 человека). Затем их количество стало расти и составило не менее 1877 человек (это с учетом 41-го дезертира и 2-х женщин) [32, с. 70; 33, с. 366]. По сведениям от 15 февраля 1813 года из пленных, отправленных в Оренбургскую губернию, умерло 325 человек [34, с. 36]. Но вероятно, что в течение 1813 года многие военнопленные умирали уже на месте ссылки.

Если взять за основу общее количество военнопленных (с дезертирами и женщинами) посланных в 1812 году в семи партиях в Оренбургскую губернию, то есть 2394 человека, и вычесть число пленных расквартированных в губернии в начале 1813 года (1877 человек опять же с дезертирами и женщинами), то получается цифра – 517 человек. От этой цифры отнимем 325 человек, умерших к 15 февраля 1813 года. Таким образом, можно предположить, что в первой половине 1813 года скончалось еще 192 человека. Но однозначно утверждать мы не можем, так как, например, несколько групп военнопленных отправились на Родину уже в 1813 году (это вюртембергцы, саксонцы и другие пленники, чьи государства присоединились к «Союзным Армиям» в 1813 году).

В марте-декабре 1813 года в Оренбургскую губернию также прибывали пленные. Мы находим отрывочные сведения о переводе в марте 1813 года из Вологодской губернии в Оренбургскую пленных штаб- и обер-офицеров, правда число их не называлось. 1 сентября того же года из Казани в Бугульму прибыла партия поручика Чудинова в составе 41 обер-офицера и 101 нижнего чина. По распоряжению Оренбургского гражданского губернатора М.А. Наврозова они были направлены в уездный город Мензелинск, куда прибыли 30 сентября. А в ноябре в Оренбургскую губернию вступила партия из Костромы. От Казани эту партию сопровождал квартальный надзиратель Ильин, который привел в Бугульму 62 обер-офицера и 29 нижних чинов. Из них баварцы 2 обер-офицера и 1 рядовой остались здесь, чтобы вернуться в отечество, остальные были отправлены в Бирск, куда прибыли в начале декабря. Впоследствии в Оренбургскую губернию из других регионов России осуществлялась пересылка пленных французом (в основном офицеров), за какие-либо преступления [35, с. 366–367].

В мае 1814 года последовало распоряжение «об отправлении в свое отечество военнопленных всех наций в России находящихся» [36]. Но не все пленные возвращались на родину. Еще 4 июля 1813 года вышло распоряжение о желающих присягнуть на подданство России: «...Его императорское Величество Высочайше повелеть соизволил, чтобы военнопленные, желающие присягнуть на подданство России были допускаемы к этому, с соблюдением, однако же, осторожностей, чтобы этим случаем не могли воспользоваться люди вредные и подозрительные...» [37].

По спискам, составленным в конце 1814 года в Оренбургской губернии желающих принять Российское подданство оказалось 40 человек: в их числе французом – 24; итальянцев – 5; венгров – 4; немцев – 2; вестфальцев – 2; австриец – 1; испанец – 1; хорват – 1. Из них 14 человек были приписаны к мещанскому сословию, 10 – к крестьянскому. Трое на момент составления списка не избрали еще род занятия, один переехал в Казань, один умер. Одиннадцать человек, из принявших русское подданство, решили после соответствующего разрешения вернуться в отечество [38, с. 369].

По алфавитному списку военнопленных Наполеоновской армии, проанализированного историком Б.П. Миловидовым, в Оренбургской губернии к 1819 году числились 21 человек.

Таблица 3

Состав бывших пленных Наполеоновской армии оставшихся на поселении в Оренбургской губернии (1819 год) [39, с. 280–338; 40, с. 72]

№	Фамилия, имя	Подданный	Где присягнул	Примечание
1	Бриад	Французский	Оренбург	Бузулукский крестьянин
2	Биго Жна	Французский	Оренбург	Оренбургский мещанин
3	Бутьи Франсуа	Французский	Оренбург	Бузулукский мещанин
4	Вослер Мишель	Французский	Казань	Состоял в пахотных солдатах Бугульминского уезда
5	Верли Яков	Немецкий	Оренбург	Оренбургский мещанин
6	Вейдель Ян	Венгерский	---	Бугурусланский мещанин

7	Вереш Стефан	---	---	Бугурусланский мещанин
8	Виор Жан Батист	Итальянский	---	Бузулукский мещанин
9	Гроб Жан Батист	Итальянский	Оренбург	Бузулукский мещанин
10	Девиталь Рональд	Итальянский	Оренбург	Мещанин
11	Жанберд Франсуа	Французский	Оренбург	Причислен к Бузулукскому уезду
12	Конт[з] Франсуа	Французский	Оренбург	Причислен к Бузулукскому уезду
13	Каляиш Максим	Кроат (хорват)	---	Причислен к Бузулукскому уезду
14	Комон Батист	Французский	---	Бузулукский мещанин
15	Моринц Павел	Венгерский	Оренбург	Бугурусланский мещанин
16	Нассау Франсуа	Французский	Оренбург	Оренбургский мещанин
17	Петько Павел	Венгерский	Оренбург	Бугурусланский мещанин
18	Сурмо Франсуа	Французский	Оренбург	В крестьянском звании
19	Тал[яг]о Антоний	Итальянский	Оренбург	Бугурусланский мещанин
20	Фротиний Андрей	---	Оренбург	В крестьянском звании
21	Шульц Франц	Французский	Оренбург	Оренбургский мещанин

В 1836 году Французское посольство в Российской Империи официально сделало запрос в Министерство внутренних дел о проживающих в России французах, вступивших в подданство с 1813 года по 1827 год, с указанием имени, названия работы, места рождения, времени первоначального прибытия в Россию каждого из них [41].

Весной того же года из Министерства внутренних дел по губерниям Российской Империи были разосланы циркуляры с предписанием о сборе соответствующей информации. И уже в мае 1836 года Управление Оренбургского гражданского губернатора разослало предписания Городским и Земским полициям в двенадцать губернских уездов (так же и в Канцелярию Уральского казачьего войска) о сборе необходимых сведений.

Летом 1836 года соответствующие службы прислали ответы и списки находящихся у них на жительстве бывших французских военнопленных, из которых следовало, что в Оренбургской губернии таковых числилось всего 15 человек (14 человек мужского пола и одна женщина), принявших вечное подданство России (Бугульминский уезд – 4; Бузулукский уезд – 4; Уральское казачье войско – 2; город Оренбург – 2; Бирский уезд – 1; город Бузулук – 1; город Бугуруслан – 1).

Таблица 4

Список бывших военнопленных Наполеоновской армии проживающих в Оренбургской губернии и Уральском казачьем войске (1836 год) [42]

Список составленный в Бугульминском Земском Суде (по сведениям доставленным Сельским Заседателем Сипайловым) о французах проживающих в Бугульминском уезде в Верхнекармальской слободе и имеющих домашнее хозяйство					
№	Имя, фамилия и звание	Где и когда родился	Когда прибыли в Россию	Где и когда учинили присягу	Отметки
1	Филип Иванов Юнкер	Рождены в немецкой земле	Прибыли 1812 года во время французской войны не сами по себе, а забраны в плен	Присягу принимали в Старописмянской слободе Бугульминского уезда	Присяга принята на вечное подданство Российского престола
2	Илья Кондратьев, а по немецки Август Гаутц				
3	Петр Бац				
4	Михайла Петров Убиляров				

Список французам в Бузулуцком уезде проживающих, принявшим присягу на верность подданства Российскому Престолу, с 1813 по 1827 год					
№	Имя, фамилия и звание	Где и когда родился	Когда прибыли в Россию	Где и когда учинили присягу	Отметки
1	Франц Кате. Занимается устройством мельниц	Когда родился не помнит	В 1812 году	В городе Бузулуке в 1813 году	Присяга принята на вечное подданство за себя одного
2	Филип Иванов Верши	В Столичном городе Германштадте, а	В 1813 году	В городе Бузулуке в 1812 году	Присягу принял на вечное

		когда родился не помнит			подданство как за себя так и за детей
3	Андрей Иванов Реинкабер	В городе Брюсселе, а когда родился не помнит	В 1812 году	В городе Бузулуке в 1814 году	Присяга принята на вечное подданство за себя одного
4	Jetis Briat	В Департаменте Святого Брежла деревни Эжен близ города Нажар, а когда родился не помнит	В 1812 году	В городе Бузулуке	Присягу принял на вечное подданство как за себя так и за детей

Список французов записанных в Уральское казачье войско с 1813 по 1827 год. Июля 17 дня 1836 года					
№	Имя, фамилия и звание	Где и когда родился	Когда прибыли в Россию	Где и когда учинили присягу	Отметки
1	Матвей Петров французской нации. Купец. Дети его: Александр, Юз, Иналталион	О месте и времени рождения неизвестно	О времени прибытия в Россию сведений нет	Причислены в Уральское войско по предписанию Оренбургского военного губернатора Господина Генерала от Кавалерии и Кавалера Князя Волконского от 31 Января 1815 года № 374, первый в отставные казаки, а последний в малолетки, но был ли Петров приведен на верность службы к присяге сведения по архивным делам не имеется	Была ли принята, когда и где Петровым на вечное подданство, или на временное за себя ли одного или вместе с детьми присяга неизвестно
2	Карл Людвиг Бертус из военнопленных французов			Причислен в Уральское войско по предписанию Оренбургского Военного Губернатора Господина Генерала от Инфантерии и кавалера Эссена от 28 Апреля 1820 года № 763, в служащие казаки...	Принимал ли Бертус когда и где на верное подданство или на временное, присягу не известно

Список французов в городе Оренбурге проживающих, принявших присягу на верность подданства Российскому Престолу с 1813 по 1827 год					
№	Имя, фамилия и звание	Где и когда родился	Когда прибыли в Россию	Где и когда учинили присягу	Отметки
1	Учитель и Гувернер Неплюевского военного Училища 9-го класса Десидерий Федоров сын Дандевиль (Thomas Desire Dandeville)	В 1790 году в городе Андели Департамент де Лёръ	В 1812 году пленным	В Оренбурге в 1828 году при вступлении в службу	Принята им на вечное подданство присяга будучи уже женатым. Женат на россиянке
2	Колонист Саратовской губернии колонии Борегарда Jan Marie Bodarre	Близ Булонии в городе Девр в 1790 году	В 1812 году пленным	В Саратовском губернском правлении в 1814 году	Принята им присяга будучи еще не женатым за себя на вечное подданство. Женат на россиянке

Ведомость по французам обоого пола в Бирском уезде проживающих, принявшим присягу на верность подданства Российскому Престолу, с 1813 по 1827 год					
№	Имя, фамилия и звание	Где и когда родился	Когда прибыли в Россию	Где и когда учинили присягу	Отметки
1	Adrian Jeofroi. Из мещан города Парижа, а ныне Бирскаго уезда ... деревни Бурмы. Государственный крестьянин	В городе Париже в 1784 году	Прибыл в 1813 году пленным, а в 1816 году принял православную веру и вступил в законное супружество с мещанкой города Кунгура. В 1824 году записался в государственные крестьяне и поселился на жительство в Бирском уезде в деревне Бурмы	В городе Пермь 1815 года	Присягу принял на вечное подданство за себя одного, ибо тогда еще был не женат

Список французов в городе Бузулуке проживающих, принявшим присягу на верность подданства Российскому Престолу, с 1813 по 1827 год					
№	Имя, фамилия и звание	Где и когда родился	Когда прибыли в Россию	Где и когда учинили присягу	Отметки
1	Иван Бутье Мещанин города Бузулука	Во Франции в селении Сантуаль в 1772 году	В октябре 1812 года	В городе Бузулук в 1813 году	Присяга принята на вечное подданство за себя одного, детей не имеет

Ведомость французам обоого пола в городе Бугуруслане проживающих, принявшим присягу на верность подданства Российскому Престолу в 1813 году					
№	Имя, фамилия и звание	Где и когда родился	Когда прибыли в Россию	Где и когда учинили присягу	Отметки
1	Minette Jean-Babtiste Gladen. Мещанка	В городе Шатосален, в 1796 году	В 1813 году	В городе Бугуруслане, а когда неизвестно	Присягу приняла на вечное подданство

Проанализировав информацию о бывших военнопленных Наполеоновской армии принявших русское подданство и оставшихся на поселении в Оренбургской губернии в период с 1814 года по 1836 год мы пришли к выводу, что их количество с каждым десятилетием уменьшалось. Если в 1814 году мы находим сведения о 40 человеках, то в 1819 году их числилось уже – 21, а в 1836 году – 15. Причины этого очевидны. Кто-то уехал обратно на родину, кто-то переехал в другие губернии, кто-то скончался. Достаточно много оренбургских французов переходило служить в Оренбургское казачье войско. При этом отметим, что по утверждению некоторых губернских чиновников бывшие военнопленные Наполеоновской армии неохотно шли на русскую военную службу. В частности их не устраивало жалованье и условия службы. А вот в казачье сословие они приписывались охотно.

В 1814 году минимум 12 человек, предварительно записавшись в другие сословия, пожелали вступить в ряды оренбургского казачества, что впоследствии было разрешено Высочайшим указом. Из Казанской губернии в Оренбургскую в 1814 году переехали французы Бац и Вослер, также став казаками. До нас дошли еще несколько фамилий таких военнопленных: Ланглоа, Виклер, Бинслон, Бушень и другие. Они были оставлены на поселении в Верхнеуральском и Троицком уездах. В 1815 году по указу Императора Александра I их зачислили в Оренбургское казачье войско [43, с. 75; 44, с. 369–370].

Один из этих французов, Дизере Фёдорович Дандевиль, долгое время являлся младшим учителем французского языка в Оренбургском Неплюевском училище. Его сын Виктор Дезидериевич Дандевиль после окончания Неплюевского училища служил в Оренбургском казачьем войске. В 1862–1864 годах он занимал должность Наказного атамана Уральского казачьего войска [45, с. 75].

До наших дней дошло несколько прошений бывших солдат Наполеоновской армии о причислении их в Оренбургское войско. Военнопленные Николай Генау, Яков Верле и Филипп Гильгерт просят покорнейше о причислении их к казакам, потому что они не желают больше служить во французской армии, и объявляют желание вступить в подданство Российской Империи. Для этого они подают прошение Оренбургскому губернатору и получают разрешение [46].

В Трудах Оренбургской ученой архивной комиссии в 1900 году было опубликовано дело «О присоединении в Оренбургское казачье войско двух военнопленных немцев, прусского подданного Филиппа Юнкера и гессенского Вильгельма Гаутца». В нём сообщается, что бывшие военнопленные Наполеоновской армии Юнкер и Гаутц жили в Бугульминском уезде, в Верхнекармальской слободе, где были приписаны к государственным крестьянам. Впоследствии они поступили в состав пехотных солдатских малолетков, отказавшись ехать на родину. После этого вышел указ о зачислении всех солдатских малолетков в казаки со вступлением на службу в Оренбургское войско. К этому времени они уже обзавелись семьями, и поэтому согласились начать службу в рядах оренбургского казачества. 26 мая 1834 года Филипп Юнкер и Вильгельм Гаутц по-немецки подписались под документом [47, с. 70–71].

По некоторым данным к концу XIX века среди оренбургских казаков насчитывалось сорок восемь французских фамилий, которые являлись потомками тех самых пленных французских солдат, попавших в Оренбургскую губернию в 1812–1814 годах. Все они проживали в Верхнеуральском уезде Оренбургской губернии. К этому времени в неизменном виде сохранились только две французские фамилии – Жандр и Ауц. Семья Жандра состояла всего лишь из нескольких человек: вдовы покойного сотника Оренбургского войска Евдокии Ивановны, сына ее Якова Ивановича и трех выданных замуж дочерей (Александры, Марии и Юлии), живущих в станице Кизильской Верхнеуральского уезда. Они имели потомственный земельный участок в 400 десятин, пожалованный за службу сотника Ивана Ивановича Жандра, родившегося в 1824 году в семье бывшего французского военнопленного Жака Жандра [48, с. 32].

Фамилия Ауц к концу XIX столетия в Оренбургском казачьем войске была уже довольно распространена. Выходец из этой семьи, не считая выданных замуж дочерей, к этому времени насчитывалось 18 мужчин и 24 женщины. Родоначальником фамилии Ауц являлся Илья. Он был простым солдатом Великой армии Наполеона, сосланный сначала в деревню Верхнюю Кармалку Бугульминского уезда Оренбургской губернии, вместе с другими пленными: Филиппом Юнкером, Вилиром Сониным, Леонтием Ларжинц и Петром Бац. Впоследствии Ауц (Илья Кондратьевич), женившись в Кармалке на крестьянской девушке Татьяне Харитоновой, в 1842 году со всем семейством переселился в Верхнеуральский уезд и избрал местом своего жительства казачий поселок Арсинский. В 1843 году был он зачислен в казаки, а в 1853 года, с именем Василий, принял православие [49, с. 1].

Об остальных потомках пленных французских солдат довольно трудно собрать какие-либо сведения, так как они, при образовании в 40-х годах XIX века Новолинейного района Оренбургского казачьего войска, были переселены из прежних мест жительства на новые места. Дети их, вероятнее всего не желая казаться чужими среди казаков, поменяли свои прежние французские фамилии на русские и таким образом растворились в общей массе казачьего населения. Так же утратили свои прозвища потомки французских солдат, оставшихся в Бугульминском уезде, где, например, от Филиппа Юнкера произошла фамилия Юнкеров, дети Ларжинц стали Жильцовы, а от Петра Баца произошли Бацитовы. И только потомки Вилира Сонины сохранили свою фамилию [50, с. 33].

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что в Оренбургской губернии после 1814 года осталось несколько десятков бывших военнопленных Великой армии Наполеона. Приняв русское подданство, они по собственному желанию выбирали себе род занятий и сословие. Большая часть бывших французских подданных была приписана к мещанскому и крестьянскому сословиям и расселены в пяти уездах Оренбургской губернии (Оренбургском, Бирском, Бузулукском, Бугурусланском и Бугульминском). Двое находились на службе в Уральском казачьем войске. Но самая большая часть бывших пленников поступила на службу в Оренбургское казачье войско.

Исследованные исторические источники предоставляют нам уникальную возможность ознакомиться с судьбой тех солдат и офицеров Великой армии Наполеона Бонапарта, которые по собственному желанию остались в России, приняв «присягу на вечное подданство», создали здесь семьи, работали и служили русскому обществу. Из документов Министерства внутренних дел Российской Империи мы узнаем, что к 1819 году в Оренбургской губернии бывших военнопленных числилось двадцать один человек (не считая французско-казаков Оренбургского казачьего войска), а в 1836 году пятнадцать (одна из которых была женщина). К сожалению, дальнейшая судьба многих из вышеперечисленных французских солдат неизвестна. Возможно, что в будущем научные изыскания в этом направлении позволят осветить весь жизненный путь «оренбургских французских солдат».

Благодарности

Исследование выполнено в рамках базовой части Государственного задания на проведение научно-исследовательской работы Министерства образования и науки РФ (2014–2016 гг.). Тема НИР: «Кочевники Золотой Орды XIII–XV вв. и казачество Урала XVI–XIX вв.: проблемы этно- и социально-культурной преемственности» (Проект № 2936).

Примечания:

1. Бессонов В.А. Численность военнопленных 1812 года в России / В.А. Бессонов // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы X Всероссийской научной конференции. М., 2002. С. 18–38.
2. Юдин П.Л. Ссылыные 1812 г. в Оренбургском крае. К истории Отечественной войны // Русский архив. Кн. 3. 1896. С. 5–33.
3. Юдин П.Л. Из прошлого. Французы-казаки // Оренбургские губернские ведомости. 1892. №32. С.1.
4. Матвиевский П.Е. Оренбургский край в Отечественной войне 1812 года: Исторические очерки // Уч. зап. / Оренб. гос. пед. инст., 1962. Вып. 17. 306 с.
5. Сироткин В.Г. Судьба французских солдат в России после 1812 года / В.Г. Сироткин // Вопросы истории. 1974. №3. С. 129–136.
6. Бессонов В.А. Нормативные документы, определявшие содержание военнопленных в Российской империи в 1812 году / В.А. Бессонов // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы VII Всероссийской научной конференции. Бородино, 1999. С. 12–23.
7. Бессонов В.А. Численность военнопленных 1812 года в России / В.А. Бессонов // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы X Всероссийской научной конференции. М., 2002. С. 18–38.
8. Иванов К.В. Система финансирования военнопленных 1812–1814 годов / К.В. Иванов // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы IV и V Всероссийской научной конференции. Бородино, 1997. С. 190–197.
9. Иванов К.В. Французы-казаки / К.В. Иванов // 185 лет Отечественной войне 1812 года. Самара, 1997. С. 91–95.
10. Исковский А.Е. Военнопленные Великой армии в Оренбургской губернии (1812–1814 годы) / А.Е. Исковский // Гостиный двор. Литературно-художественный и общественно-политический альманах. 2012. №40. С. 40–61.
11. Земцов В.Н. Военнопленные армии Наполеона на Урале в 1812–1814 годах / В.Н. Земцов // Вестник Российского отделения РАН. 2012. № 3(41). С. 68–81.
12. Картунов А.И. Некоторые сведения о пленных французах в Оренбургской губернии (1812–1814 годы) / А.И. Картунов // Археография Южного Урала: археографические исследования в XXI в. Материалы X межрегиональной научно-практической конференции посвященной 65-летию Великой Победы, 10-летию БРО РОИА, памяти председателя Южно-уральского отделения Археографической комиссии РАН член-корреспондента РАН Р.Г. Кузеева. Уфа, 2010. С. 189–191.
13. Картунов А.И. Пленные Наполеоновской армии в Оренбургской губернии / А.И. Картунов // Материалы юбилейной научной конференции молодых учёных: в 2-х т. Уфа, 2001. Т. 2. С. 188–189.
14. Миловидов Б.П. Алфавит военнопленных оставшихся в России после Отечественной войны 1812 года / Б.П. Миловидов // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Труды ГИМ. Вып. 183. М., 2010. С. 280–338.
15. Сироткин В.Г. Наполеон и Россия / В.Г. Сироткин. М.: Олма-Пресс, 2000. 380 с.
16. Сироткин В.Г. Судьба пленных солдат и офицеров Великой Армии в России после Бородинского сражения / В.Г. Сироткин // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы VIII Всероссийской научной конференции. Можайск, 2000. С. 246–266.
17. Хомченко С.Н. Военнопленные армии Наполеона в Оренбургской губернии / С.Н. Хомченко // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XV Международной научной конференции. Можайск, 2009. С. 360–386.
18. Хомченко С.Н. Оренбургская губерния в мемуарах пленных военнослужащих Великой армии Наполеона / С.Н. Хомченко // Уральский исторический вестник. 2012. №1(34). С. 54–63.
19. E. Rüppel Kriegsgefangen im Herzen Russland. Berlin, 1912.
20. C. Wagevier Aanteekeningen gehouden gedurende mijnen marsch naar, gevangenschap in en torugreize nit Russland in 1812, 1813, 1814. Amsterdam, 1820.
21. H. Belay Mémoires d'un grenadier de la Grande Armée. Paris, 1907.
22. В Наполеоновской армии было немало женщин, которые являлись вдовами погибших офицеров, бывшими маркитантками и др.
23. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 3. Д. 3673. Л. 1–203.
24. Исковский А.Е. Военнопленные Великой армии в Оренбургской губернии (1812–1814 годы) / А.Е. Исковский // Гостиный двор. Литературно-художественный и общественно-политический альманах. 2012. №40. С. 42–51.

25. Хомченко С.Н. Военнопленные армии Наполеона в Оренбургской губернии / С.Н. Хомченко // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XV Международной научной конференции. Можайск, 2009. С. 360–386.
26. Исковский А.Е. Военнопленные Великой армии в Оренбургской губернии (1812–1814 годы) / А.Е. Исковский // Гостиный двор. Литературно-художественный и общественно-политический альманах. 2012. №40. С. 40–61.
27. ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 3673. Л. 5–50б.
28. ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 3673. Л. 124–124об.
29. ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 3673. Л. 908.
30. Исковский А.Е. Военнопленные Великой армии в Оренбургской губернии (1812–1814 годы) / А.Е. Исковский // Гостиный двор. Литературно-художественный и общественно-политический альманах. 2012. №40. С. 40–61.
31. Хомченко С.Н. Военнопленные армии Наполеона в Оренбургской губернии / С.Н. Хомченко // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XV Международной научной конференции. Можайск, 2009. С. 360–386.
32. Земцов В.Н. Военнопленные армии Наполеона на Урале в 1812–1814 годах / В.Н. Земцов // Вестник Российского отделения РАН. 2012. № 3(41). С. 68–81.
33. Хомченко С.Н. Военнопленные армии Наполеона в Оренбургской губернии / С.Н. Хомченко // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XV Международной научной конференции. Можайск, 2009. С. 360–386.
34. Бессонов В.А. Численность военнопленных 1812 года в России / В.А. Бессонов // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы X Всероссийской научной конференции. М., 2002. С. 18–38.
35. Хомченко С.Н. Военнопленные армии Наполеона в Оренбургской губернии / С.Н. Хомченко // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XV Международной научной конференции. Можайск, 2009. С. 360–386.
36. ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 3673. Л. 888.
37. ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 3673. Л. 675.
38. Хомченко С.Н. Военнопленные армии Наполеона в Оренбургской губернии / С.Н. Хомченко // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XV Международной научной конференции. Можайск, 2009. С. 360–386.
39. Миловидов Б.П. Алфавит военнопленных оставшихся в России после Отечественной войны 1812 года / Б.П. Миловидов // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Труды ГИМ. Вып. 183. М., 2010. С. 280–338.
40. Земцов В.Н. Военнопленные армии Наполеона на Урале в 1812–1814 годах / В.Н. Земцов // Вестник Российского отделения РАН. 2012. № 3(41). С. 68–81.
41. Центральный исторический архив Республики Башкортостан (ЦИА РБ). Ф. И-6. Оп. 1. Д. 135. Л. 2.
42. ЦИА РБ. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 135. Л. 3–74.
43. Матвиевский П.Е. Оренбургский край в Отечественной войне 1812 года: Исторические очерки // Уч. зап. / Оренб. гос. пед. инст., 1962. Вып. 17. 306 с.
44. Хомченко С.Н. Военнопленные армии Наполеона в Оренбургской губернии / С.Н. Хомченко // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XV Международной научной конференции. Можайск, 2009. С. 360–386.
45. Матвиевский П.Е. Оренбургский край в Отечественной войне 1812 года: Исторические очерки // Уч. зап. / Оренб. гос. пед. инст., 1962. Вып. 17. 306 с.
46. ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 3673. Л. 679, 877.
47. Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. Вып. 6. Оренбург: Типо-литография И.И. Евфимовского-Мировицкого, 1900. С. 70–71.
48. Юдин П.Л. Ссылные 1812 г. в Оренбургском крае. К истории Отечественной войны // Русский архив. Кн. 3. 1896. С. 5–33.
49. Юдин П.Л. Из прошлого. Французы-казаки // Оренбургские губернские ведомости. 1892. №32. С. 1.
50. Юдин П.Л. Ссылные 1812 г. в Оренбургском крае. К истории Отечественной войны // Русский архив. Кн. 3. 1896. С. 5–33.

References:

1. Bessonov V.A. Chislennost' voennoplennykh 1812 goda v Rossii / V.A. Bessonov // Otechestvennaya voina 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy: Materialy X Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. M., 2002. S. 18–38.
2. Yudin P.L. Ssyl'nye 1812 g. v Orenburgskom krae. K istorii Otechestvennoi voiny // Russkii arkhiv. Kn. 3. 1896. S. 5–33.
3. Yudin P.L. Iz proshlogo. Frantsuzy-kazaki // Orenburgskie gubernskie vedomosti. 1892. №32. S.1.

4. Matvievskii P.E. Orenburgskii krai v Otechestvennoi voine 1812 goda: Istoricheskie ocherki // Uch. zap. / Orenb. gos. ped. inst., 1962. Vyp. 17. 306 s.
5. Sirotkin V.G. Sud'ba frantsuzskikh soldat v Rossii posle 1812 goda / V.G. Sirotkin // *Voprosy istorii*. 1974. №3. S. 129–136.
6. Bessonov V.A. Normativnye dokumenty, opredelyavshie sodержanie voennoplennykh v Rossiiskoi imperii v 1812 godu / V.A. Bessonov // Otechestvennaya voina 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy: Materialy VII Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. Borodino, 1999. S. 12–23.
7. Bessonov V.A. Chislennost' voennoplennykh 1812 goda v Rossii / V.A. Bessonov // Otechestvennaya voina 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy: Materialy X Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. M., 2002. S. 18–38.
8. Ivanov K.V. Sistema finansirovaniya voennoplennykh 1812–1814 godov / K.V. Ivanov // Otechestvennaya voina 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy. Materialy IV i V Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. Borodino, 1997. S. 190–197.
9. Ivanov K.V. Frantsuzy-kazaki / K.V. Ivanov // 185 let Otechestvennoi voine 1812 goda. Samara, 1997. S. 91–95.
10. Iskovskii A.E. Voennoplennye Velikoi armii v Orenburgskoi gubernii (1812–1814 gody) / A.E. Iskovskii // Gostinyi dvor. Literaturno-khudozhestvennyi i obshchestvenno-politicheskii al'manakh. 2012. №40. S. 40–61.
11. Zemtsov V.N. Voennoplennye armii Napoleona na Urale v 1812–1814 godakh / V.N. Zemtsov // *Vestnik Rossiiskogo otdeleniya RAN*. 2012. № 3(41). S. 68–81.
12. Kortunov A.I. Nekotorye svedeniya o plennykh frantsuzakh v Orenburgskoi gubernii (1812–1814 gody) / A.I. Kortunov // Arkheografiya Yuzhnogo Urala: arkheograficheskie issledovaniya v XXI v. Materialy X mezhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii posvyashchennoi 65–letiyu Velikoi Pobedy, 10-letiyu BRO ROIA, pamyati predsedatelya Yuzhno-ural'skogo otdeleniya Arkheograficheskoi komissii RAN chlen-korrespondenta RAN R.G. Kuzeeva. Ufa, 2010. S. 189–191.
13. Kortunov A.I. Plennye Napoleonovskoi armii v Orenburgskoi gubernii / A.I. Kortunov // Materialy yubileinoi nauchnoi konferentsii molodykh uchenykh: v 2-kh t. Ufa, 2001. T. 2. S. 188–189.
14. Milovidov B.P. Alfavit voennoplennykh ostavshikh v Rossii posle Otechestvennoi voiny 1812 goda / B.P. Milovidov // Epokha 1812 goda: Issledovaniya. Istochniki. Istoriografiya. Trudy GIM. Vyp. 183. M., 2010. S. 280–338.
15. Sirotkin V.G. Napoleon i Rossiya / V.G. Sirotkin. M.: Olma-Press, 2000. 380 s.
16. Sirotkin V.G. Sud'ba plennykh soldat i ofitserov Velikoi Armii v Rossii posle Borodinskogo srazheniya / V.G. Sirotkin // Otechestvennaya voina 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy. Materialy VIII Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. Mozhaisk, 2000. S. 246–266.
17. Khomchenko S.N. Voennoplennye armii Napoleona v Orenburgskoi gubernii / S.N. Khomchenko // Otechestvennaya voina 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy. Materialy XV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Mozhaisk, 2009. S. 360–386.
18. Khomchenko S.N. Orenburgskaya guberniya v memuarakh plennykh voennosluzhashchikh Velikoi armii Napoleona / S.N. Khomchenko // *Ural'skii istoricheskii vestnik*. 2012. №1(34). S. 54–63.
19. E. Rüppel Kriegsgefangen im Herzen Russland. Berlin, 1912.
20. C. Wagevier Aanteekeningen gehouden gedurende mijnen marsch naar, gevangenschap in en torugreize nit Russland in 1812, 1813, 1814. Amsterdam, 1820.
21. **H. Belay Mémoires d'un grenadier de la Grande Armée. Paris, 1907.**
22. V Napoleonovskoi armii bylo nemalo zhenshchin, kotorye yavlyalis' vdovami pogibshikh ofitserov, byvshimi markitantkami i dr.
23. Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti (GAOO). F. 6. Op. 3. D. 3673. L. 1–203.
24. Iskovskii A.E. Voennoplennye Velikoi armii v Orenburgskoi gubernii (1812–1814 gody) / A.E. Iskovskii // Gostinyi dvor. Literaturno-khudozhestvennyi i obshchestvenno-politicheskii al'manakh. 2012. №40. S. 42–51.
25. Khomchenko S.N. Voennoplennye armii Napoleona v Orenburgskoi gubernii / S.N. Khomchenko // Otechestvennaya voina 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy. Materialy XV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Mozhaisk, 2009. S. 360–386.
26. Iskovskii A.E. Voennoplennye Velikoi armii v Orenburgskoi gubernii (1812–1814 gody) / A.E. Iskovskii // Gostinyi dvor. Literaturno-khudozhestvennyi i obshchestvenno-politicheskii al'manakh. 2012. №40. S. 40–61.
27. GAOO. F. 6. Op. 3. D. 3673. L. 5–5ob.
28. GAOO. F. 6. Op. 3. D. 3673. L. 124–124ob.
29. GAOO. F. 6. Op. 3. D. 3673. L. 908.
30. Iskovskii A.E. Voennoplennye Velikoi armii v Orenburgskoi gubernii (1812–1814 gody) / A.E. Iskovskii // Gostinyi dvor. Literaturno-khudozhestvennyi i obshchestvenno-politicheskii al'manakh. 2012. №40. S. 40–61.
31. Khomchenko S.N. Voennoplennye armii Napoleona v Orenburgskoi gubernii / S.N. Khomchenko // Otechestvennaya voina 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy. Materialy XV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Mozhaisk, 2009. S. 360–386.

32. Zemtsov V.N. Voennoplennyye armii Napoleona na Urale v 1812–1814 godakh / V.N. Zemtsov // Vestnik Rossiiskogo otdeleniya RAN. 2012. № 3(41). S. 68–81.
33. Khomchenko S.N. Voennoplennyye armii Napoleona v Orenburgskoi gubernii / S.N. Khomchenko // Otechestvennaya voina 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy. Materialy XV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Mozhaisk, 2009. S. 360–386.
34. Bessonov V.A. Chislennost' voennoplennykh 1812 goda v Rossii / V.A. Bessonov // Otechestvennaya voina 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy: Materialy X Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. M., 2002. S. 18–38.
35. Khomchenko S.N. Voennoplennyye armii Napoleona v Orenburgskoi gubernii / S.N. Khomchenko // Otechestvennaya voina 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy. Materialy XV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Mozhaisk, 2009. S. 360–386.
36. GAOO. F. 6. Op. 3. D. 3673. L. 888.
37. GAOO. F. 6. Op. 3. D. 3673. L. 675.
38. Khomchenko S.N. Voennoplennyye armii Napoleona v Orenburgskoi gubernii / S.N. Khomchenko // Otechestvennaya voina 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy. Materialy XV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Mozhaisk, 2009. S. 360–386.
39. Milovidov B.P. Alfavit voennoplennykh ostavshikhysya v Rossii posle Otechestvennoi voiny 1812 goda / B.P. Milovidov // Epokha 1812 goda: Issledovaniya. Istochniki. Istoriografiya. Trudy GIM. Vyp. 183. M., 2010. S. 280–338.
40. Zemtsov V.N. Voennoplennyye armii Napoleona na Urale v 1812–1814 godakh / V.N. Zemtsov // Vestnik Rossiiskogo otdeleniya RAN. 2012. № 3(41). S. 68–81.
41. Tsentral'nyi istoricheskii arkhiv Respubliki Bashkortostan (TsIA RB). F. I-6. Op. 1. D. 135. L. 2.
42. TsIA RB. F. I-6. Op. 1. D. 135. L. 3–74.
43. Matvievskii P.E. Orenburgskii kraj v Otechestvennoi voine 1812 goda: Istoricheskie ocherki // Uch. zap. / Orenb. gos. ped. inst., 1962. Vyp. 17. 306 s.
44. Khomchenko S.N. Voennoplennyye armii Napoleona v Orenburgskoi gubernii / S.N. Khomchenko // Otechestvennaya voina 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy. Materialy XV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Mozhaisk, 2009. S. 360–386.
45. Matvievskii P.E. Orenburgskii kraj v Otechestvennoi voine 1812 goda: Istoricheskie ocherki // Uch. zap. / Orenb. gos. ped. inst., 1962. Vyp. 17. 306 s.
46. GAOO. F. 6. Op. 3. D. 3673. L. 679, 877.
47. Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii. Vyp. 6. Orenburg: Tipo-litografiya I.I. Evfimovskogo-Mirovitskogo, 1900. S. 70–71.
48. Yudin P.L. Ssyl'nye 1812 g. v Orenburgskom krae. K istorii Otechestvennoi voiny // Russkii arkhiv. Kn. 3. 1896. S. 5–33.
49. Yudin P.L. Iz proshlogo. Frantsuzy-kazaki // Orenburgskie gubernskie vedomosti. 1892. №32. S. 1.
50. Yudin P.L. Ssyl'nye 1812 g. v Orenburgskom krae. K istorii Otechestvennoi voiny // Russkii arkhiv. Kn. 3. 1896. S. 5–33.

УДК 93/94

«Оренбургские французы»: судьба военнопленных Великой армии Наполеона принявших русское подданство и оставшихся на поселении в Оренбургской губернии (1814–1836 годы)

Алексей Иванович Кортунув

Башкирский государственный педагогический университет им. М.Акмуллы, Российская Федерация
450000, г. Уфа, ул. Октябрьской революции, 3а
Кандидат исторических наук, научный сотрудник
Email: kortunov@rambler.ru

Аннотация. В статье описывается судьба солдат и офицеров Великой армии Наполеона Бонапарта попавших в русский плен в 1812 году и отправленных на поселение в Оренбургскую губернию Российской Империи. Уникальные исторические источники позволили нам проследить судьбу тех французов, кто решил остаться в Оренбургской губернии, приняв русское подданство. Несколько десятков человек, среди которых были и женщины, были зачислены в мещанское, крестьянское и казачье сословие. Многие из них впоследствии приняли православную веру и поменяли свои имена и фамилии на русские. Последние систематизированные данные об «оренбургских французах» относятся к 1836 году (к этому времени в Оренбургской губернии их насчитывалось всего пятнадцать человек).

Ключевые слова: военнопленные; Наполеоновская армия; Оренбургская губерния; поселение; русское подданство; ссыльные; французы.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 38, Is. 4, pp. 888-893, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

Jikis and Jiketi in Conditions of War and Peace (1840–1860 years)

¹Aleksandr A. Cherkasov

²Mikhail Shmigel

³Sergei N. Bratanovskii

⁴Violetta S. Molchanova

¹ International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation
Dr. (History), Head of the laboratory of world civilizations
E-mail: sochi003@rambler.ru

² Matej Bel University, Slovak Republic
Dr. (History), Professor

³ Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation
Stremyanny lane, 36, Moscow, 117997

Doctor of legal Sciences, Professor

⁴ International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

Abstract

The article discusses the facts and events related to the problems of mutual relations of the Russian administration in the Caucasus with a Circassian tribe of jikis. The article utilizes the archival documents of the Chief of the Black Sea coastline, stored in the State archive of the Krasnodar region (Krasnodar, Russian Federation).

The paper presents the materials on relationship of jikis princes (4 main families: Aridbaevy, Gechi, Tsanbaevy, Anchebadze) between themselves and with the Russian military administration. The negotiations that occurred in the early 1840s, led to the fact that the Prince Jikis family Anchebadze handed the Amanat and many of its representatives, together with subjected peasants moved to Eastern Abkhazia. Later the jikis from Anchebadze family owned the villages of Achandara, Guma, Labra, Chilou and Tkvarchal. The negotiations with others jikis princely families failed in the 1840s.

In general, the situation in Jiketi was stable, that is why the Russian administration was established the position of Jiketi Police Officer.

By the middle of 1860, some representatives of the princely jikis families remained in the district of Gagra.

The author comes to the conclusion that the dialogue between the jikis and the Russian administration received a new development by the cooperative initiatives of the highlanders. The situation in the conditions of ongoing Caucasian war, the external influence, positions of the different mountain societies, subjective factors – the lack of coherence and discords of the separate princely families, ultimately have not given the desired results in which the collaborating parties were objectively interested.

Keywords: Jikis, Jiketi, Caucasian war, Michael Shervashidze, Anchebadze princes.

Введение

В истории развития любого народа важное значение имеет диалог между «низами» и «верхами» в обществе. От внутренних конфликтов, раздиравших общество, свершались революции и разрушались империи. Развитие социальных конфликтов влияло на поведение исторических личностей в истории, на формирование позитивных и отрицательных начал в социокультурном пространстве. В связи с этим изучение этих взаимодействий в любом этносе, а в особенности в подверженном ассимиляции, представляется крайне важным. Именно такой и была история Джигетии, и населявших ее джигетов.

Материалы и методы

Материалами для подготовки статьи послужили документы государственного архива Краснодарского края и архивного отдела администрации города Сочи. Помимо этого в работе нашли свое отражение и документы из сборника документов «Документы по истории Грузии» [1], а также сборник документов «Материалы по истории Абхазии XIX в. (1863–1874 гг.)» [2].

Методологическую основу исследования составили принципы объективности и историзма, предполагающие непредвзятый подход к анализу изучаемых проблем, критическое отношение к источникам, вынесение суждений в результате анализа совокупности фактов, а также показ явлений в развитии и контексте исторической обстановки. В ходе работы применялись общенаучные методы: логический, классификационный, метод факторного анализа и др., а также такие специальные методы исследования, как сравнительный, статистический и типологический.

Обсуждение

Тема истории Джигетии вообще, а в частности периода Кавказской войны отличается своей слабой изученностью. В историографии исторически сложилось рассматривать Джигетию в контексте истории Черкесии или черкесского Причерноморья. Причинами этого является и недостаток архивных источников и умеренная позиция по отношению к соседям (по сравнению с убыхами). Тем не менее, история Джигетии многолика и достойна самостоятельного изучения.

Одно из первых упоминаний о Джигетии оставил нам Вахушти Багратиони (1696–1757) [3], до этого времени Джигетия входила в территорию Зихии (Зихская епархия Константинопольской церкви просуществовала до конца XIII века).

Упоминания о джигетах оставляли многочисленные путешественники, посетившие Джигетию в конце XVIII – начале XIX вв. Среди них можно отметить: Юлиуса фон Клапрота, Жак-Виктор-Эдуард Тетбу де Мариньи, Фредерика Дюбуа де Монперэ, Федор Федорович Торнау, Эдмунда Спенсера, Джеймса Белла, Джона Лонгворта и других.

В последнее время Джигетия не становилась предметом комплексного изучения. В своем большинстве речь шла либо о противостоянии на территории Джигетии в период Кавказской войны [4], либо об изучении традиций причерноморских черкесов, а в их числе и джигетов [5-6].

Результаты

В период Кавказской войны на территории Джигетии было заложено два русских укрепления: укрепление в Гаграх (на территории средневековой крепости, которое было основано русскими войсками летом 1830 года) и укрепление Святого Духа. Закладка второго укрепления состоялась 18 июня 1837 г., первоначально ему было дано имя укрепления на мысе Константиновском. Однако 14 января 1838 г. [7] оно было переименовано в укрепление Святого Духа. Русское военное присутствие в Джигетии наряду с деятельностью Владетеля Абхазии князя Михаила Шервашидзе привело к тому, что в 1840 году джигетская знать стала рассматривать вопрос о принятии присяги русскому императору.

Уже в мае 1840 года Владетель Абхазии сообщал, что Цвандрипские князья Омар, Бослам, Голам и Сосран Цумбаевы изъявили желание вступить в подданство России со всеми своими подвластными. Из князей Цумбаевых Омар приезжал для переговоров еще в 1839 году.

Князья приняли присягу, выдали аманата – их брата Беслама, которого отдали на поручительство владетелю Абхазии. Русская администрация дала им в подарок 400 руб. серебром. Владетель Абхазии также их одарил.

Князья имели до 150 дворов и жили на речке Хошупсе недалеко от деревни Хишки недавно покорившейся [8].

В 1840 году самостоятельными приставствами становятся также Псху и Джигетия (Садзен). В 1841 г. Джигетия официально была подчинена Абхазскому княжеству.

Документы свидетельствуют, что слабость джигетов происходила от распрей и кровной вражды, разделявшей не только главные дома Джигетии, но и членов одной и той же фамилии. Главных княжеских домов здесь было четыре: Аридбаевы, Гечи, Цанбаевы, Анчебадзе. Гечи враждовали с Анчебадзевыми и с Цанбаевыми; Цанбаевы – между собой. Племя Цвежское, которое являлось ветвью народа джигетского, находилось в сильной вражде с соседственным домом Аридбаевых и само раздиралось домашними распрями [9].

Русская администрация пыталась помирить джигетов и назначила переговоры в форте Святого Духа на 24 мая 1852 года. Здесь и обнаружилась сила вражды горцев, они не хотели в одном месте, в одно время собираться для совещания. Когда князь Гечи вошел в собрание, то вышел из оною князь Анчебадзе. За князем Анчебадзе ходил начальник 3-го отделения ЧБЛ и привел его почти насильно [10].

В ходе переговоров полковник Коллюбакин предложил условия: выдать в аманаты детей, для воспитания их в Сухум-Кале; назначить суды, для окончания всех споров как между домами, так и между членами одного и того же дома; выбрать старшин для наведения полицейского порядка.

Эти выбранные лица обязывались: ходатайствовать перед начальством о нуждах народа; передавать народу распоряжения, требования начальства и наблюдать за исполнением приказаний;

собирать в случае необходимости по приказу начальства суды, советы, для решения внутренних дел и войско для отражения врагов внешних [11].

25 мая джигеты согласились с этими предложениями. Вместе с тем высказали свои просьбы: несколько увеличить выдаваемое количество соли; позволить купцам, прибывающим по билетам с очищенными и оплаченными товарами, торговать в аулах; позволить кочермам очищенным (судам, проверенным на наличие контрбанды – Авт.), подвозить товары к Цанрипшу для населения удаленного от Адлера; употребление людей хорошего дома на службу царскую, то есть прикомандирования их к отрядам за отличия; определение, если возможно, некоторого количества товаров для беспрошльного ввоза, как это было прежде по особому разрешению начальства [12].

Тем не менее, дело на этом практически встало. Джигетский пристав сообщил полковнику Колобакину, что предложение о выдаче аманатов успеха не имеет, ввиду вмешательства хаджи Керендука Берзека. Одни только князя Анчабадзе выдали аманата, который был доставлен в Сухум-Кале и определен в Азиатскую школу [13]. Князья же Гечевы, Цамбаевы и Аридбаевы потребовали: дозволения им свободного вывоза в Турцию девок и пропуска из Абхазии товаров, а также отпуска им соли в неограниченном количестве. При этом князья заявили, что ограничение по этим статьям они считают притеснением [14].

Дом князей Анчабадзе остался непоколебим. Анчабадзевы изъявили желание переселиться в Абхазию [15].

Со всей очевидностью можно утверждать, что переселилась большая часть рода Анчабадзе, хотя были и такие которые остались в Джигетии. Благодаря поддержке владетеля Абхазии князя Михаила Шервашидзе род Анчабадзе быстро достиг высокого положения и в Абхазии, став одним из наиболее влиятельных абхазских родов. Причинами такого возвышения стала общая нестабильная ситуация в Абхазии. Необходимо понимать, что со времени принятия Владетелями Абхазии христианства Абхазия стала территорией для набегов исламизированных черкесских племен, например, горных убыхов [16].

Владетель Абхазии князь Михаил Шервашидзе в своей политике назначал князей Анчабадзе управителями своих имений и поручал им защиту своих владений на случай вторжения извне. Если представить, что князья Анчабадзе были людьми не очень богатыми, то управление в имениях Владетеля Абхазии для них было делом чести.

Однако примерить всех джигетов так и не получилось. В марте 1854 года джигеты осуществляли помощь вьючными животными войскам Магомета Амина [17]. Спустя 10 лет в 1864 году после окончания Кавказской войны значительная часть населения Джигетии покинула свои земли и отбыла в Турцию. На территории Джигетии остались лишь представители некоторых прорусски настроенных княжеских родов с небольшим количеством им подвластных крестьян.

В это время джигетские князья Анчабадзе продолжали усиливаться в Абхазии. По имеющимся данным к 1865 году им принадлежали следующие селения: Баргеты, Отобая, Тагелон, Кабари [18]. То есть на развитие джигетов в Абхазии окончание Кавказской войны практически никак не отразилось.

Ситуация изменилась коренным образом когда на повестку дня в Абхазии встал вопрос об отмене крепостного права. Абхазия и граничащая с ней Самурзакань остались последними территориями, на которых крепостная зависимость и рабство еще не были отменены.

При этом в числе зависимых были не только абхазцы, но и некоторое число представителей других племен, а именно: убыхи, джигеты, псхувцы и так далее [19].

В июле 1866 года в Бзыбском округе Абхазии на фоне отмены крепостного права сложилась взрывоопасная социально-экономическая ситуация. Начались брожения среди крестьян, которые требовали переговоров с русской администрацией. Русскую администрацию в Сухуме тогда возглавлял полковник Коньяр. Полковник Коньяр планируя прибыть в Лыхны для переговоров, отправил туда корнета князя Толпара Анчабадзе. В задачу корнета входило объявить народу о планирующемся прибытии полковника Коньяра и собрать население для переговоров [20].

По дороге в Лыхны корнет князь Анчабадзе встретил группы абхазцев, которые в разговоре между собой не исключали возможность вооруженного нападения на русскую администрацию [21]. Вернувшись в Сухум, князь Анчабадзе доложил обо всем полковнику Коньяру, однако полковник не отнесся серьезно к словам корнета. На переговорах с абхазцами корнет князь Анчабадзе выступал в качестве переводчика. В результате переговоры были прерваны вооруженным выступлением абхазцев, в ходе которого были убиты полковник Коньяр и больше 50 человек из его окружения (чиновники и конвой) [22].

Восставшие сразу же попытались штурмовать Сухум. Среди предводителей восставших были князь Ахмет Алхаз Анчабадзе из селения Ачандара и Маджара Анчабадзе из селения Гуммы [23].

Ситуация складывалась весьма серьезно. 27 июля информация о начавшемся восстании дошла до Гагр. Однако прорусски настроенные джигетские старшины Гагринского поселения поклялись, что скорее сложат свои головы в реку Бзыбь, нежели пропустят через нее хоть одного абхазца [24].

Сделав несколько безуспешных попыток взятия Сухума восставшие разошлись по домам и вскоре по требованию русской администрации выдали зачинщиков.

4 августа 1866 года джигетские старшины Гагринского поселения, прибыв к воинскому начальнику Гагринского укрепления Берта де Лагарда, объявили о своем решении выселиться в Турцию. К переселению джигетов «в Турцию побудило объявление окружного начальника (полковника Коньяра – Авт.), что у них отберут всех крестьян и рабов, а через это распоряжение они лишатся рабочих рук, а с этим и средств к своему существованию, в Турции же хотя и плохо им будет, но все-таки у них останутся их крестьяне и рабы, которые трудами рук своих будут доставлять им пропитание» [25].

В августе 1866 года в Гагринском поселении насчитывалось чуть более 600 человек (336 мужчин и 280 женщин). Население распределялось между четырьмя княжескими и одним дворянским родом. Так, род князя Якуба Цамбаева вместе с подвластными и рабами насчитывал 220 человек, у князя Сесенгазе Анчабадзе – 183 человека, у князя Исляма Цамбаева – 104 человека, у поручика князя Эдербея Цамбаева – 99 человек, у дворянина Гусейна Абиша – 10 человек [26]. Прорусски настроенные джигетские князья планировали выселиться в Турцию уже в начале осени. К сожалению, выселились ли они информации об этом нет, но известно, что 6 апреля 1867 года отправились в Турцию 19 семейств джигетов и псхувцев. Всего 218 человек [27].

В период после абхазского восстания 1866 года князь Богратион-Мухранский, характеризуя имения принадлежащие Георгию Дмитриевичу Шервашидзе отмечал, что «из других тавадских¹ фамилий, подвластных кн. Георгию Шервашидзе, заслуживает преимущественного внимания род Анчабадзе, который наследственно занимает должность моуравов в принадлежащем моему доверителю селении Гумм. Эти Анчабадзе не коренные жители Абхазского округа. Только прадед ныне живущего в Гумме Мурзакана Анчабадзе, был выселен из селения Чалоу (Абживского округа) владельцем Келеш-беом Шарвашидзе и им же назначен моуравом в селении Гумм. Все это селение населено крестьянами, принадлежащими кн. Георгию Шервашидзе, как вотчиннику. Тавады Анчабадзе крестьян вовсе не имеют, а владеют небольшим числом рабов. Но зато крестьяне кн. Георгия, бывшие до пожалования Абхазского округа в удел Гассан-бея владетельскими, хотя и платят своему владельцу главную подать, состоящую из барана и ягненка, ... но должны помогать в полевых работах помогать моураву, управляющему селением. Это право пользования трудом своих крестьян кн. Шервашидзе предоставил тавадам Анчабадзе вместо жалования за обязанности моурава, состоявшие в применении на месте распоряжений владельца и защите имения от вторжения псхувцев и ахчипсхувцев, живших поблизости от Гумма и которым стоило только перевалиться через гору Доу или Ачапшира, чтобы попасть в пределы округа» [28].

В 1868 году управляющим имениями князей Шервашидзе губернским секретарем А.В. Пахомовым в сухумскую сословно-поземельную комиссию была подготовлена объяснительная записка, в которой автор высказал спорный взгляд о том: «что только коренные абхазские Анчабадзе (считались тавадами), а все лица той же фамилии у джигетов, убыхов и других народов северо-восточного побережья Черного моря, все были подвластными тамошних тавад...» [29]. В данном случае А.В. Пахомов привел пример о том, что князь Анчабадзе из Джигети был подвластным другого джигетского князя Гечи [30]. На наш взгляд этот тезис спорен если конечно после 1840-х гг. ситуация в Джигети насчет оставшихся князей Анчабадзе не изменилась.

Заключение

Завершая хочется отметить, что диалог джигетов и русской администрации получил новое развитие при инициативах горцев к сотрудничеству. Обстановка в условиях продолжавшейся Кавказской войны, внешние влияния, позиции разных горских обществ, субъективные факторы – отсутствие согласованности и раздоры отдельных княжеских родов, в конечном счете не дали желаемых результатов, в которых объективно были заинтересованы взаимодействующие стороны.

Примечания:

1. Документы по истории Грузии. Серия II. Т. I. Ч. I. Тбилиси, 1954
2. Материалы по истории Абхазии XIX в. (1863–1874 гг.). Сухуми, 2012.
3. Царевич Вахушти. География Грузии. Введение, перевод и примечания М. Г. Джанашвили // Записки Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества. Кн. XXIV. Вып. 5. Тифлис, 1904. С. 235.
4. Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Ustinovich E.S., Molchanova V.S. (2015) Russia and Circassia: the Problems of Mutual Relations and Its Features (the end of XVIII – the first half of XIX centuries) // *Rusin*. 4: 26-38.
5. Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. (2015) The Daily Life and Morals of Circassian Society: A Historical-Comparative Investigation based on sources from the period between the Mid-16th and the First Half of the 19th centuries. // *Brukenthal. Acta Musei*, X. 1: 73-88.
6. Cherkasov A.A., Menkovsky V.I., Ivantsov V.G., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S., Natolochnaya O.V. (2014) The “Nobility” and “Commoners” in Ubykh Society: The Reasons behind the Social Conflict // *Bull. Georg. Natl. Acad. Sci.*, 8, 3: 64-72.

¹ Тавада – помещик.

7. Архивный отдел администрации города Сочи. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 13. Л. 38.
8. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 260. Оп. 1. Д. 122.
9. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1415. Л. 3.
10. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1415. Л. 3.
11. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1415. Л. 30б.
12. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1415. Л. 40б.
13. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1415. Л. 9.
14. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1415. Л. 9.
15. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1415. Л. 9.
16. Материалы по истории Абхазии XIX в. (1863–1874 гг.). Сухуми, 2012. С. 513.
17. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1724. Л. 19.
18. Материалы по истории Абхазии XIX в. (1863–1874 гг.). Сухуми, 2012. С. 88.
19. Документы по истории Грузии. Серия II. Т. I. Ч. I. Тбилиси, 1954, с. 511.
20. Документы по истории Грузии. Серия II. Т. I. Ч. I. Тбилиси, 1954, с. 99.
21. Документы по истории Грузии. Серия II. Т. I. Ч. I. Тбилиси, 1954, с. 100.
22. Документы по истории Грузии. Серия II. Т. I. Ч. I. Тбилиси, 1954, с. 101.
23. Документы по истории Грузии. Серия II. Т. I. Ч. I. Тбилиси, 1954, с. 117.
24. Материалы по истории Абхазии XIX в. (1863–1874 гг.). Сухуми, 2012. С. 196.
25. Материалы по истории Абхазии XIX в. (1863–1874 гг.). Сухуми, 2012. С. 196.
26. Материалы по истории Абхазии XIX в. (1863–1874 гг.). Сухуми, 2012. С. 197-198.
27. Материалы по истории Абхазии XIX в. (1863–1874 гг.). Сухуми, 2012. С. 367.
28. Документы по истории Грузии. Серия II. Т. I. Ч. I. Тбилиси, 1954, с. 519.
29. Материалы по истории Абхазии XIX в. (1863–1874 гг.). Сухуми, 2012. С. 502.
30. Материалы по истории Абхазии XIX в. (1863–1874 гг.). Сухуми, 2012. С. 502.

References:

1. Documents on the History of Georgia. Series II. Volume I. Part I. Tbilisi, 1954. (In Russian)
2. Materials on the history of Abkhazia XIX century. (1863-1874). Sukhumi, 2012. (In Russian)
3. Prince Vakhushti. Geography Georgia. Introduction, translation and notes MG Janashvili // Zapiski Kavkazskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva. Volume XXIV. Is. 5. Tiflis, 1904. p. 235. (In Russian)
4. Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Ustinovich E.S., Molchanova V.S. (2015) Russia and Circassia: the Problems of Mutual Relations and Its Features (the end of XVIII – the first half of XIX centuries) *Rusin*. 4: 26-38.
5. Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. (2015) The Daily Life and Morals of Circassian Society: A Historical-Comparative Investigation based on sources from the period between the Mid-16th and the First Half of the 19th centuries. *Brukenthal. Acta Musei*, X. 1: 73-88.
6. Cherkasov A.A., Menkovsky V.I., Ivantsov V.G., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S., Natolochnaya O.V. (2014) The “Nobility” and “Commoners” in Ubykh Society: The Reasons behind the Social Conflict *Bull. Georg. Natl. Acad. Sci.*, 8, 3: 64-72.
7. Archival department of administration of Sochi. F. P-348. Op. 1. D. 13. L. 38.
8. State Archives of the Krasnodar Krai (GAKK). F. 260. Op. 1. D. 122.
9. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1415. L. 3.
10. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1415. L. 3.
11. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1415. L. 30б.
12. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1415. L. 40б.
13. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1415. L. 9.
14. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1415. L. 9.
15. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1415. L. 9.
16. Materials on the history of Abkhazia XIX century. (1863-1874). Sukhumi, 2012. p. 513. (In Russian)
17. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1724. L. 19.
18. Materials on the history of Abkhazia XIX century. (1863-1874). Sukhumi, 2012. p. 88. (In Russian)
19. Documents on the History of Georgia. Series II. Volume I. Part I. Tbilisi, 1954, p. 511. (In Russian)
20. Documents on the History of Georgia. Series II. Volume I. Part I. Tbilisi, 1954, p. 99. (In Russian)
21. Documents on the History of Georgia. Series II. Volume I. Part I. Tbilisi, 1954, p. 100. (In Russian)
22. Documents on the History of Georgia. Series II. Volume I. Part I. Tbilisi, 1954, p. 101. (In Russian)
23. Documents on the History of Georgia. Series II. Volume I. Part I. Tbilisi, 1954, p. 117. (In Russian)
24. Materials on the history of Abkhazia XIX century. (1863-1874). Sukhumi, 2012. p. 196. (In Russian)
25. Materials on the history of Abkhazia XIX century. (1863-1874). Sukhumi, 2012. p. 196. (In Russian)
26. Materials on the history of Abkhazia XIX century. (1863-1874). Sukhumi, 2012. pp. 197-198. (In Russian)

27. Materials on the history of Abkhazia XIX century. (1863-1874). Sukhumi, 2012. p. 367. (In Russian)
28. Documents on the History of Georgia. Series II. Volume I. Part I. Tbilisi, 1954, p. 519. (In Russian)
29. Materials on the history of Abkhazia XIX century. (1863-1874). Sukhumi, 2012. p. 502. (In Russian)
30. Materials on the history of Abkhazia XIX century. (1863-1874). Sukhumi, 2012. p. 502. (In Russian)

УДК 94

Джигеты и Джигетия в условиях войны и мира (1840–1860-е гг.)

¹ Александр Арвелодович Черкасов

² Михал Шмигель

³ Сергей Николаевич Братановский

⁴ Виолетта Сергеевна Молчанова

¹ Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

Доктор исторических наук, заведующий лабораторией мировых цивилизаций

E-mail: sochi003@rambler.ru

² Университет Матая Бела, Словакия

Доктор истории, профессор

³ Российский экономический университет им Г.В. Плеханова, Российская Федерация

117997 г. Москва, Стремянный пер., 36.

Доктор юридических наук, профессор

⁴ Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются факты и события связанные с проблемами взаимоотношений русской администрации на Кавказе с черкесским племенем джигетов. В статье использованы архивные документы канцелярии начальника Черноморской береговой линии, хранящиеся в Государственном архиве Краснодарского края (Краснодар, Российская Федерация).

Представлены материалы по взаимоотношениям джигетских князей (4 главных рода: Аридаевы, Гечи, Цанбаевы, Анчебадзе) между собой и с русской военной администрацией. Переговоры, произошедшие в начале 1840-х гг., привели к тому, что княжеский джигетский род Анчебадзе выдал аманата и многие его представители вместе с подвластными крестьянами переехали в восточную Абхазию. В последующем джигеты из рода Анчебадзе владели селениями Ачандара, Гума, Лабра, Чилоу и Ткварчал. С остальными джигетскими княжескими родами в 1840-е гг. договориться не удалось.

В целом же ситуация в Джигетии была стабильной, именно поэтому русской администрацией было учреждена должность Пристава Джигетии.

К середине 1860 гг. в районе Гагры продолжали оставаться некоторые представители княжеских джигетских родов.

В заключении автор приходит к выводу, что диалог джигетов и русской администрации получил новое развитие при инициативах горцев к сотрудничеству. Обстановка в условиях продолжавшейся Кавказской войны, внешние влияния, позиции разных горских обществ, субъективные факторы – отсутствие согласованности и раздоры отдельных княжеских родов, в конечном счете не дали желаемых результатов, в которых объективно были заинтересованы взаимодействующие стороны.

Ключевые слова: джигеты, Джигетия, Кавказская война, Михаил Шервашидзе, князя Анчебадзе.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 38, Is. 4, pp. 894-900, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

Spirits Trade After Reform in 1863: To the Issue of Efficiency of State Regulation of Spirits Turnover in Terms of Free Trade

Natalia Ye. Goryushkina

South-West State University, Russian Federation
305040 Kursk, 50 Liet Oktyabrya St, 94
Candidate of Science (History), Associate Professor
E-mail: gor046@yandex.ru

Abstract

On the grounds of published and non-published archive materials the article estimates efficiency of state regulation of spirits turnover in terms of excise taxation period. It also states types of spirits trade, types of public houses, groups of people that have obtained the right for wholesale, retail and that of small amount tradeoff spirits. License gaining procedures are widely described as well. The author pays significant attention to the areas in cities and countryside, where the public houses should not have been opened as well as the individuals who were admitted to spirits trade; also he states events which influenced the sale of spirits. The requirements to interior of public houses, working hours, quality and volumes of trade are also specified. It is pointed out that the officials of excise tax board were to control the regulations of spirit trade, their authority extended to public houses control in 1885. The author comes to the conclusion that regulatory means of excise tax was efficient and by increasing and decreasing of license cost, complication and simplification of new public houses opening all together allowed to regulate the turnover of spirits in terms of free trade thus influencing the number, types, density, range and quality of spirits. However, there was distinct ambiguity in Ministry of Finance policy during the stated excise taxation period. On the one hand it limited free sale of spirits, eradicating public houses which were considered detrimental. On the other hand, the Ministry was set not to notice abuse in trade which gave the opportunity to gain greater benefits at public cost from spirits sales.

Keywords: reform in wine trade, excise system, free turnover of spirits, state regulations, public house, patent dues

Введение

Организация питейной торговли в период действия акцизной системы взимания налога с алкоголя – тема весьма актуальная. Ее актуальность определяется несколькими факторами. Во-первых, несовершенством современной акцизной регуляции алкогольной продукции, воспроизводящей, хотя и в другой форме, многие дилеммы, свойственные питейной торговле пореформенной России. Законодатель снова ищет баланс между государственным капитализмом и манчестерством, интересами фиска и социальным благополучием граждан, ужесточением и либерализацией правил продажи алкоголя. Столь широкая палитра «повторений» обязывает учесть и, если возможно, использовать опыт организации питейной торговли в акцизный период. Во-вторых, велика потребность в изучении оставленного на долгие годы без внимания историко-эмпирического материала о государственном регулировании свободного оборота алкоголя, позволяющего глубже понять перспективы развития России в рамках исследуемой проблемы. И, в-третьих, ясно видится необходимость развития общей методологии исследований о питейном сборе, обеспечивавшем в отдельные периоды более половины бюджетных поступлений российской казны.

Материалы и методы

Работа построена на основе фронтального изучения непечатных и печатных архивных источников, среди которых законодательные и нормативные акты, регулирующие питейную торговлю в России, материалы делопроизводственного характера, а также статистические данные, опубликованные департаментом неокладных сборов Министерства финансов России.

Статья основана на общих принципах историзма, научной объективности и системности. Помимо того, были использованы историко-хронологический (рассмотрение изменений в организации питейной торговли во временной динамике) и статистический методы.

Обсуждение

Несмотря на актуальность, проблема организации питейной торговли в акцизный период остается открытой. Большая часть работ была выполнена во время перехода от акциза к казенной винной монополии, что обусловило критичность в отношении «вольной» продажи питей. В советский период питейную торговлю считали пороком побежденного строя [1], а алкоголь «одним из орудий порабощения трудящихся масс и выколачивания из них барышей» [2, с. 9]. Зарубежные авторы уделяли внимание главным образом социальным последствиям питейной либерализации [3]. Лишь в 1990-е гг. стали издаваться работы о виноторговле в пореформенной России. Заслуга в «открытии» темы принадлежит историку из Барнаула А.М. Мариупольскому [4]. Благодаря работам Сметневой [5], С.Ю. Шишкиной [6], Н.В. Мухачева [7] картина организации акцизной торговли в разных российских регионах стала более ясной, однако эффективность государственного регулирования в условиях свободной продажи в общероссийском масштабе требует более детального рассмотрения и объективной оценки.

Результаты

1 января 1863 г. вступило в силу «Положение о питейном сборе», утвержденное 4 июня 1861 г. Откупа были заменены акцизной системой взимания налога с питей [8]. Питейный доход стал поступать в виде акцизного сбора с произведенной алкогольной продукции и патентного сбора с мест производства и продажи алкоголя.

Питейная торговля объявлялась «предметом вольного промысла» и приравнивалась ко всем остальным отраслям предпринимательской деятельности. Торговать алкоголем разрешалось оптово, мелко (рознично) и мелочно [9, с. 4]. Право оптовой торговли получили винокуренные заводчики без торговых свидетельств, а также лица, состоящие в гильдиях или имевшие торговые свидетельства первых 3-х разрядов. Право мелкооптовой торговли получили купцы 3 гильдии и крестьяне, торгующие по свидетельствам 3 рода, в городах и посадах – мещане и крестьяне со свидетельствами 4 рода, вдовы разночинцев, священнослужителей, солдатские жены и дочери. Мелочно могли торговать крестьяне без торговых свидетельств [9, с. 67].

Законодатель определил круг лиц, которым запрещалось производить питейную торговлю и исполнять обязанности приказчиков и сидельцев. К их числу относились священнослужители, нижние воинские чины, состоящие на действительной службе, должностные лица сельских управлений, станичные начальники, их жены и неотделенные члены семей. Запрещение в полном объеме распространялось на лиц, находившихся под судом или следствием по уголовным преступлениям. Ограничения касались и евреев, которые могли открыть питейное заведение только в местах постоянной оседлости [9, с. 68].

Претендент на питейную торговлю подавал или присылал в окружное акцизное управление объявление, к которому прилагались гильдейское или промысловое свидетельство и разрешение учреждений, мест или лиц, в чьем ведении или владении питейное заведение должно было располагаться. Разрешительный приговор выдавали думы или заменяющие их учреждения в городах; войсковые правления – на землях казачьих войск; удельные конторы – на землях, находящихся в ведении министерства государственных имуществ; местное духовное начальство – на церковных и монастырских землях; владельцы – на землях, принадлежащих частным лицам; сельский сход – на землях сельских обществ [10, с. 15-19].

Акцизный надзиратель или его помощник удостоверялись в уплате надлежащего патентного сбора, стоимость которого зависела от местонахождения, вида заведения и способа торговли. В отношении патентного сбора территория страны была поделена на 3 разряда: к 1-му разряду относились столицы, ко 2-му – губернские, ряд областных, портовых и уездных городов (всего 27), прочие местности были отнесены к 3-му разряду [10, с. 35-38]. В 1863 г. с оптовиков взималась плата в 100 руб. за городской склад и 50 руб. за сельский; за заведение с распивочной и выносной торговлей требовалось уплатить 15-150 руб.; за заведение, торгующее на вынос, – 15-100 руб.; за заведение с распивочной торговлей – 35-200 руб. Шесть раз – в 1865, 1868, 1870, 1873, 1874, 1885 гг. – стоимость патента повышалась и каждый раз значительно [11]. По этой причине число выкупленных патентов с 1863 г. по 1893 г. уменьшилось вдвое, но сумма, поступившая от их продажи, выросла в 2,3 раза [12, с. 64-65].

Патентная политика явилась главным рычагом регулирования питейной торговли. Защищая фискальный интерес, правительство противодействовало беспатентной торговле спиртными

напитками. Уличное в беспатентной торговле лицо было обязано уплатить в 1-й раз стоимость патента, во 2-й раз – его двойную стоимость, а в 3-й раз – сверх уплаты двойной стоимости патента виновному грозило тюремное заключение до 8-ми месяцев с лишением прав на торговлю любого рода [10, с. 30].

Открывший оптовый склад был обязан хранить там одновременно не менее 500 ведер безводного спирта и реализовывать его крупными партиями: 10 ведер хлебного вина или спирта, 3 ведра водок, 30 бутылок пива и меда [12, с. 93]. Других ограничений относительно оптовой торговли не было, а потому любой погреб при желании мог «превратиться» в склад. Заведения розничной торговли делились на три группы: 1) с продажей распивочно и на вынос – питейные дома (кабаки), временные выставки, шинки, корчмы, постоянные дворы, портерные лавки, ренсковые погреба, а также частные дома малороссийских казаков, войсковых обывателей, колонистов, панцирных бояр и сельских обывателей, живущих на собственных или общественных землях; 2) только на вынос – штофные, фруктовые, мелочные лавки, ренсковые погреба, если их владельцы не выкупили патента на распивочную продажу; 3) только распивочно – трактиры и буфеты [12, с. 57].

Правительство установило местности, где открывать заведения с крепкими напитками не дозволялось. Так, питейное заведение с распивочной продажей не могло располагаться ближе 40 сажен от дворцов императорской фамилии и императорских театров, храмов, монастырей, часовен, молитвенных домов, кладбищ, а также зданий, занимаемых казармами, тюрьмами, учебными заведениями, больницами, богадельнями, волостными правлениями и станичными управлениями. Запрещалось содержать питейные заведения в городах на рынках и в торговых рядах, а вне городов – при мельницах. Нельзя было торговать алкоголем при устраиваемых во время сырной и светлой недели качелях и горах, на расстоянии ближе 250 сажен от пороховых заводов и ближе 100 сажен от рельсов железных дорог. На железнодорожных станциях продажа алкоголя допускалась только в буфетах. Виновные в устройстве заведений в запрещенных местах подвергались денежному взысканию в половину цены патента, а заведение немедленно закрывалось [10, с. 27-28].

Порядок устройства места реализации спиртного был определен законодательно. Питейное заведение должно было помещаться на нижнем этаже в комнате площадью не менее 16 квадратных сажен и высотой не менее 3,5 аршин. Его окна и дверь должны были выходить на улицу (завешивать и закрывать окна запрещалось). В заведении нельзя было иметь перегородки, закрытые «отделения» (при продаже пива и меда разрешалось устроить погреб или ледник). Никто, включая хозяина и сидельца, не мог использовать питейное заведение для жительства. Из мебели допускались только деревянные скамьи, прикрепленные к стенам, стойки, полки или стеклянные шкафы для хранения напитков и закусок. Никакие украшения (картины, портреты, бюсты) не дозволялись, но обязательно на видном месте вывешивались патент и объявление, каким способом напитки реализуются: оптово, на вынос, распивочно или в комбинации. Временные выставки работали с 1 марта по 1 октября и помещались исключительно в шалашах и палатках [10, с. 23, 42].

Продажа алкоголя в зимнее и осеннее время разрешалась с 7 часов, в летнее и весеннее – от «восхождения солнца» до 10 часов вечера. В городах и на ярмарках алкоголь продавался до 11 часов вечера. Ограничение на реализацию спиртного вводилось на время проведения крестных ходов, в воскресные и табельные дни до окончания божественной литургии, на время сельских и волостных сходов [11].

Содержатель заведения должен быть человеком нравственным, трезвым, держать питейное заведение в «чистоте и опрятности», не допускать «неустройства и бесчинства». Музыка, карты, кости, шашки, домино, «увеселительные игры» и «распутные женщины» в местах продажи питей были запрещены [9, с. 76-78]. В питейные дома нельзя было приносить съестное. Закусками в кабаках, шинках и выставках были только хлеб с солью и холодные закуски, называемые маркитанскими [10, с. 43]. Законодатель требовал, чтобы продаваемые напитки были соответствующего качества и крепости. Основу ассортимента составлял «полугар» (хлебное вино, разбавленное водой на четверть). Не отходя от прилавка, покупатель мог проверить его крепость: налить алкоголь в емкость, называемую сожигательницей, поджечь и после выгорания слить остаток в специальный стакан объемом в половину сожигательницы. Если стакан наполнялся доверху, полугар считался качественным. Но официально крепость спиртного определялась с помощью спиртомера Траллеса. По закону 17 августа 1862 г. для вина и спирта устанавливалась крепость в 38 %. Законом 6 декабря 1866 г. крепость в 40% была назначена для оптовой продажи, в 1869 г. указанная крепость стала обязательной для всех заведений. За реализацию вина ниже установленной крепости торговец подвергался штрафу. Помимо полугара, в продаже имелись т.н. водки, изготовленные из хлебного вина напитки произвольной крепости и сомнительного качества. Крепость водкам «добавляли» табак, дурман, бузина, перец, белена, полынь. Благородство «возвращалось» зверобоем, чабрецом, дубовой корой. Однако правила 26 декабря 1878 г. коренным образом изменили порядок приготовления водки и превратив ее в качественный, ректифицированный (очищенный) продукт крепостью в 40 %. Ассортимент питейных заведений расширялся наливками (напитками с добавлением сока фруктов крепостью в 18–20 %) и настойками (напитками, настоянными на травах с содержанием спирта от 15 % до 75 %), виноградным вином, портером, медом, пивом и т.д. [12, с. 54, 202-204].

Цена алкоголя определялась «взаимным соглашением» продавца с покупателем. Расчет разрешалось вести «всегда за наличные деньги», нельзя было отпускать алкоголь в долг, в счет будущего урожая, под заклад вещей (одежды, посуды, предметов быта), за отработки, менять вино на хлеб и другие виды сельскохозяйственной продукции. Продавалось спиртное по закону только казенными мерами: бочками (40 ведер), ведрами (12 л), штофами (1,2 л), бутылками (0,6 л), чарками (0,12 л) и получарками (0,06 л) [13, с. 78-79]. «Заграничные» напитки продавались в стеклянной посуде «всякой меры». Максимальный объем спиртного, отпускаемый в одни руки, не должен был превышать 3 ведер. Нарушитель подвергался штрафу в 100 руб. и лишался права на торговлю. Запрещено было продавать алкоголь малолетним и «видимо пьяным». О напившемся «до беспамятства» продавец обязан был заботиться до вытрезвления. Если пьяный был обокраден, изувечен или «повредил» себя в питейном заведении, торговец был вынужден «вознаградить его за убытки и лечить на свой счет». В случае смерти покупателя от излишнего употребления вина или увечья, торговцу грозило тюремное заключение сроком от 2-х до 4-х месяцев [10, с. 46-47].

Соблюдение правил питейной торговли контролировали акцизные чиновники, в первую очередь, разъездные надсмотрщики (с 1885 г. – контролеры). Прибыв в питейное заведение, они проверяли книги поступления и отпуска алкоголя, крепость реализуемых напитков, порядок хранения и продажи спиртного, санитарное состояние заведения, соответствие оборудования питейному законодательству и т.д. За нарушение правил продажи, даже если они и не были юридически доказаны, но отмечены посетителями, заведение могло лишиться патента до истечения его срока [12, с. 165-166].

С середины 1860-х гг., желая оградить население от «зримых вредностей» питейной торговли, правительство предприняло ряд ограничительных мер. В 1864 г. запрещена торговля спиртным из неспециализированных торговых заведений (фруктовых и мелочных лавок); в 1866 г. наложен запрет на питейную продажу во время сырной и святой недель; в 1868 г. издан закон, по которому сидельцами в питейных заведениях могли быть только лица, получившие одобрительные приговоры от обществ, к которому они принадлежали и на территории которого желали торговать; воспрещалась любая – прямая или косвенная – форма платы за разрешительный приговор или предоставление прав на продажу питей одному лицу; в 1873 г. введен запрет найма сидельцев и прислуги моложе 21 года; в питейные дома запретили впускать нижние чины, воспитанников учебных заведений и малолетних; в 1874 г. и 1876 г. питейная торговля в черте усадебной оседлости крестьян была передана в управление сельского общества, городские думы и заменяющие их учреждения наделены правом составления ежегодного расписания о числе мест раздробительной продажи питей [14, с. 107].

В 1876 г. при Министерстве финансов была образована комиссия для разработки новых правил виноторговли. «Разноречивость» позиций собравшихся предопределила отсутствие результата. Вторая попытка «изыскать меры к урегулированию питейной торговли» была сделана в 1881 г. двумя комиссиями: межведомственной (при министерстве финансов) и «сведущих людей» (при министерстве внутренних дел) [15].

Выработанные мнения стали основой для новых правил питейной торговли, именуемых законом 14 мая 1885 г. Кабак, где вино продавалось распивочно «без возможности пользоваться при этом пищей», был признан вредным и уничтожался. Распивочная торговля допускалась только в заведениях трактирного типа, торгующих вином «совместно с закусками», временных выставках, станционных домах и буфетах железнодорожных станций. Продажа для дегустации на месте легких спиртных напитков разрешалась в пивных лавках и погребах для торговли русскими виноградными винами. Кроме ренсковых погребов и погребов для выносной торговли русскими виноградными винами, появились новые виды питейных заведений с выносной торговлей: ведерные и винные лавки. Таким образом, заведения раздробительной продажи стали делиться на две большие группы: 1) с торговлей «распивочно и на вынос»: трактирные заведения, постоянные дворы и корчмы (вне городских поселений), пивные лавки, временные выставки, станционные дома и буфеты железнодорожных станций, погреба для торговли исключительно русскими виноградными винами; 2) с торговлей «только на вынос»: винные лавки, ведерные лавки и ренсковые погреба, погреба для выносной торговли исключительно русскими виноградными винами [16].

Помимо того, законом 14 мая 1885 г. учреждались губернские и уездные присутствия по питейным делам, призванные усилить надзор над местами реализации алкоголя. Питейные присутствия получили разрешительное право на открытие мест продажи питей в сельской местности, в городах это право передавалось городским думами. Совместно с акцизными органами и полицией, питейные присутствия следили, чтобы число питейных заведений не превышало действительной в них потребности. В селениях с численностью менее 500 душ дозволялось открыть только одно питейное заведение, а в крупных селениях, где проживало более 500 человек, требовалось соблюсти пропорцию: одно заведение на каждые 500 человек. Питейные присутствия радели за то, чтобы к питейной торговле не допускались неблагонадежные лица, чтобы излишние стеснения в питейной торговле не порождали корчемства, чтобы в питейной торговле не устанавливалась монополия. В станционных домах, буфетах железнодорожных станций к питейному надзору было привлечено почтовое начальство и инспекторы дорог со своими помощниками. Общества трезвости, церковные

советы, а также частные лица, желающие содействовать обнаружению нарушений, допускаемых виноторговцами, могли заявлять о них в вышеуказанные органы надзора [17].

Законами от 5 мая 1892 г. сельским обществам было предоставлено право ходатайствовать о запрещении всякой распивочной продажи в черте их усадебной оседлости. Но из усмотрения сельских и станичных обществ была изъята питейная торговля в трактирах, постоянных дворах, корчмах, базарных, торговых, промышленных и фабричных селах, на станциях, пристанях, проезжих трактах и других местах значительного скопления людей. Такого рода торговлю нельзя было запретить, а только ограничить. Сельские общества получили право «изъявленное согласие на производство кем-либо питейной продажи» на своих землях продавать за деньги, которые шли в, так называемые, мирские доходы. Если за обществом числились недоимки в казенных или земских платежах, «питейные» суммы непременно уходили на уплату недоимок [18].

8 июня 1893 г. было утверждено новое «Положение о трактирном промысле». Оно разделило заведения трактирного типа на две группы: 1) «без отдачи внаём покоев»: трактиры, рестораны, харчевни и духаны; овощные и фруктовые лавки и ренсковые погреба; столовые, кухмистерские, буфеты при театрах, на пароходах, паровых пристанях, станциях железных дорог, в клубах и т.п.; 2) «с отдачею внаём покоев»: гостиницы, постоянные дворы, заезжие дома, корчмы, меблированные комнаты, подворья и т.п. В доход земств и городов направлялся особый сбор с трактиров, величина которого рассчитывалась, отталкиваясь от «степени доходности, размеров оборота, рода и особенностей производимого промысла, по месту нахождения в городе» трактирного заведения [19].

Под влиянием правительственных мер в конце 1860 – начале 1870-х гг. в питейной торговле появились ранние монополии, но явлением, заметно влияющим на спиртовой рынок, они стали в конце 1870 – начале 1880-х гг. [20] Причиной тому стала совокупность факторов, среди которых рост сумм, взимаемых за патенты, что смогли выдержать только крупные виноторговцы, слабая конкуренция в провинции, где лиц, обладающих капиталами, было заведомо немного. Помимо того, сельские общества в большинстве своем злоупотребляли правом выдачи разрешительных приговоров и делали это за плату (плата в пользу сельских обществ была законодательно закреплена только с 1892 г.). Шла концентрация питейной торговли. В 1860-е гг. открылось в среднем 265 тыс. питейных заведений, 1 заведение приходилось на 260 душ населения, в 1880-е гг. – 164,7 тыс., 1 заведение – на 566 душ, в 1890 г. – 148,3 тыс., 1 заведение – на 791 человека. В 1860-е гг. наиболее распространенными типами питейных заведений были кабаки и шинки (более 70 % от общей численности), в 1890-е гг. первенствовали торгующие только на вынос винные лавки (около 70 % от общей численности). Выгодное положение трактиров при отсутствии конкурентов в последние годы акциза увеличило их долю с 8 % до 22 %. Уменьшилось число ренсковых погребов, что было связано с повышением платы за разрешительные приговоры сельских обществ: разрешение торговать «на вынос» стоило ренсковому погребу 500 руб., а за торговлю распивочно требовалось уплатить еще 500 руб. Доля буфетов при железнодорожных станциях, театрах, клубах весь акцизный период оставалась неизменной (1 %): высокая наценка не позволяла буфетам стать массовым питейным заведением. На другие питейные заведения – штофные и портерные лавки, постоянные дворы, гостиницы – приходилось менее 1 % от общей численности заведений [12, с. 100-103].

Предпринятые в развитие «Положения о питейном сборе» узаконения всякий раз ужесточали правила торговли алкоголем, расширяли контролирующие функции администрации и общества. Но возглавивший министерство финансов в 1892 г. С.Ю. Витте посчитал способы государственного регулирования свободного оборота алкоголя неэффективными. Питейная торговля при акцизе, – утверждал министр финансов, – содержит в себе непримиримые противоречия. «Свобода кабацкого промысла несовместима со значением в государственном и народном хозяйстве вина, составляющего предмет сего промысла. Интересы фиска и народного здоровья требуют правильного развития потребления вина и уничтожения злоупотреблений в потреблении этого продукта. Но свободный промысел в лице кабатчика очевидно, не может в какой бы то ни было степени удовлетворить этому последнему условию» [21, с. 31]. Было принято решение отказаться от акцизной системы в пользу казенной винной монополии. Успехи регулирования питейной торговли в период акциза оказались забытыми, на первый план были выдвинуты недостатки государственного управления свободным оборотом алкоголя.

Заключение

Решение С.Ю. Витте спорно. Регуляционный арсенал акциза был эффективным и позволял через возвышение и уменьшение стоимости патента, ужесточение и упрощение порядка открытия разного рода питейных заведений тонко регулировать торговлю в условиях «вольной продажи питей», влияя на численность и виды питейных заведений, их территориальную концентрацию и режим работы, ассортимент и качество алкоголя и т.д. Справедливо мнение ревизора департамента неокладных сборов Н.С. Терского: «Все, что было и есть неудовлетворительного или шероховатого в главнейших сторонах влияния акцизного законодательства в том или другом отношении, должно быть отнесено не к существу самой акцизной системы <...> Сама по себе акцизная система теоретически является едва ли не лучшим из всех известных способов взимания налога с крепких напитков» [22, с. 252]. Главной проблемой регулирования питейной торговли при акцизе, что не

поменялось и при казенной винной монополии, стала двойственность правительственных мер. С одной стороны, власть шла по пути ограничения вольной продажи питей, уничтожала признанные вредными виды питейных заведений, с другой – была вынуждена не замечать имевших место в питейной торговле злоупотреблений, желая получить с алкоголя, как можно, больший казенный доход. Несомненно, регуляционный арсенал винного акциза образца 1863 г. был значительным и вполне мог быть использован в современной алкогольной политике России.

Примечания:

1. Kragh M., Hedlund S. Researching Soviet Archives: An Introduction / The Russian Review. 2015. Т. 34. № 3. С. 373-376.
2. Шепилов Д.Т. Алкоголизм и преступность. М.–Л.: НКВД РСФСР, 1930. 104 с.
3. Lemon A. The emotional Lives of Moscow Things. Russian History. 2009. Т. 36. № 2. С. 201-218.
4. Мариупольский А.М. Винокурение и виноторговля на Алтае во второй половине XIX в./ Предпринимательство на Алтае в XVIII в. – 1920-е годы. Барнаул: День, 1993. С. 50-64.
5. Сметнева Н.В. Розничная торговля спиртными напитками в городах Прибайкалья в период действия акцизной системы (60-е гг. XIX – начало XX в.)/ Вестник Бурятского университета. 2009. № 7. С. 13-19.
6. Шишкина С.Ю. Питейная торговля и борьба за народную трезвость в Тюмени во второй половине XIX в. // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2014. С. 186-190.
7. Мухачев Н.В. Регулирование виноторговли в верхневолжских губерниях в середине XIX – начале XX века // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2014. Т. 20. № 1. С. 52-55.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 574. Оп. 1. Д. 30. Л. 4.
9. Положение о питейном сборе, Высочайше утвержденное 4-го июля 1861 года. СПб., 1862. 160 с.
10. Руководство для открытия, устройства, содержания, торговли и ответственности питейного дома, составленное Н. Фрезе из соответствующих статей Устава о питейном сборе и всеми дополнениями действующих распоряжений Министерства финансов за 1862-1877 г. Киев: Тип. С.Т. Еремеева. 1877. 74, 43 с.
11. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 54. Оп. 1. Д. 416. Л. 1-4; Д. 818. Л. 1-5; Д. 971. Л. 1-5.
12. Горюшкина Н.Е. История государственного регулирования свободного оборота алкоголя в пореформенной России. Курск: КГТУ, 2009. 260 с.
13. Черепнин Л.В. Российская метрология. М.: 1-я тип. Трансжелдориздата, 1944. 92 с.
14. Краткий очерк 50-летия акцизной системы взимания налога с крепких напитков и 50-летия деятельности учреждений, заведывающих неокладными сборами. 1863–1913. СПб., 1913. 295 с.
15. РГИА. Ф. 574. Оп. 9. Д. 94. Л. 2-14.
16. РГИА. Ф. 574. Оп. 2. Д. 2531. Л. 1-34.
17. РГИА. Ф. 574. Оп. 2. Д. 1121. Л. 1-90.
18. ГАКО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 403. Л. 64.
19. РГИА. Ф. 574. Оп. 2. Д. 1141. Л. 116 -120.
20. РГИА. Ф. 574. Оп. 2. Д. 144. Л. 1-2.
21. Витте С.Ю. Собрание сочинений и документальных материалов: в 5-ти тт. Т. 2. Ч. 1. М.: Наука, 2003. 653 с.
22. Терский Н.С. Питейные сборы и акцизная система в России: исторический очерк и настоящее положение. Опыт сравнительного исследования главных результатов акцизной системы и ее значения для государства, казны и населения. СПб.: Тип. В. Кришбаума, 1890. 252 с.

References:

1. Kragh M., Hedlund S. Researching Soviet Archives: An Introduction // The Russian Review. 2015. Vol. 34. Is. № 3. p. 373-376.
2. Shepilov D. T. Alcoholism and crime M. – L. NKVD NCIA, 1930. 104 p.
3. Lemon A. The emotional Lives of Moscow Things. *Russian History*. 2009. Vol. 36. Is. 2. p. 201-218.
4. Maryupolsky A. M. Spirits trade in Russia in terms of excise taxation: several aspects of problem // *Herald of Surgut state pedagogical university 2012 Issue №3 p. 80; Of the same author Spirits trade in Barnaul in 1860-ies// Herald of Altai academy of Economics and Law. 2011. Is. №1. p-s. 58-62.*
5. Bogdanov S. V. "Public hoses" and finances in Russia: means of state budget refilling in the second half of 19th c. / *Herald of Tver state university. 2010. Is. №1. p. 55-67.*
6. Smetneva N. V. Spirits retail trade in cities of Baikal region in terms of excise taxation (in 1860ies-at the beginning of 20th c.) / *Herald of Buryatia University. 2009. Issue № 7. P.13-19.*
7. Shishkina S. Ju. Spirits trade and fight for public sobriety in Tyumen in the second half of 19th c. // *Annual historical-economic magazine 2014. p. 186-190.*

8. Mukhatchev N. V. Regulations of wine trade in regions of the Upper Volga in the middle of 19th c. - beginning of 20th c. // Herald of Kostroma state university after N. A. Nekrasov 2014. Volume 20. Issue 1. p. 52-55.
9. Russian state archive. F. 574. Inv. 1. D. 30. P. 4.
10. Regulation of spirits excise, high-ranking approved on 4th of July 1861 SPb. 1862. 160 p.
11. A manual on opening, organization, maintaining, trade and responsibilities of a public house compiled by N Freze from corresponding articles of Spirits excise regulations and other additions from current Ministry of Finance decrees within 1862-1877 Kiev: Printing house of Yeremeyev S. T. 1877. p. 43,74
12. State Archive of the Kursk region. F. 37. Inv. 1. D. 416. P. 1-4; D. 818. P. 1-5; D. 971. P. 3-5.
13. Goryushkina N. Ye. History of state regulation of spirits turnover in post-reform Russia. Kursk. Kursk state technical university, 2009. 260 p.
14. Tcherepnin L.V. Russian metrology. M. Ist printing house of Transzheldorizdat, 1944. 92 p.
15. Short review of 50 year use of spirits excise system and 50 year functioning of establishments specializing in untaxed duties. 1863-1913. SPb. 1913 295p.
16. RGIA. F. 574. Inv. 9. D. 94. P. 2-14.
17. RGIA. F. 574. Inv. 2. D. 2531. P. 1-34.
18. RGIA. F. 574. Inv. 2. D. 1121. P. 1-90.
19. GAKO. F. 37. Inv. 1. D. 403. P. 64.
20. RGIA. F. 574. Inv. 2. D. 1141. P. 116-118.
21. RGIA. F. 574. Inv. 2. D. 144. P. 1-2.
22. Vitte S. Yu. Collected works and documentary materials in 5 volumes. Vol. 2. Part 1. M. Nauka, 2003. 653 p.
23. **Tersky N. S. Spirit's duties and excise system in Russia: historic studies and current situation.** Comparative research of main results of excise system and its significance for state, state treasury and population. SPb. Printing house of V. Krishbaum, 1890. 252 p.

UDC 93/94

Питейная торговля после винной реформы 1863 г.: к вопросу об эффективности государственного регулирования оборотом алкоголя в условиях свободной торговли

Наталья Евгеньевна Горюшкина

Юго-Западный государственный университет, Российская Федерация
305040 г. Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: gor046@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе опубликованных и неопубликованных архивных источников дана оценка эффективности государственного регулирования оборотом алкоголя в период действия акцизной системы. Указаны виды питейной торговли, типы заведений, категории лиц, получивших право на оптовую, розничную и мелочную продажу крепких напитков. Подробно представлен порядок получения патента на питейную торговлю. Автор обращает внимание на местности в городе и селе, где питейные заведения не должны были открываться, на лиц, не допущенных к продаже питей, на события, из-за которых реализация спиртного ограничивалась. Перечислены требования к внутреннему устройству питейного заведения, режиму торговли, качеству и объемам отпуска спиртного. Подчеркнуто, что соблюдение правил питейной торговли контролировали чиновники акцизного управления, а с 1885 г. – еще и питейные присутствия. Сделан вывод, что регуляционный арсенал акциза был эффективным и позволял через возвышение и уменьшение стоимости патента, усложнение и упрощение порядка открытия разного рода питейных заведений тонко регулировать оборот алкоголя в условиях свободной торговли, влияя на число, тип, территориальную концентрацию, ассортимент, качество алкоголя. Но в акцизный период наблюдалась двойственность политики министерства финансов, которое, с одной стороны, шло по пути ограничения вольной продажи питей, уничтожало признанные вредными виды питейных заведений, с другой – было вынуждено не замечать имевших место в питейной торговле злоупотреблений, желая получить с алкоголя, как можно, больший казенный доход.

Ключевые слова: винная реформа, акцизная система, свободный оборот алкоголя, государственное регулирование, питейное заведение, патентный сбор

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 38, Is. 4, pp. 901-909, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

The Function of a Trade of a Post-Reform Siberian Town

Valery A. Skubnevsky

Altai State University, Russian Federation
Department of Russian History
Barnaul, Lenin prospect, 61
E-mail: koi@hist.asu.ru

Abstract

The second half of the 19th Century saw the development of capitalism in Russia and formation of all-national market. The role of towns as centers of economy was growing, including trade-related ones. In Siberia before construction of Siberian railway in the 90s of the 19th cent. these processes were slow. The article shows peculiarities of Siberian trade, in particular, the role of town fairs and the ratio of fair and stationary trade in towns; it points out the main centers of trade and hierarchy of Siberian towns with regard to trade turnover.

The author uses mainly pre-revolutionary statistical and reference works.

Keywords: Siberia, towns, fairs, the merchants, branched trade structure.

Введение

Одним из проявлений модернизационных процессов пореформенной России был рост городов, в том числе развитие городов как транспортных, промышленных, торговых центров, центров образования и культуры. Торговая функция была одной из основных для пореформенного города, а объемы и специфика торговли в каждом городе зависели от его географического и транспортного положения. Во второй половине XIX в. интенсивно шло строительство железных дорог. Если в первой половине XIX в. каркас торговой структуры составляли прежде всего ярмарки, то во второй половине XIX в. – железнодорожные центры, в основном города. Сибирь была соединена железной дорогой с Европейской Россией только в 90-х гг. XIX в., и характер торговли в регионе в 60–80-х гг. XIX в. отличался значительной спецификой в сравнении с Европейской Россией. Промышленность в Сибири до проведения Сибирской железной дороги, особенно городская, была развита слабо, и в большинстве городов региона капиталы местного купечества складывались именно в торговле, а торговая функция имела гораздо большее значение, чем промышленная.

Тема экономического развития Сибири и Дальнего Востока является одной из ключевых в изучении Азиатской части России в XIX – начале XX в. Отметим ряд работ советского и постсоветского периодов, в которых рассматривались вопросы развития сибирского рынка пореформенного времени. Изданная еще в 1975 г. монография томского историка Г.Х. Рабиновича «Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв.» [1] была для своего времени новаторской и не потеряла своей научной значимости до настоящего времени. Автор показал источники формирования и численность крупной буржуазии Сибири с конца XIX в. до 1917 г., ее коммерческую деятельность в ключевых отраслях экономики, деятельность монополий в экономике региона, как местных, так и Центральной России и зарубежных стран. В главе «Торговая буржуазия Сибири» Г.Х. Рабинович показал динамику количества и оборотов торговых предприятий (без выделения городских) с 1892 по 1912 г. (с. 226), отметил главные направления торговых операций, очертил круг наиболее крупных предпринимателей в сибирской торговле.

В 1990–2000-е гг. исследователи обратились к изучению отдельных отраслей сибирской экономики и достигли на этом поприще значительных успехов. Так, в монографии [2] и статьях

А.М. Мариупольского досконально исследованы вопросы развития винокурения и виноторговли в Западной Сибири в пореформенный период, т.е. в период действия акцизной системы. Автор выявил все винокуренные и водочные заводы региона и что важно для нашей темы, рассмотрел состояние рынка спиртных напитков, количество питейных заведений разного типа, в том числе в городах, продолжил, после Г.Х. Рабиновича, изучение предпринимательства в данной сфере экономики.

Т.К. Щеглова в своих трудах исследует ярмарки Западной Сибири и Степного края во второй половине XIX в. [3]. Она впервые в сибиреведении доказала, что во второй половине XIX в. ярмарки в Сибири не теряли своей значимости, а, напротив, наблюдался их рост как по количеству, так и по оборотам, они были эффективной формой организации рынка, особенно до проведения Сибирской железной дороги.

Исследуя текстильный рынок Западной Сибири пореформенного времени, Е.В. Гальских показала развитие стационарной текстильной торговли, главные городские центры, ассортимент текстильных товаров, деловые связи местного купечества и ведущих торговых компаний Центральной России, отметила, что текстильный рынок Сибири был теснейшим образом связан с рынком Центральной России еще до проведения Сибирской железной дороги.

В работах А.В. Старцева, прежде всего монографии «Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX – начало XX в.)» [5], показаны главные центры русско-монгольской торговли в Сибири, в их числе города Кяхта, Иркутск, Бийск. Один из учеников Г.Х. Рабиновича В.П. Бойко продолжил направление в изучении сибирской буржуазии, но в более раннем хронологическом периоде, с конца XVIII до конца XIX в. Им рассмотрены вопросы источников формирования состава, главных направлений коммерческой деятельности, в том числе в торговле и др. Особенно детально ему удалось исследовать томское купечество [6].

В совместной монографии о городах Западной Сибири, написанной нами в соавторстве с Ю.М. Гончаровым [7], есть параграф о торговле в городах региона пореформенного периода (7, с. 100–113), но, надо признать, не все сюжеты в нем получили достаточное освещение. Так, более подробно необходимо рассмотреть развитие ярмарочной торговли в городах, соотношение стационарной и периодической форм торговли, к тому же в данной монографии территориально не рассматривалась Восточная Сибирь, а только Западная. В монографии О.А. Тяпкиной о малых городах Западной Сибири уделено внимание развитию в них торговли [8].

Существует большое количество работ по истории отдельных городов, зачастую это краеведческие издания, фотоальбомы, путеводители и значительно меньше научных монографий, где профессионально решаются вопросы становления капиталистического города в Сибири. В числе последних назовем несколько книг по истории сибирских городов, в которых нашел отражение и вопрос о развитии торговли, это книги по истории Красноярска [9], Омска [10], Томска [11], Иркутска [12]. Особенно в этом плане интересна книга о Томске, написанная Н.М. Дмитриенко. Автор торговое развитие Томска сопоставляет со всеми крупными городами Сибири и даже городами европейской части страны, она справедливо отмечает, что «Развитие торговли Томска в XIX – начале XX в. представляет яркий пример втягивания Сибири в единый общероссийский рынок, укрепление экономических связей окраины с промышленным центром страны» (12, с. 141).

Тема предпринимательства в России XIX – начала XX в. вызывает интерес и у зарубежных историков. Так, можно отметить монографию профессора университета Айдахо Джо Энн Рукмана "Московская бизнес-элита: социальный и культурный портрет двух поколений, 1840–1905" [13]. В своей работе он не только рассмотрел влияние известных московских династий (Третьяковых, Рябушинских, Гучковых и др.) на культурную и политическую жизнь России и Москвы в частности, но также поставил вопрос об истоках русского предпринимательства. Эта работа получила высокую оценку в кругах американских славистов [14, pp. 71–72].

Необходимо признать, что несмотря на значительное количество работ, в которых рассматривались вопросы формирования сибирского рынка и развития торговли в отдельных городах, исчерпывающей картины развития торговли в пореформенном сибирском городе до настоящего времени не создано.

В данной статье ставится задача показать соотношение ярмарочной и стационарной торговли в городах Сибири, выявить объемы торговли, прежде всего в денежном выражении, главные отрасли торговли, обозначить иерархию торговых центров региона, численность купечества и всего городского населения занятого торговлей.

Материалы и методы

В статье в качестве методологической основы используется теория модернизации. Модернизация рассматривается как движение страны от аграрной к индустриальной, одним из проявлений модернизации был рост городов, повышение их значимости в социально-экономическом развитии страны в целом и отдельных ее регионов, в том числе и Сибири.

Использованы методы исследования: сравнительно-исторический, историко-хронологический, статистического анализа. Сравнительно-исторический востребован для определения общих закономерностей и особенностей социально-экономического развития сибирских городов, в том числе их торговой функции. Историко-хронологический метод реализуется в подразделении темы на

ряд конкретных вопросов, рассматриваемых в хронологической последовательности. Метод статистического анализа позволяет выделить конкретные сведения и обобщить данные статистических изданий о развитии торговли в конкретных городах и городах региона в целом, данные о занятости городского населения в торговой сфере.

Основными источниками стали: делопроизводственная документация, статистические материалы, справочные издания, источники личного происхождения. Особенно информативными для данной темы оказались опубликованные источники Центрального и местных статистических комитетов.

Обсуждение

Применительно к концу XIX в. Сибирь в данной статье рассматривается в составе губерний Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской, областей Забайкальской и Якутской, а также Омского округа Акмолинской области, где был один город – Омск. В 1851 г. на указанной территории было учтено 45 городов с населением 152,3 тыс. чел. При этом в Тобольскую губернию тогда входили Петропавловск, а в Томскую – Семипалатинск и Усть-Каменогорск, которые в 1868 г. отошли к Степному краю [15, с. 8 -11, 30, 36]. К концу XIX в. численность городского населения Сибири выросла почти в три раза. По данным переписи населения 1897 г., в Сибири насчитывалось также 45 городов с населением 430, 4 тыс. чел. При разработке материалов переписи к числу городов были отнесены село Змеиногорское Томской губернии – административный центр одноименного уезда и село Нерчинско-Заводское в Забайкальской области. Наиболее значительными по числу жителей городами были Томск (52,2 тыс.), Иркутск (51,5 тыс.) и Омск (37,3 тыс.) [16, с. 2 -3; 17, с. 1; 18, с. 2; 19, с. 2; 20, с. 2; 21, с. 2; 22, с. 2].

В пореформенный период организующей основой сибирского рынка, особенно это относится к Западной Сибири, были ярмарки. В табл. 1 дан перечень крупных городских ярмарок Сибири с оборотами свыше 100 тыс. руб. на конец 1890-х гг. В этот перечень включена также Ирбитская ярмарка, хотя территориально она размещалась в Пермской губернии, но именно от нее шли ярмарочные цепочки в Западную Сибирь, т.е. через Ирбит сибирские, а также некоторые транзитные товары, например, китайский чай, шли на Урал и в Европейскую Россию и в обратном направлении – товары из Европейской России и зарубежных европейских стран – в Сибирь.

Ирбитская ярмарка была по объемам продаж второй в России после Нижегородской, в конце 1890-х гг. – 48,8 млн руб. До пуска железной дороги Екатеринбург – Тюмень (1886 г.) обороты Ирбитской ярмарки были еще больше, по продаже товаров в 1860-е гг. они составляли от 33 до 42 млн руб., в первой половине 80-х гг. XIX в. – 62 – 66 млн руб. Но после пуска указанной железной дороги значительная часть товаров стала поступать в Тюмень и Екатеринбург минуя Ирбит. При этом сокращения почти не коснулись таких важных товаров, как текстиль, чай, пушнина.

Таблица 1

Крупные городские ярмарки Сибири с продажей товаров свыше 100 тыс. руб. в конце 90-х гг. XIX в.

Город	Название ярмарки	Сроки	Продано, товаров тыс.руб.	Главные товары
Ирбит	Ирбитская	1.02. – 1.03.	48822	универсальная
Ишим	Зимненикольская	27.11. – 15.12.	4950	сало, масло, кожи, мануфактура
Верхнеудинск	Верхнеудинская	18.01. – 2.02.	1725,0	мануфактура, галантерея, бакалея
Тюмень	Тюменская	20.06. – 20.07.	600,0	мануфактура, галантерея
Киренск	Киренская	10.5. – 10.6.	490,0	мануфактура, галантерея, хлеб
Бийск	Екатерининская	24.11 – 6. 12.	300,0	универсальная
Курган	Рождественская	14 – 25.12.	221,0	с.-х. продукты
Барнаул	Введенская	21.11 – 6.12.	210,0	с.-х. продукты, разл. товары
Кольвань	Косьмодемьянская	1 – 11. 11.	190,0	универсальная
Курган	Алексеевская	5 – 18.03.	190,0	с.-х. продукты
Омск	Введенская	15.11 – 1.12.	150,0	универсальная
Верхнеудинск	Онинская	20.11 – 5.12.	100,0	мануфактура, бакалея, галантерея
Томск	Рождественская	15.12 – 15. 01.	100,0	универсальная

Так, в 1885 г. продажи текстильных товаров составили в Ирбите 26 700 тыс. руб., в 1894 г. – 24 700 тыс. руб., чая соответственно, – 1700 и 3450 тыс. руб. [23, с. 2250 – 2251]. В целом же Ирбитскую ярмарку можно отнести по ассортименту товаров к универсальным, как и ряд прочих городских ярмарок Сибири – Верхнеудинскую, Киренскую, Екатерининскую в Бийске, Рождественскую в Томске, на ряде ярмарок преобладали сельскохозяйственные товары, в Ишиме, Кургане, Омске, Барнауле. К пушным относились ярмарки в Якутске, Сургуте, Нарыме.

После Ирбитской крупнейшей из городских ярмарок Сибири была Зимненикольская в Ишиме Тобольской губернии, с продажей товаров до 5 млн руб., она относилась к «жировым» и имела общероссийское значение. Главными товарами здесь были скот, кожи, сало, масло. Крупными городскими ярмарочными центрами в Западной Сибири также были Тюмень (600 тыс. руб.), Курган (2 ярмарки с продажей товаров на 300 тыс. руб.), Бийск (300 тыс. руб.), в Восточной Сибири – Верхнеудинск (2 ярмарки с продажей товаров около 2 млн руб.) и маленький городок Киренск в Иркутской губернии (490 тыс. руб.) (См. табл. 1). К сожалению, в данном источнике [24, с. 488, 512 – 513] не выделена крупная Якутская ярмарка, куда, по данным А. Субботина, привозилось пушного товара на 1 млн руб. [25, с. 21].

В ряде городов, в том числе довольно крупных, ярмарки скорее выполняли роль базаров. Так, по свидетельству Н.В. Латкина, красноярская ярмарка «влачила жалкое существование», в Минусинске «ярмарка не привилась», а в Ачинске она «не собиралась» [26, с. 21, 268, 317, 380].

Более быстрыми темпами в сравнении с ярмарочной торговлей в городах развивалась стационарная, об этом свидетельствуют и обороты самой торговли и количество выданных торговых документов.

Так, по сведениям за 1875 г., в 19 городах Западной Сибири было выдано свидетельств 1-й гильдии 83, 2-й гильдии – 1290, на мелочный торг в городах – 1861, в городах вместе с округами – 1208, на развозной и разносной торг – 1055, на мещанские промыслы – 256, а всего – 5779. Самые значительные показатели были отмечены в Томске (всех свидетельств – 764, в том числе 1-й гильдии – 24, 2-й гильдии – 203), в Тюмени – 612, в том числе 1-й гильдии – 18, 2-й гильдии – 144, Омске – 512, в том числе 1-й гильдии – 2, второй – 79 [27].

На протяжении всего пореформенного периода крупнейшим центром не только своей губернии, но и всей Западной Сибири являлся Томск, который являлся узловым (складочным) центром для товаров следующих из Восточной Сибири в Западную и в обратном направлении. Иерархия торговых городов Западной Сибири на 1898 г., по свидетельству издания «Россия. Полное географическое описание нашего отечества» выглядит следующим образом: Томск – 1063 торговых заведения с оборотами в 27 млн руб., Тюмень – 530 заведений, обороты – 17 млн руб., Барнаул – обороты в 6,5 млн руб., Курган – 5,4 млн руб., Тобольск – 5,3 млн руб., Бийск – 4 млн руб. [28, с. 357]. Торговые обороты Омска на 1898 г. составляли только 2,5 млн руб. [29, с. 251]. Третий по числу жителей город Сибири по показателям оборотов торговли отставал от более маленьких городов. Значимость Омска как торгового центра резко увеличится только после пуска Сибирской железной дороги.

В Томске наибольшие показатели приходились на мануфактурную торговлю – 3,5 млн руб., хлебную – 3,5 млн руб., бакалейную – 3 млн руб., смешанную (мануфактура, чай, сахар) – 2,5 млн руб., ренсковые погреба – 2 млн руб. [28, с. 468].

Тюмень в то время называли «Воротами в Сибирь», из нее водным путем шли грузы доставляемые с Урала, в том числе Ирбитской ярмарки, в западном направлении следовали грузы из Сибири. После пуска железнодорожной ветки Екатеринбург – Тюмень резко возросли поставки водным путем к Тюмени зерна с юга Сибири, прежде всего Алтая. В целом же через тюменский порт проходило 75 % грузов, перевозившихся по рекам Западной Сибири. По рекам Тура и Тобол к Тюмени доставка грузов составляла в 1865 г. 835 тыс. пуд., в 1886 г. – 3 млн пуд., в 1890 г. – 8 млн руб., в 1892 г. – 16 млн руб. [30, с. 77]. На железнодорожных станциях Тюмень и Тура среди отправляемых в Екатеринбург грузов на первом месте шел хлеб, в 1891 г. – 5,8 млн пуд., далее следовали чай и сало. По весу среди получаемых с запада грузов наибольшие показатели были у сахара (464,7 тыс. пуд.), изделий из металла (более 400 тыс. пуд.), мануфактуры (361,2 тыс. пуд.), керосина (233,8 тыс. пуд.) [31, с. 36 – 79].

В Тобольской губернии не только Тюмень, но и Курган в торговом отношении опережали губернский центр Тобольск. Так, в 1898 г. торговые обороты Кургана превышали 5 млн руб., при этом первую позицию здесь занимала скупка сливочного масла (1 млн руб.). Именно в Курганском уезде в 90-х гг. XIX в. начало стремительно развиваться сибирское маслоделие. Вскоре этот процесс охватил всю земледельческую часть Западной Сибири. Далее в Кургане по оборотам торговли следовала скупка хлеба (800 тыс. руб.), торговля спиртными напитками (750 тыс. руб.) и мануфактурная торговля (750 тыс. руб.). Торговые обороты Тобольска в это же время составляли 3,6 млн руб., при этом первую позицию занимала торговля солью (700 тыс. руб.), ее много требовалось для рыбных промыслов Тобольского Севера.

В Томской губернии вторым торговым центром после Томска в середине XIX в. был Бийск, а к концу века – Барнаул. Торговая значимость Барнаула стала возрастать после пуска Екатеринбург-Тюменской железной дороги, что привело к заметному увеличению спроса на алтайское зерно.

Особенно этот хлебный поток вырос в 1890-1892 гг. в связи с голодом в Поволжье и на Урале. Из Барнаула за эти три года было отправлено водным путем в северном направлении соответственно – 800, 900 и 2000 тыс. пуд. зерна [32, л. 63, 64]. Одновременно в Барнауле развивались и прочие виды торговли – мануфактурная, спиртными напитками и др.

Значительным торговым центром в Томской губернии был Бийск, бийские купцы торговали не только на территории своего округа (уезда), но и вели торговые операции в Монголии. Обороты этой торговли составляли в 60-е гг. XIX в. от 80 до 140 тыс. руб. в год, в 70-е гг. – от 200 до 400 тыс. руб., в 80-е гг. – до 800 тыс. руб. [5, с. 138]. Из Монголии везли шкурки сурка, кожи, шерсть, в небольшом количестве и китайские товары, в Монголию из России поставлялись ткани, изделия из металла, в том числе самовары, которые пользовались там большой популярностью, слитки серебра. Таможня размещалась сначала в пограничном поселке Онгудай, в начале XX в. была переведена в Кош-Агач. Бийские купцы, впрочем, как и кузнецкие, томские, мариинские, енисейские, иркутские и прочие вели торговые операции на золотых промыслах Сибири.

В Восточной Сибири наиболее крупным торговым центром был Иркутск. Он имел самую развитую торговую инфраструктуру из всех городов региона, одновременно являлся крупнейшим центром оптовой и транзитной торговли. Через него шли торговые пути в Китай, Якутию, Забайкалье, на Дальний Восток. В 1860 г. сюда из Кяхты была перенесена таможня, доходы от нее выросли с 2,8 млн руб. в 1883 г. до 7 млн руб. в конце 1880 – начале 1890-х гг. По данному показателю Иркутская таможня в данный период в России занимала четвертое место после Москвы, Петербурга и Одессы [23, с. 2182]. В самом Иркутске, по сведениям за 1882 г., число оптовых и розничных магазинов составляло 178 с оборотами в 12 млн руб., в том числе в сфере мануфактурной торговли – 31 с оборотом в 5,8 млн руб. Мелкая торговля была представлена 566 заведениями с оборотом в 2 млн руб. Кроме того, имелась обширная сеть питейных заведений: 4 водочных завода, 7 оптовых складов, 19 ренсковых погребов с оборотом в 467 тыс. руб., 95 трактиров с продажей 36,1 тыс. ведер вина и кабаков с продажей 12,3 тыс. ведер вина [33, с. 59 – 60, 62]. Прочие города Иркутской губернии были торговыми центрами местного значения. Города Енисейской губернии, в том числе Красноярск, значительно уступали Иркутску в сфере развития торговли. Правда, в нашем распоряжении имеются данные по Енисейской губернии за более ранний период – 1876 г. Торговые обороты Красноярска составляли 1,5 млн руб., Енисейска – от 3 до 4 млн руб., Минусинска – 1 млн руб., Ачинска – 0,5 млн руб. [26, с. 268 - 270]. Итак, наибольшие обороты торговли в 70-х гг. XIX в. в Енисейской губернии были у Енисейска – уездного центра. Причина расцвета енисейской торговли крылась в том, что енисейские купцы специализировались на торговле на золотых приисках, а приисковые рабочие после окончания приискового сезона устремлялись в енисейские кабаки и «ресторации», где пропивали заработанные деньги. В 70-е гг. генерал-губернатор Восточной Сибири предписывал управляющим золотопромышленных компаний не завозить артели рабочих в Енисейск. Но эта мера особого эффекта не имела, так как виноторговцы стали выезжать с бочками спирта на дороги, по которым следовали партии приисковых рабочих [34, с. 14, 206].

Главным торговым центром для огромной по площади Якутской области был ее административный центр г. Якутск. Например, в 1894 г. в Якутск было ввезено товаров на сумму в 1146 тыс. руб., продано на 1 млн руб., в том числе стоимость привезенной пушнины составила 600 тыс. руб., мануфактурных товаров – 222 тыс. руб. Пушной товар в основном следовал из Якутска на Ирбитскую ярмарку, а мануфактурный расходился по самой Якутской области [35, с. 452].

Не лучшие времена в пореформенный период переживала Кяхта, ранее – главный центр торговли с Китаем в Восточной Сибири. Причина крылась в росте значимости морских перевозок, что было напрямую связано с завершением строительства Суэцкого канала в 1869 г. Теперь значительные объемы китайского чая, который раньше доставлялся сухопутным путем из Кяхты через Сибирь в Европейскую Россию, стали перевозиться морскими судами в Одессу. Это не означает, что перевозки китайского чая через Сибирь вообще прекратились, но сокращение было существенное. Окончательный удар по перевозкам китайского чая через Кяхту нанесла Сибирская железная дорога. Объемы кяхтинской торговли были тем не менее весьма значительны: в середине 1850-х гг. – 11,3 млн руб., в 70-80-х гг. – 20 млн руб., в 1894 г. – 17 млн руб. [36, с. 1150].

Особенно значительные объемы (в денежном выражении) в Сибири имела мануфактурная торговля. Объяснялось это спросом на ткани и одежду со стороны горожан, крестьян и жителей сопредельных территорий – Степного края, Монголии. В Сибири имелось несколько небольших текстильных предприятий, но они производили сукно, хлопчатобумажного производства здесь совсем не было. По данным Ф.Н. Белявского, в начале 1890-х гг. текстиль составлял около половины всех товаров привозимых из Европейской России в Сибирь. Наибольшей популярностью пользовались хлопчатобумажные ткани, далее – шерстяные, шелковые и льняные [28, с. 352]. Главными поставщиками текстиля в Сибирь были крупнейшие текстильные компании Центральной России – Морозовых, Э. Цинделя, Рябушинских и др. Сибирские оптовики закупали текстиль в основном на Ирбитской и Нижегородской ярмарках, а главными центрами оптовой торговли текстилем были города Томск, Иркутск, Красноярск, Барнаул, Тюмень, Якутск. Крупнейшими оптовиками в текстильной торговле Сибири были к концу XIX в. Гадаловы (Енисейская губерния),

А.Ф. Второв (Иркутск, Томск), А.И. Громова (Иркутск, Якутск), Н.Д. Стахеев (Томск, Тюмень, Иркутск), Е.А. Жернаков (Барнаул, Колывань) [37, с. 9 -10, 59 -60, 72, 91, 94, 199, 233].

Прибыльной сферой торговли в пореформенный период, а это было время акцизной системы, была торговля спиртными напитками. Наиболее крупные оптовики были, как правило, владельцами винокуренных и водочных заводов. В Западной Сибири – это Поклевские-Козелл, Корчемкин, Ерофеевы, Платоновы, Вытновы, Королевы, в Восточной Сибири – Даниловы, Патушинские, Домбровские и др. [1, с. 92]. С оптовых складов отпускали преимущественно «хлебное вино», т.е. спирт разбавленный до крепости в 40 градусов. Но водочные заводы производили и более элитную продукцию, предназначенную в большей степени для городских покупателей. Так, водочный завод И. Платонова и Е. Судовской в Барнауле демонстрировал на Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде горькие водки, ликеры, нежинскую рябиновую, нектарин из китайских яблочек и белой смородины и др. [38, с. 150].

В статье специально не рассматриваются вопросы о насыщенности рынка товарами и ценах на них. Но известно, что до проведения Сибирской железной дороги в регионе, особенно западной и земледельческой его части были низкие цены на продукты сельского хозяйства и высокие на привозную промышленную продукцию, особенно металл и изделия из него. Однако торговцы предлагали широкий ассортимент товаров. Так, английский художник и путешественник Томас Аткинсон, посетивший в середине XIX в. Алтай, писал: «В Барнауле есть гостинный двор [gastinnoi dvor] с хорошими лавками, где можно купить множество европейских товаров по очень экстравагантным ценам. Два или три торговца имеют дело со всеми видами товаров. Тут найдете драгоценности, часы, тарелки, стаканы, французские шелка, муслин, шляпы и другие принадлежности для леди. А также сахар, чай, кофе, мыло и свечи. Имеются сардины, сыр, соусы. Английский портер, шотландское пиво, французские вина, портвейн, херес, мадера...» [39, с. 22].

Двадцатью годами позже, в 1876 г., тот же Барнаул посетила экспедиция известного зоолога А. Брема и его спутника доктора О. Финша. В «Записках» путешественников отмечалось, что в городе есть «очень хорошие лавки с богатым выбором товаров». Путешественники, в частности, были удивлены относительно низким ценам на немецкие вина: «Один виноторговец, например, продавал рейнвейн рюдесгейм 2 ½ р. и иоганисберг 3 р. бутылку. Когда я (О. Финш) сказал ему, что эти вина даже в Германии стоят дороже, он ответил мне, что за это должен отвечать Елисейев, от которого он выписывает вина» [40, с. 256].

Определяя значимость торговли в социально-экономическом развитии пореформенного сибирского города, следует обратить внимание на доле купечества и доле всего населения, занятого в торговле. По данным переписи населения 1897 г., гильдейское купечество составляло в городах региона 6103 чел. (1,4 %), показатели численности населения, занятого в торговле были таковы: самостоятельные – 23273 чел. (11,2 % от всего городского населения), члены семей – 40804 чел. (18 %), самостоятельные вместе с членами семей – 64077 чел. (14,9 %) [41, с. 19, 21]. Общероссийские показатели были примерно аналогичны. В 1897 г. купеческое сословие составляло в городах 1,3 %, а население, занятое в торговле (самостоятельные) – 12 % [42, с. 236, 336].

Заключение

Таким образом, масштабы и уровень торговли в каждом городе зависели от численности его населения, сословного и социального состава. Следует учитывать географическое положение города, особенно его место в транспортных коммуникациях. Но торговая значимость каждого города определялась и зоной его влияния, как оптовой, так и розничной торговли. Одни города были центрами торговли только для своих округов (уездов), в их числе, например, Ялуторовск в Тобольской губернии, Кузнецк в Томской, Минусинск в Енисейской и т.д. Зона влияния ряда уездных центров была шире, например, Бийск в Томской губернии, который был центром торговли не только своего уезда, но и внешней торговли с Монголией. Города земледельческой полосы Западной Сибири – Омск, Ишим, Курган, Барнаул к концу XIX в. становились значительными центрами скупки зерна и прочей сельскохозяйственной продукции. Якутск являлся крупным центром пушной торговли. Наконец, были города – общесибирские центры торговли, торговые дома и компании которых вели коммерческие дела не только в своих губерниях, но и по всей Сибири, а иногда за ее пределами – Иркутск, Томск, Тюмень. Маленький по числу жителей городок Кяхту можно рассматривать как торговый центр общероссийского масштаба, ибо через этот город шла большая чайная торговля, имеющая общероссийское значение. Сибирская железная дорога внесет существенные изменения в функционирование регионального сибирского рынка, его связи с общероссийским и мировыми рынками, что отразится и на развитии торговли в сибирских городах.

Примечания:

1. Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX в. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1975. 328 с.
2. Мариупольский А.М. Винокурение и виноторговля Западной Сибири в период действия акцизной системы (1863 – 1902 гг.). Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000. 158 с.

3. Щеглова Т.К. Ярмарки юга Западной Сибири в XIX – начале XX века. Из истории формирования и развития всероссийского рынка. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2001. 504 с.
4. Гальских Е.В. Текстильный рынок Западной Сибири во второй половине XIX в. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. 182 с.
5. Старцев А.В. Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 308 с.
6. Бойко В.П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII–XIX вв. Очерки социальной, отраслевой и ментальной истории. Томск: Изд-во ТГАСУ, 2009. 308 с.
7. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Население. Экономика. Застройка и благоустройство. 3-е изд., дополн. Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2014. 252 с.
8. Тяпкина О.А. Малые города Западной Сибири во второй половине XIX века: социально-экономическое исследование. Новосибирск: «Сова», 2008. 307 с.
9. Быконя Г.Ф., Федорова В.И., Бердников Л.П. Красноярск в дореволюционном прошлом (XVII – XIX века). Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1990. 304 с.
10. Очерки истории города Омска. Т. 1: Дореволюционный Омск/ под ред. А.П. Толочко. Омск: Омск. гос. ун-та, 1997. 292 с.
11. Дмитриенко Н.М. Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX века: управление, экономика, население. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2000. 283 с.
12. Иркутск в панораме веков : Очерки истории города/ С.М. Алексеев, В.В. Барышников, П.П. Боханов и др. Отв. Ред. Л.М. Дамешек. Иркутск: Вост.-Сиб. Изд. Компания, 2002. 512 с.
13. Ruckman, Jo Ann. The Moscow Business Elite: A Social and Cultural Portrait of Two Generations, 1840-1905. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1984. XIII, 275 pp.
14. Bate, James H.. Jo Ann Ruckman. The Moscow Business Elite: A Social and Cultural Portrait of Two Generations, 1840-1905 [Review] // Canadian-American Slavic Studies. 1985. Vol. 19. Is. 1. pp: 71-72.
15. Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи, составленные в статистическом отделе Совета министров внутренних дел. СПб., 1852. - [3], 39, 5 с.; 1 л. Табл.
16. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Под ред. Тройницкого Н.А. СПб.: Изд. Центрального статистического комитета МВД., 1904. Т. 73: Енисейская губерния. X, 185 с.
17. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904. Т. 74: Забайкальская область. X, 184 с.
18. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904. Т. 75: Иркутская губерния. XV, 172 с.
19. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904. Т. 78: Тобольская губерния. XLVI, 247 с.
20. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904. Т. 79: Томская губерния. XXV, 246 с.
21. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1905. Т. 80: Якутская область. XIII, 120 с.
22. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904. Т. 81: Акмолинская область. X, 135 с.
23. Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации. Торгово-промышленный адрес-календарь Российской империи. СПб.: Изд. Суворина А. С., 1895. Т. 1. 873 с.
24. Коммерческая энциклопедия М.-Ротшильда. СПб.: Типография СПб. Общ. Печатного дела в России . Е. Евдокимов [1900]. Т. 1. 525 с.
25. Субботин А. Экономическая записка по вопросу о соединении рельсовым путем рек Ангары и Лены (составлено по поручению Департамента шоссейных и водных сообщений). СПб.: Издание МПС, 1897. 50 с.
26. Латкин Н.В. Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее. СПб., 1892. - 466 с.
27. Экономическое состояние городских поселений в Сибири. СПб.: Издание Хоз. Департамента МВД, 1882. 422 с.
28. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Под ред. В.П. Семенова-Тян-Шанского. Т. 16: Западная Сибирь. Репринт. Воспр. Изд. Екатеринбург, 2008. 600 с.
29. Колесников А.Д. Рост, сословный состав и занятость населения дореволюционного Омска // История городов Сибири досоветского периода (XVIII – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1977. С. 231–252.
30. Докладная записка Тобольской городской управы городской думе о продлении Уральской железной дороги до Тобольска. Тобольск, 1894. 78 с.
31. Статистика перевозки грузов I, II и III категорий по отправлению со станций Уральской железной дороги за 1891 год. Пермь: Издание МПС, 1892. 89 с.
32. Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 4. Д. 2408.

33. Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1881 - 1901 гг. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1993. 544 с.
34. Семевский В.И. Рабочие на сибирских золотых промыслах. СПб.: Издание И.М. Сибирикова; типография М. Стасюлевича, 1898. Т. 1. LXXXIV, 577 с.
35. Вилков О.Н., Резун Д.Я., Скубневский В.А. Якутск // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск: Академ. изд-во «Гео», 2013. Т. 2. С. 450–452.
36. Попов И., Кудрявцев Ф. Кяхта // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск: Зап.-Сиб. Отделение ОГИЗ, б.д. Т. 2. Стлб. 1150–1151.
37. Всероссийский адрес-календарь мануфактурно-галантерейных торговых домов. М.: Типография О. Лашкевич и К^о, 1896. 6, XXXIV, 235 с.
38. Подробный указатель по отделам Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде. Отдел XIII Сибирский. М., 1896. 150 с.
39. Аткинсон Т. Восточная и Западная Сибирь // Аткинсон Л. Воспоминания о татарских степях. Письма из Барнаула. 1848–1853 гг. Перевод с англ. Волковой Н.С. Барнаул: Алт. дом печати, 2013. С. 14-28.
40. Финш О. и Брэм А. Путешествие в Западную Сибирь // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX веков. Барнаул: А.Р.Т., 2005. С. 230–264.
41. Скубневский В.А. Урбанизационные процессы в Сибири второй половины XIX – начала XX в. Избранные статьи. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2010. 296 с.
42. Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. М.: Наука, 2004. 574 с.

References:

1. Rabinovich G.Kh. Big bourgeoisie and monopoly capital in Siberian economy of the late XIX- early XX cent. Tomsk: Tomsk University Press, 1975. 328 p.
2. Mariupolsky A.M. Alcohol distillation and wine trading of Western Siberia in the period of excise system validity (1863-1902). Barnaul: Altai State University Press, 2000. 158 p.
3. Shcheglova T.K. Fairs of West Siberia South in the XIX- early XX century. From the history of all-Russian market formation and development. Barnaul: Altai State University Press, 2001. 504 p.
4. Galskikh E. V. Textile market of Western Siberia in the second half of the XIX cent. Barnaul: Altai State University Press, 2002. 182 p.
5. Startsev A.V. Russian trading in Mongolia (the second half of the XIX –early XX cent.). Barnaul: Altai State University Press, 2003, 308 p.
6. Bojko V.P. The merchants of Western Siberia in the late XVIII- XIX cent. Essays on social, branched and mental history. Tomsk: TSACU Press, 2009, 308 p.
7. Skubnevsky V.A., Goncharov Yu. M. West Siberian towns in the second half of the XIX - early XX cent. Population. Economy. Building and upgrading. Edition 3, enlarged. Barnaul: IB Kolmogorov I.A., 2014. 252 p., illustrated.
8. Tyapkina O. A. Small towns of Western Siberia in the second half of the XIX cent.: a socio-economic study. Novosibirsk: "Sova", 2008. 307 p.
9. Bykonya G.F., Fedorova V.I., Berdnikov L.P. Krasnoyarsk in pre-revolutionary foretime (XVII - XIX cent.). Krasnoyarsk: Krasnoyarsk University Press, 1990. 304 p.
10. The city of Omsk: historical essays. Vol. 1: Pre-revolutionary Omsk/ Edited by A.P. Tolochko. Omsk: Omsk State University, 1997, 292 p.
11. Dmitrienko N.M. The Siberian city of Tomsk in the XIX- the first third of the XX century: administration, economy, population. Tomsk: Tomsk University Press, 2000. 283pp.
12. Irkutsk in the panorama of centuries: essays on the city history/ S.M. Alekseev, V.V. Baryshnikov, P.P. Bokhanov et al. Editor-in-chief L.M. Dameshek. Irkutsk: West-Siberian Press Company, 2002, 512 pp.
13. Ruckman, Jo Ann. The Moscow Business Elite: A Social and Cultural Portrait of Two Generations, 1840-1905. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1984. XIII, 275 p.
14. Bater, James H.. Jo Ann Ruckman. The Moscow Business Elite: A Social and Cultural Portrait of Two Generations, 1840-1905 [Review] // Canadian-American Slavic Studies. 1985. Vol. 19. Is. 1. pp: 71-72.
15. Statistical tables on the status of Russian empire cities composed by statistical department of the Internal Affairs Council of Ministers. SPb., 1852. [3], 39,5 p.; 1l. Table.
16. First General population census of the Russian Empire of 1897. Edited by Troinitsky N. A. SPb.: Central statistic committee Press of IAC, 1904. Vol. 73: Yeniseysk gubernia. X, 185 p.
17. First General population census of the Russian Empire of 1897. SPb., 1904. Vol. 74: Zabaikalskaya oblast. X, 184 p.
18. First General population census of the Russian Empire of 1897. SPb., 1904. Vol. 75: Irkutsk gubernia. XV, 172 p.
19. First General population census of the Russian Empire of 1897. SPb., 1904. Vol. 78: Tobolsk gubernia. XLVI, 247 p.
20. First General population census of the Russian Empire of 1897. SPb., 1904. Vol. 79: Tomsk gubernia. XXV, 246 p.

21. First General population census of the Russian Empire of 1897. SPb., 1905. Vol. 80: Yakutsk oblast. XIII, 120 p.
22. First General population census of the Russian Empire of 1897.SPb., 1904. Vol. 81: Akmolinsk oblast. X, 135 p.
23. The whole of Russia. Russian book of industry, commerce, agriculture and administration. Commerce- industrial directory of the Russian Empire. SPb.: A.S. Suvorin Press, 1895. Vol. 1.
24. Encyclopedia of commerce by M. Rotshild. SPb.: St. Petersburg Printing House of General Typography in Russia. E. Yevdokimov [1900]. Vol.1. 525 pp.
25. Subbotin A. Economic notes on the problem of railway connection of Angara and Lena rivers (made on the instructions of road and water communications Department). SPb.: Ministry of Transportation Press. 1897. 2, 11, 50 pp.
26. Latkin N.V. Yeniseysk gubernia, its past and present. SPb., 1892. II, III, 466 p.
27. Economic status of urban settlements in Siberia. SPb., IAC Economic Department Press, 1882. XI,[1], 422 p.
28. Russia. Complete geographical description of our motherland. Table and road book for Russian people. Edited by V.P. Semyonov-Tyan-Shansky. Vol. 16: Western Siberia. Reprint. Reproduced Press, Yekaterinburg, 2008. 600pp.: maps (Yugorsky reprint).
29. Kolesnikov A.D. Growth, class structure and employment of pre-revolutionary Omsk population.// History of Siberian cities of pre-soviet period (XVII-early XX cent.). Novosibirsk: Science, 1977. Pp.231-252.
30. Staff report of Tobolsk administrative board to the city дума about extension of the Ural railway up to Tobolsk. Tobolsk, 1894. 78 p.
31. Statistics of transit of the I, II and III category goods shipped from the Ural railway stations during 1891. Perm: Ministry of Transportation Press, 1892. 89 p.
32. State archive of Tomsk region (SATR). F.3. In. 4. D. 2408.
33. Romanov N.S. Chronicle of Irkutsk city for the years of 1881-1901. Irkutsk: East- Siberian Book Press, 1993. 544 p., illustrated.
34. Semevsky V.I. Workers on Siberian gold fields. SPb: Edition of Sibiryakov I.M.; Printing House of Stasyulevich, 1898. Vol. 1. LXXXIV, 577 p.
35. Vilkov O.N., Resun D.Ya., Skubnevsky V.A. Yakutsk //Encyclopedic dictionary on history of **Siberian merchants and commerce. Novosibirsk: Academic "Geo" Press, 2013. Vol. 2. Pp.450–452.**
36. Popov I., Kudryavtsev F. Kyakhta //Siberian soviet encyclopedia. Novosibirsk: West – Siberian Department of State Press Association, undated. Vol. 2. Pp. 1150–1151.
37. All- Russian directory of manufactory – haberdashery trading houses. M.: Printing House of O. Lashkevich and K, 1896. 6, XXXIV, 235 p.
38. Detailed guide for sections of All-Russian industrial and art exhibition of 1896 in Nizhny Novgorod. Section XIII Siberian. M., 1896. 150 p.
39. Atkinson T. East and West Siberia // Atkinson L. Reminiscences about Tatar steppes. Letters from Barnaul. 1848–1853. Translation from English by Volkova N.S. Barnaul: Altai Publishing House, 2013. Pp. 14–28.
40. Finsh R. and Brem A. A journey to Western Siberia // Altai in the works of scientists and travelers of the XVIII – early XX centuries. Barnaul:A.T.A., 2005. Pp. 230–264.
41. Skubnevsky V.A. Processes of urbanization in Siberia in the second half of the XIX – early XX cent. Selected papers. Barnaul: Altai State University Press, 2010. 296 p.
42. Ivanova N. A., Zheltova V.P. Stratification and class structure of Russia in the late XIX – early XX century. M.: Science, 2004. 574 p.

УДК 94

Торговая функция пореформенного сибирского города

Валерий Анатольевич Скубневский

Алтайский государственный университет, Российская Федерация
 Доктор исторических наук, профессор

Аннотация. Вторая половина XIX в. – время развития капиталистических отношений в России, формирования общероссийского рынка. В этот период росла роль городов как экономических центров, в том числе торговых. В Сибири до проведения Сибирской железной дороги в 1890-х гг. эти процессы шли медленнее. В статье показаны особенности сибирской торговли, в частности, роль городских ярмарок, соотношение в городах ярмарочной и стационарной торговли, показаны главные городские торговые центры, иерархия по оборотам торговли сибирских городов. В статье преимущественно использованы дореволюционные статистические и справочные издания.

Ключевые слова: Сибирь, города, ярмарки, купечество, отраслевая структура торговли.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 38, Is. 4, pp. 910-923, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 629.12

First Battleships of the Coast Defense of Russian Emperor Fleet

¹Yuri F. Katorin

²Anatolii P. Nyrkov

¹University ITMO, Russian Federation
197101, Sankt-Peterburg, Kronverkskiy prospekt, 49
Dr. (Military), Professor
E-mail: katorin@mail.ru

²State university of the sea and river fleet of the name of the Admiral S.O. Makarov, Russian Federation
198035, Saint Petersburg, Dvinskaya street, 5/7
Dr. Sci, Professor
E-mail: kaf.koib@gmail.com

Abstract

In this article it is told about design and building in Russia of the first tower armored ships, are given their characteristics, are described design features, and also basic stages of service in the composition of Baltic fleet, the advantages and disadvantages in the projects are analyzed. The authors come to the conclusion that the first navigation of tower armored vehicles revealed many design flaws. Low-built monitors and two-turret armored boat had very poor seakeeping. However, for advertising purposes the ten monitors in 1865 have been sent to the coast of Sweden. During the operation it was determined the necessity of combining the reliable protection with sufficient seaworthiness. The solution to this problem is reflected in the subsequent types of armored ships – the tower frigates.

Keywords: Baltic fleet, the history of shipbuilding, coast defense, monitor, Battleship, N.A. Artseulov, Charles Mitchell.

Введение

В истории броненосного флота есть одна интересная, но незаслуженно обойденная вниманием глава – корабли береговой обороны. Детального исследования этого класса броненосцев почти не проводилось, хотя во многих справочных изданиях можно найти технические характеристики любого из них. Но трудно проследить динамику их развития и понять причину внедрения того или иного технического новшества. Создается впечатление, что пережив пик популярности в момент возникновения, они перестали интересовать не только конструкторов, но и историков флота, а это не справедливо. [1]

В число функций военно-морского флота, кроме действий в открытом море, входит также ряд обязанностей, для выполнения которых применение крупных кораблей было бы нерационально, а иногда просто невозможно. Сюда можно отнести боевые действия в прибрежных районах, включая поддержку флангов сухопутной армии, обстрел береговых укреплений и оборону собственных портов, а так же боевые операции на крупных реках и озерах. Причем для решения некоторых из этих задач нужны пусть не очень мореходные, но достаточно мощные и хорошо защищенные корабли. Поэтому наряду с эскадренным броненосцем получил развитие и броненосец береговой обороны (ББО). [1, 2]

В период 1870–1880 годов броненосцами береговой обороны являлись мониторы, но их крайне низкая мореходность заставила отказаться от этого типа кораблей, несмотря на прекрасную защиту и мощное вооружение. Классический монитор, развился в броненосец мониторного типа, который, сохраняя основные достоинства прототипа, имел вполне сносную мореходность для действий в прибрежных районах. В этом направлении и пошло их развитие – все последние броненосцы береговой обороны были мореходными кораблями, это отражало закономерное и повсеместное

отступление от «мониторной» схемы 1860-х годов с ее сплошь бронированным низким бортом, опасным при плавании в свежую погоду. Именно по такому «сценарию» и пошло развитие кораблей береговой обороны Российского Императорского флота. [2]

Материалы и методы

В ходе анализа источников и литературы, а также в выводах, являющихся итогом исследования, автор, используя метод историко-сравнительного анализа стремится к научной объективности, непременным условием которой выступает фундаментальный методологический принцип историзма. Следуя принципу объективности, в своем исследовании автор старался максимально избегать субъективных, политически ангажированных оценок и выводов.

Обоснованность и достоверность исследования базируется на основе анализа большого количества архивных материалов и литературных источников и обеспечивается научной методологией, комплексным характером исследования, системным подходом и подтверждается строгой логикой выводов в соответствии с поставленными целями и задачами.

Результаты исследования могут быть использованы в образовательном процессе высших военно-учебных заведений, а также в качестве справочно-аналитического материала специалистами.

Обсуждение

Броненосцы береговой обороны давно известный класс кораблей, в середине XIX века получивший довольно широкое распространение и на Российском императорском флоте. Хотя использовались они совсем недолго, однако их короткие сроки существования не помешали появлению многочисленных научных и научно-популярных работ, выпуску фундаментальных книг и монографий об этих кораблях. Однако подавляющее число такой литературы посвящено либо описанию истории создания и техническим характеристикам кораблей конкретных серий, либо рассмотрению истории развития и особенностей кораблестроительных школ тех или иных стран. Наиболее известной из них у нас является монография Грибовский В.Ю., Черников И.И. Броненосец «Адмирал Ушаков», а также, отличная подборка архивных документов и статей из «Морского сборника» о строительстве и испытаниях русских мониторов – Первые русские мониторы (Сборник статей и документов).

Но, хорошо прослеживая историю постройки, они почти не содержат материалов по боевому применению этих кораблей, а некоторые носят чисто справочный характер. Этот недостаток делает весьма затруднительным осуществить полный и глубокий анализ причин изменения тех или иных ТТХ. В другой группе работ, наоборот, упор делается на опыт боевого использования ББО в войнах, но есть лишь краткое упоминание их ТТХ и конструктивных особенностей.

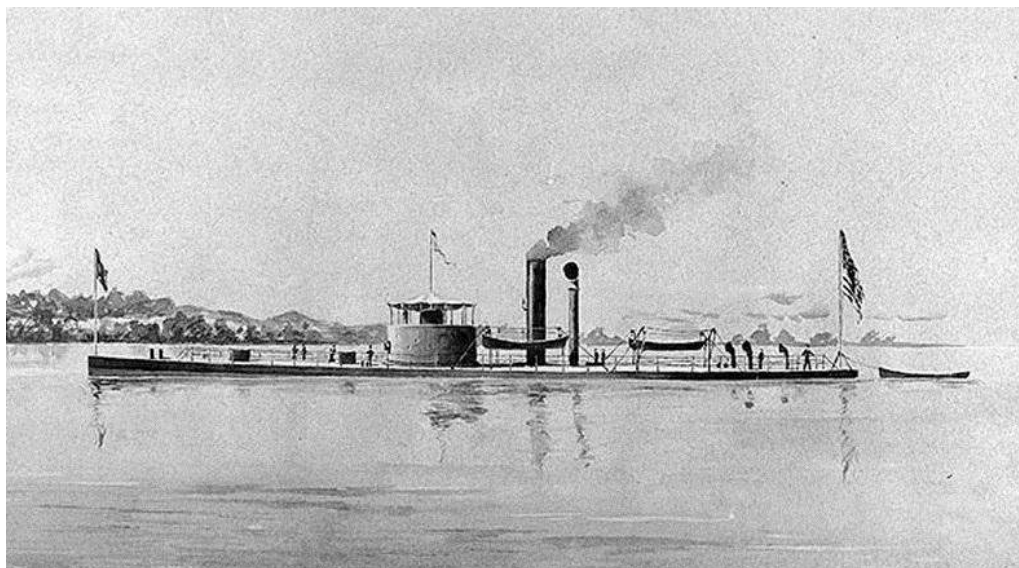

Рис. 1. Американский монитор «Пассаик» (USS «Passaic»)

Большую трудность вызывает разбросанность материала и нередко противоречивость данных различных источников, а также сложность органично соединить в одной работе инженерные вопросы и вопросы боевого применения кораблей данного класса. На основании изученных по данной теме литературных источников можно сделать следующие основные выводы: во-первых, имеющиеся труды, очерки, отдельные статьи и другие литературные источники требуют обобщения и систематизации в соответствии с современными взглядами на теорию и практику военного кораблестроения; во-вторых, имеющиеся разрозненные материалы требует всестороннего подробного анализа с целью систематизации и обобщения информации, содержащейся в них, и определения ее значения для современных условий.

Автор, по мере сил, попытался в данной работе решить указанные задачи. Успешные действия мониторов в сражениях гражданской войны САСШ сломали предубеждения моряков, и во многих странах мира стали лихорадочно строить корабли, о которых еще совсем недавно отзывались, как о «консервных банках на плотах». «Теперь признано всеми, – писал один из ярких энтузиастов мониторостроения, – что ни одно судно не может носить настолько толстую броню. Если ход событий не будет остановлен новым открытием, то бортовой броненосец должен исчезнуть безвозвратно. Мониторы же станут единственными боевыми судами». [2]

Первой «почин» подхватила Россия. Так как в то время первоочередной задачей было создание кораблей для обороны Кронштадта и побережья Финского залива, то было решено заменить старые и слабые канонерские лодки сильными кораблями нового типа. Для этой цели, вроде, отлично подходили американские мониторы. В США была срочно послана комиссия для детального ознакомления с этими судами, и на основании ее выводов принято решение строить их у себя. Решение воспользоваться американским проектом вызывалось отсутствием времени, средств и опыта строительства броненосных кораблей. В августе 1862 года в списки Балтийского флота зачислили сразу 10 мониторов, построенных по чертежам «Пассаика», привезенным из Америки капитаном корпуса корабельных инженеров Николаем Алексеевичем Арцеуловым (1816–1863), посланным в 1862 году в США для изучения постройки броненосных судов. Однако это было не простое копирование, проект был переработан. По приказу Управляющего министерством адмирала Н.К. Краббе (1814–1876) следовало начать постройку «американской броненосной лодки», внося в проект «изменения для улучшения ее конструкции». 16 марта 1863 года Арцеулов возвратился в Россию и сразу приступил к проектированию и постройке мониторов типа «Ураган». [3]

В мае 1863 года ему присвоен чин подполковника Корпуса корабельных инженеров, но 28 ноября 1863 года талантливый инженер умер от разрыва сердца прямо на стапеле строящегося корабля. В 1864–1865 годах, судостроители Н.Г. Коршиков (1825–1872), Х.В. Прохоров (1835–1884) и другие, после скорострительной смерти Арцеулова, всего лишь за один год достроили спроектированные им десять мониторов, которые первоначально классифицировали как «башенные броненосные лодки». [3]

Рис. 2. Николай Алексеевич Арцеулов (1816–1863), справа

Два из них – «Ураган» и «Тифон» – строились на казенной верфи, а остальные – по подряду на частных заводах. Только два корабля – «Колдун» и «Вещун» – изготовлялись по частям в Бельгии на заводе общества «Коккерилля» и собирались в Петербурге, остальные полностью строились на территории России, правда, почти целиком из английского железа. После выполнения всех работ каждый подрядчик получил установленную Кораблестроительным департаментом сумму (600 тыс. руб. за каждый корабль). [4]

С началом постройки кораблей немалые трудности испытало Новое адмиралтейство. Значительной реконструкции подверглась верфь, не приспособленная для строительства броненосных судов. Встретились затруднения и с наймом мастеровых, которых требовалось до 300 человек в день. Кораблестроительный департамент запросил даже приволжские губернии о присылке мастеровых. К работам по строительству привлекались и морские команды, находившиеся в Санкт-Петербурге. Башни, бронекожухи на трубы, штурвалы и прочее оборудование заказали на Ижорском заводе. Гибку килевых листов выполнили на частном заводе «Дей и К^о». [5]

Водоизмещение 1566 т, длина 61,3 м, ширина 14 м, осадка 3,3 м, высота борта 46 см. Толщина брони борта составляла 127 мм (5 слоев по 25,4 мм), башни – 280 мм (11 слоев), боевой рубки – 203 мм (8 слоев). Скорость не превышала 6–7 узлов. Вооружение состояло из двух 381-мм гладкоствольных орудий, размещенных в башне Эриксона высотой 2,7 м и диаметром 6,8 м. Железная крыша башни являлась основанием для боевой рубки. Экипаж по штату 1865 года состоял из 8 офицеров и 88 нижних чинов.

Конструкция броненосных башенных лодок в основном повторяла американский тип. Водоизмещение составляло 1500-1600 т, наибольшая длина 61,3, ширина 14, осадка 3,3, высота надводного борта 0,46 м. Корпуса имели большие свесы в носу – для размещения четырехлапного втяжного якоря (впоследствии названного «мониторным») – и в корме – для прикрытия руля и винта от снарядов. Длина кораблей без свесов равнялась 53, ширина 12,6 м. Корпуса разделялись переборками на шесть отсеков. В первом с кормы находится батарея электрического телеграфа и помещение для механических припасов; во втором помещается механизм с котлами; в третьем уголь; в четвертом механизм для вращения башни, камбуз и шульцы; в пятом помещение для команды и офицеров и крюйт-камера; в шестом же, носовом, брашпиль. [5]

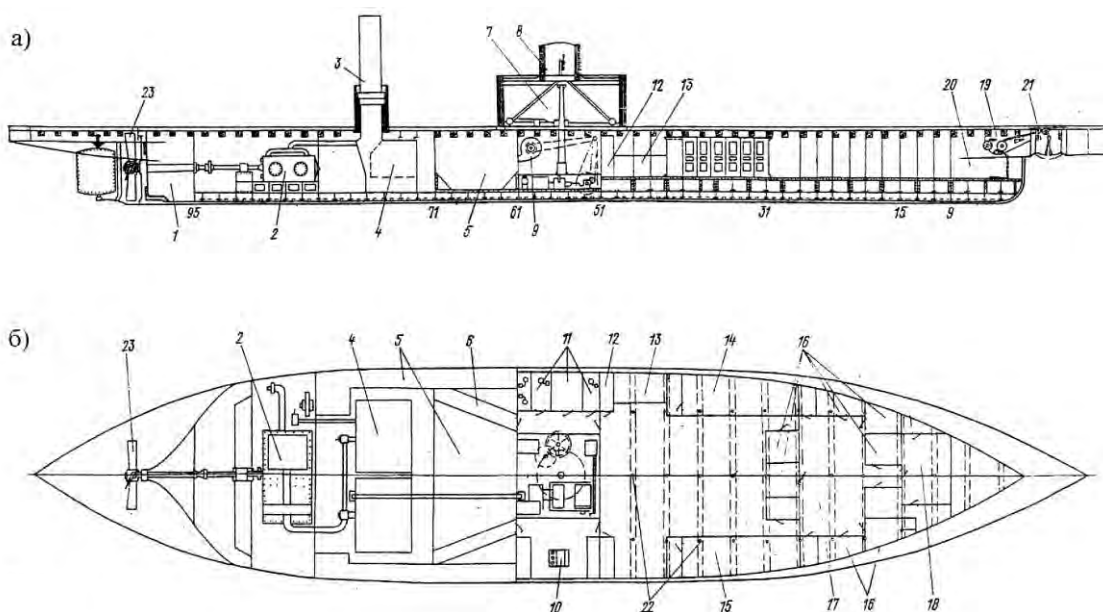

Рис. 3. Броненосная башенная лодка типа Ураган. 1864 г. (а-продольный разрез; б-план верхней палубы, в-теоретический чертеж корпуса) 1-ахтерпик; 2-паровая машина; 3-дымовая труба, 4-котел; 5 угольная яма; 6-коридоры для прохода к котлам и машине. 7- башня системы Эриксона, 8-боевая рубка, 9-вентиляторная машина, 10-камбуз, 11-галъюн, 12-кладовая, 13-рундуки; 14-бомбовый погреб; 15-крюйт-камера; 16-офицерские каюты; 17-кают-компания, 18-каюта командира, 19-брашпиль, 20-цепной ящик; 21-якорный клюз; 22-пиллерсы. 23-гребной винт.

На верхней палубе, не имеющей фальшбортов, около середины длины лодки помещается вращающаяся башня с двумя орудиями, а над ней другая неподвижная башня или рубка для рулевого и командира. Дымовая труба на высоту 203 мм от палубы покрыта блиндированным кожухом, составленным из 6 рядов 1-дюймовых листов. Поперечный набор корпуса состоял из шпангоутов уголкового железа (100 x 12,7 мм) и дубовых бимсов (300 x 300 мм), коробчатый киль – из 18,9-мм железа, фор- и ахтерштевни – кованые, обшивка из листового 12,7-мм железа. На 51 и 61 шпангоутах устанавливались водонепроницаемые переборки из 12,7-мм железа. Палуба настилалась из двух слоев сосновых брусьев. [6]

Энергетическая установка состояла из двух трубчатых котлов системы Мортон и горизонтальной двухцилиндровой машины системы Гомфрейса мощностью 340–500 л.с., работавшей на четырехлопастный гребной винт диаметром 3,6 м. Скорость (на разных кораблях) достигала от 6,5 до 8 уз. Кроме того, имелись две паровые двухцилиндровые машины для привода машинного вентилятора (20 л.с.) и для подъема и поворота орудийной башни (15 л.с.). Запаса угля (190 т), хранившегося в двух бортовых и одной средней угольных ямах, хватало на 10 суток хода при скорости 6 узлов. Вооружение первоначально состояло из двух 229-мм стальных гладкоствольных орудий, заряжавшихся с дула, с чугунной оболочкой, размещенных в башне. Башня сверху закрывалась рельсовым железом. Рельсы, уложенные на расстоянии 75 мм один от другого, покрывались сверху железными листами толщиной 12,7 мм с просверленными для вентиляции отверстиями. [6, 7]

В 1869 году броненосные башенные лодки перевели в класс мониторов. За год до того их перевооружили новыми 381-мм гладкоствольными чугунными орудиями, отлитыми в Петрозаводске по образцу американских дальгреновских. С принятием нового вооружения увеличилась осадка, и, чтобы сохранить ее в допустимых пределах, пришлось убрать часть балласта. В 1878 году последовало очередное перевооружение: на мониторы установили 229-мм стальные нарезные орудия Обуховского завода с боезапасом по 150 выстрелов на ствол, который хранился первоначально в ящиках, но после переделки кройт-камер – на стеллажах.

Таблица 1

Постройка и испытание броненосных башенных лодок типа «Ураган»

Название.	Место постройки	Даты			Скорость (узлы)	Дата приемки в казну
		закладки	спуска на воду	испытания		
«Броненосец»	Завод «Карра и Макферсона»	12.12.1863	12.03.1864	09.10.1864	7,75	25.01.1865
«Латник»	То же	12.12.1863	10.03.1864	31.05.1865	7,5	09.07.1865
«Тифон»	«Новое адмиралтейство»	19.11.1863	14.06.1864	19.06.1865	6,7	нет сведений
«Ураган»	То же	19.11.1863	15.05.1864	31.05.1865	6,5	нет сведений
«Лава»	Завод «Семянникова и Полетики»	03.12.1863	27.05.1864	12.07.1865	6,5	20.08.1865
«Перун»	То же	03.12.1863	18.06.1864	16.08.1865	6,75	20.08.1865
«Единорог»	«Галерный остров»	19.11.1863	21.05.1864	19.06.1865	5,75	15.07.1865
«Стрелец»	То же	19.11.1863	21.05.1864	06.06.1865	6	15.07.1865
«Вещун»	«Общество Коккериль и К ^о » в Бельгии	27.11.1863	26.04.1864	21.07.1864	6,75	Нет сведений
«Колдун»	То же	27.11.1863	26.04.1864	21.07.1864	6	Нет сведений

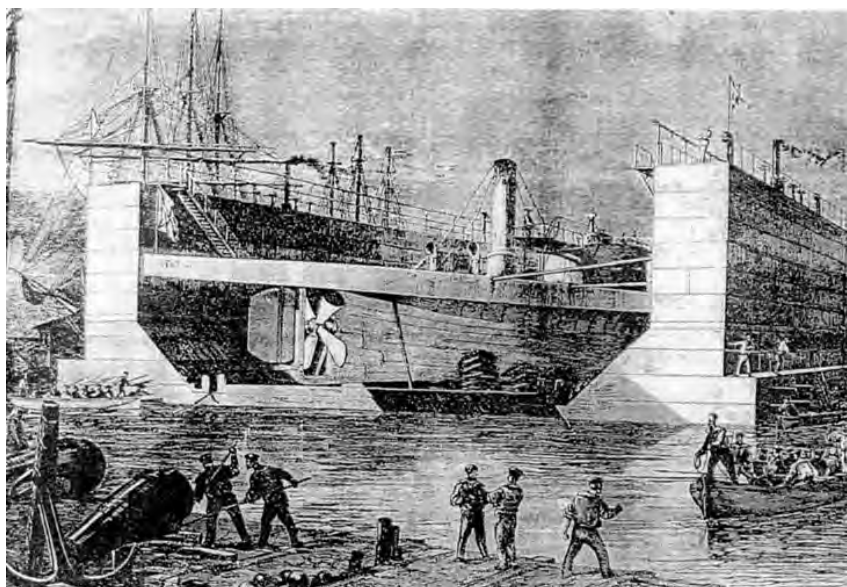

Рис. 4. Спуск броненосной башенной лодки «Латник», 10.03.1864

Результаты

В ходе эксплуатации в результате модернизаций силуэт мониторов претерпел значительные изменения. В корму от башни соорудили ходовой мостик, куда на ростры подняли с палубы шлюпки, что увеличило угол обстрела орудий до 310°. Кожух светового люка также подняли до уровня мостика, что позволило держать его открытым во время хода. Изменилось вооружение – на спонсонах башни установили три скорострельных орудия. Для защиты орудийной прислуги крышу

башни обнесли бронированным фальшбортом. Еще одно орудие установили на мостике за трубой. Для защиты палубы от навесного огня решили забронировать ее 12,7-мм броней. Палубные броневые листы (2,7 x 0,98 м) положили поверх деревянного палубного настила; перед установкой брони палубы прокрашивали несколько раз суриком. [5]

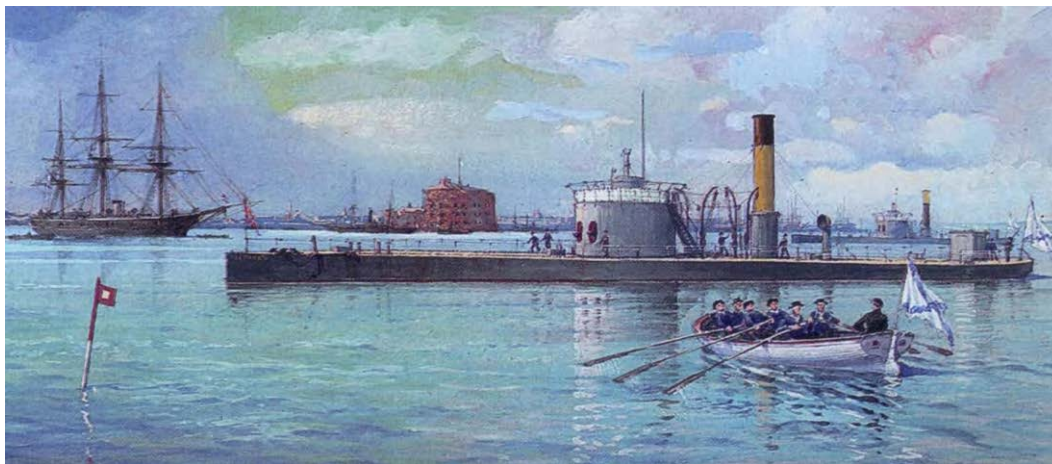

Рис. 5. Монитор типа «Ураган», вид на момент вступления в строй.

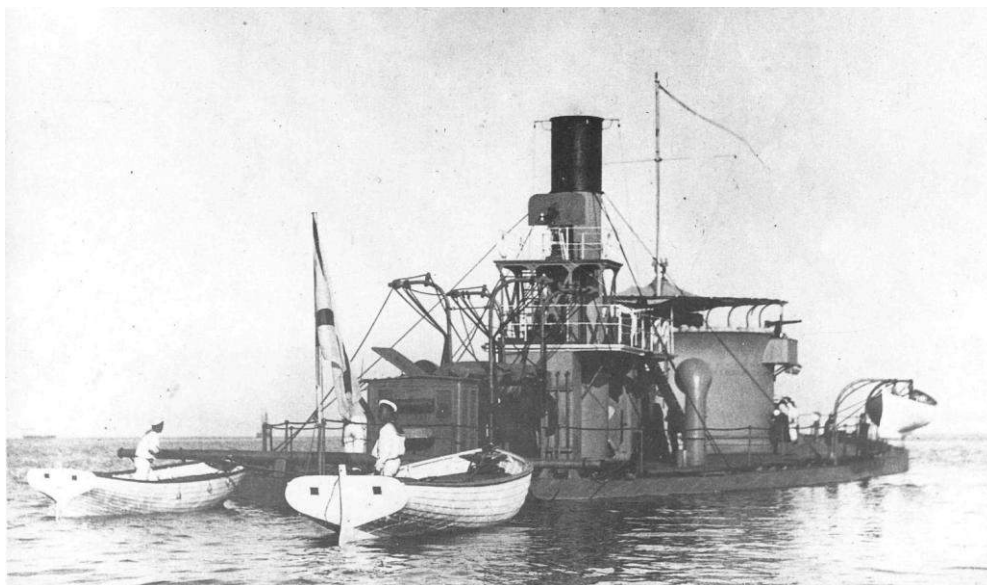

Рис. 6. Монитор «Ураган», после установки мостика и дополнительной артиллерии.

При испытании выяснилось, что на ходу при сильном волнении вода заливает палубу и попадает под основание башни, на горячие части машин подбашенного отделения, в результате чего образуется пар, проникающий в башню. Перед башней образуется бурун, отдраить ставни амбразур невозможно. Корабли долгое время служили школой подготовки флотских кадров. В 1900 году их исключили из списков флота и сдали в порт для использования в хозяйственных нуждах. Позже 5 корпусов переделали в угольные баржи, а корпуса бывших мониторов «Тифон» и «Единорог» переделали в плавучие минные склады и вновь зачислили в состав флота как блокшивы № 3 и № 4. Блокшив № 3 в 1918 году захватили в Гельсингфорсе финны, а блокшив № 4, находясь в распоряжении минно-торпедного управления, принял участие в Великой Отечественной войне, обеспечивая боевую деятельность кораблей Балтийского флота; уже после войны его сдали на слом [8].

Одновременно с классическими мониторами в Санкт-Петербурге на Галерном острове средствами английского подрядчика Ч. Митчелла* построили броненосную лодку «Смерч» с двумя одноорудийными башнями системы Кольза. В отличие от башен Эриксона, лежавших всем своим торцом по периметру непосредственно на палубе и для поворота приподнимавшихся на центральной опорной колонне, башни Кольза устанавливались на катки, расположенные по периметру стен и, не нуждаясь в предварительном приподнимании, поэтому были всегда готовы к повороту. Благодаря открытому пространству башни ниже палубы несравненно улучшились подача боеприпасов, а также условия обитания башни, пространство которой сообщалось с обширным подбашенным отделением. Вращение башенных установок производилось посредством паровой машины мощностью 6 л.с.

Машина снабжалась своим котлом системы Фильда и помпой двойного действия. За право изготовления башенной установки системы Кольза Морское министерство обязалось выплатить ему 259 фунтов 17 шиллингов; правда, половину этой суммы отнесли на счет Митчела. Применение башен этой системы на «Смерче» стало первым в России и одним из первых в мире (впервые такие башни были установлены на английской броненосной батарее «Ройал Соверейн» в 1862 году). [9]

Рис. 7. Блокшив №4 бывший монитор «Тифон».

*Известный английский судостроитель и талантливый инженер Чарльз Митчелл (Charles Mitchell, 1820–1895) родился и вырос в Абердине, но после окончания университета переехал в Ньюкасл (24 сентября 1842 г.), где работал на верфи Уокера. В 1852 году он основал собственную верфь. С 1857 года Митчеллом построено значительное число паровых судов для России, и в 1862 году он был приглашен в Петербург, чтобы руководить преобразованиями русских верфей для строительства железных кораблей. За заслуги в этом деле награжден орденом Св. Станислава 2-й степени (обычная награда для не слишком знатных иностранных граждан). На Галерном острове основал свой судостроительный завод, который в дальнейшем был выкуплен русским правительством. С 1867 года У. Армстронг заключил неофициальное соглашение с Митчеллом, чтобы он вооружал свои корабли только его артиллерией, это сотрудничество превратилось в постоянное партнерство, и в 1882 году обе компании слились. Последние 30 лет жизни Митчелл был очень богатым и процветающим человеком.

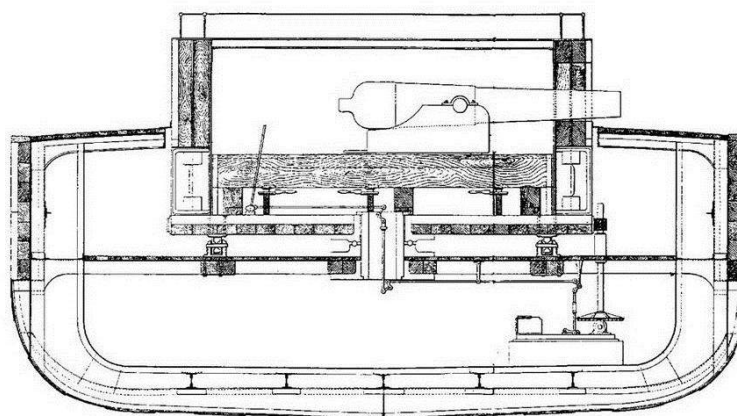

Рис. 8. Конструкция башни Кольза

Главная энергетическая установка включала в себя две двухцилиндровые горизонтальные машины завода «Моделей, сыновья и Фильд» (Великобритания) суммарной мощностью 700 л.с. Пар в машины подавался от двух огнетрубных котлов с дымогарными латунными трубками. Для подвозки угля на тележках из носовых угольных ящиков к топкам между котлами проложили рельсовые пути. Емкость угольных ящиков составляла 110 т, что обеспечивало дальность плавания около 600–800 миль. Главная установка вращала два гребных винты. Гребные винты диаметром

2,4 м, четырехлопастные с поворотными лопастями, могли легко разобцаться с гребными валами и снабжались устройством для поворачивания лопастей.

Первоначально «Смерч» классифицировали как башенную броненосную лодку. 10 мая 1869 года его переклассифицировали в монитор, а 1 февраля 1892 года — в броненосец береговой обороны, но, не смотря на все изыски, корабль фактически был монитором. Заложен 19.11.1863, спущен на воду 11.07.1864, вошел в строй в 1865 году. [6, 9]

Водоизмещение 1521 т, основные размерения 57,5 x 11,6 x 3,5 м, высота надводного борта 0,8 м, скорость 8,3 узлов, экипаж по штату 1865 года 11 офицеров и 122 нижних чина. Бронирование: башни — 114 мм, около амбразур 152 мм; пояс — 114–102 мм; палуба и кожух дымовой трубы — 25,4 мм; боевая рубка — 114 мм. Принципиально новым решением явилась броневая защита дымоходов, во избежание повреждений котлов осколками снарядов. С этой целью дымовую трубу на «Смерче» обнесли кожухом из четырех плит толщиной 25,4 мм и высотой 1,22 м от верхней палубы. Для возможности съемки с якоря под огнем противника шпиль на палубе заменили брашпилем, с проводкой цепи с верхней палубы. [5]

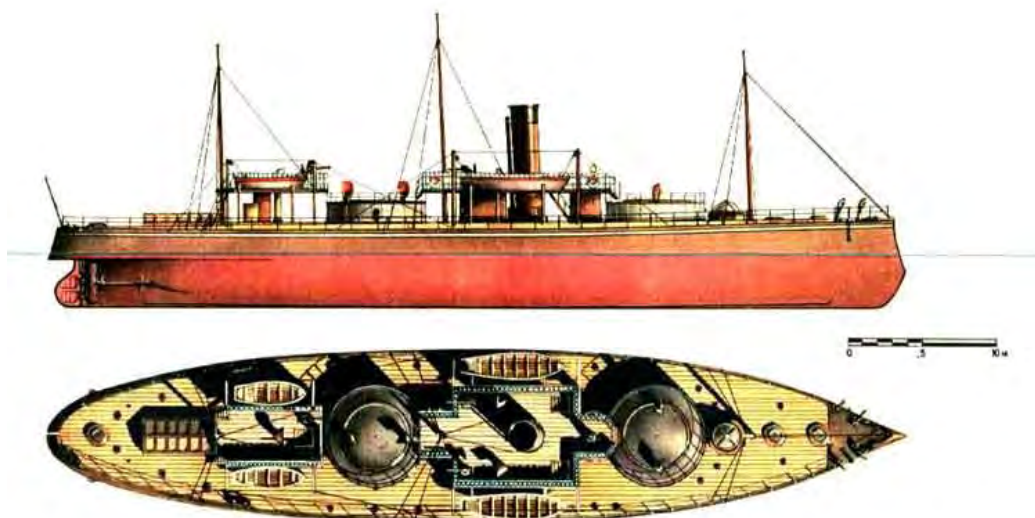

Рис. 9. Башенная броненосная лодка «Смерч»

На «Смерче» впервые в отечественном флоте применили сплошную броню из кованных железных плит толщиной 114 мм. До этого броню традиционно изготавливали из нескольких слоев железных листов, соединенных между собой заклепками. Вооружение: первоначально четыре 60-фунтовые пушки (196-мм гладкоствольные бомбовые); в 1867 году на «Смерче» установили первые в русском флоте нарезные орудия, заряжающиеся с казенной части калибра 203-мм, изготовленные фирмой Круппа (Германия); с 1870 года два 229-мм орудия* образца 1867 года и четыре 37-мм пушки Норденфильда. [6]

*Большая заслуга в разрешении проблемы перевооружения кораблей принадлежала начальнику артиллерийской части Кронштадтского порта генерал-лейтенанту Ф.В. Пестичу (1821—1894). По его проектам и под его непосредственным руководством на Кронштадтском морском заводе и в артиллерийских мастерских Кронштадтского порта изготовили нескольких вариантов орудийных станков для орудий разного калибра. После многочисленных переделок и испытаний на Морском артиллерийском полигоне Волкова поля Ф.В. Пестичу в 1871 году удалось разработать оптимальную конструкцию башенного станка для 229-мм нарезной пушки, которыми снабдили все наличные башенные установки на кораблях.

Многими авторами указано, что «Смерч» строился по чертежам датского монитора «Рольф Кранке» («Rolf Krake»), выписанным из Англии, но по заявлению строителя корабля английского инженера Митчелла, проект он разрабатывал сам. Действительно, имея большой опыт проектирования и постройки для русского флота ряда броненосных кораблей («Первенец» и др.), Митчелл вряд ли нуждался в чужом проекте. [10]

Первое плавание с эскадрой оказалось непродолжительным. 23 июля 1865 года «Смерч», следуя финляндскими шхерами между островами Спаргольм и Стокгольм, ударился о необозначенный на карте подводный риф. Несмотря на немедленно задраенные двери носовой водонепроницаемой переборки, вода быстро распространилась по вентиляционным трубам, клапаны которых или оказались недостаточно надежными, или неплотно закрытыми. Водоотливные средства не смогли справиться с поступающей водой. Умело подведенный пластырь из обыкновенного паруса

мог бы спасти корабль, но эскадра, как и все флоты мира, продолжавшие и после этого случая терять корабли даже от незначительных пробоин, еще не знала этого простого и надежного средства. Благодаря наличию переборок «Смерч» продержался на воде два часа, однако его гибель послужила грозным предупреждением флоту и потребовала нового подхода к обеспечению кораблей средствами борьбы за живучесть и необходимости настойчивого обучения экипажей методам этой борьбы. Лишь приход на эскадру мичмана С.О. Макарова (1849–1905) положил начало разработке учения о непотопляемости корабля. [8]

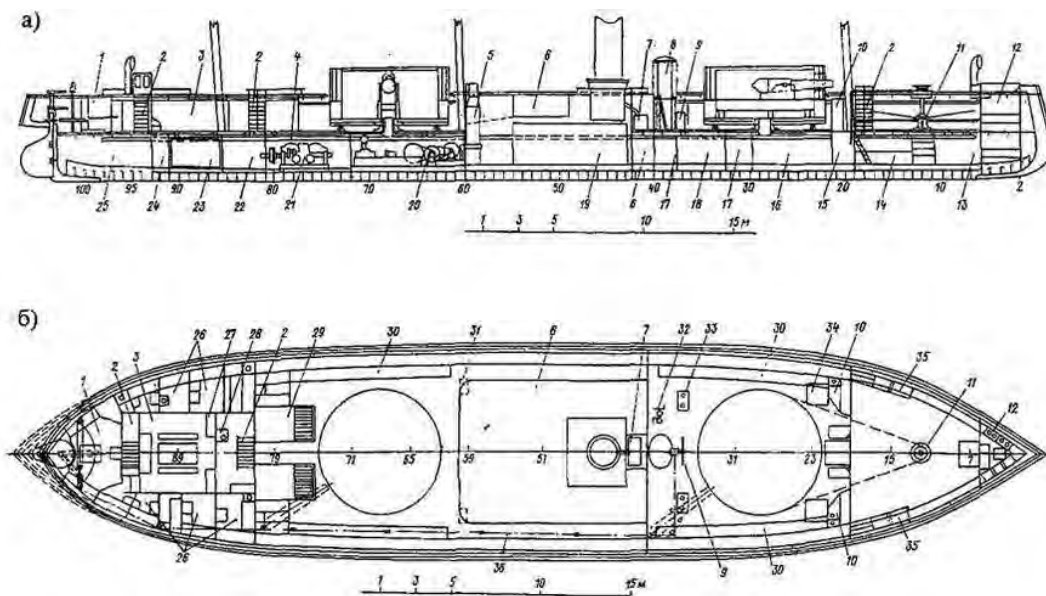

Рис. 10. Схема двухбашенной броненосной лодки «Смерч» (а – продольный разрез, б – план нижней палубы). 1 – каюта командира; 2 – трап, 3-кают-компания; 4-вентиляционная магистраль, 5-вагранка для плавления металла. 6-угольные ящики, 7-камбузы, 8-боевая рубка; 9-штурвал рулевого управления; 10-каюта боцмана; 11-ручной шпиль, 12-галюн; 13-кладовая; 14-шкиперская. 15-цепной ящик, 16-хранилище артиллерийских принадлежностей; 17-водяные цистерны, 18-крыйт-камера; 19-котел; 20-вспомогательная паровая машина; 21-главная машина; 22-провизионный погреб, 23-бомбовый погреб; 24-погреб для ядер; 25,26,27-офицерские каюты; 28-люк для подачи бомб, 29-световой люк; 30,35-рундуки, 31-угольный люк, 32-насос; 33-люки подачи пороха; 34-сходной люк; 36-штуртрос.

20 августа 1865 года «Смерч» подняли, применяя впервые мягкие резиновые понтоны, разработанные А.Ф. Александровским — создателем испытывавшейся в те годы в Кронштадте первой отечественной подводной лодки с механическим (пневматическим) двигателем. Восстановленный «Смерч» вошел в состав броненосной эскадры под командованием вице-адмирала Г.И. Бутакова (1820—1882). В те годы эскадра стала подлинной школой новой тактики возрождавшегося после Крымской войны на базе качественно новой техники русского флота, школой передового опыта нового броненосного судостроения, кузницей кадров, полигоном для испытания новейшей техники. Переклассифицированный в 1892 году в броненосец береговой обороны, корабль продолжал свою службу в составе учебных отрядов флота. К прежним 229-мм орудиям добавили четыре 87-мм пушки образца 1867 года и четыре 37-мм револьверные пушки. Скорость корабля к тому времени не превышала 6,5 уз. В 1882 году на корабле установили новые котлы, изготовленные Кронштадтским пароходным заводом, а в 1889 году заменили часть сильно изношенных листов днища.

В 1894 году корабль исключили из списков флота и разоружили. Корпус его, несмотря на износ, находился в удовлетворительном состоянии и в 1909 году. Его использовали в качестве блокшива (блокшив № 2). В годы Первой мировой войны корабль использовался как плавучий склад мин заграждения (до 650 шт.). В апреле 1918 года из-за невозможности перехода во льдах «Смерч» оказался интернированным в Гельсингфорсе, но 18 мая 1918 года по Брестскому договору перешел в Кронштадт и продолжал служить флоту в качестве блокшива (с 1924 г. под № 3. с 1932 г. — № 1), 7 октября 1941 года потоплен артиллерийским огнем противника. Поднят АСС КБФ в 1942 году и отремонтирован. Исключен из списков ВМФ 24 сентября 1959 года и сдан на слом. [5]

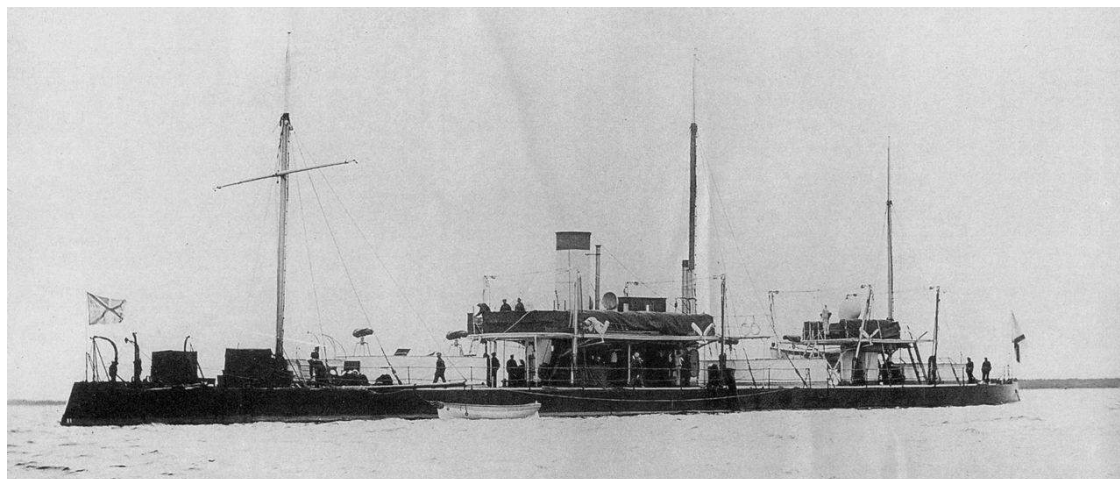

Рис. 11. Башенная броненосная лодка «Чародейка». 1894 г.

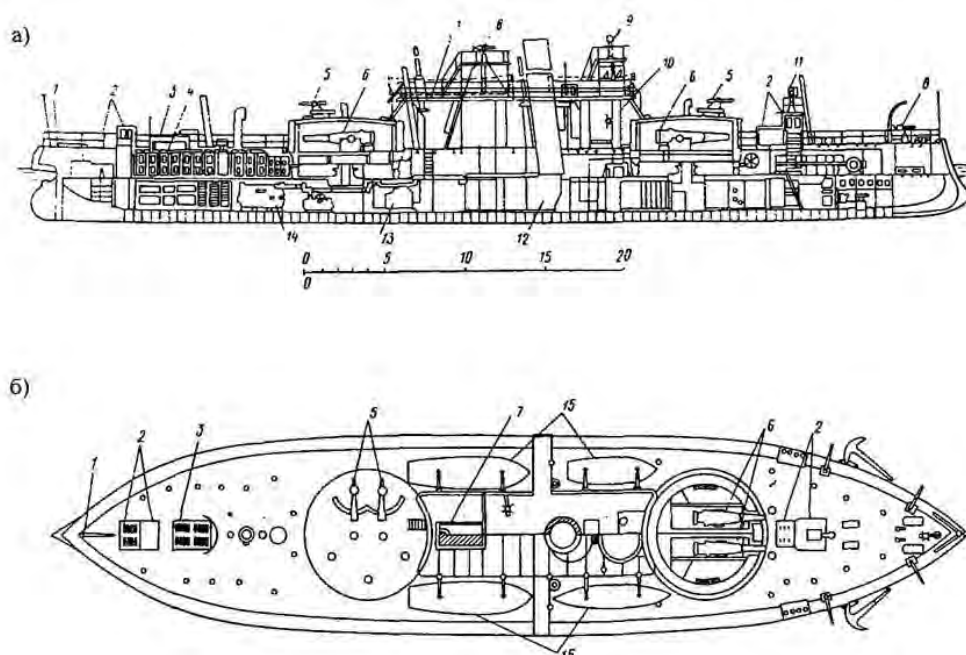

Рис. 12. Схема броненосной лодки «Чародейка» (а – продольный разрез; б – план верхней палубы).
 1 – румпель; 2 – световой люк и тамбур; 3 – световой люк, 4 – офицерские каюты; 5 – 87-мм орудие;
 6 – 229-мм орудие; 7 – люк котельного отделения, 8 – 37-мм орудие Готchkисса; 9 – главный компас,
 10 – боевая рубка, 11 – прожектор, 12 – паровые котлы, 13 – паровая помпа, 14 – паровая машина;
 15 – шлюпки

Следующие две однотипные броненосные лодки, стали дальнейшим развитием проекта «Смерча» и отличались от него несколько большим водоизмещением и более сильным вооружением (четыре 229-мм орудия вместо двух). Подряд на их строительство первоначально получил купец С.Г. Кудрявцев*, но после его смерти (в августе 1865 года) вдова передала подряд фирме «Митчел и Ко», строившей корабли там же, где и «Смерч», – на верфи Галерного острова. 29 мая 1865 года на ее стапелях судостроители произвели закладку килей этих кораблей, впоследствии получивших названия «Русалка» и «Чародейка», что вызвало скандал со стороны православной церкви, которая в результате отказалась освящать корабли с языческими наименованиями, 31 августа 1867 года корабли были спущены на воду, а уже весной 1869 года были готовы к плаванию. [5]

*Кудрявцев, Сергей Григорьевич (? – 1865) – петергофский купец, коммерции советник, подрядчик флота, купец 1 гильдии, один из основателей Обуховского завода. Был известен, как дельный и безукоризненно честный человек.

Водоизмещение 2028 т, мощность паровой машины 705 л. с., скорость хода 9 узлов, экипаж 13 офицеров и 170 нижних чинов. Длина наибольшая 62,9 м, ширина 12,3 м, среднее углубление 3,3 м. Бронирование: борт и башни – 98–114 мм; рубка – 140 мм. Вооружение: четыре 229-мм орудия и четыре скорострельные пушки. Броня бортового пояса состояла из двух рядов плит. Это были первые корабли с броней отечественного производства, прокатанной на Камском и Ижорском заводах. [8]

Корпуса кораблей типа «Русалка» были построены по клетчатой системе с двойным дном. Киль набирался из листов размером 610 на 14 мм, шпангоуты – из «углового» железа 102 на 76 на 10 мм. Люки на верхней палубе с комингсами имели высоту 457 мм и снабжались 25 мм боевыми железными и штормовыми деревянными крышками. Форштевень оканчивался тараном с выступом 1,4 м. Для защиты от заливания верхней палубы, располагавшейся всего на 0,6 метра от ватерлинии, проектом предусматривалось устройство откидного фальшборта по всему периметру палубы. Однако эффективность такой меры и дальнейшем не подтвердилась, фальшборт в 1867 году сняли, а для удобства управления между башнями установили мостик шириной 3,6 м с узкими поперечными площадками для «походных фонарей». По краям мостика размещались коечные сетки и шлюпки: десятивесельный катер, шестивесельный вельбот, четырех- и двухвесельные ялы. Комингсы люков между башнями довели до уровня мостика, фальшборт заменили леерным ограждением. [5]

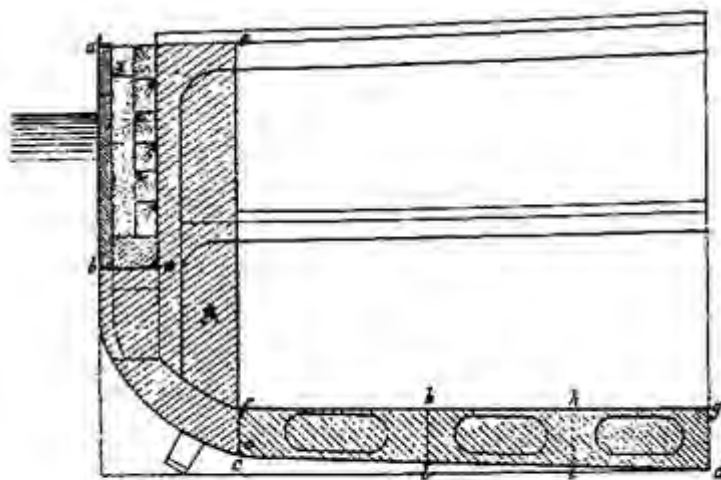

Рис. 13. Мидель-шпангоут броненосной лодки «Чародейка».

Проектом предусматривалось вооружить каждую из лодок четырьмя 300 фунтовыми (229-мм) стальными нарезными орудиями – по два в башне. Однако их производство своевременно не наладили, поэтому летом 1867 года оба корабля решили вооружить четырьмя 381-мм чугунными гладкоствольными пушками производства Олонцкого завода. В соответствии с этим амбразуры башен расширили до 760 мм (высота 990 мм). Фактически же в кампанию 1869 года каждую лодку вооружили двумя 229-мм стальными нарезными орудиями образца 1867 года, располагавшимися в носовой башне, и двумя 381-мм – в кормовой. К 1871 году на «Русалке», а несколько позднее и на «Чародейке», гладкоствольные орудия заменили нарезными. [10]

Боезапас хранился в двух крыйт-камерах и двух бомбовых погребах – по 75 снарядов и зарядов на каждый ствол. При максимальном угле возвышения орудий 7° дальность стрельбы достигала 15 кабельтовых. В 1870-х годах лодки снабдили противоминной артиллерией, количество и система которой многократно менялись: на крышах башен устанавливались 87-мм, на мостике и верхней палубе – скорострельные 42-мм пушки Энгстрема, 37-мм пятиствольные Готчкисса, 25-мм Пальмкранца. 1 февраля 1892 года обе лодки переклассифицировали в броненосцы береговой обороны. [8]

Механическая установка каждой лодки состояла из двух горизонтальных паровых машин (диаметр цилиндров 965 мм, ход поршня 457 мм) с клапанами отсечки пара и холодильниками. Дымоходы двух огнетрубных котлов с четырьмя топками каждый (рабочее давление пара 1,6 атм) имели одну трубу диаметром 1,7 м. Каждая машина работала на четырехлопастной винт (диаметр 2,6 м). Контрактом предусматривалось, что при нарицательной мощности каждой машины 200 л.с. они должны на испытаниях развить суммарно не менее 700 л.с. Помпы и вентиляторы работали от вспомогательной машины. Угольные ямы вмещали 150 т угля. На испытаниях в 1869 году «Чародейка» развила скорость 8,5 уз при индикаторной мощности машин 786 л.с., а «Русалка» – 9 уз при 705 л.с. Дважды (в 1878 и в 1891 гг.) на них меняли паровые котлы. [11]

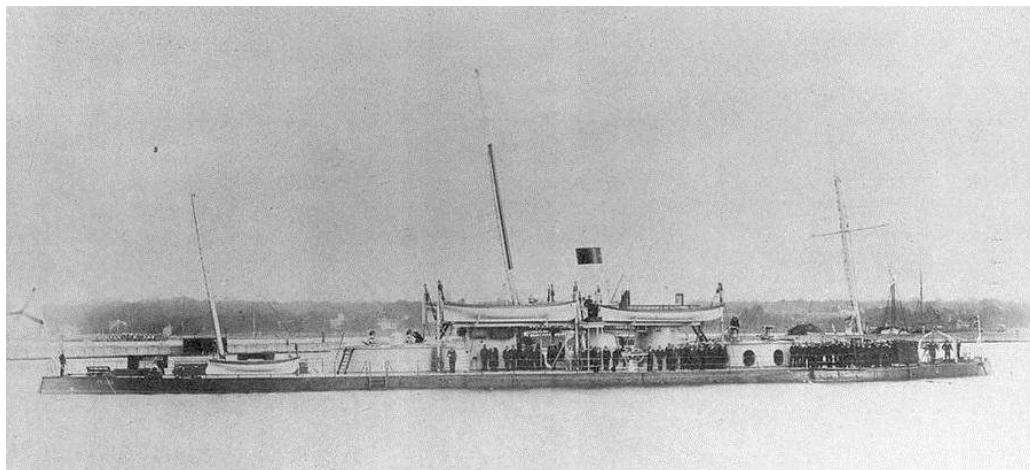

Рис. 14. Башенная броненосная лодка «Русалка». 1894 г.

В 1869 году оба корабля вошли в состав броненосной эскадры Балтийского моря. В июне «Русалка» наскочила на подводные камни в Финском заливе и получила повреждения обшивки носовой части корпуса на протяжении 8,5 м (11-25-й шпангоуты) и 2,7 м ниже ватерлинии. Вода затопила междудонное пространство и начала поступать в отсеки выше второго дна. Для временной заделки пробоины лодку пришлось посадить на мель. Эта сама по себе незначительная авария выявила пробел в обеспечении непотопляемости, побудив служившего тогда на «Русалке» мичмана С.О. Макарова (1848–1904) заняться столь важной проблемой. Как известно, результатом работы будущего прославленного адмирала явился ряд предложений по совершенствованию водоотливной системы, управлению креном и дифферентом, снабжению кораблей пластырями и т.д. Все это было изложено в первом его печатном труде по непотопляемости корабля. [6]

Как говорится, «от судьбы не уйдешь»: 7 сентября 1893 года «Русалка» погибла со всем экипажем. Случилось это при восьмibalльном ветре на переходе из Ревеля в Гельсингфорс. Поиски «Русалки» и команды начались 10 сентября 1893 года в районе Эрансгрудского плавучего маяка, как предполагаемого места гибели корабля. Поисковые работы, в которых участвовали 15 судов, продолжались 37 дней (до 16 октября) и были приостановлены в связи с наступившими заморозками и зимними штормами. В ходе поисков были обнаружены различные предметы и детали надстройки «Русалки». Ни один из офицеров и матросов спасен не был, место гибели броненосца обнаружить не удалось.* [12]

*В июле 2003 года принадлежащее Таллиннскому морскому музею исследовательское судно «Маре» (капитан Велло Мясс) обнаружило на дне Финского залива затонувший корабль, после спуска водолазов опознанный как броненосец «Русалка». Корабль найден южнее района поиска в 1893–1894 годах. Броненосец не лежит на грунте, а стоит вертикально на глубине 74 м, кормой вверх, наполовину погруженный в ил, в 25 км южнее Хельсинки. Эстонскими кинодокументалистами был снят фильм «Тайна „Русалки“».

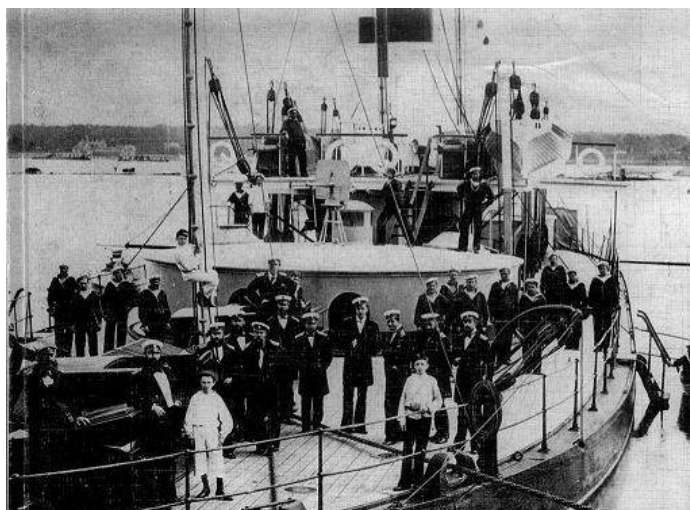

Рис. 15. Броненосная лодка «Русалка» перед выходом в роковой поход.

В 1900 году в ревельских газетах было опубликовано воззвание Комитета по сбору пожертвований для сооружения памятника погибшим. Автором памятника стал известный эстонский скульптор Амандус Адамсон. (Amandus Heinrich Adamson; 1855–1929) Все работы по изготовлению памятника обошлись в 67 159 рублей, из которых сумма 61 000 рублей поступила в виде пожертвований. Памятник был открыт и освящен 7 сентября 1902 года, в девятую годовщину гибели броненосца «Русалка», при большом стечении народа и официальных лиц. Среди погибших на броненосце моряков были и эстонцы, но дело совсем не в этом... Ведь сама история «Русалки», создания памятника ей отнюдь не разъединяет, а соединяет наши народы. Это общая наша история, общий памятник, общая скорбь по погибшим, если мы остаемся людьми. [12]

Рис. 16. Памятник броненосцу «Русалка» в парке Кадриорг (Таллин)

Многолетняя служба «Чародейки» проходила в плаваниях на Балтике в составе броненосной эскадры и Учебного минного отряда. 7 апреля 1907 года устаревший броненосец береговой обороны исключили из списков и передали в Кронштадтский порт на хранение. Проданный по контракту на слом корабль отбуксировали в Петербург и в течение 1911–1912 годов разобрали. [5]

Заключение

Первые плавания выявили много конструктивных недостатков башенных лодок; важнейшие из них – малая высота надводного борта и плохие маневренные качества. При волнении всего 1–2 балла даже на небольшой скорости вода заливала верхнюю палубу, проникая внутрь корпуса сквозь зазоры между палубой и башнями и другие отверстия. В общем, низкобортные мониторы и двухбашенные броненосные лодки имели очень плохую мореходность. Правда, в рекламных целях десять мониторов в 1865 году послали к берегам Швеции. Но обычно они до конца службы не выходили за пределы Финского залива. Однако, для них и там плавать было опасно – «Русалка» погибла со всем экипажем, разделив судьбу самого «Монитора», погибшего в 1862 году у мыса Гаттерас. [12]

«Русалка» и «Чародейка» – последние и наиболее совершенные корабли береговой обороны мониторного типа на Балтике. В ходе их постройки и эксплуатации определилась необходимость совмещения надежной защиты с достаточной мореходностью. Решение этой проблемы нашло отражение в последующих типах броненосных кораблей – башенных фрегатах.

Примечания:

1. Шведе Е.В. Военные флоты. М.: «Военмориздат», 1940. 420 с.
2. Шершов А.В. История военного судостроения. Л.: «Военмориздат», 1940. 426 с.
3. Галлай М.Л. Жизнь Арцеулова. М.: Политиздат. 1985. 264 с.
4. Журнал «Морской сборник», 1863. № 12.
5. Первые русские мониторы (Сборник статей и документов). СПб.: Галея Принт, 1999.
6. РГАВМФ. Ф. 417. Оп.1. Д.72. 135.

7. РГАВМФ. Ф. 227. Оп.1. Д.198.
8. Ачкасов Н.Б., Каторин Ю.Ф. Мониторы и броненосцы береговой обороны. СПб.: «Галлея Принт», 2012. 128 с.
9. Грибовский В.Ю., Черников И.И. Глава 1. Броненосцы береговой обороны в российском флоте // Броненосец «Адмирал Ушаков». СПб.: Судостроение, 1996.
10. Смирнов Г., Смирнов В. «Броня, башни и тараны» // Моделист-конструктор. 1984. № 1.
11. РГАВМФ. Ф.417. Оп.1. д. 74.
12. Гольдман И. «Русалка». — Строительство, плавание, гибель и поиски. Таллин: Ээсти раамат, 1978.

References:

1. Swede E.V. Fleets. M.: "Voenmorizdat", 1940. 420 s.
2. Shershov A.V. History of military shipbuilding. L.: "Voenmorizdat", 1940. 426 s.
3. Gallay M.L. Life Of artseulova. M.: Politizdat. 1985. 264 s.
4. The journal "Sea collection", 1863 g., № 12.
5. First Russian monitors (collection of articles and documents). St. Petersburg: Galeya Print, 1999.
6. RGAVMF. F. 417. Op.1. D.72.
7. RGAVMF. F. 227. Op.1. D.198.
8. Achkasov N.B., Katorin Yu.F. Monitors and the Battleships of coast defense. St. Petersburg: "Galley Print", 2012. 128 s.
9. Gribovskiy V.Yu., Chernikov I.I. Chapter 1. Battleships of coast defense in the Russian fleet // Battleship "Admiral Ushakov". St. Petersburg: Shipbuilding, 1996.
10. Smirnov G., Smirnov V. "Armor, tower and rams" // Modeler-designer. 1984. №1.
11. RGAVMF. F. 417. Op.1. D.74.
12. Goldman I. "Rusalka". Building, floating, loss and searches. Tallin: To eesti raamat, 1978.

УДК 629.12

Первые броненосцы береговой обороны Российского Императорского флота

¹Юрий Федорович Каторин
²Анатолий Павлович Нырк

¹ Университет ИТМО, Российская Федерация
197101, Санкт-Петербург, Кронверский проспект, 49
Доктор военных наук, профессор
E-mail: katorin@mail.ru

² Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова,
Российская Федерация
198035, Санкт-Петербург, ул. Двинская, 5/7
Доктор технических наук, профессор
E-mail: kaf.koib@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассказывается о проектировании и строительстве в России первых башенных броненосных кораблей, приводятся их характеристики, описываются особенности конструкции, а также основные этапы службы в составе Балтийского флота, анализируются достоинства и недостатки проектов. В заключении авторы приходят к выводу, что первые плавания башенных броненосных кораблей выявили много конструктивных недостатков. Низкобортные мониторы и двухбашенные броненосные лодки имели очень плохую мореходность. Тем не менее, в рекламных целях десять мониторов в 1865 году послали к берегам Швеции. В ходе эксплуатации определилась необходимость совмещения надежной защиты с достаточной мореходностью. Решение этой проблемы нашло отражение в последующих типах броненосных кораблей – башенных фрегатах.

Ключевые слова: Балтийский флот, история судостроения, береговая оборона, монитор, броненосец, Н.А. Арцеулов, Чарльз Митчелл.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 38, Is. 4, pp. 924-932, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94 (470.6)

The formation of the religious infrastructure of cities of Kuban and Black Sea region in the context of the development of cross-cultural dialogue (the middle of XIX – beginning of XX century)

¹ Sergey L. Dudarev

² Sergey N. Ktitorov

¹ Armavir State Pedagogical University, Russian Federation
R. Luxemburg street 159, Armavir city, Krasnodar Krai, 352900
Dr. (History), Professor
E-mail: dudarev51@mail.ru

² Armavir State Pedagogical University, Russian Federation
R. Luxemburg street 159, Armavir city, Krasnodar Krai, 352900
PhD (History), Assistant Professor
E-mail: ktitorovsn@yandex.ru

Abstract

The article studies the problems of development of inter-confessional dialogue in the context of the multiethnic composition of the population of cities of Kuban and black sea region of the late XIX – early XX century are. Studied organization and the specifics of the religious life of Russians, Armenians, Germans, Poles, Tatars, Jews and representatives of other ethnic communities of the cities of the region. Shows the process of development in the urbanized environment of intense cross-cultural interfaith communication, which are developed on the basis of mutual respect and close cooperation. Analyzed constructive models of interaction and cooperation of representatives of different faiths. Studied confessional structure of the population the most important urban centers of the region and shows the construction of the temples. The authors conclude that the efforts of state and local authorities, despite the declared supremacy of Orthodoxy, actually was maintained and defended religious pluralism, allow the development of the variety of national cultures.

Keywords: religion, confessional infrastructure, acculturation, religious pluralism, ethnic and religious structure, cross-cultural communication, ethnic tolerance, Russian statehood.

Введение

Важнейшей причиной формирования многонационального и поликонфессионального облика Кубани и Причерноморья явился активный и все возрастающий колонизационный приток сюда переселенцев. Толчком к нему послужили: отмена в России крепостного права (1861 г.); окончание вооруженных действий по покорению Закубанья (1864 г.); массовый уход кубанских горцев мухаджиров в Османскую империю (1859-1864 гг.); разрешение иногородним лицам селиться и приобретать недвижимость на казачьих землях (1868 г.); проведение первой в регионе Ростово-Владикавказской железной дороги (1875 г.); строительство Новороссийско-Сухумского шоссе (с 1891 г.); развитие рекреационной сферы на черноморском побережье (с конца XIX в.) и ряд других факторов.

Узлами миграционных процессов, точками притяжения и концентрации пришлого населения служили, прежде всего, города, превращавшиеся в этот период из преимущественно военно-административных центров в торгово-промышленные пункты, места развития образования и культуры, курорты. Именно сюда, начиная со второй половины XIX в., устремлялись массы переселенцев из различных уголков России и заграницы, поскольку города в силу присущей им многофункциональности обладали обширной и сложной экономической структурой, позволявшей

большинству жителей найти работу. Кроме возможности заработка и коммерческой деятельности приезжих привлекали удобства городской жизни, стремление приобщиться к достижениям культуры, получить соответствующее образование, участвовать в общественно-политических процессах, иметь насыщенный досуг и широкий круг общения.

Поскольку в миграционных потоках участвовали люди разных национальностей, в городах обычно формировался полиэтничный и поликонфессиональный контингент жителей. Кроме русских, составлявших большинство городского населения региона, здесь возникают общины армян, немцев, греков, евреев, поляков, татар, кавказских горцев, грузин, чехов и др. Именно урбанизованная среда, быстро формировавшаяся на Кубани и в Причерноморье со второй половины XIX века, стала зоной интенсивного межэтнического и межконфессионального взаимодействия, где рождались новые явления культурной интеграции, определявшие уникальную специфику регионального социума. Актуальность исследования данных процессов состоит в том, что анализ практик кросс-культурной коммуникации в исторической ретроспективе является необходимым условием для выявления точек соприкосновения интересов представителей различных народов, путей и способов урегулирования межэтнических, а также межконфессиональных коллизий.

Материалы и методы

Наиболее важным материалом для работы послужили данные статистических и справочных изданий конца XIX – начала XX в., содержащих сведения о специфике этнического состава и конфессиональной инфраструктуры городов Кубани и Причерноморья.

Применяемые в исследовании методы включают в себя общеисторические (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, хронологический) и общенаучные (метод восхождения от абстрактного к конкретному, статистический метод, анализ, синтез, индукция, дедукция). Большое значение в работе имеет комплексный междисциплинарный метод, заключающийся в привлечении материалов и подходов целого ряда дисциплин: истории, этнологии, урбанистики, лингвистики, культурологии, архитектуры и т.д. Особую роль в исследовании играет метод городских экскурсий. Этот подход основывается на том, что город как сконцентрированное общественное пространство представляет собой самостоятельный объемный многофункциональный источник информации о себе самом, т.е. о своей истории и современности. В процессе экскурсий-исследований ученый входит в непосредственный зрительный, эмоциональный контакт с объектом изучения, постигая его историческую и культурную сущность. Использование метода городских экскурсий дает ценную информацию об особенностях традиционной для представителей отдельных народов застройки и архитектуры, этнической топографии населенных мест, о конфессиональной специфике жителей отдельных районов и т.д.

Обсуждение

Вплоть до настоящего момента в историографии отсутствует комплексное исследование процессов формирования и специфики конфессиональной инфраструктуры городов Кубани и Причерноморья второй половины XIX – начала XX в. Данная проблематика изучалась применительно к историческому прошлому лишь отдельных центров региона. Поликонфессиональный состав жителей, храмовое строительство и проблемы межэтнического взаимодействия в Екатеринодаре с разной степенью подробности исследовали В. Бондарь, Н. Макаровская, А. Филиппова, В. Бардадым, А. Селиверстов. В контексте освещения истории других городов региона указанные вопросы рассматривали: А. Зорина, А. Герасименко и Л. Селиверстова (г. Новороссийск); А. Гусева и И. Тверитинов (г. Сочи); С. Ктиторов (г. Армавир); Н. Радионова, К. Тюников и Г. Климентьев (г. Ейск).

Результаты

При рассмотрении поликонфессионального состава населения российских городов Северо-Западного Кавказа и Причерноморья, объективности ради, следует заметить, что еще Османская Порта, в целях укрепления своего влияния в этом регионе, постепенно формировала полиэтничную среду вокруг своих городов-крепостей (Анапа, Темрюк, Эски-Копыл, Ени-Копыл и др.), «стремясь тем самым размыть племенные различия адыгов, ослабив традиционный уклад их жизни». Впрочем, вокруг османских укрепленных пунктов жили не только адыги. Темрюк, например, имел пригород, именуемый «варош» (род российского форштадта, т.е. крепостного предместья), в котором было около 60 домов [1]. Сам термин «варош» характерен для венгерского языка, но встречается и в славянских странах (Словения, Западная Украина), возможно, как проявление мадьярского влияния (это только наше предположение). Как бы то ни было, для того, чтобы ослабить межэтническое напряжение, в 1808 г. османами был принят указ, запрещавший употребление бранной клички «гяур» при обращении к христианам, а согласно другому указу сбор хараджа¹ был изъят у откупщиков

¹ Это традиционно выплачиваемый налог на землю в мусульманских странах в средние века; на Северо-Западном Кавказе, скорее всего, утратил жесткую связь с землей (платившие его греки и армяне занимались здесь, прежде всего, торговлей) и слился, по сути, с джизьёй (подушным налогом на немусульман).

и передан в ведение греческого и армянского патриархов. Языком межэтнического общения здесь служил в то время тюркский (татарский) язык, который позднее был заменен русским [2]. Иными словами, еще до российского освоения региона формировался опыт межэтнической коммуникации, который по необходимости (стремление к стабильности и выгоде) требовал смягчения жестких конфессиональных установок в отношении иноверцев, идущих из мировых религий (в данном случае, из ислама).

В российское время полиэтничность превращается в главную структурообразующую характеристику крупнейших городских центров региона – от Новороссийска и Екатеринодара до Владикавказа и Порт-Петровска (с 1922 г. Махачкалы). Она – неотъемлемая черта урбанизма, который для северокавказского региона был и остается наиболее действенным средством интегрирования в универсализм, важным условием для формирования «русскости», с ее синкретическим взаимодействием и взаимовоздействием этносов, преодоления традиционализма, имеющего исторически сложившуюся высокую степень конфликтности [3]. Постоянное взаимодействие жителей на межличностном и межгрупповом бытовом и официальном уровнях создавало толерантное в своей основе коммуникативное пространство, в котором формировалась особая атмосфера этнопсихологического комфорта, влиявшая, в свою очередь, на складывание коллективной ментальности горожан. Интенсивная кросс-культурная коммуникация, в поле которой с каждым годом вовлекались все новые партнеры по межэтническому общению, расширяла горизонты сознания людей, ломала многие стереотипы в восприятии иных мнений, вкусов и убеждений [4].

Чрезвычайно важным было приобщение к городской жизни представителей автохтонных этносов. Переселяясь в города, они приходили к осознанию, что жизнь в урбанизированном пространстве взаимосвязана и взаимообусловлена с другими представителями местного социума и путь к адаптации в нем – это «путь дифференциации, специализации социокультурных групп и профессиональных ролей» [5], иными словами, нахождение здесь своей ниши, пребывая в которой, та или иная группа городского общества может не мешать другой, но, напротив, взаимодополнять ее своими позитивными вековыми специфическими умениями и навыками.

С другой стороны, исторический опыт показывает, что в городах могут формироваться районы, отличающиеся своими социальными характеристиками, которые конкурируют друг с другом и дух соперничества может доминировать над сотрудничеством. Переселенцы с сохранившимися клановыми традициями способны были противостоять тем, которые таковые утратили или имели их в ослабленном виде. Ситуация Северо-Западного Кавказа показывает, что в связи с отбытием основной массы автохтонного населения в качестве мухаджиров в Османскую империю в здешних городах в то время отсутствовали крупные массивы такового с его установками на родовую сплоченность, а вновь прибывшие, в силу изначальной маргинальности своего положения, а также относительной конфессиональной однородности (в основном это различные течения христианства), по необходимости осваивали как объединявший всех русский язык, так и стремились придерживаться тех требований, которые шли от российской администрации. Сама же она, придерживаясь доминирующей роли православия, лояльно смотрела на пестроту христианских деноминаций, которые еще с начала XIX в. рассматривались ею как более предпочтительные по отношению к исламу¹ [6].

В быстрорастущих центрах Предкавказья происходила выработка новых традиций, складывавшихся под влиянием плюралистичной и демократичной в своей основе культурной среды. В этих условиях в конце XIX – начале XX в. рождалась новая ментальность жителей российских городов региона, для которой были присущи такие качества, как: открытость, терпимость, самостоятельность, социальная активность, инициативность, тяга к образованию. На данное явление обратил внимание хорошо знакомый с местной жизнью выдающийся этнограф, лингвист, революционер и литератор В.Г. Богораз (Тан), написавший в 1913 г.: «Я, признаюсь, питаю пристрастие к провинциальным городам, особенно на юге... Новороссийск, Екатеринодар, Майкоп, Армавир. Эти новые степные города с разноплеменным населением, отсутствием традиций, жадным стремлением к школе и каким-то стихийным недовольством и духом оппозиции, представляют как будто ячейки, в которых зарождается и быстро вырастает новая русская раса и новая жизнь» [7].

Вплоть до конца 1860-х гг. в большинстве городов Кубани преобладало этнически однородное восточнославянское казачье и военное население. Исключением являлся только Ейск, изначальное заложенный в качестве портового и торгового города, привлекавшего представителей разных народов. Только в пореформенный период, в связи с указанными выше процессами, этнический состав жителей городов региона резко усложняется.

Спецификой Черноморской губернии была большая, чем на Кубани неоднородность населения, причем не только в городах, но и в сельской местности. После переселения большинства причерноморских адыгов, убыхов и южных абазин в Турцию на опустевших землях в 1860-е гг. стали размещать кубанских казаков и отставных матросов Черноморского флота. Однако непривычный

¹ Об этом говорит, в частности опыт покровительства центральной и, разумеется, кавказской администрации, шотландцам-кальвинистам, проповедовавшим Евангелие среди горцев (колония Каррас) под Пятигорском.

климат (высокая влажность субтропиков, летняя жара, обилие малярийных паразитов, вызывавшие во время военных действий XIX в. большие потери в личном составе российской армии; не лучше обстояло дело и на Северо-Восточном Кавказе [8]), сложный горный ландшафт, бездорожье, неудовлетворительная организация борьбы с эпидемическими заболеваниями (дизентерия, холера, тиф), препятствовали успешной колонизации прибрежной полосы. По этой же причине приток сюда русских крестьян-земледельцев также оказался весьма ограничен. В итоге в регионе формируется очень пестрое население. Рядом с русскими и адыгами на побережье обосновались армяне, греки, грузины, турки, чехи, немцы, эстонцы и др. Все эти обстоятельства наложили зримый отпечаток и на специфику состава населения городов «Кавказской Ривьеры».

Этнические группы населения городов Кубани и Причерноморья имели разную степень организации. В качестве объединяющих факторов могли выступать: корпоративная профессиональная ориентация, территория компактного проживания, национальные учебные заведения, политические группы и партии, просветительские и благотворительные общества, собственные органы внутреннего самоуправления и т.п. Однако важнейшим институциональным условием сохранения национальной идентичности в дореволюционный период являлась религия. На Северо-Западном Кавказе, как и во всей Российской империи, представители разных конфессий имели все возможности для удовлетворения своих духовных нужд.

Храмы различных конфессий крупнейших центров Кубани и Причерноморья в 1910 г. [9]

Города и важнейшие пункты	Храмы и молитвенные дома													
	Православные			Католические		Протестантские		Армянские		Мусульманские		Иудейские		Всего храмов
	Церкви	Монастыри	Часовни	Церкви (костелы)	Молитв. дома	Церкви (кирки)	Молитв. дома	Церкви	Молитв. дома	Мечети	Молитв. дома	Синагоги	Молитв. дома	
Екатеринодар	13	-	5	1	1	1	1	1	1	-	-	1	1	26
Ейск	9	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	10
Майкоп	6	-	-	-	-	-	-	1	-	-	1	-	1	9
Темрюк	3	-	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	7
Анапа	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2
сел. Армавир	2	1	1	-	1	-	1	3	-	1	-	-	-	10
ст. Лабинская	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2
Новороссийск	4	-	-	1	-	1	-	1	-	-	-	1	1	9
Сочи	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
Туапсе	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1

Этническая неоднородность населения стала главным фактором формирования поликонфессионального многообразия культурной среды городов региона. Проживавшие здесь представители различных народов часто придерживались разных вероисповеданий. Например, русские, греки, болгары, грузины исповедовали православие; армяне являлись приверженцами Армянской Апостольской церкви; немцы и эстонцы были лютеранами; поляки и чехи – католиками; евреи – иудеями; северокавказские горцы, татары, персы – мусульманами.

Поскольку основную массу горожан Кубани и Причерноморья составляли глубоко религиозные русские люди, то здесь повсеместно сооружались православные церкви и часовни. Как правило, главный соборный храм возвышался на центральной площади города рядом с важнейшими учреждениями, торговыми рядами или рынком. Самые величественные православные храмы региона располагались в Екатеринодаре: Войсковой Александро-Невский собор (освящен в 1872 г.) и крупнейший на Кубани Екатерининский собор (освящен в 1914 г.). Огромный Михайло-Архангельский собор был возведен в 1865 г. в Ейске [10; 11]. Строились церкви «всем миром», на средства, собираемые простыми горожанами и пожертвования богатых благотворителей.

Помимо главного собора, жители отдельных районов города старались воздвигнуть

собственную капитальную церковь, собирая для этого деньги обычно на протяжении многих лет. Свою лепту в строительство храма стремился внести каждый, так как в этом видели залог спасения своей души. Для отпевания умерших и совершения поминальных служб храмы возводились также на главных кладбищах. Кроме общедоступных приходских церквей в городах имелись и небольшие «домовые» церкви, действовавшие в помещениях учебных заведений, приютов, богаделен, больниц, тюрем и других учреждений.

Количество храмов зависело, прежде всего, от размеров города. Так в 1910 г. в столице Кубанской области Екатеринодаре действовали 18 православных храмов, в том числе 1 собор и 5 домовых церквей. В Ейске в это же время имелось 9 церквей, а в Майкопе – 6. В дореволюционном Новороссийске было 5 православных храмов. Столько же их находилось и в Армавире [12; 13; 14; 15].

Церковь оказывала огромное влияние на души и умы своих прихожан. Православное вероучение воспитывало в людях чувства милосердия и сострадания, призывало к помощи нуждающимся. Святые евангельские заповеди: «Возлюби ближнего своего, как самого себя», «Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя» жили в сердце каждого искренне верующего православного человека [16]. В значительной степени именно эти постулаты определяли уважительный и доброжелательный характер в отношении русских жителей Кубани к людям иной этнической принадлежности.

В тех городах, где формировались крупные общины армян, возводились армяно-григорианские храмы. В начале XX в. больше всего таких культовых объектов находилось в Армавире (церкви: Успенская; Святых Петра и Павла; старая Георгиевская и новая Георгиевская) [17]. В религиозной обрядности коренных жителей Армавира черкесо-гаев отражались их тесные культурные взаимосвязи с адыгами.

Христианство черкесских армян было глубоко синкретичным, переплетаясь с адыгскими языческими традициями и элементами ислама. Увидеть это можно было в храме, или непосредственно рядом с ним. Не желая отказываться от привычных горских традиций, коренные армявирцы иногда пытались добиться у священников благословения на совершение кровной мести. Один из распространенных в Армавире обычаев «вызывания дождя» заключался в том, что во время засухи несколько пожилых черкесских армянок, накинув на себя железные надочажные цепи (это был, в данном случае, глубоко драматический жест! У горских женщин одевание надочажной цепи – очень почитаемого предмета в доме¹ - на шею, или опоясывание ею (осетины) является символом глубокой скорби: так делала вдова последнего представителя семьи, сопровождая покойника на кладбище; выражение «чтобы ты надела на шею свою очажную цепь» считалось у осетин самым тяжелым проклятием) [18], трижды обходили церковь, поливая землю водой и обливая собравшихся зрителей. Подобные традиции существовали и у городского мусульманского населения других районов Северного Кавказа, например в Дагестане. Здесь еще в первой половине XIX в. А.А. Бестужев-Марлинский в были «Мулла-Нур» описал обряд вызывания дождя местными жителями г. Дербента [19]. Эти факты показывают то, как непросто происходил процесс расставания горожан-автохтонов с традиционными обычаями, обрядами, привычками, закрепленными вековой практикой.

В XIX – начале XX в. Армавире службы в храмах проводились на армянском языке, совершенно непонятном для подавляющего большинства черкесо-гаев. По этой причине, священники переводили тексты молитв и проповедей на черкесский, чтобы слова их были услышаны прихожанами. Влияние ислама на религиозную жизнь армявирских армян проявлялось в том, что многие мужчины перед молитвой совершали омовение. Старики обычно приносили с собой в церковь намазлык (коврик для намаза), который подкладывали под ноги во время богослужения. Постепенно по настоянию армянских священников эти традиции, напоминавшие о прежней жизни черкесо-гаев в горах Закубанья, исчезали.

Кроме Армавира армянские храмы также действовали в Екатеринодаре, Майкопе, Ейске и Новороссийске.

Трудами поляков-католиков, а в Причерноморье также и чехов, в некоторых городах возводились костелы. Так, 11 декабря 1894 г. в Екатеринодаре открылась каменная римско-католическая церковь во имя Розария Пресвятой Девы Марии. В начале XX в. духовным очагом поляков Майкопа был костел во имя Святого Антония де Падуа, а в Армавире – костел Ченстоховской иконы Божией Матери. В Новороссийске, где кроме поляков было много чехов, действовал католический храм во имя Святой Анны [20].

Горожане немцы, являвшиеся в большинстве своем выходцами из российских поволжских губерний и Прибалтики, придерживались протестантского вероучения. Ими были построены кирхи в Екатеринодаре, Ейске и Новороссийске, а в Армавире – лютеранский молитвенный дом [21]. Особенно красивой и обширной была лютеранская кирха Святых апостолов Петра и Павла в Новороссийске, возведенная в 1908 г. по проекту именитого московского зодчего Оттона фон-Дессина. Сооруженный из дикого камня в строгих формах средневековой романской архитектуры с

¹ Надочажная цепь – символ домашнего очага; если кровнику удавалось прикоснуться к надочажной цепи, он переставал быть таковым.

высоко возносившимся над колокольней острым шпилем этот храм был хорошо виден из самых отдаленных уголков города, рождая живописный образ «маленькой Германии» на берегах Черного моря [22].

Вместе с христианами в городах Кубани и Причерноморья проживали мусульмане и иудеи. Несмотря на свою малочисленность, представители этих вероучений свято хранили свою духовную культуру и не испытывали притеснений в религиозной сфере. Не имея первоначально стационарных храмов, приверженцы ислама свободно совершали богослужения в наемных помещениях или просто на открытом воздухе. Например, 3 марта 1896 г. в день мусульманского праздника Орудж-Байрам в доме екатеринодарского купца Лю Трахова состоялась торжественное богослужение, на которое собрались «представители разных племен магометанских вероисповеданий, состоящие на службе в Екатеринодаре, - более 300 человек, в том числе из Анапского резервного батальона 30 солдат, а также чины Кубанской горской постоянной милиции 50 человек в полной парадной форме, во главе с командиром сотни этой милиции». Впоследствии Лю Трахов выстроил в Екатеринодаре на территории своего имения небольшую двухэтажную мечеть, ставшую религиозным центром мусульман города [23].

В Новороссийске в конце XIX в. турки, работавшие на строительстве старого цементного завода, свои религиозные праздники отмечали в небольшом саду возле бараков, в которых проживали. За этим местом на многие десятилетия закрепилось название «Турецкий сад».

Большую часть мусульман Армавира составляли казанские татары, которые в 1910 г. построили здесь кирпичную соборную мечеть с 3-х этажным минаретом. Местные мусульмане ощущали себя полноправными членами семьи народов России, отмечая в храме не только свои религиозные, но и общегосударственные праздники и даты. Так, накануне всероссийских торжеств, посвященных 300-летию династии Романовых, мулла мечети Г.К. Байгильдеев обратился к своим единоверцам с призывом: «Вообще, у нас принято молиться Богу за здравие Государя Императора и Его Августейшее семейство. 21-го же февраля сего года исполняется трехсотлетие царствования в России дома Романовых, потому я, мулла армавирской соборной мечети, приглашаю всех мусульман, живущих и временно проживающих в Армавире, прийти 21-го февраля к 12 часам дня в мечеть вознести Богу молитву, за упокой Государей Императоров дома Романовых, заботившихся о распространении и укреплении нашего Отечества – России и о благоденствии благополучно царствующего Государя Императора... и всей Августейшей семьи и за спокойствие и процветание нашего Отечества – России. Каждый верноподданный мусульманин обязан откликнуться на это предложение...» [24]. В дореволюционный период мусульманская мечеть действовала также в Майкопе [25]. Рассматривая ранее такие факты мусульманского верноподданничества по отношению к православному самодержцу, специалисты отмечали, что оно складывалось в русле феномена «российскости», когда лояльность государству в подавляющем большинстве российских мусульманских общин традиционного направления (чаще всего, суннитского толка) ставилась (по умолчанию) выше религиозно-конфессиональных предпочтений и прямых установлений Корана [26].

В Екатеринодаре и Новороссийске членами еврейской общины были построены капитальные синагоги. Иудейские молитвенные дома действовали также в Майкопе и Темрюке [27].

Как государственные, так и местные власти оказывали верующим различных конфессий действительную помощь в организации духовной жизни. Для возведения храмов городские управы безвозмездно отводили земельные участки, выделяли небольшие субсидии, содействовали в обеспечении строительства необходимыми материалами. Особенно интенсивно сооружение православных и иноверческих храмов в городах Кубани и Причерноморья велось в начале XX в. Так, только в одном 1908 г. в Новороссийске были построены армяно-григорианская церковь, немецкая лютеранская кирха и еврейская синагога. В этом же году здесь шло сооружение католического костела [28].

В издававшихся в Екатеринодаре «Кубанских календарях» (похожие справочники публиковались также в Ставрополе и Владикавказе) каждый год по месяцам подробно указывались как православные, так и армяно-григорианские, лютеранские, католические, мусульманские и иудейские религиозные праздники. В такие дни верующие различных исповеданий поздравляли друг друга, желая своим друзьям и соседям благополучия и здоровья. Примечательно, что в Армавире в знак взаимного уважения и согласия во время православных и армяно-григорианских праздников местные армянские и русские торговцы, отставив интересы прибыли, закрывали свои магазины. Терпимое и доброжелательное отношение к людям иной веры стало обычным явлением в городах региона.

Межэтническое согласие и приверженность к общему Отечеству проверялись на прочность в наиболее критические периоды истории государства, особенно, в военные годы. Одним из моментов, продемонстрировавших степень единства и солидарности народов региона, стало начало Первой мировой войны в 1914 г. В это время представители почти всех национальных групп заявили о своей безоговорочной поддержке государства перед лицом внешней угрозы. В православных и армянских церквях, костелах и кирхах, мечетях и синагогах на разных языках верующие возносили молитвы о победе русского оружия и благополучии Российского государства [29].

Заключение

На Северо-Западном Кавказе, как и в масштабах всей России, усилиями властей, несмотря на декларируемое главенство православия, фактически поддерживался и защищался религиозный плюрализм, обеспечивалась возможность развития всего многообразия национальных культур. Эта коренная особенность нашей державы сохранялась в веках и служила цементирующим фактором государственного единства. В его основе лежало восприятие России в качестве своего Отечества подавляющим большинством проживавших здесь народов.

На Кубани и в Причерноморье (как и в других районах Северного Кавказа) в исследуемое время складывались важные основы полиэтничной и многоконфессиональной этно-культурной среды, которая служила важнейшей опорой центральной власти, продолжала и продолжает играть свою стабилизирующую роль для устойчивости социума как во всем Отечестве, так и нашем регионе и в советское время, и в современную эпоху. Одновременно необходимо отметить, что важнейшим условием благополучного существования этой многоэтничной среды, живущей в соответствии традициями сотрудничества и мирного сосуществования, главным гарантом таковых является российская власть. Любые потрясения и неурядицы, которыми грозят т.н. «цветные (майданные) революции», могут необратимо нарушить межэтноконфессиональный мир, как в стране, так и в регионе. Это налагает особую ответственность на российские властные структуры, а также побуждает историков страны вести постоянную работу по воспитанию молодежи в духе уважения к традициям других народов и сохранения социальной стабильности.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки РФ в рамках базовой части государственного задания высшим учебным заведениям и научным организациям в сфере научной деятельности в рамках проекта № 944 Этнолокальные сообщества в поликультурном пространстве России: проблемы универсализма и идентичности.

Примечания:

1. Приймак Ю.В. Северо-Восточное Причерноморье во внутри- и внешнеполитических процессах формирования южных границ России (конец XVII – первая треть XIX в.). Армавир: Полипринт, 2011. С. 167, 178.
2. Приймак Ю.В. Северо-Восточное Причерноморье... С. 173-175.
3. Дударев С.Л., Клычников Ю.Ю. Города как пространство социокультурной адаптации населения Северного Кавказа в процессе осуществления российского модернизационного проекта. Пятигорск: ПГЛУ, 2014. С. 41.
4. Ктиторов С.Н. Этнические сообщества предкавказского города: проблемы адаптации и идентичности (вторая половина XIX – начало XX в.). Армавир: Дизайн-студия Б, 2014. С. 15.
5. Дударев С.Л., Клычников Ю.Ю. Города как пространство... С. 44.
6. Mamedov M. From Civilizing Mission to Defensive Frontier. The Russian Empire's Changing Views of the Caucasus (1801–1864) // Russian History. 2014. Volume 41. Issue 2. P. 142-162.
7. Тан. Кубанская Америка (из недавних поездок) // Приазовский край. Ростов-на-Дону, 1913. 10 марта. № 64.
8. Пылков О.С. Российская армия в трансформационных процессах на Северном Кавказе (конец XVIII – первая половина XIX в.). – Армавир: ИП Шурыгин В.Е., 2011. С. 124-125.
9. Города России в 1910 году. СПб.: Типо-лит. Ныркина, 1914. С. 950-953. Приведенные в вышеуказанном официальном справочнике сведения по некоторым городам не вполне точны. Например, в данных по Екатеринодару количество храмов отдельных конфессий продублировано в графе «Молитвенных домов», хотя речь идет об одних и тех же объектах. В станице Лабинской кроме 2-х православных церквей также было зафиксировано 2 старообрядческих и сектантских молитвенных дома.
10. Михайлов Н.Т. Ставропольская губерния и Кубанская область. Справочник по Ставропольской епархии. Екатеринодар: Типография Кубанского областного правления, 1911. С. 229, 234.
11. Храмы и монастыри Ставропольской епархии (1843–1920 гг.). Справочник. Ставрополь: Бюро новостей, 2012. С. 141.
12. Города России в 1910 году... С. 950-953.
13. Екатеринодар-Краснодар: два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к летописи. Краснодар: Краснодарское кн. изд-во, 1993. С. 320.
14. Ктиторов С.Н. История Армавира (досоветский период: 1839-1918 гг.). Армавир: Скорина, 2002. С. 198-199.
15. Селиверстова Л. Церкви г. Новороссийска. Середина XIX – начало XX вв. // Новороссийский государственный исторический музей-заповедник. Исторические записки. Вып. 2. Новороссийск: Краевое издательство «Северный Кавказ», 1996. С. 155-165.
16. Stephen M. Norris. «The East is a Delicate Matter»: Russian Culture and Eurasianism // The Russian Review. April 2015. Volume 74. Issue 2. P. 187-190.
17. Армянские церкви Российской империи (1717–1917). Ереван: Тигран Мец, 2009. С. 10-14.

18. Калоев Б.А. Осетины: историко-этнографическое исследование. 3-е изд. – М.: Наука, 2004. С.331.
19. Дударев С.Л., Дударев Д.С. Об одном «языческом» обряде у мусульманского населения Дербента, описанном А.А. Бестужевым // Археология, этнография и краеведение Северного Кавказа. – Армавир: АФГОУККИДППО, 2010. С. 14-18.
20. Каталог духовенства и церквей Тираспольской римско-католической епархии на 1917 год. Б.м., [1917]. С. 60-61.
21. Князева Е.Е., Соловьева Г.Ф. Лютеранские церкви и приходы в России XVIII–XX вв. Исторический справочник. Ч.1. СПб.: Гуманитарное информационное издательское агентство «Литера», 2001. С. 50-53.
22. Герасименко А., Санеев С. Новороссійськъ – от укрепления к губернскому городу. Краснодар: Эдви, 1998. С. 402.
23. Бардадым В.П. Открытки на память. Краснодар: Советская Кубань, 2005. С. 149, 157.
24. Приглашение // Отклики Кавказа. Армавир, 1913. 17 февраля. № 40.
25. Нефляшева Н. О первой мечети в городе Майкопе. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/blogs/1927/posts/16225> (дата обращения: 25.11.2014 г.).
26. Проблемы интеграции этнических сообществ в состав Российского государства и пути их решения (на примере Северного Кавказа) / С.Л. Дударев, Д.С. Дударев, О.В. Ктиторова и др. Армавир: Дизайн-студия Б, 2014. С.88, 89.
27. Города России в 1910 году... С. 950-953.
28. Герасименко А. История Новороссійска в открытках (конец XIX – начало XX века). Краснодар: Эдви, 1998. С. 12,17,18.
29. Ктиторов С.Н. Солидарность народов России в переломные моменты истории: начало Первой мировой войны // Вопросы южнороссийской истории: Научный сборник. Вып. 12. Армавир-М.: ОАО «Армавирское полиграфпредприятие», 2006. С. 82-86.

References:

1. Priymak Y.V. North-Eastern Black Sea coast in internal and external processes of the formation of the southern borders of Russia (the end XVII – first third of XIX century). Armavir: Poliprint, 2011. P. 167, 178. (In Russian).
2. Priymak Y.V. North-Eastern Black Sea coast... P. 173-175. (In Russian).
3. Dudarev S. L., Klichnikov Y. Y. the City as a space of socio-cultural adaptation of the population of the North Caucasus in the process of implementation of the Russian modernization project. – Pyatigorsk: pslu, 2014. P. 41. (In Russian).
4. The Churchwardens Of S. N. Ciscaucasian ethnic communities of the city: problems of adaptation and identity (second half of XIX – beginning of XX century). Armavir: Design Studio B, 2014. P. 15. (In Russian).
5. Dudarev S. L., Klichnikov Y. Y. the City as a space... P. 44. (In Russian).
6. Mamedov M. From Civilizing Mission to Defensive Frontier. The Russian Empire's Changing Views of the Caucasus (1801–1864) // *Russian History*. 2014. Volume 41. Issue 2. P. 142-162.
7. Tan. Kuban America (of recent visits) // Azov region. Rostov-on-Don, 1913. March 10. №. 64. (In Russian).
8. Pylkov O. S. the Russian army in transformation processes in the North Caucasus (end of XVIII – first half XIX century). Armavir: SP Shurigin V.E., 2011. P. 124-125. (In Russian).
9. City Russia in 1910. SPb.: Tipo-lit. Nurkina, 1914. P. 950-953. (In Russian).
10. Mikhailov N. T. The Stavropol province and Kuban region. Handbook of the Stavropol diocese. Ekaterinodar: Typography Kuban regional Board, 1911. Pp. 229,234. (In Russian).
11. Temples and monasteries of the Stavropol diocese (1843-1920 years). Guide. Stavropol: Bureau news, 2012. P. 141. (In Russian).
12. City Russia in 1910... P. 950-953. (In Russian).
13. Ekaterinodar-Krasnodar: two centuries of the city in dates, events, memories... materials for the chronicle. Krasnodar: Krasnodar book. publishing house, 1993. P. 320. (In Russian).
14. The Churchwardens Of S. N. The history of Armavir (pre-Soviet period: he 1839-1918). Armavir: Skaryna, 2002. P. 198-199. (In Russian).
15. Seliverstova L. Church of Novorossiysk. The middle of the XIX – beginning of XX centuries. // Novorossiysk state historical Museum reserve. Historical note. Vol. 2. Novorossiysk: Regional publishing house «the North Caucasus», 1996. P. 155-165. (In Russian).
16. Stephen M. Norris. «The East is a Delicate Matter»: Russian Culture and Eurasianism // The Russian Review. April 2015. Volume 74. Issue 2. P. 187-190.
17. Armenian Church of the Russian Empire (1717–1917). Yerevan: Tigran Mets, 2009. P. 10-14. (In Russian).
18. Kaloev B.A. Ossetians: historical-ethnographic study. 3-e Izd. – M.: Nauka, 2004. P. 331. (In Russian).

19. Dudarev S.L., Dudarev, S.D. About a «pagan» ritual for the Moslem population of Derbent, described by A.A. Bestuzhev // Archeology, Ethnography and local history of the North Caucasus. – Armavir, AFGOUKKIDPPO, 2010. P. 14-18. (In Russian).
20. Directory of clergy and churches of the Tiraspol Roman Catholic diocese in 1917. B. M., [1917]. P. 60-61. (In Russian).
21. Knyazeva E.E., Solovieva G.F. Lutheran churches and parishes in Russia XVIII-XX centuries Historical guide. Part 1. SPb.: Humanitarian information publishing Agency «Litera», 2001. P. 50-53. (In Russian).
22. Gerasimenko, S. Saneev Novorossiysk – from strengthening to provincial city. Krasnodar: Advi, 1998. P. 402. (In Russian).
23. Bardadym V. P. Cards for memory. Krasnodar: Sovetskaya Kuban, 2005. P. 149,157. (In Russian).
24. Invitation // The Responses Of The Caucasus. Armavir, 1913. February 17. № 40. (In Russian).
25. Neflyasheva N. About the first mosque in the city of Maikop. [Electronic resource]. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/blogs/1927/posts/16225> (accessed on 25.11.2014). (In Russian).
26. Problems of integration of ethnic communities in the Russian state and ways of their solving (on the example of Northern Caucasus) / S. L. Dudarev, D. S. Dudarev, O. V. Ktitorova, etc. Armavir: Design Studio B, 2014. P. 88, 89. (In Russian).
27. City Russia in 1910... P. 950-953. (In Russian).
28. Gerasimenko Novorossiysk History in postcards (the end of XIX – beginning of XX century). Krasnodar: Advi, 1998. P. 12, 17, 18. (In Russian).
29. The Churchwardens Of S. N. The solidarity of the peoples of Russia in the crucial moments of history: the beginning of the First world war // problems of Russian history: a collection of papers. Vol.12. Armavir-Moscow: ОАО «Armavir polihraftehnica», 2006. P. 82-86. (In Russian).

УДК 94 (470.6)

Формирование конфессиональной инфраструктуры городов Кубани и Причерноморья в контексте развития кросс-культурного диалога (середина XIX – начало XX в.)

¹ Сергей Леонидович Дударев

² Сергей Николаевич Ктиторов

¹ Армавирский государственный педагогический университет, Российская Федерация
352900, Краснодарский край, г. Армавир, ул. Р.Люксембург, 159
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: dudarev51@mail.ru

² Армавирский государственный педагогический университет, Российская Федерация
352900, Краснодарский край, г. Армавир, ул. Р.Люксембург, 159
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: ktitorovsn@yandex.ru

Аннотация. В статье исследованы проблемы развития межконфессионального диалога в контексте формирования полиэтничного состава жителей городов Кубани и Причерноморья конца XIX – начала XX в. Изучены организация и специфика религиозной жизни русских, армян, немцев, поляков, татар, евреев и представителей других этнических сообществ городов региона. Показан процесс развития в урбанизированной среде интенсивной кросс-культурной межконфессиональной коммуникации, который складывался на основе взаимного уважения и тесного сотрудничества. Проанализированы конструктивные модели взаимодействия и сотрудничества представителей различных вероисповеданий. Охарактеризована конфессиональная структура населения важнейших городских центров региона и показаны процессы храмового строительства. Обоснован вывод, что усилиями государственных и местных властей, несмотря на декларируемое главенство православия, фактически поддерживался и защищался религиозный плюрализм, обеспечивалась возможность развития всего многообразия национальных культур.

Ключевые слова: религия, конфессиональная инфраструктура, аккультурация, религиозный плюрализм, этноконфессиональная структура, кросс-культурная коммуникация, этническая толерантность, российскость.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 38, Is. 4, pp. 933-939, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

To the Issue of Historical Prerequisites and the Significance of the Construction of the Railway Network in the Caucasus (the late 19th and early 20th Century era)

¹Vladimir B. Karataev

²Irina N. Markaryan

³Ruslan M. Allalyev

¹International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

²Branch RSSU in Sochi, Russian Federation

354000, Sochi, Crimean Str. 29 b

PhD, Associate Professor

E-mail: 2703_irina@mail.ru

³Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation

Stremyanny lane, 36, Moscow, 117997

Abstract

The article discusses the historical prerequisites of the construction of the railway network in the Caucasus in the late 19th and early 20th century era. The attention is paid to the interest of the foreign capital to the Russian railways. This article utilizes the records of Georgian national archive. A great part of materials is introduced into scientific circulation for the first time. The authors come to the conclusion that to the development of railway network in the Caucasus was paid the great attention. In the period of 1905 to 1913 years the railway network in the Caucasus has increased by 50 %. Almost the entire network was built by the funds from private entrepreneurs, and in the construction of the third road took part the local Caucasian population.

Keywords: railroad, Caucasus, the late 19th and early 20th century era.

Введение

В 1837 году в России была открыта первая – Царскосельская железная дорога, которая и положила начало строительству сети железных дорог в России. Значение Царскосельской железной дороги состояло в том, что на опыте ее строительства и эксплуатации была практически доказана возможность бесперебойной работы железнодорожного транспорта в климатических условиях России во все времена года. Коммерческая эксплуатация дороги также на деле показала выгодность и целесообразность нового вида транспорта. Явившись первым опытом в организации железнодорожного движения в России, дорога дала существенный толчок развитию и широкой постановке железнодорожного дела в стране.

Материалы и методы

Материалами для подготовки рукописи послужили документы национального архива Грузии (Тбилиси), часть их которых впервые вводится в научный оборот, а также материалы дореволюционной периодической печати.

Методологическую основу исследования составили принципы объективности и историзма, предполагающие непредвзятый подход к анализу изучаемых проблем, критическое отношение к источникам, вынесение суждений в результате анализа совокупности фактов, а также показ явлений в развитии и контексте исторической обстановки. Показ явлений в контексте исторической обстановки очень важен для понимания исторических причин и предпосылок строительства железной дороги на Кавказе.

Обсуждение

Историография по теме исследования не отличается обширностью.

Исследования по проблемам железнодорожного строительства начинают появляться уже в конце XIX – начале XX века. Здесь необходимо отметить исследование Н.А. Кислинского, который в своей работе «Наша железнодорожная политика по документам Кабинета министров» [1] сделал вывод, что строительство железных дорог за счет части номинальной суммы строительного капитала, составлением другой части в виде чистой прибыли, получило в течение 1860–1870-х годов значительное распространение, так как не требовало от акционерных обществ вложений собственных средств. Именно это обстоятельство позволило России вложить в развитие железной дороги не свои капиталы, а частные, в том числе иностранные инвестиции.

Т.М. Китанина в своем труде «Хлебная торговля России в 1875–1914 годах» [2], попыталась охарактеризовать пять главных направлений, определяющих движение товарного хлеба по магистралям европейской части России.

Среди этих направлений уже в 1910-е гг. стал занимать Кавказ. Тем не менее, необходимо отметить, что характеристика хлебных перевозок в основном ограничивалась простым географическим описанием.

Значительный интерес представляет и исследование И.М. Бобовича «Экономическая история России 1862–1914» [3]. В данном исследовании автор констатировал, что строительство железных дорог в стране послужило исходным началом для перестройки и ускорения промышленного производства, а также для втягивания в рыночные отношения сельского хозяйства. Особый интерес представляет глава под названием «Железнодорожное строительство во второй половине XIX века», где автор объяснял необходимость проведения линий, а также политику правительства в этом отношении.

В современный российский период темой железнодорожного строительства на Кавказе занималась и Н.А. Шевченко [4], которая рассмотрела историю строительства железнодорожной сети на Черноморском побережье Кавказа.

Результаты

В конце XIX – начале XX веков вставал вопрос о необходимости проведения Перевальной железной дороги через Главный Кавказский хребет, для соединения Закавказья с северным Кавказом и внутренними губерниями Империи. Правительство рассматривало разнообразные варианты решения данного вопроса.

Наместник Его Императорского Величества на Кавказе и Военный министр признавали, что Перевальная железная дорога через Кавказский хребет наиболее важной в стратегическом отношении и должна была стать кратчайшим соединительным звеном между дорогами Европейской России и Закавказья и проходить по местности, отдаленной от вероятного района военных действий [5].

Влияние Перевальной дороги не исчерпывается тем, что она будет принимать на себя, с выгодой для страны, уже существующие перевозки, вследствие весьма существенного сокращения их протяженности. Не сравнено более важно, что она неизбежно вызовет огромное экономическое развитие обслуживаемого ею края и поведет к созданию новых грузов, притом высокой ценности [6].

Затруднения, с которыми сопряжена доставка в Закавказье даже таких предметов первой необходимости, как продовольствие и фураж, вызывает для населения неизбежность в широких размерах поддерживать культуру хлебов в таких местностях, где имеются на лицо все условия для развития высших форм культуры. Поэтому Закавказье, весьма слабо прогрессируя, очень мало дает на вывоз и, вместе с тем, лишено возможности, с выгодой для себя, пользоваться в достаточной степени предметами ввоза.

С проведением Перевальной дороги положение, коренным образом, изменится. Хлеб, сено, лес и т.п., имеющиеся в изобилии на северном Кавказе и на северных склонах хребта, будут поступать в Закавказье при самых выгодных для обеих сторон условиях, и, в то же время, существенно облегчатся и улучшатся условия доставки в Закавказье предметов промышленности из внутренних губерний Империи. Взамен этого в Закавказье освободятся значительные, притом наиболее богато одаренные природой, пространства для развития высших форм производительности. Указанием экономического прогресса, с этим связанного, служит быстрое и широкое развитие хлопководства в Туркестане, после постройки Средне-Азиатской железной дороги [7].

Удешевление работ по укладке пути и земляным работам легче всего может быть достигнуто привлечением к этим работам Закавказских железнодорожных батальонов. Согласно урочному положению нижние чины получают 2/5 от стоимости соответствующему вольнаемному рабочему. Это решение имеет противников, ввиду наблюдавшегося трения между военным и гражданским начальством, но можно с уверенностью сказать, что поручение ответственной отдельной работы под руководством обязанного известными указаниями начальника совершенно устранило это обстоятельство. Напротив, кроме удешевления работ получается рациональная практика и подготовка этих войск [8].

Существенным пунктом в вопросе о сооружении Перевальной дороги следует считать обсуждавшийся на совещании вопрос о допускаемых для дороги максимальных уклонах, в связи с предложением о применении тяги исключительно электровозами или о тяги как электрической, так и паровой [9].

Изначально комиссия Государственной Думы отклонила законопроект о кредите на изыскания перевальной дороги через Главный Кавказский хребет, и было выдвинуто предложение построить Черноморскую Побережную железную дорогу [10]. Сооружение перевальной дороги рассматривалось непременно по Архотскому направлению, по которому не предполагалось ни значительных местных перевозок, ни грузового движения, соответствующего строительным затратам. Названная дорога могла бы быть готова для правильного движения лишь по истечению 10 лет с начала строительства и таким образом, в ближайшие годы не сможет принести какую-либо пользу Военному ведомству [11].

Управление Владикавказской железной дороги предложило выбрать другое направление, в котором стратегические удобства сочетались бы с коммерческой выгодой, но Министерство Путей Сообщения указало на Архотское направление, как единственно стратегическое.

Но уже в декабре 1910 г. на Совете министров (пять членов: Кривошеин, Харитонов, Щегловитов, Рухлов, Тимашев [12]) обсуждался вновь вопрос о развитии железнодорожной сети на Кавказе. Причиной этого заседания стали последовательно проводимые Турцией меры усовершенствования своих вооруженных сил и при военной необходимости быстрого сосредоточения их в соседнем с Кавказским краем малоазийском плацдарме, где предполагалась с этой целью постройка ряда железнодорожных линий, из которых некоторые окажутся в непосредственной близости к русской границе [13].

В этом отношении особо серьезное значение имеет развитие Кавказской железнодорожной сети, как необходимое условие для своевременного подвоза подкреплений и припасов из Европейской России в Закавказье в первый же период войны.

В феврале 1912 вопрос о строительстве железной дороги встал наиболее остро, так как Оттоманское правительство стало развивать турецкую рельсовую сеть в Малой Азии. Военный Министр настаивал на скорейшем осуществлении наиболее удовлетворяющей стратегическим потребностям Перевальную через Кавказский хребет железную дорогу, но так как строительство может занять не менее 10 лет, то необходимо провести в первую очередь новую линию вдоль восточного берега Черного моря. Эта линия сокращает путь в Закавказье на 600 верст и может быть построена за 4–5 лет [14].

Выбор остановился Черноморской бережной железной дороге, так как она хоть тоже совершенно бездоходна и лишена стратегического значения, но зато была призвана, по мнению ее сторонников, заселить и обогатить пустующее Кавказское побережье Черного моря.

Изыскания 1902–1903 гг. выяснили, что Черноморская бережная дорога не считая линии Армавир-Туапсе обойдется в сто с лишним миллионов рублей, но при этом достигается оживление не всего Побережья, а только тех немногих его пунктов, где будут построены станции дороги [15].

Для заселения и оживления более обширной территории необходимы будут дороги вглубь страны. Такая задача была бы осуществима и без Бережной дороги. Для этого достаточно было бы построить четыре небольших порта: в Сухуми, Пицунде, Адлере и в Сочи, и провести к ним дешевые узкоколейные дороги по ущельям Кодора, Бзыби и Мзымты. На постепенное выполнение этого плана не понадобилось бы и половины суммы, требуемой для сооружения Бережной дороги [16].

Легко доказывать и несостоятельность Бережной дороги в стратегическом отношении, так в военное время нескольких выстрелов с неприятельского флота достаточно было бы для разрушения обремененных виадуков, из которых линия дороги состояла бы почти на половину и достаточно разрушить один мост, чтобы привести в негодность всю дорогу. Рассчитывать, что по ней в военное время можно будет передвигать войска и воинские грузы – означает готовить стране горькое разочарование. Когда столь дорогая железная дорога одинаково несостоятельна, как в стратегическом, так в экономическом отношениях, то появляется необходимость в нахождении более рационального соединительного пути между Закавказьем и русской железнодорожной сетью.

Глубина моря на всем протяжении от Туапсе до Очемчир дает возможность подойти на самое близкое расстояние даже самым большим броненосцам. Достаточно одного броненосца или крейсера, чтобы в короткое время, подойдя на расстояние артиллерийского огня разрушить наиболее важные железнодорожные сооружения совершенно безнаказанно, так как противодействовать этому с берега не будет возможности [17].

При таком положении дел Совет Министров счел необходимым подвергнуть вопрос об упомянутой железной дороге новому обсуждению. Министр Торговли и Промышленности утверждал, что скорейшее проведение Черноморской железной дороги – это неотложная задача, как в стратегическом значении, так и в экономических выгодах, так как это способствует развитию одной из богатейших Кавказских местностей [18].

Постройка новых железных дорог могла быть полезна и плодотворна не только в тех районах, которые в первое время эксплуатации пронизывающей их рельсовой линии, сулят ей необходимое для безубыточной эксплуатации количество грузов, но и там, где новой дороге предстоит пройти по еще мало населенному, но богатому природными дарами краю. Последующее их использование

сторицей окупит издержки по сооружению железной дороги и по эксплуатации ее в первые малопродуктивные годы [19], так как восточное побережье Черного моря обладает всеми необходимыми данными для мощного экономического процветания: при исключительно благоприятном климате и плодородной почве, она заключает в своих недрах обильные залежи нефти, каменного угля, марганцевой руды и других полезных ископаемых [20].

При вышеперечисленных условиях, Тайный Советник Тимашев, предлагал безотлагательное сооружение Черноморской железной дороги, так как в случае осуществления проекта соединения русской рельсовой сети с индийскими железными дорогами через Персию, упомянутая линия составит одно из звеньев кратчайшего пути для будущего мирового транзита [21].

По климату, количеству осадков и свойствам почвы побережье Черного моря ближе всего подходит к многим местностям Японии и значительное число ценных японских растений могло быть перенесено на наше побережье и культивировано здесь с успехом [22].

Главное будущее Черноморского побережья развитие на нем дачной жизни и курорта. В этом отношении это побережье особенно ценно и не имеет себе равных в пределах Европы. Это обеспечивает за Черноморской дорогой серьезное экономическое значение [23].

Потийский городской глава Н.Я. Николадзе еще в 1895–1896 гг. выдвинул предложение провести ширококолейные рельсовые пути между станциями Прохладная, Владикавказской железной дорогой, и Потийским портом, по течению рек Баксана и Ингура [24].

Преимуществами данной перевальной дороги над всеми другими виделись в следующем:

1. Отсутствие вероятности неприятельского десанта в Закавказье, так как данная дорога была бы совершенно недоступна противнику, так независимо от фронтальной встречи, будет возможность отрезать десант обходным движением от Черного моря, т.е. от его сообщения с базой.

2. Менее затратна, так как из 318 верст дороги более трети необходимо было бы провести лишь нулевыми земляными работами. Рельсовый путь между двумя морями Черным и Каспийским, укорачивается на 172 версты, сравнительно с уже построенным: Петровск – Поти – 636 верст, тогда как Баку-Поти – 808 верст [25].

3. Дорога Поти – Прохладная, непосредственно примыкая к обширному и благоустроенному черноморскому порту в Поти, уже с самого начала своей деятельности предполагала грузовое движение, окупающее не только эксплуатационные расходы, но и проценты на строительные затраты [26].

4. Из всех кавказских перевальных дорог только одна эта линия Поти – Прохладная могла иметь значительные местные грузы.

Но данный проект по направлению своему не признан способным удовлетворить поставленные задачи.

При заседании Председателя и 7 членов Совета (Саблер, Сухомлинов, Григорович, Сазонов, Кассо, Макаров и Никольский [27]) было высказано предложение о необходимости строительства обеих железных дорог и Перевальной и Черноморской. Но по убеждению Министра Финансов одновременное сооружение обеих дорог на казенный счет представляется непосильным для государственного казначейства [28].

Таким образом, Совет Министров заключил необходимость бережливого отношения к ресурсам государственного казначейства, дабы не лишить государство возможности удовлетворять назревающие и неотложные потребности, а в случае каких-либо внешних осложнений, встретить их с обновленными армией и флотом и с достаточными денежными ресурсами.

Несмотря на это, частные предприниматели ходатайствовали о предоставлении им концессий на сооружение Черноморской береговой линии [29].

По мнению 5 членов Совета было решено предоставить Министру путей Сообщения внести на законодательное рассмотрение заявления им предложенные: 1) о разрешении сооружения Черноморской железной дороги и утверждении строительной ее стоимости; 2) об отпуске средств на производство изысканий по перевальной через Кавказских хребет железной дороге.

По мнению Председателя и 7 членов Совета было решено:

1) Предоставить Министру Путей Сообщения разработать и внести на законодательное рассмотрение представление о соединении Закавказья вторым рельсовым путем с Европейской Россией; всесторонне осветить сравнительное значение Черноморской береговой и Перевальной через Кавказский хребет железных дорог в стратегическом, политическом и экономическом отношениях, а также сравнительную стоимость и продолжительность их постройки.

2) Отпустить в распоряжение Министра Путей Сообщения из десятиmillionного фонда на непредусмотренный сметами, экстренный в течение 1912 года, надобности кредит в размере до трехсот тысяч рублей, на производство технических изысканий по Перевальной через Кавказский хребет железной дороге.

3) Поручить Министрам Путей Сообщения и Финансов дать скорейший, в установленном порядке, ход предложениям частных предпринимателей относительно сооружения Черноморской береговой железной дороги [30].

В 1908 г. в Тифлис прибыл представитель бельгийских капиталистов инженер Лео с целью хлопотать о получении концессии на постройку перевальной дороги. Товарищество обладало капиталом в 60 млн и просило правительственной гарантии в размере 2 % [31].

По наведенной в Министерстве путей Сообщения справке выяснилось, что представление данного Ведомства об отпуске средств на производство изысканий Черноморской береговой линии и о сооружении линии Карс-Саракамыш принято Государственной Думой. Что же касается вопроса об отпуске 300 000 руб. на производство окончательных изысканий Перевальной дороги, то предложение это отклонено государственной Думой, при чем бюджетной комиссией Государственной думы высказано пожелание о приглашении иностранных специалистов по тоннельному строительству, с целью ближайшего выяснения условий стоимости сооружения Перевальной дороги по предложенному Министерством путей сообщения направлению через Архотский перевал [32].

Вопрос об усилении линии Карс-Тифлис путем проведения второй колеи, или сооружения взамен этого ветки от Карса к Боржому был подвергнут обсуждению на особом совещании из представителей Управления железных дорог, Управления по сооружению железных дорог и Военного ведомства и Журнал совещания о выборе направления представлен на окончательное решение Военного министерства.

Что же касается проложения Карс – Саракамышской линии до турецкой границы, то рекогносцировочные изыскания произведены были в 1910 г. по нескольким вариантам, причем Военное Министерство остановилось уже на определенном направлении, однако, на производство окончательных изысканий в 1910 г. кредитов не испрашивалось.

Наконец, по сведениям Департамента железнодорожных дел, по вопросу о проведении железной дороги от Джульфы, в персидских пределах, до Тавриза с веткою на Хой, выяснилось, что Председатель правления Тавризской дороги во время пребывания своего в Тегеране, вел переговоры по этому вопросу с представителями персидского кабинета, которые, отнесясь вполне сочувственно к этой мысли, выразили, однако, опасения, что осуществление данного предложения встретит существенные возражения во враждебно нам настроенном межджиесе [33].

Заключение

Таким образом, необходимо отметить, что наместником царя на Кавказе большое внимание уделялось улучшению путей сообщения. Так, в пределах Кавказа в 1905 г. было всего 3142 версты построенных дорог (Закавказская и Владикавказская) и 177 верст строящегося рельсового пути (Улукханлу-Джульфа). В 1913 г. сооружено 1652 версты железнодорожной сети, производились подготовительные работы по постройке 571 рельсовой версты и одобрены к постройке 1122 версты. Характерно отметить, что почти вся сеть была построена на средства частных предпринимателей, в строительстве трети дорог принимало участие местное кавказское население.

Примечания:

1. Кислинский Н.А. Наша железнодорожная политика по документам Кабинета Министров. СПб., 1902.
2. Китанина Т.М. Хлебная торговля России в 1875-1914 годах. Ленинград, 1978.
3. Бобович И.М. Экономическая история России 1861-1914. СПб., 1995.
4. Shevchenko N.A. The Development of the Railway Network on the Black Sea (1914–1953 years) // The History of Land Transport, 2015, Vol. (1), № 1, pp. 18-25
5. Национальный архив Грузии (НАГ). Ф.13. Оп.12. Д.205. Л. 8.
6. НАГ. Ф.13. Оп.12. Д.205. Л. 102.
7. НАГ. Ф.13. Оп.12. Д.205. Л. 102.
8. НАГ. Ф.13. Оп.12. Д.205. Л. 24.
9. НАГ. Ф.13. Оп.12. Д.205. Л. 103.
10. НАГ. Ф.13. Оп.12. Д.205. Л. 2.
11. НАГ. Ф.13. Оп.12. Д.205. Л. 8.
12. НАГ. Ф.13. Оп.12. Д.205. Л. 89.
13. НАГ. Ф.13. Оп.12. Д.205. Л. 4.
14. НАГ. Ф.13. Оп.12. Д.205. Л. 86.
15. НАГ. Ф.13. Оп.12. Д.205. Л. 2.
16. НАГ. Ф.13. Оп.12. Д.205. Л. 2.
17. НАГ. Ф.13. Оп.12. Д.666. Л. 12
18. НАГ. Ф.13. Оп.12. Д.205. Л. 5.
19. НАГ. Ф.13. Оп.12. Д.205. Л. 5.
20. НАГ. Ф.13. Оп.12. Д.205. Л. 6.
21. НАГ. Ф.13. Оп.12. Д.205. Л. 6.
22. НАГ. Ф.13. Оп.12. Д.666. Л. 10.
23. НАГ. Ф.13. Оп.12. Д.666. Л. 10.
24. НАГ. Ф.13. Оп.12. Д.205. Л. 3.
25. НАГ. Ф.13. Оп.12. Д.205. Л. 3.

26. НАГ. Ф.13. Оп.12. Д.205. Л. 3.
27. НАГ. Ф.13. Оп.12. Д.205. Л. 93.
28. НАГ. Ф.13. Оп.12. Д.205. Л. 95.
29. НАГ. Ф.13. Оп.12. Д.205. Л. 96.
30. НАГ. Ф.13. Оп.12. Д.205. Л. 96.
31. На Кавказе // Русское слово (Москва), 1908. 2 августа.
32. НАГ. Ф.13. Оп.12. Д.666. Л. 7.
33. НАГ. Ф.13. Оп.12. Д.666. Л. 7-8.

References:

1. Kislinkii N.A. Our rail policy documents of the Cabinet of Ministers. SPb., 1902.
2. Kitanina T.M. Russian grain trade in the years 1875-1914. Leningrad, 1978.
3. Bobovich I.M. Economic History of Russia 1861-1914. SPb., 1995.
4. Shevchenko N.A. The Development of the Railway Network on the Black Sea (1914-1953 years) // The History of Land Transport, 2015, Vol. (1), № 1, pp. 18-25.
5. National Archives of Georgia (NAG). F.13. Op.12. D.205. L. 8.
6. NAG. F.13. Op.12. D.205. L. 102.
7. NAG. F.13. Op.12. D.205. L. 102.
8. NAG. F.13. Op.12. D.205. L. 24.
9. NAG. F.13. Op.12. D.205. L. 103.
10. NAG. F.13. Op.12. D.205. L. 2.
11. NAG. F.13. Op.12. D.205. L. 8.
12. NAG. F.13. Op.12. D.205. L. 89.
13. NAG. F.13. Op.12. D.205. L. 4.
14. NAG. F.13. Op.12. D.205. L. 86.
15. NAG. F.13. Op.12. D.205. L. 2.
16. NAG. F.13. Op.12. D.205. L. 2.
17. NAG. F.13. Op.12. D.666. L. 12
18. NAG. F.13. Op.12. D.205. L. 5.
19. NAG. F.13. Op.12. D.205. L. 5.
20. NAG. F.13. Op.12. D.205. L. 6.
21. NAG. F.13. Op.12. D.205. L. 6.
22. NAG. F.13. Op.12. D.666. L. 10.
23. NAG. F.13. Op.12. D.666. L. 10.
24. NAG. F.13. Op.12. D.205. L. 3.
25. NAG. F.13. Op.12. D.205. L. 3.
26. NAG. F.13. Op.12. D.205. L. 3.
27. NAG. F.13. Op.12. D.205. L. 93.
28. NAG. F.13. Op.12. D.205. L. 95.
29. NAG. F.13. Op.12. D.205. L. 96.
30. NAG. F.13. Op.12. D.205. L. 96.
31. На Кавказе // Русское слово (Москва), 1908. 2 августа.
32. NAG. F.13. Op.12. D.666. L. 7.
33. NAG. F.13. Op.12. D.666. L. 7-8.

УДК 94

**К вопросу об исторических предпосылках и значимости строительства
железнодорожной сети на Кавказе (конец XIX – начало XX веков)**

¹ Владимир Борисович Каратаев

² Ирина Николаевна Маркарян

³ Руслан Мурадович Аллалыев

¹ Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

² Филиал РГСУ в г. Сочи, Российская Федерация

354000, г. Сочи, ул. Крымская 29 б

Кандидат экономических наук, доцент

E-mail: 2703_irina@mail.ru

³ Российский экономический университет им Г.В. Плеханова, Российская Федерация

117997 г. Москва, Стремянный пер., 36

Младший научный сотрудник

Аннотация. В статье рассматриваются исторические предпосылки строительства железнодорожной сети на Кавказе в конце XIX – начале XX веков. Уделено внимание интересу иностранного капитала к российским железным дорогам. В качестве источника использованы документы национального архива Грузии. Значительная часть материалов впервые вводится в научный оборот. В заключение авторы пришли к выводу, что проблемам развития железнодорожной сети на Кавказе уделялось большое внимание. В период с 1905 по 1913 гг. железнодорожная сеть на Кавказе увеличилась на 50 %. При этом почти вся сеть была построена на средства частных предпринимателей, а в строительстве трети дорог принимало участие местное кавказское население.

Ключевые слова: железная дорога, Кавказ, конец XIX – начало XX веков.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 38, Is. 4, pp. 940-947, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 37 (091) (47+57) «XIX/XX»

Educational Congress and Teachers' Courses as a Means of Methodical Education Teachers Second Half of XIX – Beginning XX Centuries: Regional Dimension

¹Sergei I. Belentsov

²Oksana P. Dovger

³Alesia A. Kuznetsova

⁴Natalia J. Agronina

⁵Valentina L. Barkova

¹Southwest State University, Russian Federation

305040, Kursk, 50 October, 94

Dr. (Pedagogy), Professor

E-mail: si_bel@mail.ru

²Kursk State Medical University, Russian Federation

305041, Kursk, Karl Marx, 3

PhD, Associate Professor

³Kursk State Medical University, Russian Federation

305041, Kursk, Karl Marx, 3, senior lecturer

E-mail: kuznetsova.a80@mail.ru

⁴Branch of the Russian State Social University, Russian Federation

305041, Kursk, Karl Marx, 53

PhD, Associate Professor

⁵Branch of the Russian State Social University, Russian Federation

305041, Kursk, Karl Marx, 53

PhD, Associate Professor

E-mail: kuznetsova.a80@mail.ru

Abstract

The article addresses the problem of improving teachers' methodical second half nineteenth - beginning twentieth centuries.

Particular attention paid research pedagogical role of teacher courses and congresses in the Kursk province. It is shown that the need for methodical education teachers, teaching the most basic: what and how to teach, began to carry out becomes a traditional 60-70-ies. educational sessions and teacher training.

Pedagogical congresses have been actively carried out, starting with the 60-ies. The nineteenth century, and by the end of the 80s. - Widely used as a form of exchange of best practices, solve important problems of the general condition of the school.

Teachers courses as a form of methodological education of teachers begins its extensive use in the 90th. The nineteenth century due to the lack of time to consider the issues in the narrow metdichesjkih pedagogical congresses.

An analysis of archival documents leads to the conclusion that in the second half of the nineteenth - early twentieth centuries quite acutely felt problem of methodical education teachers, the most advanced figures were made all attempts to eliminate illiteracy among teaching school-teachers. Active teachers holding congresses and teacher courses at the turn of the century confirms the fact that the teaching methodology is gradually stood out as an independent branch of pedagogical knowledge.

Keywords: methodical education teachers, educational congresses, teacher training, archival sources, second half of the nineteenth - twentieth centuries.

Введение

Глубокое знание исторического опыта постановки и решения задачи методического просвещения учителей в России помогает сегодняшней педагогической теории и практике избегать ошибок, вызванных предвзятой односторонностью и поспешным интеллектуальным заимствованием. В этом отношении представляется важным обращение к вопросу организации педагогических съездов и учительских курсов в России во второй половине XIX - начале XX веков (по 1917 год включительно).

Вторая половина XIX века, а именно, начиная с 1860-х гг., характеризовалась подъемом общественно-политического движения в России. Активно развивалась народная школа. В результате появлялась необходимость методического просвещения учителей, обучение самому элементарному: чему и как учить? Эту задачу стали выполнять становившиеся традиционными с 1860–1870-х гг. педагогические съезды и учительские курсы.

Педагогические съезды и курсы созывались по инициативе Уездных училищных Советов, получая предварительно согласие на это Земских собраний. Уже с 1869 года на проведение съездов и курсов требовалось согласие губернатора и санкция Министерства народного просвещения.

Материалы и методы

Основными методами являются теоретический и ретроспективный анализ источников, сравнительно-исторический, характеризующие подходы к постановке и решению проблемы методического совершенствования учителей в конце XIX – начале XX веков; обобщение, систематизация и классификация.

Источники: педагогические, социологические, философские, психологические работы русских и зарубежных авторов конца XIX – начала XX веков, посвященные вопросам образования школьников; статьи в периодических изданиях – журналах «Русская школа», «Вестник воспитания»; материалы педагогических съездов; материалы Государственного архива Курской области [1-23].

Методологическая основа: общенаучные принципы системности, развития, целостности, единства исторического и логического в исследовании.

Обсуждение

Изменения различных сфер общественной жизни России на рубеже XIX–XX веков осмысливались Н.А. Бердяевым, С.Н. Булгаковым, И.А. Ильиным, С.Л. Франком. Педагогические аспекты методической подготовки учителей отражались в работах В.П. Вахтерова, К.Н. Вентцеля, М.И. Демкова, П.Ф. Каптерева, К.П. Победоносцева. Методические вопросы усиления практической направленности общего образования разрабатывали известные в то время дидакты А.С. Архангельский, Р.Б. Беккер, А.Х. Гольмстен, В.П. Крохин.

К богатейшему наследию отечественной педагогики рассматриваемого периода неоднократно обращались современные исследователи М.В. Богуславский, С.Ф. Егоров, Г.Е. Жураковский.

Вопросы проведения педагогических курсов и учительских курсов в своих трудах рассматривали А.М. Вежлев, Н.С. Ватник, П.Г. Якушевич.

Результаты

Педагогические съезды в России выполняли следующие функции:

1. На съезды учителя приезжали добровольно. Число участников колебалось от 50 до 150 человек, например, на съезде при Всероссийской политехнической выставке в 1872 г. присутствовало до 777 учителей.

2. На педагогических съездах народному учителю предоставлялась возможность обмениваться опытом, высказывать свои мысли, вносить на обсуждение вопросы и предложения, проявлять инициативу и самостоятельность. Съезды обсуждали не только современные достижения педагогической науки, но и результаты педагогической практики.

3. Съезды имели возможность выслушать опыт лучших учителей-практиков, обсудить его и вообще обменяться по определенным и методическим вопросам.

4. Педагогические съезды оценивали существующее положение в народной школе и определяли пути совершенствования ее и учебно-воспитательной работы в народной школе.

Учительские курсы, их задачи и функции:

1. На учительские курсы приезжали учителя, вызывавшиеся по спискам училищными советами, для теоретического и практического ознакомления их под руководством опытных педагогов с лучшими методами элементарного образования. Число курсантов обычно не превышало 20 человек на одного руководителя.

2. Педагогические курсы обычно только повышали квалификацию слушателей и вооружали их знаниями современной педагогики и методики.

3. Курсы знакомили учителей с педагогическими взглядами выдающихся педагогов, иногда даже и руководителей курсов [7; с. 195].

Таким образом, педагогические съезды имели некоторые преимущества перед курсами: во-первых, на педагогические съезды учителя приезжали добровольно, а на курсы – вызывались по

спискам, во-вторых, курсы имели своими целями только методическое просвещение учителей, а задачи съездов шире – это и обмен опытом, анализ достижений педагогики, обсуждение опыта учителей-практиков, и, конечно же, методическое просвещение учителей. Наконец, деятельность педагогических съездов не регламентировалась, следовательно, Министерству народного просвещения было труднее контролировать их проведение, а учительские курсы регламентировались.

Вследствие всего этого земства проводили педагогические курсы значительно реже. А после издания в 1875 году Министерством народного просвещения правил, которыми устанавливался строжайший политический надзор и регламентация деятельности курсов, последние не устраивались земствами до конца 1890-х гг.

Далее остановимся на характеристике педагогических съездов. Чаще всего съезды проходили в форме занятий, которые представляли из себя:

- а) лекции на общепедагогические и методические темы,
- б) вечерние беседы, во время которых обсуждались в основном рефераты народных учителей о своем опыте преподавания и одновременно выяснялись возможности и обоснованность применения на практике отдельных теоретических положений педагогики,
- в) показательные и практические уроки руководителей съездов и самих учителей во временно открывающихся съездах начальных школах с 3 отделениями.

В ходе занятий обсуждались следующие темы:

1. Обучение грамоте по звуковому методу.
2. Приемы обучения толковому чтению.
3. Обучение арифметике.
4. Как обучать в начальной школе русской истории и географии.
5. Как сообщать сведения о природе.
6. Проблемы школоведения [7; с. 195].

Таким образом, главное место на учительских съездах 1860–1870-х гг. занимали вопросы методики обучения. Цель была одна: научить азам методики, самому элементарному – как учить детей?

Учительские съезды 1980-х гг. несколько отличались от съездов 1860–1870-х гг.: участники съездов имели лучшую общеобразовательную и педагогическую подготовку, съезды были более многочисленными, на них присутствовали члены земских управ, гласные члены губернских и земских училищных советов, прогрессивно настроенные преподаватели средних учебных заведений, что оказывало, по словам Бунакова, «благотворное действие, как присутствие неофициального, не мундирного, не давящего и стесняющего, а оживляющего, ободряющего и высоко ценимого разумными людьми общественного контроля».

Таким образом, изменился не только состав учеников съездов, но и задачи, и функции: теперь ими являлись не только методическое просвещение, причем иного, более глубокого уровня, но и важное место занимали вопросы общего состояния школы: это и быт учителей и учеников, и методическая база школы, это и вопросы школьной гигиены и др.

Учительские съезды 1880-х гг. характеризовались высокой активностью их участников, тщательной подготовкой к ним, усилением коллегиальности в работе. Для того, чтобы участники съездов могли к ним своевременно подготовиться, земства за несколько месяцев до их открытия знакомили учителей с программой предстоящих занятий, распределяли между ними темы докладов и рефератов.

В Государственном Архиве Курской области нами был найден отчет о занятиях первого съезда учителей и учительниц начальных училищ Льговского уезда в 1883 году.

Очередное Земское собрание Льговского уезда сессии 1882 года, озабоченное постановкой школьного дела в уезде на правильных началах, признало весьма полезным, в видах достижения этой цели, устроить в г. Льгове съезд учителей и учительниц начальных училищ в 1883 году, и ассигновав 500 рублей на расходы этому предмету.

23 июля 1883 года, к 10 часам утра, прибыли в помещение Льговского городского училища главный наблюдатель М.Г. Котляров, руководители съезда директор Курской учительской школы И.И. Шалфеев, инспектор народных училищ Курской губернии М.Ф. Акулов, 17 учителей и 5 учительниц начальных училищ Льговского уезда, несколько посторонних лиц, преимущественно принадлежавших к педагогическому званию и получивших право присутствовать на заседаниях съезда.

Занятия на съезде начались избранием 5-ти секретарей, по два на каждое заседание, и образованием пяти комиссий для предварительной возможно полной разработки следующих вопросов программы:

- 1) О ночлежных приютах при училищах.
- 2) О преподавании пения в начальных школах.
- 3) Об обучении церковно-славянскому языку в связи с русским и чистописанием.
- 4) О преподавании арифметики.
- 5) О сообщении детям сведений по естествознанию, истории и географии, пользуясь принятыми в школах книгами для чтения [1].

В результате обсуждения данных вопросов программ были приняты следующие решения:

ОБУЧЕНИЕ ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОМУ ЧТЕНИЮ И ЯЗЫКУ.

По прочтении доклада членом комиссии учителем Столбиным, учитель начального училища, состоявшего про Курской земской учительской школе П.В. Дерюгин высказал следующее мнение: «Раннее обучение чтению по церковно-славянски, не только не препятствует, но и способствует усвоению детьми механизма чтения по-русски, так как, читая по церковно-славянски, дети лучше запоминают русские буквы, сравнивая их с церковно-славянскими, и кроме того, привыкают обращать внимание на правильность ударения в слове при чтении.

Ознакомившись с руководством С. Грушевского «Первая учебная книга церковно-славянского языка», съезд постановил: просить Льговскую уездную Земскую управу приобрести его для каждого училища в количестве экземпляров, необходимых по числу учащихся в первом отделении.

Вторая половина вопроса: как удобнее достигать понимания детьми церковно-славянского языка. Из-за нехватки времени этот вопрос был оставлен без обсуждения.

ОБУЧЕНИЕ ПЕНИЮ.

Вырабатывая программу преподавания пения в народной школе, комиссия руководствовалась следующими положениями:

1) Преподавание пения в народной школе должно носить преимущественно практический характер;

2) Совместно с практическими упражнениями должно идти сообщение учащимися некоторых теоретических знаний;

3) Способ передачи теоретических знаний должен быть аналитический;

4) Каждое теоретическое знание должно закрепляться соответствующими практическими упражнениями;

5) Конечная цель обучения пению в народной школе должна состоять в удовлетворительном пении детьми придворной обедни, а также пение несложных и доступных пониманию детей песен, преимущественно народного характера.

О ПРЕПОДАВАНИИ АРИФМЕТИКИ.

Учитель Нижнедеревенского одноклассного образцового училища Семенов, в виду успешности ведения им занятий по арифметике, заявил о том, что считает полезным, на будущее время, преподавать арифметику, положив в основу не только изучение отдельных чисел по методу Евтушевского, (съезд признал негодным для народной школы), но и десятичную систему счисления, следующим образом.

Сначала изучаются 4 арифметических действия над всеми числами первого десятка при помощи практических задач, причем выясняются некоторые наиболее важные арифметические термины, и дети научаются писать се цифры.

Затем дается понятие о десятке, как единице второго разряда, и совершается производство действий над десятками так же, как оно делалось над единицами, причем к устным вычислениям присоединяются и письменные.

Далее дается понятие о сотне, как единице третьего разряда – курс 1 года.

При прохождении этого курса дети должны быть ознакомлены наглядно с наиболее употребительными мерами веса, длины и ширины.

2-й – выделение действий, знакомство с правилами письменного производства оных над числами любой величины, а также проверка действий.

3-й год – изучение элементарного курса дробей, вычисление объемов и поверхностей.

О СООБЩЕНИИ ЗНАНИЙ ПО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ И ГЕОГРАФИИ.

По Отечественной истории должны быть прочитаны и проработаны следующие статьи о лицах и событиях Отечественной истории: крещение Руси, татарский погром, возвышение Москвы, смутное время и избрание на престол Михаила Федоровича, присоединение Малороссии, Петр Великий, Екатерина II, Александр I и Александр II.

Руководитель съезда И.И. Шалафеев, признавая необходимым, чтобы учащиеся в третьем отделении возможно лучше усвоили содержание статей по Отечественной истории высказал мнение, что для лучшего достижения этой цели и в виду недостатка времени, можно без ущерба для дела опустить естественно-исторические статьи описательного характера.

И.И. Шалфеев признавал необходимым чтение стихотворений, которые иллюстрируют статьи исторического содержания.

Наконец, И.И. Шалфеев в ряду необходимых статей признавал особенно заслуживающими внимания те, которые изображают лучшие проявления человеческой души и служат для уяснения учащимися нравственных истин.

Таким образом, основное внимание на съезде уделялось вопросам методики обучения. Методическое просвещение учителей становилось на качественно новую ступень в 1880-е гг. – это уже не научение азам методики, а нечто большее и более глубокого уровня; Довольно-таки серьезное значение приобретали межпредметные связи: в частности при изучении Отечественной истории рекомендуется знакомиться со стихотворениями, литературными статьями [1].

В целом, Львовский съезд имел большое значение в вопросах объединения учителей. При закрытии съезда учителей Львовского начального училища С.И. Ветров сказал: «Надеемся, что теперь учителя и учительницы не будут жить так замкнуто, а будут делиться своим опытом и сообща устранять встречающиеся в их практике затруднения и недоразумения, стремясь к одной общей цели – возможно лучшей постановке народной школы. Такое общение будет служить важным средством и для самообразования учителя» [2].

Позволительно предположить, что к концу 80-х гг. XIX века педагогические съезды получали широкое распространение как форма обмена передовым опытом, решения важных проблем общего состояния школы.

Анализ Львовского съезда начальных училищ позволяет сделать вывод, что на вопросы чисто методики обучения просто не хватало времени (при рассмотрении проблемы о преподавании церковно-славянского языка на вопрос: как добиваться успешного усвоения знаний ответа дано не было из-за недостатка времени).

Поэтому в конце 1890-х гг. возобновляли свою деятельность педагогические курсы, основное назначение которых – методическое просвещение учителей.

В важнейших правительственных распоряжениях по народному образованию за 1898 г., изданных комиссией по народному образованию при Курском губернском Земстве, найденных нами в Государственном Архиве Курской области, говорится следующее: «Педагогические курсы имеют целью ознакомление малоподготовленных учителей и учительниц с лучшими способами обучения, а также обновление и пополнение сведений в преподаваемых ими предметах, и вообще усовершенствование их в деле начального обучения. Соответственно этой цели, занятия на курсах разделяются на практические и теоретические, из которых к первым относятся уроки, даваемые руководителями и учителями, а ко вторым – «беседы руководителей со слушателями» [3].

В Курской губернии учительские курсы устраивались губернским Земством, начиная с 1897 года. Первым руководителем был директор местной учительской семинарии Н.Ф. Кашменский. В 1898 году был приглашен Д.И. Тихомиров, на курсах 1898 года читались также лекции по школьной гигиене местными деятелем В.И. Долженковым. Курсами 1899 года руководил И.Ф. Бунаков, курсами 1901 г. – В.П. Вахтеров. Педагогические курсы 1902 года состояли из занятий общеобразовательного характера, которым предшествовали практические упражнения по преподаванию естествознания в начальной школе. Это последнее было организовано Петербургским подвижным музеем и продолжалось в течение 11 дней под руководством Г.Г. Мальчевского, Арцимовского, Якобсона [3].

Подробнее остановимся на учительских курсах 1898 года.

В Государственном архиве Курской области нами были найдены записки о губернских курсах в г. Курске с 26 мая по 20 июня 1898 г. для учительниц и учителей земских школ Курской губернии [4].

Методика обучения в народных школах составила основной предмет рассуждения на этих учительских курсах.

«Новая» школа, получив лишь отрицательное наследство от дореформенной школы, свое новое дело построения школьного учения с выяснения и узаконения общедидактических положений, на основе которых и разрабатывала потом и практические вопросы о методах и приемах первоначального школьного учения.

Многое из того, что было сделано в недавнем прошлом, в настоящее время довольно основательно забыто, и теперь вновь приходится разяснять то, что должно было бы быть общеизвестным, переживать давно пережитое. Это именно наблюдается теперь очень часто и в области методологических вопросов. Современный школьный учитель нередко знаком лишь с тем только руководством, по которому он учит детей в школе, которое ему выслано из земской управы и проч., и в других руководствах он не знает, потому что их нет у него под руками. Такой порядок вещей не позволяет ему критически и сознательно относиться к делу постановки образования, оценивать достоинства и недостатки, избирать лучшее, совершенствоваться в своем деле; неизбежным последствием этого порядка вещей является равнодушие к своему делу, рутинность в приемах обучения, - в чем наименее всего ответственен сам преподаватель.

При сравнительной оценке методов и приемов обучения в настоящее время не редкость слышать следующее (и не от учителя только практика, но и из других уст...): «тот метод и приемы обучения нужно признать наилучшими, коими лучше всего владеет учитель». На обращенный к учителю вопрос, - по какому методу вы занимаетесь, в том или ином предмете школьного учителя, - можно получить такой ответ: « я занимаюсь по методу Евтушенского и Гольденберга» (эти методы, заметим, совершенно различны меж собою на первой, по крайней мере, ступени), или – «по методу Ушинского и Корфа» (тоже нет ничего общего), «но более всего придерживаюсь своего метода, который я вырабатывал на практике». Понятно само собой, то такой взгляд на дело, предоставляя учителю действовать во всем по своему усмотрению, совсем не обуславливает правильной постановки преподавания, избавляет учителя от необходимости тщательно изучать свое дело, пользуясь опытами других, неминуемо обрекает учителя на полный застой в своем деле, полное равнодушие во всякой живой мысли, ко всякому совершенствованию, - здесь смерть всему жизненному, что есть и должно быть в живом деле учения...

Чтобы мы сказали про врача, строителя, агронома и других работников, практическая деятельность которых должна основываться на точных знаниях, основательном, всестороннем изучении своего дела, если бы они приняли себе в руководство изложенный взгляд и принципиально оправдывали бы свое полное незнание?

Что мы скажем про учителя, который лучше всего владеет следующими методами преподавания: буквослагательный метод в обучении грамоте, изучение цифири, механическое заучивание арифметических действий; задание уроков без всяких пояснений со стороны учителя; механическое чтение с механическим же пересказом прочитанного и проч. Что мы скажем о таком «знатоке своего дела», если он нам объяснит в свое оправдание, что в превосходстве этих методов он убедился своим долголетним опытом, почему и предпочитает эти методы всем другим и желал бы, чтобы не насильствовали его воли в хорошо известном деле? – Во всяком случае; своих детей мы не отдали бы в науку такому учителю...

Методы и приемы преподавания – не дело личного вкуса и усмотрения учителя. Школа и дети существуют не для удобства учителя, а сам он призван работать на пользу учеников для лучшего их развития.

Поэтому достоинства метода и приемов обучения оцениваются не с точки зрения удобств учителя, а с точки зрения духовных интересов учащихся.

При формировании методики обучения, а равно и при оценке их, мы должны принять в соображение:

а) природу (сущность содержания, свойство, особенности) данного предмета учения,

б) духовную природу ученика – и соответственно этим основным условием установить или оценить метод учения. Надо определить, что именно в предмете составляет главное и существенное в образовательном отношении, что доступно ученику и что вовсе недоступно, что требует известной подготовки и какой именно, в какой строгой последовательности необходимо расположить учебный материал, какие требуются упражнения по свойству предмета и проч., какой духовный процесс переживает ученик при том или ином восприятии и как направить его, чтобы оно было естественным, доступным, посильным и перешло бы потом в прочное приобретение. Изучение предметов учения и духовной природы ученика и приведет учителя к определению наилучшего метода преподавания, к его дальнейшему совершенствованию.

Таким образом, наилучшим признавался тот метод учения, при котором ученик легче, лучше и прочнее воспринимал образовательное содержание предмета, при котором он скорее, вернее, больше совершенствовал свои духовные силы, при котором он усваивал умения, навыки, привычки, стремление к духовному росту и самообразованию. «Если наилучших методов учитель не знает, то он нравственно обязан был их изучать и научиться пользоваться ими при обучении детей» [4].

Анализ архивных документов позволяет сделать вывод о том, что во второй половине XIX – начале XX веков достаточно остро ощущалась проблема методического просвещения учителей, наиболее передовыми деятелями делались все попытки для ликвидации педагогической неграмотности среди народных учителей. Активное проведение педагогических съездов и учительских курсов на рубеже веков подтверждает тот факт, что методика обучения постепенно выделялась в самостоятельную отрасль педагогического знания.

Заключение

Значение педагогических съездов и учительских курсов далеко переросло первоначальные замыслы их инициаторов и организаторов. Они были задуманы как средство повышения методической подготовленности народных учителей, их ознакомления «с лучшими способами обучения», но с первых шагов своей деятельности они становились значительным фактором общественной жизни, способствующим развитию народного просвещения, русской прогрессивной педагогики.

Благодарности

Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 14-06-00166).

Примечания:

1. Государственный архив Курской области. Отчет о занятиях первого съезда учителей и учительниц начальных училищ Льговского уезда в 1883 г.
2. Государственный архив Курской области. Важнейшие правительственные распоряжения за 1898 г. по народному образованию при Курском губернском Земстве.
3. Государственный архив Курской области. Отчет о командировке на Курскую выставку по народному образованию.
4. Государственный архив Курской области. Записки о губернских педагогических курсах в г. Курске с 26 мая по 20 июня 1898 г.
5. Ватник Н.С. Реформы образования в России начала XX века. – Материалы международной конференции. В сб.: Социально-экономические проблемы Российских реформ. Отв. ред. Шульга В.А. 2001. С. 223-224.

6. Вежлев А.М. Учительские курсы и съезды в России (вт. пол. XIX в.) // Советская педагогика. 1958. №7. С. 58-63.
7. Вежлев А.М. К вопросу об учительских съездах и курсах вт. пол. XIX в. и их значении в развитии русской педагогики. Оренбургский педагогический институт. Ученые записки. Вып. 12. 1958. С. 124-136.
8. Лебедева Е. Задачи элементарного преподавания истории // Русская школа. 1914. №12. С. 53-64.
9. Маврицкий В.А. Правила и программы классических гимназий и прогимназий ведомства Министерства Народного Просвещения. М.: Изд. В.А. Маврицкий, 1912. 196 с.
10. Программы преподавания учебных предметов в мужских гимназиях Министерства Народного Просвещения. Вып. I. К.: Киев. тип., 1907. 40 с.
11. Синицкий С.И. Структура и взаимосвязи курсов отечественной и всеобщей истории в русской общеобразовательной школе: Автореф. ... на соиск. уч. степ. канд. пед. наук. Л., 1968. 21 с.
12. Студеникин М.Т. Активные методы обучения истории в русской школе начала XX века // Преподавание истории в школе. 1994. №2. С. 41-44.
13. Учебные программы 1912 года // ЖМНП. 1912. №7. С. 78-98.
14. Фукс А.Н. Школьные учебники по русской истории в конце XIX – начале XX веков // Советская педагогика. 1982. №6. С. 96-100.
15. Шаханов А.Н. Д.И. Иловайский и его учебник // Педагогика. 1999. №1. С. 74-80.
16. Школьная подготовка второй русской революции. СПб.: Без изд., 1913. 292 с.
17. Циркулярное предложение МНП О доставлении программ преподавания истории в младших классах средних учебных заведений // ЖМНП. 1902. Ч. 339. №2. С. 147-148.
18. Циркуляр МНП О программах по истории для мужских гимназий // ЖМНП. 1913. Ч. 48. №11. С. 20-21.
19. Школьное самоуправление учащихся // Для народного учителя. 1913. №2. С. 17-22.
20. Шуберт А. Дети и революция // Психология и дети. 1917. №3-4. С. 56-60.
21. Щербина А.Д. К вопросу о наших учебниках в связи с разбором новых программ курса русской словесности (по поводу проекта новой программы курса русской словесности, напечатанной в ЖМНП за 1905 год, и книге Быстрова М. «Теория словесности» СПб., 1904). О.: Тип. газ. «Одесские новости», 1906. 54 с.
22. Эртли Э. Народная школа и трудовое начало. СПб.: Изд. газ. «Школа и жизнь», 1914. 81 с.
23. Якушевич П.Г. Недуги школьного классицизма и меры для борьбы с ними. Дидактический этюд. В.: Губ. типо-лит., 1896. 92 с.

References:

1. State Archive of the Kursk region. Report on the First Congress of the classroom teachers and teachers of primary schools Lgov County in 1883 (in Russian).
2. The State Archive of the Kursk region. The most important government orders for 1898 on national education in Kursk province zemstvo (in Russian).
3. The State Archive of the Kursk region. Report on the trip to Kursk exhibition on public education (in Russian).
4. The State Archive of the Kursk region. Notes on the provincial pedagogical courses in Kursk, from 26 May to 20 June 1898 (in Russian).
5. Vatnik N. Education reforms in Russia in the early twentieth century. Proceedings of the International Conference. Social-Economic Problems Russian reforms. 2001. P. 223-224 (in Russian).
6. Veslev A. Teachers courses and congresses and in Russia (XIX century) // Pedagogika. 1958. №7. P. 58-63 (in Russian).
7. Veslev A. On the issue of teachers' congresses and courses vols. ry. and their importance in the development of Russian pedagogy. Orenburg Pedagogical Institute. Scientists note. Vol. 12. 1958. P. 124-136 (in Russian).
8. Lebedeva E. Tasks elementary teaching history // Russian school. 1914. №12. P. 53-64 (in Russian).
9. Mavritsky V. Program of classical gymnasiums and Progymnasiums department of the Ministry of National Education. M.: Publishing House. 1912. 196 p. (in Russian).
10. The teaching of subjects in the gymnasium of the Ministry of National Education. Vol. I. K.: Kiev. 1907. 40 p (in Russian).
11. Sinitskii S. The structure and relationship courses national and world history in Russian secondary school. L., 1968. 21 p (in Russian).
12. Studenikin M. Active methods of teaching history in the Russian school of the early twentieth century // The teaching of history in schools. 1994. №2. P. 41-44.
13. Order. 1912. №7. P. 78-98 (in Russian).
14. Fuchs A. School textbooks on Russian history in the late XIX – early XX centuries // Soviet pedagogy. 1982. №6. P. 96-100 (in Russian).
15. Shakhanov A. Ilovajskij D. // Pedagogy. 1999. №1. P. 74-80 (in Russian).

16. The schooling of the second Russian revolution. SPb. 1913. 292 p (in Russian).
17. Circular Regarding the delivery of **history in schools** // ZhMNP. 1902. №2. P. 147-148 (in Russian).
18. Circular about the program on the **history of the gymnasium** // ZhMNP. 1913. Part 48. №11. P. 20-21 (in Russian).
19. The school self-government students // For the **schoolteacher**. 1913. №2. P. 17-22 (in Russian).
20. Schubert A. Children and Revolution // Psychology and children. 1917. №3-4. P. 56-60 (in Russian).
21. Shcherbina AD On the question of our textbooks in connection with the analysis of the new programs of the course of Russian literature. 1906. 54 p. (in Russian).
22. Ertl E. School and the beginning of labor. St. Petersburg. 1914. 81 p. (in Russian).
23. Yakushevich P. School classicism. The didactic study. A. 1896. 92 p. (in Russian).

УДК 37 (091) (47+57) «XIX/XX»

**Педагогические съезды и учительские курсы
как средство методического просвещения учителей
второй половины XIX – начала XX веков: региональный аспект**

¹ Сергей И. Беленцов

² Оксана П. Довгер

³ Алесь А. Кузнецова

⁴ Наталья И. Агронина

⁵ Валентина Л. Баркова

¹ Юго-Западный государственный университет, Российская Федерация

305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

Доктор педагогических наук, профессор

E-mail: si_bel@mail.ru

² Курский государственный медицинский университет, Российская Федерация

305041, Курск, ул. К.Маркса, 3

кандидат педагогических наук, доцент,

E-mail: kuznetsova.a80@mail.ru

³ Курский государственный медицинский университет, Российская Федерация

305041, Курск, ул. К.Маркса, 3

старший преподаватель

⁴ Филиал Российского государственного социального университета в г. Курске, Российская Федерация

305041, Курск, пр. К.Маркса, 53

кандидат педагогических наук, доцент

⁵ Филиал Российского государственного социального университета в г. Курске, Российская Федерация

305041, Курск, пр. К.Маркса, 53

кандидат психологических наук, доцент

E-mail: kuznetsova.a80@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема методического совершенствования учителей второй половины XIX – начала XX веков.

Особое внимание уделено исследованию роли педагогических съездов и учительских курсов в Курской губернии. Показано, что необходимость методического просвещения учителей, обучение самому элементарному: чему и как учить, стали выполнять становившиеся традиционными с 1860–1870-х гг. педагогические съезды и учительские курсы.

Педагогические съезды начали активно проводиться, начиная с 1860-х гг., а к концу 1880-х гг. - получили широкое распространение как форма обмена передовым опытом, решения важных проблем общего состояния школы.

Учительские курсы как форма методического просвещения учителей начинают свое активное применение в 1890-е гг. в связи с недостаточностью времени на рассмотрение узко методических вопросов на педагогических съездах.

Анализ архивных документов позволяет сделать вывод о том, что во второй половине XIX – начале XX веков достаточно остро ощущалась проблема методического просвещения учителей, наиболее передовыми деятелями делались все попытки для ликвидации педагогической неграмотности среди народных учителей. Активное проведение педагогических съездов и учительских курсов на рубеже веков подтверждает тот факт, что методика обучения постепенно выделялась в самостоятельную отрасль педагогического знания.

Ключевые слова: методическое просвещение учителей; педагогические съезды; учительские курсы; архивные источники; вторая половина XIX–XX веков.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 38, Is. 4, pp. 948-954, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

Vasilii Ilich Denisov: Historical Portrait at the Backdrop of the Russian Modernization (End of XIX – Beginning of XX Century)

¹ Maria V. Bratolyubova

² Irina G. Brizgalova

³ Natalia V. Samarina

¹⁻³ Southern Federal University, Russian Federation

B. Sadovayastreet 105/42, Rostov-on-Don, Rostov Region 344006

¹ PhD (History), Associate Professor

E-mail: m.bratolyubova2015@yandex.ru

² PhD (History), Associate Professor

E-mail: ibrizgalova@yandex.ru

³ PhD (History), Associate Professor

E-mail: natalsamari@gmail.com

Abstract

The article dwells upon key milestones of life and activities of Russian public and political leader Vasilii Ilich Denisov. Social, cultural and political image of the Don Cossack, regional marshal of the nobility, member of the State Council, founder of the Russian Export Chamber – all these versatile aspects of the regional history of the State Duma are focused on in the article. The influence of economic, social and cultural processes of the era of the early industrial Russian modernization upon the activities of V.I. Denisov **in various spheres is analyzed. Special attention is given to Denisov's participation in the work of regional industrialists** appeared in Russia at the end of 19th beginning of the 20th century. The article states that those organizations could be considered as the origin of the institutions of Russian civil societies, and as a result an integral part of the modernization process. V.I. Denisov, being an entrepreneur of a new type, was interested in radical reforming of financial and economic policy of the government and creating favorable conditions for the development of entrepreneurship and social activity. The conclusion was drawn that Denisov belonged to that part of the Russian society that succeeded in adapting to the tough conditions of the modernization epoch, the epoch when transition from the society with traditional lifestyle pattern towards the society capable of digesting and assuming innovations, both economic, social or cultural, took place. It is shown that Denisov, being a politician, was focused on class and Russian issues in general. His political views combined traditional and bourgeois-democratic aspects.

Keywords: V.I. Denisov, modernization, nobility, State Council, Russian Export Chamber.

Введение

Освоение персонификации истории во многом предопределяет перспективы повышения теоретико-методологического уровня исторических исследований, позволяет реконструировать облик ушедших эпох с максимальной степенью жизненной конкретности. Интерес к личностному содержанию исторического процесса предотвращает обезличение истории, игнорирование человеческого опыта, на котором можно учиться. В связи с этим, освещение общественно-политической и государственной деятельности Василия Ильича Денисова представляется важным и своевременным.

Василий Ильич Денисов принадлежал к родовитой и богатой семье потомственного донского дворянства. В начале XX века он стал заметной фигурой в общественной жизни Донской области, а затем и деятелем общероссийского масштаба. Областной предводитель дворянства (1901–1907), камергер (1898), затем шталмейстер императорского двора (1906), член Государственного Совета в

1906–1915 гг. Подобный жизненный путь и такую карьеру можно было бы назвать традиционными для представителя именитой дворянской фамилии. Однако условия его жизни определялись не только и, возможно, даже не столько унаследованными сословными привилегиями и имуществом, сколько экономическими и социокультурными процессами эпохи раннеиндустриальной российской модернизации, а деятельность нашего героя в разных сферах ее приложения может быть рассмотрена как осознанная реализация им инновационных целей и задач.

Материалы и методы

Нами предпринята попытка изучить вклад В.И. Денисова в общественно – политическое движение конца XIX – начала XX вв., развитие парламентаризма в России, создание общероссийских предпринимательских организаций. В качестве основополагающего методологического принципа в работе использовался системный подход к изучению жизни и деятельности В.И. Денисова. Принцип историзма позволил рассмотреть историю развития политических и экономических взглядов и деятельности Денисова в контексте как региональной, так и общероссийской истории рассматриваемого периода. Историко-генетический метод позволил последовательно раскрыть историю предпринимательских организаций в России в начале XX в. и роли самого В.И. Денисова в них, провести анализ эволюции его экономических и политических взглядов. Историко-сравнительный метод предоставляет возможность комплексного сопоставления развития личности, политических взглядов и экономических убеждений, деятельности В.И. Денисова. Историко-типологический метод позволил проследить зависимость решений и действий В.И. Денисова от общеполитической ситуации в стране и в регионе.

В качестве источников нами были использованы архивные фонды Российского государственного исторического архива (РГИА, Ф. 873 – личный фонд Денисовых); Российского военно-исторического архива (РГВИА. Ф. 330 – Главное управление казачьих войск); Государственного архива Ростовской области (ГАРО. Ф. 107 – личный фонд Денисова В.И.). Также авторами изучены документы, связанные с работой Государственного Совета России в 1906–1915 гг., работы самого Денисова и материалы донской периодической печати.

Обсуждение

Хотя имя В.И. Денисова достаточно широко было известно в правительственных и общественных кругах России начала XX в., комплексный анализ его деятельности никогда ранее не производился ни в русской, ни в иностранной литературе. Поскольку специальных исследований жизни и деятельности Денисова нет, то определить историографию вопроса можно только в связи с исследованиями проблем политического [1-2], экономического [3-4] и социального [5] развития позднимперской России в целом и Области войска Донского в частности, деятельности парламента имперской России [6] и его отдельных партий [7]. Такой подход обусловлен тем, что вышеперечисленные проблемы напрямую связаны с биографией и политической карьерой В.И. Денисова – личности не только регионального, но и общероссийского уровня.

Результаты

По донским преданиям, родоначальник фамилии, Денис Ильич, переселился на Дон во второй половине XVII в. и первым браком был женат на дочери знаменитого С. Разина [8]. Наш герой родился 24 февраля 1863 г. в Таганроге в именитой и богатой дворянской семье. Унаследованные им земли составляли 6834 десятины, к которым, удачливо хозяйствуя, он добавил 1576 приобретенных в Черкасском и Ростовском округах [9]. И это в эпоху стремительного размывания дворянского землевладения на Дону, начавшегося вслед за разрешением донскому дворянству в 1868 г. продавать землю российским подданным разных сословий. Не меньший интерес В. Денисов проявлял и к городской недвижимости. Семья имела три дома и особняк в Санкт-Петербурге [10].

Начало жизненного пути и карьеры Василия Ильича можно считать типичными для представителя казачьего дворянства, привыкшего служить государству. По окончании в 1881 г. Пажеского корпуса – служба в I-м Донском казачьем полку, в лейб-гвардии Атаманском, в лейб-гвардии Казачьем. В 1883–1887 гг. В.И. Денисов был адъютантом войскового наказного атамана Войска Донского; 1887–1891 – адъютантом великого князя Николая Николаевича – старшего, затем – великого князя Михаила Николаевича. В 1898 г. он вышел в отставку и, если и служил, то лишь по выборным должностям на сословном и судебном поприщах. В 1899 г. В.И. Денисов был избран мировым судьей Ростовского округа, с 1901 по 1907 гг. – предводителем дворянства области Войска Донского [11].

В эти годы в его деятельности обозначилась иная ипостась, тесно связанная с экономической и социальной модернизацией, которую страна переживала после отмены крепостного права. В среде донского дворянства Денисов выделялся как владелец доходной и образцовой капиталистической экономики. Таких дворян-хозяев в области на рубеже столетий можно было пересчитать по пальцам одной руки. В имении Ильевка Ростовского округа, сложилось многоотраслевое интенсивное хозяйство, сочетавшее не только земледелие и животноводство, но и переработку продуктов [12].

Владелец Ильевки отличался высоким уровнем специальных сельскохозяйственных знаний и был, безусловно, успешным хозяином, что подтверждается сорока наградами, полученными им на российских и международных сельскохозяйственных выставках [13]. Пока В.И. Денисов сам руководил экономией, он знал поименно всех работников и их трудовые качества. Уважал за старательность работников - «хохлов»; а вот «казаков нам за свой счет нанимать не стоит», - отмечал рачительный хозяин [14]. Счет доходов и расходов в имении велся дотошно и тщательно, что было в целом не характерно для донских дворян, и являлось, видимо, отличительной личностной чертой нашего героя. Проживая после 1906 г. в столице, В.И. Денисов тщательно проверял финансовые отчеты управляющего имением и ловил последнее на подтасовках. Он мог, например, писать ему из столицы относительно личных расходов своего служащего, который часто ездил в Ростов не иначе как первым классом: «Доходы получают только тогда, когда экономят деньги, а Вы большой барин, шикарнее, чем я сам» [15]. Все описанное выше характеризует нашего героя как делового человека с рациональным экономическим поведением, адекватным эпохе модернизации.

Вторым и, кажется, весьма для самого Денисова значимым направлением деятельности стало участие в предпринимательском движении. Представительные организации предпринимателей регионального и отраслевого характера, возникшие в России в конце XIX-начале XX века как одна из форм их социальной консолидации на основе преимущественно экономических интересов, были ростками институтов гражданского общества, и, следовательно, важной составляющей процесса модернизации. В 1901 году, став председателем Донского общества сельского хозяйства, он, с одной стороны, проводил в жизнь уже имевшуюся программу деятельности организации (создание образцовых хозяйств, развитие с/х образования и агрономического дела), с другой, - попытался придать ей более широкий общероссийский характер. Он организовал первые в Донской области выставки с/х и выстроил здание для них в Ростове-на-Дону на средства, ассигнованные Николаем II; содействовал образованию новых обществ сельского хозяйства, в том числе и регионального характера (Доно-Кубано-Терское общество); инициировал издание журналов «Вестник садоводства» и «Юго-восточный хозяин», областные съезды аграриев и т.д. [16].

Уже являясь членом Государственного Совета, Денисов инициирует (1910) образование еще одной представительной организации, на сей раз общероссийской – Российской экспортной палаты. Задачи ее, с одной стороны, типичны для представительных организаций предпринимателей, обычно доводивших до имперских ведомств требования той или иной группы предпринимателей. С другой стороны, - планировалось заниматься устройством выставок в стране и за рубежом и посредничеством на европейских рынках, способствуя тем самым развитию русского экспорта в Европу и азиатские страны. Как председателя палаты В.И. Денисова волновал выход Германии на лидирующие позиции в мировой экономике и превращение ее в серьезного конкурента не только России, но и всех значимых участников мирового рынка. Он доказывал необходимость оказания помощи русским экспортерам в борьбе с германским протекционизмом [17] и пытался даже повлиять на изменение условий русско-германской торговли созданием Комиссии по пересмотру торговых договоров с Германией при Российской экспортной палате.

В.И. Денисов – автор многочисленных докладов, записок и статей по вопросам экономического развития страны. Ранние работы излагают взгляды агрария-практика, рационально хозяйствующего на юге России, где торговое земледелие ориентировалось на конъюнктуру мирового аграрного рынка. Его беспокоит хищническая эксплуатация земли [18]; отсутствие правильной организации сбыта зерна и слабая защита интересов русского экспорта [19]. Общинное владение землей - важный фактор сохранения в стране экстенсивного и малопродуктивного земледелия.

Цикл статей 1912–1913 гг. [20] отражает эволюцию экономических взглядов автора, полемизировавшего с содержанием экономической записки МФ России (1912). В отличие от чиновных составителей последней Денисов отмечал неблагоприятную ситуацию во всех отраслях хозяйства страны и увязывал ее с общим курсом экономической политики правительства, прежде всего с сохранением фискальной по своей сути таможенной системы и налогообложением, которое не соответствует «современным экономическим условиям и группировкам». Реформирование обеих этих сфер он считал наиболее «жизненными и радикальными мерами» современной ему финансово-экономической политики [21]. Весьма значим вывод Денисова о том, что развитие сельского хозяйства России вплотную зависит и от внутреннего рынка. Ситуацию на последнем он оценивал негативно, отмечая недостатки системной организации внутренней торговли [22]. Рефреном звучит в статьях критика ведомственной опеки и попечительства в отношении отраслей экономики, с трудом скрываемое раздражение [23]. Видимо, этот неутешительный вывод Денисова основан был на личном опыте участия в предпринимательских организациях.

Оценивая экономические работы В.И. Денисова в целом, следует отметить, что в них общероссийская проблематика преобладает над региональной, а критериями оценки роли, места и перспектив России в системе мирохозяйственных связей являются ценностные ориентиры рыночной экономики и рациональное мышление удачливого хозяина-практика. Это сближает их автора с той частью российских предпринимателей, которые в начале XX века были заинтересованы в радикальном реформировании всей финансово-экономической политики правительства и в создании условий для широкого развития частной предприимчивости и общественной самодеятельности.

Со времени избрания В.И. Денисова областным предводителем дворянства вопросы реформирования местного управления, а затем и курса внутренней политики в целом оказались в центре его внимания и требовали приложения все больших усилий, а эпоха первой российской революции, обозначившая расстановку политических сил в стране, потребовала определения собственной политической позиции.

В течение всего пореформенного периода своеобразной ареной политической консолидации поместного дворянства европейской части России были земства, где ведущую роль играли среднепоместные либеральные помещики. В области Войска Донского деятельность земских учреждений была приостановлена в марте 1882 г., а в 1888 г. эта же судьба постигла и земскую организацию Ростовского уезда, присоединенного к войску. В этих условиях областные общества сельского хозяйства выступали неким «суррогатом земств» [24]. Земско-либеральное движение, представленное местным дворянством, некогда участвовавшим в донском земстве, главной задачей считало возобновление его работы, регулярно иницируя ходатайства по этому вопросу. В.И. Денисов, будучи членом Государственного Совета, активно отстаивал идею введения земского самоуправления в Области войска Донского [25].

Начало первой российской революции ознаменовалось не только волнами стачечного движения рабочих, но и потоком ходатайств на имя верховной власти от органов местного самоуправления, представительных организаций, сословных корпораций. Если большинство губернских предводителей дворянства стремились «не допустить обсуждения на дворянских собраниях вопросов общегосударственного значения и направить их работу в нужное русло», [26] то В.И. Денисов сам зачастую направлял их работу в либеральное русло. В 1905 г. состоялась дискуссия о неправомерности использования казаков как полицейской силы, в которой активно участвовал и В.И. Денисов. Он выступал против действий правительства, выразившихся в намерении использовать казачьи воинские подразделения для борьбы с внутренними врагами государства. Либеральное крыло дворянского собрания после долгих дебатов направило ходатайство донскому войсковому наказному атаману с предложением освободить казачьи войска от несоответствующих воинскому достоинству полицейских обязанностей и приравнять их в этом отношении к другим войскам Российской империи [27]. Донской наказной атаман отказался дать ему ход, заявив, что «дворянство вошло в обсуждение предметов, не подлежащих его ведению, касалось вопросов, относящихся изменения существующих государственных начал» [28]. Политическая значимость описанной ситуации несомненна. Впервые представители донского дворянства попытались дистанцироваться от действий правительства по подавлению революционных выступлений. А В.И. Денисов прослыл в глазах военного министерства «беспокойным элементом» [29], и это реноме представляется заслуженным.

В.И. Денисов как глава областной корпорации принимал участие в создании политической организации русского дворянства. В.И. Денисов участвовал в работе 4-го, 9 и 11 съездов Объединенного дворянства [30]. В 1906 г. он был избран членом Государственного Совета от дворянских обществ [31].

После 17 октября 1905 г. Василий Ильич активно включился в партийно-политическую жизнь страны, вступив в «Союз 17 октября». В составе Государственного Совета в 1906–1911 гг. входил в группу центра, точнее в правое ее крыло, неофициально называвшееся по фамилии лидера «подгруппой нейдгартцев» [32]. В 1910 г. эволюционировал вправо, став членом Всероссийского Национального Союза, [33] что представляется вполне логичным итогом изменения его политических воззрений, результатом преломления основных социальных, политических и экономических требований сквозь призму казачьих региональных интересов. Весной 1911 г. В.И. Денисов мигрировал в правую группу Госсовета, заняв позиции правого центра [34]. Членом Государственного Совета России он оставался до октября 1915 г. и выбыл за окончанием срока полномочий.

В центре внимания В.И. Денисова как политического деятеля были и сословные, и важнейшие общероссийские проблемы. В его политических воззрениях причудливо переплетались как сугубо традиционалистские установки (самодержавие, сословность, корпоративная обособленность), так и буржуазно-демократические нормы формировавшегося гражданского общества (участие общественности в местном самоуправлении, принцип разделения властей). В значительной мере это обуславливалось исполнением В.И. Денисовым социальных ролей, на первый взгляд, друг с другом не совместимых: помещика и удачливого предпринимателя-агрария, главы областной дворянской корпорации и придворного, активного деятеля предпринимательского движения и члена Госсовета России.

Заключение

Хотелось бы представить В.И. Денисова человеком, успешно адаптировавшимся к жестким условиям, которые предъявляет к людям эпоха модернизации, эпоха перехода от общества, базирующегося на верности традиционному укладу жизни, к обществу, способному усваивать и присваивать инновации - экономические, социальные, культурные. Это время имманентно полно потрясений, конфликтов, трагических сломов, как общественных, групповых, так и личных.

Последние не обошли и нашего героя. Как «человек экономический», и как общественно-политический деятель Василий Ильич вполне адекватно отреагировал на вызовы эпохи, в которой жил и действовал. Как человек семейный, видимо, потерпел полное поражение, оказавшись не в состоянии предотвратить трагический распад своей семьи. Его супруга Софья Порфирьевна (урожденная Навроцкая) проживала отдельно, хотя официально развод и не был оформлен, [35] что в семейном быту дворян и российской интеллигенции эпохи модерна было явлением довольно частым. Правда, не всегда неофициальный развод родителей приводил к столь трагическим последствиям, как это случилось с сыновьями В.И. Денисова. В 1914 г. сын Николай умер от туберкулёза, один из младших сыновей-близнецов покончил жизнь самоубийством, а второй бежал с воспитателем, укравшим бриллианты на сумму 200 тыс. рублей. В 1915 году Денисов выехал сначала в Англию, а затем в Америку в поисках сына. О дальнейшей его судьбе ничего не известно. По некоторым данным с конца 1915 г. он проживал за границей и умер после 1917 г. [36]

Примечания:

1. Bowman L. Bourgeois Self-Representation and Business Tax Reform in Late Imperial Russia // *The Russian Review*. Vol. 68. October 2009. № 4. P. 583-606
2. Сватиков С.Г. Россия и Дон. (1549-1917 гг.). Исследование по истории государственного и административного права и политического движения на Дону. Белград: изд-во Донской исторической комиссии. 1924. 534 с.
3. Ascher A. Modernization and Revolution. Dilemmas of Progress in Late Imperial Russia. Edited by Edward H. Judge and James Y. Simms, Jr. with a foreword by William G. Rosenberg. Boulder, CO: East European Monographs, 1992. Distributed by Columbia University Press // *Russian History*. Vol. 20. 1993. №4. P. 314 – 316.
4. Греков А.М. Приазовье и Дон (очерки общественной и экономической жизни края). СПб., 1912. 220 с.
5. Самарина Н.В. Донская буржуазия в период империализма (1900–1914 г.). Ростов-на-Дону: изд-во РГУ. 1992. 149 с.
6. Демин В.А. Верхняя палата Российской империи. 1906-1917. М.: РОССПЭН. 2006. 376 с.
7. Санькова С. Русская партия в России: Всероссийский Национальный Союз (1908–1917 гг.) Орел. 2006. 369 с.
8. Корягин С.В. Денисовы и другие. Серия «Генеалогия и семейная история Донского казачества». Вып. 20. М., 2001. С.37.
9. РГВИА. Ф. 330. Оп.58, Д.434. Л.1.
10. В 1908 году Денисов приобрел особняк в Санкт-Петербурге по адресу: Гродненский переулок, дом № 4. Впоследствии он продал его великому князю Константину Константиновичу Романову – дяде Николая II. Ныне это здание является резиденцией Генерального консула Соединенных Штатов Америки в Санкт-Петербурге.
11. Государственный Совет Российской империи: 1906-1917 гг.: Энциклопедия. М., РОССПЭН, 2008. С. 75-76.
12. ГАРО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 11. Л. 42.
13. Там же. Д.23. Л.32.
14. Государственный Совет. СПб. 1907. С.172.
15. Цит. по: Морозова О.М. Экономический менталитет донских казаков (по материалам личных фондов ГА РО) // Известия высших учебных заведений. Северокавказский регион. Общественные науки. 2007. № 4. С.140.
16. Исторический очерк о жизни и деятельности Донского общества сельского хозяйства за 25 лет. Новочеркасск. 1913. С. 10-25.
17. Денисов В.И. Экономическое завоевание Германией Финляндского рынка. (Постепенное уменьшение сбыта из России сельскохозяйственных продуктов в Финляндию). СПб., 1911. С.4.
18. Исторический очерк о жизни и деятельности Донского общества сельского хозяйства за 25 лет. Новочеркасск. 1913. С. 26-27.
19. Денисов В.И. Задачи экономической политики. Доклад ДКТ обществу сельского хозяйства. // Юго-восточный хозяин. 1907. №19. С.6-7.
20. Например: Денисов В.И. О желательном направлении финансовой и экономической политики в России. СПб., 1912. 68 с.
21. Денисов В.И. Наша промышленность. По поводу экономической записки МФ. СПб., 1913. С. 64.
22. Денисов В.И. Современное положение русской торговли. СПб., 1913. С. 1.
23. Денисов В.И. Действительное положение сельского хозяйства в России. По поводу экономической записки МФ. Б.м. 1912. С.33.
24. Греков А.М. Нужды Дона в трудах местных сельскохозяйственных комитетов // Сборник Области войска Донского статистического комитета. Вып. 5. 1905. С.35.
25. Государственный Совет: Стенографические отчеты. Сессия 4. СПб., 1909. Стб. 1925-1927
26. Баринаева Е.П. Российское дворянство в начале XX века: экономический статус и социокультурный облик. М., РОССПЭН. 2008. С.146.

27. РГВИА. Ф.330. Оп.49. Д.1619. Л.3; Донские областные ведомости. 1905. 16 июня.
28. РГВИА. Ф.330. Оп.49. Д.1619. Л.6, 7-7 об.
29. РГВИА. Ф.330. Оп.52. Д.2107. Л. 15.
30. ГАРО. Ф.410. Оп.3. Д.41. Л.20 об.
31. Государственный Совет (портреты и биографии). 2-е издание. Пг. 1915. С. 23.
32. Ефремов И.Н. Отчет избирателям о деятельности в качестве члена III Государственной Думы. 1907–1912 гг. СПб., 1911. Ч.1. С.1.
33. Всероссийский Национальный Союз. Первое собрание представителей 19-21 февраля 1912 г. СПб., 1912.
34. Государственный Совет Российской империи. 1906-1917. Энциклопедия. М., 2008. С. 76.
35. РГИА. Ф. 873. Оп.1. Д.1. Л. 1.
36. Государственный Совет Российской империи: 1906-1917 гг.: Энциклопедия. М., РОССПЭН, 2008. С. 75-76.

References:

1. Bowman L. Bourgeois Self-Representation and Business Tax Reform in Late Imperial Russia // The Russian Review. Vol. 68. October 2009. № 4. P. 583-606
2. Svatikov S.G. Russia and Don. (1549-1917). Research on the history of public and administrative law and political movement on the Don. - Belgrade: Publishing House Don historical commission. 1924. 534 p. (in Russian)
3. Ascher A. Modernization and Revolution. Dilemmas of Progress in Late Imperial Russia. Edited by Edward H. Judge and James Y. Simms, Jr. with a foreword by William G. Rosenberg. Boulder, CO: East European Monographs, 1992. Distributed by Columbia University Press // Russian History. Vol. 20. 1993. №4. P. 314 – 316
4. Grekov A.M. Azov Sea and Don (essays social and economic life of the region). SPb., 1912. 220 p. (in Russian)
5. Samarina N.V. Don bourgeoisie in the period of imperialism (1900–1914). Rostov-on-Don, Rostov State University Publishing House. 1992. 149 p. (in Russian)
6. Demin V.A. The upper chamber of the Russian Empire. 1906-1917. M.: ROSSPEN. 2006. 376 p. (in Russian)
7. Sankova S. Russian party in Russia: Russian National Union (1908-1917) Eagle. 2006. 369 p. (in Russian)
8. Koryagin S.V. The Denisovs and others. Series “Genealogy and family history of the Don Cossacks”. Edition 20. M., 2001. P.37. (in Russian)
9. Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 330. Series 58. File 434. L.1. Credentials for 1901
10. In 1908 Denisov purchased a mansion in Saint Petersburg at the address: Grodnenskiy lane, 4. Later, it was sold to the grand prince Konstantin Konstantinovich Romanov – uncle of Nikolay II. Now this building is the residence of the Consul General of the United States of America in Saint-Petersburg. (in Russian)
11. State Council of the Russian Empire: 1906-1917: Encyclopedia. M., Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2008. P. 75-76. (in Russian)
12. State Archive of the Rostov Region (GARO). Fund 107. Series 1. File 11. List 42. (in Russian)
13. State Archive of the Rostov Region (GARO). Fund 107. Series 1. File 23. List 32. (in Russian)
14. State Council. SPb. 1907. P.172. (in Russian)
15. Cit.ex.:Morozova O.M. Economic mentality of the Don Cossacks (based on materials of the personal funds of State Archive of the Rostov Region) // Bulletin of the higher educational establishments. North Caucasus region. Social studies. 2007. No 4.P.140. (in Russian)
16. Historical sketch about live and work of the Don Society of Agriculture for the period of 25 years. Novochoerkassk. 1913. P. 10-25. (in Russian)
17. Denisov V.I. Economic conquering of the Finland market by Germany. (Gradual reduction of the agricultural products supplies from Russia to Finland). SPb. 1911. P.4. (in Russian)
18. Historical sketch about live and work of the Don Society of Agriculture for the period of 25 years. Novochoerkassk. 1913. P.26-27. (in Russian)
19. Denisov V.I. Tasks of the economic policy. Report of DKT to the Society of Agriculture. // Yugo-vostochniikhozain. 1907. No19. P. 6-7. (in Russian)
20. Denisov V.I. Concerning desirable focus of the financial and economic policy in Russia. SPb. 1912
21. Denisov V.I. Our industry. Regarding economic memo of MF. SBp. 1913. P. 64. (in Russian)
22. Denisov V.I. Modern state of the Russian trade. SPb, 1913. P.1. (in Russian)
23. Denisov V.I. Actual state of the agriculture in Russia. Regarding economic memo of MF. W/place 1912. P.33. (in Russian)
24. Grekov A.M. Needs of the Don in works of the local agricultural committees // Collection of the regional statistics committee of the Don Army. Edition 5. 1905. P.35. (in Russian)
25. State Council: Records. Session 4. SPb., 1909. Stb. 1925-1927. (in Russian)

26. Barinova E.P. Russian nobility of the **XX** century: economic status and social and cultural image. **М.**, Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 2008. P.146. (in Russian)
27. Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 330. Series 49. File 1619. List 3
28. Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 330. Series 49. File 1619. List 6-7, 7 overleaf. (in Russian)
29. Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 330. Series 52. File 2107. List 15. (in Russian)
30. State Archive of Rostov Region (GARO). Fund 410. Series 3. File 41. List 20 overleaf. (in Russian)
31. State Council (portraits and biographies). 2nd edition. Pg. 1915. P. 23. (in Russian)
32. Efremov I.N. Report for electors about activities as the member of the III State Duma. 1907 — 1912. SPb, 1911. Part 1. P.1. (in Russian)
33. All-Russian National Council. First meeting of the representatives on February 19-21, 1912. SPb, 1912.
34. State Council of the Russian Empire. 1906-1917. Encyclopedia. **М.**, 2008. P. 76. (in Russian)
35. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 873. Series 1. File 1. List 1. (in Russian)
36. State Council of the Russian Empire: 1906-1917: Encyclopedia. **М.**, Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2008. P. 75-76. (in Russian)

УДК 93/94

**Василий Ильич Денисов: исторический портрет
на фоне российской модернизации (конец XIX – начало XX вв.)**

¹ Мария Викторовна Братолобова

² Ирина Генриховна Брызгалова

³ Наталья Васильевна Самарина

¹⁻³ Южный федеральный университет, Российская Федерация
344006 Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42

¹ Кандидат исторических наук, доцент

E-mail: m.bratolyubova2015@yandex.ru

² Кандидат исторических наук, доцент

E-mail: ibrizgalova@yandex.ru

³ Кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. В статье рассматриваются основные вехи жизни и деятельности российского общественного и политического деятеля Василия Ильича Денисова. Социокультурный, политический облик донского казака, областного предводителя дворянства, члена Государственного Совета, основателя Российской Экспортной палаты – все эти разнообразные аспекты региональной истории Государственной думы находятся в центре внимания данной статьи. Проанализировано влияние экономических и социокультурных процессов эпохи раннеиндустриальной российской модернизации на деятельность В.И. Денисова в разных сферах. Особое внимание уделено участию В.И. Денисова в работе организаций предпринимателей регионального и отраслевого характера, возникших в России в конце XIX-начале XX вв. Показано, что данные организации были ростками институтов гражданского общества в России, и, следовательно, важной составляющей процесса модернизации. В.И. Денисов, как российский предприниматель нового типа, был заинтересован в радикальном реформировании всей финансово-экономической политики правительства и в создании условий для широкого развития частной предприимчивости и общественной самодеятельности. Сделан вывод о том, что Денисов принадлежал к той части российского общества, которая успешно адаптировалась к жестким условиям эпохи модернизации, эпохи перехода от общества, базирующегося на верности традиционному укладу жизни, к обществу, способному усваивать и присваивать инновации – экономические, социальные, культурные. Показано, что в центре внимания В.И. Денисова как политического деятеля были и сословные, и общероссийские проблемы. В его политических воззрениях причудливо переплетались как сугубо традиционалистские установки, так и буржуазно-демократические нормы формировавшегося гражданского общества. В значительной мере это обуславливалось исполнением В.И. Денисовым социальных разных ролей: помещика и удачливого предпринимателя-агрария, главы областной дворянской корпорации и придворного, активного деятеля предпринимательского движения и члена Госсовета России.

Ключевые слова: В.И. Денисов, модернизация, дворянство, Государственный Совет, Российская Экспортная палата.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 38, Is. 4, pp. 955-964, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

Elements of European Political Culture in the Central Asian National Outskirts of the Russian Empire: Perception Specifics of Foreign Cultural Innovations (late 19th – early 20th)

¹Yuliya A. Lysenko

²Inna V. Anisimova

³Irina B. Bochkareva

⁴Marina F. Lysenko

¹Altai State University, Russian Federation
61, Lenina Ave., Barnaul, Altai Krai, 656023
Dr. (History), Professor
E-mail: iulua_199674@mail.ru

²Altai State University, Russian Federation
61, Lenina Ave., Barnaul, Altai Krai, 656023
PhD (History), Associate Professor
E-mail: iva0410@mail.ru

³Altai State University, Russian Federation
61, Lenina Ave., Barnaul, Altai Krai, 656023
PhD (History), Associate Professor
E-mail: portnygina@yandex.ru

⁴Altai State University, Russian Federation
61, Lenina Ave., Barnaul, Altai Krai, 656023
E-mail: rina_flamme@mail.ru

Abstract

The article considers the main results of political modernization in the Central Asian national outskirts of the Russian Empire taken place in the late 19th – early 20th centuries. **The concept “Central Asian national outskirts” includes Stepnoy and Turkistan Governorate Generals, the two administrative-territorial entities founded in the 1860s as a result of a complete joining of the Kazakh camping grounds of the Junior, Middle and Elder zhuzhes; after the Kokand and Khivinsk khanates inhabited by nomads (the Kirghiz, the Kara-Kalpaks) as well as the settled population (the Uzbeks) were conquered.**

The analysis of the sources and materials conducted by the authors asserts that the political modernization of the Central Asian national outskirts proposed by the Russian Empire was carried out in line with the fundamental characteristics of West European civilization and the basis of its political culture. Thus the system of local government was established and the democratic electoral system was introduced by **means of expanding the voter’s base, with the region’s population participating** in social and political life. **The principles of bourgeois ideology based on such concepts as “equality”, “freedom”, “self-determination”** were also formed.

However, the political modernization of the Central Asian national outskirts should not be considered **as complete. Up to 1917 the political sphere of the region’s population was characterized by the** predominance of traditional mores, values and laws, whereas clan ideology, tribalism and Muslim ethno-consciousness were characteristic of the social sphere. All these factors affected the process of adapting to western political culture. The institutionalization of the new structures did not go along with the de-institutionalization of the traditional ones, and so resulted in the combination and coexistence of the traditional and modern structures.

Keywords: Russian Empire, Central Asian national outskirts, traditional holding, political culture, modernization.

Введение

На протяжении последних десятилетий в науке наблюдается устойчивый интерес к истории России имперского периода с точки зрения ее полиэтничности и поликонфессиональности. Значительным событием в изучении данной проблематики стал выход в свет серии работ зарубежных исследователей А. Капшелера, М. фон Хагена, Дж. Хоскинга, К. Матсузато и др. [1-4]. Ученые предложили новую методологическую концепцию, в рамках которой империостроительство России рассматривается сквозь призму разработки и реализации национальной политики, направленной на инкорпорацию многочисленных народов в ее политико-правовое и социально-экономическое пространство.

Современные отечественные исследователи также признают, что в целом Россия «выработала такой тип национальных отношений, который учитывал интересы инородческих этносов и способствовал многовековой, относительно мирной совместной жизни народов различных расовых, религиозно-конфессиональных и этнических ориентаций». Это стало возможным благодаря разработке и реализации региональных стратегий национальной политики, применительно к конкретным этнорегионам, учитывающим специфику того или иного народа [5; 6].

Главной целью столь либерального курса национальной политики России при всем разнообразии ее региональных практик В.С. Дякин называл этатизм: укрепление общей для империи государственности и сохранение ее территориальной целостности, выражавшееся в объективной тенденции – выработке единого стандарта подданства и управления [7]. Эта цель наиболее актуализировалась в 60–70-е гг. XIX в., когда завершилось присоединение в состав Российской империи крупнейших этнорегионов: Степного края, Туркестана, Кавказа. Начавшаяся в этот же период модернизация политической и социально-экономической системы обозначила необходимость «унифицировать все части империи в административном, культурном, правовом и социальном смыслах, интегрировать общество по вертикали – через прежние сословные барьеры и по горизонтали – через национально-региональные границы независимо от их местоположения и всеми жителями страны независимо от их сословной и национальной принадлежности» [8].

Результаты и последствия политики Российской империи в контексте вариативности предложенных национальным окраинам модернизационных схем современными исследователями детально рассматриваются в рамках «польского», «еврейского», «мусульманского», «инородческого» вопросов [9]. В то же время «центральноазиатский вариант» модернизации представлен в историографии крайне слабо. При этом преобладающей тенденцией является анализ процессов трансформации социально-экономической структуры традиционных обществ региона, вопросы трансформации традиционных политических культур остаются за рамками внимания исследователей. Данная статья представляет собой попытку восполнить существующий пробел.

Материалы и методы

Теоретической основой статьи выступает теория модернизации, которая объясняет закономерности перехода традиционных обществ из аграрного периода развития в индустриальный. Характерными его чертами выступают трансформации традиционных политических культур и социально-экономических отношений (системы хозяйства, технического вооружения и организации труда). При этом параллельно в ходе этого процесса происходит замена традиционных ценностей, препятствующих социальным изменениям и экономическому росту, на ценности, мотивирующие хозяйствующие субъекты на инновационную деятельность. Очевидно, что аграрное российское общество, население которого было крайне дифференцировано в правовом смысле, в переходный к индустриальному обществу период стремилось решить проблемы социально-правового, экономического равенства всех граждан империи. Именно с этой точки зрения необходимо рассматривать политику России в центральноазиатских национальных окраинах, направленную на инкорпорацию их населения в политико-правовое пространство империи.

Для решения заявленной исследовательской задачи был привлечен разнообразный круг источников. Среди них: законодательные и нормативные акты Российской империи (Устав о сибирских киргизах 1822 г., Положение об управлении оренбургскими киргизами 1844 г., Временные положения об управлении Оренбургским, Западно-Сибирским, Туркестанским, Степным генерал-губернаторствами 1860-х, 1880–1890-х гг.), позволяющие представить позицию государства по отношению к традиционным политическим институтам центральноазиатского общества, проследить эволюцию системы местного самоуправления, поэтапно вводившуюся в регионе на протяжении XIX в.

Наиболее информативной группой выступили источники делопроизводства региональных органов управления Степным и Туркестанским генерал-губернаторствами, отложившиеся в Центральном государственном архиве Республики Казахстан, а также опубликованные в ряде сборников документов и материалов. В источниках этой группы представлены Всеподданнейшие отчеты Степного и Туркестанского генерал-губернаторов, протоколы заседаний областных

правлений, переписка центральных органов власти (МВД, МИД, Военное министерство) с чиновниками местной администрации. Информация, представленная в делопроизводственной документации, позволяет выявить позиции администрации по целому спектру вопросов национальной политики России в отношении традиционных обществ региона, оценку ею степени готовности местных этносообществ к процессам трансформации и интеграции в социокультурное и политико-правовое пространство Российской империи.

Для анализа общественно-политической ситуации в центральноазиатских национальных окраинах на рубеже XIX–XX в. и степени участия коренных этносов в политических процессах привлекались материалы периодических изданий, выходивших в этот период в регионе, а также статистические источники – материалы Первой Всероссийской переписи населения.

Результаты

Завершение процесса присоединения территорий Старшего жуза, завоевание Кокандского ханства и включение в сферу российских интересов посредством системы протекторатов Хивинского ханства и Бухарского эмирата в 1870–1880-е гг. поставило на повестку дня вопрос об интеграции данного региона в общеимперское политическое и социально-экономическое пространство. Реализация данной стратегической задачи по времени совпала с началом буржуазных реформ в России, сопровождавшихся формированием единого общероссийского рынка, буржуазии, рынка рабочей силы, региональной специализацией, усилением социальной мобильности населения империи. Вектор политической модернизации пореформенной России был направлен в сторону создания конституционной монархии, предполагавшей либерализацию и демократизацию, формирование партийной системы и элементов гражданского общества. Таким образом, в основе российского варианта модернизации выступали фундаментальные характеристики западноевропейской цивилизации и ее основные элементы политической культуры [10].

Более низкий уровень развития и подчиненное положение центральноазиатских обществ (включенных в административном плане в состав Степного и Туркестанского генерал-губернаторств) в системе «метрополия-колония» определили основные направления межкультурного взаимодействия и реализацию политики их интеграции в общеимперское пространство. Их основным содержанием стала искусственная пересадка элементов политической системы более развитой российской/западной цивилизации на центральноазиатскую почву.

До середины XIX в. политика России в отношении многочисленных азиатских народов определялась рамками просветительской концепции исторического прогресса. Ее основой выступала идея линейного эволюционного развития человеческого общества, прошедшего ряд этапов от состояния дикости, общего для всех народов, через варварство к цивилизации. Эволюция предполагала движение к определенной цели на основе интеллектуального развития и морального совершенствования. Целью движения должно было стать достижение «позитивной эпохи», признаками которой выступали торжество рационализма и науки, доминирование промышленно производства. Движение к «промышленной системе» как общественному идеалу просветители рассматривали сквозь призму исторической неизбежности, которая объединит человечество и приведет к стиранию национальных границ.

Концепция эволюционизма определила патерналистский подход в политике России по отношению к ее азиатским народам. Как отмечает в связи с этим Е.П. Ковалышкина «Роль европейца-культуртрегера соответствовала привычному мессианскому самочувствию России. В фундаментальной для него "универсальной истине" легли воспринятые из Европы представления об атрибутах культурного прогресса и "цивилизованного общества": рациональный политический порядок, развитое право и соответствующая система хозяйственной деятельности (доктрина физиократов о земледелии как критерии цивилизованности), оседлый образ жизни, развитие наук и пр., отвергавшие ценностное значение "незападного» [11]. Распространение влияния российской экономики и государственной власти на народы Центральной Азии должно было оказать на них благоприятное влияние, сделать их надежными подданными великой державы, на приращение могущества которой они способны будут обратить свои хозяйственные навыки и труд.

В политическом плане выражением этой концепции стало создание так называемой системы «косвенного управления». Ее суть сводилась к частичному сохранению традиционных политических институтов с целью контроля за внутренней жизнью обществ, внедрению новых административных институтов управления и формированию прослойки чиновничества из местной этнической среды в качестве посредников и агентов российского влияния в регионе. Так, в 1820-е гг. у казахов Младшего и Среднего жузов, ранее других народов Центральной Азии попавших в сферу влияния России, был отменен традиционный политический институт ханской власти. В тоже время, не смотря на введение российского судопроизводства, у кочевников был сохранен традиционный судебный орган – суд биев. Аналогичная ситуация имела место в Туркестанском генерал-губернаторстве: исковые и гражданские дела оставались в компетенции шариатского суда.

Введение и оптимизация деятельности административных институтов управления в регионах Центральной Азии осуществлялись Россией поэтапно на протяжении всего XIX в. Центральное место в созданной системе управления принадлежало органам местного самоуправления. Так, у казахов

Младшего жуза в первой половине XIX столетия на ее первом уровне реализовывался принцип разделения кочевий на три части – Западную, Центральную, Восточную – во главе с султанами-правителями. За ними закреплялись полицейская и исполнительная функции, и они были подотчетны Оренбургской пограничной комиссии. Каждая из трех частей делилась на дистанции во главе с дистанционными начальниками и аулы с аульными правителями, составляя второй уровень этой системы.

На территории Среднего жуза в 20–40-е гг. XIX в. была создана трехступенчатая модель административного управления: округ – волость – аул. Местное самоуправление казахов-кочевников было представлено волостным и аульным звеньями. Во главе волости как составной части округа стоял волостной управитель – старший султан. Аульные старшины руководили низовыми звеньями системы административно-территориального управления. Они подчинялись волостному правителю, в «точности исполняли его предписания», обязаны были следить за «тишиной и порядком во вверенном ему ауле» и т.д.

Несомненным достоинством системы местного самоуправления Средним жузом являлось введение выборности должностных лиц. Так, старший султан избирался из султанского сословия сроком на три года, но за ним сохранялось право переизбрания на второй и другие сроки. Выборы производились по большинству голосов, причем отсутствующий по каким-либо причинам избиратель мог прислать доверенное лицо и изложить свое мнение в письменном виде. Избранный на должность мог приступить к исполнению обязанностей – полицейских, надзирательных и судебных – только после прохождения процедуры утверждения в должности Омским областным начальством. Эта мера позволяла российской администрации контролировать избирательный процесс и проводить на должности лояльно к ней настроенных казахских лидеров.

Должность волостного правителя являлась выборной лишь в момент образования волости. В круг его обязанностей входило «охранение общей и частной безопасности» и вообще спокойствия и тишины в волостях. В выборах аульного старшины участие могло принимать все взрослое население аула. Процедура избрания проходила в аулах словесно, большинство голосов решало исход дела. На выборах обязательным было присутствие волостного управителя. Он не участвовал в процедуре голосования, но в случае несогласия с его результатами, имел право «присоединять к тому свои мнения» окружному приказу [12].

На протяжении 1830–1850-х гг. круг допущенных к избранию в Среднем жузе неизменно расширялся. Представители региональной власти считали, что разделение казахов на волости и аулы и предоставление им права избирать волостных и аульных начальников, способствовали разрушению традиционных социальных установок и постепенному ослаблению родового начала. Утверждение на должность избранных народом представителей российской администрацией и установление для них фиксированного жалования, льгот и привилегий способствовали более успешной интеграции степной политической элиты в социальную структуру российского общества.

В тоже время к середине XIX в. стал очевидным и ряд недостатков системы выборов в казахской степи. Во-первых, существовал имущественный ценз для выборщиков и особый социальный статус, лиц, допущенных к выборам. Во-вторых, выборы аульных старшин производились в присутствии волостного управителя казахами того аула, к которому принадлежал избираемый, причем словесно по большинству голосов. Это, по мнению властей, нарушало демократичность процедуры голосования, ее необходимо было сделать тайной. Существующая ситуация вела к тому, что выборы старшин происходил в большинстве случаев по указанию волостного управителя и взаимному соглашению между собой родоначальников, т.е. не могло быть речи о народном выборе. В-третьих, претенденты на должность аульного старшины, не имевшие поддержки волостных правителей и народа, для приобретения поддержки использовали подкуп и «всевозможные послабления». Критиковалось и отсутствие оплаты труда руководителям низовых звеньев системы местного самоуправления. Это обстоятельство давало аульным и волостным старшинам основания прибегать к косвенным поборам, которые тяжело отражались на народе [13].

Во второй половине XIX в. происходила унификация административно-территориальной системы и системы местного самоуправления в казахской степи. Параллельно, в связи с завоеванием Россией Кокандского и Хивинского ханств, начался процесс формирования административно-территориальной системы созданного на этих территориях Туркестанского генерал-губернаторства. В результате в центральноазиатских национальных окраинах была сформирована единая пятиступенчатая модель управления: генерал-губернаторство – область – уезд – волость – аул. В системе местного самоуправления в отношении кочевого населения наблюдалась преемственность с предыдущим периодом и она сохранила двухступенчатую модель на уровне волостей и аулов. Для оседлых земледельческих народов Туркестанского края вводилась одноступенчатая модель, на уровне аксакальств, которые соответствовали сельским обществам внутренних районов империи [14].

Ключевым моментом административных преобразований в центральноазиатских национальных окраинах в 1870–1890-х гг. являлся вопрос о целесообразности сохранения выборных начал в системе местного самоуправления для коренного населения региона. Единства в его решении не было как у представителей центральных, так и региональных органов власти. Определенная группа чиновников считала нецелесообразным дальнейшее сохранение выборности при

формировании органов местного самоуправления, настаивая на необходимости укрепления государственной власти в регионе посредством установления военно-административного режима. Она была убеждена, что традиционные социальные установки и нормы общежития не позволят «туземцам» быстро освоить достижения европейской цивилизации, в том числе, в вопросе трансформации традиционной политической культуры. Основанием для подобного рода заявлений выступали многочисленные свидетельства региональных органов власти о «предвыборных распрях» в аульных и волостных обществах, которые «принимали часто столь угрожающие общественному спокойствию и порядку размеры, что повторение выборов, а иногда и самое их допущение являются совершенно бесцельными». По сообщениям уездных начальников в ходе предвыборной кампании, кандидаты на должности тратили до 1500 рублей, формируя себе «партию» путем «угощения и подкупов». Победив на выборах, волостной правитель и его окружение стремились как можно скорее возместить финансовые затраты, понесенные ими во время предвыборной кампании, как правило за счет «проигравшей партии». При этом использовались незаконные с точки зрения российской юридической системы методы: подача ложных исков, захват земли, угон скота, составление ходатайств о высылке и т.д. Кроме этого, предвыборная борьба противостоящих группировок порождала систему трайбализма, когда победившая «партия» стремилась на вакантные должности волостного правления и аульных старшин провести кандидатов из своих родовых звеньев. Таким образом, только один род или подрод становился полным хозяином волости. Проигравшая «партия», а вместе с ней и весь ее род, оказывалась абсолютно незащищенной от произвола. В лучшем случае такая ситуация приводила к разделу аула на две части, в худшем – к прямым столкновениям между противниками [15].

Другая группа администраторов, напротив, считала необходимым повсеместное распространение выборных начал среди народов центральноазиатских национальных окраин. Свои аргументы они основывали на том, что, во-первых, выборы как институт политической системы являлись важнейшим элементом традиционных обществ региона. Во-вторых, подчеркивалось, что коренным народам необходимо прививать идеи гражданского общества. Концепция их интеграции в политическое пространство России диктовала, по их мнению, необходимость введения здесь общеимперских законов и уравнивания в правах всех граждан государства, в том числе в вопросах предоставления и организации местного самоуправления. В-третьих, местное самоуправление по представлениям многих чиновников способствовало созданию социальной прослойки – чиновничества их местной этнической среды – обеспечивающей взаимодействие коренного населения с российскими органами власти.

На законодательном уровне практическую реализацию нашла вторая точка зрения. Поэтому во второй половине XIX в. неизменно расширялась социальная база как выбираемых, так и выборщиков. К кандидатам на должность волостного правителя или аульного старшины/аксакала предъявлялся ряд формальных требований: возрастной ценз (достигшие 25 лет), отсутствие судимости, уважение и почет со стороны избираемых. Социальное происхождение кандидатов во внимание не принималось. Право косвенного участия в выборах получило все население степи. Однако сама процедура голосования не носила характер всеобщности. В каждой волости 50 кибиток избирали одного делегата на волостной съезд для избрания волостного правителя и его кандидата. Аналогичный принцип действовал при избрании аульного старшины/аксакала: на аульном сходе избранный от 10 кибитководельцев/домовладельцев представитель мог выразить их гражданскую позицию.

Голосование являлось тайным, «баллотировочными шарами или другими условными знаками». Результаты голосования определялись по принципу мажоритарности: набравший большинство голосов считался избранным на должность. От системы местного самоуправления действовавшей в Младшем и Среднем жузах в 1830–1840 гг., был заимствован принцип контроля со стороны военных губернаторов областей и уездных начальников за выборами: им было предоставлено право утверждать результаты выборов. Если выборы признавались несостоявшимся, военному губернатору было позволено назначать новые выборы.

Во избежание злоупотреблений со стороны волостных управителей и аульных старшин, считавшихся крупнейшим недостатком действовавшей в первой половине XIX в. системы местного самоуправления, законодатели предприняли ряд ограничительных мер. Во-первых, вводились временные ограничения (три года) на занятие той или иной должности в степи. Во-вторых, параллельно с волостным начальником вводилась должность его кандидата, т.е. помощника. Изменялся и статус должностных лиц местных органов управления. Законом им определялась фиксированное жалование, выплачиваемое аульными обществами. Они также получали государственные символы власти: печать и нагрудные знаки. Должностным лицам системы местного предоставлялись полицейские, исполнительные, в некоторых случаях, судебные функции. Военные губернаторы имели право в случае невыполнения возложенных на них обязанностей отстранять волостных правителей и аульных старшин от должности.

Элементы представительной системы и системы выборов на должность в органы местного самоуправления, созданные в центральноазиатских национальных окраинах, подготовили в начале XX в. условия для роста этнического самосознания и консолидации народов, их политизации и

включения в религиозное, общественно-политическое и парламентское движение. Свидетельством являлось участие народов Степного и Туркестанского генерал-губернаторств в I всероссийском съезде мусульман, прошедшем в 1904 г. в Нижнем Новгороде, в профсоюзном, рабочем и аграрном движении в годы Первой русской революции 1905–1907 гг. [16], а так же подготовке к выборам и сами выборы депутатов в первую и вторую Государственную думу Российской империи в 1906–1907 гг. Оценивая эти события газета «Айкап», издававшаяся в Степном крае, отмечала: «Депутаты-казахи, участвовавшие в работе первых двух Государственных дум, увидели наяву равенство, которое им никогда в жизни не снилось: будучи депутатами, наделенными свободой участвовать в обсуждениях вопросов по совершенствованию законов и положений народов, они достигли высокого уровня» [17].

Важным элементом трансформации традиционных политических культур центральноазиатских окраин Российской империи стала интеграция представителей национальных интеллигенций в общероссийское партийное движение. При этом важно подчеркнуть, что на рубеже XIX–XX вв. центральноазиатская интеллигенция, малочисленная и разночинная по своему составу, находилась на этапе идеологического оформления, осознания своего места и роли в общенациональном движении. Поэтому, на начальном этапе своей деятельности она испытала мощное влияние российских партий, таких как кадеты и эсеры, и примыкала к ним [18].

На начальном этапе своей деятельности для национальных интеллигенций была характерна трансляция и реализация просветительских идей, призванных пробудит сознание народов региона и привести к реформации и старосредневекового, и колониального. Революционные события в России начала XX в. предопределили быструю эволюцию политических и идеологических ее взглядов: от идей просветительства к оформлению идеологии национально-освободительного движения, с последующим выделением из нее политических идей [19].

Просветительство и политическая практика лидеров национальных движений оказали определенное воздействие на сознание народов центральной Азии. Тесная связь метрополии и трансляция ее политических событий на центральноазиатские национальные окраины привела к тому, что в традиционных обществах региона стали говорить о «свободе», «равенстве», и «национальных задачах». Анализ региональных периодических изданий начала XX в. позволяет говорить, что под «равенством» и «свободой» понимались, прежде всего, право посылки депутатов в Государственную думу, участие в обсуждении законопроектов страны, право постановки на рассмотрение Думы законопроектов, непосредственно затрагивающих региональные этнопроблемы. Когда новым избирательным законом, принятым в соответствии с Манифестом 1907 г. «О роспуске Государственной думы, о времени созыва новой думы и об изменении порядка выборов в Государственную думу», народы Степного края и Туркестана были лишены избирательного права, это было воспринято как «печальное» явление, как переход от «равенства» к «неравенству», как потеря «промелькнувшей свободы» [20].

«Свобода» и «равенство» в сфере внутренних прав традиционных обществ понимались как ограничение произвола и насилия местной администрации, решение религиозного вопроса (создание отдельного духовного управления - муфтията для мусульман центральноазиатского региона, свобода отправления религиозного культа), развитие национальной системы образования на родных языках, прекращение земельных экспроприаций в Переселенческий фонд. «Самоопределение» многими понималось как стремление к местному самоуправлению на подобии русского земства.

Однако в целом, по оценке исследователей, либерально-демократические взгляды центральноазиатской интеллигенции не позволили ей оформиться в зрелые демократическое массовое общественное движение. Лидеры национальной интеллигенции не выдвигали планов хотя бы частичных реформ хозяйственной, налоговой и судебно-административной систем, не выдвигали они проектов преобразования внутреннего управления и организации власти в крае. Первые партии («Алаш», «Уш-жуз» и др.) появились на политической арене региона в период революций 1917 г. При этом их социальная база была крайне узкой, что предопределило незначительную их численность [21].

Таким образом, на протяжении второй половины XIX – начала XX в. в центральноазиатских национальных окраинах Российской империи осуществлялось внедрение демократических элементов западной политической культуры: выборность народных представителей, демократизация выборов через расширение электората, участие населения региона в общественно-политическом процессе, формирование элементов буржуазной демократии, основанных на понятиях «равенство», «свобода», «самоопределение». Политическая борьба на выборах в Государственную думу Российской империи имела все необходимые атрибуты: партийные программы, агитацию, предвыборные обещания. В структурно-организационном аспекте демократическая политическая культура, свойственная западной цивилизации, была перенесена на местную почву и осваивалась коренными этносами. При этом следует отметить, что перенесение в традиционные общества региона новых элементов европейской политической культуры вряд ли можно считать самостоятельным направлением национальной политики государства, поскольку оно осуществлялось в рамках общеимперской политической модернизации.

Внешние проявления межцивилизационного взаимодействия России-метрополии с народами центральноазиатских национальных окраин, характеризовавшиеся институционализацией

заимствованных политических инокультурных инноваций, имели и обратную сторону, заключающуюся в усвоении цивилизацией–реципиентом новых ценностей, идей, обуславливающих качественно новую мотивацию поведения ее членов. В связи с этим, нужно отметить, что на рубеже XIX – XX вв., политическая жизнь центральноазиатских окраин была отмечена рядом специфических черт: неразвитостью активных форм национально-освободительной борьбы, слабым проявлением антиколониальных настроений, замедленным развитием политических партий. Политической индифферентностью большинства населения региона.

Главная причина видится в незавершенности процесса политической модернизации в центральноазиатских национальных окраинах. Несколько десятилетий – конец XIX – 1917 г. – отведенных на освоение политических инноваций, оказались слишком малым сроком для того, чтобы функциональное предназначение европейских политических институтов пришло в условиях господства традиционных политических культур в соответствие с их реальным содержанием. Следует также иметь в виду, что политическая модернизация, начавшаяся в Степном и Туркестанском генерал-губернаторствах, осуществлялась параллельно с модернизацией экономической. Последняя существенно изменила социально-экономическую структуру Степного края и Туркестана. Флагманами преобразований выступали добывающая и перерабатывающая отрасли, в также железнодорожное строительство. Наблюдалось усиление урбанизации, развитие кредитно-банковской системы, торговли, рынка труда [22]. Важным следствием модернизационных процессов стало углубление и расширение товарности производства, в том числе в аграрном секторе. Все это, безусловно, создавало предпосылки для усиления социальной мобильности населения региона и роста этнического самосознания [23].

В тоже время, рост числа предприятий и объемов производства в Степном крае шел относительно медленными темпами по сравнению с промышленностью центральных губерний России. В 1913 г. в регионе насчитывалось только около 0,7 % предприятий метрополии, на которых работало лишь 0,2 % от числа всех работающих [24]. Удельный вес промышленной продукции Степного края от общероссийской накануне Первой мировой войны составлял не более 0,3 % [25].

По материалам Первой всероссийской переписи населения 1897 г. структура занятости, например, казахского населения выглядела следующим образом: от общей численности казахов традиционно животноводством продолжало заниматься 72 %, земледелием – 24 %, частной службой – 1,46 %, торговлей – 0,52 %. В городах Степного края численно преобладали русские. Казахи среди горожан Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей Степного края составили 16 %. Еще более сельским являлся состав коренного населения Туркестанского края: по переписи 1897 г. из 4987 тысяч человек только 576 тысяч человек или 11,6 % проживало в городах. В начале XX в. произошло некоторое увеличение численности городских жителей из числа коренных народов до 14,4 % [26].

Преобладание в социально-экономической и политической сферах центральноазиатских национальных окраин традиционных норм, ценностей и установок предопределило трудность и замедленность процесса освоения элементов западной политической культуры. В социальной структуре этнических общностей региона продолжали сохранять свои позиции клановая и родовая идеология, трайбализм и мусульманское этносознание, но не социально-классовые и политико-экономические интересы. Институционализация новых структур не сопровождалась деинституционализацией традиционных, а привела лишь к совмещению и сосуществованию традиционного и современного.

В условиях господства родового и кланового сознания демократические выборы, антураж избирательных кампаний на административные должности системы местного самоуправления лишь прикрывали существенную черту традиционных обществ. Важнейшей особенностью традиционного постарно-родового политического сознания было отсутствие понятия о власти и тем более партии как абстракциях. Иным словами к 1917 г. в традиционной политической культуре пока еще не произошла деперсонализация сознания.

Освоение элементов западной политической культуры и местного самоуправления тормозилось отсутствием базиса парламентаризма – социальной структуризации общества исторически сложившимися отношениями предпринимательства и свободного найма рабочей силы, сильных профсоюзов, бюрократии современного типа, развитых политических партий и прессы. Органы местного самоуправления превращались в арену столкновения клановых и родовых интересов, соперничества в назначении своих членов на административные посты. Чиновники из местной этнической среды вынуждены были действовать в рамках двух систем ценностей. Однако незнание большинства их русского языка, как языка официального делопроизводства, давление, которое они испытывали со стороны родственников, делали их пассивными проводниками имперской политики в центральноазиатском регионе.

Выводы

Подводя итоги, отметим, что последовавшая после включения центральноазиатских национальных окраин в сферу интересов Российской империи, политическая модернизация данного этнорегиона привела к определенной трансформации традиционных политических установок,

внедрению инокультурных инноваций. Это, в свою очередь, заметно изменило облик традиционных обществ региона, заложило основы политической системы, более адекватно отвечающей решению вставших перед ними проблем в новой исторической ситуации. Особенностью этих процессов стали асинхронность освоения западных политических структур и ценностей, в результате чего функциональное предназначение ряда современных политических институтов не отвечало их реальному содержанию. Наполнение новых форм частично модифицированным традиционным содержанием в значительной степени было обусловлено прочностью цивилизационных основ, значимостью для центральноазиатских обществ традиционных политических ценностей и символов, бесперспективностью легитимации политических инноваций за счет ущемления легитимности освященных веками традиционных институтов.

Благодарности

Авторы выражают благодарность Российскому гуманитарному научному фонду за финансовую поддержку, оказанную при выполнении статьи. Проект № 15-31-12023 «Революции 1917 г. в России и «национальный вопрос» (на примере центральноазиатских национальных окраин)».

Примечания:

1. Каппелер А. Россия – как многонациональное государство. М., 1992.
2. Хоскинг Дж. Россия: народ и империя. 1552–1917. Смоленск: Русич, 2000.
3. M. Hagen. Does Ukraine Have a History? // Slavik Review, Vol. 54. No. 3 (Autumn, 1995).
4. Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire / Ed. by Matsuzato, Kimitaka. Slavic Research Center, Hokkaido University, 2007. 273 p.
5. Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX века) // Сборник научных статей. М., 1997.
6. Российская многонациональная цивилизация. Единство и противоречия. М., 2003.
7. Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 130–143; 1996. № 11–12. С. 39–72.
8. Миронов Б.Н. Историческая социология истории. Спб., 2009. С. 50.
9. Shaidurov, Vladimir. Poles in the economy of Siberia and Central Asia in the second half of the 19th century (as illustrated in the Poklewski-Koziell family). *International Business Management*. 2015. Vol. 10. Is. 3. pp.: 194-195.
10. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.) / И.В. Анисимова, Ю.А. Лысенко и др. Барнаул: Азбука, 2014. 284 с.
11. Ковалышкіна Е.П. «Инородческий вопрос» в Сибири. Концепция государственной политики и областническая мысль. Томск: изд-вл Томского государственного университета, 2005. С. 97–98.
12. Лысенко Ю.А., Анисимова И.В. Позиция центральных и региональных органов власти по вопросу организации системы местного самоуправления в казахской степи (вторая половина XIX – начало XX в.) / Ю.А. Лысенко, И.В. Анисимова // Международные отношения в Центральной Азии: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции. Барнаул. 2013. Вып. 3. С. 46–54.
13. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 490. Л. 38–38об.
14. Лысенко Ю.А., Куликова М.В. Система местного самоуправления в казахской степи: идеология реформ и проблемы реализации (конец XVIII – середина XIX в.) / Ю.А. Лысенко, М.В. Куликова // Известия Алтайского государственного университета. Серия история, политология. 2013. № 4/1. С. 181–189.
15. Материалы по истории политического строя Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1960. Док. № 131. С. 404.
16. Революция 1905–1907 гг. в Средней Азии и Казахстане. Ташкент: Наука. 1985.
17. Айкап. 1911. №5. С. 2.
18. Зиманов С.З. В.И. Ленин и советская национальная государственность в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1970. С. 45–54.
19. ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2303. Л. 34–53.
20. Айкап. 1912. № 7. С. 7.
21. Восточное отделение правительства Алашорды. Сборник документов. Семей: Отан, 2010. 425 с.
22. История Казахстана в пяти томах. Алматы: Наука, 2000. Т. 3. С. 571.
23. Лейзерович Е.Е. Социальные и экономические итоги Российской колонизации Туркестана. Тель-Авив, 2001. С. 163.
24. Центральная Азия в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 137.
25. Жиренчин К.А. Политическое развитие Казахстана в XIX – начале XX в. Алматы, 1996. С. 148–153.

26. Всероссийская перепись населения. Т. 81. Акмолинская область. СПб., 1904. С. 84–87; Т. 84. Семипалатинская область. СПб., 1905. С. 88–89; Т. 85. Семиреченская область. СПб., 1905. С. 92–95; Т. 86. Сыр-Дарьинская область. СПб., 1905. С. 116–119. Т. 87. Тургайская область. СПб., 1904. С. 62–63; Т. 88. Уральская область. СПб., 1905. С. 88–109.

References:

1. Kappeler, A. Russia – a multinational country. Moscow. 1992.
2. Hosking, J. Russia: People and Empire. 1552-1917. Smolensk. *Rusich*, 2000.
3. Hagen, M. Does Ukraine Have a History? *Slavik Review*, Vol. 54. No. 3 Autumn, 1995.
4. Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire / Ed. by Matsuzato, Kimitaka. *Slavic Research Center, Hokkaido University*, 2007. 273 p.
5. The Russian Imperial system in regional dimension (19th – early 20th century). *Collection of scientific articles*. Moscow. 1997.
6. Russian multinational civilization. Unity and contradictions. Moscow. 2003.
7. Dyakin, V. The issue of inter-ethnic relations in the domestic policy of tsarism. *Voprosy istorii*, 1995. № 9. pp. 130-143; 1996. № 11-12. pp. 39-72.
8. Mironov, B. Historical sociology of history. St.Petersburg. 2009. p. 50.
9. Shaidurov, V. Poles in the economy of Siberia and Central Asia in the second half of the 19th century (as illustrated in the Poklewski-Koziell family). *International Business Management*. 2015. Vol. 10. Is. 3. pp. 194-195.
10. Anisimova, I., Lysenko, Yu., Tarasova, E. Traditional Kazakh society in the national policy of the Russian Empire: conceptual framework and implementation mechanisms (19th – early 20th centuries). Barnaul. *Azbuka*, 2014. 284p.
11. Kovalyashkina, E. “Non-Russian problem” in Siberia. The concept of government policy and regional thought. Tomsk. *Publishing House of Tomsk State University*, 2005. pp. 97–98.
12. Lysenko, Yu., Anisimova, I. Central and regional authorities opinion on forming the system of local government in the Kazakh steppe (second half of the 19th – early 20th centuries) / Lysenko, Yu., Anisimova, I. // International relations in Central Asia: history and contemporaneity. *International research and training conference proceedings, Barnaul*. 2013. № 3. pp. 45–46.
13. The Central State Archive of the Republic of Kazakhstan. f. 4. Inv. 1, d. 490. pp. 38–38.
14. Lysenko, Yu., Kulikova, M. The system of local government in the Kazakh steppe: ideology of reforms and problems of realization (late 18th – mid. 19th centuries) *Bulletin of Altai State University. History. Politology*, 2013. №4/1. pp. 181–189.
15. Materials on the history of the political system of Kazakhstan. Alma-Ata. *Nauka*, 1960. d. № 131. p. 404.
16. Revolution in Central Asia and Kazakhstan in 1905-1907. Tashkent. *Nauka*, 1985.
17. *Aikap*, 1911. № 5. p. 2.
18. Zimanov, S. Vladimir I. Lenin and Soviet national statehood in Kazakhstan. Alma-Ata. *Nauka*, 1970. pp. 45–54.
19. The Central State Archive of the Republic of Kazakhstan. f. 4. Inv. 1, d. 2303. pp. 34–53.
20. *Aikap*, 1912. № 7. p. 7.
21. East department of Alashordy government. Collection of documents. Semei. *Otan*, 2010. 425 p.
22. History of Kazakhstan in five volumes. Almaty. *Nauka*, 2000. Vol. 3. p. 571.
23. Leizerovich, E. Social and economic results of the Russian colonization of Turkistan. Tel Aviv. 2001. p. 163.
24. Central Asia as a part of the Russian Empire. Moscow. *Novoye Literaturnoye obozreniye*, 2008. p. 137.
25. Zhirenchin, K. Political development of Kazakhstan in the 19th – early 20th centuries. Almaty. 1996. pp. 148-153.
26. National population census. Vol. 81. Akmolinsk oblast. St.Petersburg, 1904. pp. 84–87.; Vol. 84. Semipalatinsk oblast. St.Petersburg, 1905. pp. 88–89.; Vol. 85. Semirechensk oblast. St.Petersburg, 1905. pp. 92–95.; Vol. 86. Syr-Daryinsk oblast. St.Petersburg, 1905. pp. 116–119.; Vol. 87. Turgaisk oblast. St.Petersburg, 1904. pp. 62–63.; Vol. 88. Ural oblast. St.Petersburg, 1905. pp. 88–109.

УДК 93/94

Элементы европейской политической культуры в центральноазиатских национальных окраинах Российской империи: особенности восприятия инокультурных инноваций (конец XIX – начало XX вв.)

¹ Юлия Александровна Лысенко

² Инна Владимировна Анисимова

³ Ирина Борисовна Бочкарева

⁴ Марина Федоровна Лысенко

¹ Алтайский государственный университет, Российская Федерация
Доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения
656023, г. Барнаул, Алтайский край, проспект Ленина, 61
E-mail: iulua_199674@mail.ru

² Алтайский государственный университет, Российская Федерация
Кандидат исторических наук, доцент
656023, г. Барнаул, Алтайский край, проспект Ленина, 61
E-mail: iva0410@mail.ru

³ Алтайский государственный университет, Российская Федерация
Кандидат исторических наук, доцент
656023, г. Барнаул, Алтайский край, проспект Ленина, 61
E-mail: portnygina@yandex.ru

⁴ Алтайский государственный университет, Российская Федерация
656023, г. Барнаул, Алтайский край, проспект Ленина, 61
E-mail: rina_flamme@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются основные итоги политической модернизации в центральноазиатских национальных окраинах Российской империи, которая была проведена в 1870–1880-е гг. – начале XX в. В понятие «центральноазиатские национальные окраины» включены две административно-территориальные единицы: Степное и Туркестанское генерал-губернаторства, образованные в 1860-е гг. в результате завершения присоединения кочевий казахов Младшего, Среднего и Старшего жузов и завоевания Кокандского и Хивинского ханств, населенных как кочевыми (киргизы, каракалпаки), так и оседлыми (узбеки) народами.

Анализ источников и литературы, проведенный авторами статьи позволяет утверждать, что политическая модернизация, предложенная Российской империей центральноазиатским национальным окраинам, осуществлялась в русле фундаментальных характеристик западноевропейской цивилизации и ее основных элементов политической культуры. Поэтому результатом стали: создание системы местного самоуправления, введение и демократизация выборов через расширение электората, участие населения региона в общественно-политическом процессе, формирование элементов буржуазной идеологии, основанных на понятиях «равенство», «свобода», «самоопределение».

В тоже время, политическую модернизацию центральноазиатских национальных окраин следует считать незавершенной. Вплоть до 1917 г. в политической сфере народов региона продолжали господствовать традиционные нормы, ценности и установки, в социальной структуре сохранили свои позиции клановая и родовая идеология, трайбализм и мусульманское этносознание. Это предопределило трудность и замедленность процесса освоения элементов западной политической культуры. Институционализация новых структур не сопровождалась деинституционализацией традиционных, а привела лишь к совмещению и сосуществованию традиционного и современного.

Ключевые слова: Российская империя, центральноазиатские национальные окраины, традиционное общество, политическая культура, модернизация.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 38, Is. 4, pp. 965-971, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(571)

«Society for Welfare of Workers and Employees of Gold and Mining Fields» as a Source on Research of Economic and Social Status of Employees of the Gold-Mining Fields of Siberia at the End of XIX – the Beginning of the XX Century

Peter P. Rumyantsev

National Research Tomsk State University, Russian Federation
PhD (History), Associate Professor
634050, Tomsk, Lenin Avenue, 36
E-mail: petroom@mail.ru

Abstract

On the basis of materials of Tomsk society for welfare of workers and employees of gold and mining fields originated in 1894, the author makes an attempt to analyze the social and economic situation of the staff of gold mining companies in Western Siberia (social origin, age, work experience, and so on). The main sources for the study are petitions of mine employees to the named society about determining their pensions or issuance of lump-sum grants. The author makes an attempt to compare the social and economic position of the staff with the same one of the mining workers, using the results of the V.P. **Zinoviev's analysis of worker's petitions to the concerned society about setting them pensions. During research the author came to the conclusion that the main indications such as social class background, work experience, financial status of staff of gold mining companies in Western Siberia and of workers were the same. This fact allows to make a conclusion that the majority of mining employees was made up mainly from the working environment. Also the analysis of petitions about setting of pensions allows to make a conclusion that at the turn of XIX–XX centuries took place the forming of personnel of professional industrial workers who had worked a long time in the gold mining sector and often were so-called «skilled» workers, i.e. workers not in the first generation. Another conclusion is that the material position of gold mining employees in Siberia was at a very low level, as well as the degree of their social security. It was forcing many of them due to illness, inability to work or loss of a breadwinner to appeal to the named society in order to receive pensions or lump-sum grants.**

Keywords: Western Siberia; gold mining; staff; pension system; Tomsk society for welfare of workers and employees of gold and mining fields.

Введение

Степень социальной защиты как рабочего, так и служебного персонала, занятого в промышленной сфере в дореволюционной России, находился на крайне низком уровне. Сибирский регион и расположенное здесь производство, в первую очередь, золотопромышленность, главная отрасль экономики края, не являлись исключением. Законодательная регламентация социального и правового положения промышленных работников начала оформляться в последней четверти XIX в. Тяжелые условия труда, высокая величина рабочего дня, фактическое отсутствие законов по охране труда нередко побуждали промышленных работников самим выступать инициаторами улучшения своего социального положения, например, добиваться открытия пенсионных, накопительных, а также взаимопомощи касс. Одна из таких организаций – «Общество вспомоществования рабочим и служащим горных и золотых промыслов» – была открыта в Томске в самом конце XIX в., куда за оказанием помощи могли обращаться работники золотопромышленной отрасли производства.

Цель представленной статьи – на основе материалов указанного общества проанализировать важные составляющие социально-экономического положения представителей служебного персонала

золотых промыслов Западной Сибири (фактически не изученной в отечественной историографии категории промышленных работников) и сравнить их с аналогичными показателями рабочего класса.

Материалы и методы

Основным источником для написания данной статьи стали материалы Фондов 423 (Томское общество вспомоществования рабочим и служащим горных и золотых промыслов), 428 (Окружной инженер Томского горного округа) Государственного архива Томской области (значительная часть из которых впервые вводится в научный оборот). Также в качестве источников выступили опубликованные ежегодные отчеты о деятельности Томского общества вспомоществования рабочим и служащим горных и золотых промыслов. В работе нашло отражения применение общенаучных методов анализа источникового материала, а также специально-исторических методов, как сравнительно-исторический, позволивший выделить и сопоставить социально-экономические показатели положения служебного персонала золотопромышленных предприятий и сравнить с аналогичными показателями приисковых рабочих.

Обсуждение

Отечественные авторы в разные годы предпринимали попытки исследования вопроса о развитии пенсионного и страхового обеспечения работников золотопромышленных предприятий в Сибири. Из такого рода исследований стоит отметить работы В.П. Зиновьева, где внимание, в первую очередь, сосредоточено на вопросе пенсионного обеспечения рабочих на золотых промыслах в Сибири и их прошениях о выдаче пенсий, которые рассматриваются как важный источник по изучению дореволюционного пролетариата в Сибири [1, 2]. Также вопрос о пенсионном положении приисковых рабочих нашел отражение в исследованиях В.И. Маркова [3]. Автором данной публикации предпринимались попытки исследования вопроса пенсионного обеспечения административно-служебного персонала золотопромышленных предприятий Сибири в дореволюционное время [4, 5]. Тем не менее, в названном вопросе до сих пор не исследована история деятельности появившегося в самом конце XIX в. Томского общества вспомоществования рабочим и служащим горных и золотых промыслов и его роль в процессе социальной поддержки приискового населения. Также необходимо отметить, что административно-служебный персонал промышленных предприятий дореволюционной России до сих пор остается вне поля интересов отечественных исследователей во многом по причине небольшого количества прямых источников по формированию и развитию этой группы промышленных работников и информацию приходится собирать по крупицам в буквальном смысле этого слова. Тем самым материалы названного общества являются важным источником, позволяющим пролить свет на положение служебного персонала золотопромышленных предприятий Сибири.

Результаты

Долгое время не удавалось создать что-нибудь наподобие кассы взаимопомощи или ссудо-сберегательной кассы для работников золотопромышленной сферы Западной Сибири. Только в самом конце XIX в. дело начало сдвигаться с мертвой точки, и речь здесь идет об учреждении Томского общества вспомоществования рабочим горных и золотых промыслов (далее по тексту – общество). 30 октября 1894 г. в здании Общественного собрания г. Томска состоялось торжественное открытие названного общества, на котором присутствовало 45 человек, пожелавших стать членами этой организации. Окружной инженер Томского горного округа В.С. Реутовский, один из главных инициаторов созданного общества в своей речи озвучил главную цель деятельности общества: консолидация деятельности различных лиц для оказания помощи тем рабочим-горнякам, кто более не имеет возможности трудиться из-за увечья, болезни или старости [6. Д. 2. Л. 5].

В скором времени положение служащих среднего и нижнего звена на золотопромышленных предприятиях, которое мало чем отличалось от экономического и юридического положения рабочих, заставило золотопромышленных деятелей поднять вопрос о распространении деятельности общества на служебный персонал золотых промыслов. К тому же инициатива в этом вопросе исходила и из приисковой среды. В доказательство можно привести прошение правлению Общества на назначение пенсии от вдовы служащего нарядчика Я.С. Коняева: «Узнавши, что для приисковых рабочих есть такое благое учреждение, как общество вспомоществования рабочим, я осмеливаюсь обратиться не оставить и меня с малолетними детьми, назначив какое-либо ежемесячное пособие в размере, какое общество благоволит мне пропитанием и воспитанием детей» [6. Д. 11. Л. 291]. На II съезде золотопромышленников Томского горного округа в декабре 1898 г. было принято следующее решение: «1) желательно расширить деятельность Томского общества вспомоществования рабочим горных и золотых промыслов, распространив ее также и на служащих этих промыслов; 2) капитал, образовавшийся к 1 января 1899 г., выделить особой статьей и назначить из него пособия только рабочим; пособия же служащим и рабочим вместе должны производиться из фонда, имеющего образоваться после 1 января 1899 г.; 3) назначение пособий служащих предоставить в каждом отдельном случае правлению, как это имеет место в отношении к рабочим» [6. Д. 7. Л. 30].

В 1899 г. вступил в силу новый устав общества, где одними из главных задач назывались следующие: снабжение одеждою, пищею и приютом нуждающихся тружеников горных и золотых промыслов, выдача им при тяжелых жизненных обстоятельствах денежных пособий; устройство для них особых убежищ; скорейшее излечение увечных, оказание пособий их семействам; содействие к страхованию названных категорий лиц в страховых обществах от несчастных случаев [7. С. 55].

С момента основания общества (1894 г.) и до 1914 г. в его составе числилось следующее количество пенсионеров: 1895 г. – 5 рабочих, 1896 г. – 17, 1897 г. – 29, 1898 г. – 46, 1899 г. – 80, 1900 г. – 94 рабочих и 8 служащих (именно с этого года деятельность общества распространилась на служебный приисковый персонал и они получили возможность получать пенсии и пособия), 1901 г. – 115 и 7, 1902 г. – 129 и 5, 1903 г. – 118 и 5, 1904 г. – 97 и 5, 1905 г. – 67 и 5, 1906 г. – 72 и 5, 1907 г. – 84 и 4, 1908 г. – 76 и 4, 1909 г. – 62 и 4, 1910 г. – 63 и 4, 1911 г. – 62 и 5, 1912 г. – 66 и 7, 1913 г. – 70 рабочих и 7 служащих. Таким образом, за эти годы пособия получило 1420 человек, из них – 1352 рабочие (95,2 %) и 68 представителей служебного персонала золотопромышленных предприятий (4,8 %), тем самым в среднем ежегодно пенсионерами общества числилось 71 рабочий и 5 служащих [6. Д. 6. Л. 17; 8. Л. 36 б, 41 в, 45 б, 56 б].

При анализе этих же данных напрашивается вопрос: каков был процент получавших пособия рабочих и служащих от общего числа работников, задействованных на золотопромышленных предприятиях Западной Сибири? По нашим подсчетам, с 1895 по 1913 г. на приисках всех горных округов Томского горного управления среднегодовое количество рабочих равнялось 16044 человек [9. С. 231–233]. Тем самым, если сопоставить число получавших пособия рабочих и общее количество рабочих за указанные годы, можно увидеть, что только 0,44 % рабочих получали пособия, являлись пенсионерами общества, что, естественно, представляется крайне низким показателем. Что касается представителей служебного персонала, то данные за указанный период времени выглядят следующим образом: среднегодовое количество служащих за указанный период времени равнялось 1334 человек (т.е. 8,3 % от числа рабочих за эти же годы), из которых пенсии и пособия в указанном обществе получало 5 %. Таким образом, из приведенных данных видно, что сведения о служащих-пенсионерах являются более репрезентативным материалом, чем сведения о рабочих, и они могут представить вполне достоверную информацию по социально-экономическому положению приискового служебного персонала Западной Сибири.

Пенсионерам общества выплачивались ежемесячные пенсии или же одновременно выдавались денежные пособия по заявлениям, которые рассматривало правление общества. При этом стоит отметить, что после смерти пенсионера его ближайшие родственники, в первую очередь вдовы, при подаче прошений имели право получать пособия за умершего. Для получения пособий необходимо было подать заявление в общество, где указывалась краткая информация о просителе пособия, причина, по которой он обращается в правление общества за пособием, а также какие-либо документы подтверждающие информацию о просителе (справки золотопромышленников или их управляющих). В качестве примера можно привести справку-характеристику от управляющего золотопромышленным предприятием, данную служащему П.В. Румянцеву по случаю его прошения в общество о назначении пенсии: «Выдано крестьянину Томской губернии. Мариинского округа, Ишимской волости Петру Васильевичу Румянцеву в том, что он состоял на службе на Мариинских приисках “Российского золотопромышленного общества” с 22 марта 1911 г. по 29 февраля 1912 г., а затем в фирме “Золотопромышленная компания Иваницких” на этих же приисках с 1 марта по 15 мая сего года, в качестве надсмотрщика при ремонте за плотничными работами. Поручаемое ему дело исполнял аккуратно и добросовестно. Ни в чем предосудительном замечен не был. Службу оставил по случаю сокращения штата» [10. Д. 2752. Л. 171].

Перед принятием решения о выдаче пособия правление могло отправить просителя на медицинскую комиссию для освидетельствования его физического здоровья. Как правило, такие осмотры проводили медицинские работники (в их числе нередко профессора) Томского императорского университета. При этом не всегда решение выносилось в пользу просителя. Так, томский мещанин А.П. Терентьев, прослуживший на золотых промыслах Сибири 10 лет, в 1907 г. обратился в правление общества с просьбой выдать ему 150 руб. для поездки в Казань на лечение резко ухудшегосся зрения. Правление общества отправило его на медицинскую комиссию, которая в составе доктора Корелина и профессора Лобанова пришла к выводу, что зрение настолько сильно утрачено, что невозможно его восстановить, а, значит, нет смысла выдавать деньги на поездку в Казань [6. Д. 17. Л. 163; Д. 18. Л. 16–17].

Сумма выданных пенсионерам общества пособий распределена была следующим образом. В 1895 г. – 353,67 руб., 1896 г. – 891 руб., 1897 г. – 114,96 руб., 1898 г. – 2231,11 руб., 1899 г. – 2121,39 руб., 1900 г. – 3109,59 руб., 1901 г. – 4317,89 руб., 1902 г. – 6016,23 руб., 1903 г. – 4228,25 руб., 1904 г. – 3801,35 руб., 1905 г. – 2205 руб., 1906 г. – 2679 руб., 1907 г. – 2952,09 руб., 1908 г. – 2691 руб., 1909 г. – 2056 руб., 1910 г. – 2262 руб., 1911 г. – 2427 руб., 1912 г. – 2703 руб., 1913 г. – 2845 руб. Итого выдано на сумму 50005,53 руб., в среднем по 2631,87 руб. в год [11. С. 4; 12. С. 4; 13. С. 4; 14. С. 4; 15. С. 4]. Если поделить эту сумму на общее количество пенсионеров за все указанные годы, то получится, что в среднем одному пенсионеру было уплачено 35,2 руб. – сумма, конечно, незначительная, если не сказать, ничтожно маленькая. Ежемесячная выплата в среднем равнялась 3–

5 руб. Довольно редко наблюдались случаи выдачи единовременных сумм. Так, из отчета за Общества за 1902 г. следует, что из выделенных в качестве пособия 6016,23 руб. только 76 руб. (1,2 %) были выданы в качестве единовременных выплат семи просителям [12. С. 4].

Можно привести следующие случаи выдачи единовременных пособий на прошения приисковых служащих. Так, например, в 1900 г. бывшему служащему Василию Кукольщикову было за раз выдано 20 руб., бывшему фельдшеру М.Я. Архипову выделили 90 руб. для поездки на Урал с целью поправить здоровье. С этой же целью бывшему служащему И.И. Антонову выдали 80 руб. для поездки на лечение. Поездка пошла ему на пользу, и Антонов вскоре вернулся на службу [6. Д. 19, Л. 28; 11. С. 4].

Основные причины выдачи пособий служащим были следующими. Самая частая причина – смерть служащего и прошения его ближайших родственников о выдаче им пособия (18 случаев). В 14 прошениях причина выдачи пособия указывалась какая-либо болезнь или увечье, из которых самыми распространенными являлись болезни глаз или постигшая слепота, а также ревматизм – по 3 случая, в качестве других причин назывались хронический бронхит, туберкулез, паховая грыжа, старость. У рабочих главным причинами прошений на назначение пенсий были следующие: увечье и болезни (105 случаев), старость (31) [2. С. 172].

Обратимся же теперь к прошениям представителей служебного персонала золотопромышленных предприятий Сибири для анализа социально-экономического положения этой категории работников золотопромышленной сферы. В прошениях указывались довольно подробные данные о приисковых служащих: возраст, социальное происхождение, семейное положение, рабочий стаж в золотопромышленной сфере и причина обращения в правление Общества.

В 28 прошениях точно указана информация о местах работ служащих и времени проведенных на них. У 16 служащих общий стаж работы колебался от 3 до 20 лет, свыше 20 лет стажа наблюдалось у 12 человек. В среднем рабочий стаж обратившихся в общество служащих равнялся 22 годам [6. Д. 8. Л. 206; Д. 9. Л. 112; Д. 11. Л. 166–167, 291, 408, 414; Д. 13. Л. 8, 13, 18, 134, 337, 343; Д. 14. Л. 252; Д. 15. Л. 20, 111, 113, 149; Д. 16. Л. 57, 62; Д. 17. Л. 157, 163; Д. 18. Л. 8, 43; Д. 19. Л. 279, 293; 10. Д. 2510. Л. 166, 239, 250]. Свообразным рекордсменом можно считать некоего Е.Ф. Орловского. В своем прошении в Общество в 1902 г. он указывал, что службу на золотых приисках начал в 17-летнем возрасте в 1836 г. В числе его работодателей значились имена многих первых сибирских золотопромышленников: Н.С. Попов, Рязановы и Филимонов. Вся его служебная деятельность на золотых приисках заняла 59 лет с небольшими перерывами. В 1895 г. он оставил службу из-за преклонного возраста и плохого зрения [6. Д. 13. Л. 18].

Из доступных для подсчета прошений приисковых служащих выделяется екатеринбургский мещанин П.И. Симаков, прошедший с 1837 г. за 41 год службы путь от рабочего до служащего, поменявший при этом 14 мест работы [6. Д. 13. Л. 343]. Служащий М.И. Бекасов за 28 лет своей приисковой деятельности с 1872 по 1900 г. побывал у 10 работодателей, точно указав всех их: у надворной советчицы Булыгачевой – 7 лет; у поручика Родственного – 3; у купца Кулаева – 4; у купца Н.Н. Вяткина – 2; у мещанина Федулова – 3; у Лейбина – 2; у купца Бейлина – 2; у почетного гражданина А.Д. Родионова – 2; у братьев Яковлевых – 2; в компании Кузнецова и Артемьева – 1 год [10. Д. 2510. Л. 239].

Анализ прошений служащих предоставляет возможность проследить карьеру работников в золотопромышленной сфере. В своих прошениях многие из них перечисляли занимаемые должности в различных золотопромышленных организациях. Так, например, крестьянин Мариинского уезда Томской губернии С. Федотов в 1915 г. в своем прошении сообщил о себе следующую информацию: 60 лет от роду, с 1875 г. трудится на золотых промыслах Сибири, сменив более 10 мест работ, исполняя при этом должности фельдшера, материального, конторского писца и смотрителя старательских работ по добыче золота [10. Д. 3073. Л. 98].

Рекордсменом среди приисковых служащих, занимавших непрерывно одну и ту же должность, можно считать некоего служащего И.В. Кабанова. Его вдова в 1915 г. в одном из своих прошений в Тисульский комитет общества заявляла, что ее покойный муж прослужил в должности станового в течение 45 лет на золотых промыслах Ачинского и Мариинского горных округов. Председатель названного комитета подтвердил это заявление [10. Д. 3073. Л. 120].

Примерно в половине прошений можно увидеть, что служебный персонал на золотопромышленных предприятиях начинал свою приисковую деятельность с должности простых рабочих, затем же дослуживался до положения служащих. Так, например, каинский мещанин А.П. Кочаргин сообщил, что он с 1861 по 1870 г. работал чернорабочим у З.М. Цыбульского в Ачинском уезде, а затем у других золотопромышленников в этом же районе, с 1870 по 1886 г. занимал должность нарядчика на Благонадежном прииске братьев Королевых, с 1898 по 1 окт. 1901 г. – служащим на Семеновском и Благовещенском приисках Р.А. Буткевича [6. Д. 19. Л. 279]. Тем самым прошения служащих подтверждают мысль, что служебный персонал золотопромышленных предприятий Сибири комплектовался в основном за счет выходцев из приисковых рабочих.

Также анализ прошений приводит к выводу о высокой мобильности служебного персонала на золотопромышленных предприятиях в Сибири в выборе работы, что также наблюдалось и в среде рабочего люда.

Установление сословного происхождения приискового служебного персонала по прошениям в Общество представляется затруднительным, т.к. только в 16 указано сословие служащего. При этом подавляющее большинство из этого числа – 11 человек – происходили из мещанского сословия и 5 – из крестьян.

В своих прошениях представители служебного персонала нередко указывали свое семейное положение. При этом следует отметить, что многие прошения были адресованы в общество от лица вдов служащих, что подтверждает предположение о женатом положении большинства служащих золотопромышленных предприятий Сибири: из выявленных нами 36 прошений служащих 17, т.е. практически половина, были написаны от лица их вдов. В своих прошениях служащие указывали и количество членов своих семей. Так, томский мещанин В.С. Ефремов, прослуживший на промыслах «Алтайского золотопромышленного дела» 22 года, умер в 1904 г., оставив после себя вдову и 6 малолетних детей, старшему из которых исполнилось 11 лет, самому младшему – год [6. Д. 15. Л. 111]. Уже упомянутый нами мариинский мещанин К.Г. Макеев, служащий той же золотопромышленной фирмы, в своем прошении сообщал, что он оставил службу из-за хронического бронхита и не может содержать семью из 12 человек [6. Д. 11. Л. 408].

Обратимся к сравнению социально-экономических показателей между приисковыми служащими и рабочими, используя результаты, проведенного В.П. Зиновьевым анализа прошений рабочих в правление общества о назначении им пенсий и пособий. Из 75 указавших свой возраст рабочих у большинства он колебался от 45 до 60 лет (27 человек) от 61 до 70 лет – 23 человека. Приисковый рабочий стаж от 10 до 19 лет зафиксирован у 27,7 % (43 человека), от 20 до 29 лет – 27 % (42 человека), 30–39 лет – 20 % (31 человек). Сословное происхождение из 165 указавших его распределялось следующим образом: крестьяне – 83 человека (50,3 %), мещане – 44 (26,6 %), ссыльнопоселенцы – 29 (17,5 %). Из указавших состав семьи 85 рабочих 48 (56,4 %) были женаты, остальные – холостые (43,6 %) [2. С. 173–177]. Тем самым данные по рабочим фактически повторяют сведения по служащим, что еще лишний раз подтверждает суждение о том, что большинство представителей служебного персонала золотопромышленных предприятий Сибири комплектовалось в основном из приисковых рабочих.

Заключение

Таким образом, отчеты Томского общества вспомоществования рабочим и служащим горных и золотых промыслов, а также прошения приисковых служащих в это общество являются важным источником, позволяющим пролить свет на формирование, социально-экономическое положение работников золотопромышленных предприятий Сибири. При анализе отчетов и прошений видно, что должности приисковых служащих в основном занимали дослужившиеся до этого статуса простые рабочие. Величина рабочего стажа у приискового служебного персонала была примерно такой же, как и у рабочих. Сословное происхождение во многом повторяло происхождение рабочих. Также можно прийти к выводу о формировании на рубеже XIX–XX вв. кадров профессиональных служащих, проработавших в золотопромышленной сфере не один десяток лет, зачастую начинавших свою приисковую карьеру простыми рабочими. Необходимо отметить, что степень социальной защиты работников золотопромышленной сферы в Сибири находилась на крайне низком уровне, что во многом и вынуждало многих из них по различным причинам (болезни, неспособность к труду, старость, потеря кормильца) обращаться в указанное общество за назначением пенсии или выдачу единовременных денежных пособий. В связи с ограниченностью денежных средств общества и большим количеством желающих стать его пенсионерами правление общества назначало пенсии в небольших размерах (3–5 рублей в месяц), что не могло в полной мере обеспечить все нужды пенсионеров. Также стоит отметить, что материалы Томского «Общества вспомоществования рабочим и служащим горных и золотых промыслов» являются важным источником по изучению различных сторон сибирской золотопромышленности и нуждаются в более тщательном исследовании.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ / Tomsk State University Competitiveness Improvement Program.

Примечания:

1 Зиновьев В.П. Экономические организации рабочих Сибири во второй половине XIX – первые годы XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2007. № 1. С. 21–33.

2 Зиновьев В.П. Прошения о пенсии как источник информации о рабочих кадрах сибирской золотопромышленности в XIX – начале XX в. // Зиновьев В.П. Очерки социальной истории индустриальной Сибири. XIX – начало XX в. Томск, 2009. С. 169–177.

3 Марков В.И. Некоторые вопросы правового положения рабочих золотодобывающей промышленности Сибири (1895–1917 гг.) // Из истории Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1973. Вып. 8. С. 160–185.

- 4 Румянцев П.П. Формирование пенсионного обеспечения промышленных работников дореволюционной России на примере служебного персонала крупных золотопромышленных компаний Восточной Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 381. С. 142–146.
- 5 Румянцев П.П. Пенсионное обеспечение служебного персонала золотопромышленных предприятий Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Исторический Ежегодник. 2014.: сборник научных трудов / Институт истории СО РАН. Новосибирск: Параллель, 2014. Вып. 8. С. 52–61.
- 6 Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 423. Оп. 1.
- 7 Я-ский К. Томское общество вспомоществования рабочим и служащим горных и золотых промыслов // Дорожник по Сибири и Азиатской России. 1900. Кн. 5. С. 53–58.
- 8 ГАТО. Ф. 433. Оп. 1.
- 9 Румянцев П.П. Служащие на сибирских золотых промыслах в XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Томск, 2009. 250 с.
- 10 ГАТО. Ф. 428. Оп. 1.
- 11 Томское общество вспомоществования рабочим и служащим горных и золотых промыслов. Отчет о деятельности Томского общества вспомоществования рабочим и служащим горных и золотых промыслов за 1900 год. Томск, 1901.
- 12 Томское общество вспомоществования рабочим и служащим горных и золотых промыслов. Отчет о деятельности Томского общества вспомоществования рабочим и служащим горных и золотых промыслов за 1902 год. Томск, 1903.
- 13 Томское общество вспомоществования рабочим и служащим горных и золотых промыслов. Отчет о деятельности Томского общества вспомоществования рабочим и служащим горных и золотых промыслов за 1906 год. Томск, 1907.
- 14 Томское общество вспомоществования рабочим и служащим горных и золотых промыслов. Отчет о деятельности Томского общества вспомоществования рабочим и служащим горных и золотых промыслов за 1909 год. Томск, 1910.
- 15 Томское общество вспомоществования рабочим и служащим горных и золотых промыслов. Отчет о деятельности Томского общества вспомоществования рабочим и служащим горных и золотых промыслов за 1913 год. Томск, 1914.

References:

- 1 Zinov'ev V.P. Jekonomicheskie organizacii rabochih Sibiri vo vtoroj polovine XIX – pervye gody NN v. // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija. 2007. № 1. S. 21–33.
- 2 Zinov'ev V.P. Prosheniya o pensii kak istochnik informacii o rabochih kadrah sibirskoj zolotopromyshlennosti v XIX – nachale XX v. // Zinov'ev V.P. Oчерки social'noj istorii industrial'noj Sibiri. XIX – nachalo NN v. Tomsk, 2009. S. 169–177.
- 3 Markov V.I. Nekotorye voprosy pravovogo polozhenija rabochih zolotodobyvajushhej promyshlennosti Sibiri (1895–1917 gg.) // Iz istorii Sibiri. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1973. Vyp. 8. S. 160–185.
- 4 Rumjancev P.P. Formirovanie pensionnogo obespechenija promyshlennyh rabotnikov dorevoljucionnoj Rossii na primere sluzhebnoho personala krupnyh zolotopromyshlennyh kompanij Vostochnoj Sibiri // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 381. S. 142–146;
- 5 Rumjancev P.P. Pensionnoe obespechenie sluzhebnoho personala zolotopromyshlennyh predpriyatij Zapadnoj Sibiri v konce XIX – nachale NN vv. // Istoricheskij Ezhegodnik. 2014.: sbornik nauchnyh trudov / Institut istorii SO RAN. Novosibirsk: Parallel', 2014. Vyp. 8. S. 52–61.
- 6 Gosudarstvennyj arhiv Tomskoj oblasti (GATO). F. 423. Op. 1.
- 7 Ja-skij K. Tomskoe obshhestvo vspomoshhestvovanija rabochim i sluzhashhim gornyh i zolotyh promyslov // Dorozhnik po Sibiri i Aziatskoj Rossii. 1900. Kn. 5. S. 53–58.
- 8 GATO. F. 433. Op. 1.
- 9 Rumjancev P.P. Sluzhashhie na sibirskih zolotyh promyslah v XIX – nachale XX vv.: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Tomsk, 2009. 250 s.
- 10 GATO. F. 428. Op. 1.
- 11 Tomskoe obshhestvo vspomoshhestvovanija rabochim i sluzhashhim gornyh i zolotyh promyslov. Otchet o dejatel'nosti Tomskogo obshhestva vspomoshhestvovanija rabochim i sluzhashhim gornyh i zolotyh promyslov za 1900 god. Tomsk, 1901.
- 12 Tomskoe obshhestvo vspomoshhestvovanija rabochim i sluzhashhim gornyh i zolotyh promyslov. Otchet o dejatel'nosti Tomskogo obshhestva vspomoshhestvovanija rabochim i sluzhashhim gornyh i zolotyh promyslov za 1902 god. Tomsk, 1903.
- 13 Tomskoe obshhestvo vspomoshhestvovanija rabochim i sluzhashhim gornyh i zolotyh promyslov. Otchet o dejatel'nosti Tomskogo obshhestva vspomoshhestvovanija rabochim i sluzhashhim gornyh i zolotyh promyslov za 1906 god. Tomsk, 1907.
- 14 Tomskoe obshhestvo vspomoshhestvovanija rabochim i sluzhashhim gornyh i zolotyh promyslov. Otchet o dejatel'nosti Tomskogo obshhestva vspomoshhestvovanija rabochim i sluzhashhim gornyh i zolotyh promyslov za 1909 god. Tomsk, 1910.

15 Tomskoe obshhestvo vspomoshhestvovaniya rabochim i sluzhashhim gornyh i zolotyh promyslov. Otchet o dejatel'nosti Tomskogo obshhestva vspomoshhestvovaniya rabochim i sluzhashhim gornyh i zolotyh promyslov za 1913 god. Tomsk, 1914.

УДК 94(571)

**«Общество вспомоществования рабочим и служащим горных и золотых промыслов»
как источник по исследованию социально-экономического положения служебного
персонала золотопромышленных предприятий Сибири
в конце XIX – начале XX в.**

Петр Петрович Румянцев

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Российская Федерация
634050, Томская область, г. Томск, пр. Ленина, 36
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: petroom@mail.ru

Аннотация. На основе материалов Томского общества вспомоществования рабочим и служащим горных и золотых промыслов, возникшего в 1894 г., впервые предпринята попытка проанализировать социально-экономическое положение служебного персонала золотопромышленных предприятий Западной Сибири (социальное происхождение, возраст, рабочий стаж и т.п.). Необходимо отметить, что до сих пор служебный персонал как золотых промыслов, так и других промышленных предприятий, практически не удостоивался внимания отечественных исследователей. В качестве основного источника выступают прошения приисковых служащих в указанное общество на предмет определения им пенсий или выдачи единовременных денежных пособий. Проводится сравнение социально-экономического положения служебного персонала с аналогичным положением приисковых рабочих, используя результаты проведенного В.П. Зиновьевым анализа прошений в рассматриваемое общество рабочих о назначении им пенсий.

Ключевые слова: Западная Сибирь; золотопромышленность; служебный персонал; пенсионное обеспечение; Томское общество вспомоществования рабочим и служащим горных и золотых промыслов.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 38, Is. 4, pp. 972-981, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX Centuries

¹ Alexander G. Gryaznukhin

² Tatiana V. Gryaznukhina

¹ Siberian Federal University, Russian Federation
660074, Krasnoyarsk, pr. Svobodny, 82 a
PhD (History), Assistant Professor
E-mail: agagag@mail.ru

² Siberian Federal University, Russian Federation
660074, Krasnoyarsk, pr. Svobodny, 82 a
PhD (History), Assistant Professor
E-mail: tag-kras@mail.ru

Abstract

The article dwells upon the problems of formation and development of the Siberian intelligentsia at the turn of XIX - XX centuries and the sources of its formation are mentioned as well. The views of representatives of regionalism on the questions of formation of the Siberian intelligentsia. The impossibility of a full-fledged cultural development of the region only by the visiting intellectuals from among political exile and came to Siberia to work temporarily. Substantiates the dependence of the level of cultural development of Siberia from the quantitative and qualitative composition of the Siberian intelligentsia, came directly from the people of the region. The leading role of the creative intelligentsia in the development of the cultural life of the region, an analysis of its theatrical, musical, and artistic activities. On the basis of a comparative analysis of the social and educational activities of the intelligentsia of Russia and Siberia, revealed distinctive features in the character of its creative development. The dependence of the cultural life of Siberia from the socio-cultural processes in Central Russia. The article dwells upon the cultural contacts between the two regions.

Keywords: culture; creativity; education; intellectuals; regionalism; Russia; Siberia.

Введение

Политическая, экономическая и социальная жизнь Сибири как самостоятельного крупного региона на рубеже XIX–XX столетий имела свое оригинальное лицо и отличалась рядом особенностей. Культурная жизнь региона во многом определялась качественным и количественным составом интеллигенции, проживавшей на ее территории. Сибирская интеллигенция в конце XIX в. находилась только на стадии своего формирования в определенную социальную группу. Наиболее полно познакомиться с различными аспектами культурной жизни региона дает возможность анализ деятельности творческой интеллигенции. Именно художественная интеллигенция рубежа столетий взяла на себя просветительские функции, стремясь поднять культурный уровень Сибири в целом. Общекультурные проблемы региона, решавшиеся через творческую и общественную деятельность художественной интеллигенции, обосновали ее огромное значение для культурной жизни региона. Сибирская творческая интеллигенция является одной из мало изученных категорией, обобщающих работ общерегионального уровня об ее творческой и общественно-просветительской деятельности критически мало. Таким образом, обращение к истории становления и развития художественной интеллигенции Сибири представляет несомненный интерес.

Материалы и методы

Материалами для написания данной статьи стали документы государственных архивов Томской, Омской, Иркутской областей, Красноярского края, произведения областников, касающиеся роли и значения сибирской интеллигенции для развития региона. Состав интеллигенции Сибири проанализирован на основе материалов Всероссийской переписи населения 1897 г. и исследований ученых-интеллигентоведов. Методологической основой работы стали общенаучные методы: анализа, синтеза, обобщения. Применен принцип историзма, который предполагает анализ широкого массива фактов с учетом их взаимосвязи с общеисторическим процессом. В статье использованы проблемно-хронологический и сравнительно-исторический методы, позволившие рассмотреть поставленные научные проблемы в их последовательном развитии, а также проанализировать аналогичные процессы, происходившие в культурной жизни Сибири и России на рубеже XIX–XX вв.

Обсуждение

Современные исследования истории культуры Сибири, становления и развития творческой интеллигенции региона представляют большой массив эмпирического материала, наряду с этим, они отличаются попытками «представить в сравнении культурный потенциал и своеобразие региональных сообществ» [1].

О возрастающем интересе к художественной культуре Сибири свидетельствуют публикации, коллективные сборники, общероссийские и региональные конференции, проведенные в 1990-е гг. в Томске, Новосибирске, Омске, Красноярске. Проблемы дооктябрьского периода развития Сибири нашли свое отражение в сборнике научных трудов, выпущенных в Омске в 1990 г. [2].

Омская научная школа интеллигентоведения внесла большой вклад в разработку вопросов культуры региона. В 1993 г. вышел в свет историко-краеведческий альманах «Омская старина», в котором опубликованы воспоминания историка Сибири Г. Катанаева, статьи И. Г. Девятьяровой о художнике А. Клементьеве и М. А. Белокрыса о музыканте Г. Тучинском [3]. В 2000 г. опубликована монография И. Г. Девятьяровой «Художественная жизнь Омска XIX – первой четверти XX века» [4]. М. А. Белокрыс исследовал музыкальную жизнь Омска [5]. Выводы о формировании местной творческой интеллигенции на рубеже столетий позволяет сделать книга С. Л. Долгушина «Музыкальное воспитание и образование в дореволюционном Омске (1716 - 1917)» [6]. В. Г. Рыженко и А. Г. Быкова применили междисциплинарный подход при исследовании культуры Западной Сибири [7].

Воссоздать театральную жизнь Омска рубежа столетий помогает книга «Омск в панораме веков» [8], история томского театра представлена в монографии В. И. Суздальского «Театр уж полон» [9]. В «Омском историко-краеведческом словаре», составленном П. П. Вибе, А. П. Михеевым, Н. М. Пугачевой содержатся сведения о выдающихся представителях художественной культуры Омска [10].

Музыкальной жизни Красноярска посвящены статьи В. А. Аверина, А. Г. Лаврушевой [11]. Большой вклад в воссоздание истории культуры края внес П. Н. Мешалкин. Его монография «Одержимые. О деятелях культуры Красноярска на рубеже XIX–XX вв.» содержит материал о выдающихся представителях культуры края [12]. Развитию театра в Красноярске посвящена работа О. В. Громовой [13].

Особо следует выделить тематические сборники, изданные в Новосибирске (1992) «Культурный потенциал Сибири в досоветский период», в Омске «Культура и интеллигенция России в переломные эпохи (XX в.)» (1993), в Томске «Художественная жизнь Сибири начала XX века» (2000) [14-16].

В 1998 г. в Омске состоялась III всероссийская конференция «Культура и интеллигенция России: социальная динамика, образы, мир научных сообществ (XVIII–XX вв.)». Различные аспекты культурной жизни Сибири рассмотрены в статьях Е. А. Дагальцевой, Т. Н. Хамагановой, Л. И. Ханжаровой, А. Г. Минакова, Т. А. Рубанцовой, Г. В. Оглезневой [17]. IV Всероссийская конференция была посвящена взаимоотношениям Провинции и Центра [18]. Деятельность Томского общества любителей художеств (ТОЛХа) проанализирована в книге «Хроника художественной жизни Томска. 1909–1919 гг.», написанной по материалам газеты «Сибирская жизнь» [19].

Современные зарубежные ученые обращались к вопросам сибирского областничества [20], функционирования земств [21], судьбы российской интеллигенции [22].

Исследования конца XX – начала XXI вв. существенно дополнили разработанный ранее материал о художественной культуре Сибири. Этот период историографии можно охарактеризовать как этап осмысления накопленных знаний, поиска новых подходов в методологии исследования. Таким образом, анализ научной разработки проблемы свидетельствует о том, что к настоящему времени в Сибири интеллигентоведение, как самостоятельная отрасль исторического знания, находится в стадии активного становления. Сибирские исследователи внесли большой вклад в разработку проблемы. Однако в изучении культурного наследия 1890–1914 гг. еще много «белых пятен». Существует настоятельная потребность в создании обобщающего труда по становлению и развитию творческой интеллигенции Сибири, в котором нашли бы отражение особенности художественной жизни Сибири, ее место в общероссийской культуре.

Результаты

В 1890-е гг. пробуждается самосознание сибирской интеллигенции. Областничество, пустившее первые ростки в 1860-е гг., наконец, дало свои всходы. Сибирские интеллигенты в лице Н.М. Ядринцева, Г.Н. Потанина, В.И. Анучина, А.Н. Варенцова-Золина, С.С. Шашкова осознали всю меру ответственности за пробуждение сибирского общества к культурной жизни. Главную задачу они видели в сплочении всей сибирской интеллигенции и осознании ею своей исторической миссии. Областники ставили своей целью формирование местной интеллигенции, которая бы знала Сибирь, любила ее и защищала интересы региона.

Выявляя особенности мировоззрения сибирской интеллигенции и характера ее творчества, необходимо прояснить вопрос об источниках ее формирования.

Согласно Всероссийской переписи 1897 г. численность интеллигенции по Сибири достигла 35322 человека. Подразделение культуры насчитывало 10393 человека. К нему были отнесены деятели науки, литературы, искусства, преподаватели, врачи, чертежники, переводчики. К общему числу интеллигенции это составляло 29,4 %. Из этого следует, что среди интеллигенции Сибири преобладали чиновники и служащие. Интересно сравнить эти данные с всероссийскими показателями. Согласно переписи, к сфере культуры (при общей численности интеллигенции 731 тыс. в целом по России) относилось 262654 человека, это составляло 36,2 % от общего числа интеллигенции [23]. Данные переписи позволяют также сделать вывод о том, что интеллигенция была сосредоточена в основном в административных центрах. В Красноярске проживало 23,9 % от общего числа проживавшей в губернии интеллигенции; в Томске – 28,7 %, в Омске – 58,1 %, в Иркутске – 45,5 %, то есть 30,3 % всей сибирской интеллигенции проживало в губернских городах. Если анализировать расселение интеллигенции по губерниям, то просматривается такая картина: в Томской губернии проживало – 9600 человек, в Тобольской – 7051, Иркутской – 5845, Енисейской – 5024, Забайкальской – 3592. Акмолинской – 3184, Якутской – 1026 [24]. Значительная часть интеллигенции сосредоточивалась в Томской губернии, это было связано, прежде всего, с основанием в 1880 г. и открытием в 1888 г. университета.

Значительная часть интеллигенции европейской России находилась в Петербурге и в Москве. В столицах проживало 45,8 % ученых и литераторов, 30,7 % художников, музыкантов и актеров к общей численности по стране. По России в составе интеллигенции преобладали чиновники. Их доля составляла 50,8 % от общего числа интеллигенции, на культуру приходилось 36,3 %. Работники материального производства (техники, механики, машинисты), которых также относили к интеллигенции, составляли 12,9 %. Доля интеллигенции к общей численности населения России составляла 2,5 % [25]. Выделить численность художественной интеллигенции очень сложно, так как во всех статистических источниках к подразделению культуры относили людей, занимавшихся учебной, воспитательной, научной и творческой деятельностью. По Сибири на 1000 жителей приходилось 4 человека, занимавшихся культурной деятельностью. Так как художественная интеллигенция не выделялась в самостоятельное подразделение, то трудно проследить и динамику ее роста. Общее же число интеллигенции по Сибири возросло с 35 тысяч человек в 1897 г. до 100 тысяч к 1917 г. [26]

Материалы переписи являются основным источником при изучении социальной структуры сибирского региона. Они подтверждают тезис о том, что интеллигенция в Сибири на рубеже столетий находилась на стадии формирования во вполне определенную социальную группу. Сопоставляя статистические данные по России и Сибири, можно сделать вывод, что интеллигенция была сосредоточена главным образом в крупных городах, в составе ее преобладали чиновники и служащие, ее творческий состав был незначительным. Сосредоточение интеллигенции в крупных губернских городах Омске, Томске, Красноярске, Иркутске предопределило то, что к концу века они стали не только административными, но и крупными культурными центрами Сибири. «Эти города во многом определили историческое движение Сибири. Однако главной направляющей культурно-исторического развития сибирской культуры являлись общероссийские тенденции. Сибирские культурные центры не столько тяготели друг к другу, сколько к общерусскому центру, так как во многом зависели от него как в социально-экономических, так и в кадровых вопросах. Сибирь в своем культурном развитии не могла обойтись без поддержки центра» [27].

Источники формирования сибирской интеллигенции были различны. Часть интеллигенции приезжала из центральных районов России. Интеллигенция была привязана к губернским центрам, «так как она не вырастает из недр местного общества, а пополняется из Европейской России и потому чувствует себя чуждой области» [28]. Приезжая интеллигенция привозила с собой культурные традиции своего региона. Они приезжали работать на несколько лет, например в связи с открытием Томского университета, и уезжали, как правило, сыграв свою положительную роль, привнеся новый элемент в культуру Сибири, оставляя последователей и учеников. Такими примерами может служить деятельность Л. Базановой, сыгравшей видную роль в становлении ТОЛХа (Томского общества любителей художеств), С.М. Прохорова, рекомендованного И.Е. Репиным для преподавания в рисовальной школе г. Томска, Г.И. Тучинского, окончившего Московскую консерваторию и высшие курсы теории музыки, в последствии направленного на преподавательскую работу в Омский кадетский корпус.

Другим источником формирования сибирской интеллигенции являлись политические ссылки, которые задерживались в Сибири порой на несколько лет. Массовой политической ссылкой становится в 1890-е гг. Это связано, прежде всего, с ростом влияния марксизма, увеличением количества социал-демократических кружков, подъемом революционного движения в России в целом. Только в Иркутской губернии на 1 января 1915 г. было приписано 3902 человек политссылных [29]. Общее число ссылных по Енисейской губернии (без выделения процента политссылных) на 1 января 1908 г. составляло 50163 человека [30]. По данным Н.Н. Щербакова, исследовавшего численность и состав политических ссылных Сибири, 33 ссылных революционера были постоянными корреспондентами сибирских газет. На долю интеллигенции среди общего числа политссылных Сибири в 1908–1910 гг. приходился 21 % [31]. Правда, политссылные в основном занимались агитацией и пропагандой идей марксизма, но нельзя исключать и элементы их культурного влияния на жизнь в регионе. Из-за недостатка кадров из числа местной интеллигенции власти часто вынуждены были привлекать политических ссылных к участию в экономической и культурной жизни Сибири.

Г.Н. Потанин отмечал, что «ссылка, злая напасть на Сибирь, имела и благие для нее последствия. Великолепные рассказчики, занесенные ссылкой в эту глухую страну, создали в русской и польской литературе целый отдел беллетристики, посвященный описанию сибирского быта» [32]. Польский революционер Феликс Кон после каторги, отбывая якутскую ссылку, занимался литературной и научной работой. В 1902 г. в сибирских газетах появились его очерки из жизни якутов. В Томске вышла его книга «Сказки из сибирской действительности». За революционную деятельность в 1906 г. был арестован и отправлен в Иркутский Централ писатель Федор Гладков. С 1907 г. он отбывал ссылку сначала в Иркутской губернии, а затем – в Забайкалье.

Политические ссылки оживили и театральную жизнь Сибири. Так в секретном донесении унтер-офицера Томского губернского жандармского управления от 10 мая 1907 г. записано: «Доношу Вашему высокоблагородию, что в г. Нарыме в павильоне 1-го сего мая административно-высланными поставлен спектакль, на каковом было более двухсот человек, а также в спектакле принимали участие певцы из девиц г. Нарыма» [33]. Донесение является первым свидетельством о существовании в Нарыме театра, созданного политссылными. Нарымский театр упоминается в 1911 г. в газете «Сибирская жизнь». Театр продолжал жить и работать, являясь гордостью всего края. Билеты были дешевыми, и сборы шли на грим и декорации. В журнале «Театр и искусство» появилась статья А. Костышева «Театр в тайге», в которой сообщалось, что в Нарым приезжал губернатор Н.А. Гондатти, интересовавшийся вопросами культуры. Он посетил театр, после его отъезда работа театра пошла еще успешнее. Но власти не всегда благосклонно относились к культурным начинаниям политссылных. Новый губернатор, П.К. Гран также побывал в Нарыме и посетил театр. На сцене шел «Борис Годунов». Неизвестно, что ему не понравилось, но по его распоряжению театр был закрыт. Так по прихоти одного человека погас, возможно, единственный очаг культуры в городе. В 1915 г. в газете «Сибирская жизнь» было опубликовано сообщение из Нарыма о том, что наиболее интеллигентная часть политических ссылных решили устроить домашний спектакль на квартире товарища. Нарочно выбрали самую невинную вещь – «Юбилей» А.П. Чехова. Все уже было готово, но явился пристав и запретил играть пьесу [34].

Местная сибирская интеллигенция была интеллигенцией первого поколения, тогда как в центральной России существовала потомственная интеллигенция, имевшая свои эстетические взгляды, этические понятия, передававшая традиции своей культуры из поколения в поколение.

Основоположником театрального дела в Сибири стал известный в середине XIX в. антрепренер А.Х. Ярославцев. Он являлся основателем целой театральной династии. Его сыновья не только держали свою антрепризу, но были и хорошими актерами. Они выступали под псевдонимами и зрители чаще всего не догадывались, что Александров, Ярославцев-Сибиряк и Корсаков – родные братья. К сожалению, бедность источниковой базы не позволяет проследить путь становления сибирских актеров. В театральных заметках, рецензиях на спектакли обычно перечисляются имена актеров, их амплуа, анализируется игра, но нет сведений о личности самого актера. Практически нет возможности выяснить вопрос о происхождении, наличии или отсутствии профессионального образования, общественной деятельности артистов. «Омский историко-краеведческий словарь» дает справку об артисте П. Некрасове, который родился в семье рабочего, воспитывался в сиротском приюте, с 1906 г. работал в Омском городском театре и был приглашен режиссером в труппу И. Белоконов для исполнения эпизодических ролей. Он принимал участие в гастрольных поездках театра и побывал в Тюмени, Барнауле, Петропавловске, Самаре. «История Сибири» среди известных актеров называет имя незаурядного омского трагика Е.А. Петрова-Краевского, который в 1908 г. с большим успехом сыграл роль Степана Разина в первой российской кинокартине. В издании так же перечисляются имена известных иркутских артистов В.М. Янова, И.А. Блажева, Д.М. Карамазова, который был одним из лучших исполнителей роли Гамлета.

Местная сибирская творческая интеллигенция происходила в основном из народа; так как в 1880–1890-е гг. она только начинает формироваться и складываться в определенный общественный слой, единственным источником ее формирования мог быть только народ. Это подтверждают и статистические данные. Согласно переписи 1877 г. в Омске проживало 9,94 % дворян, 0,75 %

духовенства, казаков – 9,13 %, купцов – 1,48 %, мещан – 21,48 %, крестьян – 12,94 %, ссыльных – 2,08 %, прочих – 2,78 % [35]. По переписи 1880 г. в Томске проживало 34 тысячи жителей, среди них мещан – 14,5 тыс., крестьян – 11 тыс., остальные – чиновники, купцы, духовенство [36]. Из приведенной статистики видно, что в 1880-е гг. интеллигенция как самостоятельная социальная группа еще не выделяется. Приехавший в 1880 г. в г. Томск для строительства университета В.М. Флоринский писал, что «первенствующую роль в обществе играют купцы, они задают тон жизни» [37]. Несомненный интерес представляет вопрос о том, кого к интеллигенции причисляли сами сибиряки, жившие на рубеже столетий. Г.Е. Катанаев, этнограф, историк, исследователь Сибири в воспоминаниях о своем детстве, проведенном в Омском кадетском корпусе, писал: «Офицерским казачьим детям велся особый список в канцелярии Наказного атамана, которая по достижению детьми 11 лет посылала по станицам приказ немедленно доставить их в Омск. Иногда против воли. В памяти моей масса таких насильственных увозов «в науку», увозов людей, потом сделавшихся «интеллигентами» в полном значении этого слова. Так были увезены: всюду известный ученый и путешественник Григорий Николаевич Потанин, Федор Николаевич Усов, Андрей Павлович Нестеров (редактор первой сибирской газеты «Сибирь») и проч., и проч...» [38].

А.Ф. Корш, автор статьи «Без театра», опубликованной в «Историческом вестнике» за 1911 г. писал о посетителях театра: «В партере, в первых рядах сидели: полицмейстер, жандармский полковник, его адъютант, известные в городе врачи, офицеры батальона, рецензент местной газеты, словом, вся городская наличная интеллигенция» [39]. Как видим, автор статьи весьма широко понимал термин «интеллигенция», включая в него не только людей образованных, но и состоятельных, занимавших высокие должностные посты.

Подтверждением того, что творческая интеллигенция Сибири вышла из народа, являются факты биографий художников и писателей. Известный алтайский художник Г.Н. Гуркин родился в семье кустика. Художник А.О. Никулин также родился в семье кустика. Один из ведущих писателей Сибири, А. Сорокин происходил из купеческой семьи. Много внимания он уделял вопросу самобытности сибирской культуры [40]. Поэт Г. Вяткин родился в семье старшего урядника, А. Ершов – в семье рядового Омского резервного батальона, артист П. Некрасов – в семье рабочего. Поэт И. Тачалов был рабочим, разносчиком газет [41]. Талантливый писатель Г. Гребенщиков – сын горнорабочего из инородцев, встречался в 1909 г. с Л.Н. Толстым, которому рассказывал содержание своей пьесы «Сын народа».

Местная интеллигенция 1890-х была близка с народом, являлась носителем его мироощущения, его эстетических понятий. Формирование художественной интеллигенции Сибири было затруднено, так как практически отсутствовала возможность получения профессионального образования в регионе. Большое значение для решения данного вопроса имели культурные контакты Сибири с центральной Россией, так как именно в столичных городах получала образование фактически вся сибирская интеллигенция.

Общественная и профессиональная деятельность художественной интеллигенции Сибири осуществлялась через различные общества. Посредством организации работы в этих обществах интеллигенция самоутверждалась и заявляла о себе. Для этого устраивались выставки, любительские спектакли, читались лекции. Ставя себе задачу повысить культурный уровень Сибири в целом, интеллигенция стремилась привлечь к участию в художественной культуре региона, к творческой жизни широкие слои населения, включая самые его низы. Г.Н. Потанин, когда писал об основанном П.И. Макушиным «Обществе попечения о начальном образовании», утверждал, что главное не в том, что общество открыло несколько народных школ и две народные библиотеки. В его понимании «главная заслуга общества в том, что оно приучило томскую интеллигенцию служить бескорыстно на общее благо» [42]. Создавалась традиция, формировался определенный тип мировоззрения, направленный на служение общественным интересам. Он становился характерным для всей интеллигенции Сибири. В документах Томского архива имеется переписка с «Обществом вспомоществования учащихся и мужского пения» и прошения студентов о разрешении вступать в члены обществ и принимать участие в концертах и спектаклях. Из документов видно, что студенты университета неоднократно привлекались Обществом для выступлений на танцевальных вечерах; состав студенческого оркестра доходил до семидесяти человек [43].

Просветительская роль сибирской интеллигенции была очень значимой для региона. Это объяснялось тем, что общества, в которые она объединялась, исполняли те функции, для которых в центральной России были созданы земские учреждения. Г.Н. Потанин писал, что «является настоящим введением в Сибирь земских учреждений и передача им хотя бы отчасти просветительских функций». Однако тут же указал, что качество работы понизится, поскольку в земствах господствуют бюрократия и канцелярия, а общества представляют более высокий тип общественной организации [44].

Свои просветительские функции сибирская интеллигенция осуществляла, организуя воскресные народные чтения, или «утренники». Это было принято повсеместно во всех крупных сибирских городах. На этих «утренниках» читали отрывки из литературных произведений, занимались музицированием. Параллельно организовывались образовательные курсы по истории, математике, рисованию, пению, литературе, иностранному языку, читались лекции для простого народа.

В Иркутске в 1908 г. начало действовать Общество народных развлечений. Оно ставило своей задачей «путем общедоступных и понятных для народа развлечений воспитательно-образовательного характера, внушить ему идеи нравственности, культуры и человечности и, вместе с этим, расширить его умственный кругозор и воспитывать художественные вкусы» [45]. Свою деятельность общество начало с постановки любительских спектаклей для народа. За лето их было поставлено около десяти, и все они прошли с аншлагом. Литературно-музыкальные утра и спектакли для народа шли в случайных помещениях. Члены кружка, играя в любительских спектаклях, не рассчитывали на вознаграждение, их привлекала сама идея просвещения народа. С началом Первой мировой войны усилилась патриотическая направленность в деятельности творческой интеллигенции [46].

Открытие первого в Сибири университета способствовало тому, что центр художественной жизни региона в 1890-х гг. переместился в Томск. Претендуя на ведущую роль в культурно-художественной жизни, Томск присвоил себе красивое звание «Сибирских Афин». В Томске спланируются и объединяются крупные художественные силы, деятельность которых становится систематической и регулярной. В 1909 г. возникло Томское общество любителей художеств (ТОЛХ), которое просуществовало до 1919 г., изменив художественную жизнь города и региона в целом. Кроме выставочной деятельности Общество организовывало вечера, на которых заслушивались доклады на какую-либо тему, обсуждались вопросы, затрагивающие жизнь общества, писались портреты с натуры. В 1911 г. Общество сообщило о своем намерении устраивать еженедельные воскресные вечера, посвященные великим живописцам. Первый вечер был посвящен памяти В. Серова, с докладами выступили художники Л. Базанова и С. Прохоров. В 1912 г. общество решило проводить костюмированные вечера с целью знакомства публики с искусством Востока, Египта, Греции. Художник С.М. Прохоров прочитал лекцию «О новых течениях в искусстве и живописи», в которой он рассматривал творчество Сезанна, Врубеля, Серова, Репина.

Творческую интеллигенцию Сибири самым непосредственным образом интересовали художественные процессы, происходившие в центральной России. Общество попечения о начальном образовании Омска отмечало 80-летие со дня рождения Н. Некрасова. О жизни поэта читались лекции, устраивались музыкально-литературные вечера. Большим событием в культурной жизни Омска стали дни, посвященные памяти Н.В. Гоголя. Для учащихся в театре были сыграны отдельные действия из «Ревизора» и «Женитьбы» Гоголя. Интеллигенция города устраивала литературно-музыкальные вечера, посвященные памяти писателя, на которых читались его произведения, раздавались его книги и портреты. Учительская семинария и Общество попечения о начальном образовании устроили вечер с исполнением малороссийских песен и постановкой спектакля «Ревизор». Таким образом, устраивая литературные вечера о выдающихся деятелях российской культуры, сибирская интеллигенция популяризовала их творчество не только в своей среде, делала его доступным и известным для широкой общественности.

В 1916 г. из числа местных художников и любителей в Омске сформировалось «Общества любителей изящных искусств Степного края». Члены общества еженедельно собирались в здании Дворянского собрания на занятия рисунком и живописью. Осенью и весной они устраивали выставки местных художников, на которых были представлены в основном пейзажи, наброски жанровых сценок, рисунки углем и карандашом.

Страстным пропагандистом искусства, одним из лидеров «Общества художников Степного края» был А.Н. Клементьев. Выходец из центральной России, приехав в Сибирь, он стал настоящим патриотом края, отдавая все силы на возрождение его культуры. А.Н. Клементьев учился у Репина в Тенишевской студии в Петербурге, затем в Мюнхене, а в 1914 г. был направлен преподавать рисование в Омскую военную гимназию. Талантливый художник, писавший в основном портреты и пейзажи, он задумал создать в Омске художественный музей. По его инициативе в 1916 г. был принят устав Общества, цель которого виделась в распространении художественных идей среди населения путем организации выставок, лекций, изучения творчества местного населения, оказания помощи художникам, а так же создания художественной школы.

Музыкальная интеллигенция региона также объединялась в общества, деятельностью которых руководило Императорское Русское Музыкальное Общество. Музыкальные общества, созданные в Томске, Омске, Красноярске, Иркутске много времени уделяли общественной, просветительской деятельности. Они устраивали концерты, которые охотно посещались публикой, где звучала симфоническая, хоровая, камерная музыка.

Членами Омского отделения РМО были супруги Л.С. и М.Ф. Буланже, приехавшие из Москвы преподавать французский язык. Страстные поклонники музыки, они внесли большой вклад в развитие общества и в становление музыкальной культуры края. В Красноярске музыкальный кружок под руководством учителя З.А. Барша давал концерты, на которых исполнялись романсы, оперные арии, скрипичные и фортепьянные пьесы.

Театральная интеллигенция так же объединялась в общества и кружки, занимающиеся просветительской и общественной деятельностью. Общество любителей драматического искусства, которым руководил его основатель И.Т. Савенков, собрало средства на ремонт городского театра. В 1898 г. театр сгорел. Общество обратилось в городскую думу с предложением о постройке нового

театра и получило отказ. Усилиями членов Общества, интеллигенцией города была организована подписка на сбор средств для строительства театра. Собрано было 13 тысяч рублей и в марте 1902 г. Народный драмтеатр был построен [47]. Собранная сумма для того времени была немалой и если общественность откликнулась на призыв Общества, значит, театральное искусство в Красноярске было востребовано и его роль в духовном развитии общества по достоинству оценена [48].

В 1886 г. любителями сценического искусства в Омске было создано драматическое общество, приглашавшее в город актеров и антрепренеров. Общество устраивало спектакли для образования фонда на постройку нового театра. По пониженным ценам ставились спектакли «для народа и учащих». В сентябре 1905 г. состоялось открытие городского театра спектаклем по пьесе Гоголя «Ревизор». Томское драматическое общество так же оказывало материальную и моральную поддержку в постройке театра и помощь в выявлении талантов среди местного населения.

Новым видом просветительской деятельности в Сибири в начале XX в. стала организация гастролей. В 1909 г. предприняли гастрольную поездку на курорт Карачи технические классы при железнодорожных мастерских. В этих классах преподавалась музыка, и имелся свой духовой оркестр. Иркутский драматический театр выезжал в 1909 г. с гастролью в г. Верхнеудинск, где ставил свои спектакли во время ярмарки. Как видим, перед всеми культурно-просветительскими обществами Сибири стояли единые цели и задачи и практически одинаковыми были пути их решения.

Выводы

Творческая интеллигенция Сибири рубежа XIX–XX столетий представляла собой уже определенную социальную группу, в силу этого, она оказывала значительное влияние на культурную жизнь в регионе. Отводя искусству приоритетную роль в формировании духовно-нравственного потенциала общества, интеллигенция, объединяясь в общества и творческие союзы, стремилась к распространению художественной культуры среди широких слоев населения, развивая тем самым его эстетические взгляды, культивируя определенные нравственные категории и ценности. Именно в этом заключается общественная значимость сибирской интеллигенции, опыт деятельности которой может быть востребован современной интеллигенцией.

Примечания:

1. Рыженко В.Г. Особенности изучения культуры и интеллигенции сибирскими исследователями в конце XX – начале XXI вв. / В.Г. Рыженко // Культурологические исследования в Сибири. 2003. № 3 (11). С. 45-54.
2. Проблемы источниковедения и историографии интеллигенции Сибири дооктябрьского периода: межвуз. тематич. сб. науч. тр. Омск, 1990.
3. Омская старина. Историко-краеведческий альманах. 1993. № 2. 60 с.
4. Деветьярова И.Г. Художественная жизнь Омска XIX – первой половины XX века / И.Г. Деветьярова. Омск, 2000. 144 с.
5. Белокрыс М.А. Материалы к биографиям музыкантов и музыкальных деятелей Омского Прииртышья XVIII – перв. пол. XX вв. / М.А. Белокрыс // Известия Омского историко-краеведческого музея. 1999. № 7. С. 213-223.
6. Долгушин С.Л. Музыкальное воспитание и образование в дореволюционном Омске (1716–1917). Омск. 1995. 17 с.
7. Рыженко В.Г. Культура Западной Сибири: история и современность / В.Г. Рыженко, А.Г. Быкова. Омск, 2001. 372 с.
8. Омск в панораме веков. Омск, 1999. 353 с.
9. Суздальский В. «Театр уж полон». Томск, 1995. 126 с.
10. Вибе П.П. Омский историко-краеведческий словарь / П.П. Вибе, А.П. Михеев, Н.М. Пугачева. М.: Отечество, 1994. 320 с.
11. Аверин В.А. Первый Сибирский великорусский оркестр и его место в музыкальной культуре Енисейской губернии / В.А. Аверин // Художественная культура Красноярья: сб. науч. ст. / под ред. И.В. Ефимовой, Э.М. Прейсмана. Красноярск, 1992. С. 17–38.
12. Мешалкин П.Н. Одержимые. О деятелях культуры Красноярска на рубеже XIX–XX вв. / П.Н. Мешалкин. Красноярск, 1998. 184 с.
13. Громова О.В. Из истории театральной жизни г. Красноярска (1874–1917) / О.В. Громова. Красноярск, 1998. 13 с.
14. Культурный потенциал Сибири в досоветский период: межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 1992. 168 с.
15. Культура и интеллигенция России в переломные эпохи (XX век): тез. докл. Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 1993. 225 с.
16. Художественная жизнь Сибири начала XX века: мат-лы регион. науч.-практ. конф. Томск, 2000. 214 с.
17. Культура и интеллигенция России: социальная динамика, образы, мир научных сообществ (XVIII–XX вв.): мат-лы 3 Всерос. науч. конф. В 2 т. Омск, 1998.
18. Культура и интеллигенция России: Интеллектуальное пространство. Провинция и Центр.

XX век : мат-лы 4 Всерос. науч. конф. В 2 т. Омск, 2000.

19. Хроника художественной жизни Томска. 1909–1919 гг.: к 90-летию Томского общества любителей художеств. Томск, 2000. 170 с.

20. Pereira N.G.O. The idea of Siberian Regionalism in Late Imperial and Revolutionary Russia. *Russian History*, 1993. Vol. 20. Iss. 4. Pp. 163–178.

21. Porter T. and Gleason W. The Zemstvo and Public Initiative in Late Imperial Russia. *Russian History*, 1994. Vol. 21. Iss. 1. Pp. 419–437.

22. Finkel S. Purgings the Public Intellectual: The 1922 Expulsions from Soviet Russia. *Russian Review*. 2003. Vol. 62. Iss. 4. Pp. 589-613.

23. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. LXXXIII. Енисейская губерния. М., 1904. С. 3, 29.

24. Плотников А.Е. Численность, состав, территориальное размещение интеллигенции Сибири (по переписи 1897 г.) / А.Е. Плотников // Проблемы источниковедения и историографии Сибири дооктябрьского периода. Омск, 1990. С. 100.

25. Ерман Л.К. Интеллигенция в первой русской революции / Л.К. Ерман. М., 1966. С. 373.

26. Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997. С. 109.

27. Грязнухин А.Г. Межкультурные коммуникации России и Сибири в контексте биографического метода исследования / А.Г. Грязнухин, Т.В. Грязнухина // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Т. 5. № 8. С. 1157.

28. Потанин Г.Н. Нужды Сибири // Сибирь ее современное состояние и ее нужды / Г.Н. Потанин. СПб., 1908. С. 268.

29. Щербаков Н.Н. К вопросу о количестве политссыльных в Иркутской губернии (1907–1914 гг.) / Н.Н. Щербаков // Общественно-политическое движение в Сибири в 1861–1917 гг. Новосибирск: Наука, 1967. С. 131.

30. Статистический обзор Енисейской губернии за 1908 г. Красноярск, 1908. С. 78.

31. Щербаков Н.Н. Численность и состав политических ссыльных Сибири. (1907–1917) / Н.Н. Щербаков // Ссыльные революционеры Сибири. Иркутск, 1973. С. 213.

32. Очерки русской литературы Сибири. Т.1. Новосибирск: Наука, 1982. С. 513.

33. Барсагаев П. «Борис Годунов» в Нарыме / П. Барсагаев // Томский зритель. 1990. № 5. С. 23-24.

34. Театр и искусство. 1912. № 36. С. 23; Сибирская жизнь. 1915. 9 декабря; Томский зритель. 1990. №5. С. 23-24.

35. Из истории Омска (1716–1917) / Очерки, документы, материалы. Омск, 1967. С. 114.

36. Очерки истории Томской области / Бородавкин А.П., Боярщинова З.Я., Боженко Л.И., и др. Томск, 1968. С.102.

37. Очерки истории Томской области / Бородавкин А.П., Боярщинова З.Я., Боженко Л.И., и др. Томск, 1968. С.103.

38. Катанаев Г. Повестка к вставанию / Г. Катанаев // Омская старина / Историко-краеведческий альманах. 1992. № 2. С. 21.

39. Цит. по: Суздальский В. «Театр уж полон» / В. Суздальский. Томск, 1995. С. 18.

40. ГАОО (Государственный архив Омской области). Ф. 1073. Оп.1. Д.618. Л. 2-3.

41. ГАОО. Ф. 1073. Оп.1. Д. 227. Лл. 91,99.

42. Потанин Г.Н. Культурно-просветительские организации / Г.Н. Потанин // Город Томск. Томск, 1912. С. 93.

43. ГАТО (Государственный архив Томской области). Ф. 102. Оп.1. Д.291. Лл. 1,6.

44. Потанин Г.Н. Культурно-просветительские организации / Г.Н. Потанин // Город Томск. Томск, 1912. С. 100.

45. Сибирь. 1909. 4 февр.

46. ГАИО (Государственный архив Иркутской области). Ф. 609. Оп.1. Д.1.

47. Лифшиц Л. Театр в Красноярске / Л. Лифшиц. Красноярск, 1957. С. 12.

48. ГАКК (Государственный архив Красноярского края). Ф. 2120. Оп.1. Дд.342, 356.

References:

1. Ryzhenko V. G. Peculiarities of the study of culture and intellectuals Siberian researchers in the late XX – early XXI century. *Cultural studies in Siberia*. 2003. No. 3 (11). P. 45-54. (In Russian).

2. Problems of source studies and historiography of the intelligentsia Siberia in the pre-revolutionary period: interuniversity thematic collection of scientific papers. Omsk, 1990. (In Russian).

3. Omsk old. Local history almanac. 1993. No. 2. 60 p. (In Russian).

4. Devetjarova I. G. *Artistic life Omsk XIX – first half of XX century*. Omsk, 2000.144 p. (In Russian).

5. Belokryz M. A. Materials for the biographies of musicians and music workers of Omsk Irtysh region in XVIII – first half XX centuries. *Proceedings of the Omsk historical Museum*. 1999. No. 7. Pp. 213–223. (In Russian).

6. Dolgushin, S. L. Music education in pre-revolutionary Omsk (1716–1917). Omsk. 1995. 17 p. (In Russian).

7. Ryzhenko, V. G., Bykova A. G. *The Culture of Western Siberia: history and modernity*. Omsk, 2001. 372 p. (In Russian).
8. Omsk in the panorama of the ages. Omsk, 1999. 353 p. (In Russian).
9. Suzdalskij V. "Theatre full". Tomsk, 1995. 126 p.
10. Vibe P.P., Mikheev P. A. and Pugacheva N. M. *Omsk local history dictionary*. M.: Fatherland, 1994. 320 p. (In Russian).
11. Averin V. A. First Siberian Russian orchestra and its place in the musical culture of the Yenisei province. *Art culture of Krasnoyarsk region: the collection of papers*. Edited by I.V. Efimova, E.M. Preisman. Krasnoyarsk, 1992. P. 17 – 38. (In Russian).
12. Meshalkin P. N. *Obsessed*. The workers of culture of Krasnoyarsk at the turn of XIX–XX centuries. Krasnoyarsk, 1998. 184 p. (In Russian).
13. Gromova O. V. From the history of theatrical life in Krasnoyarsk (1874-1917). Krasnoyarsk, 1998. 13 p. (In Russian).
14. Cultural potential of Siberia in the pre-Soviet period: interuniversity collection of scientific papers. Novosibirsk, 1992. 168 p. (In Russian).
15. Culture and the intelligentsia of Russia in the epoch (XX century): Abstracts of all-Russian scientific-practical conference. Omsk, 1993. 225 p. (In Russian).
16. Art life in Siberia in the early twentieth century: the materials of regional scientific-practical conference. Tomsk, 2000. 214 p. (In Russian).
17. Culture and the intelligentsia of Russia: social dynamics, images, world scientific communities (XVIII – XX centuries): Materials of the 3rd all-Russian scientific conference. In 2 vol. Omsk, 1998. (In Russian).
18. Culture and the intelligentsia of Russia: Intellectual space. The province and the Center. XX century : materials of the 4th all-Russian scientific Conf. In 2 vol. Omsk, 2000. (In Russian).
19. Chronicle of art life of Tomsk. 1909–1919: the 90th anniversary of the Tomsk society of arts. Tomsk, 2000. 170 p. (In Russian).
20. Pereira N.G.O. The idea of Siberian Regionalism in Late Imperial and Revolutionary Russia. *Russian History*, 1993. Vol. 20. Iss. 4. Pp. 163 – 178.
21. Porter T. and Gleason W. The Zemstvo and Public Initiative in Late Imperial Russia. *Russian History*, 1994. Vol. 21. Iss. 1. Pp. 419-437.
22. Finkel S. Purging the Public Intellectual: The 1922 Expulsions from Soviet Russia. *Russian Review*. 2003. Vol. 62. Iss. 4. Pp. 589-613.
23. The first General census of the Russian Empire in 1897 Vol LXXXIII. The Yenisei province. Moscow. 1904. P. 3, 29. (In Russian).
24. Plotnikov A. E. Size, composition, territorial distribution of the intelligentsia Siberia (according to the census of 1897). *Problems of source studies and historiography of Siberia in the pre-revolutionary period*. – Omsk, 1990. P. 100. (In Russian).
25. Erman L. K. Intellectuals in the first Russian revolution. M., 1966. P. 373. (In Russian).
26. The population of Western Siberia in the XX century. Novosibirsk, 1997. P. 109. (In Russian).
27. Gryaznukhin, Alexander G., Gryaznukhina, Tatiana V. Cross-Cultural Communication in Russia and Siberia in the Context of the Biographical Research Method. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2012. Vol. 5. No. 8. P. 1157.
28. Potanin G. N. Needs Siberia her current status and her needs. 1908. P. 268. (In Russian).
29. Scherbakov N. N. To the question about the number politically in Irkutsk province (1907-1914). *Public-political movement in Siberia in 1861-1917, Novosibirsk, 1967. P. 131*. (In Russian).
30. Statistical review of the Yenisei province for 1908. Krasnoyarsk, 1908. P. 78. (In Russian).
31. Scherbakov N. N. The size and composition of the political exiles of Siberia. (1907-1917). Exiled revolutionaries in Siberia. Irkutsk, 1973. P. 213. (In Russian).
32. Essays on Russian literature of Siberia. Vol. 1. Novosibirsk: Nauka, 1982. S. 513. (In Russian).
33. Barsagaev P. "Boris Godunov" in Narim. *Tomsk audience. 1990. No. 5. P. 23-24*. (In Russian).
34. Theatre and the arts. 1912. No. 36. P. 23; Siberian life. 1915. 9 December; Tomsk audience. 1990. No. 5. P. 23-24. (In Russian).
35. From the history of Omsk (1716 – 1917). Essays, documents, materials. Omsk, 1967. P. 114. (In Russian).
36. Borodavkin A. P., Boyarshinov Z. Y., L. I. Bozhenko. Essays on the history of the Tomsk region. Tomsk, 1968. P. 102. (In Russian).
37. Borodavkin A. P., Boyarshinov Z. Y., L. I. Bozhenko. Essays on the history of the Tomsk region. Tomsk, 1968. P. 103. (In Russian).
38. Katanaev G. Agenda for the standing . *Old Omsk. Local history almanac. 1992. No. 2. P. 21*. (In Russian).
39. Op. by: Suzdalskij V. "Theatre full". Tomsk, 1995. P. 18. (In Russian).
40. State archive of Omsk region. F. 1073. In.1. C.618. S.2-3. (In Russian).
41. State archive of Omsk region. F. 1073. In.1. C.227. Ss. 91, 99 (In Russian).
42. Potanin G. N. Cultural-educational organizations. *Tomsk City*. Tomsk, 1912. P. 93. (In Russian).

43. State archive of Tomsk region. F. 102. In.1. С.291. S.1, 6. (In Russian).
44. Potanin G. N. Cultural-educational organizations. Tomsk City. Tomsk, 1912. P. 100. (In Russian).
45. Siberia. 1909. 4 Febr. (In Russian).
46. State archive of Irkutsk region. F. 609. In.1. С.1. (In Russian).
47. Lifshitz, L. Theatre in Krasnoyarsk. Krasnoyarsk. 1957. P. 12. (In Russian).
48. State archive of Krasnoyarsk region. F. 2120. In.1. Сс. 342, 356. (In Russian).

УДК 93/94

Сибирская интеллигенция в социокультурном пространстве России на рубеже XIX–XX вв.

¹ Александр Григорьевич Грязнухин

² Татьяна Владимировна Грязнухина

¹ Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 82 а

Кандидат исторических наук, доцент

E-mail: agagag@mail.ru

² Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 82 а

Кандидат исторических наук, доцент

E-mail: tag-kras@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы формирования и развития интеллигенции Сибири на рубеже XIX–XX столетий, перечислены источники ее формирования. Проанализированы взгляды представителей областничества на вопросы становления сибирской интеллигенции. Показана невозможность полноценного культурного развития региона только силами приезжей интеллигенции из числа политссыльных и приехавших в Сибирь временно на работу. Обоснована зависимость уровня культурного развития Сибири от количественного и качественного состава сибирской интеллигенции, происходившей непосредственно из населения региона. Показана ведущая роль творческой интеллигенции в развитии культурной жизни региона, дан анализ ее театральной, музыкальной, художественной деятельности. На основании сравнительного анализа общественной и просветительской деятельности интеллигенции России и Сибири, выявлены отличительные черты в характере ее творческого развития. Показана зависимость культурной жизни Сибири от социально-культурных процессов центральной России. Проанализированы культурные контакты между двумя регионами.

Ключевые слова: интеллигенция; культура; областничество; просвещение; Россия; Сибирь; творчество.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 38, Is. 4, pp. 982-991, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(438).071

The Development of the System of Mining Education in the «Kingdom of Poland» in the XIX Century

Anton B. Mokeev

National Mineral Resources University (Mining University), Russian Federation

PhD (History), Associate Professor

21 st. Line 2, Vasil'evsky Island, 199106, Saint-Petersburg

E-mail: amokeev@yandex.ru

Abstract

This article deals with the history of mining and technical education in the «Kingdom of Poland» in the XIX century. These western lands became part of the Russia by the decision of the Congress of Vienna in 1814-1815, which summarized the European wars of the allies against Napoleon. The Government embarked on the systematic development of the industry of the «Kingdom of Poland». The mining industry in this region was developed very well, but lacked local specialized educational institutions for the training of relevant personnel. On the basis of archival materials the author shows the process of organizing educational institutions that train personnel for the booming mining industry of this region. The first educational centers begin to appear immediately after joining Russia, however, difficult political events that began in the region from the 20s of XIX century interrupted the process of formation and development of mountain education in the «Kingdom of Poland» for several years. But in the second half of the XIX century it would again become a topical issue for the region. Particular attention is paid to the history of Dombrowa Mining School, which was established in 1889. The main purpose of this school was to prepare the mine managers and factory preachers to the needs of the mining industry in this region of the «Kingdom of Poland». Mining School in Dombrowa existed until the beginning of the First World War.

Keywords: the Russian Empire, mining education, mining school, The Kingdom of Poland, Dombrowa Mining School.

Введение

В XIX веке в России наблюдается активное развитие горной промышленности страны. После присоединения к России Царства Польского в состав империи вошли ценные в это плане территории. Для плодотворного использования ископаемых богатств новых западных земель необходимо было организовать надлежащую систему подготовки кадров. Изучение процесса организации и функционирования горнотехнических учебных заведений в Царстве Польском в XIX веке представляется очень важным и актуальным вопросом, поскольку именно в этом регионе при организации учебного процесса впервые был широко использован на практике опыт западноевропейских горных школ. К тому же, данный процесс развивался в XIX веке на фоне сложных внутриполитических событий этого региона. В данной статье предпринята попытка на основе архивных материалов рассмотреть особенности подготовки горнотехнических кадров в Царстве Польском.

Материалы и методы

Основным источником информации для написания данной статьи стали архивные документы Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге (РГИА), а именно фонд № 37 – «Горный департамент». При написании статьи был использован сравнительно-исторический метод. В процессе изучения данной темы были сопоставлены различные делопроизводственные документы данного фонда, касающиеся процесса организации горного образования в Царстве

Польском в XIX веке. В результате чего, удалось достоверно установить общие факты и частные детали работы горнотехнических учебных заведений, а также проследить развитие этого вопроса и отношение к нему власти на протяжении всего XIX века.

Обсуждение

В отечественной историографии история организации горнотехнических учебных заведений в Царстве Польском затрагивалась лишь фрагментарно. Это происходило внутри исследований, посвященных правительственной политике в области образования в Царстве Польском в целом. Одним из первых обобщающих трудов по истории образования в России стал «Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902», составленный С.В. Рождественским по заданию министерства к его вековому юбилею. Обзор представляет собой официальную точку зрения и практически не содержит оценочных моментов [1]. В работах советских исследователей по истории начального и среднего образования в Российской империи главным образом объектом исследования было положение дел в российских губерниях, а поляки упоминались лишь изредка как один из угнетаемых царизмом народов. Несколько более подробно эти сюжеты освещались в обобщающих трудах по истории Польши, но всегда в негативном свете, когда речь шла о действиях русского правительства в образовательной области в Царстве Польском [2]. Современная российская историография также не представлена работами, специализирующимися на истории горнотехнического образования в польских землях российской империи. Все это еще раз подчеркивает актуальность изучения данной темы. А также объясняет тот факт, что автор статьи использует, прежде всего, архивный материал.

Результаты

В начале XIX века Россия смогла отстоять свою независимость, победив в Отечественной войне 1812 г., а также внесла весомый вклад в окончательный разгром Наполеона в ходе заграничных походов. Венский конгресс 1814–1815 гг. определил новые границы государств Европы. Россия включила в свой состав большую часть бывшего герцогства Варшавского, получившую название Царства (Королевства) Польского.

Новые западные земли российского государства представляли собой важные в промышленном плане территории. Особое внимание следовало уделить ископаемому богатству Польши. Правительством был взят курс на планомерное развитие горной промышленности Царства Польского. Западный горнопромышленный бассейн усилил деятельность по добыче железной руды, угля и других минералов. Целый ряд горнорабочих поселений был открыт в Домброве, Нивках и других районах. Оживилась горная промышленность в Келецкой губернии. Управление горными делами было тогда передано горной дирекции, основанной в 1816 г. в городе Кельце. Горная дирекция подчинялась департаменту промышленности в Царстве Польском, которую возглавлял в то время Станислав Сташица – известный польский ученый и общественный деятель. Благодаря его стараниям и энергии, состояние горного дела в Польше значительно улучшилось: были открыты новые рудники и заводы, поощрялась частная промышленность.

В 1826 г. горная дирекция была упразднена, а горные дела перешли в управление горного департамента, находившегося тогда в ведении министра финансов Царства Польского князя Ксаверия Францевича Друцкого-Любецкого. Новое управление принялось за исполнение проектов, задуманных еще С. Сташицем, и имевших целью развить обширный горный промысел в окрестностях городов Кельце и Олькуша, которые были богаты залежами различных руд и изобиловали лесами. В Европе в это время начинают широко применяться цинк, залежи которого были в городах Олькуши и Славкова. Начинают возникать казенные и частные заводы, особенно в окрестностях Бендина и Домбровы, вблизи источников каменного угля, который использовался как топливо при металлургических операциях.

В 1832 г. казенные горные заводы были переданы в заведование польского банка. Несмотря на трудные времена, польский банк способствовал дальнейшему развитию горного дела, особенно благодаря энергичной деятельности его председателя графа Томаша Лубенского.

Произошло разделение всех казенных рудников и заводов в Царстве Польском по местоположению на два округа: восточный – с главным управлением в Сухедневе, и западный – в Домброве. В 1870 г. заведование всеми горными делами в Царстве Польском было передано в Санкт-Петербург в горный департамент, для чего в нем было образовано особое отделение заводов Царства Польского.

Большое значение в промышленном отношении имела каменноугольная формация, которая занимала юго-западную область Царства Польского и тянулась полосой вдоль прусской и австрийской границы, в Бендинском и Олькушском уездах Петроковской губернии, образуя известный каменноугольный бассейн, разрабатываемый во многих местах около Домбровы. Также здесь располагались запасы железной руды. Горная Домброва стала центром каменноугольной промышленности всего бассейна [3].

В условиях наличия ископаемого богатства и совершенствования его использования в промышленных целях, неоднократно вставал вопрос о подготовке соответствующих кадров для

развивающейся горной промышленности Царства Польского. Непростая политическая история Польши в XVIII-первой четверти XIX вв. сказалась и на системе профессионального технического образования. Долгое время для польской горной промышленности кадры готовились или через редкие практики (чтения и беседы) учеников и мастеров или, если мы говорим про более высокий уровень, в школах других стран, в которых данная система подготовки сложилась раньше. Так, например, на рубеже XVIII–XIX вв. в горной академии во Фрайберге обучалось более 40 поляков. Первым из них стал Станислав Окражевски, который начал свое обучение в этой знаменитой горной академии в 1780 г. Большинство горных специалистов, работавших в Польше в начале XIX в., также заканчивали Фрайбергскую академию. Однако вектор развития экономики Царства Польского в XIX в. подталкивал к созданию собственной горной школы.

Рассматривая историю горного образования в Царстве Польском в первой половине XIX в., необходимо особо выделить город Кельце, который располагается в центральной части Польши, в 170 километрах к югу от столицы страны Варшавы. Город расположен в середине Свентокшиских гор (горы Святого Креста), на берегу реки Силница. Документированная история Кельце насчитывает более 900 лет. Кельце стал городом в 1364 г., почти с незапамятных времен принадлежал епископам Кракова. Во время войны со шведами (так называемый «Потоп») в 1660 г. Кельце был разграблен и сожжён шведской армией, восстановление города продолжалось вплоть до середины XVIII в. В 1795 после Третьего раздела Польши Кельце вошёл в состав Австрии. Во время наполеоновских войн город был частью Варшавского княжества, после поражения Наполеона отошёл к Царству Польскому в составе России.

В XIX в. город Кельце становится центром Краковского воеводства. Благодаря усилиям Станислава Сташица Кельце превращается в руководящий и контролирующий центр вновь созданной Старопольской промышленной зоны. В это время город очень быстро растёт, появляются новые шахты, карьеры, заводы. И не случайно, что именно этому городу предстояло стать первым центром на территории Царства Польского по подготовке профессиональных кадров для развивающейся горной промышленности [4].

Академическая горная школа в городе Кельце была создана по инициативе Станислава Сташица в 1816 г. Располагалась в северном крыле городского Дворца епископов. Это здание является достопримечательностью города. Долгое время оно было резиденцией Краковского епископа в Кельце. Было построено между 1637-1641 гг. Архитектором был, вероятно, Джованни Тревано. В 1789 году дворец перешел к епископам. С 1971 г. в здании находится Национальный музей.

Рассмотрим основные моменты работы этой горной школы. Горную школу в городе Кельце в марте 1816 г. возглавил Ян (Джон) Ульман, немец по происхождению. Кроме того он работал экспертом в Главном управлении горнодобывающей промышленности в Кельце. Бюджет школы был скромным, составлял 28000 злотых. Первым профессором горной школы в Кельце стал Джозеф Томашевский, он же занял должность заместителя директора школы. Именно Джозеф Томашевский отбирал других преподавателей для школы. Почти все они были выпускниками Фрайбергской горной академии. Уже осенью 1816 г. на работу в новую горную школу устроились Марсель Кролькевиц, а также Ян (Джон) Графф. В 1817 г. к ним присоединились – Фридрих Вильгельм Лемпе, а в 1818 г. – Георг Богумил Пуш. В итоге в горной школе в Кельце удалось собрать настоящих профессионалов – талантливых педагогов и ученых [5].

В 1817 г. в школе работало 7 преподавателей и обучалось только 7 учеников, в 1820 г. – 6 преподавателей и 15 учеников, в 1821 г. – 8 преподавателей и 14 учеников, в 1824 г. – 7 преподавателей и 36 учеников, в 1826 г. – 8 преподавателей и 32 учеников. Преподаватели школы были, так или иначе, заняты в горнодобывающей или металлургической промышленности региона [6].

Существовали определенные требования, которые предъявляли кандидатам в ученики. Претенденты должны были быть не моложе 16 лет. Требовалось закончить вначале пятилетнюю провинциальную школу. Кандидаты в ученики должны были обладать базовыми познаниями в области математики, физики и немецкого языка.

Курс обучения в школе продолжался три года, но для некоторых студентов он мог быть продлен до четырех лет, для того чтобы они могли сдать свои задолженности по курсу. Теоретическое обучение проходило четыре дня в неделю, один день был выделен для практического обучения. В воскресенье и праздничные дни занятия в горной школе не проходили. Занятия проводились два раза в день, в общей сложности учебный день занимал примерно восемь часов.

Учебная программа в Горной школе в Кельце включала следующие предметы:

- Группа естественных наук: математика, физика, общая химия, геология, минералогия;
- Группа профессиональных предметов: основы горнодобывающей промышленности, металлургия, изучение горного оборудования, геодезия, горное право (раздел добыча полезных ископаемых), организация лесного хозяйства, изучение коммерческой корреспонденции и бухгалтерского учета, а также рисование (черчение) топографическое и архитектурное [6].

Учебный год в горной школе в Кельце продолжался с октября по июнь. В конце года проводились экзамены по пройденным предметам, на которых оценивались знания учеников. Результаты этих экзаменов показывали, какие студенты были достойны продолжить обучение и

могли перейти в следующий класс. После экзаменов ученики направлялись на практику в местные шахты и рудники, наиболее способных могли отправить на практику за границу.

Студенты должны были вносить плату в размере 72 злотых в год. Но были и исключения для некоторых малообеспеченных студентов, для которых обучение в горной школе было бесплатным. Кроме того, студенты могли претендовать на бесплатное жилье. Почти две трети студентов горной школы в Кельце получали стипендии от государства. Наиболее способные ученики также получали пособия от горнопромышленников, которые были заинтересованы в воспитании профессиональных кадров.

Занятия в горной школе проводились на польском и немецком языках. Причем, изначально все лекции и другие мероприятия проходили исключительно на немецком языке, за исключением занятий по минералогии и геологии, которые преподавал профессор Джозеф Томашевский. Большинство учителей были немцы, этим и обуславливалась языковая специфика преподавания предметов. Но постепенно педагоги школы смогли освоить польский язык на должном уровне, и преподавание стало проводиться и на польском. В 1819–1820 гг. преподаватель математики Фридрих Вильгельм Лемпе одним из первых стал читать лекции в школе на польском языке.

Для преподавателей и учеников в горной школе в Кельце были организованы библиотека, кабинет чертежей и моделей приборов и машин, минералогические коллекции. В библиотеке находилось около семисот книг, что по тем временам было очень хорошим собранием технической литературы [6].

К сожалению очень много документов по истории горной школы в городе Кельце было утрачено в результате пожара 1863 г. Но сохранился неполный список имен учеников горной школы в Кельце. Его удалось обнаружить в архивах Домбровского горного училища. В разные годы там обучались: Бабски Антони, Банковски, Боровски Войцлав, Цизковски Джозеф, Дзиканович Иосиф, Илницки, Клиркевич Винсент, Клиркевич Антони, Кмита Канти, Кмита Стефан, Крацкевич Петр, Лабески Францишек, Олщевски Джозеф, Реклевски Лукас, Васикевич Ян, Волиски Константин, Зебравски Теофил.

Горная школа в городе Кельце просуществовала всего десять лет. На протяжении этого времени школа сумела принести много пользы, были подготовлены профессиональные кадры для развивающейся горной отрасли этого региона. Но из-за непростой политической ситуации внутри Царства Польского (возрастает борьба за независимость и отделение от России, в этом движении часто принимало участие и студенчество), дальнейшее развитие этого центра горного образования прервалось.

В декабре 1826 г., было принято решение перевести горную школу из города Кельца в Варшаву. Туда были перевезены библиотека, богатая минералогическая коллекция, собрание учебных пособий. Но в итоге школа не продолжила свою работу и прекратила свое существование. Восстания в Царстве Польском в начале 30-х годов XIX в. закрыли вопрос возможного возобновления ее деятельности [7].

Горная школа в городе Кельце была первым специализированным учебным заведением на территории Царства Польского, созданным для нужд местной горной промышленности. Помимо этой школы, в первой половине XIX в. кадры для горной отрасли готовились также и в других учебных заведениях, пусть не ориентированных исключительно на горную отрасль, но способных дать необходимые технические знания, которые потом можно было бы применить в горном деле.

Одним из таких учебных учреждений был Варшавский университет. Он был основан при Александре I в 1816 г. и открыт 20 сентября 1817 г. Первоначально назывался Королевским и состоял из 5 отделений: права и управления, медицинского, философии, теологического, наук и искусств. На отделении наук студенты получали знания, которые многие из них затем применяли на технической службе. Ценились такие специалисты и в горной промышленности. К середине 1820-х гг. количество студентов достигло 600 человек, а профессоров 40–50 человек. По данным списков горнопромышленников Царства Польского за 1830 г. около 35 специалистов, работавших в 1820-е гг. в горной отрасли старопольского региона закончили именно Варшавский университет.

Несколько лет Университет в Варшаве имел относительно либеральное управление. Первым ректором университета стал Войцех Швейковский – польский католический священник, педагог. В. Швейковский был одним из самых образованных людей Царства Польского Российской империи, членом варшавского общества друзей науки, государственной комиссии по делам вероисповеданий и общественного просвещения, комиссии по установлению правил польского правописания. Почётный профессор Виленского университета. Указом 30 марта 1830 г. Университету, согласно ходатайству его совета, присвоено было наименование Александровского. Но затем российские власти ограничили университетские свободы, а после того как большинство студентов университета приняло участие в ноябрьском восстании 1830 г. он был закрыт 19 ноября 1831 г. [8]

В 1831 г. князь И.Ф. Паскевич, представляя проект общего преобразования учебной части в Царстве Польском, предлагал реорганизовать Университет и образовать две высшие школы. Нужно отметить, что немного раньше описанных событий, по просьбе Станислава Сташица в 1825 г. в Варшаве была основана подготовительная школа политехнического института, который в 1827 г. получил статус университета. В этом учебном заведении учащиеся получали профессиональные

навыки, которые находили применение и в горной промышленности. Но император Николай I предписал временно закрыть все высшие школы в этом регионе.

Царство Польское одно время оставалось без особого учреждения для высшего образования, которое стремились обеспечить путем расширения программ средних учебных заведений. В 1833 г. во всех главнейших городах Царства были основаны 8-классные гимназии, а в Варшаве и в бывшем воеводстве Августовском были открыты по две такие гимназии. Первые 5 классов носили в них характер общеобразовательный, последние же три подразделялись на два отделения: филологическое и физико-математическое; первое имело своим назначением готовить молодых людей к службе гражданской и к поступлению в университеты (русские), второе готовило к службе военной, гражданской и к деятельности на поприще промышленности. Здесь также черпались знания для службы в горной промышленности.

В 1840 г. при гимназиях открыты были ещё дополнительные юридические курсы для подготовки кандидатов на низшие судебные должности; в том же году основаны были в Варшаве особые юридические курсы с более обширной программой, в том числе изучались и аспекты горного права. Кроме того, при Петербургском и Московском университетах открыты были по две польские кафедры: одна — гражданского права и судопроизводства, другая — права уголовного и административного. В 1846 году курсы в Варшаве были закрыты, после чего усилился наплыв польских студентов в столичные университеты [9].

Во второй половине XIX в. неоднократно вставал вопрос о подготовке кадров для развивающейся горной промышленности Царства Польского, о создании горной школы. В 1875 году в Западном горном округе Царства Польского были устроены чтения и беседы для учеников и практикантов, которые занимались горными науками. В 1881 году группа польских горных инженеров и промышленных активистов, среди которых были Ян Мариан Хемпель, Винсент Чороцевски, Винсент Косински, Станислав Конткевич, предприняли интенсивные усилия для открытия горной школы в районе Домбровского бассейна [10]. Самостоятельно это сделать им не разрешило царское правительство. Но вскоре вопрос о создании горной школы был решен. Государственный Совет в заседаниях соединенных департаментов государственной экономики и законов рассмотрел представление Министра государственных имуществ М.Н. Островского об учреждении Домбровского горного училища. Проект «Положения о Домбровском горном училище» был поднесен к утверждению императору. 13 февраля 1889 года император Александр III подписал: «Быть по сему» [11].

Домбровское горное училище было учреждено в 1889 году в селении Домброва, Бендинского уезда, Петроковской губернии. Главной целью данного училища была подготовка штейгеров и заводских уставщиков для потребностей горнозаводской промышленности этой области Царства Польского. Государственный Совет определил, что необходимую сумму на содержание Домбровского горного училища в размере 17.600 рублей в год необходимо было вносить, начиная с 1889 года, в расходные сметы горного департамента. Домбровское горное училище было размещено в зданиях бывшего окружного горного управления в Домброве. Согласно «Положению о Домбровском горном училище» данное образовательное учреждение было приписано к Ведомству министерства государственных имуществ и подчинялось надзору начальника казенных горных заводов в Царстве Польском. Содержание училища производилось за счет казны [12].

Непосредственное заведование училищем возлагалось на управляющего, с участием Совета училища. Управляющий училищем назначался Министром государственных имуществ из наиболее отличившихся горных инженеров. Преподаватели и врач училища определялись Горным департаментом по представлению Начальника казенных горных заводов в Царстве Польском. Прочие специалисты назначались самим управляющим училищем. Управляющему училищем, как непосредственному начальнику, были подчинены все лица и учреждения, принадлежащие к составу училища.

Полномочия и права управляющего были четко прописаны в «Уставе Домбровского горного училища», который был принят 9 января 1890 года. Управляющий был ответственен за благосостояние и благоустройство вверенного ему учебного заведения. Он был обязан контролировать: чтобы преподавание в горном училище шло правильно и в соответствующем объеме, согласно утвержденным программам, а практические занятия проходили с наибольшей пользой для учащихся, а также, чтобы все служащие в училище исполняли свои обязанности надлежащим образом. Кроме того на управляющего училищем возлагалось преподавание одного из специальных предметов, входивших в программу училища. По истечению каждого года управляющий училищем представлял не позднее 31 марта следующего года, через начальника казенных горных заводов в Царстве Польском, Министру государственных имуществ общий отчет о состоянии и действиях училища [13].

Первым управляющим Домбровского горного училища был назначен Дмитрий Михайлович Брылкин. Происходил из дворян. В 1881 году Д.М. Брылкин окончил Горный институт в Санкт-Петербурге. Это был талантливый горный инженер, коллежский ассессор. В 1880-е годы Д.М. Брылкин служил управляющим Нижнетагильских медных и железных рудников в Уральском округе. Затем с 1887 года служил горным начальником на Гороблагодатских заводах. Благодаря

успешному продвижению по службе был отмечен как талантливый и способный горный инженер. В 1889 году возглавил Домбровское горное училище. По единодушному мнению тогдашних учеников, Д.М. Брылкин был не просто отличным специалистом, профессионалом своего дела, но и большим другом молодежи. Он сразу же погрузился в дела новой горной школы, принимал испытания кандидатов в учащиеся, а затем взял личное шефство над первым классом Домбровского горного училища. В 1896 году Д.М. Брылкин был награжден Орденом Святой Анны 3-й степени. С 1903 года Д.М. Брылкин был Заместителем начальника, а с 1913 года Начальником Западного горного управления [14].

Под председательством управляющего действовал Совет училища, который имел большое значение в вопросе управления. Совет состоял из преподавателей училища, кроме того обязательно приглашались два окружных инженера Царства Польского. Также двух членов Совета избирали местные горнопромышленники из своей среды. Управляющий училищем назначал, открывал и закрывал заседания Совета училища. Если на заседании Совета училища присутствовал Начальник казенных горных заводов Царства Польского, то именно он становился председателем на этом заседании. К обязанностям Совета училища относились: прием и увольнение учащихся; выдача свидетельств на звание штейгера или заводского уставщика; выбор учебных руководств и распределение учебных предметов между преподавателями; рассмотрение и разрешение всех вопросов, касающихся правильной постановки учебной части в училище. Дела в Совете решались большинством голосов. В случае равенства, голос председательствующего давал перевес [15].

Преподаватели в Домбровском горном училище делились на тех, кто преподавал специальные предметы и общеобразовательные предметы. Преподаватели специальных предметов (минералогии, геологии, механики, горного и маркшейдерского искусств, химии, пробирного искусства, металлургии) избирались преимущественно из горных инженеров. Преподавание общеобразовательных предметов поручалось лицам, которые пользовались правом преподавать в средних учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения. Одному и тому же лицу, могло быть поручено преподавание нескольких отдельных предметов. Самыми первыми преподавателями Домбровского горного училища стали: С. Конткевич – преподаватель польского языка, минералогии и геологии, И. Кондратович – преподаватель горного искусства, Круссер – штатный преподаватель русского языка, физики и математических наук, И. Свентоховский – преподаватель геодезии и маркшейдерского искусства, И. Попов – второй штатный преподаватель, вел химию и металлургию. Управляющий училищем Д.М. Брылкин преподавал механику и строительное искусство [16].

Рассмотрим организацию учебного процесса. Кандидатам в ученики Домбровского горного училища, предъявляли определенные требования. Было необходимо, чтобы возраст кандидата был не меньше 15 лет и не больше 20 лет. Кроме того, требовалось заключение об отсутствии физических недостатков, которые могли препятствовать исполнению обязанностей штейгера или заводского уставщика. Еще одним требованием было знание курса двухклассных сельских училищ или иных равных им учебных заведений. Согласно 20 пункту Устава Домбровского горного училища, лица, которые могли доказать, что они имели не менее полугода практических занятий на рудниках или на горных заводах, имели преимущество перед другими при приеме в училище. Это уточнение было характерной чертой Домбровского горного училища. В других отечественных горных школах предварительные практические работы были не обязательны. При этом, как справедливо отмечал управляющий Домбровского горного училища Д.М. Брылкин: «практика очень полезна, так как именно она даёт ученикам практическое представление, а, следовательно, способствует более быстрому пониманию учениками изучаемого предмета. Кроме того, ученики, поступая в горную школу, уже имели представление, какая служба их ждёт» [17]. Нужно отметить, что в горных школах Франции или Германии предварительная практика была необходимым условием для поступающих. Лица, удовлетворявшие указанным требованиям, принимались в училище только после успешного прохождения испытаний, которые состояли из русского языка и арифметики.

В Домбровское горное училище принимались русские подданные без различия званий и вероисповеданий, кроме евреев. В «Положении о Домбровском горном училище» также указывалось, что в случае если при приеме в училище всех желающих из числа русских подданных оказывались свободные места в итоге, то к их занятию могли быть допущены и местные жители, которые не состояли в русском подданстве. Комплект учащихся в Домбровском горном училище был определен в 120 человек, причем в первом классе должно было быть не более 30 человек. Увеличение этого числа учеников зависело от разрешения Министра государственных имуществ. Прием в училище производился раз в год в августе и только в первый класс. Желающие поступить в Домбровское горное училище подавали об этом прошение на имя управляющего училищем, с приложением метрического свидетельства и аттестата или свидетельства о знании курса необходимых знаний. Эти бумаги подавали к 1 августа, затем проходили испытания, на которых проверяли уровень знаний кандидатов.

За обучение в Домбровском горном училище и за пользование учебными пособиями полагалась плата в размере 20 рублей в год. Плата за обучение вносилась в половинном размере вперед за каждое полугодие, и ни при каких обстоятельствах не возвращалась. Поступившие должны были до

начала учебного года оплатить полгода учебы вперед, если они были не в состоянии сделать этого, то автоматически теряли право учиться в училище, и взамен их брали тех, кому до этого по каким-то причинам отказали, но они были способны оплатить учебу. Однако управляющий училищем также обладал правом возвращать исключенных из училища учеников без дополнительных экзаменов, если те внесли плату за учебное полугодие.

Обучение в Домбровском горном училище было распределено между четырьмя классами, с годичным курсом каждый. Третий и четвертый классы училища имели статус высших и состояли из двух отделений – горного и заводского. Для практических занятий в училище имелись библиотека, минералогическая и геологическая коллекции (в 1901 году Горный институт отправил часть своих экспонатов для пополнения коллекции Домбровского горного училища), собрание редких, употреблявшихся в горнозаводской практике инструментов и приборов, а также моделей рудничных и горнозаводских устройств и механизмов. Большую часть этих экспонатов предоставляли управления рудников этой области, которые были заинтересованы в качественной подготовке учеников. Кроме того для практических занятий в училище существовали химическая лаборатория и мастерские. Учащиеся могли свободно пользоваться библиотекой, коллекциями, материалами и орудиями, всем необходимым для производства работ в лаборатории и мастерских [18].

Годичный курс преподавания теоретических предметов в Домбровском горном училище начинался 1 сентября и оканчивался 31 мая, включая и время годичных испытаний. Практические занятия проходили частично и после экзаменов. По окончании третьего класса, во время каникул ученики должны были заниматься геодезической съемкой и в течение не менее 6 недель находиться на практических занятиях – на заводах или рудниках – в соответствии с выбранной ими специальностью, заводской или горной.

В состав учебного курса Домбровского горного училища входили следующие предметы:

- 1) Общеобразовательные – закон Божий (православного и римско-католического вероисповеданий), русский язык, польский язык, арифметика, алгебра, геометрия, тригонометрия.
- 2) Специальные – начальные основы физики, химии, геодезии, механики и строительного искусства, минералогии и геологии, горного и маркшейдерского искусств, металлургии и пробирного искусства, черчение, основы знаний по бухгалтерии и горному законодательству, а также правила оказания помощи.

Преподавание предметов в Домбровском горном училище производилось на русском языке, согласно программам, утвержденным горным ученым комитетом. Кроме классных уроков для учеников были обязательными практические занятия по химии, пробирочному искусству, минералогии, маркшейдерскому искусству, а также обучения плотническому, столярному, кузнечному, слесарному ремеслам и работам на механическом станках. Вносить изменения в этот учебный план разрешалось только с утверждения горного департамента после обращения туда Совета училища [19].

Учащиеся должны были соблюдать правила училища, посещать назначенные для них уроки и практические занятия, носить форму, по утвержденному для них министерством государственных имуществ образцу. При занятиях на рудниках или горных заводах, во время практики в мастерских и лабораториях форму училища разрешалось заменять рабочим платьем. Вне зданий и учреждений училища учащиеся подлежали ведению полицейских установлений на общих основаниях. Подчинение надзору полиции не освобождало их от надзора своего учебного начальства. Полиция сообщала обо всех проступках учеников управляющему училищем.

В конце учебного года для учеников устраивались переводные и выпускные экзамены. На экзамене присутствовали лица, которых назначал Совет училища из своей среды. Кроме того, управляющий училищем мог позвать на экзамен посторонних лиц, которые занимали технические должности на местных заводах или рудниках. Ученик не мог быть переведен в следующий класс или выпущен с аттестацией, если получал по обычным предметам оценку менее «3», а по специальным предметам оценку менее «4». Никто не мог оставаться в одном и том же классе более двух лет. Ученик, оставшийся на второй год и не выдержавший снова экзамена, исключался из училища. В первом классе ученики не могли оставаться на второй год. На выпускных экзаменах в четвертом классе ученики экзаменовались не только по тем предметам, которые они прошли в этот год, но и по практическим знаниям, которые они получили за весь учебный курс.

Лица, успешно окончившие полный курс обучения в училище и выдержавшие установленное выпускное испытание, удостоивались, в зависимости от выбранной ими специальности, звания штейгера или заводского уставщика. Но кроме этого претендентам на звание нужно было еще прослужить не менее одного года на одном из казенных или частных рудников или горных заводов и предоставить от заведующего технической частью рудника или завода удостоверение о знании дела и исправном исполнении возлагавшихся на них обязанностей. Удостоверение должно было быть засвидетельствовано местным горным начальником, если рудник или завод были казенные, и окружным инженером, если рудник или завод – частные. Без такого удостоверения звания штейгера или заводского уставщика не присваивались. Лицам, которые не предоставили такое удостоверение об успешном прохождении практических занятий на руднике или заводе в трехмесячный срок после окончания училища, или не выдержавшие финальные испытания, выдавались только свидетельства

об успехах их при прохождении курса в училище. Те, кто выполнял все указанные требования, получали звание штейгера или заводского уставщика. Кроме того они удостоивались через 10 лет, проведенных на службе техническими занятиями, звания личного почетного гражданина, если конечно не имели по происхождению высших прав состояния [20].

В 1890 году российский император одобрил учреждение при Домбровском горном училище стипендии имени императора Александра III. Еще в 1889 году горнопромышленники, служащие и рабочие на казенных и частных горных заводах и рудниках Царства Польского организовали сбор денег в память чудесного спасения императора и его семьи при крушении поезда в 1888 году. Собранный капитал в размере 97.000 рублей было решено потратить на покупку иконы для православной церкви при Домбровском горном училище и на создание выше упомянутой стипендии. Для организации этого дела была создана специальная комиссия. В результате 300 рублей было потрачено на приобретение иконы у известного московского фабриканта И. Хлебникова. Оставшаяся сумма была переведена в процентные бумаги и объявлена неприкосновенным капиталом. На проценты этой суммы учредили стипендию и единовременные пособия ученикам Домбровского горного училища. Стипендия имени Александра III определялась в размере 200 рублей в год наиболее нуждавшимся воспитанникам училища.

В 1891 году был составлен специальный проект положения, который определил условия выплаты стипендии. Назначение и выдача стипендии, лишение ее, назначение и выдача единовременных пособий, прием вновь поступивших пожертвований и прочие действия возлагались на Совет Домбровского горного училища. Право на получение стипендии имели исключительно сыновья горнорабочих или лиц, служивших на горных заводах, рудниках и копиях Царства Польского, состоявшие в русском подданстве. Если не было среди учеников таких лиц, достойных стипендии, то она оставалась не выданной, и обращалась на увеличение неприкосновенного капитала. Единовременные пособия выдавались преимущественно нуждающимся сыновьям горнорабочих или лиц, которые работали на горных заводах, рудниках и копиях Царства Польского. После удовлетворения их нужд пособия могли назначаться и другим ученикам. Деньги, предназначенные для единовременных пособий ученикам, которые не были выданы в одном году, выдавались в течение следующего года.

Для получения стипендии, кроме прав по состоянию, требовалось еще удостоверение о хорошей успеваемости по всем изучаемым в училище предметам. При назначении стипендии преимущество отдавалось ученикам старших классов, ученики первого класса не могли пользоваться стипендией. Ученик, которому назначалась стипендия, пользовался ею до окончания курса, но лишался стипендии, если оставался на второй год. Кроме того, ученик, раз лишенный стипендии, не мог получить ее снова. Но в случае, если причиной не перехода в другой класс была болезнь ученика, стипендия могла быть оставлена ему решением Совета Училища. При выдаче единовременных пособий преимущество отдавали также старшим классам, но могли выдать и ученикам первого класса, начиная со второго полугодия. Все собранные деньги и вновь поступавшие пожертвования составляли неприкосновенный капитал, который в виде процентных бумаг хранился в одном из казенных кассовых учреждений [21].

В 1890 году министр внутренних дел И.Н. Дурново разрешил причислить Домбровское горное училище ко 2-му разряду учебных заведений и предоставить ученикам отсрочку от военной службы до 24 лет, то есть до возраста, каким пользовались воспитанники средних технических училищ [22].

Заключение

В целом если характеризовать горное образование в Царстве Польском в первой половине XIX в., нужно отметить недостаточное его развитие. Горная отрасль в этом крае развивалась успешно, но не хватало местных специализированных учебных заведений для подготовки соответствующих кадров. В связи с этим, очень часто горные специалисты в этот период обучались за границей: в Саксонии, Штирии, Санкт-Петербурге. Горная школа в Кельце могла стать началом, своего рода импульсом к созданию специализированной системы горного образования внутри Царства Польского. К сожалению, непростые политические события, начавшиеся в этом крае с 1820-х гг. прервали процесс формирования и развития горного образования в Царстве Польском на несколько лет. Во второй половине XIX века к этому вопросу вернулись вновь. В результате появилось Домбровское горное училище. Уже в первое десятилетие своего существования это горное училище принесло большую пользу горной промышленности Царства Польского, подготавливая профессиональные кадры для этой отрасли. Этот факт не раз признавался на съездах горнопромышленников Царства Польского. Нужно подчеркнуть, что Домбровское горное училище было открыто в Домбровском горном бассейне, характеризующемся разработкой единственных во всей России по мощности пластов каменного угля и сильно развитой промышленностью. Училище было создано специально для подготовки низших горных техников, способных с пользой заменить иностранцев – немцев и австрийских поляков, наводнивших этот регион. Воспитанников других горных школ России в Домбровском горном бассейне никогда не было, и до открытия училища штейгера комплектовались исключительно из иностранцев, которые к тому же имели преимущество перед Лисичанскими и Уральскими штейгерами в знании местного языка и местных условий.

С течением времени выпускникам Домбровского горного училища удалось занять в местной промышленности большинство мест, занятых до этого иностранцами. Так из числа 98 всех штейгеров на каменноугольных и буроугольных копях Домбровского района 61 окончили Домбровское горное училище [23]. Начало XX века выдалось непростым для училища. Из-за участвовавших революционных выступлений в этом регионе училище было закрыто в 1905 году и вновь возобновило свою деятельность только в 1910 году. Но начавшаяся вскоре I мировая война вновь серьезно повлияла на историю Домбровского горного училища. После вступления в область австрийцев занятия в школе прервались. Только после окончания I мировой войны история горной школы продолжилась. Она возобновила свою деятельность как Государственная школа горнорудной и металлургической промышленности имени С. Сташица [10].

Примечания:

1. Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802-1902. СПб., 1902.
2. Манусевич А. Я. Очерки по истории Польши. М., 1952.
3. Живописная Россия, 1896, Т.4, ч.1, С. 405-410.
4. Новейшее историческое, политическое, статистическое и географическое описание Царства Польского. М., 1831, С. 40-50.
5. Российский государственный исторический архив (далее РГИА), Ф. 37, Оп. 53, Д. 3067, Л. 28.
6. Hubicka M. Szkoła Akademiczno - Górnicza w Kielcach (1816-1827). Lublin, 1926, С.6, 10-16.
7. РГИА, Ф. 37, Оп. 53, Д. 3067, Л. 30.
8. Kraushar A. Siedmioletnie Szkoły Głównej Warszawskiej, Wydział prawa i administracyi. Warsaw, 1883, С. 35.
9. Szperl L. Materyaly do historii Szkoły Głównej Warszawskiej. Warsaw, 1913, С. 28-30.
10. Vivat Akademia, Krakow, 2010, №5, С. 12-14.
11. РГИА, Ф. 37, Оп. 77, Д. 536, Л.5.
12. РГИА, Ф. 37, Оп. 53, Д. 3067, Л.15.
13. РГИА, Ф. 37, Оп. 53, Д. 3067, Л.20-30.
14. РГИА, Ф. 37, Оп. 57, Д. 458, Л.8.
15. РГИА, Ф. 37, Оп. 53, Д. 3067, Л.32-34.
16. РГИА, Ф. 37, Оп. 57, Д. 458, Л.12.
17. РГИА, Ф. 37, Оп. 77, Д. 536, Л.57.
18. РГИА, Ф. 37, Оп. 53, Д. 3067, Л.40-45.
19. РГИА, Ф. 37, Оп. 74, Д. 472, Л.58.
20. РГИА, Ф. 37, Оп. 53, Д. 3067, Л.55-57.
21. РГИА, Ф. 37, Оп. 53, Д. 3067, Л.135.
22. РГИА, Ф. 37, Оп. 53, Д. 3067, Л.145.
23. РГИА, Ф. 37, Оп. 77, Д. 536, Л.12.

References:

1. Rozhdestvensky S.V. Historical overview of the Ministry of Education. 1802-1902. St. Petersburg, 1902 (In Russian).
2. Manusevich A.Y. Essays about the history of Poland. M. 1952 (In Russian).
3. Picturesque Russia, 1896, V.4, P.1 (In Russian).
4. The newest historical, political, statistical and geographical description of the Kingdom of Poland. M., 1831 (In Russian).
5. Russian State Historic Archives (RGIA). F. 37. Inv.53. D.3067. L.28 (In Russian).
6. Hubicka M. Szkoła Akademiczno - Górnicza w Kielcach (1816-1827). Lublin, 1926, P.6, 10-16.
7. RGIA. F.37. Inv.53. D.3067. L.30.
8. Kraushar A. Siedmioletnie Szkoły Głównej Warszawskiej, Wydział prawa i administracyi. Warsaw, 1883, P.35.
9. Szperl L. Materyaly do historii Szkoły Głównej Warszawskiej. Warsaw, 1913, P.28-30.
10. Vivat Akademia, Krakow, 2010, №5, P.12-14.
11. RGIA. F.37. Inv.77. D.536. L.5.
12. RGIA. F.37. Inv.53. D.3067. L.15.
13. RGIA. F.37. Inv.53. D.3067. L.20-30.
14. RGIA. F.37. Inv.57. D.458. L.8.
15. RGIA. F.37. Inv.53. D.3067. L.32-34.
16. RGIA. F.37. Inv.57. D.458. L.12.
17. RGIA. F.37. Inv.77. D.536. L.57.
18. RGIA. F.37. Inv.53. D.3067. L.40-45.
19. RGIA. F.37. Inv.74. D.472. L.58.
20. RGIA. F.37. Inv.53. D.3067. L.55-57.
21. RGIA. F.37. Inv.53. D.3067. L.135.

22. RGIA. F.37. Inv.53. D.3067. L.145.
23. RGIA. F.37. Inv.77. D.536. L.12.

УДК 94(438).071

Развитие системы горного образования в Царстве Польском в XIX веке

Антон Борисович Мокеев

Национальный минерально-сырьевой университет «Горный», Российская Федерация
Санкт-Петербург, Васильевский остров, 21 линия 2, 199106
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: amokeev@yandex.ru

Аннотация. Данная статья посвящена истории развития горнотехнического образования в Царстве Польском в XIX веке. Эти западные земли вошли в состав России решением Венского конгресса 1814–1815 гг., который подвел итоги европейских войн союзников с Наполеоном. Правительством был взят курс на планомерное развитие промышленности Царства Польского. Горная отрасль в этом крае развивалась очень успешно, но не хватало местных специализированных учебных заведений для подготовки соответствующих кадров. На основе архивных материалов автор показывает процесс организации учебных заведений, которые готовили кадры для бурно развивающейся горной промышленности этого региона. Первые образовательные центры начинают появляться сразу после присоединения к России, однако, непростые политические события, начавшиеся в этом крае с 1820-х гг. прервали процесс формирования и развития горного образования в Царстве Польском на несколько лет. Но уже со второй половины XIX в. это вопрос вновь станет актуальным для этого региона. Особое внимание в статье уделено истории Домбровского горного училища, которое было создано в 1889 году. Главной целью данного училища была подготовка штейгеров и заводских уставщиков для потребностей горнозаводской промышленности этой области Царства Польского. Просуществовало это горное училище вплоть до начала Первой мировой войны.

Ключевые слова: Российская империя; Царство Польское; горное образование; горные школы; Домбровское горное училище.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 38, Is. 4, pp. 992-1000, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(478) «19/20»

The Question of the Economic Structure of the Rusins of Bessarabia in the 19th – beginning of the 20th Century

¹ Sergey G. Sulyak

² Vladimir V. Kazakov

¹ Tomsk State University, Russian Federation
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050
PhD (History), Senior researcher
E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

² Tomsk State University, Russian Federation
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050
Dr. (Economy) Professor
E-mail: prorektorsv@mail.ru

Abstract

The economic activity of the Rusins of Bessarabia in the 19th – beginning of the 20th C. is analyzed in the article. Since the Middle Ages the main aspect of the economic activity of the Rusins, who lived in the Carpatho-Dniestrovian Lands, was animal husbandry (herding).

In 1812 part of the Moldavian Principality, the Pruth-Dniestrovian Lands, was united to Russia and received the name Bessarabia.

In Bessarabia at the beginning of the 20th C. there were over 270 000 Rusins (Rusnaks) who comprised more than 1/8 of the population of the province. The majority of the Rusins lived in the Khotin district.

In the 19th and beginning of the 20th C. the main occupation of the Rusins of Bessarabia was agriculture, market gardening and horticulture. A number of subsidiary folk crafts became widespread. Because of the shortage of land, the role of cattle breeding and herding was lost, which earlier had a significant role in the life of the Rusins.

Keywords: Rusin, Rusnak, Bessarabia, Khotin. Agricultural Structure, Farming, Cattle Breeding.

Введение

Одним из основных видов сельскохозяйственной деятельности предков русинов, проживавших в Карпато-Днестровских землях, наряду с земледелием было скотоводство (пастушество) [1]. Позже в Молдавии в средние века и новое время сельское хозяйство оставалось основой экономической жизни страны. Скотоводство и земледелие по-прежнему играли в нем ведущую роль [2]. Основной единицей землеустройства и землепользования был хотар (село с прилегающими к нему землями) [3]. Слово **хотар (xitar)**, скорее всего, заимствовано из русинского языка и до сих пор в данном значении сохранилось в русинских говорах [4, 5].

В Пруто-Днестровском междуречье, которое тогда было восточной частью Молдавского государства, север (в т.ч. и Хотинский цинут (уезд) имел лесостепной ландшафт, центральная часть – лесной и лесостепной, юг – степной [6]. В лесостепной зоне существовала следующая циклическая система: скот выпасали на участках, используемых только под сенокосы (хлабниках), или на «старых пашнях, оставленных для отдыха под перелог («толока») [7].

Среди сельскохозяйственных культур в XVI-XVII вв. преобладали пшеница, овес, просо, ячмень, рожь [8].

С конца XV в. Молдавия стала полностью зависимой от Османской империи. Поскольку основную часть зерновых Турция отбирала в виде обязательных поставок, во второй половине XVII в.

в Молдавии стала широко распространяться кукуруза. Популярности ее способствовало то, что ее не забирали в качестве обязательных поставок и она не только потреблялась населением, но и шла на корм скоту [9].

В 1812 г. часть молдавского княжества – Пруто-Днестровские земли – была присоединена к России и получила название Бессарабия.

Более 1/8 части населения края составляли русины (руснаки). Большая часть их проживала на севере Бессарабии – в Хотинском уезде.

Материалы и методы

Основными источниками при написании данной работы стали материалы дореволюционных этнографов. Ценные сведения были почерпнуты из единственной вышедшей до революции монографии, посвященной русинам Бессарабии, - «Бессарабские русины: историко-этнографический очерк» (Варшава, 1905), написанной уроженцем Хотинского уезда П.А. Несторовским. Также были использованы материалы Национального архива Республики Молдова и личные наблюдения современников. Большую помощь в исследовании оказали фундаментальные труды молдавских советских историков: «История народного хозяйства Молдавской ССР (С древнейших времен до 1812 г.)» (Кишинев: Штиинца, 1976), монографии Я.С. Гросул, И.Г. Будака.

При написании статьи были проанализированы сведения дореволюционных исследователей о хозяйственно-экономическом укладе русинского населения Бессарабии, приведены статистические сведения и архивные документы. В работе использован историко-сравнительный метод, благодаря которому сравниваются хозяйственно-экономический уклад русинов Бессарабии с подобным укладом родственных им русинов австрийской части Буковины.

Обсуждение

Вопросы хозяйственно-экономического уклада русинов (населения Хотинского уезда) Бессарабии затрагивались в ряде работ как дореволюционных (И.С. Аксаков [10], А.С. Афанасьев-Чужбинский [11], П.А. Нестровский [12]), так и советских (Я.С. Гросул [13], И.Г. Будак [14, 15] и др.) исследователей.

Результаты

В начале XX в. в Бессарабии насчитывалось свыше 270 тыс. русинов. Большая часть из них проживала в Хотинском уезде [16], который был самым населенным в крае. Русины были в основном царанами (от молд. «цара» - земля, свободные крестьяне) и резешами (свободные крестьяне-землевладельцы, в большинстве своем общинники). В 1817 г. царане и резеша составляли 90 % населения Бессарабии. Они проживали главным образом в Оргеевском, Хотинском, Сорокском, Яском (Бельцком) цинутах (uezдах). В 1867 г. царан насчитывалось 60,6 % населения, резешей – 12,83 [17].

Большая часть земли в крае принадлежала государству (казенные земли находились в основном на юге Бессарабии), помещикам и монастырям. В 1861 г. в Бессарабии насчитывалось 914 помещичьих имений общей численностью 2271360 десятин (десятина = 1,0925 гектара). 498 имений площадью свыше 1 млн десятин находились в северных уездах. Из 121284 царан мужского пола более 2/3 проживало в северных уездах (58042 – в Хотинском). В Хотинском уезде помещикам принадлежало 94 % всей удобной земли, монастырям – 3 %. Значительная часть земель (около 20 %) сдавалась помещиками в аренду посессарам [18]. Большинство монастырских имений в описываемый период принадлежало заграничным монастырям (в основном молдавским), которые управляли имениями сами или сдавали их в аренду [19].

И.С. Аксаков в октябре – декабре 1848 г., будучи чиновником особых поручений при Министерстве внутренних дел, посетил Бессарабию для исследования состояния местных раскольников. В его письмах родным содержится немало ценных наблюдений и характеристик. Знакомясь с бытом местного населения, он дал весьма нелицеприятную характеристику местным помещикам: «Если и возможно восстание в Бессарабии, так не против правительства, а против помещиков, которые здесь большей частью величайшие скоты». В другом письме он опять же счел нужным подчеркнуть: «Какие, однако же, скоты, эти помещики, да и не только в Бессарабии, и у нас в России!» [20]. Побывав в Хотинском уезде, он отметил, что «здесь нет такой ненависти к помещикам, как в Галиции, где помещики поляки; однако же и здешнее положение крестьян таково, что надо бы заняться ими» [21]. Он же указал, что «в Хотинском уезде много помещиков и посессоров полейков, подлых шляхтичей, и они вместе с посессорами армянами и греками сосут кровь из бедного народа» [22].

А.С. Афанасьев-Чужбинский во второй части своего этнографического труда «Поездка в Южную Россию» (1863) упомянул, что «крепостное право в Бессарабии тяготеет над одними цыганами, составляющими класс дворовых; но собственно крестьяне свободны и живут на давальческих землях по контракту, основанному на обоюдном договоре» [23]. Однако «нет у нас в России беднее и угнетеннее сословия, как бессарабские владельческие крестьяне, вследствие злоупотреблений чиновничества и отчасти по причине доверия правительства к составителям положения о распределении рабочего времени» [24]. Описывая местные нравы, он отмечал, что «приказчик, а иногда и сам посессор, вооруженный длинной плетью, точь-в-точь американский плантатор, присматривает за рабочими, и

нередко кнут безнаказанно гуляет по спине свободного крестьянина». Большинство помещиков (за исключением Хотинского уезда) не живет в своих имениях, а если и живет, то не вмешивается в управление. Большинство имений сдается в аренду посессорам (грекам, армянам, полякам, молдаванам, евреям, кое-где русским), которые, заплатив за это значительные суммы, заботятся только о наживе. Часть имений принадлежит заграничным монастырям, их поверенные, в большинстве греческие монахи, либо сами управляют имениями, либо сдают в аренду. И то, и другое управление «не отличается гуманностью», т.к. заграничные монастыри требуют больших сумм [25]. А. Афанасьев-Чужбинский подчеркивал, что знает мало имений, «где царинин не был бы эксплуатируем нередко самым вопиющим образом» [26].

Часть русинов Хотинского уезда стала государственными крестьянами, которые составляли 10 % населения края (основная их масса жила на юге Бессарабии). В 1852 г. в Хотинском уезде их насчитывалось 4813 чел. в 10 селениях. Государственные крестьяне были обеспечены землей намного лучше царан и резешей, да и облагались налогами и повинностями они значительно меньше [27]. По мнению А. Афанасьева-Чужбинского, «государственный крестьянин, особенно мелкий собственник (резеш), можно сказать благоденствует сравнительно с царинином» [28]. Однако если средним по Бессарабии государственный крестьянин имел в 1860-е гг. 11,5 десятины на душу мужского пола, то в Хотинском уезде – только 4,5 [29].

В конце 50-х гг. XIX в. из 26 тыс. семей царан Хотинского уезда 3 тыс. имели только приусадебные хозяйства, а 5 тыс. – до одной десятины полевой земли [30]. К 1861 г. 34,3 % всех резешей Бессарабии лишились земли и перешли на положение царан [31]. Как отмечал П.А. Несторовский, «по причине малоземелья русины вообще народ небогатый» [32]. На «крайнюю бедность» русинов указывал И. Аксаков [33], о том, что «руснаки трудолюбивы, но богатых очень немного», упоминал А. Афанасьев-Чужбинский [34].

О тяжелом материальном положении русинов Хотинского уезда, произволе помещиков и посессоров свидетельствуют материалы Национального архива Республики Молдова. В 1833 г. крестьяне с. Данкоуцы принесли «клятву неподчинения помещикам» [35]. Через год чиновник Эйман докладывал бессарабскому губернатору о противозаконных поступках и притеснении царан владельцем этого села К. Мунтяном (речь шла об обмане с выдачей ссуд, побоях, присвоении имущества и т.д.) [36]. В 1834 г. хотинский земской начальник доложил бессарабскому губернатору о волнениях среди царан села Глинное и ряда других из-за притеснений посессора [37]. В 1843 г. Бессарабское областное правление сообщило губернатору об отказе царан с. Коленкоуцы отбывать господские повинности местному посессору [38]. В 1848 г. царане с. Баласинешты также отказались отбывать повинности [39].

После крестьянской реформы в Бессарабии в 1868 г. положение крестьян ухудшилось, среди них начались волнения. В 1869–1872 гг. из 87 выступлений крестьян Бессарабии 44 пришлось на Хотинский уезд [40], где был сильнее гнет помещиков и посессоров. На подавление этих волнений были брошены войска [41].

Нехватка земельных угодий ударила по скотоводству. В 1861 г. В «Записках Императорского общества сельского хозяйства Южной России» писалось: «Хлебопашество год от году берет верх над скотоводством, ибо умножением народонаселения пустопорожние места, служившие прежде выгонами, обращаются в пахотные поля. В северных уездах – Хотинском и частью Ясском, Сорокском и Оргеевском – полеводство является уже в несколько рациональном виде, подчиненном некоторому учету и порядку; этому содействовали отчасти ограниченность в количестве земли, давность хозяйства и происходящая от того опытность, присутствие в имениях самих помещиков и населенность этих уездов, особенно Хотинского, где издавна живут русские, поляки и малороссыяне» [42]. Хотя, разумеется, не которые помещики продолжали разводить скот в Хотинском уезде. К примеру, одним из лучших в Бессарабии считался скот хотинского помещика Доливо-Добровольского [43].

Подобное изменение хозяйственно-экономического уклада произошло и русинов австрийской части Буковины, где основная часть населения занималась земледелием и только гуцулы в горах оставались пастухами, а также занимались лесозаготовками и лесосплавом [44].

Наиболее полно хозяйственно-экономический уклад русинов Бессарабии описан П. Несторовским в его монографии «Бессарабские русины: историко-этнографический очерк» (1905), в которой он дал интересные сведения по истории русинов, занимаемой ими территории, быте, обычаям, языку и т.д. Исследователь рассматривал регион компактного проживания русинов Бессарабии – Хотинский уезд и особенно его часть, т.н. Бессарабскую (Русскую) Буковину, – угол Хотинского уезда, который соприкасался с Австрийской Буковиной (9 крупных сел).

По сведениям на 1897 г., в Хотинском уезде вместе с городом проживало 307959 чел. (без Хотина – 289833). Русинов (руснаков) было 75 %, затем шли молдаване, малороссы, евреи (свыше 10000), великороссыяне – раскольники (1500). В основном население было земледельческим. В 1884 г. безземельных крестьян было 23 %. В уезде существовало две основные формы землевладения: посемейно-наследственная у всех царан, живших прежде на помещичьих землях (95 %), и общинная – у бывших государственных крестьян (5 %). Кроме того, в уезде жили резешы (около 1500), которые владели землей на правах частного владения и жили целыми поселениями [45].

Основным занятием русинов П. Несторовский назвал хлебопашество [46]. Выращивали в основном рожь, ячмень, пшеницу, овес и гречиху. Главной культурой оставалась кукуруза. Каких-либо правил при посеве растений русины не придерживались [47].

Второй по значению отраслью было огородничество. Огород был у русинов при каждом доме. Выращивали лук, чеснок, перец, морковь, петрушку, свеклу, картофель, различные сорта бобов, горох, капусту, огурцы, арбузы, дыни и т.д. Некоторые селения специализировались на определенных культурах. Так, Хотинский уезд был центром по выращиванию чеснока. А в самом уезде по этой культуре лидировало с. Санкоуцы Грозинской волости. Для чеснока на огороде выделялся лучший участок, который тщательно удобрялся. Культура продавалась в Хотине и соседних местечках, вывозилась на юг Бессарабии и в соседнюю Херсонскую губернию [48]. Из-за этого русинов Бессарабии наградили прозвищем «чеснокоуцы» («чесноковцы»). Как отмечал А.А. Кочубинский, «посев чеснока, а осенью развоз его по Бессарабии – любимое занятие местных русских поселян (имелись в виду русины Хотинского уезда. - С.С.), вообще экономическим благосостоянием не отличающихся» [49].

Вторая по значимости огородной культурой был анис (ганыш). Первоначально его стали возделывать в Недобоуцах, а затем и в других русинских селах. Сбывался он в Хотине, вывозился скупщиками в Подольскую губернию, Австрию. Выращивание аниса было прибыльным делом, которое расширялось [50].

Благодаря работе сахарного завода в Зарожанах, больше стали растить бурака (свеклы). Центром этой культуры стала Клишковская волость [38].

Капусту, причем двух сортов – одесскую и кишиневскую, или болгарскую, возделывали преимущественно в с. Рукшин. Сбывали ее в Хотине, окрестных селах и других населенных пунктах Хотинского уезда, а также в Подольской губернии.

В Каплевке выращивали много картофеля, в Пригородке – красного перца, в Кормани – лука [51].

У русинов было развито и садоводство. Причем буковинские сады, по утверждению П. Несторовского, славились на всю губернию. Способствовали этому климатические условия и рельеф местности. Садоводство было развито со времен турецкого владычества (с 1713 г. здесь существовала Хотинская райя). Сад был в усадьбе почти у каждого хозяина. Лидировали в садоводстве 11 сел: Коленкоуцы, Грозинцы, Бочкоуцы, Шиловцы, Малинцы, Клишковцы, Зарожаны, Владычна, Широуцы, Недобоуцы и Рукшин.

Выращивали сливу (в основном сорта для чернослива: венгерку, чаркушу и местные сорта), яблоки, вишню, черешню, режу абрикосы, персики, айву и т.д.

Буковинский чернослив и некоторые другие фрукты отправляли во внутренние губернии России (Киев, Харьков, Варшаву и т.д.), а чернослив – и за границу.

Правда, как отмечал П. Несторовский, уровень садоводства падал из-за низких закупочных цен, увеличения посадок свеклы для Зарожанского сахарного завода, низкого качества чернослива по причине несовершенных методов сушки сливы, быстрой порчи яблок и груш при длительной перевозке [53].

Виноградарство было развито слабо, т.к. буковинский виноград не может сравниться с южным бессарабским (он более кислый и не всегда успеваешь дозреть). В связи с этим виноделие было распространено слабо.

Хотя все правое хотинское побережье Днестра заселено русинами, рыболовство тоже было слабо развито. Занималась им часть поселян как подсобным промыслом [54]. О том, что жившие в селениях недалеко от Днестра занимались и рыболовством «по мере надобности» или «для своих потребностей», упоминал и И.Н. Халиппа, перечисляя села Хотинского уезда [55].

На том же уровне занимались и пчеловодством.

Вследствие малоземелья и недостатка и нехватки «в выгонах и местах для выпаса скота (Приднестровский район), развито мало и скотоводство». Будучи не в состоянии прокормить свой скот, русины вынуждены были отдавать большую часть своего скота на «имаш» (выпас) в помещичьи экономии. Сельские пастбища были переполнены скотом, во многих селах на одной десятина выгона (толоки) выпасалось по три и больше голов крестьянского скота, а в некоторых селениях лошадям из-за недостатка корма давали соломенную сечку. Из-за этого слабо развивалось и овцеводство (на Русской (Бессарабской) Буковине (часть Хотинского уезда, соприкасающаяся с Австрийской Буковиной) овец почти не было [56].

Среди русинов развивались подсобные промыслы: извоз, сплав леса по Днестру, ломка камня в приднестровских скалах и сплав его, кустарное производство, «фальчи» и батрачество.

Первое место занимал извоз, особенно благодаря вводу в действие Новоселицкой ветви железной дороги. Значительная часть населения занималась рубкой леса и его сплавом. Кустарное производство было развито слабо.

Важное экономическое значение для русинов имели «фальчи» (уборка хлеба и травы) и батрачество. «Фальчи» были «вынни», или по контракту и «вольные» (фальча = 1,302 десятины) [57].

Русины, жившие в Русской Буковине на границе с Австрией, активно занимались контрабандой [58].

Сведения П. Несторовского и других исследователей подтверждаются статистическими данными. В начале XX в. частным владельцем в Хотинском уезде принадлежало 160382 десятины земли (пахотной – 120672, леса – 39318 и садов 392), крестьянам – 160541 (пахотной – 158457, под садами 2084), у резешей

было 2927 десятин пахотной земли, 11 заграничным монастырям принадлежало 10096 десятин (пахотной – 6310, леса – 3768 и садов – 18). В 1900/1901 сельскохозяйственном году в Хотинском уезде кукурузой у крестьян было занято 53922 десятины, ячменем – 25701, озимой пшеницей – 15466, озимой рожью – 18821, овсом – 7120, свеклой – 416, картофелем – 2655. Состояние скотоводства вследствие ограниченного количества лугов и пастбищ («толоки») было неудовлетворительным, особенно у крестьян. За 1891–1900 гг. количество волов у них сократилось более чем на половину. В 1900 г. в уезде насчитывалось 70848 голов крупного рогатого скота, лошадей – 54169, овец – 114767, свиней – 35357, из них 84 % принадлежало крестьянам [59].

Заключение

Основными занятиями русинов Бессарабии в XIX – начале XX в. были земледелие, огородничество и садоводство. Из подсобных промыслов популярностью пользовались извоз, сплав леса по Днестру, ломка камня в приднестровских скалах и его сплав, кустарное производство, «фальчи» и батрачество.

Из-за нехватки земли утратили свою роль скотоводство и овцеводство, игравшие ранее в жизни русинов существенную роль. В средние века и новое время скотоводство (пастушество) было одним из основных видов хозяйственной деятельности русинов Карпато-Днестровских земель.

Из-за произвола помещиков и арендаторов большая часть русинов Бессарабии имела низкий уровень жизни, питаясь в основном мамалыгой (круто заваренной кашей из кукурузной муки) [60, 61].

Основная масса русинов соседней Австрийской Буковины тоже занималась земледелием, огородничеством, немного садоводством, а также домашними промыслами и в незначительной мере скотоводством [62, 63]. Только у живших в горах гуцулов, помимо лесозаготовок и сплава леса, основным занятием оставалось овцеводство [64]. Главным продуктом питания русинов этой части Буковины тоже была мамалыга [65].

Примечания:

1. Суляк С.Г. «Яже суть толковины»: к проблеме хозяйственного уклада древнерусского населения Карпато-Днестровских земель // Русин. Международный исторический журнал. 2014. № 2 (36). С. 55-75.
2. История народного хозяйства Молдавской ССР (С древнейших времен до 1812 г.) / Отв. ред. П.В. Советов. Кишинев: Штиинца, 1976. С. 97.
3. История народного хозяйства Молдавской ССР (С древнейших времен до 1812 г.) / Отв. ред. П.В. Советов. Кишинев: Штиинца, 1976. С. 93.
4. Пиртей П.С. Словник лемківської говірки. Матеріали для словника. Legnica; Wrocław, 2001. С. 419.
5. Словник буковинських говірок / За заг. ред. Н.В. Гуйванюк. Чернівці: Рута. 2005. С. 611.
6. История народного хозяйства Молдавской ССР (С древнейших времен до 1812 г.) / Отв. ред. П.В. Советов. Кишинев: Штиинца, 1976. С. 91.
7. История народного хозяйства Молдавской ССР (С древнейших времен до 1812 г.) / Отв. ред. П.В. Советов. Кишинев: Штиинца, 1976. С. 103.
8. История народного хозяйства Молдавской ССР (С древнейших времен до 1812 г.) / Отв. ред. П.В. Советов. Кишинев: Штиинца, 1976. С. 153.
9. История Республики Молдова. С древнейших времен до наших дней. Издание третье, уточненное и дополненное. Кишинэу: Tipografia Centrală. С. 82-83.
10. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Ч. 1: Учебные и служебные годы. Т. 2. Письма 1848-1851 годов. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1888.
11. Афанасьев-Чужбинский А.С. Поездка в Южную Россию. Ч. 2. Очерки Днестра. СПб.: Тип. Морского министерства, 1863.
12. Несторовский П.А. Бессарабские русины: историко-этнографический очерк. Варшава: Тип. «Сатурн», 1905.
13. Гросул Я.С. Крестьяне Бессарабии. Кишинев: Государственное издательство Молдавии, 1956.
14. Гросул Я.С., Будак И.Г. Очерки истории народного хозяйства Бессарабии (1812-1861). Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1967.
15. Гросул Я.С., Будак И.Г. Крестьянская реформа 60-70 гг. XIX века в Бессарабии. Кишинев: Государственное издательство Молдавии, 1956.
16. Суляк С.Г. Русины Бессарабии в XIX – начале XX в.: к проблеме численности // Русин. Международный исторический журнал. 2015. № 1 (39). С. 102.
17. Гросул Я.С., Будак И.Г. Очерки истории народного хозяйства Бессарабии (1812-1861). Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1967. С. 64, 66, 67.
18. Гросул Я.С., Будак И.Г. Очерки истории народного хозяйства Бессарабии (1812-1861). Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1967. С. 83, 84, 86.
19. Гросул Я.С. Крестьяне Бессарабии. Кишинев: Государственное изд-во Молдавии, 1956. С. 117.
20. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Ч. 1: Учебные и служебные годы. Т. 2. Письма 1848-1851 годов. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1888. С. 47, 58.

21. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Ч. 1: Учебные и служебные годы. Т. 2. Письма 1848-1851 годов. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1888. С. 57.
22. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Ч. 1: Учебные и служебные годы. Т. 2. Письма 1848-1851 годов. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1888. С. 65.
23. Афанасьев-Чужбинский А.С. Поездка в Южную Россию. Ч. 2. Очерки Днестра. СПб.: Тип. Морского министерства, 1863. С. 19.
24. Афанасьев-Чужбинский А.С. Поездка в Южную Россию. Ч. 2. Очерки Днестра. СПб.: Тип. Морского министерства, 1863. С. 20.
25. Афанасьев-Чужбинский А.С. Поездка в Южную Россию. Ч. 2. Очерки Днестра. СПб.: Тип. Морского министерства, 1863. С. 21.
26. Афанасьев-Чужбинский А.С. Поездка в Южную Россию. Ч. 2. Очерки Днестра. СПб.: Тип. Морского министерства, 1863. С. 28.
27. Гросул Я.С., Будак И.Г. Очерки истории народного хозяйства Бессарабии (1812-1861). Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1967. С. 119, 120, 125.
28. Афанасьев-Чужбинский А.С. Поездка в Южную Россию. Ч. 2. Очерки Днестра. СПб.: Тип. Морского министерства, 1863. С. 27.
29. Семёнов П.П. Географическо-статистический словарь Российской империи. В V т. / сост. по поручению Русского географического общества действительный член общества П. Семёнов. Изданием члена-соревнователя А.Н. Турубаева. При содействии действительных членов В. Зверинского, Н. Филиппова и Р. Маака. СПб., 1863. Т. 1. С. 254.
30. Сборник статистических сведений по Хотинскому уезду Бессарабской губернии / Под ред. К. Ермолинского. М.: Тип. И.Н. Кушнерова, 1886. С. 28.
31. Гросул Я.С., Будак И.Г. Очерки истории народного хозяйства Бессарабии (1812-1861). Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1967. С. 138.
32. Несторовский П.А. Бессарабские русины: историко-этнографический очерк. Варшава: Тип. «Сатурн», 1905. С. 65.
33. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Ч. 1: Учебные и служебные годы. Т. 2. Письма 1848-1851 годов. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1888. С. 56.
34. Афанасьев-Чужбинский А.С. Поездка в Южную Россию. Ч. 2. Очерки Днестра. С. 11.
35. Национальный архив Республики Молдова. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1885. Л. 9.
36. Национальный архив Республики Молдова. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1885. Лл. 45-48.
37. Национальный архив Республики Молдова. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1944. Лл. 1-8.
38. Национальный архив Республики Молдова. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3750. Лл. 55-76.
39. Национальный архив Республики Молдова. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5147 Л. 2.
40. Гросул Я.С., Будак И.Г. Крестьянская реформа 60-70 гг. XIX века в Бессарабии. Кишинев: Государственное издательство Молдавии, 1956. С. 123.
41. Национальный архив Республики Молдова. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7435. Л. 75.
42. Записки императорского общества сельского хозяйства Южной России. 1861. С. 318. Цит. по: Гросул Я.С., Будак И.Г. Очерки истории народного хозяйства Бессарабии (1812-1861). Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1967. С. 166-167.
43. Сборник статей о сельском хозяйстве юга России, извлеченных из Записок Общества сельского хозяйства Южной России с 1830 по 1868 год / Сост. И. Палимпсестовым. Одесса: Общ-во сел. хоз-ва Юж. России, 1868. С. 512.
44. Die Bukowina. Allgemeine Haimatkunde = Буковина. Загальне краєзнавство / Пер. з нім. Ф.С. Андрійца, А.Т. Квасецького. Чернівці: Зелена Буковина, 2004. С. 143.
45. Хотин // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Т. XXXVIIА (74). Ходский - Цензура. СПб.: Типография Акционерного общества Брокгауз-Ефрон, 1903. С. 589.
46. Несторовский П.А. Бессарабские русины: историко-этнографический очерк. Варшава: Тип. «Сатурн», 1905. С. 63.
47. Несторовский П.А. Бессарабские русины: историко-этнографический очерк. Варшава: Тип. «Сатурн», 1905. С. 67.
48. Несторовский П.А. Бессарабские русины: историко-этнографический очерк. Варшава: Тип. «Сатурн», 1905. С. 69.
49. Кочубинский А.А. Частные молдавские издания для русской школы (Библиографические заметки) // Русин. Международный исторический журнал. 2009. № 1 (15). С. 396.
50. Несторовский П.А. Бессарабские русины: историко-этнографический очерк. Варшава: Тип. «Сатурн», 1905. С. 70.
51. Несторовский П.А. Бессарабские русины: историко-этнографический очерк. Варшава: Тип. «Сатурн», 1905. С. 70.
52. Несторовский П.А. Бессарабские русины: историко-этнографический очерк. Варшава: Тип. «Сатурн», 1905. С. 71.
53. Несторовский П.А. Бессарабские русины: историко-этнографический очерк. Варшава: Тип. «Сатурн», 1905. С. 71-72.

54. Несторовский П.А. Бессарабские русины: историко-этнографический очерк. Варшава: Тип. «Сатурн», 1905. С. 75.
55. Роспись землевладения и сословного строя населения Бессарабии по данным переписи 1817 года. Обработал по официальным данным И.Н. Халиппа // Труды Бессарабской губернской ученой архивной комиссии / Под ред. правителя дел комиссии И.Н. Халиппы. Т. 3. Кишинев: Типо-литография Э. Шлиомовича, 1907. С. 3-52.
56. Несторовский П.А. Бессарабские русины: историко-этнографический очерк. Варшава: Тип. «Сатурн», 1905. С. 75-76.
57. Несторовский П.А. Бессарабские русины: историко-этнографический очерк. Варшава: Тип. «Сатурн», 1905. С. 78.
58. Афанасьев-Чужбинский А.С. Поездка в Южную Россию. Ч. 2. Очерки Днестра. СПб.: Тип. Морского министерства, 1863. С. 8-12.
59. Хотин // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Т. XXXVIIA (74). Ходский - Цензура. СПб.: Типография Акционерного общества Брокгауз-Ефрон, 1903. С. 589-590.
60. Афанасьев-Чужбинский А.С. Поездка в Южную Россию. Ч. 2. Очерки Днестра. СПб.: Тип. Морского министерства, 1863. С. 11.
61. Несторовский П.А. Бессарабские русины: историко-этнографический очерк. Варшава: Тип. «Сатурн», 1905. С. 61.
62. Die Bukowina. Allgemeine Haimatkunde = Буковина. Загальне краєзнавство / Пер. з нім. Ф.С. Андрійца, А.Т. Квасецького. Чернівці: Зелена Буковина, 2004. С. 143-144.
63. Kaindl R.F., Manastyrski A. Die Rutenen in der Bukovina = Кайндль Р.Ф., Монастирський О. Русини на Буковині. Пер. з нім. В.Ю. Іванюка. Чернівці: Зелена Буковина, 2007. С. 85-88.
64. Die Bukowina. Allgemeine Haimatkunde = Буковина. Загальне краєзнавство / Пер. з нім. Ф.С. Андрійца, А.Т. Квасецького. Чернівці: Зелена Буковина, 2004. С. 144.
65. Die Bukowina. Allgemeine Haimatkunde = Буковина. Загальне краєзнавство / Пер. з нім. Ф.С. Андрійца, А.Т. Квасецького. Чернівці: Зелена Буковина, 2004. С. 131.

References:

1. Sulyak S.G. "Who are tolvoviny": in regard to the Economic Structure of the Old Russian Population in the Carpatho-Dniestrovian Lands // Rusin. International Journal of History. 2014. Nr 2 (36). Pp. 55-75 (In Russian).
2. The history of the national economy of the Moldavian SSR (From ancient times to 1812) / Ed. P.V. Sovetov. Kishinev: Shtiintsa, 1976. P. 97 (In Russian).
3. The history of the national economy of the Moldavian SSR (From ancient times to 1812) / Ed. P.V. Sovetov. Kishinev: Shtiintsa, 1976. P. 93 (In Russian).
4. Pirtey P.S. Dictionary Lemko dialect. Materials for the dictionary. Legnica; Wrocław, 2001. P. 419. (In Ruthenian).
5. Dictionary Bukovina dialects / Red. N.V. Guyvanyuk. Chernivtsi: Ruta. 2005. P. 611 (In Ruthenian and Ukrainian).
6. The history of the national economy of the Moldavian SSR (From ancient times to 1812) / Ed. P.V. Sovetov. Kishinev: Shtiintsa, 1976. P. 91 (In Russian).
7. The history of the national economy of the Moldavian SSR (From ancient times to 1812) / Ed. P.V. Sovetov. Kishinev: Shtiintsa, 1976. P. 103 (In Russian).
8. The history of the national economy of the Moldavian SSR (From ancient times to 1812) / Ed. P.V. Sovetov. Kishinev: Shtiintsa, 1976. P. 153 (In Russian).
9. History of the Republic of Moldova. From ancient times to the present day. Third Edition, corrections and additions. Chişinău: Tipografia Centrală. Pp. 82-83 (In Russian).
10. Ivan Aksakov in his letters. Part 1: Training and service years. Vol. 2. Letters 1848-1851. M.: tip. M.G. Volchaninova, 1888 (In Russian).
11. Afanas'ev-Chuzhbinskiy A.S. The trip to South Russia. Part 2. Essays on the Dniester. SPb.: tip. Morskogo ministerstva, 1863 (In Russian).
12. Nestorovskiy P.A. Bessarabian Rusyns: historical and ethnographic essay. Warsaw: Tip. "Saturn", 1905 (In Russian).
13. Grosul Ya.S. Krest'yane Bessarabii. Kishinev: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Moldavii, 1956 (In Russian).
14. Grosul Ya.S, Budak I.G. Essays on the history of the national economy of Bessarabia (1812-1861). Kishinev: Kartya Moldovenyaske, 1967 (In Russian).
15. Grosul Ya.S, Budak I.G. Peasant Reform 60-70. XIX century in Bessarabia. Chisinau: Moldova State Publishing House, 1956 (In Russian).
16. Sulyak S.G. The Rusins of Bessarabia in the 19th-beginning of the 20th Centuries: the Question of Numbers // Rusin. International Journal of History. 2015. Nr 1 (39). P. 102 (In Russian).
17. Grosul Ya.S, Budak I.G. Essays on the history of the national economy of Bessarabia (1812-1861). Kishinev: Kartya Moldovenyaske, 1967. Pp. 64, 66, 67 (In Russian).

18. Grosul Ya.S, Budak I.G. Essays on the history of the national economy of Bessarabia (1812-1861). Kishinev: Kartya Moldovenyaske, 1967. Pp. 83, 84, 86 (In Russian).
19. Grosul Ya.S. The peasants of Bessarabia. Kishinev: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Moldavii, 1956. P. 117 (In Russian).
20. Ivan Aksakov in his letters. Part 1: Training and service years. Vol. 2. Letters 1848-1851. M.: tip. M.G. Volchaninova, 1888. Pp. 47, 58 (In Russian).
21. Ivan Aksakov in his letters. Part 1: Training and service years. Vol. 2. Letters 1848-1851. M.: tip. M.G. Volchaninova, 1888. P. 57 (In Russian).
22. Ivan Aksakov in his letters. Part 1: Training and service years. Vol. 2. Letters 1848-1851. M.: tip. M.G. Volchaninova, 1888. P. 65 (In Russian).
23. Afanas'ev-Chuzhbinskiy A.S. The trip to South Russia. Part 2. Essays on the Dniester. SPb.: tip. Morskogo ministerstva, 1863. P. 19 (In Russian).
24. Afanas'ev-Chuzhbinskiy A.S. The trip to South Russia. Part 2. Essays on the Dniester. SPb.: tip. Morskogo ministerstva, 1863. P. 20 (In Russian).
25. Afanas'ev-Chuzhbinskiy A.S. The trip to South Russia. Part 2. Essays on the Dniester. SPb.: tip. Morskogo ministerstva, 1863. P. 21 (In Russian).
26. Afanas'ev-Chuzhbinskiy A.S. The trip to South Russia. Part 2. Essays on the Dniester. SPb.: tip. Morskogo ministerstva, 1863. P. 28 (In Russian).
27. Grosul Ya.S, Budak I.G. Essays on the history of the national economy of Bessarabia (1812-1861). Kishinev: Kartya Moldovenyaske, 1967. Pp. 119, 120, 125 (In Russian).
28. Afanas'ev-Chuzhbinskiy A.S. The trip to South Russia. Part 2. Essays on the Dniester. SPb.: tip. Morskogo ministerstva, 1863. P. 27 (In Russian).
29. Semenov P.P. Geographical and Statistical Dictionary of the Russian Empire. / Comp. on behalf of the Russian Geographical Society, Member of the Society Semenov. Dependent member sorevnovatelya AN Turubaeva. With the assistance of the full member B. Zverinskiy, N. Filippov i R. Maak. SPb., 1863. Vol. 1. P. 254 (In Russian).
30. The collection of statistical data on Khotyn district of Bessarabia province / Ed. K. Ermolinskiy. Moskva: Tip. I.N. Kushnereva, 1886. P. 28 (In Russian).
31. Grosul Ya.S, Budak I.G. Essays on the history of the national economy of Bessarabia (1812-1861). Kishinev: Kartya Moldovenyaske, 1967. P. 138. (In Russian).
32. Nestorovskiy P.A. **Bessarabian Rusyns: historical and ethnographic essay.** Warsaw: Tip. "Saturn", 1905. P. 65 (In Russian).
33. Ivan Aksakov in his letters. Part 1: Training and service years. Vol. 2. Letters 1848-1851. M.: tip. M.G. Volchaninova, 1888. P. 56 (In Russian).
34. Afanas'ev-Chuzhbinskiy A.S. The trip to South Russia. Part 2. Essays on the Dniester. SPb.: tip. Morskogo ministerstva, 1863. P. 11 (In Russian).
35. National Archives of the Republic of Moldova. Fund 2. Inv. 1. File 1885. Sh. 9 (In Russian).
36. National Archives of the Republic of Moldova. Fund 2. Inv. 1. File 1885. St. 45-48 (In Russian).
37. National Archives of the Republic of Moldova. Fund 2. Inv. 1. File 1944. St. 1-8 (In Russian).
38. National Archives of the Republic of Moldova. Fund 2. Inv. 1. File 3750. St. 55-76 (In Russian).
39. National Archives of the Republic of Moldova. Fund 2. Inv. 1. File 5147. St. 2 (In Russian).
40. Grosul Ya.S, Budak I.G. Peasant Reform 60-70. XIX century in Bessarabia. Chisinau: Moldova State Publishing House, 1956. St. 123.
41. National Archives of the Republic of Moldova. Fund 2. Inv. 1. File 7435. St. 75 (In Russian).
42. Notes the Imperial Society of Agriculture in South Russia. 1861. P. 318. Op. by: Grosul Ya.S, Budak I.G. Essays on the history of the national economy of Bessarabia (1812-1861). Kishinev: Kartya Moldovenyaske, 1967. Pp. 166-167 (In Russian) (In Russian).
43. Collection of articles on agriculture in Southern Russia learned from the Memoirs of the Society of Agriculture of South Russia from 1830 to 1868 / Comp. I. Palimpsestov. Odessa: O-vo sel. khoz-va Yuzh. Rossii, 1868. P. 512 (In Russian).
44. Die Bukowina. Allgemeine Haimatkunde = Bukovina. Zagal'ne kraeznavstvo / **Per. z nim. F.S. Andriytsa, A.T. Kvasets'kogo. Chernivtsi: Zelena** Bukovina, 2004. S. 143 (In German and Ukrainian).
45. Khotin // Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona: Vol. XXXVIIA (74). Khodskiy - Tsenzura. SPb.: Tipografiya Aktsionernogo obshchestva Brokgauz-Efron, 1903. Pp. 589 (In Russian).
46. Nestorovskiy P.A. **Bessarabian Rusyns: historical and ethnographic essay.** Warsaw: Tip. "Saturn", 1905. P. 63 (In Russian).
47. Nestorovskiy P.A. **Bessarabian Rusyns: historical and ethnographic essay.** Warsaw: Tip. "Saturn", 1905. P. 67 (In Russian).
48. Nestorovskiy P.A. **Bessarabian Rusyns: historical and ethnographic essay.** Warsaw: Tip. "Saturn", 1905. P. 69 (In Russian).
49. Kochubinskiy A.A. Private Moldovan publications for Russian school (bibliographic notes) // Rusin. International Journal of History. 2009. Nr 1 (15). P. 396 (In Russian).
50. Nestorovskiy P.A. **Bessarabian Rusyns: historical and ethnographic essay.** Warsaw: Tip. "Saturn", 1905. P. 70 (In Russian).

51. Nestorovskiy P.A. Bessarabian Rusyns: historical and ethnographic essay. Warsaw: Tip. "Saturn", 1905. P. 70 (In Russian).
52. Nestorovskiy P.A. Bessarabian Rusyns: historical and ethnographic essay. Warsaw: Tip. "Saturn", 1905. P. 71 (In Russian).
53. Nestorovskiy P.A. Bessarabian Rusyns: historical and ethnographic essay. Warsaw: Tip. "Saturn", 1905. P. 71-72 (In Russian).
54. Nestorovskiy P.A. Bessarabian Rusyns: historical and ethnographic essay. Warsaw: Tip. "Saturn", 1905. P. 75 (In Russian).
55. Painting of tenure and estate structure of the population of Bessarabia according to the census in 1817. Processed according to official figures, IN Halippa // Proceedings of the Bessarabian provincial scientific archive committee / Ed. I.N. Khalippa. Vol. 3. Kishinev: Tipo-litografiya E. Shliomovicha, 1907. P. 3-52 (In Russian).
56. Nestorovskiy P.A. Bessarabian Rusyns: historical and ethnographic essay. Warsaw: Tip. "Saturn", 1905. P. 75-76 (In Russian).
57. Nestorovskiy P.A. Bessarabian Rusyns: historical and ethnographic essay. Warsaw: Tip. "Saturn", 1905. P. 78 (In Russian).
58. Afanas'ev-Chuzhbinskiy A.S. The trip to South Russia. Part 2. Essays on the Dniester. SPb.: tip. Morskogo ministerstva, 1863. Pp. 8-12 (In Russian).
59. Khotin // Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona: Vol. XXXVIIA (74). Khodskiy - Tsenzura. SPb.: Tipografiya Aktsionernogo obshchestva Brokgauz-Efron, 1903. Pp. 589-590 (In Russian).
60. Afanas'ev-Chuzhbinskiy A.S. The trip to South Russia. Part 2. Essays on the Dniester. SPb.: tip. Morskogo ministerstva, 1863. P. 11 (In Russian).
61. Nestorovskiy P.A. Bessarabian Rusyns: historical and ethnographic essay. Warsaw: Tip. "Saturn", 1905. P. 61 (In Russian).
62. Die Bukowina. Allgemeine Haimatkunde = Bukovina. Zagal'ne kraeznavstvo / Per. z nim. F.S. Andriytsa, A.T. Kvasets'kogo. Chernivtsi: Zelena Bukovina, 2004. S. 143 (In German and Ukrainian).
63. Kaindl R.F., Manastyrski A. Die Rutenen in der Bukovina = Kayndl' R.F., Monastir'skiy O. Rusini na Bukovini. Per. z nim. V.Yu. Ivanyuka. Chernivtsi: Zelena Bukovina, 2007. Ss. 85-88 (In German and Ukrainian).
64. Die Bukowina. Allgemeine Haimatkunde = Bukovina. Zagal'ne kraeznavstvo / Per. z nim. F.S. Andriytsa, A.T. Kvasets'kogo. Chernivtsi: Zelena Bukovina, 2004. S. 144 (In German and Ukrainian).
65. Die Bukowina. Allgemeine Haimatkunde = Bukovina. Zagal'ne kraeznavstvo / Per. z nim. F.S. Andriytsa, A.T. Kvasets'kogo. Chernivtsi: Zelena Bukovina, 2004. S. 131 (In German and Ukrainian).

UDC 94(478) «19/20»

К проблеме хозяйственно-экономического уклада русинов Бессарабии в XIX – начале XX в.

¹ Сергей Георгиевич Суляк
² Владимир Владимирович Казаков

¹ Томский государственный университет, Российская Федерация
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

² Томский государственный университет, Российская Федерация
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Доктор экономических наук, профессор
E-mail: prorektorsv@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется хозяйственно-экономическая деятельность русинов Бессарабии в XIX – начале XX в. В средние века и новое время важнейшим видом хозяйственно-экономической деятельности русинов, проживавших в Карпато-Днестровских землях, было скотоводство (пастушество). В 1812 г. часть Молдавского княжества – Пруто-Днестровские земли – была присоединена к России и получила название Бессарабия.

На начало XX в. в крае было более 270 тыс. русинов (руснаков), что составляло более 1/8 населения губернии. Большая часть русинов проживала в Хотинском уезде. Основным занятием русинов Бессарабии в XIX – начале XX в. были земледелие, огородничество и садоводство. Получили распространение некоторые подсобные промыслы. Из-за нехватки земли утратили свою роль скотоводство и овцеводство, ранее игравшие в жизни русинов более значительную роль.

Ключевые слова: русин, руснак, Бессарабия, Хотин, хозяйственный уклад, земледелие, скотоводство.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 38, Is. 4, pp. 1001-1010, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 374.7"1861-1914"(470)

The Country Council Work on Extracurricular Enlightenment of Adults in the Volga-Ural Region

¹Timur A. Magsumov

²Marina S. Nizamova

¹⁻² International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

¹⁻² PhD (History), Assistant Professor

¹ E-mail: nabonid1@yandex.ru

² E-mail: nmarina99@mail.ru

Abstract

The article reveals the activity of the Volga and Ural country councils to create a system of extracurricular enlightenment of adults in the later period of the existence of the Russian empire. The article is based on the statistical and mass sources, including office records from regional archives. The authors, **resorting to a comparative multiaspect approach to the study of the country councils' forms and methods of work** to organize extracurricular establishments and popular educational events, make an overview of tendencies and directions, progress and problems in their development. The belated formation of the extracurricular adult education system the authors explain by the country councils; focus on primary education. The study revealed the dominant poison of country councils in the sphere of extracurricular enlightenment, a financial and pedagogical availability of this education form for great masses of population of this education form, combining general knowledge and professional skills. The social and cultural activity of country councils in the late XIXth – early XXth c.c. was profound and diverse as far as enlightenment is concerned, and helped achieve top results within a short period of time.

Keywords: education, adult education, the Russian Empire, Volga region, Urals, Zemstvo.

Введение

Просветительство и образование входили в число приоритетных направлений деятельности земств – органов местного самоуправления позднеимперской России. Построение нового культурно-образовательного пространства в условиях начавшейся модернизации Российской империи и трансформирующейся социокультурной среды потребовали интенсификации сферы начального образования. Однако исчерпание ряда потенциалов ее роста к началу XX столетия, вместе с пониманием необходимости достижения высоких темпов экономического развития страны «здесь и сейчас», решение аграрного вопроса в условиях сохранения помещичьего землевладения переориентировали земства на сферу внешкольного образования.

Практическая деятельность земств в образовательной сфере на рубеже XIX–XX веков не ограничивается только проблемой введения всеобщего начального обучения детей [1]. В кругах земских деятелей существовало достаточно четкое понимание того, что школа, как таковая, не сможет выполнить своей роли, если параллельно с ней не будут созданы иные культурно-просветительные учреждения, и потому вторым направлением его работы стало стремление к закреплению полученных знаний и росту культурного уровня народа через развитие внешкольного просвещения. Таким образом, образовательный блок работы земств был направлен на решение проблемы неграмотности народных масс, а просветительский – способствовал окультуриванию провинциальных жителей, и прежде всего – крестьянского населения.

Материалы и методы

Большой хронологический период земской деятельности и объемные географические рамки

исследования, очерченные Поволжьем и Уралом, внесли определенные трудности на этапах сбора эмпирического материала, обработки массива фактологических и статистических данных. В рамках макроанализа незаменимыми стали статистические источники, позволившие существенно дополнить эмпирическую базу и получить максимально полные цифровые данные о количестве земских просветительских организаций и мероприятий по губерниям рассматриваемого региона. Богатейшим источником стали земские сметы доходов и расходов. Установившаяся стабильность статей по всем направлениям земской деятельности в ежегодных земских сметах (1895–1913 гг.) позволила провести сравнительный финансовый анализ. Содержащаяся в сметах информация дала возможность оценить количественные и качественные изменения, происходившие в сфере земского просвещения, объем и степень практической пользы земских мероприятий для населения. Реализация земской практики внешкольного образования изучалась на основе материалов, находящихся в фондах региональных архивов. Доклады и отчеты губернских и уездных земских управ позволили ярче представить картину просветительной деятельности земств. Само появление внешкольного образования обусловило привлечение нормативно-правовых актов, институционализирующих его деятельность.

Широкие рамки статьи, вкупе с обусловленной ими источниковой базой, определили в качестве базы методологического построения работы макроаналитический метод. При необходимости углубления в изучении отдельных направлений земской работы применялись техники сочетания макро и микроподходов. Системный подход и структурно-функциональный анализ позволили нам расчленив работу земств в области внешкольного образования на крупные направления этой деятельности, вычленив их взаимосвязь, взаимно и созависимость от детерминирующих их политических, социальных и экономических реалий поздней имперской России [2]. Потребность в вычленении общего и единичного во внешкольном просвещении силами земств Волго-Уралья обусловили в качестве главенствующего историко-сравнительный метод. В работе с земской образовательной статистикой были учтены наработки В.Ф. Абрамова [3].

Обсуждение проблемы

Изучение земства началось одновременно с его созданием. Однако, в отличие от вопросов истории земской школы и проблем введения начального образования, работа земств в области внешкольного образования и просвещения взрослых становилась объектом внимания исследователей гораздо реже. Первые работы по этой проблематике были, скорее, практическими пособиями и энциклопедиями, поскольку отражали попытки теоретического изложения практики земцев-организаторов внешкольного просвещения [4; 5]. Ликвидация земств советской властью вкупе с тезисом В.И. Ленина о земствах как «пятом колесе в телеге российского самодержавия» резко сократили исследования земской деятельности советскими историками, а понимание «культурного строительства» в узких рамках развития школьной сети сказались и на сокращении внимания исследователей к проблемам внешкольного образования. Зарубежная историография же сконцентрировалась на изучении земского опыта в школьном строительстве и введении всеобщего обучения [6; 7; 8]. В современной российской историографии вопросы внешкольного образования в работе земств приобрели резко региональную спецификацию и рассматривались лишь в узких рамках отдельных губерний и только как часть образовательной и культурно-просветительской деятельности земств.

Результаты

Содержание и методы образовательной и просветительской деятельности не имели в тот период четко выраженной возрастной дифференциации. Наиболее распространенными были следующие формы внешкольной работы земств: проведение вечерних дополнительных и повторительных занятий с бывшими учениками земских школ; создание воскресно-повторительных школ для взрослых; устройство лекций-бесед и народных воскресных чтений с «волшебным фонарем» и картинками. Большое значение имели такие формы работы, как учреждение библиотек-читален, волостных образцовых библиотек, школьных библиотек, народных домов; издание книг и периодики для широких масс, организация книжной торговли; распространение дешевой литературы. Весомый вклад вносила работа передвижных музеев и выставок по гигиене, ветеринарии, огнестойкому строительству, противопожарным мероприятиям, а также создание показательных полей, ферм.

Внешкольное просвещение становилось также косвенным орудием борьбы с пьянством и хулиганством. Проведение массовых гуляний, праздников, устройство спектаклей, в которых были заняты местные жители, то есть грамотная организация отдыха населения, способствовали постепенному освобождению деревни от антисоциальных явлений. Внешкольному просвещению земства пытались придать те же принципы организации, что были реализованы в начальной школе: бесплатность, общедоступность, планомерность.

Из всех форм внешкольного просвещения земства Поволжского и Уральского регионов в большей степени финансировали народные библиотеки-читальни, народные чтения, воскресные школы для взрослых, книжные склады. Данные о распределении финансовых средств на развитие указанных форм внешкольного просвещения представлены в таблице 1.

Данные распределения земских средств на наиболее значимые формы
внешкольного просвещения в конце XIX в., руб.

Губернии	Повторительные классы и воскресные школы	Пособия на народные библиотеки- читальни	Народные чтения	Книжные склады
Казанская	360	1196	617	–
Пензенская	1800	1370	200	300
Самарская	724	2532	1224	–
Саратовская	–	5374	1100	60
Симбирская	–	1049	–	2908
Итого	2884	11521	3141	3268
Вятская	14972	17665	1410	2664
Пермская	1032	8213	668	818
Уфимская	203	5520	120	–
Итого	16207	31398	2198	3482

Составлена по: Обзор деятельности земств по народному образованию по данным за 1898 год. СПб., 1902. С. 35–36.

Статистика таблицы показывает, что из наиболее значимых форм внешкольного просвещения в начале XX в. первоочередное внимание земств привлекала организация народных библиотек-читален, так как именно они, приобщающие простой народ к чтению, являлись важнейшими после школы образовательными учреждениями. Наибольшие средства на библиотеки-читальни выделяли Вятская, Пермская, Уфимская и Саратовская губернии. При сравнении земской деятельности двух регионов мы заметили, что земства трех уральских губерний расходовали на организацию библиотек-читален почти в три раза больше, чем пять поволжских губерний.

На протяжении 1890-х гг. действовали жесткие правила о народных библиотеках-читальнях, введенные 15 мая 1890 г. Они создавали препятствия открытию библиотек и окружали уже открытые библиотеки тройным надзором местной полиции, местного духовенства и чинов учебного ведомства. На открытие каждой библиотеки было необходимо разрешение губернатора. В указанных библиотеках могли находиться лишь книги из специального каталога, составленного Министерством народного просвещения. Из существующих на общем книжном рынке до 12 тысяч книг (без учебников) в народные библиотеки было допущено лишь 1 600, в том числе 450 учебников [9].

Ходатайства о расширении каталога подолгу не удовлетворялись [10]. Как отмечала образованная общественность России, народу предлагалось читать практически детскую литературу, не способную выработать научное мышление [11]. Для земских деятелей все более ясной становилась мысль о том, что общественная библиотека, выполняя свою важную социальную роль, должна быть хорошо финансируемым учреждением со специальными помещениями и подбором книг для читателей разного возраста. При этом библиотека должна располагать подготовленным и достаточно оплачиваемым персоналом. Пензенское земство одним из первых подключилось к решению вопроса подготовки работников по внешкольному образованию – библиотекарей, заведующих музеями – путем устройства постоянных краткосрочных курсов [12].

Земская народная библиотека развивалась в самой тесной связи с земской начальной школой. С 1906 г. существовали правила о публичных пришкольных библиотеках, допустившие устройство публичных библиотек (без читален) в школе и даже в классной комнате и освободившие устроителей библиотек от обязанности руководствоваться при выписке книг каталогами ученого комитета Министерства народного просвещения. Благодаря этим правилам в период 1907–1912 гг. многие земства либо преобразовали школьные библиотеки в публичные, либо устроили при школах дополнительно библиотеки для взрослого населения [13]. Кроме школьных библиотек, создаваемых и финансируемых земствами, в уездах существовали также библиотеки при церковноприходских школах и школах грамоты. Образованные в основном на средства местных епархиальных отделений, отчасти на суммы, отпускаемые для этой цели Святейшим Синодом, и в меньшей степени – на средства частных лиц, эти библиотеки имели книги преимущественно духовно-нравственной тематики. Количественная обеспеченность их фондов была мала, и они не могли конкурировать с земскими школьными библиотеками.

Становление и развитие земского библиотечного дела в Поволжском и Уральском регионах имело свои особенности. Своеобразие этноконфессиональной ситуации побуждало земцев выстраивать деятельность по развитию внешкольного образования с учетом языковой ситуации. Библиотеки предназначались для различных этнических групп и вероисповеданий. Коренные жители указанных регионов (башкиры, татары, чувашаи, мордва, марийцы, удмурты и др.) в той или

иной степени были охвачены земско-библиотечным делом.

Одним из передовых губернских земств в России в деле открытия народных библиотек было Вятское. В Вятской губернии распространение получили «пятирублевые» библиотеки. Автором идеи их создания был председатель губернской земской управы А.П. Батуев. По его мысли, каждая такая библиотека, предназначенная служить распространению знаний в крестьянской среде, должна включать в себя до 100 книг на сумму 5 руб. С 1894 г. были устроены три тысячи указанных библиотек. На это благое дело губернским земским собранием было выделено 15 тысяч руб. [14]. В 1901 г. губернское земское собрание постановило выделять на «пятирублевые» библиотеки ежегодно 3000 руб. К началу XX в. в уездах Вятской губернии были открыты 2843 сельские библиотеки, а также 74 библиотеки в земских больницах и арестных домах. Всего по губернии существовало 2917 «пятирублевых» библиотек [15]. К 1905 г. количество книг в «пятирублевых» библиотеках значительно увеличилось. Со временем некоторые из них превратились в большие народные библиотеки.

Перед Первой мировой войной в Вятской губернии существовали: народные библиотеки, работающие отдельно от учебных заведений; земские библиотеки при начальных училищах; библиотеки им. А.П. Батуева (по одной в каждом уезде с ежегодным пособием по 100 руб. от губернского земства); библиотеки имени первого председателя Вятской губернской земской управы М.М. Синцова (по одной в каждом уезде с ежегодным пособием губернского земства в 200 руб.). Состоятельных граждан обслуживали частные платные библиотеки.

В начале XX в. постепенно формируется библиотечная сеть Уфимской губернии. Здесь действовали библиотеки им. Ф.Ф. Павленкова, им. Л.Н. Толстого, им. Н.А. Пашкина. Наиболее активно открывали библиотеки Уфимское и Мензелинское уездные земства. По постановлению чрезвычайного губернского земского собрания в ознаменование 80-летия со дня рождения Льва Толстого 28 августа 1908 г. было решено открывать библиотеки им. Л.Н. Толстого. Созданные в 1909–1910 гг., они содержались на совместные средства губернского и уездных земств. Библиотеки им. Н.А. Пашкина учреждались согласно его завещанию. Он оставил Уфимскому губернскому земству 6000 руб. на открытие 12-и новых библиотек в уездах губернии. Эти библиотеки должны были открыться в течение 6-и лет с 1908 г. В 1909 г. открыли четыре библиотеки и две – в 1910 г. Остальные шесть библиотек предполагалось открыть к 1913 г. [16]. В 1913 г. земства Уфимской губернии расходовали на содержание существующих и открытие новых районных библиотек 33758 руб., 30750 руб. – на 52 сельские библиотеки повышенного типа, 21600 руб. – на 90 сельских библиотек. На расходы по устройству съездов заведующих районными библиотеками и единые библиотечные бланки выделялось 4700 руб. [17]. В 1914 г. финансирование народных библиотек разных типов и создание новых увеличилось более чем на 55 тысяч руб., составив 139705 руб. [18].

Весьма успешно развивалось библиотечное дело в Пермской губернии. В начале XX в. заметно оживилась деятельность ранее созданных публичных библиотек, образовалась большая группа новых, широкое распространение получили народные библиотеки-читальни, значительно увеличилось число библиотек учебных заведений. Также действовали частные библиотеки, библиотеки различных научных обществ и учреждений. Более всего библиотек было открыто в Оханском и Осинском уездах. Меньше всего – в Красноуфимском и Чердынском уездах, где значительную часть населения представляли инородцы. К 1901 г. во всей Пермской губернии существовало 308 бесплатных библиотек. Все эти библиотеки можно разделить на три группы: земские общественные библиотеки, библиотеки попечительства о народной трезвости, библиотеки, созданные усилиями частных лиц или общественных организаций [19].

Земские учреждения Урала в деле устройства библиотек были передовыми, по России с ними конкурировали только Вологодская, Черниговская и Харьковская губернии. Вместе с тем при сравнении разных губерний России по степени обеспеченности библиотеками необходимо учитывать не только количество библиотек, но и численность населения, площадь губерний. Например, в Вятской губернии к 1911 г. было 573 библиотеки, а во Владимирской – 226 [20]. Однако если сопоставить общее количество библиотек с численностью населения и площадью этих губерний, выяснится, что Владимирская губерния обеспечена библиотеками несравнимо лучше.

В Поволжских земских губерниях также уделялось внимание развитию библиотечного дела, особенно созданию образцовых библиотек. Еще в 1887 г. Казанское губернское земское собрание постановило открыть в течение десяти лет около 150 образцовых библиотек, стоимостью около 200 руб. каждая. В количественном отношении образцовых библиотек было более всего в Лаишевском и Ядринском уездах – по 15, Свияжском – 13, Казанском – 12, Козмодемьянском – 11, Спасском – 9. Затрачиваемые средства на пополнение книжного фонда этих библиотек различались существенно. Средняя стоимость одной библиотеки в Казанском уезде равнялась 114,87 руб., в Свияжском же уезде стоимость библиотеки в среднем составляла 12,93 руб. Немногим выше была стоимость одной библиотеки в Спасском уезде (41,28 руб.) [21]. Саратовское губернское земство ассигновало в 1892 г. 3 000 руб. на 10 образцовых библиотек, по одной на уезд, и с 1896 г. постановило выдавать на устройство библиотек до 150 руб. Пензенское губернское земство с 1897 г. ежегодно выдавало каждому уезду на открытие библиотек по 50 руб. [22].

Итак, организованная и финансируемая земствами повсеместно распределенная сеть

библиотек-читален сыграла значительную роль в деле просвещения, образования, воспитания народа, повышении его культурного уровня, поддержании религиозно-нравственных устоев. Просвещение представителей разных народностей способствовало их сближению и взаимодействию культур.

Необходимость последовательных мероприятий просветительского характера осознавалась образованной общественностью России. Большое внимание земства уделили организации народных чтений. Народные чтения – это и публичные читки популярных книг, брошюр, газет и журнальных статей в особых аудиториях для неграмотного и полуграмотного населения, и организация систематических чтений для более развитой части слушателей. К организации народных чтений допускались исключительно благонадежные лица. Лекторами в Поволжском и Уральском регионах были преимущественно учителя, библиотекари и священнослужители, также к этому делу привлекались врачи, ветеринары, инструкторы по кооперации, агрономы. Помещениями для народных чтений служили народные училища, волостные правления, библиотеки, дома общества трезвости, народные дома и др. В тематическом плане выделялись группы народных чтений воспитательного, общеобразовательного и прикладного характера. Читалась и обсуждалась художественная и религиозная литература. Рассматривались циклы тем общеобразовательной и прикладной направленности: по истории, географии, естествознанию, сельскому хозяйству, кооперации, животноводству, ветеринарии, медицине, гигиене.

Правительство строго регламентировало организацию народных чтений и допускало к использованию на них сокращенный каталог книг. Согласно «Правилам для устройства народных чтений в губернских городах» (1876 г.) в аудитории допускались лишь книги, одобренные Ученым комитетом Министерства народного просвещения. В 1895 г. в перечне книг и брошюр, допущенных в народные аудитории, значилось всего 287 названий. В 1904 г. чтения проводились по печатным изданиям из каталога для библиотек начальных школ [23]. В качестве примера приведем несколько названий произведений для народных чтений из каталога библиотек-читален Казанского земства. Для народных чтений рекомендовались следующие произведения: Н.В. Гоголь «Вий», «Сорочинская ярмарка», «Майская ночь», «Тарас Бульба»; А.С. Пушкин «Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о купце Остолопе»; Н.А. Некрасов «Дедушка Мазай», «Мороз – красный нос»; Ш. Перро «Красная шапочка» [24].

Земские деятели понимали, что книги для детей младшего школьного возраста, представляющие интерес для неграмотных, не могли расширить кругозор бывшим выпускникам школ, и в целом не могли в полной мере способствовать всестороннему просвещению народа. Известны факты, когда организаторы народных чтений не всегда следовали циркулярным постановлениям, выходя за рамки предписанных норм и расширяя как список используемой литературы, так и тематику занятий. Например, в 1912 г. при проверке печатной продукции в библиотеке Шадринского уездного земства Пермской губернии обнаружено девять запрещенных книг [25]. В целом, в содержании народных чтений преобладала духовно-нравственная тематика. Далее, предпочтение отдавалось исторической литературе и беллетристике. Уделялось внимание научной и сельскохозяйственной тематике. Менее всего проводилось чтений по материалам журналов и газет. Организаторы чтений также старались обеспечить крестьян брошюрами по сельскому хозяйству, по вопросам, связанным с гигиеной, борьбой с инфекционными заболеваниями, о вреде пьянства. Со временем установилась планомерность проведения народных чтений, и задачи их углубились.

Одним из первых на Урале финансировать народные чтения стало Вятское губернское земство – с 1894 г. [26]. К концу XIX в. уральские губернские земства выделяли на народные чтения следующие суммы: Вятское – 1410 руб., Пермское – 668 руб., Уфимское – 120 руб. [27]. К началу XX в. у Вятского губернского земства имелось 124 «волшебных фонаря» и 208 серий картин [28]. Первоначально губернское земство рассылало «волшебные фонари» и картины по уездам с просьбой пересылать использованные комплекты в соседние уезды. При значительных расстояниях в Вятской губернии на практике такой порядок оказался неудобным. Тогда с 1902 г. губернское земство стало отпускать кредит в 200 руб. каждому уезду на покупку световых картин и «волшебных фонарей», передавая их в полную собственность уездных земств. К 1910 г. количество народных чтений значительно увеличилось, составив 1336 в 230 пунктах губернии с числом посетителей 134383 человека [29].

Еще более активно проводились народные чтения в Пермской губернии. За период с 1910 по 1912 гг. их было устроено 7175 в 1047 пунктах [30]. Наибольшую активность в устройстве народных чтений проявляли Оханское, Осинское, Екатеринбургское уездные земства [31]. В сентябре 1912 г. пермский губернатор просил земства принять меры для борьбы с развитием хулиганства и сопутствующим ему увеличением преступности в сельской местности [32]. В связи с этим Оханская земская управа разработала «Положение о борьбе с пьянством мерами культурно-просветительного характера», увеличив сметы на приобретение для библиотек популярной литературы для чтения вслух, книжную торговлю, народный театр, занятия со взрослыми, закупку антиалкогольных плакатов для библиотек и организацию трех передвижных антиалкогольных музеев [33].

В Уфимской губернии чтений было меньше, однако и уездов было всего шесть, что в два раза

меньше, чем в Пермской и Вятской губерниях. Преобладающее коренное население Уфимской губернии – башкиры и татары – с опаской относились к культурно-просветительской миссии земств. Земцы добивались разрешения устройства чтений на местных языках. Всего за период с 1914 по 1915 гг. в Уфимской губернии было устроено 833 чтения в 178 селениях [34], что, на наш взгляд, представляет немалое достижение для этой губернии. При всей сложности и специфичности работы с местным населением приведенные фактические данные свидетельствуют о значительном внимании земств к культурно-просветительской деятельности среди населения.

В 1903/04 учебном году народные чтения в Казанской губернии проводились при 155 земских школах, 109 церковноприходских школах, 142 школах грамоты и при школах Братства Св. Гурия, а также при библиотеках, читальнях, чайных комитетах Попечительства о народной трезвости и Казанского общества трезвости. Наибольшую активность в устройстве народных чтений проявляли Цивильский, Лаишевский, Казанский уезды. Там было охвачено чтениями от 15 % до 23 % жителей [35].

Вятское и Казанское земства были более активными не только в организации народных чтений, но и в развитии внешкольного образования в целом. На наш взгляд, этому отчасти способствовал тот факт, что здесь были места ссылки политически неблагонадежных лиц, которые привлекались на работу в качестве земских служащих. Будучи образованными и эрудированными, такие служащие являлись активными сторонниками образования взрослых [36].

В конце 1890-х гг. Вятским и Саратовским земствами был поднят вопрос об организации книгоиздательства. Их первыми шагами стало дешевое издание сочинений А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя и других писателей. Пензенское земство издало сборник стихотворений М.Ю. Лермонтова к 100-летней годовщине со дня рождения поэта [37]. Книжная торговля существенно дополняла просветительские мероприятия [38]. Постепенно земства стали крупными заказчиками на книги и в начале XX в. приступили к созданию собственных книжных складов. Наличие их дало земствам возможность, как и книготорговцам, пользоваться максимальными скидками в 35–40 % с номинальной цены книги [39]. В Вятской губернии было открыто 18 книжных складов, Пермской – 8, Саратовской – 12, Казанской – 6, Самарской – 5, Пензенской и Уфимской – по 4, в Симбирской – 3 склада [40; 41]. В своей работе центральный земский книжный склад Казанской губернии брал пример с Вятского и Можайского земств [42]. Заказы осуществлялись по каталогам крупнейших книжных магазинов Москвы и Санкт-Петербурга [43]. В 1915 г. насчитывалось 122 земских книжных склада. Общий отпуск товара по всем земским складам достигал приблизительно 2 млн руб. Удешевляя книгу и обслуживая библиотеки, земские книжные склады косвенно содействовали и самому просвещению [44]. В операции земских складов входила также торговля письменными принадлежностями и наглядными пособиями [45].

Серьезное внимание земства обратили на периодические органы популярного характера, которые бы знакомили население с земской работой. Многие земства издавали еженедельники, двухнедельники, календари и др. Вятская и Казанская губернии издавали «Вятскую Газету» и «Казанскую газету». Пермское земство выпускало «Сборник Пермского земства» и «Пермскую земскую неделю». В Саратовской губернии с постановкой земской работы можно было ознакомиться в «Сборнике Саратовского земства» и в «Саратовской Земской Неделе». В Симбирской губернии новости о земской жизни можно было почерпнуть из «Вестника Симбирского земства», а в Уфимской губернии – из «Вестника Уфимского земства» и «Уфимской земской газеты» [46].

Земства также способствовали пропаганде лучших достижений и обмену опытом на всевозможных выставках. Так, в Вятской губернии ежегодно с 1886 г. проводились выставки лошадей. Преобладающими экспонатами были рабочие лошади. В 1898 г. только на выставке в Котельничском уезде было выставлено 58 лошадей (7 землевладельческих и 51 крестьянских). За достижения были выданы следующие награды: 2 серебряные медали, 3 бронзовые, два похвальных листа и 51 денежная премия. В Сарапульском уезде Вятской губернии за 61 выставленную лошадь крестьяне получили 3 медали, 1 похвальный лист и денежных премий на сумму 700 руб. В Чистопольском уезде Казанской губернии проводились выставки лучших пород дойных коров [47]. Земства создавали кустарные музеи, мастерские, опытные поля травосеяния, проводили беседы с жителями деревень и сел. Безусловно, степень и уровень реализации данного опыта в разных уездах имели существенные отличия.

Стоит отметить деятельность земских агрономов, которые своей неустанной работой с населением способствовали как распространению элементарных знаний в крестьянской среде, так и вводили последних в курс передовых по тому времени технологий и достижений. Много сил вкладывали агрономы в создание и функционирование сельскохозяйственных музеев при уездных управах в целях ознакомления крестьян с улучшенными сельскохозяйственными машинами и орудиями. На ярмарках, базарах, во время праздников демонстрировалась новая техника и приспособления. Только за период с 1900 по 1901 г. в Вятской губернии агрономы устроили 47 выставок. Там же была организована продажа машин, орудий, инвентаря. Сами агрономы отмечали большое практическое и воспитательное значение выставок [48]. Крестьяне приобретали технику и орудия целыми обществами. В начале XX в. в Вятской губернии наблюдалось много «мест знаний» для народа, где распространялись дополнительные сведения для правильного и успешного ведения хозяйства. Так в Вятской губернии насчитывалось школьных полей – 10; школьных хозяйств

– 11; школьных огородов – 14; школьных садов – 16; доказательных хозяйств – 3; питомников – 16. Почти при всех указанных хозяйствах и садах были пасеки [49]. Школьные сады и огороды способствовали знакомству населения с улучшенными приемами садоводства и огородничества. Склады снабжали крестьян семенами. Огородных семян в 1909 г. силами вятского земства было продано на сумму 2674 руб. [50]. Под воздействием просветительской работы со стороны агрономов крестьяне стали активно заниматься садоводством. В том же 1909 г. было отпущено из питомников в качестве посадочного материала 112180 яблоней и ягодных кустарников.

Вообще, помощь крестьянам в их деятельности, развитие сельского хозяйства было базисным для органов земского самоуправления. Среди способов проведения в крестьянскую жизнь улучшений посредством просветительской работы земства использовали:

1. Создание доказательных полей и участков, имеющих целью аргументировать населению полезность применения какого-нибудь одного культурного приема. При такой форме смотритель имел дело с группой лиц.

2. Создание образцовых крестьянских хозяйств [51] с целью показать крестьянам полезность или преимущество целой серии сельскохозяйственных операций, технических приемов в их совокупности.

3. Создание школьных хозяйств и участков, служащих широким целям земской образовательной и просветительской деятельности. Они одновременно становились практической школой для учеников, образцом для крестьян, укрепляли связь крестьянского населения со школой и увеличивали скудное учительское жалование.

Совместная работа земств по развитию внешкольного просвещения продолжалась и в последующие годы. Так, в 1911 г. прошел первый общеземский съезд по народному образованию, рассмотревший в том числе и вопросы объединения деятельности в области внешкольного просвещения [52].

Заключение

К началу XX столетия земства смогли занять свою серьезную нишу в образовательной системе страны, подвинув безраздельно господствовавшие в этой сфере столетиями государство и церковь. Помимо широкого участия в создании сети начальных школ и посильного – в деятельности профессиональных учебных заведений [53], земства смогли практически полностью поглотить весь спектр направлений только формирующегося внешкольного образования. Монополия местного самоуправления в этой области объясняется не только «младенчеством» этой отрасли образования, но и прямой заинтересованностью земств в ее развитии. Земства, будучи хозяйственными органами, заботились, прежде всего, о повышении уровня благосостояния населения. В фокусе решения этой задачи выстраивалась вся их просветительская деятельность, направленная на повышение практической и экономической грамотности и общей культуры населения.

Из всех форм внешкольного образования земства в большей степени финансировали народные библиотеки-читальни, народные чтения, воскресные школы для взрослых, книжные склады.

Земская работа по внешкольному образованию взрослых на Урале проводилась активнее и средств на нее выделялось больше, нежели чем в Поволжье. Имея огромный потенциал в области внешкольного образования, земские учреждения Поволжского и Уральского регионов не всегда могли его реализовать. Основные причины этого – ограниченные финансовые возможности, отсутствие властных полномочий. Иногда интересные предложения, инициатива со стороны земств в вопросах образования взрослых наталкивались на неприятие и запреты органов государственной администрации на местах, причем часто без всяких оснований и объяснений. Органы местного самоуправления понимали необходимость внешкольного просвещения и планомерно проводили культурно-просветительскую работу среди населения. Главными особенностями земских культурно-просветительских учреждений были бесплатность, демократизм, общедоступность и практическая направленность содержания.

Примечания:

1. Cherkasov, A.A. (2011) All-Russian primary education (1894-1917): Developmental Milestones. *Social Evolution and History*. (2), 10: 138-149.

2. Aminov, T.M. (2014) The Structure and Logic of the Pedagogical Process as the Basis of the Conception of Historical and Actual Pedagogical Research. *Life Science Journal*. (11), 11: 544-547.

3. Абрамов В.Ф. Земская статистика народного образования // Социологические исследования. 1996. № 9. С. 83-87.

4. Вахтеров В.П. Внешкольное образование народа. М., 1896.

5. Чарнолуцкий В.И. Основные вопросы организации внешкольного образования в России. СПб, 1909.

6. Emmons, T., Vucinich, W.S. (Editors) 1982. *The Zemstvo in Russia: An Experiment in Local Self-Governmen*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.

7. Brooks, J. (1985) When Russia learned to read: literacy and popular literature, 1861-1917. Princeton, N.J.: Princeton University Press.

8. Eklof, B. (1986) *Russian peasant schools. Officialdom, village culture, and popular pedagogy, 1861–1914*. Berkeley: University of California Press.
9. История России в XIX веке. СПб., 1908. Т. 7. С. 163.
10. Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет: в 4-х т. СПб., 1909–1911. Т. 1. С. 551.
11. Прокопович С.Н. Местные люди о нуждах России. СПб., 1904. С. 64.
12. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 158. Оп. 1. Д. 437. Л. 33.
13. Звягинцев Е.А. Полвека земской деятельности по народному образованию. М., 1915. С. 74.
14. Вятская газета. 1895. 30 марта.
15. Вятская газета. 1898. 16 апреля.
16. Юсупов М.Р. Культурно-просветительная деятельность земств Урала (1864–1917 гг.): дис... канд. ист. наук. Челябинск, 1999. С. 97.
17. Смета расходов и доходов Уфимского губернского земства на 1913 г. Уфа, 1913. С. 18, 22.
18. Смета расходов и доходов Уфимского губернского земства на 1914 г. Уфа, 1914. С. 10.
19. Бесплатные народные библиотеки в Пермской губернии. Пермь, 1903. С. 4–5.
20. Медынский Е.Н. Внешкольное образование, его значение, организация и техника. М., 1916. С. 109.
21. Народное образование Казанской губернии. Вопросы внешкольного образования. Казань, 1905. С. 90–91.
22. Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет: в 4-х т. СПб., 1909–1911. Т. 1. С. 549–550.
23. Бирюкович В. Начальное образование и его нужды // Русская школа. 1905, № 1. С. 159–160.
24. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 119. Оп. 1. Д. 822. Л. 1-18.
25. ГАПО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 869. Л. 1.
26. Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет: в 4-х т. СПб., 1909–1911. Т. 1. С. 552.
27. Обзор деятельности земств по народному образованию за 1898 год. СПб., 1902. С. 35.
28. Вятская газета. 1899. 18 марта.
29. Краткие сведения о постановке дела народного образования в Вятской губернии за 1909–1910 учебный год. Вятка, 1911. С. 31.
30. Ежегодник Пермского губернского земства. Календарь 1914 года. Пермь, 1914. С. 79.
31. Доклады по народному образованию 1913–1915 гг. Пермь, б.г. С. 115–116.
32. ГАПО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 916. Л. 3.
33. ГАПО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 1465. Л. 6–7.
34. Обухов М.И. Народные чтения, 1914–1915 учебный год. Уфа, 1915. С. 34.
35. Народное образование Казанской губернии. Вопросы внешкольного образования. Казань, 1905. С. 181.
36. Краткий обзор деятельности Вятского губернского земства за 35 лет. Вятка, 1906. С. 228.
37. Звягинцев Е.А. Полвека земской деятельности по народному образованию. М., 1915. С. 80–82.
38. Barinova, E.P., Bobkova, E.Yu., Patalakh, M.A., Tagirova, N.F (2015) *Samara trade: landmarks of history*. Yelm, WA, USA: Science Book Publishing House.
39. Чарнолуцкий В.И. Основные вопросы организации внешкольного образования в России. СПб., 1909. С. 76.
40. Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет: в 4-х т. СПб., 1909–1911. Т. 1. С. 557.
41. Фальборк Г.А., Чарнолуцкий В.И. Библиотеки (общественные народные) и книжная торговля. СПб., 1905. С. 88–89.
42. НАРТ. Ф. 81. Оп. 2. Д. 632. Л. 1.
43. НАРТ. Ф. 119. Оп. 1. Д. 748. Л. 1.
44. Звягинцев Е.А. Полвека земской деятельности по народному образованию. М., 1915. С. 80.
45. Чарнолуцкий В.И. Земство и народное образование. СПб., 1911. Ч. 2. С. 219.
46. Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет: в 4-х т. СПб., 1909–1911. Т. 1. С. 562–563.
47. Обзор деятельности земств по народному образованию, медицинской части, ветеринарной части и содействию экономическому благосостоянию населения. СПб., 1904. С. 228.
48. Обзор деятельности уездных агрономов Вятской губернского земства за 1901 год. Вятка, 1901. С. 13.
49. Обзор деятельности уездных агрономов Вятской губернского земства за 1901 год. Вятка, 1901. С. 23.
50. Обзор деятельности уездных агрономов Вятской губернского земства за 1909 год. Вятка, 1910. С. 20.
51. Сборник Постановлений Вятского губернского земства за 21 год (1892-1913 гг.) Т. VIII. Отдел экономический. Вятка, 1914. С. 6.
52. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 46. Оп. 2. Д. 476. Л. 11–12.
53. Magsumov, T.A. (2015) Charity societies for helping needy students in the Volga region, late 19th - early 20th centuries *Rossiiskaia Istorია*. 4: 63-69.

References:

1. Cherkasov, A.A. (2011) All-Russian primary education (1894-1917): Developmental Milestones. *Social Evolution and History*. (2), 10: 138-149.

2. Aminov, T.M. (2014) The Structure and Logic of the Pedagogical Process as the Basis of the Conception of Historical and Actual Pedagogical Research. *Life Science Journal*. (11), 11: 544-547.
3. Abramov V.F. Zemskaya statistika narodnogo obrazovaniya // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1996. № 9. S. 83-87.
4. Vakhterov V.P. Vneshkol'noe obrazovanie naroda. M., 1896.
5. Charnoluskiy V.I. Osnovnye voprosy organizatsii vneshkol'nogo obrazovaniya v Rossii. SPb, 1909.
6. Emmons, T., Vucinich, W.S. (Editors) 1982. The Zemstvo in Russia: An Experiment in Local Self-Governmen. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
7. Brooks, J. (1985) When Russia learned to read : literacy and popular literature, 1861-1917. Princeton, N.J.: Princeton University Press.
8. Eklof, B. (1986) Russian peasant schools. Officialdom, village culture, and popular pedagogy, 1861–1914. Berkeley: University of California Press.
9. Istoriya Rossii v XIX veke. SPb., 1908. T. 7. S. 163.
10. Veselovskiy B.B. Istoriya zemstva za sorok let: v 4-kh t. SPb., 1909–1911. T. 1. S. 551.
11. Prokopovich S.N. Mestnye lyudi o nuzhdakh Rossii. SPb., 1904. S. 64.
12. Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti (GAPO). F. 158. Op. 1. D. 437. L. 33.
13. Zvyagintsev E.A. Polveka zemskoy deyatel'nosti po narodnomu obrazovaniyu. M., 1915. S. 74.
14. Vyatskaya gazeta. 1895. 30 marta.
15. Vyatskaya gazeta. 1898. 16 aprelya.
16. Yusupov M.R. Kul'turno-prosvetitel'naya deyatel'nost' zemstv Urala (1864–1917 gg.): dis... kand. ist. nauk. Chelyabinsk, 1999. S. 97.
17. Smeta raskhodov i dokhodov Ufimskogo gubernskogo zemstva na 1913 g. Ufa, 1913. S. 18, 22.
18. Barinova, E.P., Bobkova, E.Yu., Patalakh, M.A., Tagirova, N.F (2015) *Samara trade: landmarks of history*. Yelm, WA, USA: Science Book Publishing House.
19. Besplatnye narodnye biblioteki v Permskoy gubernii. Perm', 1903. S. 4–5.
20. Medynskiy E.N. Vneshkol'noe obrazovanie, ego znachenie, organizatsiya i tekhnika. M., 1916. S. 109.
21. Narodnoe obrazovanie Kazanskoy gubernii. Voprosy vneshkol'nogo obrazovaniya. Kazan', 1905. S. 90–91.
22. Veselovskiy B.B. Istoriya zemstva za sorok let: v 4-kh t. SPb., 1909–1911. T. 1. S. 549–550.
23. **Biryukovich V. Nachal'noe obrazovanie i ego nuzhdy // Russkaya shkola. 1905. № 1. S. 159–160.**
24. Natsional'nyy arkhiv Respubliki Tatarstan (NART). F. 119. Op. 1. D. 822. L. 1-18.
25. GAPO. F. 43. Op. 1. D. 869. L. 1.
26. Veselovskiy B.B. Istoriya zemstva za sorok let: v 4-kh t. SPb., 1909–1911. T. 1. S. 552.
27. Obzor deyatel'nosti zemstv po narodnomu obrazovaniyu za 1898 god. SPb., 1902. S. 35.
28. Vyatskaya gazeta. 1899. 18 marta.
29. Kratkie svedeniya o postanovke dela narodnogo obrazovaniya v Vyatskoy gubernii za 1909–1910 uchebnyy god. Vyatka, 1911. S. 31.
30. Ezhegodnik Permskogo gubernskogo zemstva. Kalendar' 1914 goda. Perm', 1914. S. 79.
31. Doklady po narodnomu obrazovaniyu 1913–1915 gg. Perm', b.g. S. 115–116.
32. GAPO. F. 43. Op. 1. D. 916. L. 3.
33. GAPO. F. 43. Op. 1. D. 1465. L. 6–7.
34. Obukhov M.I. Narodnye chteniya, 1914–1915 uchebnyy god. Ufa, 1915. S. 34.
35. Narodnoe obrazovanie Kazanskoy gubernii. Voprosy vneshkol'nogo obrazovaniya. Kazan', 1905. S. 181.
36. Kratkiy obzor deyatel'nosti Vyatskogo gubernskogo zemstva za 35 let. Vyatka, 1906. S. 228.
37. Zvyagintsev E.A. Polveka zemskoy deyatel'nosti po narodnomu obrazovaniyu. M., 1915. S. 80–82.
38. Barinova, E.P., Bobkova, E.Yu., Patalakh, M.A., Tagirova, N.F (2015) *Samara trade: landmarks of history*. Yelm, WA, USA: Science Book Publishing House.
39. Charnoluskiy V.I. Osnovnye voprosy organizatsii vneshkol'nogo obrazovaniya v Rossii. SPb., 1909. S. 76.
40. Veselovskiy B.B. Istoriya zemstva za sorok let: v 4-kh t. SPb., 1909–1911. T. 1. S. 557.
41. Fal'bork G.A., Charnoluskiy V.I. Biblioteki (obshchestvennye narodnye) i knizhnaya trgovlya. SPb., 1905. S. 88–89.
42. NART. F. 81. Op. 2. D. 632. L. 1.
43. NART. F. 119. Op. 1. D. 748. L. 1.
44. Zvyagintsev E.A. Polveka zemskoy deyatel'nosti po narodnomu obrazovaniyu. M., 1915. S. 80.
45. Charnoluskiy V.I. Zemstvo i narodnoe obrazovanie. SPb., 1911. Ch. 2. S. 219.
46. Veselovskiy B.B. Istoriya zemstva za sorok let: v 4-kh t. SPb., 1909–1911. T. 1. S. 562–563.
47. Obzor deyatel'nosti zemstv po narodnomu obrazovaniyu, meditsinskoy chasti, veterinarnoy chasti i sodeystviyu ekonomicheskomu blagosostoyaniyu naseleniya. SPb., 1904. S. 228.
48. Obzor deyatel'nosti uezdnykh agronomov Vyatskoy gubernskogo zemstva za 1901 god. Vyatka, 1901. S. 13.
49. Obzor deyatel'nosti uezdnykh agronomov Vyatskoy gubernskogo zemstva za 1901 god. Vyatka, 1901. S. 23.

50. Obzor deyatel'nosti uездnykh agronomov Vyatskoy gubernskogo zemstva za 1909 god. Vyatka, 1910. S. 20.

51. Sbornik Postanovleniy Vyatskogo gubernskogo zemstva za 21 god (1892-1913 gg.) T. VIII. Otdel ekonomicheskij. Vyatka, 1914. S. 6.

52. Gosudarstvennyy arkhiv Ul'yanovskoy oblasti (GAUO). F. 46. Op. 2. D. 476. L. 11–12.

53. Magsumov, T.A. (2015) Charity societies for helping needy students in the Volga region, late 19th - early 20th centuries *Rossiiskaia Istoria*. 4: 63-69.

УДК 374.7"1861-1914"(470)

Земская практика внешкольного просвещения взрослых в Волго-Уральском регионе

¹Тимур Альбертович Магсумов

²Марина Сабировна Низамова

¹⁻² Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

¹⁻² кандидат исторических наук, доцент

¹E-mail: nabonid1@yandex.ru

²E-mail: nmarina99@mail.ru

Аннотация. Раскрывается опыт деятельности земств Поволжья и Урала по созданию системы внешкольного просвещения взрослых в позднеимперский период российской истории. Статья строится на основе статистических и массовых источников, в том числе извлеченной из региональных архивов делопроизводственной документации. Авторы, в русле сравнительного многоаспектного исследования основных форм и методов работы земств по организации внешкольных учреждений и образовательных мероприятий для народа, производят макросъемку тенденций и направлений, успехов и проблем в их развитии. Запаздывание формирования системы внешкольного образования взрослых авторы обосновывают концентрацией усилий земств на развитии начального школьного образования. Исследование выявило монополию земств в области внешкольного просвещения, финансовую и педагогическую доступность для широких масс населения этой формы образования, сочетающей трансляцию общеобразовательных знаний и профессиональных умений. Земская социокультурная практика рубежа XIX–XX столетий наглядно позволяет представить многообразие направлений просветительской деятельности, ее глубокое содержание, перспективные планы и высокие результаты за краткие сроки.

Ключевые слова: образование, просвещение взрослых, Российская империя, Поволжье, Урал, земство.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 38, Is. 4, pp. 1011-1018, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 392 (470.21)

Between the Prohibition and Indulgence: Casual Religious Culture of the Orthodox Population Russian north in the Second Half of the XIX – early XX century

¹ Pavel V. Fedorov

² Alexey A. Malashenkov

¹ International Banking Institute, Russian Federation
Head of the Laboratory of geo-cultural researches and projects
Dr. (History), Professor
Work address: 60, Nevsky av., Saint-Petersburg, 191011
E-mail: Sever-Nordica@yandex.ru

² Murmansk State Regional Universal Scientific Library, Russian Federation
Chief bibliographer of Department digital library
Work address: 21a, Perovskoi S. av., Murmansk, 183038
E-mail: ruslib@mgounb.ru

Abstract

In article proposes a new approach to the study of everyday religious culture of the Orthodox population. On the basis of the reconstruction of the demographic data on the primary sources for the Register of 1863-1917 of province Cola, revealed the degree of compliance with the orthodox traditions: on the naming, marriage and sexual abstinence during the Great and Advent, the birth of children outside marriage, of re-marriage. The author comes to the conclusion that social modernization has little effect on the religious culture of the local population of the Russian North. The revolution of 1917 brought in a small town outside of atheism as an extraneous ideology.

Keywords: Kola North, modernization, daily, Orthodoxy, demography, genealogy, statistics, economics, Russian Empire.

Введение

При изучении процесса социальной модернизации России второй половины XIX – первой трети XX в. невозможно обойти вниманием вопросы бытования глубоких культурных традиций, к которым, несомненно, относится и религиозная культура. В какой степени новации влияют на фундаментальные культурные основания традиционного общества; как происходит адаптация старых и новых элементов культуры друг к другу; что изменяется в целой социокультурной конструкции – все эти вопросы требуют своего осмысления.

Происходившая в России социальная модернизация основывалась на динамичных экономических изменениях, бросая вызов статичным, старым культурным ориентирам: процесс обмирщения конкурировал со структурами религиозного сознания; внутри самой Церкви вызревал реформаторский дух; религиозные течения все более сочетались с политическими настроениями; кризис, открывшийся в ходе революционизации общества, превращал религию в один из возможных противовесов духовной эволюции. Каким образом работал этот противовес, был ли он эффективным социальным инструментом – этот немаловажный аспект актуализирует проблему изучения не только церковной идеологии, но и повседневной религиозной культуры православного населения как центральных районов России, так и ее окраин.

Материалы и методы

Для осмысления феномена повседневной религиозной культуры в исторической ретроспективе был использован статистический анализ и метод, известный в Западной Европе, как «восстановление истории семьи», на основе обработки массовых источников учета населения одной из провинций Русского Севера за 1863–1917 гг.

Обсуждение

Н.А. Бердяев, наблюдавший за развитием ситуации вокруг религиозного сознания перед революцией 1917 г., отмечал, что «старая вера слабеет», и указывал на пагубные последствия порчи нравственности [1].

Однако подтвердить или опровергнуть данные наблюдения историческая наука может, лишь привлекая для анализа источников подходы и методы реконструкции повседневности.

Б.Н. Миронов в своем исследовании предпринял попытку оценить религиозную ситуацию в Российской империи, опираясь на сведения официальной и церковной статистики [2]. Важным в этом подходе было то, что он стремился взять общероссийские материалы и увидеть общую картину для многомиллионного населения страны. На основе анализа таких показателей, как непосещение исповеди во время Пасхи, снижение рождаемости через 9 месяцев после Великого поста, доля населения, практиковавшая половое воздержание во время Великого поста, автор приходит к выводу о том, что религиозность православного населения не понижалась [3].

Вместе с тем дискуссионным представляется вопрос о качестве данных официальной и церковной статистики, которыми пользовался Б.Н. Миронов. В одной из предыдущих работ нам уже приходилось писать о том, к каким статистическим искажениям приводило отсутствие научно-организованного механизма статистического учета населения в Российской империи до учреждения института всеобщей переписи и в перерывах между переписями [4]. Что касается церковной статистики посещения исповедей, резонно поставить вопрос о возможности сознательного завышения этих показателей подателями этих сведений в виду того, что на основе этой статистики о состоянии прихода могло судить вышестоящее духовное начальство.

Результаты

Поставив под сомнение качество результатов статистического учета, можно обратиться к первичным материалам – метрическим книгам, на основе которых, собственно, формировалась значительная часть статистики населения Российской империи. В метрических книгах заносились сведения по рождениям, смертям и бракам.

В качестве эмпирического среза был выбран комплекс сохранившихся метрических книг за 1863–1917 гг. по городу Кола Архангельской губернии. Были сформированы три электронные базы данных: по родившимся, по умершим и вступившим в брак [5]. Верификация базы данных обеспечивалась привлечением альтернативного источника – погодной духовной росписи по Кольскому приходу [6], включавшей список населения г. Колы (их комплекс сохранился за 1841–1917 гг.), а также генеалогической реконструкцией всех семейно-родственных коллективов, проживавших в Коле 30 и более лет. Результаты данного исследования нашли отражение в историко-генеалогическом атласе «Коляне» [7]. Тем самым был создан информационный ресурс, с помощью которого можно отслеживать судьбу каждого жителя города во второй половине XIX – начале XX в. Такой «поголовный» учет позволил усомниться в корректности данных текущей статистики, представляющей Архангельским губернским статистическим комитетом, и, напротив, выявил высокую коррелируемость с данными Всероссийской переписи 1897 г. [8]

Этот ресурс позволяет выявить социокультурную динамику местного населения Колы, в т.ч. реконструировать повседневную религиозную культуру, на основе точных данных.

Вышеуказанный подход оказался осуществимым, прежде всего, в виду низкой численности населения самого города, не превышавшей в досоветское время 1 тыс. чел. Распространить его на более крупные населенные пункты, состоявшие из многих приходов, представляется не всегда возможным в виду как трудоемкости процесса обработки, так и усложнения самой семейно-родственной структуры населения. Тем не менее данный опыт представляется полезным с точки зрения апробации новых методов реконструкции истории повседневности.

Следует также заметить, что с точки зрения изучения повседневной религиозной культуры приморский город Кола второй половины XIX – начала XX в. представлял собой своеобразное место: с одной стороны, как район Русского Севера, здесь функционировали и охранялись православные традиции; с другой стороны, близость к границе и обычность контактов с представителями других конфессий (лютеран, католиков) создавали дополнительный раздражитель, или локальный фактор, повседневной религиозной культуры.

Во второй половине XIX – начале XX века в маленькой Коле действовало четыре православных храма: Благовещенская церковь, кладбищенская Троицкая церковь, часовня во имя Всемилоственного Спаса, часовня во имя прп. Трифона Печенгского. Современники признавали, что религиозная культура в Коле довольно развита. Как писал в 1861 г. К.А. Соловцов, «коляне вообще набожны: каждый праздник церковь Божия полна народа; священнослужители пользуются должным

уважением и сильным авторитетом во всех случаях жизни своих прихожан. В целой Коле нет ни одного раскольника, и коляне гордятся этим: но все вообще имеют привязанность к иконам старинного письма, и все без исключения знаменуются двуперстным крестом, почитая его истинным» [9]. Каким образом проявила себя кольская религиозность в последующий период – попробуем рассмотреть с помощью инструментов количественного анализа.

Религиозность местного населения можно проследить в отношении исполнения им определенных духовных предписаний, послушания, соблюдения церковной дисциплины. Степень балансирования между запретом и снисходительностью к несоблюдению церковных традиций – одна из переменных величин религиозности верующих.

Одна из традиций связана с имянаречением новорожденного. При крещении младенца приходский священник предлагал родителям выбрать имя по святцам. Каждый день в святцах был отмечен определенным списком имен святых, чью память чтит Церковь. Считалось, что ребенка благочестивее всего назвать именем того святого, в день памяти которого, в соответствии со святцами, он родился. Иные имена, однако, давно уже вышли из обихода, трудно произносились, и священники, как правило, разрешали выбрать другие имена, записанные в ближайшие дни по святцам.

Чем дальше отстоял день памяти святого от дня рождения ребенка, тем более игнорировались церковные традиции, и наоборот.

По предреволюционным изданиям святцев [10], месяцеслова [11] и современному Православному церковному календарю [12] были выявлены подневные списки святых, канонизированных Церковью к середине XIX в. На примере г. Кола определялось временное расхождение между днями рождения новорожденных мужского пола и днями их именин (памяти одноименного святого). При наличии нескольких святых с одинаковыми именами принималось во внимание тот из них, чей день памяти значился ближе всего к дню рождения ребенка. В среднем за период 1863–1917 гг. отклонение составило 1,9 дня, что показывает высокую степень соблюдения данной традиции. Но в исторической ретроспективе происходил процесс медленного нарастания отклонения от 1,36 дня в 1863–1870 гг. до 3,4 дня в 1911–1917 гг., что не могло не свидетельствовать о том, что процесс обмирщения повседневной культуры происходил крайне неинтенсивно, встречая сопротивление традиционных структур сознания, а также, что не исключено, авторитет приходского духовенства (табл. 1).

Таблица 1

Расхождение между днями рождения и именинами для новорожденных жителей г. Кола мужского пола в 1863–1917 гг.

Период	Кол-во рождений, чел.	Показатель расхождения, дней
1863-1870	144	1,36
1871-1880	156	1,51
1881-1890	106	1,76
1891-1900	97	2,31
1901-1910	121	1,99
1911-1917	70	3,40

Интересно сравнить эти данные и по периоду 1915–1917 гг., когда в результате строительства Мурманской железной дороги Кола наполнилась мигрантами, приехавшими из разных регионов России [13]. В среде местных жителей отклонение составляло 3,4 дня, тогда как среди мигрантов – 4,7 дня, что свидетельствует о связи религиозности со степенью адаптированности человека к местному культурному ландшафту. Следует, что чем более он адаптирован, тем больше у него возможности удовлетворять свои духовные потребности и соблюдать традиции, установленные Церковью.

При разбивке данного показателя по конкретным мужским именам среди местных жителей Колы за 1863–1917 гг. (табл. 2) выясняется, что наибольшие отклонения соответствовали именам Николай (6,0 дней) и Константин (3,09 дня). Правда, можно предположить, что популярность имени Николай скорее свидетельствовала о религиозной, нежели о светской моде. Особо почитался среди мореплавателей Николай Угодник – в память о нем на Русском Севере возводились многочисленные церкви и часовни («от Архангельска до Колы тридцать три Николая»).

Таблица 2

Расхождение между днями рождения и именинами для новорожденных жителей г. Кола мужского пола по самым распространенным именам в 1863–1917 гг.

Имя	Количество, чел.	Показатель расхождения, дней
Александр	41	2,51
Алексий	15	0,80
Андрей (Андриан)	32	1,25
Антон (Антоний)	10	1,90
Василий	36	1,81
Георгий	27	1,56
Григорий	10	1,00
Дамиан	10	0,20
Дмитрий (Димитрий)	15	1,73
Иаков (Яков)	23	1,17
Иоанн (Иван)	64	0,84
Константин	11	3,09
Михаил	33	1,58
Николай	31	6,00
Павел	33	2,00
Петр	29	1,28
Семен (Симеон)	13	1,15
Сергий	14	2,64
Степан (Степан)	16	1,69
Федор (Феодор)	31	1,97
Филипп	11	1,45

Группа показателей привязана к дисциплине соблюдения постов, в частности, Великого (февраль – апрель) и Рождественского (ноябрь – декабрь). Анализ показателей по г. Кола за 1863–1917 гг. показывает, что в марте и декабре Церковь не регистрировала браков (табл. 3).

Таблица 3

Сезонность браков среди жителей Колы в 1863-1917 гг.

Месяц	Количество	%
Январь	131	41,9
Февраль	51	16,3
Март	0	0
Апрель	17	5,4
Май	6	1,9
Июнь	4	1,3
Июль	12	3,8
Август	4	1,3
Сентябрь	12	3,8
Октябрь	34	10,9
Ноябрь	42	13,4
Декабрь	0	0
Всего	313	100

Но если данную процедуру легко было контролировать приходскому священнику, то, например, зачатие детей во время постов становилось совершенно бесконтрольным нарушением, полностью зависящим от религиозного сознания. Сезонность зачатий реконструируется на основе сезонности рождений детей, с естественным смещением кривой на 9-месячный период беременности матери. Полученные усредненные данные за 1863–1917 гг. свидетельствуют, что во время Великого поста, в марте, происходило резкое сокращение удельной доли зачатий по сравнению с февралем (на треть, с 10,2 до 7,6 %): церковное влияние, таким образом, действовало.

Таблица 4

Сезонность зачатий среди жителей Колы в 1863-1917 гг.

Месяц	Кол-во	%
Январь	158	11,7
Февраль	137	10,2
Март	103	7,6
Апрель	90	6,7
Май	77	5,7
Июнь	101	7,5
Июль	84	6,2
Август	94	7,0
Сентябрь	115	8,5
Октябрь	144	10,7
Ноябрь	128	9,5
Декабрь	118	8,7
Всего	1349	100

Определенный вклад в эту тенденцию, правда, вносил и традиционный уход мужчин на промысел в весеннее время. Но после исчезновения весеннего промысла в начале XX века [14] спад удельной доли зачатий в марте по сравнению с февралем сохранился (с 7,8 до 5,2 %), что подтверждает религиозную мотивацию «мартовского» воздержания (табл. 5). Рождественский пост в декабре, впрочем, уже слабее влиял на половую активность: в среднем за 1863–1917 гг. сокращение удельной доли зачатий в декабре по сравнению с ноябрем незначительно – с 9,5 до 8,7 % (табл. 4).

Таблица 5

Сезонность зачатий среди жителей Колы в 1863–1917 гг. по периодам

Месяц	1863–1870		1871–1880		1881–1890		1891–1900		1901–1910		1911–1917	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
I	33	12,5	40	12,4	23	11,3	21	11,2	29	12,6	12	8,4
II	32	12,2	32	10,0	17	8,3	26	13,9	18	7,8	12	8,4
III	19	7,2	29	9,0	15	7,4	17	9,1	12	5,2	11	7,7
IV	15	5,7	16	5,0	11	5,4	19	10,2	21	9,1	8	5,6
V	13	5,0	12	3,7	15	7,4	11	5,9	15	6,5	11	7,7
VI	15	5,7	17	5,3	17	8,3	16	8,5	18	7,8	18	12,6
VII	24	9,2	16	5,0	12	5,9	5	2,7	17	7,3	10	7,0
VIII	24	9,2	18	5,6	20	9,8	10	5,3	12	5,2	10	7,0
IX	18	6,9	40	12,4	12	5,9	10	5,3	26	11,2	9	6,3
X	24	9,2	40	12,4	18	8,8	20	10,7	23	10,0	19	13,2
XI	21	8,0	31	9,6	21	10,2	19	10,2	19	8,2	17	11,9
XII	24	9,2	31	9,6	23	11,3	13	7,0	21	9,1	6	4,2
Всего	262	100	322	100	204	100	187	100	231	100	143	100

Количество внебрачных рождений, не поощрявшихся строгой церковной моралью, в Коле имело тенденцию к медленному росту, достигнув в 1891–1900 гг. 11,8 % от общего числа родившихся (табл. 6) [15].

Таблица 6

Количество внебрачных рождений среди жителей Колы в 1863–1917 гг.

	Всего рождений	Из них внебрачных	%
1863-1870	262	27	10,3
1871-1880	322	30	9,3
1881-1890	204	22	10,8
1891-1900	187	22	11,8
1901-1910	231	14	6,1
1911-1917	143	16	11,2

Имела место и повторность браков: 2-й брак, на который Церковь смотрела снисходительно, стал обычным явлением, а вот 3-й брак, рассматривающийся в православии преступлением (по

словам Василия Великого, «на троебрачие нет закона» [16]), стал скорее исключением. За 1863–1917 гг. приходские священники зарегистрировали в 3-м браке лишь 4 человека (табл. 7) [17].

Таблица 7

Повторность браков среди жителей Колы в 1863–1917 гг.

Годы	Абс., ед.				%			
	Всего	1 брак	2 брак	3 брак	Всего	1 брак	2 брак	3 брак
Мужчины								
1863-1870	53	49	3	1	100	92,4	5,7	1,9
1871-1880	79	64	15	0	100	81,0	19,0	0
1881-1890	47	41	5	1	100	87,2	10,7	2,1
1891-1900	62	60	2	0	100	96,8	3,2	0
1901-1910	43	39	4	0	100	90,7	9,3	0
1911-1917	29	26	3	0	100	89,7	10,3	0
Женщины								
1863-1870	53	46	7	0	100	86,8	13,2	0
1871-1880	79	66	13	0	100	83,5	16,5	0
1881-1890	47	39	7	1	100	83,0	14,9	2,1
1891-1900	62	60	2	0	100	96,8	3,2	0
1901-1910	43	34	8	1	100	79,1	18,6	2,3
1911-1917	29	27	1	1	100	93,0	3,5	3,5

Выводы

Если подводить итоги, можно сказать, что выводы Б.Н. Миронова об устойчивости религиозных традиций православного населения Российской империи накануне революции 1917 г., по первичным материалам учета населения г. Кола, с применением других методик обработки, подтверждаются [18]. Социальная модернизация на северной окраине Российской империи мало ущемляла повседневную религиозную культуру. Атеизм, который был принесен вихрем революции 1917 г., будет навязан маленькой Коле извне: к этим трансформациям на месте не было серьезных предпосылок [19].

Разработка техники «измерения» повседневной культуры получает в современных условиях актуальность, в частности, в связи с попытками усовершенствовать методику вычисления индекса человеческого потенциала в части показателя, характеризующего культуру или состояние нравственности населения, взамен стоимостного критерия уровня жизни [20]. Такие понятия, как «культура» или «нравственность», трудно поддаются любому измерению, но совершенно очевидно, что они не могут быть рассмотрены вне связи с традициями, без учета наработанной веками народной культуры.

Примечания:

1. Бердяев Н.А. О святости и честности // Бердяев Н.А. Судьба России: Кн. статей. М.: ЭКСМО, 2007. С. 92
2. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т.2. С.326-332.
3. Миронов Б.Н. Указ. Соч. С.330.
4. Малашенков А.А., Федоров П.В. Коляне (XIX – первая четверть XX в.): Историко-генеалогический атлас. Мурманск: МГГУ, 2011. Доп. часть. С.11-13.
5. Государственный архив Мурманской области (ГАМО). Ф.И-16. Оп.1. Д.91-а, 98-а, 131-а, 182-а, 234-а; Ф.И-136. Оп.1. Д.28, 65, 67, 68, 72, 76, 84.
6. ГАМО. Ф.И-16. Оп.1. Д.89, 96, 131, 156, 189, 195, 197-а, 205, 211, 216, 218, 220, 224, 230, 234, 239.
7. Малашенков А.А., Федоров П.В. Коляне (XIX – первая четверть XX в.): Историко-генеалогический атлас. Мурманск: МГПУ, 2010. Ч.1-11.
8. Малашенков А.А., Федоров П.В. Коляне (XIX – первая четверть XX в.): Историко-генеалогический атлас. Мурманск: МГГУ, 2011. Доп. часть. С.11-13.
9. Соловцов К. Очерки истории Архангельской губернии. Кола // Архангельские губернские ведомости. 1861. № 32. С.263

10. Святцы с приложением тропарей и кондаков на двенадцатые праздники и воскресных тропарей. М.: типография С. Орлова у Бородинского моста, 1881. 144 с.
11. Месяцеслов всего лета. СПб.: Синодальная типография, 1908. 312 с.
12. Православный церковный календарь. 2010. М.: Издательство Московской Патриархии, 2009. 224 с.
13. ГАМО. Ф.И-16. Оп.1. Д.84, 87, 90, 96.
14. Ушаков И.Ф. Кольская земля. Мурманск, 1972. С 436, 438.
15. Малашенков А.А., Федоров П.В. Коляне (XIX – первая четверть XX в.): Историко-генеалогический атлас. Мурманск: МГПУ, 2010. Ч.1. С.48.
16. URL: http://lubovbezusl.ucoz.ru/publ/ljubov/ljubov_k_blizhnemu/tainstvo_braka/5-1-0-430
17. Малашенков А.А., Федоров П.В. Коляне (XIX – первая четверть XX в.): Историко-генеалогический атлас. Мурманск: МГПУ, 2010. Ч.1. С.44.
18. Миронов Б.Н. Указ. соч. С.330.
19. Малашенков А.А., Федоров П.В. Коляне (XIX – первая четверть XX в.): Историко-генеалогический атлас. Мурманск: МГПУ, 2010. Ч.1. С.24.
20. Сигов В.И., Карпова Г.А., Сигова М.В. Расширенное воспроизводство трудового потенциала как основной критерий становления и развития экономики знаний // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2013. № 5 (83). С. 4-13.

References:

1. Berdyaev N.A. About the sanctity and integrity // Berdyaev N.A. The fate of Russia: Book articles. М.: ЕНКСМО, 2007. S. 92
2. Mironov B.N. Social History of Russian Empire period (XVIII - beginning of XX century.) The genesis of the individual, democratic family, civil society and the rule of law. SPb.: Dmitriy Bulanin, 1999. T.2. S.326-332.
3. Mironov B.N. Ibid. S.330.
4. Malashenkov A.A., Fedorov P.V. Kolyane (XIX - the first quarter of the XX century): Historical and genealogical atlas. Murmansk: MGGU, 2011. Additional part. S.11-13.
5. State Archive of Murmansk Region (SAMR). F.I-16. Op.1. D.91-a, 98-a, 131-a, 182-a, 234-a; F.I-136. Op.1. D.28, 65, 67, 68, 72, 76, 84.
6. SAMR. F.I-16. Op.1. D.89, 96, 131, 156, 189, 195, 197-a, 205, 211, 216, 218, 220, 224, 230, 234, 239.
7. Malashenkov A.A., Fedorov P.V. Kolyane (XIX - the first quarter of the XX century): Historical and genealogical atlas. Murmansk: MGPU, 2010. Part I-II.
8. Malashenkov A.A., Fedorov P.V. Kolyane (XIX - the first quarter of the XX century): Historical and genealogical atlas. Murmansk: MGGU, 2011. Additional part. S.11-13.
9. Solovcov K. Studies in the History of the Arkhangelsk province. Kola // Arhangel'skie gubernskie vedomosti. 1861. № 32. S. 263.
10. Svyatcy s prilozheniem troparej i kondakov na dvunadesyatye prazdniki i voskresnyh troparej. М.: tipografiya S. Orlova u Borodinskogo mosta, 1881. 144 s.
11. Mesyaceslov vsego leta. SPb.: Sinodal'naya tipografiya, 1908. 312 s.
12. Orthodox church calendar. 2010. М.: Izdatel'stvo Moskovskoj Patriarhii, 2009. 224 s.
13. SAMR. F.I-16. Op.1. D.84, 87, 90, 96.
14. Ushakov I.F. Kola land. Murmansk, 1972. S 436, 438.
15. Malashenkov A.A., Fedorov P.V. Kolyane (XIX - the first quarter of the XX century): Historical and genealogical atlas. Murmansk: MGPU, 2010. Part I. S. 48.
16. URL: http://lubovbezusl.ucoz.ru/publ/ljubov/ljubov_k_blizhnemu/tainstvo_braka/5-1-0-430
17. Malashenkov A.A., Fedorov P.V. Kolyane (XIX - the first quarter of the XX century): Historical and genealogical atlas. Murmansk: MGPU, 2010. Part I. S.44.
18. Mironov B.N. Ibid. S.330.
19. Malashenkov A.A., Fedorov P.V. Kolyane (XIX - the first quarter of the XX century): Historical and genealogical atlas. Murmansk: MGPU, 2010. Part I. S.24.
20. Sigov V.I., Karpova G.A., Sigova M.V. Expanded reproduction of labor potential as the main criterion for the formation and development of the knowledge economy // Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ehkonomicheskogo universiteta. 2013. № 5 (83). S. 4-13.

**Между запретом и снисходительностью:
повседневная религиозная культура православного населения русского севера
во второй половине XIX – начале XX века**

¹ Павел Викторович Федоров

² Алексей Анатольевич Малашенков

¹ Международный банковский институт, Российская Федерация
Руководитель Лаборатории геокультурных исследований и разработок
Доктор исторических наук, профессор
Невский пр., 60, Санкт-Петербург 191011
E-mail: Sever-Nordica@yandex.ru

² Мурманская государственная областная универсальная научная библиотека, Российская Федерация
Главный библиограф отдела электронной библиотеки
ул. С. Перовской, 21а, Мурманск 183038
E-mail: ruslib@mgounb.ru

Аннотация. В статье предложен новый подход к изучению повседневной религиозной культуры православного населения. На основе реконструкции демографических данных по первичным источникам учета населения за 1863–1917 гг. по г. Кола Архангельской губернии выявлена степень соблюдения православных традиций: по имянаречению, брачному и половому воздержанию во время Великого и Рождественского постов, рождению детей вне браков, совершению повторных браков. Делается вывод о слабом влиянии процесса социальной модернизации на религиозность местного населения Русского Севера. Атеизм революции 1917 г. был навязан маленькому городу извне.

Ключевые слова: Кольский Север, модернизация, повседневность, православие, демография, генеалогия, статистика, экономика, Российская империя.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 38, Is. 4, pp. 1019-1027, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 330.322:625+94(47)

The Belgian Investments in Mass Transit of the Cities in Russian Empire at the End of the XIXth and at the Beginning of the XXth Centuries

¹ Ilya V. Shpakov

² Yelena D. Mikhailova

³ Nataliya N. Koroteeva

¹ Southwest State University, Russian Federation
PhD (History)

Kursk, 50 let Oktyabrya street, 94

E-mail: shiva16@yandex.ru

² Southwest State University, Russian Federation
PhD (History)

Kursk, 50 let Oktyabrya street, 94

E-mail: miheldm@yandex.ru

³ Southwest State University, Russian Federation
Dr. (History)

Kursk, 50 let Oktyabrya street, 94

E-mail: koronna.nat@mail.ru

Abstract

The article deals with the process of realization of long-term investment in the city transport projects of the Russian Empire at the end of the XIX and the beginning of the XX centuries. The authors analyze the reasons for the attractiveness of the Russian transport sector for the Belgian companies, the main stages of their integration into the economy of the Russian Empire, examine the legal and operational features of the transport activities of joint stock companies with foreign borrowed capital. There is also analysis of the **volumes of the invested funds, description of the authorized capital size and the transport companies' securities**. On the basis of the comparison of the annual profit interest, the article explains the relatively small presence of the empire companies with Russian capital in the urban transport market. Analyzing the annual financial results of the joint stock Belgian transport companies, the authors fix a number of loss-making companies in the provincial towns. The article presents an attempt to explain this phenomenon on the basis of the problems in urban transportation in several cities. Examining the peculiarities of doing transport business in the cities, the article reflects the aspirations of the owners of corporations to maximize their profits at the expense of the quality of transport service. At the beginning of the XX century such **companies' policy led to the negative assessment** of the way of solving transport problems of cities at the expense of foreign capital state by the Russian Empire. The authors come to the conclusion that trying to find the most appropriate solution of the question, the empire authorities offered the city transport companies to build their own resources by attracting loans in the state banks and to use of the funds from the bond issues.

Keywords: foreign investments, Belgian capital, horsecar, tram, public transport, joint stock company, concession

Введение

Сложность развития городских транспортных систем, требующих больших финансовых затрат, согласно принятым в большинстве городов страны новым генеральным планам, приводят к поиску муниципальными властями различных вариантов решения данного вопроса. Беглый анализ истории городского транспорта показывает, что большая часть систем общественного транспорта в городах России была создана за счет реализации иностранных инвестиционных проектов в основном с

бельгийским акционерным капиталом в конце XIX — начале XX вв. В связи с чем возникает необходимость детального изучения этого опыта, проведения анализа нормативно-правовой базы, финансовых результатов работы компаний, особенностей эксплуатации и применения полученных основных положительных результатов того времени в нынешней экономической реальности. Целью данной работы является анализ долгосрочных финансовых бельгийских инвестиций в конце XIX — начале XX вв. с анализом централизации их источников, технологической структуры, характеру воспроизводства основных фондов, назначения и анализ нормативно-правовой базы, обеспечивавшей возможность их привлечения и применения.

Материалы и методы

В качестве материалов для исследования авторами использовались узаконения и распоряжения правительства Российской империи, где обозначены даты образования, допуска к функционированию на территории страны и указаны ограничения и особенности работы бельгийских акционерных компаний. Для анализа уставных капиталов и финансовых результатов бельгийских транспортных обществ был использован указатель действовавших на территории страны в 1903 г. акционерных обществ, где собрана вся финансовая отчетность акционерных компаний из выпусков «Вестника финансов, промышленности и торговли» за несколько лет. Для анализа работы акционерных обществ на местах и изменения государственной политики в вопросе привлечения иностранных капиталов было использовано городское положение с законодательными мотивами, разъяснениями и дополнительными узаконениями 1912 г.

В ходе исследования были использованы диалектический, исторический, системный и формально-юридические методы, позволившие объединить отдельные отрывочные исторические факты в цельную картину процесса реализации долгосрочных финансовых бельгийских инвестиций в городской транспорт Российской империи в конце XIX — начала XX вв.

Обсуждение

Вопросы, связанные с функционированием иностранных акционерных компаний в дореволюционной России давно находятся в рассмотрении отечественных историков. Однако специализированных исследований особенностей становления и развития бельгийских компаний, выбравших для инвестирования транспортную отрасль городов империи практически не проводилось. Одной из первых работ, где впервые были описаны особенности инвестирования бельгийских компаний в городской транспорт России, стала монография 1908 г. Высочина Д.И., посвященная анализу концессионных соглашений и проблем, возникших с работой устроенного бельгийцами общественного транспорта [1]. Вопросы, связанные с источниками капиталов бельгийских компаний, в том числе и в сфере городского транспорта, рассматривались в 1960–1970-е гг. в монографиях Лившина Я.И. [2], Шепелева Л.Е. [3] и Дякина В.С. [4]. В современных исследовательских работах бельгийское инвестирование в экономику городов Российской империи в конце XIX — начале XX вв. узкоспециально рассматривалось в публикациях Васильевой Л.В. [5] в контексте правового обеспечения их деятельности, Шпаковым И.В. [6] в контексте становления электротранспорта в городах Центрального Черноземья и Семеновым Н.М. [7] в контексте истории внедрения единых стандартов в электротранспортной отрасли.

В данной статье авторами сделана попытка обобщения и систематизации информации о становлении и развитии акционерных обществ с заемным бельгийским капиталом в сфере городского транспорта Российской империи конца XIX — начала XX вв. Анализ российского законодательства и дореволюционных официальных публикаций с раскрытием финансовых показателей деятельности отдельных бельгийских анонимных обществ, позволяет сформировать целостную картину истории бельгийских инвестиций в экономику империи в рассматриваемый период.

Результаты

Массовое появление бельгийских акционерных обществ, занимавшихся развитием городского сообщения, в Российской империи происходит в последнее десятилетие XIX в. Именно в это время Россия попадает в зону интересов ряда бельгийских акционерных компаний: «Взаимного общества конно-железных дорог», «Общества Брюссельских конно-железных дорог», «Центрального общества освещения», «Общества электричества и гидравлики», «Треста Эмпена» [8, с. 246], которые, являясь одними из крупнейших в Европе, занимались инвестированием в транспортные и энергетические проекты далеко за пределами Бельгии.

Несмотря на открытость и даже благосклонность властей Российской империи к решению инфраструктурных вопросов за счет иностранного капитала, органы государственной власти довольно внимательно и осторожно подходили к вопросу регистрации деятельности первых иностранных городских транспортных компаний. Так, первая на территории Российской империи бельгийская городская транспортная компания «Общество Одесских конно-железных дорог» (*Société anonyme des tramways d'Odessa*), основанная 11 мая 1882 г., была допущена к деятельности на территории империи только через 3 года 29 марта 1885 г. [9]. Вместе с тем стоит отметить, что с увеличением количества поданных на рассмотрение в Сенат уставов иностранных транспортных

компаний срок их утверждения значительно сокращался. Например, анонимное общество «Севастопольский трамвай» (Tramways de Sebastopol, Société anonyme), основанное 27 февраля 1899 г., было допущено к деятельности в России уже через 4 месяца 25 июня 1899 г. [10]

Допуск иностранного акционерного общества означал переход его под отечественную юрисдикцию, учреждение ответственного агента, представлявшего правление общества в России, внесение соответствующих изменений в устав и его публикация на русском языке. Вместе с тем самостоятельность иностранных акционерных компаний ограничивалась необходимостью согласования вопросов изменения уставного капитала, реорганизации, объединения или ликвидации компаний с российскими властями.

Неразвитость транспортной инфраструктуры в большинстве городов империи и нежелание отечественных предпринимателей и компаний решать данный вопрос привели к тому, что городские управления чрезвычайно охотно реагировали на все предлагаемые бельгийцами инвестиционные транспортные проекты, фактически сразу отдавая им концессии, подчас даже в ущерб городским интересам, что вызывало справедливую критику российской общественности. Так, при заключении концессионных договоров городские управления проявляли большую внимательность и осторожность при определении порядка сооружения и трассировки путей, которые могли мешать лишним шумом и вибрацией доходным домам, но с большим равнодушием относились к установлению высокой цены за проезд и вопросу пересадок [11, с. 217–218].

За период с 1881 по 1901 г. бельгийские компании получили права на устройство и эксплуатацию конно-железных дорог и электрических трамваев в 23 городах (таблица 1).

Таблица 1

Бельгийские транспортные компании в Российской империи в 1881–1901 гг.

№ п/п	Наименование компании	Дата основания в Бельгии	Допуск для работы в Российской империи	Открытие деятельности в Российской Империи	Правительственное распоряжение из собрания узаконений и распоряжений
1	Общество Одесских конно-железных дорог	11.05.1882	29.03.1885	13.07.1885	1885 г. № 437 ст. 356
2	Анонимное общество Харьковские конно-железные дороги	2.06.1883	28.09.1888	24.12.1888	1888 г. № 109 ст. 989
3	Акционерное общество Тифлиских конно-железных дорог	21.06.1885	23.12.1888	12.01.1889	1889 г. № 11 ст. 100
4	Общество конно-железных дорог в Ростове-на-Дону	3.12.1886	13.05.1889	10.08.1889	1889 г. № 70 ст. 615
5	Анонимное общество конно-железных дорог в Казани	24.07.1893	18.03.1894	24.03.1894	1894 г. № 55 ст. 433
6	Общество Белостокских конно-железных дорог	11.06.1895	23.05.1897	24.11.1898	1897 г. № 94. ст. 1219
7	Анонимное общество Кишиневские конно-железные дороги	28.06.1895	3.05.1896	19.01.1897	1898 г. № 113 ст. 1270
8	Акционерное общество Курский трамвай	1.10.1895	28.06.1896	23.01.1897	1896 г. № 133 ст. 1490
9	Акционерное общество Орловский трамвай	16.03.1896	20.02.1898	26.01.1899	1898 г. № 58 ст. 797
10	Анонимное общество конно-железных дорог в Николаеве	9.03.1896	22.11.1896	10.03.1897	1896 г. № 140 ст. 1665
11	Акционерное общество Витебский трамвай	25.04.1896	30.01.1898	18.06.1898	1898 г. № 29 ст. 435
12	Анонимное общество Ташкентский трамвай	8.01.1897	4.07.1897	10.1897	1897 г. № 84 ст. 1035
13	Компания тяги и электричества	3.08.1897	19.06.1898	19.11.1898	1898 г. № 112 ст. 1431
14	Анонимное общество Екатеринославский трамвай	22.06.1898	11.11.1898	2.05.1899	1899 г. № 6 ст. 73

15	Анонимное общество трамбаров и общественных карет в Одессе и в России	19.08.1898	26.10.1899	31.12.1899	1899 г. № 150 ст. 2410
16	Анонимное общество Астраханских рельсовых путей	1.01.1899	18.06.1899	17.04.1900	1899 г. № 21 ст. 1848
17	Анонимное общество Бердичевский трамвай		18.06.1899		1899 г. № 118 ст. 1787
18	Акционерное общество Кременчугские трамваи	2.02.1899	26.11.1899	02.01.1900	1900 г. № 8 ст. 741
19	Анонимное общество Севастопольский трамвай	27.02.1899	25.06.1899	1.07.1899	1899 г. № 106 ст. 1550
20	Общество Санкт-Петербургского городского передвижения	2.05.1899	9.07.1899	06.07.1900	1899 г. № 102 ст. 1492
21	Анонимное общество Ревельские трамваи	24.10.1899	11.04.1900	22.02.1901	1900 г. № 58 ст. 1289
22	Анонимное общество Владикавказских электрических трамваев и освещения	4.05.1900	29.06.1901	03.04.1902	1901 г. № 83 ст. 1785
23	Анонимное общество Ярославские трамваи		24.02.1901		1901 г. № 35 ст. 684

Анализируя особенности функционирования бельгийских компаний, можно выявить основные этапы в их деятельности на транспортном рынке Российской империи. Первоначально бельгийские капиталы вкладывались в приобретение уже действовавших крупных конно-железных дорог, дававших ежегодную прибыль (Одесса, Харьков), затем иностранные акционерные компании создавались для выкупа концессий на устройство городских железных дорог у предпринимателей, еще не начавших строительство транспортных систем (Тифлис, Ростов-на-Дону), следующим этапом стало получение концессий ответственными агентами бельгийских обществ напрямую у городских управ (Казань, Курск). Помимо традиционных для России конца XIX – начала XX вв. видов городского общественного транспорта: конно-железных дорог и электрических трамваев, бельгийские компании пытались внедрить в крупных городах омнибусы (общественные кареты) в качестве более дешевой альтернативы извозному промыслу (Одесса, Санкт-Петербург).

Организация рельсовых транспортных систем требовала больших затрат, связанных со строительством вагонных сараев, конюшен, электростанций, покупкой тягловых животных, вагонов и прокладкой путей. В связи с этим средний уставный капитал бельгийских компаний составлял около 2,5 млн. франков. Суммарный вклад бельгийских компаний в экономику Российской империи при покупке и строительстве конно-железных дорог и трамваев за период с 1881 г. по 1901 г. составил 57143800 франков. Для привлечения столько крупных средств самой выгодной организационно-правовой формой бельгийских компаний было акционерное общество, позволявшее выпускать ценные бумаги и размещать их на биржах. Поскольку все общества учреждались в Бельгии, то их ценные бумаги были номинированы во франках. При вхождении бельгийских акционерных обществ в Российскую империю их деятельность на территории страны разрешалась только при условии использования объявленных капиталов в пределах России. Размеры капиталов компаний, а также объемы выпуска их ценных бумаг приведены в таблице 2.

Таблица 2

Размеры уставных капиталов и характеристика ценных бумаг бельгийских акционерных обществ 1881–1901 гг. [12, с. 1655–1759]

№ п/п	Наименование компании	Место нахождения правления	Место проведения общих собраний	Размер уставного капитала во франках	Ценные бумаги
1	Общество Одесских конно-железных дорог	Брюссель	Брюссель	11356900	113569 акций по 100 франков
2	Анонимное общество Харьковские конно-железные дороги	Брюссель	Брюссель	2661500	53230 акций по 50 франков
3	Акционерное общество Тифлиссских конно-железных дорог	Брюссель	Брюссель	8574400	171488 акций по 50 франков

4	Общество конно-железных дорог в Ростове-на-Дону	Брюссель	Брюссель	1000000	10000 акций по 100 франков, 2000 акций без обозначения стоимости
5	Анонимное общество конно-железных дорог в Казани	Брюссель	Брюссель	3900000	15600 акций по 250 франков
6	Общество Белостокских конно-железных дорог	Брюссель	Брюссель	1150000	11500 акций по 100 франков
7	Анонимное общество Кишиневские конно-железные дороги	Брюссель	Брюссель	1100000	11000 акций по 100 франков
8	Акционерное общество Курский трамвай	Брюссель	Брюссель	1400000	14 000 акций по 100 франков, 10000 учредительных паев
9	Акционерное общество Орловский трамвай	Брюссель	Брюссель	1000000	10000 акций по 100 франков
10	Анонимное общество конно-железных дорог в Николаеве	Лютих	Брюссель	1250000	12500 акций по 100 франков
11	Акционерное общество Витебский трамвай	Брюссель	Брюссель	1200000	12000 акций по 100 франков
12	Анонимное общество Ташкентский трамвай	Брюссель	Брюссель	1750000	17500 акций по 100 франков
13	Компания тяги и электричества	Склессень	по усмотрению правления	6000000	60000 акций по 100 франков
14	Анонимное общество Екатеринославский трамвай	Брюссель	Брюссель	2000000	20000 акций по 100 франков
15	Анонимное общество трамбаров и общественных карет в Одессе и в России	Брюссель	Брюссель	1000000	10000 акций по 100 франков
16	Анонимное общество Астраханских рельсовых путей	Брюссель	Брюссель	2000000	20000 акций по 100 франков, 20000 учредительских акций без цены
17	Анонимное общество Бердичевский трамвай	Брюссель	Брюссель	1000000	10000 привилегированных акций по 100 франков, 10000 дивидентских акций, распределяемых между владельцами привилегированных
18	Акционерное общество Кременчугские трамвай	Льеж	Льеж	3000000	30000 акций по 100 франков
19	Анонимное общество Севастопольский трамвай	Брюссель	Брюссель	2000000	20 000 акций по 100 франков
20	Общество Санкт-Петербургского городского передвижения	Брюссель	Брюссель	1000000	10000 привилегированных акций по 100 франков, 10000 дивидентских акций без обозначения стоимости
21	Анонимное общество Ревельские трамвай	Брюссель	Брюссель	1200000	12 000 акций по 100 франков
22	Анонимное общество Владикавказских электрических трамваев и освещения	Брюссель	Брюссель	1600000	16000 привилегированных акций по 100 франков, 16000 простых акций без обозначения стоимости

Привлечение столь больших бельгийских инвестиционных капиталов в транспортные проекты городов Российской империи можно объяснить тем, что действующие в стране во второй половине XIX в. конно-железные дороги приносили ежегодно 6–8 % прибыли, в то время как среднеевропейский процент в этой же сфере составлял не более 3–4. Вместе с тем для российской промышленной деятельности это были низкие показатели, отечественные предприниматели старались вкладывать свои капиталы только в проекты с отдачей не менее 20–30 % прибыли ежегодно [13, с. 57].

Однако, построенные бельгийскими обществами системы городского транспорта почти в половине городов в первый же год работы стали убыточными. С учреждением в 1898 г. промышленного налога, под который попали конно-железные дороги и трамваи с механическим двигателем, их владельцы (акционерные компании) были обязаны публиковать в «Вестнике финансов, промышленности и торговли» годовые бухгалтерские балансы и выписки из годовых финансовых отчетов по операциям в России суммы капитала, счета прибылей и убытков и размер чистой прибыли (убытка) [14], благодаря чему можно отследить финансовые результаты работы бельгийских компаний. Раскрытые значения прибыли или убытка бельгийских обществ приведены в таблице 3.

Таблица 3

Раскрытые значения чистой прибыли (убытка) бельгийских транспортных акционерных обществ в 1881–1901 гг. [12, с. 1655–1759]

№ п/п	Наименование компании	Чистая прибыль (убыток), в тыс. франков					
		1897	1898	1899	1900	1901	1902
1	Общество Одесских конно-железных дорог	666,3	720	724	601	511,5	
2	Анонимное общество Харьковские конно-железные дороги	385,7	393,8	425,8	288,09	294	
3	Акционерное общество Тифлиских конно-железных дорог		232,2	238,2	199,3	157,9	192,5
4	Общество конно-железных дорог в Ростове-на-Дону	17,9	1,7	-20,4	-72,7	-190,4	
5	Анонимное общество конно-железных дорог в Казани	32,1	34,3	47,3	71,7	44,1	
6	Общество Белостокских конно-железных дорог			30,6	-1,2	-5,7	-23,7
7	Анонимное общество Кишиневские конно-железные дороги	1,2	-6,5	0,1	13,2	-1,2	
8	Акционерное общество Курский трамвай		76,5	58,4	1,1	-0,6	
9	Акционерное общество Орловский трамвай		16,8	-118,3	-119	-116,2	
10	Анонимное общество конно-железных дорог в Николаеве	0	9,8	-9,2	0,2	2,8	
11	Акционерное общество Витебский трамвай			18,7	-16,1	-92,7	
12	Анонимное общество Ташкентский трамвай					30,4	
13	Компания тяги и электричества		92,0 (тыс. руб)	283,6 (тыс. руб)	9,1	24,3	
14	Анонимное общество Екатеринославский трамвай			53	40,4	61,5	
15	Анонимное общество трамбаров и общественных карет в Одессе и в России				87,6	148,4	
16	Анонимное общество Астраханских рельсовых путей				6,1	28,7	
19	Анонимное общество Севастопольский трамвай				5,1		
20	Общество Санкт-Петербургского городского передвижения					-49,4	
21	Анонимное общество Ревельские трамваи					23,6	

Убыточными являлись в основном транспортные системы в провинциальных городах. Высокая стоимость проезда, отсутствие регулярности движения и проблемы с обслуживанием и ремонтом инфраструктуры и подвижного состава из-за отсутствия специалистов приводили к большим временным простоям конно-железных дорог и трамваев. Так в Орле трамвай редко работал в зимний период из-за не проведения чистки путей [15; 16; 17], в Курске постоянно возникал простой вагонов и уменьшение выпуска на линии из-за большого числа неисправностей и отсутствия должного ремонта вагонов [18, лл. 5–6], в

Витебске из-за отсутствия ремонта подвижного состава и путей ежегодно увеличивалось количество сходов с рельс и возрастало время интервалов между вагонами [19, с. 25–26].

В поисках возможности снизить лишние затраты бельгийские общества смогли найти коллизию в российском законодательстве относительно налоговых сборов. Так с 1903 г. в Сенат стали поступать возражения против правильности взимания с концессионных предприятий земских и городских имущественных сборов сначала из Орла, затем из Курска, Казани, Севастополя и остальных городов. Сенат произвел рассмотрение этого вопроса и вынес решение в пользу концессионеров, поскольку они не являлись собственниками имущества, а занимались только его оперативным управлением. В связи с этим все бельгийские транспортные общества освобождались от имущественных сборов, также им должны были быть возвращены неправильно взысканные налоги с момента подачи первого возражения [20, с. 324].

Вместе с этим владельцы бельгийских обществ искали и другие способы уменьшить затраты и связанные с эксплуатацией и максимизировать свою прибыль: попытки установить большие тарифы, сокращение числа вагонов в утреннее и вечернее время, плохое слежение за тягловыми животными и инфраструктурой, введение системы штрафов для сотрудников, что не могло не вызывать возражений городских управ [21, с. 141–143]. После роста числа подобных инцидентов и жалоб из городских управлений в начале XX в. Министерство внутренних дел стало рассылать в города циркулярные письма с просьбой не отдавать концессии предпринимателям, а организовывать транспортное сообщение хозяйственным способом за счет привлечения кредитов в государственных банках [6, с. 17]. Помимо этого Совет Министров рекомендовал в качестве альтернативы кредитам использовать облигационные займы. Так, из разрешенного Николаеву 19 сентября 1910 г. облигационного займа в размере 6,5 млн. руб. Совет Министров рекомендовал использовать 2 млн. руб. для устройства в городе электрического трамвая и выкупа конно-железнодорожной дороги у бельгийского общества [20, с. 920]. Аналогичные рекомендации были даны Харькову и Екатеринославу в 1911 г. при одобрении выпуска их облигационных займов [20, с. 921–922].

Заключение

Гибкость российского законодательства и заинтересованность властей городов империи (особенно провинциальных) в организации систем общественного транспорта привели к быстрому вхождению и распространению бельгийских акционерных обществ по территории страны. Однако первоначальная радость городских управлений от постройки систем массового транспорта быстро сменилась разочарованием от способов ведения дел в эксплуатационных хозяйствах. Бельгийцы не были заинтересованы в эффективной работе городского транспорта, а старались выстраивать работу конно-железных дорог и электрических трамваев по принципу максимизации прибыли от их работы, в ущерб интересам городского населения и местных властей. Что в итоге привело к осознанию необходимости последними в самостоятельной организации городского общественного транспорта с получением полного контроля над его функционированием. Государственная власть империи в начале XX в. также стала поддерживать городские управления в решении транспортного вопроса, одобряя получение ими кредитов или выпуск облигаций для выкупа бельгийских концессий или постройки новых систем. Вместе с тем нельзя отрицать тот факт, что вложение миллионов бельгийских франков в российскую экономику благотворно повлияло на развитие транспортного и энергетического машиностроения, сориентировав их на выпуск товаров для городского транспорта, а также изменило рынок транспортных услуг в городах, создав более дешевую альтернативу извозному промыслу и повысив доступность средств передвижения для жителей.

Примечания:

1. Высочин Д.И. Бельгийские кандалы: По поводу трамвайного соглашения. Харьков: тип. Губ. правл., 1908. 190 с.
2. Лившин Я.И. Монополии в экономике России: экономические организации и политика монополического капитала. М.: Изд. социально-экономической литературы, 1961. 445 с.
3. Шепелев Л.Е. Акционерные компании в России. Л.: Наука, 1973. 347 с.
4. Дякин В.С. Германские капиталы в России (электроиндустрия и электрический транспорт). Л.: Наука, 1971. 288 с.
5. Васильева Л.В. Правовые основы деятельности иностранных предпринимателей в Российской империи в конце XIX – начале XX века // Налоги. Инвестиции. Капитал. 2004. № 3–4. С. 16–26.
6. Шпаков И.В. Становление и развитие трамвайного транспорта в Центральном Черноземье в конце XIX – первой трети XX вв.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук. Курск, 2013. 24 с.
7. Семенов Н.М. Всероссийская трамвайная конференция 1922 г. // Вопросы истории естествознания и техники. 2003. № 1. С. 17–30.
8. Шпаков И.В. Становление и развитие электрических городских железных дорог (трамвая) в городах Российской империи в конце XIX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4-2. С. 245–248.
9. Собрание узаконений и распоряжений Правительства. 1885. № 437. Ст. 356.

10. Собрание узаконений и распоряжений Правительства. 1899 г. № 106. Ст. 1550.
11. История России в XIX веке. Эпоха реакции. (1866-1892). Т. 5. Санкт-Петербург: А. и И. Гранат. 1909. 340 с.
12. Указатель действующих в Империи акционерных предприятий / под. ред. В.А. Дмитриева-Мамонова. СПб.: тип. Исидора Гольдберга, 1903. 2007 с.
13. Ржонсницкий Б.Н. Трамвай — русское изобретение. М.: МКХ РСФСР, 1952. 83 с.
14. Полное собрание законов Российской империи. 3-е собрание. Т. 18. № 15601.
15. Орловский вестник. 1899. 6 января.
16. Орловский вестник. 1900. 5 февраля.
17. Орловский вестник. 1900. 8 ноября.
18. Государственный архив Курской области. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 8.
19. Забелло Л.А. История витебского трамвая. Витебск: Витебское ТТУ, 1998. 128 с.
20. Городовое положение с законодательными мотивами, разъяснениями и дополнительными узаконениями / сост. С.Г. Щегловитов. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1912. 996 с.
21. Розалиев В.В. Городской электротранспорт: из истории государственного управления. М., 2004. 278 с.

References:

1. Vysochin D.I. Belgian shackles: Regarding the tram agreement. Kharkov: tip. Gub. pravleniya, 1908. 190 pp. (In Russian)
2. Livshin Y.I. The monopolies in the Russian economy: the economic organizations and the policy of monopoly capital. M.: Publishing house of the socio-economic literature, 1961. 445 pp. (In Russian)
3. Shepelev L.E. Joint-stock company in Russia. L.: Science, 1973. 347 pp. (In Russian)
4. Dyakin V.S. The German capital in Russia (electric industry and electric transport). L.: Science, 1971. 288 pp. (In Russian)
5. Vasilyeva LV Legal basis for activities of foreign businessmen in the Russian Empire at the end of the XIX-th and at the beginning of the XX-th centuries // **Taxes. Investments. Capital. 2004. № 3-4. P. 16-26.** (In Russian)
6. Shpakov I.V. Formation and development of tram transport in the Central Chernozem region at the end of XIX-th and the first third of the XX-th centuries: abstract of the thesis ... the candidate of historical sciences. Kursk, 2013. 24 p. (In Russian)
7. Semenov N.M. All-Russian Tram conference in 1922 // **Questions of history of science and technology. 2003. № 1. pp 17-30.** (In Russian)
8. Shpakov I.V. Formation and development of tram transport in the cities of the Russian Empire at the end of the XIX century // **News of Altai State University. 2010. № 4-2. pp 245-248.** (In Russian)
9. **Collection of Laws and regulations of the Government. 1885. № 437 Art. 356. (In Russian)**
10. Collection of Laws and regulations of the Government. 1899 № 106. Art. 1550. (In Russian)
11. History of Russia in the XIX century. The era of reaction. (1866-1892). Т. 5. St. Petersburg: A. and I. Granat. 1909. 340 p. (In Russian)
12. The pointer of existing joint-stock enterprises in the Empire / under. Ed. V.A. Dmitriyev-Mamonov. Petersburg.: tip. Isidor Goldberg, 1903. 2007 p. (In Russian)
13. Rzhonsnitsky B.N. Tram — the Russian invention. M.: МКХ РСФСР, 1952. 83 p. (In Russian)
14. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The 3 rd collection T. 18. № 15601. (In Russian)
15. The Orel Gazette. 1899. January 6. (In Russian)
16. The Orel Gazette. 1900. February 5. (In Russian)
17. The Orel Gazette. 1900. November 8. (In Russian)
18. State Archive of Kursk Region. Fund R-413. List 1. File 8. (In Russian)
19. Zabello L.A. The history of Vitebsk Tram. Vitebsk: Vitebsk TТУ, 1998. 128 pp. (In Russian)
20. City regulations with legislative motives, explanations and additional by legislation / comp. S.G. Shcheglovitov. Petersburg.: tip. A.S. Suvorin, 1912. 996 pp. (In Russian)
21. Rosalie V.V. Urban electric transport: from the history of public administration. Moscow, 2004. 278 pp. (In Russian)

УДК 330.322:625+94(47)

Бельгийские инвестиции в общественный транспорт городов Российской империи в конце XIX — начале XX вв.

¹ Илья Владимирович Шпаков

² Елена Дмитриевна Михайлова

³ Наталья Николаевна Коротева

¹ Юго-Западный государственный университет, Российская Федерация
кандидат исторических наук
305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94
E-mail: shiva16@yandex.ru

² Юго-Западный государственный университет, Российская Федерация
кандидат исторических наук
305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94
E-mail: miheldm@yandex.ru

³ Юго-Западный государственный университет, Российская Федерация
доктор исторических наук
305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94
E-mail: koronna.nat@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается процесс реализации долгосрочных инвестиций в транспортные проекты городов Российской империи в конце XIX — начале XX вв. Авторами производится анализ причин привлекательности российской транспортной сферы для бельгийских компаний, основные этапы их вхождения в экономику Российской империи, рассматриваются правовые и эксплуатационные особенности деятельности транспортных акционерных обществ с иностранным заемным капиталом. Также анализируются объемы инвестируемых средств, дается описание размеров уставных капиталов и выпускаемых ценных бумаг транспортных обществ. На основе сравнения процентов ежегодной прибыли дается объяснения относительно небольшого присутствия на транспортном рынке городов империи обществ с российским капиталом. Рассматривая ежегодные финансовые результаты работы бельгийских акционерных транспортных обществ, авторами была установлена убыточность ряда компаний в провинциальных городах. В статье дается попытка объяснения этого явления на основе проблем в работе городского транспорта в нескольких городах. Анализируя особенности ведения транспортного бизнеса в городах, в статье отражены стремления владельцев акционерных обществ максимизировать свои прибыли в ущерб качеству транспортного обслуживания. Такая политика компаний привела в начале XX в. к негативной оценке государственной власти Российской империи способа решения транспортных вопросов городов за счет иностранного капитала. Авторами было установлено, что в поисках наиболее приемлемого решения вопроса власти империи предлагали строить городам транспортные предприятия хозяйственным способом за счет привлечения кредитов в государственных банках и использования части средств из облигационных займов.

Keywords: иностранные инвестиции, бельгийский капитал, конно-железная дорога, трамвай, городской транспорт, акционерная компания, концессия.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 38, Is. 4, pp. 1028-1038, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 397.4

Refinement of the Causes of Ethnic Migration North Selkups Based on the Historical Memory of Indigenous Ethnic Groups Turukhansk District of Krasnoyarsk Krai

¹ Natalia P. Koptseva

² Ksenia V. Reznikova

¹ Siberian Federal University, Russian Federation
660041, Krasnoyarsk, pr. Svobodny, 79
Dr. (Philosophy), Professor

² Siberian Federal University, Russian Federation
660041, Krasnoyarsk, pr. Svobodny, 79
PhD (Philosophy), Associate Professor

Abstract

In 2010-2015, scientists, students, post-graduate students of Siberian Federal University carried out field research in the village and the settlements Farkovo and Turukhansk (Krasnoyarsk Krai). We investigated the ethnic and cultural characteristics of the Northern Selkups, Kets, Evenks. Field research scientists of the Siberian Federal University to reconstruct the elements of the historical memory of the Northern Selkup, who live in the settlement Farkovo. Due to the reconstruction of the historical memory of the Northern Selkups can clarify some of the causes of ethnic migration in the Northern Selkups of Krasnoyarsk Krai in the early twentieth century. History memory of Northern Selkups stores the memory of the battle that took place between the various ethnic tribes in the early twentieth century. The historical event of the battle (as a cause of ethnic migration) between the Northern Selkups and other indigenous peoples of the North and Siberia has not yet been reflected in historical descriptions. Proof that the historical memory of the Northern Selkup keeps memory of significant events that have a sword that Selkups, inhabitants of settlement Farkovo of Turukhansk district, found in places where the legendary battle took place.

Historical memory can be of great importance for the reconstruction of ethnic history of the indigenous peoples of the Central Siberia.

Keywords: historical memory, Northern Selkups, ethnic history, the Krasnoyarsk Krai, the historic battle.

Введение

В коллективной монографии «Этническая история народов Севера» (отв. ред. И.С. Гурвич) [1] одна из глав посвящена этнической истории северных селькупов, живущих на территории современного Красноярского края в поселке Совречка и деревне Фарково Туруханского района. Историкам и этнологам важно объяснить причины этнической миграции, в результате которой обособилась этнокультурная группа северных селькупов. Известно, что сама этническая миграция проходила в конце XIX века, примерно к началу XX века северные селькупы консолидировались для проживания и ведения традиционных промыслов на севере Красноярского края, в Туруханском районе. В монографии «Этническая история народов Севера» в главе В.В. Лебедева и З.П. Соколовой «Селькупы» [1, с. 118-129] сделан вывод об этнической миграции северных селькупов: «К концу XIX века миграции проходили в основном в междуречье Таза и Енисея, что укрепляло этническую консолидацию северных селькупов, с одной стороны, и сближало их с северными кетами и эвенками, с другой» [1, с. 127]. Причины миграции северных селькупов не указаны, в качестве основного исторического источника авторы использовали архивные данные ревизионных книг, окладных книг, метрических записей, записей этнографа С.К. Патканова.

Архивные и этнографические исторические источники имеют наиважнейшее значение для реконструкции исторических событий и выяснении их причин. Однако наряду с объективными историческими источниками существуют другие виды, в том числе историческая (коллективная) память об этнической истории, а также личные впечатления и наблюдения исследователей (т.н. «включенные наблюдения»), к которым представители определенной этнокультурной группы испытывают доверие и рассказывают о том, что не было зафиксировано ни в архивных документах, ни в материальных свидетельствах.

Цель данного исследования – дополнить существующие описания этнической истории северных селуков с помощью обращения к исторической памяти этого этноса.

Материалы и методы

В 2010–2015 гг. на территории Туруханского района Красноярского края учеными, аспирантами и студентами Сибирского федерального университета проводились полевые исследования в рамках реализации научных проектов «Красноярский край как поликультурное пространство, родина коренных малочисленных народов севера» и «Культура коренных и малочисленных народов Севера в условиях глобальных трансформаций» [2; 3; 4]. Цель работы заключалась в сборе материалов по традиционной культуре коренных малочисленных народов, проживающих в поселке Туруханск и деревне Фарково, в частности – селуков, кетов и эвенков. В задачи исследования входило изучение особенностей традиций, материальной и духовной культуры, исторической и культурной памяти, обрядности коренных этнокультурных групп. Применялись методы опроса, наблюдения, интервьюирования, фотофиксации вещественных материалов, архитектурных сооружений, фотографий из семейных архивов [5; 6].

Обсуждение

Морис Хвальбакс определяет понятие исторической памяти в сравнении с понятием коллективной памяти [7]. История, полагает он, начинается с того момента, когда заканчивается традиция и затухает социальная память. Историческая память противоположна автобиографической памяти. Историческая память внешняя, социальная, тогда как автобиографическая память внутренняя, личная. Автобиографическая память использует историческую память, поскольку история жизни одного человека есть часть истории общества, но, замечает М. Хвальбакс, конечно же, историческая память значительно шире, чем автобиографическая память. Он полагает, что понятие «историческая память» не совсем удачно, поскольку желание зафиксировать какое-либо событие в качестве исторического возникает тогда, когда реальная память о нем фактически исчезла.

В.С. Полянский в статье «Историческая память в этническом самосознании народов» [8] подробно рассматривает это понятие и делает вывод о том, что историческая память отражает довольно сложные процессы этнического самосознания. Историческая память фиксирует исторический процесс не зеркально, а посредством персонального (уникального) восприятия. Как правило, историческая память отражает не весь исторический путь этноса, а какие-то конкретные этапы этого пути, связанные со своим родом, своим родным городом. С помощью исторической памяти человек конструирует и реконструирует свое историческое «Я».

Решая проблему исторической памяти как исторического источника Л.П. Репина фиксирует разворот исторической науки к истории идей, стереотипов и ценностей. Она полагает, что историческая и культурная память является основным историографическим источником, когда анализируется не само событие, а память о нем, его образ, который передавался от поколения к поколению. Историческая память определяется Л.П. Репиной в работах «Историческая память и современная историография» [9] и «Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки)» [10] как «один из главных каналов передачи опыта и сведений о прошлом и важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом, ибо оживление разделяемых образов исторического прошлого является таким типом памяти, который имеет особенное значение для конституирования социальных групп в настоящем» [10, с. 10].

В.Э. Бойков также высоко оценивает потенциал исторической памяти как историографического источника. В работе «Состояние и проблемы исторической памяти» [11] он пишет, что «историческая память составляет одну из основ осознания человеком своего "Я" в семейной родословной и в истории своего народа, понимания нашего "Мы" в национальной и культурной общности страны, а также в рамках общечеловеческой цивилизации» [11, с. 85].

Видный российский социолог Ж.Т. Тощенко высказывает мнение, что историческая память значительно актуализируется в эпоху быстрых перемен. В статье «Историческая память и социология» [12] он утверждает, что «в условиях коренных общественных сдвигов имеет тенденцию к оживлению своей роли в духовном потенциале как отдельного человека, так и народа в целом» [12, с. 5].

А.В. Полетаев и И.М. Савельева в статье «Историческая память: к вопросу о границах понятия» [13] рассматривают историческую память в контексте эволюции образов прошлого, как важнейший элемент конструирования исторической реальности.

П. Агулайр и К. Хайт в статье «Историческая память и авторитарные наследие в процессах политических изменений: Испания и Чили в сравнительной перспективе» [14] отождествляют это понятие с «коллективной памятью», «социальной памятью». Они связывают историческую память с феноменом «политики памяти» и утверждает, что «историческая память» относится к способам, через которых группы, коллективы и этносы выстраивают и повествуют в особой форме об исторических периодах, эпохах, событиях. Авторы полагают, что историческая память выступает основой социально-политических идентичностей и часто изменяется в зависимости от конкретного историко-политического момента. Данное понимание исторической памяти является типичным для многих современных западных теоретиков истории и воспроизводится как в фундаментальных, так и в прикладных исторических исследованиях [15; 16; 17].

История селькупов, коренного малочисленного народа Средней Сибири, изучалась в различных аспектах. Научное этнографическое описание таймырских селькупов сделал Георгий Николаевич Прокофьев, который всесторонне изучил селькупский язык, создал грамматику селькупского языка и учебники для его изучения [18]. Хотя первую азбуку этого языка и самые первые этнографические очерки о селькупах принадлежат Н.П. Григоровскому, который проводил свои исследования не на Таймыре, а в Западной Сибири, в Васюганской тундре [19].

Таймырские селькупы, проживающие в Красноярском крае, имеют ряд культурных и социолингвистических особенностей, которые исследовала А.И. Кузнецова [20]. Обширные лингвистические исследования селькупского языка на Таймыре провел Е.А. Хелимский, который обнаружил архивные материалы, содержащие сведения о селькупах XVIII–XIX вв. [21]. Культуру селькупов через анализ лингвистических конструкций реконструировала В.В. Быконя [22]. О.В. Сахарова проводит лингвокультурологические исследования отдельных слов селькупского языка [23].

Гораздо меньше исторических исследований селькупов. Их мифология была реконструирована Н.А. Тучковой, А.И. Кузнецовой, О.А. Казакевич, А.А. Ким-Малони, С.В. Глушковым, А.В. Байдаком [24].

Г.И. Пелих и Е.М. Тоцакова [25] делают описание истории селькупов в XVII веке. Этот же период исследуют С. Слепченко и С. Иванов [26]. Довольно большое количество работ исследователей посвящено периоду второй трети XIX – началу XX вв. [27; 28; 29]. Значительное количество работ посвящено исследованию языков южных и северных селькупов [29; 30 и др.]. Анализ селькупского языка служит для современных лингвистов материалом для реконструкции традиционного этнического мировоззрения.

Процессы этнической динамики селькупов исследовали Ф. Собянки [31], Л.Т. Шаргородский [32], К.Г. Шаховцов [33], Е.С. Толкунов [34], В.П. Кривоногов [35], К.В. Резникова [36], Ю.И. Ожередов, А.Ю. Ожередова [37] и другие ученые. Заслуживают серьезного внимания выводы этих исследователей о том, что современные процессы этнической идентификации селькупов в гораздо меньшей степени определяются участием в традиционной экономике, приверженностью традиционной религии или степенью владения селькупским языком, но в большей степени принадлежность к этнокультурной группе селькупов предопределяется этническим самосознанием, исторической памятью и юридическими процедурами, закрепляющими особые права коренных малочисленных народов в местах их компактного проживания. Более того, этническая самоидентификация селькупов перестает быть групповой и все чаще становится индивидуальной, результатом персонального (уникального) выбора конкретного человека.

Несмотря на то, что в настоящее время лингвокультурологические исследования селькупского языка активизированы (, научных работ, связанных с исторической памятью северных селькупов о своей этноистории недостаточно. Основные исторические источники, к которым обращались авторы истории селькупов до настоящего времени, – это этнографические описания и архивные материалы. Историческая память селькупов о своей истории теряется либо в автобиографических рассказах, которые фиксируют лингвисты для реконструкции различных версий селькупского языка, либо в мифологических нарративах, где преобладают сказочные, фантазийные элементы.

Результаты

Этнонимы, происхождение этносов, субэтнический состав

По словам одного из опрошенных эвенков, слово «эвенк» означает «железный человек», что, по его мнению, объясняется тем, что у эвенков, когда они пришли на территорию современного Красноярского края, уже было железо. Кеты о своем этнониме говорили, что он означает «друг» или «товарищ», что указывает на их дружелюбность, невоинственность. По словам селькупов, их этноним указывает на исконное место их обитания: селькуп – «лесной человек».

Отвечая на вопросы о происхождении народа и о том, какие этносы являются родственными, некоторые селькупы говорили, что они принадлежат к финно-угорцам. Единичные версии звучали о том, что селькупы, как и хакасы, имеют одного предка – это Чингисхан; что селькупы – прямые наследники первых людей из Африки; а также что селькупы – это потомки индейцев американских, которые перебрались в Сибирь через Аляску и расселились на местных территориях очень давно.

Один из представителей кетского этноса рассказал близкую версию, но про происхождение кетов: они пришли из Америки, где есть город Келлог. Женщина-кето рассказала легенду, согласно которой охотник промышлял медведя, когда человеку удалось убить медведя, то душа зверя перешла в него, так и появился человек-кето. Согласно рассказам одного из кетов, этот этнос делится на две ветви – южную и северную, об отличительных чертах сказано не было; женщина-кето рассказала, что есть два типа кето: спокойный и «буйный», после чего подбирала слово, потому что по ее мнению «буйный» – не подходящее, заменила его на «быстрый». Селькупы делятся на два рода: Орлиные люди и Тайменя люди, об этом рассказал со слов селькупа, хранящего традиции, представитель этого же этноса, очень интересующийся собственной этнической принадлежностью.

Традиционные виды деятельности

Традиционные виды деятельности коренных малочисленных народов Севера и Сибири, населяющих Туруханск и Фарково, в частности, селькупов, кетов и эвенков, – это охота и рыболовство и оленеводство. Если первые два довольно широко развиты и сейчас, то оленеводство в названных населенных пунктах полностью сошло на нет еще несколько десятилетий назад – в 1960–1970-х годах, – когда были истреблены последние олени. Кеты рассказывали, что, в основном, они промышляют пушных зверей, сдавая их шкурки в Туруханске, но перекупщики предлагают цены настолько низкие, что семьям охотников едва хватает на пропитание, они «не живут, но выживают». Помимо пушных зверей объектом охоты являются гуси, утки и прочая дичь.

Селькупы, проживающие в Фарково, рассказали значительно больше об охоте, нежели туруханцы, что связано с тем, что в Фарково фактически негде работать, поэтому многие занимаются охотой и рыболовством, по девять месяцев проводя в лесу, на озерах. По их же собственным словам, образ жизни их кардинально различается в зависимости от времени года и от рода занятий. Так, с осени по весну включительно охотники фактически не выходят из леса, живя там в зимовьях, разбивая палатки для ночевки во время длительных переходов. Находясь на промысле, охотники совершенно не пьют алкоголь, говорят, что у них уютные, чистые лесные жилища, в то время как жилище в поселке оставляет желать лучшего (вплоть до того, что в некоторых домах ходят, не разувааясь, в уличной обуви). Живя в лесу, охотники придерживаются довольно строгого графика, они встают около 6 утра и возвращаются с охоты лишь в 1-3 часа ночи, все это время они «гоняют соболей», по лесу за день по снегу приходится преодолевать километров по 25. Возвращаясь в начале лета в поселок из леса, охотники реализуют добытые шкурки (говорят, что обычно 20–70 штук).

В течение многих лет охота как традиционный вид занятий претерпевала изменения. Так, еще до огнестрельного оружия использовались для охоты копья и луки со стрелами. Советская власть фактически без счета выделяла охотникам патроны, по крайней мере, складывалось такое впечатление, потому как стоимость их вычиталась лишь потом из зарплаты, выплачиваемой охотникам совхозами и колхозами, в штате которых они и числились. С перестройкой начались серьезные проблемы, патроны и сейчас приходится расходовать очень экономно, так, была рассказана история о том, что промахнувшегося дважды подряд охотнику его напарник сказал, что тот без обеда остался. И хотя это было лишь шуткой, смысл необходимости бережливого отношения к боеприпасам, в ней очевиден.

Про рыбалку, в отличие от охоты, рассказывали как селькупы, так и кеты. Оказалось, что если в Туруханске, например, профессионально ею не занимается практически никто из информантов, то на любительском уровне результат фактически противоположный: рыбачат все. КМНС рыбачат как с помощью плетеных, например, из тальника, морд, так и сетями. Некоторые кеты рассказывают, что в прежние времена, когда еще жили в чумах, пока взрослые находились на рыбалке, дети собирали тальник для костра, на котором и готовили улов. По традиции, в первую очередь кормили мужчин, которые съедали головы от рыб, потом уже ели женщины и дети. Орудия, используемые как охотниками, так и рыболовами, прежде изготавливались ими же самими. В настоящее время большинство представителей КМНС, имеющих отношение к рыбалке, продолжают сами делать сети из специального покупного сетчатого полотна, но ветки – традиционное средство передвижения рыбаков – делать умеет уже очень мало кто. У эвенков продолжает сохраняться самостоятельное изготовление охотничьих лыж, нарт.

Таким образом, обнаруживается, что, во-первых, оленеводство полностью истреблено еще в 1960-х годах и не возрождено, как например, в Эвенкии; во-вторых, к традиционным видам деятельности больше тяготеет население пос. Фарково, что можно связать с фактом того, что поселок является довольно закрытым в силу своей транспортной труднодоступности, в нем сфера труда представлена лишь работой в энергетической отрасли, в школьном и дошкольном образовании, в администрации поселка, в почтовом отделении и в торговле. Поскольку в перечисленных отраслях задействовано незначительное число местных жителей, большая часть населения продолжает заниматься традиционными видами деятельности, обеспечивающими не только денежное довольствие, но также и пропитание. Следует отметить, что традиционные виды деятельности претерпели некоторые изменения, что наиболее хорошо заметно в использовании нетрадиционных орудий труда. Так, рыбаки широко применяют сети из искусственных материалов, охотники давно

всецело перешли на огнестрельное оружие, а с течением времени и на использование туристических палаток и спальных мешков, заменивших традиционные чумы и меховые одежды.

Обычаи, обряды

Обычаи и обряды коренных малочисленных народов Севера в первую очередь связаны с традиционными видами промысла, то есть с охотой и рыбалкой. Для начала можно рассмотреть те, которые касаются нарочного изменения погоды, а следовательно, к которым прибегали как охотники, так и рыболовы. И кеты, и селькупы рассказывали, что для того, чтобы установилась морозная погода, необходимо в костер бросить соли. Для этих же целей можно из снега слепить зайца и выпороть его прутиком.

Среди обрядов, обычаев и примет, связанных с охотой, наиболее часто рассказывается о жертвоприношениях для счастливой охоты и о тех, что касаются охоты на медведя. О медведях от представителей эвенкийского этноса можно было услышать, что если охотник убил медведя, то его мясо нужно похоронить, чтобы медведь не лез к людям, не тревожил. Считается, что если медведь убил хотя бы двух людей, бояться человека он больше не будет. Убив человека, медведь закапывает его и ждет, пока мясо разложится.

Перед охотой, приходя в лес, кеты задабривали духов: бросали в костер еду, плескали водку. Те, кто имел в лесу домик, обязательно оставляли его открытым, приготавливая перед уходом дрова и еду, чтоб случайные охотники могли погреться, отдохнуть и подкрепиться. Мнения кетов относительно охоты на медведей разнятся: одна представительница этого этноса сказала, что медведей вообще нельзя убивать, потому как они – хозяева тайги; другие говорят, что мясо медведя нельзя продавать. Считается, что в медведях живут души умерших людей. Есть даже способ, как определить, мужская или женская душа обитала в убитом медведе: надо лапу медведя бросить за спину через левое плечо. Если она упадет ладонкой вниз – мужская душа, если ладонкой вверх – женская. Кеты говорят, что медведь без шкуры похож на человека. Так, у одного человека умерла внучка, он на охоте убил медведя, снял шкуру, а тот горбат, как и его внучка, это значит, что душа его внучки обитала в этом медведе. Кеты считают, что нельзя у природы забирать больше, чем нужно для собственного проживания, поэтому если они обнаруживали зайцев на льдине, то отпускали, чтоб у тех потомство было.

Про задабривание духов леса, духов огня говорили и селькупы, для этого, например, можно спички, сигареты, еду прятать в дупла, под деревья, в воду. Относительно охоты на медведя существует поверие, что если ты убил 39 медведей, то сороковому тебе лучше не попадаться – он тебя задерет; лапы убитых медведей (кисти лап) нельзя отдавать кому бы то ни было, надо хранить у себя.

Специфические обычаи и обряды рыболовы начинали исполнять с приходом весны, когда вскрывалась река, тогда надо было бросить в воду хлеб с солью в качестве приветствия кормилицы. По обычаю рыболовов, если в чум приехал гость, с которым отправились на рыбалку, то ту рыбу, пойманную гостем, ему же и отдавали в качестве подарка, а из пойманной самими готовили на всех еду. Еду готовили на костре, который чаще всего разводили из тальника. На огонь ставили воду, бросали в котелок самую мелкую рыбку, подстреленную птицу, и варили. Получившийся отвар выливали в водоем, чтобы поблагодарить воду за то, что дала рыбу, воздух – за птицу, огонь – за костер и землю – за право жить на ней. Только после этого варили суп для себя.

В быту, не связанном с традиционными промыслами, также сохранились обычаи, например, селькупы до сих пор кладут нож или топор под порог, если недавно, например, в прошлом году, было много мертвых. Это делается для того, чтобы духи умерших не заходили, чтоб домашний очаг не нарушали.

Подводя итог рассмотрению сохранности обычаев и обрядов в повседневной жизни коренных народов – жителей Туруханска и села Фарково, можно отметить, что этот пласт традиционной культуры сохранился весьма хорошо: все взрослое население, относящееся к коренным малочисленным народам, может рассказать о некоторых обычаях, которые даже могут уже и не использоваться ими самими в силу, например, того, что это охотничьи традиции, которые поддерживаются исключительно теми, кто занят в промысловых работах, более того, ряд обычаев сохранился в повседневной жизни людей, не занятых в традиционных видах деятельности. При этом следует подчеркнуть, что пласт традиционной культуры, включающий в себя обычаи и обряды, менее всего оказался подвержен модификациям.

Миграционные процессы и битва начала XX в.

Если сейчас миграционные процессы наблюдаются между Фарково и Туруханском, между Фарково, Туруханском и Красноярском, то одним из важнейших миграционных этапов, повлиявшим на жизнь коренных малочисленных народов Севера Красноярского края, ими самими признается датированное началом XX века переселение селькупов на север. Причем, переселение носило отнюдь не мирный характер. Так, почти все опрошенные представители КМНС говорят о том, что больше века назад произошла серьезная битва между народами. Но если в датировке и географическом месторасположении битвы все сходятся в своих рассказах, то в вопросах действующих лиц, победителей и побежденных мнения не совпадают. Большая часть опрошенных на данную тему

селькупов сказала, что причиной войны послужило то, что селькупов, живших значительно южнее, начали вытеснять русские. Селькупы тогда двинулись на север, добравшись до Туруханского района, развернули битву, по словам большей части опрошенных селькупов, с эвенками. То есть местная локальная война носила территориальный характер. Кстати, в этом сходятся не только опрошенные селькупы, но и кеты. По версии всех селькупов, обозначивших в качестве воевавших сторон селькупов и эвенков, победа оказалась за селькупами, эвенки были вытеснены со своих территорий. Одна из женщин-селькупок даже рассказала, что та война, несмотря на то, что примерно датируется 1901–1902 гг., аукается до сих пор: так, некоторые родители, по ее мнению, выступают против того, чтобы брак заключался между представителями селькупов и эвенков.

Но среди опрошенных были и другие версии разворачивания тех событий. Так, одна из селькупских семей утверждала, что селькупы воевали вовсе не с эвенками, а с кетами, при этом было заявлено: «Мы победили, мы их до Келлога угнали». В семье кетов, опрошенных на предмет имевшей место быть войны, сказали, что битва произошла между кетами и эвенками, а селькупы помогали в ней кетам. Эвенков удалось вытеснить на север, об этом говорилось так: «Мы эвенков прогнали! Мы селькупов не трогали, селькупы нам помогали». По словам представителей этой семьи, по поводу битвы были сложены сказания, но воспроизвести их не смогли, сказали, что не помнят.

Кеты, Туруханск

Интервьюер (И): Говорят, была в начале XX века битва между народами.

Респондент (Р): Была война между кетами и эвенками, селькупов мы не трогали. Селькупы нам помогали, кетам. Там, где деревня стоит Пакулиха. Там три дороги. Тут живут кеты, селькупы, здесь – эвенки. Мы эвенков всех выгнали, они теперь на севере живут. Была война между кетами и эвенками.

И.: Война была с огнестрельным оружием?

Р.: Всяко было. И потом они на север все ушли.

И.: Из-за территорий война?

Р.: Конечно.

И.: Народные предания по этому поводу складывались потом?

Р.: А как нет?! Было всякое. Кто как мог, так и говорил потом. У нас всегда борьба идет с эвенками и даже с селькупами, не знаю, как кто, но я точно.

Селькупы, Туруханск

Р.: Есть место битвы, где селькупы воевали с кетами. Большая война была у них когда-то в 1901–1902 году, где-то так. За территорию. Даже поэма где-то селькупская есть. В той стороне кетов и нету. Мы победили. Мы их до Келлога угнали. <...>

Много селькупских поселений, в Тюмени – красноселькупы, в Томске тоже есть ассоциация селькупов. А здесь, на севере – только в Фарково, получается. То ли мы оторвались и убежали далеко от них, то ли они. Мы как-то компактно залезли здесь среди кето и эвенков. Эвенки сами сюда пришли с другой стороны, с Эвенкии. <...>

В Фарково, кстати, есть место, где битва была, забыл, как она называется. Но факт тот, что наши фарковские там не лезают и ничего не берут оттуда. Хотя там наконечники стрел есть и все прочее.

И.: Недалеко от Фарково?

Р.: Не совсем недалеко. Там люди недалеко сидят, но все равно огни туда...

И.: Битва кето и селькупов?

Р.: Да. Так что у них есть еще что-то такое.

Селькупы, Фарково

Р.: Я, кстати, меч нашел даже (рис.1). Я вам могу легенду рассказать. Я его смазал (рис. 2). Старый нашел. Случайно. Я нашел там, где по легенде, по учебнику нашел это место. У нас раньше ездили в 903-м году этнографы ездили, исследователи. Они запечатлели такую легенду, что селькупы, когда сюда пришли, они же из Сургута, то есть с Оби сюда пришли и стали распространяться. А здесь эвенки жили, у них произошла драка, то есть бой произошел. И бой произошел на месте Верхняя Баиха. Там есть излучина реки, остров. И вот на этом острове, по легенде, там произошел этот бой. Я взял просто и охотиться поехали, взял заехал. И что-то ходил, пока дрова рубил, смотрю, что-то торчит, запнулся о что-то и ногу еще рассек. Откопал – меч. А спрашиваю у этих, кто там живет, в Верхней Баихе, спрашиваю, говорят, мы ни разу там не были и не знаем, что такое. Ну, я вот нашел. Даже фотографии есть.

Рис. 1. Меч. Деревня Фарково Туруханского района

Рис. 2. Рукоятка меча. Деревня Фарково Туруханского района

У меня друг есть, он в Туруханске живет, а учился в Красноярске. И вот он мне привез ноутбук полностью по коренным малочисленным Севера. С интернета он списал. Там все это оружие, все есть. Все эти украшения. Все одежды. Это все у него есть. Откуда мог что узнать – это все есть там. У него хочу переписать на свой ноутбук. Этот меч я там видел. Там фотографии этих самых селькупов. Если я сейчас поступлю учиться, увезу его в Красноярск и спрошу, как они оценят его. А может, у них уже есть такой? А никто и не изучал. Я и хочу, если поступлю, дипломную работу буду делать по быту, по северу, по селькупам. Все это оружие, как они живут.

Есть по Енисею такая деревня – Сургутиха. Она есть, когда по Енисею плывешь, вы ее проплываєте. А селькупы все пошли, но это я читаю, что в книге было написано, я сам не ездил, не спрашивал, не изучал, а по книге идет, что все селькупы пошли из города Сургута, это нижнее течение реки Оби, вот оттуда они пришли. А почему они пришли сюда? А потому что когда стал осваиваться север, Восточная Сибирь, когда сюда поехали, когда русские поехали разрабатывать месторождения. Русские когда стали приходиться. А селькупы – такой затворнический народ. У них землю отобрали, начали там золото разрабатывать, их притесняли-притесняли, и они пошли сюда искать отдаленные уголки, где есть рыба, где есть пушнина, где это самое. Где, например, цивилизация появляется, пушнины и рыбы становится мало. Всё, селькупы оттуда уходят. Так они сюда дальше к нам и пришли. Это по книге.

А по тому, как они сами рассказывают, у нас есть националы. Они говорят, что фамилия Тамелькин, тома, от слова юг, что родился на юге. То есть они раньше жили все на юге. А почему их на север сюда привело, я думаю то, что русские когда не оккупировали, а как сказать-то? Стали приходиться, разрабатывать месторождения стали, их маленько сюда сдвинули. Вот почему драка и была. Здесь жили оленеводческие бригады, олений был север, эвенки здесь жили, это коренное ихнее было место. Селькупы сюда пришли, драка была, меч нашел вот, там бой был.

Я надеялся еще найти луки, ой, не луки, а стрелы. Наконечники. Но у меня нету этого. Хочу, если в Красноярск поеду учиться, хочу купить себе металлоискатель. Может, еще и не один найду меч такой. Только я в секрете держу, чтобы никто вперед не успел. Я хочу еще там порыться.

Просто смазал его, чтобы он не ржавел. Весь ржавый был. Его так очистил и покрыл маслом сверху, чтобы он не ржавел дальше.

Заключение

Жители деревни Фарково Туруханского района, поселка Туруханска, принадлежащие к этнокультурным группам селькупов и кетов Красноярского края в большинстве своем сохранили яркую историческую память о «битве», сражении, в результате которого установилось настоящее расселение этнических групп коренных малочисленных народов на территории Туруханского района и в целом Красноярского края. Никаких других источников об этом сражении, кроме исторической памяти этнокультурных групп коренных народов, нет: ни архивных материалов, ни этнографических свидетельств, ни фотодокументов. Но вряд ли возможно усомниться в том, что данное историческое событие обладает огромной важностью для этносазнания коренных народов, если историческая память сохранила его спустя более 100 лет и вне поддержки какими-либо иными историческими, художественными или литературными источниками.

Благодарность

Статья подготовлена при финансировании Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности.

Примечания:

1. Этническая история народов Сибири / З.П. Соколова, В.В. Васильев, Ю.С. Симченко, В.В. Лебедев и др. М.: Наука, 1982. 270 с.
2. Il'beykina M.I. Global and local trends in development of the Siberian city Krasnoyarsk / M. Il'beykina, M.A. Kolesnik, N.M. Libakova, E.A. Sertakova, A.A. Sitnikova // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. V.6. № 3. Pp.241-248.
3. Koptseva N. P. The Impact of Global Transformations on the Processes of Regional and Ethnic Identity of Indigenous Peoples Siberian Arctic / N.P. Koptseva, V.I. Kirko // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. V. 6. № 3 S5. Pp. 217-223.
4. Zamarayeva Y.S. Taymyr reindeer herding as a branch of the economy and a fundamental social identification practice for indigenous peoples of the Siberian Arctic / Y.S. Zamarayeva, A.V. Kistova, K.V. Reznikova, N.N. Pimenova, N.N. Serehdina // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. V.6 (3). Pp. 225-232.
5. Koptseva N.P. The Results of Theoretical and Experimental Research of the Modern Problems of the Indigenous Small-Numbered Peoples of the North, Siberia and the Far East in Siberian Federal University / N.P. Koptseva // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2013. V. 5. № 6. Pp. 762-772.
6. Libakova N.M. The Method of Expert Interview as an Effective Research Procedure of Studying the Indigenous Peoples of the North / N.M. Libakova, E.A. Sertakova / *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2015. V. 1. № 8. Pp. 114-129.
7. Морис Х. Коллективная и историческая память / Х. Морис // *Неприкосновенный запас*. 2005. Т. 2. № 2-3. С. 40-41.
8. Полянский В.С. Историческая память в этническом самосознании народов / В.С. Полянский // *Социологические исследования*. 1999. №. 3. С. 11-20.
9. Репина Л.П. Историческая память и современная историография / Л.П. Репина // *Новая и новейшая история*. 2004. Т. 5. С. 39-51.
10. Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки) / Л.П. Репина / *Препринт WP6/2003/7. Серия WP6*. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 44 с.
11. Бойков В.Э. Состояние и проблемы формирования исторической памяти / В.Э. Бойков // *Социологические исследования*. 2002. №. 8. С. 85-89.
12. Тощенко Ж. Т. Историческая память и социология / Ж.Т.Тощенко // *Социологические исследования*. 1998. №. 5. С. 3-6.
13. Савельева И.М. Историческая память: к вопросу о границах понятия / И.М. Савельева, А.В. Полетаев // *Феномен прошлого*. 2005. С. 170-220.

14. Aguilar P. Historical memory and authoritarian legacies in processes of political change: Spain and Chile in comparative perspective / P. Aguilar, K. Hite K. // *Authoritarian legacies and good democracies*. University of Notre Dame Press, Indiana. 2004. Pp. 191-231.
15. Sahdra B. Group identification and historical memory / B. Sahdra, M. Ross // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2007. V. 33. № 3. Pp. 384-395.
16. Mingke W. Historical Facts, Historical Memory and Historical Mentality / W. Mingke // *Historical Research*. 2001. V. 5. Pp. 11-15.
17. Crane S.A. Writing the individual back into collective memory / S.A. Crane // *The American Historical Review*. 1997. Pp. 1372-1385.
18. Прокофьев Г.Н. Селькупский (остяко-самоедский) язык. Ч. 1. / Г.Н. Прокофьев. Л., 1935.
19. Григоровский Н.П. Азбука сюсогой гулани. / Н.П. Григоровский. Казань, 1879.
20. Кузнецова А.И. Селькупы Туруханского района Красноярского края на рубеже II и III тысячелетий (социолингвистическая ситуация и языковые изменения) / А.И. Кузнецова. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2007. 114 с.
21. Helimski E. The Language of the First Selkup Books / E. Helimski Szeged, 1983. 268 p.
22. Быконя В.В. Селькупы: язык и культура. Этнолингвистический очерк. / В.В. Быконя. Томск: Издательство Томского гос. педагогического университета, 2011. 235 с.
23. Сахарова О.В. Наименование березы в селькупском языке / О.В. Сахарова // *Вестник Томского государственного университета*. 2009. № 324. С. 49-51.
24. Тучкова Н.А. Мифология селькупов / Науч. ред. В.В. Напольских / Н.А. Тучкова, А.И. Кузнецова, О.А. Казакевич, А.А. Ким-Малонии др. Томск: изд-во Томского университета, 2004. 382 с.
25. Пелих Г.И. Селькупы XVII века: очерки социально-экономической истории / Г.И. Пелих, Е.М. Тоцакова. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1981. 177 с.
26. Slepchenko S. M., Ivanov S. N. Paleoparasitological analysis of soil samples from the Kikki-Akki burial ground of the 17th–19th centuries in West Siberia, Russia / S.M. Slepchenko, S.N. Ivanov // *Journal of Archaeological Science: Reports*. 2015. V. 2. Pp. 467-472.
27. Лебедев В.В., Соколова З.П. Селькупы / В.В. Лебедев, З.П. Соколова // *Этническая история народов Севера*. М.: Наука, 1982. С.118-129.
28. Сохранение, возрождение и развитие культурного многообразия и духовного потенциала народов Сибири и Дальнего Востока / Н.В. Лукина, П.Е. Бардина, В.М. Кулемзин и др. / *Народы России: возрождение и развитие. Материалы научной сессии Томского государственного университета 5-10 ноября 1993 г.* Томск: Изд-во Томского ун-та, 1994. С. 121-124.
29. Степанова О.Б. Северные селькупы: система традиционных взглядов в зеркале одного интервью / О.Б. Степанова // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2014. №. 2 (25). С.124-131.
30. Казакевич О. А. Этнические и языковые общности поселка Советская Речка Туруханского района / О.А. Казакевич, О.Б. Степанова / *Северные селькупы: система традиционных взглядов в зеркале одного интервью // Языки Российской Федерации и нового зарубежья: статус и функции*. 2000. С. 304-308.
31. Sobanski F. The southern Selkups of Tomsk province before and after 1991 / F. Sobanski // *Nationalities Papers*. 2001. V. 29. №. 1. Pp. 171-179.
32. Шаргородский Л. Т. Современные этнические процессы у селькупов / Л.Т. Шаргородский. М.: ИЭА РАН. 1994. 181 с.
33. Шаховцов К.Г. Термины официальной идентификации южных селькупов (по материалам XX века) / К.Г. Шаховцов // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2007. №19. С. 55–59.
34. Толкунов Е.С. Этнические процессы и современное социальное положение оседлых северных селькупов / Е.С. Толкунов // *Вестник Красноярского государственного аграрного университета*. 2011. №. 12. С. 285-293.
35. Кривоногов В.П. Народы Таймыра: современные этнические процессы / В.П. Кривоногов. Красноярск: Красноярский гос. педагог. университет, 2001. 264 с.
36. Reznikova K.V. Preservation and Transformation of Certain Aspects of the Traditional Way of Life of the Indigenous and Small-Numbered Peoples of the North, Living in the Settlements (Posyolki) of Turukhansk and Farkovo / K.V. Reznikova // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2013. V. 6. № 6. Pp. 925-939.

References:

1. Ethnic history of the peoples of Siberia / Z.P. Sokolova, V.V. Vasiliev, Y. Simchenko, V.V. Lebedev et al. М.: Nauka, 1982. 270 p. (in Russian).
2. Il'beykina M.I. Global and local trends in development of the Siberian city Krasnoyarsk / M. Il'beykina, M.A. Kolesnik, N.M. Libakova, E.A. Sertakova, A.A. Sitnikova // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. V.6. № 3. Pp.241-248.

3. Koptseva N. P. The Impact of Global Transformations on the Processes of Regional and Ethnic Identity of Indigenous Peoples Siberian Arctic / N.P. Koptseva, V.I. Kirko // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. V. **6**. № **3** S5. Pp. 217-223.
4. Zamarayeva Y.S. Taymyr reindeer herding as a branch of the economy and a fundamental social identification practice for indigenous peoples of the Siberian Arctic / Y.S. Zamarayeva, A.V. Kistova, K.V. Reznikova, N.N. Pimenova, N.N. Seredkina // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. V.6 (3) Pp.225-232.
5. Koptseva N.P. The Results of Theoretical and Experimental Research of the Modern Problems of the Indigenous Small-Numbered Peoples of the North, Siberia and the Far East in Siberian Federal University / N.P. Koptseva // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2013. V. **5**. № **6**. Pp. 762-772.
6. Libakova N.M. The Method of Expert Interview as an Effective Research Procedure of Studying the Indigenous Peoples of the North / N.M. Libakova, E.A. Sertakova / *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2015. V. **1**. № **8**. Pp. 114-129.
7. Maurice H. Collective and historical memory / H. Morris // *Neprikosnovenny Zapas*. 2005. V. 2. №. **2-3**. Pp. 40-41 (in Russian).
8. Polanski V.S. Historical Memory in the ethnic identity of the people / V.S. Poyansky // **Sociological researches**. 1999. №. **3**. Pp. **11-20** (in Russian).
9. Repina L.P. Historical Memory and modern historiography / L.P. Repina // *Modern and Contemporary History*. 2004. V.5. Pp. 39-51 (in Russian).
10. Repina LP Cultural memory and the problem of historical (historiographical notes) / L.P. Repina / Preprint WP6 / 2003/7. Series WP6. M.: Higher School of Economics, 2003. 44 p.
11. Boykov V.E. Condition and problems of formation of historical memory / V.E. Boykov // **Sociological researches**. 2002. № **8**. Pp. **85-89** (in Russian).
12. Toschenko Z. Historical Memory and Sociology / Z. Toschenko // *Sociological researches*. 1998. №. **5**. Pp. **3-6** (in Russian).
13. Savelyeva I.M. Historical Memory: the question of the boundaries of the concept / I.M. Savelyeva, A.V. Poletaev // *The phenomenon of the past*. 2005. Pp 170-220 (in Russian).
14. Aguilar P. Historical memory and authoritarian legacies in processes of political change: Spain and Chile in comparative perspective / P. Aguilar, K. Hite K. // *Authoritarian legacies and good democracies*. University of Notre Dame Press, Indiana. 2004. Pp. 191-231.
15. Sahdra B. Group identification and historical memory / B. Sahdra, M. Ross // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2007. V. **33**. № **3**. Pp. **384-395**.
16. Mingke W. Historical Facts, Historical Memory and Historical Mentality / W. Mingke // *Historical Research*. 2001. V. 5. Pp. 11-15.
17. Crane S. A. Writing the individual back into collective memory / S.A. Crane // *The American Historical Review*. 1997. Pp. 1372-1385.
18. Prokofiev G.N. Selkup (Ostyak-Samoyed) language. Part 1 / G.N. Prokofiev. Leningrad, 1935 (in Russian).
19. Grigorovskiy N.P. Alphabet syussogoy Gulangyu. / N.P. Grigorovskiy. Kazan, 1879 (in Russian).
20. Kuznetsova A.I. Selkups Turukhansk district of Krasnoyarsk region at the turn of the millennia II and III (sociolinguistic situation and language change) / A.I. Kuznetsova. Voronezh: Publishing house of Voronezh State. University Press, 2007. 114 p. (in Russian).
21. Helimski E. The Language of the First Selkup Books / E. Helimski Szeged, 1983. 268 p.
22. Bykonya V.V. Selkups: language and culture. Ethnolinguistic essay. / V.V. Bykonya. Tomsk: Tomsk State. Pedagogical University, 2011. 235 p. (in Russian).
23. Sakharov O.V. Name of birch Selkup / O.V. Sakharov // *Bulletin of Tomsk State University*. 2009. № **324**. Pp **49-51** (in Russian).
24. Tuchkova N.A. Mythology Selkups / Ed. V.V. Napolskikh / N.A. Tuchkova, A.I. Kuznetsova, O.A. Kazakevitch, A.A. Kim-Maloney et al. Tomsk: Publishing House of Tomsk University, 2004. 382 p. (in Russian).
25. Pelikh G.I. Selkups XVII century: Essays on the socio-economic history /G.I. Pelikh, E.M. Toschakova. Novosibirsk: Nauka, Siberian Branch, 1981. 177 p. (in Russian).
26. Slepchenko S. M., Ivanov S. N. Paleoparasitological analysis of soil samples from the Kikki-Akki burial ground of the 17th–19th centuries in West Siberia, Russia / S.M. Slepchenko, S.N. Ivanov // *Journal of Archaeological Science: Reports*. 2015. V. 2. Pp. 467-472.
27. Lebedev V.V., Sokolova Z.P. Selkups / V.V. Lebedev, Z.P. Sokolova // *Ethnic history of the North*. M.: Nauka, 1982. Pp.118-129 (in Russian).
28. Preservation, revitalization and promotion of cultural diversity and spiritual potential of the peoples of Siberia and the Far East / N.V. Lukin, P.E. Bardeen, V.M. Kulemzin et al. / *The peoples of Russia: revival and development. Materials nauch–noy session of Tomsk State University 5-10 November, 1993*. Tomsk: Publishing house of Tomsk University Press, 1994. Pp 121-124 (in Russian).

29. Stepanova O.B. Northern Selkups: the system of traditional attitudes in the mirror one interview / O.B. Stepanova // *Journal of Archaeology, Anthropology and Ethnography*. 2014. №. 2 (25). Pp.124-131 (in Russian).
30. Kazakevitch O.A. Ethnic and linguistic village Soviet River Turukhansk district / O.A. Kazakevitch, O.B. Stepanova / Northern Selkups: the system of traditional attitudes in the mirror one interview // Languages of the Russian Federation and the new countries: status and functions. 2000. Pp. 304-308 (in Russian).
31. Sobanski F. The southern Selkups of Tomsk province before and after 1991 / F. Sobanski // *Nationalities Papers*. 2001. V. 29. №. 1. Pp. 171-179.
32. Shargorodskii L.T. Modern ethnic processes have Selkups / L.T. Shargorodskii. M.: IEA RAS. 1994. 181 p. (in Russian).
33. Shahovtsov K.G. The terms of official identification of the Southern Selkup (based on the XX century) / K.G. Shahovtsov // *Bulletin of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen*. 2007. №19. Pp. 55-59 (in Russian).
34. Tolkunov ES Ethnic processes and modern social situation settled Northern Selkups / E.S. Tolkunov // *Bulletin of the Krasnoyarsk State Agrarian University*. 2011. №. 12. P. 285-293 (in Russian).
35. Krivonogov V.P. peoples of Taimyr: modern ethnic processes / V.P. Krivonogov. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University, 2001. 264 p. (in Russian).
36. Reznikova K.V. Preservation and Transformation of Certain Aspects of the Traditional Way of Life of the Indigenous and Small-Numbered Peoples of the North, Living in the Settlements (Posyolki) of Turukhansk and Farkovo / K.V. Reznikova // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2013. V. 6. № 6. Pp. 925-939.

УДК 397.4

Уточнение причин этнической миграции северных селькупов на основе исторической памяти коренных этнических групп Туруханского района Красноярского края

¹ Наталья Петровна Копцева

² Ксения Вячеславовна Резникова

¹ Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

660041, Красноярск, проспект Свободный, 79

доктор философских наук, профессор

² Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

660041, г. Красноярск, проспект Свободный, 79

кандидат философских наук, доцент

Аннотация. В 2010–2015 гг. ученые, студенты, аспиранты Сибирского федерального университета проводили полевые исследования в деревне Фарково и поселке Туруханск (Красноярский край). Мы исследовали этнические и культурные особенности северных селькупов, кетов, эвенков. Полевые исследования ученых Сибирского федерального университета позволили реконструировать элементы исторической памяти северных селькупов, проживающих в поселке Фарково. Реконструкция исторической памяти северных селькупов может прояснить некоторые причины этнической миграции северных селькупов в Красноярский край в начале XX в. Историческая память северных селькупов хранит воспоминание о битве, которая произошла между различными этническими кланами в начале XX века. Историческое событие битвы (в качестве причины этнической миграции) между северными селькупками и другими коренными народами Севера и Сибири еще не было отражено в исторических описаниях. Доказательством того, что историческая память северных селькупов хранит память о реальных событиях, является меч, который селькупы, жители поселка Фарково Туруханского района, нашли в местах, где состоялась легендарная битва.

Историческая память может иметь большое значение для реконструкции этнической истории коренных народов Средней Сибири.

Ключевые слова: историческая память, северных селькупов, этническая история, Красноярский край, исторический бой.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 38, Is. 4, pp. 1039-1046, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94 +33

The Development of Agriculture and Trade Relations in the Caucasus in the Early 20th Century

¹Tatiana E. Gvarliani

²Evgeniya V. Vidishcheva

³Ilya M. Rassolov

¹International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation
Dr (Economy), Professor

²Sochi State University, Russian Federation
PhD (Economy), Associate professor

³Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation
Doctor of legal Sciences, Associate Professor

Abstract

The article analyzes the development of agriculture and trade relations in the Caucasus in the early 20th century. This article utilizes the records of Georgian national archives, pre-revolutionary periodicals and monographic literature published in pre-revolutionary, soviet and Russian contemporary periods.

The authors used the research methods such as principles of objectivity, historicism, systematic, comprehensive accounting of the economic indicators of agriculture development and trade in the Caucasus and the maximum possible neutrality of the researcher to interpret factual material.

The authors come to the conclusion that the development of agriculture in the Caucasus after the revolutionary upheavals of 1905-1907 years in the subsequent period before the First World War entered into the stage of recovery. The reasons of this phenomenon became the discovery of significant quantities of oil, cement, manganese and other fields. The objects of the industry demanded also the additional food supply, this enabled the agriculture in the Caucasus to develop actively.

Keywords: agriculture, trade, the Caucasus, early 20th century.

Введение

Кавказ всегда находился в эпицентре этнополитических процессов, начиная с периода его присоединения к России.

Геополитическое положение Кавказа в разные периоды истории обуславливало его особую значимость для российской политики. В данной статье мы хотели бы обратиться к проблеме развития сельского хозяйства и торговли на Кавказе в начале XX века.

Материалы и методы

В качестве материалов в работе использованы документы национального архива Грузии, материалы дореволюционной периодической печати, а также монографическая литература, изданная в дореволюционный, советский и современный российский периоды.

Методами исследования явились принципы объективности, историзма, системности, комплексного учета экономических показателей развития сельского хозяйства и торговли на Кавказе и максимально возможная нейтральность личной позиции исследователя к интерпретации фактического материала.

Обсуждение

В данном обзоре учтены и отражены предшествующие важнейшие наработки по проблеме экономического развития Кавказа в начале XX века.

Первые публикации об экономической политике России на Кавказе вышли в свет еще в дореволюционный период. Здесь необходимо отметить работы С. Дариани «Грузия после 1905 года» [1], Е. Канчер «Земство и задачи кооперации на Кавказе» [2] и другие. В советское время проблемам социально-экономического развития региона обратили свое внимание В.С. Гальцева [3], М.А. Казанбиева [4] и др., труду которых появились в 1950–1970-е гг. Выявленные ими факты, несмотря на встроенность в существовавшие схемы, способствовали расширению представлений о Кавказе.

Особо следует отметить в этой связи статью Н.С. Киняпиной «Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии в XIX в.», опубликованную в 1983 г. в журнале «Вопросы истории» [5]. Она давала новый импульс в осмыслении темы, предполагавший сравнительное изучение административного обустройства в двух своеобразных цивилизационных зонах «азиатской части страны». Выявляя при этом общие принципы, автор, несмотря на существовавшие в тот промежуток времени канонические предписания, сделала вывод о том, что «окраины Российской империи и ее центр составляли единый государственный организм». Это положение, необходимо заметить, противоречило сложившимся представлениям о сходстве их статуса с другими империями.

Не утратило научной значимости и заключение о том, что интеграция России с Кавказом обуславливалась воздействием двух факторов: инициатив российского правительства и постоянно набравшей силу пророссийской ориентации широких слоев самих горских народов, причем были отмечены и видоизменения политики в регионе на разных этапах (М.М. Блиев, В.В. Дегоев [6]).

На рубеже XX–XXI в. появились новые исследования О.В. Матвеева [7], Ю.Ю. Клычникова [8], О.А. Якушенко [9], В.Г. Иванцов [10] и др. В них внимание стало обращаться не только на негативные стороны российского присутствия, как это делалось в исторической науке на предшествующих этапах. О.В. Матвеев изучению впервые подверг этнополитические и социокультурные последствия Кавказской войны в северо-западных частях края, Ю.В. Клычников — ее становление в более ранние периоды XIX в.

В предложенном варианте оценок российской политики на Северном Кавказе «в дореволюционный период» В.Г. Шнайдером выделяется влияние государства на распространение «определенного ... типа культуры на сопредельные территории» [11]. Однако в его совмещениях теории с фактами присутствует стремление уложить сложный интеграционный процесс России и Северного Кавказа в заранее выбранные параметры («социальные циклы»), что противоречит принципу историзма. Циклические повторения и линейность, безусловно, не исчерпывают всего спектра происходившего и они отнюдь не детерминированы, как представляется автору.

Несмотря на интенсивную разработку темы в последние годы, в изучение социально-экономической деятельности России на Кавказе остается еще достаточное количество белых пятен, которые продолжают ждать своего исследователя.

Результаты

В результате мирового экономического кризиса промышленность Кавказа, как и промышленность всей России, переживала период сильного спада. Так, если в 1906 году в Чиатура добывалось 50 млн пудов марганца, то в 1908 году его было добыто лишь 6 млн пудов. Резкое снижение добычи вызвало значительное сокращение числа рабочих. Положение рабочих, вследствие сокращения производства и закрытия некоторых промышленных предприятий, еще более ухудшилось. Промышленники, пользуясь безвыходным положением рабочих, возрождали на предприятиях порядки, существовавшие до революции. Рабочим снижали заработную плату и систематически увеличивали продолжительность рабочего дня, доведя его, в некоторых случаях, до 10–12 часов.

В 1910 году промышленный застой в России сменился оживлением и расширением производства. В Закавказье промышленный подъем характеризовался ростом крупных предприятий и концентрацией промышленности. Значительно возросли количество продукции и контингент промышленных рабочих, несмотря на сокращение общего количества предприятий. В 1910 году в Закавказье было 11904 предприятия, стоимость выпущенной ими продукции составляла 156867 тыс. рублей, а число занятых на них рабочих – 67666 человек. В 1912 году число предприятий сократилось до 10121, стоимость же продукции возросла до 167535 тыс. рублей, а число рабочих достигло 95 тыс. человек. С 1910 по 1913 год только в Чиатура число рабочих увеличилось на 68 %, а объем промышленной продукции – на 64 %. За эти же три года число рабочих, занятых в Ткибульской угольной промышленности, возросло на 79,5 %, а стоимость продукции – на 66,4 % [12].

В деревне на Кавказе, как и в деревне Центральной России, начинает зарождаться кооперативное движение. До 1913 г. преобладали кредитная и отчасти потребительская кооперации, но не появились еще кооперации производителей. Исторически сложилось, что деревня на Кавказе, прежде всего, страдала от сельских кулаков-ростовщиков, которые сужали крестьянам средства под довольно высокие проценты [13]. В борьбе с ростовщическим капиталом в то время во многих деревнях были организованы кредитные учреждения на началах взаимопомощи. Сельское население спланивается, объединяется, проникаясь сознанием своих интересов [14].

Правительство поддерживало кооперативное движение, сужая товарищества мелкого кредита низкопроцентной ссудой.

В деле развития аграрного сектора особенно важную роль играла сельская интеллигенция. Все кооперативное движение деревни держалось на плечах сельских интеллигентов. Они служили посредствующими звеньями между наукой, представленной верхами интеллигенции и жизнью в крестьянской среде [15].

Очевидно, что 1905–1906 гг. не могли не отразиться на всех сторонах жизни Кавказа. Сельское хозяйство пришло в упадок, торгово-промышленная деятельность понизилась. И несмотря на то, что к 1913 г. общее равновесие было восстановлено, лучшая политика для Кавказа это – экономическая.

По отчетным сведениям Государственного Банка того времени было видно, что Кавказский край представлял собой не только обширный потребительский рынок, но и имел крупную отпускную торговлю, обороты которой довольно сильно превышали сумму привозимых товаров. Из операций Государственного Банка за 1911 г. видно, что Кавказ получил за свой товар из других районов империи переводами 307,7 млн руб. и отослал векселей для получения платы за проданный товар на сумму 18,6 млн руб. [16]. В то же время он уплатил по переводам за купленный товар 231,8 млн руб. и получил к уплате векселей за купленный товар на сумму 49,9 млн руб. Иначе говоря, Кавказ продал товаров на сумму 326,3 млн руб., а купил на 281,7 млн руб. и в итоге получил 44,6 млн рублей деньгами. Если принять во внимание, что операции Государственного Банка вообще составляют лишь четвертую часть общего банковского кредита на Кавказе, то для более правильного представления о товарообмене Кавказа все эти данные должны быть увеличены в четыре раза, т. е. общий прилив денег в результате торговли, составлял до 180 млн рублей [17].

Если принять во внимание еще и расчеты за наличные деньги и переводы платежей при посредстве почтово-телеграфных учреждений, то сумма увеличится вдвое.

Все данные о кредитах на Кавказе указывали на значимость кавказского товарообмена и на его рост. Так, само число частных банков (коммерческих, городских, обществ взаимного кредита) в 1913 г. числилось на Кавказе 115, а к 1905 г. было всего 28, т. е. оно возросло более, чем в 4 раза. Общая годовая сумма затрат этих банков по учетно-ссудным операциям в 1913 г. достигала до 500 млн руб., увеличившись в 3,5 раза с 1905 года (150 млн руб.).

Вместе с развитием торговли растет и торговый класс. Отношение городского населения к сельскому в 1905 году в Грузии равнялось приблизительно 1:15, а к 1912 г. отношение это изменилось в пользу городского населения и приняло вид 1:11 [18].

Мелкому кредиту наместник царя на Кавказе И.И. Воронцов-Дашков уделял большое внимание, поощряя создание разных кооперативов этого характера, тем более, что они редко ограничивались только кредитной деятельностью, а по большей части обслуживали различные стороны сельскохозяйственной промышленности, например, по покупке и раздаче населению улучшенных семян, орудий и пр., по сбыту сельских продуктов, масла, вина и т.п.

Число учреждений мелкого кредита в крае в 1913–1914 гг. составляло 634 (кредитных и ссудо-сберегательных товариществ). Эти учреждения располагали основными капиталами в 4,6 млн рублей, краткосрочным кредитом в Государственном Банке свыше 8 млн рублей и вкладами на 15 млн рублей.

В среднем, одно учреждение приходилось на 574 кв. версты, а в действительности эти учреждения распределялись по территории Кавказа неравномерно; в то же время число названных учреждений превышало всего лишь в 5 раз число частных банков, обслуживавших преимущественно интересы городского населения.

В экономической жизни края большое значение имело накопление населением сбережений. По данным сберегательных касс в 1913 г. ими пользовались 361 тысяча вкладчиков, с суммой вкладов деньгами на 68,4 млн рублей и процентными бумагами на 12 млн рублей. Сберегательные кассы по территории края распределены также неравномерно: так, одна касса приходится в Черноморской губернии на 300 кв. вер., а в Дагестанской области на 1500 кв. вер., что не могло не отразиться на неравномерно и на сумме вкладов, приходящихся, в среднем, на жителя, а именно, когда в Черноморье приходится сбережений 16 р. 65 коп. на жителя, в Дагестане – всего лишь 2 р. 52 коп. [19].

Ярким доказательством развития в крае промышленно-экономической деятельности и доверия к спокойному течению в нем трудовой жизни являлся прилив в него капиталов для эксплуатации природных богатств. На первом месте стоит добыча нефти в различных районах края. 151 предприятие затратили капитал в 372 млн рублей, из этого числа русских обществ с капиталом в 240 млн рублей и 41 иностранное общество с капиталом в 132 млн рублей. Вскоре присоединились еще 99 обществ с капиталом в 241 млн рублей, из них 62 общества русских с капиталом в 134 млн рублей и 38 иностранных с капиталом в 107 млн рублей.

Конечно, капиталы даже русских обществ нельзя всецело считать русскими, так как большинство обществ выпускают акции, но, во всяком случае, в реализации этих капиталов принимали участие, преимущественно, русские банки и русские предприниматели, поэтому можно сделать вывод, что в развитии кавказской промышленности роль русского капитала преобладала над иностранным.

Иностранный капитал, несомненно, не только создавал в крае новые экономические ценности, но оставлял государству до 70 % своей валовой прибыли в виде заработка населения. Признавалась только фактическая работа иностранных обществ, в заведовании на местах их предприятиями, в состав их правлений и агентов преобладающая роль отводилась русским подданным.

Как говорилось ранее, наиболее влиятельным фактором привлечения капиталов на Кавказе была нефть. В 1912 г. последовал закон о сдаче казенных нефтеносных земель в разработку по договорам, но первое же испытание этого закона на торгах в мае 1913 г. доказало полную его непрактичность. Цены на торгах за сдаваемые участки были даны несоразмерно высокие, что возник вопрос, возможно ли утверждать подобные торги вообще.

Бакинский нефтепромышленный район аккумулировал огромное количество рабочего люда, устремлявшегося сюда не только из окрестных мест, но и внутренних губерний России, соседнего Ирана. В канун Первой русской революции численность бакинского пролетариата, разнообразного по своему этническому составу и вероисповеданию, достигала 80 тыс. человек. Здесь трудились представители 29 национальностей, из которых без малого 50 % составляли азербайджанцы, более четверти – русские и немногим менее четверти – армяне [20].

Таблица 1

Грузооборот главнейших портов Кавказского края в сравнении с другими за 1906–1912 гг. выражается следующими цифрами (в миллионах пудов) [21]

Годы	Баку	Батум	Таганрог	Николаев	Рига	Петербург	Одесса
1906	296,6	49,8	35,0	120,2	78,9	239,1	231,2
1907	334,0	56,2	31,5	94,3	140,0	237,5	120,9
1908	316,9	48,4	36,0	76,6	167,0	278,0	83,7
1909	332,2	56,0	42,4	127,6	201,0	299,8	101,3
1910	349,8	62,8	63,1	190,0	242,9	304,5	240,4
1911	381,1	70,0	-	146,7	237,2	-	284,0
1912	351,05	75,0	40,6	-	227,5	358,7	-
1913 [22]	342,2	94,0	154,6	247,7	-	-	257,1
1914	342,0	53,5	46,7	124,8	-	216,5	147,1

Главными предметами заграничного ввоза в Бакинский порт в данный период являлись: рис и хлопок, фрукты; каботажного ввоза – лес, хлеб, сахар, металлы и изделия из них. Предметами вывоза за границу являлись: сахар, металлы и изделия из них, мануфактура, хлеб; в русские порты – хлеб, металлы и изделия из них, сахар и фрукты [23].

За счет кредитов, отпущенных из специальных средств Комитета по портовым делам, производился Городским Управлением ремонт подъездных путей [24].

Экономический подъем крестьянства издавна задерживался двумя факторами:

- 1) малоземельем и чрезполосностью землевладения;
- 2) отсутствием широкого рынка для сбыта сельскохозяйственных продуктов.

Первый из этих факторов не только остается в силе, но его действие возрастает с каждым годом. Цены на землю, удобную для культуры поднимались. Местами они доходили до 2 тыс. руб. и более за десятину [25].

Вследствие безземелья часть грузинского населения была вынуждена выселяться из родных мест. Так выселяются имеретинцы и рачинцы. По официальным данным в продолжение одного только 1912 г. из Рачинского уезда выселились в Терскую область 302 человека. И том же году в Озургетском уезде отведена была земля 122 русским старообрядцам.

Что касается второго фактора, задерживающего подъем экономического благосостояния крестьянства отсутствие рынка [26].

Главным рынком для сбыта местных продуктов являлась Западная Европа, куда преимущественно вывозятся, кроме марганцевой руды, шелк, сырец, кукуруза, лес, ореховое и пальмовое дерево. Во внутреннюю же Россию вывозятся предпочтительно фрукты, яйца и отчасти лес.

Но зато из внутренней России доставлялось в Грузию товаров больше, чем из Западной Европы. Причины, конечно, кроются в высоких таможенных пошлинах, которыми облагались заграничные товары. Предметами ввоза служили, главным образом, фабрично-заводские изделия. Ввозились хлопчатобумажная, шерстяная и прочие ткани, галантерейный товар, мебель, железные и стальные изделия, наконец, сахар и пшеничная мука.

Развитие как внешней, так и внутренней торговли задерживалось отсутствием удобных путей сообщения. До 1905 г. в Грузии пролегла только одна линия Закавказской железной дороги с незначительными ответвлениями в горнопромышленные районы Тквибульского и Чиатурского участка в 1913 г. строятся две линии железнодорожных дорог: Кахетическая и Черноморская [27].

Помимо того, производятся изыскания по постройке Перевальной железной дороги между Тифлисом и Владикавказом. Наконец, предполагается провести железную дорогу в Гурии [28].

На Кавказе по данным податного обложения 1913 г. из всей площади привлеченных к обложению земель всего лишь 37 % являлись действительно доходными, как пашни, огороды, сенокосы, сады и проч., а 63 % представляли собою малопродуктивные леса, кустарники и пастбища. Из указанных 37 % доходных земель 35 % были заняты сенокосами и пашнями под зерновыми хлебами (преимущественно кукуруза и пшеница); около 1,5 % находились под садами и виноградниками и всего лишь 0,36 % – под действительно ценными культурами [29]. Уже из этих соотношений действительно культурных земель к землям самой примитивной обработки очевидна необходимость усилий для подъема местного сельского хозяйства на соответствующую природным условиям края высоту. Заметно развивалось лишь хлопководство и травосеяние в предгорной полосе Эриванской губернии.

Сельская интеллигенция организовывала в деревне кредитные учреждения, общества потребителей, библиотеки, читальни, помогала крестьянам основывать школы, являлась защитником их интересов перед правительственными органами [30].

Деревня переходит к 1913 г. к более интенсивным формам сельского хозяйства. До этого хозяйство велось почти первобытным способом, почвы не удобрялись, обрабатывали землю примитивными орудиями (сохой, мотыгой), не проявляли никакой инициативы, возделывали только то, что возделывалось 200–300 лет тому назад. Кукуруза, культура которой была занесена еще в XVII столетии, являлась почти исключительным сельскохозяйственным продуктом Западной Грузии. Традиционная маисовая культура несколько сокращается и уступает место более высоким и прибыльным культурам.

Сокращение хлебопашества шло в контексте с развитием виноградарства, табаководства, хлопководства, фруктовводства, шелководства и других видов сельскохозяйственной промышленности.

Виноградарства становится крупнейшей отраслью сельского хозяйства, особенно в верхней Имеретии [31].

Площадь виноградников с каждым годом расширяются. В 1905 году виноградники Кутаисской губернии занимали 4574 дес. земли, было собрано 342610 пудов винограда, было выделано 219820 ведер вина: а в 1912 году площадь виноградников равнялась уже 19981,67 дес., причем было снято 4470433 пуда винограда и выделано 4114705 ведер вина. За семь лет площадь, занимаемая виноградниками, увеличилась более чем в 5 раз [32].

Опыты культуры каучукового дерева, предпринятые в некоторых районах Черноморского побережья, дали прекрасные результаты. Таким же успехом увенчался опытный посев манчжурского гаоляна в Кубанской области, где результаты оказались даже лучше, чем Манчжурии [33].

В Зугдидском уезде, в ущелье реки Ингур, в 1907 г. были обнаружены богатые залежи цемента хорошего качества, в Рачинском – обильные залежи каменного угля и асфальта [34].

30 ноября 1907г. в Суруханах, около храма огнепоклонников, на участке Бакинского нефтяного общества, ударил грандиозный нефтяной фонтан, выбрасывающий до 800 пудов нефти в сутки. Корреспондент газеты «Русское слово» писал: «Первое время, выбрасываемая нефть пропадала бесполезно за неимением приспособлений для приема. Фонтан стал неожиданной новостью для населения» [35].

Нефтяной и газовый фонтан, забивший в Суруханах, произвел целый переворот в Бакинской нефтяной промышленности. Внезапное появление черной нефти в количестве до 100 тыс. пудов в сутки из буровой скважины глубиной в 227 сажен и диаметром в 6 дюймов, твердо установило факт нахождения нефти, помимо Роман и Биби-Эйбата, также и на обширной сурухано-зихской нефтяной и газоносной площади. На бирже произошел переполох и в Баку началась «земельная горячка». Цены на земли стали ежедневно подниматься. В Суруханах спешно появились закладки новых буровых скважин [36].

Но уже через некоторое время на нефтяном рынке не было почти никаких дел, так как произошло понижение цен нефтяных продуктов. На рынке появились излишки предложения, вследствие одновременного сокращения потребления и увеличения добычи нефти в Баку [37].

В 1908 г. в Сабунчах на промысле Нобеля ударил фонтан чистой нефти, выбрасывающий 120 тыс. ведер в сутки [38].

Боржомские минеральные воды, собственность Великого Князя Николая Михайловича, по ходатайству проф. С.И. Залесского, в 1911 г. получили право на ввоз и продажу во Франции, на что последовало распоряжение председателя совета министров французской республики А. Бриана от 3 февраля 1911 г. Боржомские воды, после всестороннего исследования парижской медицинской академией, признавшей их выдающиеся качества, являлись первыми из минеральных вод России, получившими доступ во Францию [39].

Заключение

Таким образом можно прийти к выводу, что развитие сельского хозяйства на Кавказе, после революционных потрясений 1905–1907 гг. в последующий период до Первой мировой войны,

вступило в стадию оживления. Причинами этого явления стало обнаружение значительного количества нефтяных, цементных, марганцевых и др. месторождений. Объекты промышленности потребовали и дополнительного продовольственного обеспечения, именно это позволило сельскому хозяйству на Кавказе активно развиваться.

Примечания:

1. Дариани С. Грузия после 1905 года. Кутаис, 1914.
2. Канчер Е. Земство и задачи кооперации на Кавказе // На Кавказе. 1909. Т. 1. № 4. С. 513-515.
3. Гальцев В.С. К истории пореформенного развития Северного Кавказа / В.С. Гальцев // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Т. 25. История. Орджоникидзе, 1966. с. 27-54.
4. Казанбиев М.А. Создание и укрепление национальной государственности народов Дагестана. М., 1970.
5. Киняпина Н.С. Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии в XIX веке // Вопросы истории. 1983, № 4. С. 35
6. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994.
7. Матвеев О.В. Мир славян Северного Кавказа. Вып. 2. Краснодар, 2005.
8. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала (исторические очерки). Пятигорск, 2006.
9. Якушенко О.А., Черкасов А.А. Наместничество Кавказское в революционных событиях 1905–1907 гг.: политическая и криминогенная ситуации // Вестник СГУТиКД. 2010. № 2. С. 121–124.
10. Иванцов В.Г. Колонизация Причерноморья: развитие дорожной сети (конец XIX – начало XX вв.) // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2008. № 4. С. 19–26.
11. Шнайдер В.Г. Россия и Северный Кавказ в дореволюционный период: особенности интеграционных процессов. М., 2005.
12. Дариани С. Грузия после 1905 года. Кутаис, 1914. с. 15.
13. Канчер Е. Земство и задачи кооперации на Кавказе // На Кавказе. 1909. Т. 1. № 4. С. 513-515.
14. Дариани С. Грузия после 1905 года. Кутаис, 1914. с. 27.
15. Там же. с. 28.
16. Дариани С. Грузия после 1905 года. Кутаис, 1914. с.19.
17. Национальный архив Грузии (НАГ). Ф.13. Оп.12. Д.622. Л. 4.
18. Дариани С. Грузия после 1905 года. Кутаис, 1914. с. 36-37.
19. Воронцов-Дашков И.И. Всеподданийший отчет за восемь лет управления Кавказом. СПб., 1913. с.22.
20. Исмаил-Заде Д.И. И.И. Воронцов-Дашков кавказский наместник. М., 2005. с. 116.
21. НАГ. Ф.13. Оп.12. Д.125. Л. 4.
22. НАГ. Ф.13. Оп.12. Д.622. Л. 4.
23. НАГ. Ф.13. Оп.12. Д.125. Л. 4.
24. НАГ. Ф.13. Оп.12. Д.125. Л. 8/ОБ.
25. Дариани С. Грузия после 1905 года. Кутаис, 1914. с. 33-34.
26. Там же. с. 35.
27. Shevchenko N.A. The Development of the Railway Network on the Black Sea (1914-1953 years) // The History of Land Transport, 2015, Vol. (1), № 1, p. 19.
28. Дариани С. Грузия после 1905 года. Кутаис, 1914. с. 35-36.
29. Воронцов-Дашков И.И. Всеподданийший отчет за восемь лет управления Кавказом. СПб., 1913. с. 29.
30. Дариани С. Грузия после 1905 года. Кутаис, 1914. с. 28-29.
31. Дариани С. Грузия после 1905 года. Кутаис, 1914. с. 29.
32. Там же. с. 30.
33. Тифлис // Новое время (Петербург), 1908. 3 апреля
34. На Кавказе // Русское слово (Москва), 1907. 26 октября
35. На Кавказе. Баку. // Русское слово (Москва), 1907. 30 ноября
36. На Кавказе // Русское слово (Москва), 1907. 7 декабря
37. На Кавказе // Русское слово (Москва), 1907. 28 декабря
38. На Кавказе // Русское слово (Москва), 1908. 14 мая
39. Тифлис // Тифлиский листок (Тифлис), 1911. № 19

References:

1. Dariani S. Gruzija posle 1905 goda. Kutais, 1914.
2. Kancher E. Zemstvo i zadachi kooperatsii na Kavkaze // Na Kavkaze. 1909. T. 1. № 4. S. 513-515.
3. Gal'tsev V.C. K istorii poreformennogo razvitiya Severnogo Kavkaza / V.C. Gal'tsev // Izvestiya Severo-Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta. T. 25. Istoriya. Ordzhonikidze, 1966. s. 27-54.
4. Kazanbiev M.A. Sozdanie i ukreplenie natsional'noi gosudarstvennosti narodov Dagestana. M., 1970.

5. Kinyapina N.S. Administrativnaya politika tsarizma na Kavkaze i v Srednei Azii v XIX veke // **Voprosy istorii. 1983, № 4. S. 35**
6. Bliev M.M., Degoev V.V. Kavkazskaya voyna. M., 1994.
7. Matveev O.V. Mir slavyan Severnogo Kavkaza. Vyp. 2. Krasnodar, 2005.
8. Severokavkazskii uzul: osobennosti konfliktного potentsiala (istoricheskie ocherki). Pyatigorsk, 2006.
9. Yakushenko O.A., Cherkasov A.A. Namestnichestvo Kavkazskoe v revolyutsionnykh sobytiyakh 1905–1907 gg.: **politicheskaya i kriminogennaya situatsii // Vestnik SGUTiKD. 2010. № 2. S. 121–124.**
10. Ivantsov V.G. Kolonizatsiya Prichernomor'ya: razvitie dorozhnoi seti (konets XIX – nachalo XX vv.) // Bylye gody. Chernomorskii istoricheskii zhurnal. 2008. № 4. S. 19–26.
11. Shnaider V.G. Rossiya i Severnyi Kavkaz v dorevolutsionnyi period: osobennosti integratsionnykh protsessov. M., 2005.
12. Dariani S. Gruzija posle 1905 goda. Kutais, 1914. s. 15.
13. Kancher E. Zemstvo i zadachi kooperatsii na Kavkaze // **Na Kavkaze. 1909. T. 1. № 4. S. 513–515.**
14. Dariani S. Gruzija posle 1905 goda. Kutais, 1914. s. 27.
15. Tam zhe. s. 28.
16. Dariani S. Gruzija posle 1905 goda. Kutais, 1914. s.19.
17. Natsional'nyi arkhiv Gruzii (NAG). F.13. Op.12. D.622. L. 4.
18. Dariani S. Gruzija posle 1905 goda. Kutais, 1914. s. 36–37.
19. Vorontsov-Dashkov I.I. Vsepoddaniishii otchet za vosem' let upravleniya Kavkazom. SPb., 1913. s.22.
20. Ismail-Zade D.I. I.I. Vorontsov-Dashkov kavkazskii namestnik. M., 2005. s. 116.
21. NAG. F.13. Op.12. D.125. L. 4.
22. NAG. F.13. Op.12. D.622. L. 4.
23. NAG. F.13. Op.12. D.125. L. 4.
24. NAG. F.13. Op.12. D.125. L. 8/OB.
25. Dariani S. Gruzija posle 1905 goda. Kutais, 1914. s. 33–34.
26. Tam zhe. s. 35.
27. Shevchenko N.A. The Development of the Railway Network on the Black Sea (1914-1953 years) // **The History of Land Transport, 2015, Vol. (1), № 1, r. 19.**
28. Dariani S. Gruzija posle 1905 goda. Kutais, 1914. s. 35–36.
29. Vorontsov-Dashkov I.I. Vsepoddaniishii otchet za vosem' let upravleniya Kavkazom. SPb., 1913. s. 29.
30. Dariani S. Gruzija posle 1905 goda. Kutais, 1914. s. 28–29.
31. Dariani S. Gruzija posle 1905 goda. Kutais, 1914. s. 29.
32. Tam zhe. s. 30.
33. Tiflis // Novoe vremya (Peterburg), 1908. 3 aprelya
34. Na Kavkaze // Russkoe slovo (Moskva), 1907. 26 oktyabrya
35. Na Kavkaze. Baku. // Russkoe slovo (Moskva), 1907. 30 noyabrya
36. Na Kavkaze // Russkoe slovo (Moskva), 1907. 7 dekabrya
37. Na Kavkaze // Russkoe slovo (Moskva), 1907. 28 dekabrya
38. Na Kavkaze // Russkoe slovo (Moskva), 1908. 14 maya
39. Tiflis // Tifliskii listok (Tiflis), 1911. № 19

УДК 94 +33

Развитие сельского хозяйства и торговых отношений на Кавказе в начале XX века

¹Татьяна Евгеньевна Гварлиани

²Евгения Владимировна Видищева

³Илья Михайлович Рассолов

¹Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

Доктор экономических наук, профессор

²Сочинский государственный университет, Российская Федерация

Кандидат экономических наук, доцент

³Российский экономический университет им Г.В. Плеханова, Российская Федерация

Доктор юридических наук, доцент

Аннотация. В статье анализируется развитие сельского хозяйства и торговых отношений на Кавказе в начале XX века. В качестве материалов в работе использованы документы национального

архива Грузии, материалы дореволюционной периодической печати, а также монографическая литература, изданная в дореволюционный, советский и современный российский периоды.

Методами исследования явились принципы объективности, историзма, системности, комплексного учета экономических показателей развития сельского хозяйства и торговли на Кавказе и максимально возможная нейтральность личной позиции исследователя к интерпретации фактического материала.

В заключении авторы приходят к выводу, что развитие сельского хозяйства на Кавказе, после революционных потрясений 1905–1907 гг. в последующий период до Первой мировой войны, вступило в стадию оживления. Причинами этого явления стало обнаружение значительного количества нефтяных, цементных, марганцевых и др. месторождений. Объекты промышленности потребовали и дополнительного продовольственного обеспечения, именно это позволило сельскому хозяйству на Кавказе активно развиваться.

Ключевые слова: сельское хозяйство, торговля, Кавказ, начало XX века.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 38, Is. 4, pp. 1047-1052, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 336.713 (091) (571. /.5)

Societies of the Mutual Credit of Siberia at the Beginning of the XX Century: Number, Structure of Management and Composition

¹ Tatiana A. Kattsina

² Elena V. Bolonkina

³ Lyudmila E. Marinenko

¹ Siberian Federal University, Russian Federation
Maerchaka str., 6, Krasnoyarsk 660075
PhD (History), Associate Professor
E-mail: kattsina@list.ru

² Siberian Federal University, Russian Federation
Svobodny avenue, 82, Krasnoyarsk 660041
PhD (History), Associate Professor
E-mail: larisab77.77@mail.ru

³ Siberian Federal University, Russian Federation
L. Prushinskoy str., 2, Krasnoyarsk 660075
PhD (History), Associate Professor
E-mail: velichinskaya.lyudmila@mail.ru

Abstract

The article based on the Siberian materials explores the number, the system of organization, number and social composition of mutual loan societies. These societies were usually small banks that served the small and middle bourgeoisie, urban and rural entrepreneurs; different from other credit institutions by two main features: 1) the owners of the enterprise are not lenders and borrowers themselves, and 2) the members of societies were linked by mutual responsibility. The article was written with the assistance of new archival materials that allow conclusions on the later of the beginning of mutual credit societies in the Siberian province, a relatively democratic system of governance based on personal acquaintance and mutual trust among participants; the predominance in their composition representatives of trade and industrial estates, and slight differences from the social structure of mutual credit societies in European Russia.

Keywords: credit banking system, private credit banks, society of the mutual credit; short-term credit; Siberia; organizational structure, social structure.

Введение

Темпы развития экономики любой страны во многом зависят от финансовой политики государства и ее главного инструмента – банковско-кредитной системы. Не случайно банковская проблематика является одним из важнейших направлений в системе исторических и экономических исследований. В отечественной историографии накоплен значительный материал, раскрывающий основные вехи банковско-кредитного дела в России. Наиболее изучены крупные элементы дореволюционной банковской системы: государственные, акционерные коммерческие и земельные банки, кредитная кооперация; менее исследована история мелких звеньев частного кредита, в том числе обществ взаимного кредита (далее – ОВК). Для Сибири – самой большой окраины Российской империи, ОВК имели существенное значение, поскольку регион отличался преобладанием мелкой и средней промышленности и торговли, требующей краткосрочных кредитов. Частные же банкирские заведения были сосредоточены в столицах (даже Сибирский торговый банк, основанный первоначально в Екатеринбурге, со временем переместился в Петербург), а городские банки учреждались при муниципалитетах и поэтому число их не могло быть больше одного в городе.

Материалы и методы

Источниками для написания данной статьи послужили документы из государственного архива Красноярского края, сосредоточенные в фондах 160 (Енисейская губернская казенная палата), 595 (Енисейское губернское управление) и 606 (Красноярское отделение Государственного банка), муниципального казенного учреждения «Архив г. Ачинска» (фонд 2 – Ачинское общество взаимного кредита), а также опубликованные отчеты обществ взаимного кредита (Омского, Ачинского и др.), труды съездов сибирских ОВК, состоявшихся в Томске 20–22 ноября 1916 г. и 31 января–6 февраля 1918 г.

Применение в работе историко-сравнительного метода позволило понять специфику сибирского региона в общем контексте развития банковско-кредитной сферы Российской империи.

Обсуждение

В истории развития обществ взаимного кредита можно выделить два основных периода, качественно отличающихся друг от друга. Первый период (1864–1917 гг.) связан со становлением и развитием капиталистической экономики имперской России, второй (1922–1930 гг.) – с новой экономической политикой советского государства. В современной историографии общества взаимного кредита еще не подвергнуты специальному рассмотрению, хотя наметился исследовательский интерес к различным аспектам их деятельности. Это, прежде всего статьи, выполненные на общероссийском [1; 2; 3] и локальном (Петербург [4] и Псков [5]) материалах, литература хрестоматийного характера [6]. Поэтому введение в научный оборот новых материалов о деятельности ОВК в таком крупнейшем регионе как Сибирь, создаст дополнительные возможности для сравнительного изучения этого интересного звена банковско-кредитной системы.

Результаты

Со второй половины XIX в., в эпоху ускоренного экономического развития России, начали происходить существенные изменения в банковско-кредитной сфере страны. Система кредитных учреждений становилась все более сложной. Она включала государственные, частные и общественные (т. е. учреждаемые городами, земствами и сословными обществами) банки; по своей структуре, функциям и операциям приближалась к модели кредитной системы ведущих капиталистических стран того времени. Появление частных банков способствовало аккумулярованию денежных средств и кредитованию различных слоев населения. К концу XIX в. в стране функционировали такие виды частных кредитных учреждений, как акционерные коммерческие банки; общества взаимного (краткосрочного кредита); акционерные земельные банки; поземельные банки, основанные на взаимности (общества взаимного поземельного кредита и городские кредитные общества); частные ломбарды или общества для заклада движимостей; ссудо-сберегательные товарищества.

В России первое общество взаимного кредита открылось в 1864 г. в Санкт-Петербурге, и уставы вновь возникавших ОВК составлялись применительно к его уставу, открывающему довольно широкий простор для деятельности на банковском поприще. Однако законом 31 мая 1872 г. «Об учреждении частных кредитных установлений» [7] было определено, что устав учреждаемого ОВК должен соответствовать образцовым уставам четырех обществ взаимного кредита, организованных в 1871 г.: Пензенского, Новочеркасского, Второго Харьковского (21 мая) и Варшавского (10 ноября). Их уставы имели более ограниченные права, и по замечанию П.Х. Спасского цель, которая преследовалась правительством в данном случае – «это ограждать общества взаимного кредита от возможных увлечений» [8].

В 1872 г. были сделаны важнейшие шаги по унификации банковской отчетности, что значительно облегчало как деятельность самих банковских учреждений, так и государственный контроль за ними. С 1874 г. российские банки стали переходить на единую форму балансовых отчетов. Подобной практики не знали многие передовые страны Западной Европы. В окончательном виде банковская отчетность в дореволюционной России включала объяснительную записку о деятельности банка в отчетном году, баланс на 31 декабря отчетного года, объяснительные таблицы к отдельным статьям баланса, счет прибылей и убытков, распределение чистой прибыли [9].

Если говорить о динамике численности ОВК, то с 1866 по 1870 гг. было открыто 12 обществ взаимного кредита, а в следующее пятилетие еще 58 [10]. Общий рост их числа во второй половине 1870-х гг. замедлился, а в последующих десятилетиях практически прекратился. Возобновился он с середины 1890-х гг. и происходил быстрыми темпами. Сумма предназначенных для ОВК дотаций государственного банка за 1881–1886 гг. составила 86,5 млн рублей. Поэтому, несмотря на сокращение числа ОВК, их основной капитал с 1882 по 1886 гг. увеличился с 11 млн до 15,4 млн рублей [11]. К 1914 г. российская система ОВК вышла на количественный уровень 1108 [12]. Наибольшее число обществ взаимного кредита концентрировалось в областях Кубанской и Войска Донского, которые являлись важнейшими производителями хлеба на экспорт, а также в юго-западных губерниях (Подольская, Херсонская, Киевская, Волынская, Таврическая, Бессарабская), образующих крупномасштабный аграрно-промышленный регион.

В некоторых районах страны многочисленные ОВК вызывали у современников опасения вредной конкуренции между собой, особенно «при отсутствии достаточного состава опытных и преданных делу руководителей». «По-видимому, новых органов возникло уже слишком много, в особенности на Кавказе, на юге и на западе России. Хотя каждое новое общество утверждается Министром финансов, по-видимому, новые организации разрешались бессистемно, а порой даже в ущерб местным экономическим интересам. В небольших городах и местечках открыты по 2–3 общества. Конечно, не нужда в кредите, а борьба личных самолюбий местных деятелей вызвала такую множественность обществ, к невыгоде постановки самого кредитного дела» – считал в 1913 г. А.С. Харитонов, банкир, редактор журнала «Банковое дело» [13].

Слабую сеть ОВК представляла Азиатская часть Российской империи, располагавшая к началу 1912 г. всего 16 учреждениями, из которых 6 приходилось на Дальневосточную область, и по 5 на Сибирь и Туркестан [14]. Нам представляется, что для Сибири начала XX в. подъем учредительства ОВК следует рассматривать как необходимое увеличение местных органов кредита. Первое ОВК здесь было открыто в 1900 г., в Томске. Для Енисейской губернии процесс создания ОВК начался позже: лишь в 1912 г. они были учреждены в Канске и Ачинске [15], в конце 1913 г. – в Красноярске [16] и в начале марта 1916 г. – в Минусинске [17]. В среднем в год в Азиатской России открывалось по два новых общества взаимного кредита и к 1916 г. их число достигло 36 [18].

Бурное экономическое развитие России в первом десятилетии XX в. способствовало увеличению и численного состава ОВК: со 125 тыс. человек в 1904 г. до 634 тыс. человек в 1914 г., т. е. более чем в пять раз. По данным 1913 г., в каждом из сибирских обществ взаимного кредита в среднем состояло 714 человек. Численный состав отдельных ОВК значительно различался: менее 100 человек – в Нерчинско-Заводском (Забайкалье), 2726 – в Томском [19], 895 – в Омском [20], 139 человек – в Ачинском обществе взаимного кредита [21].

В 1913 г. журнал «Банковое дело» писал о Сибири: «В настоящее время существующие 14 обществ взаимного кредита имеют 10 тыс. членов с капиталом обеспечения свыше 27 млн рублей и ссужают в течение года под разные обеспечения до 40 млн рублей, причем собственные их капиталы составляют внушительную сумму в 2450 тыс. рублей. Таким образом, при 13 млн рублей посторонних денежных средств, представляющих различные вклады, займы, корреспондентский кредит и проч., сибирские взаимные кредиты пустили в хозяйственный оборот большой капитал в 15 млн рублей» [22]. В целом такая деятельность соответствовала целям и задачам ОВК, регламентированным их уставами: «доставлять ... состоящим его членами лицам того и другого пола и всякого звания, преимущественно занимающихся торговлей, промышленностью и сельским хозяйством, необходимые для их оборотов капиталы» [23].

Лица, вступившие в ОВК, пользовались в нем кредитом, соразмерно степени благонадежности или сумм представленного каждым обеспечения; участвовали в распределении прибыли от банковских операций общества, отвечали за его убытки соответственно сумме открытого каждому члену кредита. Пропорционально взносу распределялась только часть дивиденда (обычно 6 % после отчисления в запасный капитал), а то, что оставалось сверх этой части, составляло «операционную премию», которая распределялась только между членами ОВК, фактически производившими в отчетном году операции в обществе, и соразмерно полученным и уплаченным ими процентов. В начале XX в. широко распространилась в ОВК практика вычета 10 % взноса в основной капитал из ссуды взамен уплаты его «живыми» деньгами. С одной стороны, такой порядок облегчал участие в кредитном учреждении тем, у кого не было денег на вступительный взнос, а с другой – соответствующая часть капитала оказывалась фиктивной на период, пока на нее не привлекались пассивы.

Специфика целей, критериев успеха и механизма функционирования обществ взаимного кредита определяли и своеобразие их организационно-управленческой модели. Принципиально важные проблемы защиты интересов потребителей, контроля за использованием средств здесь решались общим собранием, которое выбирало совет, правление и приемный комитет общества, утверждало годовые отчеты, решало вопросы о дивидендах и вознаграждениях руководителей ОВК. Как и в акционерных коммерческих банках, общее собрание (годовое и чрезвычайное) являлось высшим органом управления ОВК, каждый член которого имел на собрании один голос. Все текущие дела (ведение банковских операций, увольнение и прием на работу служащих, проверка векселей и благонадежности вступающих в общество лиц, определение размера суммы, кредитованной членам общества и пр.) были поручены правлению общества, состоящему из председателя и двух членов ОВК, избранных общим собранием на три года. Приемный комитет состоял из 10 членов ОВК, избиравшийся общим собранием на каждую половину отчетного года; совместно с правлением он рассматривал прошения разных лиц о вступлении в общество, проверял их благонадежность, оценивал предоставляемые ими в обеспечение обязательств гарантии и пр. Решения принимались тайным голосованием не менее $\frac{3}{4}$ присутствующих на заседании членов [24]. Такой механизм помогал получить независимую оценку, а также избежать ошибок при выдаче векселей или приема людей с неустойчивым экономическим положением. Важным надзорным органом в ОВК являлся совет в составе председателя и шести выбранных общим собранием на три года депутатов. Совет контролировал деятельность правления, проводил ревизии и внезапные проверки состояния кассы и

дел общества. Наблюдательным органом являлась ревизионная комиссия, состоящая из трех или шести человек [25]. В целом структура управления обществ взаимного кредита была достаточно демократичной и обладала механизмами, ограничивающими возможности правления и совета вести незаконные или рискованные финансовые операции.

В 1910-е гг. в ОВК численностью более 300 человек, общие собрания стали заменяться собранием уполномоченных. Уполномоченных (не менее 36 человек) избирали по группам, каждая из которых давала треть членских взносов. Введение такого института часто встречало сопротивление, мотивированное тем, что прежде каждый член ОВК «являлся хозяином дела и мог защитить его, обладал правом голоса», а теперь должен был лишиться его.

С первых лет своей деятельности ОВК ориентировались на мелкую и среднюю буржуазию, городских и сельских предпринимателей. Отчасти этому способствовало то, что предельный кредит в ОВК не мог превышать размер записанного в уставе минимального кредита более, чем в 50 раз. Несмотря на необходимость для заемщика десятую часть полученного займа оставлять в основном капитале ОВК (а это удорожало кредит), в члены общества вступали те, кто не являясь крупным предпринимателем не мог получить кредит в акционерных коммерческих банках. В среднем доля торгово-промышленного слоя в сибирских ОВК составляла 40 %, а сельских хозяев – всего около 1,5 %. Представители торгово-промышленного класса, например, преобладали в Иркутском (более 60 %) [26] и Ачинском (70 %) [27] обществах взаимного кредита. При этом в Томском ОВК выше была доля служащих (около 60 %), в Ново-Николаевском – домовладельцев (около 60 %) [28], а в Омском – сельских хозяев (56,3 % от числа всех членов) [29]. Все это указывает на то, что в большей степени деятельность обществ взаимного кредита была направлена на финансирование торговли, мелкой и средней промышленности. Кредитованием сибирской деревни успешно продолжали заниматься появившиеся ранее кооперативные кредитные товарищества, сберегательные кассы, волостные и сельские банки и кассы [30]. Например, в Енисейской губернии в начале 1912 г. функционировало 162 учреждения мелкого кредита, в том числе 79 кредитных товариществ, 2 ссудо-сберегательных товарищества, 81 земская касса [31].

В начале 1918 г. деятельность всех кредитных и кооперативных организаций Сибири стала предметом обсуждения второго (чрезвычайного) съезда сибирских ОВК. Было отмечено, что с падением единой государственной власти и национализацией государственного банка в центре, доверие к последнему на местах понизилось, равно как и к акционерным банкам, и к ОВК, что проявилось в «нервности» со стороны отдельных клиентов, сокращении банковских операций. Преодоление кризиса виделось делегатам съезда в создании «объединенного областного Сибирского банка или иной кредитно-банковской организации» [32].

Заключение

Создание системы местных учреждений частного кредита представляло собой объективный процесс, обусловленный капиталистическим развитием страны. Общества взаимного кредита стали особым типом учреждений, обеспечивающих краткосрочными кредитами мелкую и среднюю буржуазию, городских и сельских предпринимателей. При этом в Сибирском регионе становление обществ взаимного кредита началось почти с 40-летним отставанием от Европейской России.

Своеобразие организационно-управленческого механизма ОВК, его относительно демократичный характер, в первую очередь связаны с характером собственности, наличием круговой поруки членов ОВК, которые сами являлись и хозяевами, и заемщиками.

В сибирских ОВК в основном преобладали представители торгово-промышленного сословия. В целом социальная структура обществ не особо отличалась от аналогичных Европейской России.

Примечания:

1. Шляхов М. Ю. Особенности развития обществ взаимного кредита Российской империи в конце XIX – начале XX веков (на примере Нижегородского общества взаимного кредита) // Современные научные исследования и инновации. 2013. № 12 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2013/12/29159> (Дата обращения 10.04. 2015).

2. Грузицкий Ю. Л. Общества взаимного кредита в Российской империи (история появления и этапы развития) // Финансы и кредит. 2002. № 13. С. 66–72.

3. Васильева Е. И. Общества взаимного кредита и развитие региональной банковской системы // Аудит и финансовый анализ. 2007. № 1. С. 245–246.

4. Зотова А. В. Петербургские общества взаимного кредита в XIX веке // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 9. С. 80–100.

5. Медведева Н. М. Псковское общество взаимного кредита в 70–90-е гг. XIX в: статус, социальная динамика, финансово-экономический характер // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 5. С. 39–50.

6. Банковско-кредитные учреждения Енисейской губернии. Хрестоматия / отв. ред. А.С. Асочаков; отв. сост. Т.А. Катцина; Красноярский государственный торгово-экономический институт. Красноярск, 2006. 222 с.

7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1872. Т. XLVIII. № 50913.

8. Исторический очерк развития торговых учреждений в России / под ред. П.Х. Спасского. СПб.: типография Императорского училища глухонемых (М. Алленовой), 1911. С. 32.
9. Соломатина, С. А. Коммерческие банки в России: динамика и структура операций, 1864–1917 гг. М.: РОССПЭН, 2004. С. 30, 41.
10. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. XVI^A. СПб., 1895. С. 623.
11. Степанов В.Л. Н.Х. Бунге: судьба реформатора. М.: РОССПЭН, 1998. С. 194.
12. Труды первого съезда сибирских обществ взаимного кредита, бывшего в г. Томске 20–22 ноября 1916 года. Томск: паровая типография «Томского союза кооперативов», [1917]. С. 8.
13. Харитонов А.С. Недостатки взаимно-кредитного дела // Банковое дело. 1913. № 5. С. 18.
14. Румянцев П.П. Торговля, промышленность, кредит // Азиатская Россия. Т. 2. Земля и хозяйство. СПб.: Издание переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия. Т-во А.Ф. Маркс, 1914. С. 441.
15. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 595. Оп. 3. Д. 3188. Л. 6.
16. Муниципальное казенное учреждение «Архив г. Ачинска» (МКУ АА). Ф. 2. Оп. 1. Д. 16. Л. 11.
17. Там же. Л. 24.
18. Труды первого съезда сибирских обществ взаимного кредита, бывшего в г. Томске 20–22 ноября 1916 года. Указ. Соч. С. 6.
19. Там же. С. 9.
20. Отчет Омского общества взаимного кредита за 1912 г. (2-й операционный год). Омск: Электро-типография «Печатное искусство», 1913. С. 32.
21. МКУ АА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 23. Л. 2, 14.
22. Банковое дело в Сибири // Банковское дело. 1913. № 3. С. 25.
23. ГАКК. Ф. 595. Оп. 3. Д. 3188. Л. 8.
24. ГАКК. Ф. 160. Оп.1. Д. 2713. Л. 16.
25. МКУ АА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15. Л. 18.
26. Труды первого съезда сибирских обществ взаимного кредита, бывшего в г. Томске 20–22 ноября 1916 года. Указ. Соч. С. 9.
27. МКУ АА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15. Л. 17.
28. Труды первого съезда сибирских обществ взаимного кредита, бывшего в г. Томске 20–22 ноября 1916 года. Указ. Соч. С. 9.
29. Отчет Омского общества взаимного кредита за 1912 г. Указ. Соч. С. 32.
30. Банковско-кредитные учреждения Енисейской губернии. Указ. Соч. С. 85.
31. ГАКК. Ф. 606. Оп. 1. Д. 68. Л. 60.
32. Труды второго (чрезвычайного) съезда Сибирских ОВК в г. Томске 31 января – 6 февраля 1918 года. Томск: паровая типография «Томского союза кооперативов», 1918. С. 53–44.

References:

1. Shlyakhov, M.Yu. (2013) Features of mutual credit societies of the Russian Empire in the late XIX – early XX centuries (for example, Nizhny Novgorod Society for Mutual Credit). *Modern scientific research and innovation*. 12 // <http://web.snauka.ru/issues/2013/12/29159> (Date of application of 10. 04. 2015). (In Russian)
2. Gruzitsky, Y.L. (2012) Mutual Credit Society in the Russian Empire (history of the emergence and development stages). *Finances and Credit*. 13, 66–72. (In Russian)
3. Vasilyeva, E.I. (2007) Mutual Credit Society and the development of regional banking system. *Audit and financial analysis*. 1, 245–246. (In Russian)
4. Zotova, A.V. (2012) Petersburg Society of Mutual Credit in the XIX century. *Proceedings of the Faculty of History of St. Petersburg University*. 9, 80–100. (In Russian)
5. Medvedeva, N.M. (2008) Pskov Mutual Credit Society in the 70–90-ies. XIX century: status, social dynamics, economic and financial. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 5, 39–50. (In Russian)
6. Asochakov, A. S. and T.A. Kattsina (2006) Banking and credit institutions Yenisei province. Krasnoyarsk: State Trade and Economic Institute. 222 p. (In Russian)
7. **Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collektion 2. Vol. XLVII. № 50913.**
8. Spassky, P.H. (1911) Historical Sketch of the commercial establishments in Russia. St. Petersburg: typography Imperial College of the deaf and dumb (M. Alenevoy). P. 32. (In Russian)
9. Salomatina, S.A. (2004) Commercial banks in Russia: dynamics and structure of operations, 1864–1917. Moscow: ROSSPEN. P. 30, 41. (In Russian)
10. Collegiate Dictionary F.A. Brockhaus and I. A. Efron (1895). Vol. XVI^A. St. Petersburg. P. 623. (In Russian)
11. Stepanov, V. L. (1998) N. H. Bunge: the fate of a reformer. Moscow: ROSSPEN. P. 194. (In Russian)
12. Proceedings of the First Congress of the Siberian mutual credit societies, the former in Tomsk, 20–22 November 1916 (1917). Tomsk: steam printing press «Tomsk Union of Cooperatives». P. 8. (In Russian)
13. Kharitonov, A. S. (1913) Disadvantages mutually credit file. *Banking*. 5, 18. (In Russian)

14. Rummyantsev, P.P. (1914) Trade, industry, credit. *Asian Russia*. Vol. 2. Land and Agriculture. St. Petersburg: Publication Resettlement Administration Main Department of Lands and Agriculture. Association A. F. Marx. P. 441. (In Russian)
15. State archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). f. 595. inv. 3. d. 3138. p. 6.
16. Municipal public institutions «Archive Achinsk» (MKU AA). f. 2. inv. 1. d. 16. p. 11.
17. Ibid. P. 24.
18. Proceedings of the First Congress of the Siberian mutual credit societies, the former in Tomsk, 20–22 November 1916. Op. cit. P. 6. (In Russian)
19. Ibid. P. 9.
20. Report Omsk Mutual Credit Society for 1912 (1913). Omsk: Electro-typography «Printing Art». P. 32. (In Russian)
21. MKU AA. f. 2. inv.1. d. 23. pp. 2, 14.
22. Banking in Siberia (1913). *Banking*. 3, 25. (In Russian)
23. GAKK. f. 595. inv. 3. d. 2713. p. 8.
24. GAKK. f. 160. inv. 1. d. 2713. p. 16.
25. MKU AA. f. 2. inv. 1 d. 15. p. 18.
26. Proceedings of the First Congress of the Siberian mutual credit societies, the former in Tomsk, 20–22 November 1916. Op. cit. P. 9. (In Russian)
27. MKU AA. f. 2. inv. 1 d. 15. p. 17.
28. Proceedings of the First Congress of the Siberian mutual credit societies, the former in Tomsk, 20–22 November 1916. Op. cit. P. 9. (In Russian)
29. Report Omsk Mutual Credit Society for 1912. Op. cit. P. 32. (In Russian)
30. Asochakov, A. S. and T.A. Kattsina (2006). Op. cit. P. 85. (In Russian)
31. GAKK. f. 606. inv. 1. d. 68. p. 60.
32. Works of the second (extraordinary) congress of the Siberian SMC in Tomsk on January 31 – on February 6, 1918. (1918). Tomsk steam printing press «Tomsk Union of Cooperatives». P. 53–54. (In Russian)

УДК 336.713 (091) (571./5)

**Общества взаимного кредита Сибири в начале XX в.:
численность, структура управления и состав**

¹Татьяна Анатольевна Катцина

²Елена Владимировна Болонкина

³Людмила Евгеньевна Мариненко

¹⁻³ Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

¹ Кандидат исторических наук, доцент

E-mail: katsina@list.ru

² Кандидат исторических наук, доцент

E-mail: larisab77.77@mail.ru

³ Кандидат исторических наук, доцент

E-mail: velichinskaya.lyudmila@mail.ru

Аннотация. В статье на материалах по Сибири раскрыты количество, система организации, численный и социальный состав обществ взаимного кредита. Эти общества являлись, как правило, небольшими банками, которые обслуживали мелкую и среднюю буржуазию, городских и сельских предпринимателей: отличались от других кредитных учреждений двумя основными признаками: 1) хозяевами предприятия являлись не кредиторы, а сами заемщики, и 2) члены обществ были связаны круговой порукой. Статья написана с привлечением новых архивных материалов, которые позволили сформулировать вывод о более позднем начале развития обществ взаимного кредита в сибирской провинции, относительно демократичной системе их управления, основанной на личном знакомстве и взаимном доверии участников; о преобладании в их составе представителей торгово-промышленного сословия и слабом различии социальной структуры от обществ взаимного кредита Европейской России.

Ключевые слова: кредитно-банковская система, частные кредитные банки, общество взаимного кредита; краткосрочный кредит; Сибирь; организационная структура; социальная структура.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 38, Is. 4, pp. 1053-1061, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

The Activities of All-Russian Peasant Union on the Black Sea Province During the First Russian Revolution

¹ Konstantin V. Taran

² Natalia V. Svechnikova

³ Stanislav I. Buslaev

¹ International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation
PhD (History)

E-mail: taran.constantin@yandex.ru

² Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation

Stremyanny lane, 36, Moscow, 117997

PhD (legal), Associate Professor

³ Financial University under the Government of the Russian Federation, Russian Federation

Shcherbakovskaya street, 38, Moscow, 105187

PhD (military), Senior Lecturer

Abstract

The article discusses the activities of all-Russian peasant union on the territory of the Black Sea province during the First Russian revolution. The article employs the records of central and regional archives of the Russian Federation, namely the state archive of the Russian Federation, Russian state military historical archive, the state archive of the Krasnodar region and the center for documentation of contemporary history of Krasnodar region. The article introduces into scientific circulation for the first time the part of archival material. When dealing with research tasks the authors used the general scientific methods (analysis, synthesis, generalization), and the traditional methods of historical analysis. We used the historical-situational method, which involves the examination of historical facts in the context of the studied epoch in conjunction with the "neighboring" events and facts. The authors come to the conclusion that the activities of the peasant union were increasingly aimed at reporting of rural people on what is happening in the country and most importantly on the lighting of decisions taken at the congresses of all-Russian peasant union.

Keywords: All-Russian Peasant Union, the first Russian revolution, the Black Sea province.

Введение

События Первой революции 1905-1907 гг. в России послужили толчком для создания новых общественно-политических объединений различной направленности, форм и масштабов. Из-за обострения аграрного вопроса в европейской части Российской империи, революцию часто называют крестьянской, а крестьянское движение считают мощнейшим источником радикальных настроений на селе. В связи с этим, определенный интерес вызывает создание Всероссийского крестьянского союза, учредительный съезд которого проводился в течение двух дней в Москве 31 июля и 1 августа 1905 г.

Материалы и методы

В качестве материалов были использованы архивные документы центральных и региональных архивохранилищ, а именно государственного архива Российской Федерации, Российского государственного военно-исторического архива, государственного архива Краснодарского края и центра документации новейшей истории Краснодарского края. Часть архивного материала впервые

вводится в научный оборот. В подготовке рукописи были использованы также и материалы периодической печати.

При решении исследовательских задач применялись как общенаучные методы (анализа, синтеза, обобщения), так и традиционные методы исторического анализа. В работе использован историко-ситуационный метод, который предполагает изучение исторических фактов в контексте изучаемой эпохи в совокупности с «соседствующими» событиями и фактами.

Обсуждение

Историографический обзор по теме исследования уже рассматривался нами в предыдущих публикациях [1-2], а также в историографическом исследовании С.Д. Багдасарян [3].

Результаты

Созданию крестьянского союза в Черноморской губернии способствовала активизация и формирование группы социалистов-революционеров в губернском центре – Новороссийске, которые тесно взаимодействовали с сельским населением Новороссийского округа. Фактическое объединение новороссийских социалистов-революционеров состоялось в 1904 г., после приезда в город инженера Ш.К. Рабиновича-Лейбовича, который устроился работать на чугунно-механический завод «Товарищества Макларен, Фрейшист и К^о» и возглавил группу социалистов-революционеров, состоящую из местных интеллигентов О. Прохорова, Ю. Нарышкина и других. Под их руководством в октябре 1904 г. на территории Новороссийского округа была распространена листовка, призывавшая население требовать от правительства прекращения войны с Японией [4].

Листовку с воззванием: «Требуйте прекращения войны!», была подписана в Геленджике 15 октября 1904 г. следующими лицами и далее по тексту:

Криница близ Береговое: бывший студент Василий Березанский, Григорий Примак, Борис Орлов, Януарий Страшкевич, Михаил Кожушко, Николай Вильмс, Федор Домерчиков, Григорий Василевский, Вера Пронина, Наталья Коган, Анна Сычугова, Анюта Наренкова, Елена Малко, Авраам Васильев Юшка, Евдокия Юшка, Алексей Ракович, Сергей Шубин, Павлин Пятницкий, Василий Антонов, Семен Венжер, Николай Череватенко. Хутор перевал близ Геленджика.

Ефим Бровко, Лукьян Капинус, Степан Капинус, Петр Кисел, Наталья Капинусова, Прасковья Бровко, Петр Овсяк и Евгений Калантаров – Геленджик.

Осип Прохоров, Юрий Нарышкин, инженер Лейбович, Николай Иванов – Новороссийск.

Грюнер, Мария Крутикова, А. Залеская, О. Сушкова, Анна Стеценкова – Екатеринодар.

Просим желающих присоединиться и подписать воззвание, отправив его по адресу: ст. Козловка-Заська, Моск.-Кур. ЖД, «Ясная Поляна» Л. Н. Толстой [5].

После этого в Новороссийске в помещении музыкально-артистического кружка состоялся новогодний банкет с участием рабочих, организованный представителями либеральной интеллигенции и социалистами-революционерами, во главе с сотрудниками газет «Черноморское Побережье» Б.Д. Веккером и «Донская Речь» О.О. Прохоровым [6].

На этом вечере новороссийская общественность критиковала российское правительство за поражения, допущенные в войне с Японией [7], а также был зачитан автореферат, подготовленный Ш.К. Рабиновичем-Лейбовичем. Кроме указанных лиц, на этом вечере присутствовали представители партии социалистов-революционеров и социал-демократов – учителя Сотери и Рено, Борис и Аделаида Прохоровы, А. Краснов и другие [8].

После «красного воскресенья» – 9 января 1905 г., активизировалась деятельность интеллигенции Новороссийского округа совместно с сельским населением по организации крестьянских союзов в населенных пунктах округа. Местные власти среди этих активистов выделяли главных деятелей, а именно дворянина, по профессии фельдшера Алексея Ксенофоновича Раковича, прапорщика запаса Михаила Когана, мещанина Бориса Яковлева, крестьян Ефима Бровко, Петра Обрезкова, братьев Филиппа и Михаила Кожушко, проживающих в селе Геленджик Новороссийского округа и соседних селениях. Этот костяк и составлял организационное бюро крестьянского союза, депутатом которого крестьянин Бровко и был представлен на Учредительном съезде Всероссийского крестьянского союза в Москве летом 1905 г. [9]

В течение 1905 г. и в большей степени после посещения Бровко Учредительного съезда Всероссийского крестьянского союза в деревнях Новороссийского округа Черноморской губернии всеми вышеуказанными лицами велась пропаганда с целью образования сельских союзов [10]. Кроме этого, ораторы на митингах в селах негативно отзывались о деятельности правительства и предлагали вступать в ряды социал-демократов и социалистов-революционеров [11].

Через два с половиной месяца, вечером 15 октября 1905 г. в Геленджике состоялся съезд крестьянских союзов Новороссийского округа, протокол которого был опубликован в газете «Черноморское побережье» от 25 октября 1905 г. На съезде принимали участие члены союза из Бетты, Криницы, Геленджика, Прасковеевки, Перевала и Береговой, т.е. представители 6 населенных пунктов из 15, входящих в состав Новороссийского округа. Предполагалось создать Окружной крестьянский союз из сельских союзов, образованных только в Новороссийском округе, включая союз села Архипо-Осиповки Туапсинского округа. *Таким образом сельские, крестьянские союзы,*

объединенные в окружном крестьянском союзе и созванные организационным бюро, могут находиться в следующих селах, хуторах, урочищах: 1) Адербиевка, 2) Борисовка, 3) Береговой, 4) Васильевка, 5) Глебовка, 6) Геленджик, 7) Кабардинка, 8) интел. земледельцы хутора Криница, 9) интел. поселяне земледельцы Перевала, 10) Кириловка, 11) Новороссийск, 12) Мефодиевка, 13) Пшада, 14) Прасковеевка, 15) Федотовка, 16) культурицики урочища Бетта и 17) Архипо-Осиповка. Постановили: признать, что в настоящее сельские союзы образовались: 1) в Геленджике, 2) интел. хутор Криница, 3) Перевал, 4) Береговой, 5) урочище Бетта.

Съезд носил демократический характер, на котором командированные депутаты могли представлять интересы одного или нескольких течений, имевших место в одном населенном сельском пункте, но не менее пяти человек. Деятельность создаваемого объединения сельских союзов, планировалась для сношения с Всероссийским крестьянским союзом и правительственными учреждениями.

Предлагалось создать организационное бюро (справочную контору), где участники крестьянского союза могли бы получать разъяснения, хранить кассу, производить раскладку. При этом, члены союза, выбранные в это бюро, не имели права издавать какие-либо распоряжения, т.к. это бюро организовывалось только для взаимодействия с Всероссийским крестьянским союзом и его прерогативой являлось созывать съезды, хранить, ведать и расходовать кассу сельских союзов, отдавая отчет во всем после каждого крупного расхода через выборных от сельских союзов. Ответственным за деятельность бюро в Геленджике был избран А. Ракович, а кандидатами в качестве его заместителей избрали М. Когана и Б. Яковлева из Криницы.

На съезде были приняты следующие решения. Добиваться передела всей земли Русского Государства в собственность всего народа без права частной собственности, т.е. участники требовали от государства уничтожения собственности на землю. При этом, пути для достижения этого намечались мирные, а в крайнем случае – путем насилия.

Далее участник съезда предприняли попытки завуалировать свои радикальные настроения и следующее высказывание трактовалось таким образом: *Выкупить землю у помещиков – значит признать за ним право собственности на землю и на капитал. Насилие не есть решение вопроса.*

После долгих споров постановили: добиваться через Учредительное собрание введения единого налога на землю. Если удастся провести необходимость единого налога на землю через Всероссийский крестьянский союз, и опершись на него, т.е. на всю Россию, заняться широким разъяснением этого положения среди всех крестьян и землевладельцев, то тогда введение единого налога будет вопросом одного – двух лет. Единый налог на землю, заменяющий все прямые и косвенные налоги и определяемый равно по местам особыми комиссиями, невозможность торговать землей – уравнение плательщиков и увеличение дохода государства.

Но дабы нынешние помещики и владельцы больших десятин (большого количества) не могли оставить за собой землю устройством на них пастбищ, лесных насаждений и пр. то постановили: признать земли, в коих находятся естественные богатства, лесные насаждения, или дикорастущий лес и пастбище – общественным достоянием, т.е. в общественном пользовании. Так же равно и земли, на которых строятся города, дороги, фабрики, заводы и пр. В конце заседания было высказано мнение, как следует смотреть на Всероссийский крестьянский союз. Он есть наш выразитель наших народных, трудовых прав и интересов, а потому мы должны бояться принести свою жертву, и время и средства и если потребуется – свою свободу, дабы союз крестьянский креп и развивался. Бояться особенно нечего.

Кроме этого, было принято решение взимать с каждого члена союза на нужды организации по 10 копеек, а из собранной суммы погасить расходы Е. Бровко, затраченные им для участия в первом Учредительном съезде Всероссийского крестьянского союза, а на предстоящую поездку на съезд ассигновать по 50 копеек. В связи с недомоганием Бровко отказался от поездки в Москву, поэтому участники съезда избрали депутатом А. Раковича [12].

С 6 по 10 ноября 1905 г. на съезде делегатов Всероссийского крестьянского союза в Москве, присутствовал делегат от Черноморской губернии Ракович, который принимал участие в обсуждении намеченной программы съезда. После возвращения из Москвы Ракович 19 ноября 1905 г., на собрании членов крестьянских союзов в селе Геленджик, сделал доклад по поводу работы Всероссийского крестьянского союза. Его доклад полностью был опубликован 25 ноября 1905 года в газете «Черноморское побережье» [13].

Необходимо отметить следующее. На ноябрьском съезде Всероссийского крестьянского союза было заявлено о том, что в случае, если правительство подвергнет репрессиям участников Всероссийского крестьянского союза, крестьяне ответят отказом от уплаты налогов и изъятием своих вкладов из сберегательных касс, закрытием винных лавок, а также отказом давать рекрутов для службы в вооруженных силах. И далее по тексту, как было указано в № 825 газеты «Черноморское побережье» от 29 ноября 1905 г.: 1) отказ от уплаты податей, 2) не давать рекрутов, 3) вынуть вклады из Гос. сберкассы, 4) отказ от употребления продуктов облагаемых косвенным налогом: водка, табак, чай, сахар и прочее [14].

После доклада в Геленджике Ракович посетил ряд населенных пунктов Новороссийского округа: Абрау-Дюрсо, Береговая, Кабардинка и Марьино Роще, где также ознакомил крестьян с решениями Всероссийского крестьянского союза, принятыми на съезде в Москве [15].

Помимо этого, Ракович отправил в село Айбга Сочинского округа учителю Е. Славгородскому издание «Посредника», Типография торгового дома Печковского и Буланжа в Москве «Об уравнительном землепользовании» С. Николаева. Постановления Учредительного Собрания Съезда Всероссийского крестьянского союза [16].

Ознакомившись с докладом Раковича, крестьяне поселка Марьино Роща (14 из 25 домохозяев) в присутствии старосты Дульчевского 19 ноября 1905 г., собравшись на сходе, обсуждали свои нужды на основании права данного им Высочайшим Манифестом от 17 октября 1905 г. На этом сходе крестьяне решили присоединиться к постановлению *братьев-крестьян* Мостовской и Тягло-Озерской волостей Николаевского уезда, Самарской губернии, от 30 октября 1905 г., опубликованного в газете «Сын Отечества» № 100 от 9 ноября 1905 г. Этот приговор, вместе с прилагаемым постановлением самарских крестьян, по решению схода был опубликован в газетах «Черноморское побережье» [17] и «Сын Отечества».

Кроме этого, 21 ноября 1905 г. на собрании участников крестьянского союза села Геленджик был принят проект устава этого сельского объединения, который был опубликован в газете «Черноморское побережье» [18].

Либеральная интеллигенция и городской голова Новороссийска А. Никулин обратили внимание на активность участников окружного крестьянского союза, в связи с чем, в начале декабря 1905 г. для всех интересующихся крестьянским вопросом было открыто отделение Черноморского крестьянского союза в губернском центре в помещении конторы Никулина на пересечении улиц Николаевской и Раевской [19].

Для освещения земского и аграрного вопросов в Новороссийске в декабре 1905 г. временно проживал и выступал на собраниях активный участник крестьянского союза М.И. Коган [20].

В связи с тем, что в Российской империи увеличилось количество проявлений экстремизма и выражений недовольства, в конце ноября 1905 г. царское правительство предприняло меры по наведению порядка и упрочению власти. Региональным администрациям было разрешено по своему усмотрению объявлять положение усиленной и чрезвычайной охраны, а специальным указом от 2 декабря 1905 г. устанавливалась уголовная ответственность в отношении лиц, чьи действия были направлены на подрыв российской государственности [21].

В свою очередь 2 декабря 1905 г. лидеры социалистических и либеральных политических объединений подписали и опубликовали так называемый «Финансовый манифест», который был направлен на подрыв государственной валютно-денежной системы страны. В этом манифесте были отражены решения делегатов ноябрьского съезда Всероссийского крестьянского союза, т.е. населению предлагалось не платить налоги и подати, изымать вклады из сберегательных касс, желателен золотом, а не обесцененными бумажными рублями, не выплачивать государственных долгов по займам [22].

3 декабря 1905 г. российскими властями были арестованы члены исполкома и депутаты Совета рабочих депутатов в количестве 267 чел. В связи с этим, Петербургский Совет рабочих депутатов, РСДРП, социалисты-революционеры и Бунд обратились с воззванием «Ко всему народу» с призывом к всероссийской стачке, которую предлагалось начать с полудня 8 декабря 1905 г. Это решение поддержали Союз союзов, Почтово-телеграфный союз, а также представители других рабочих профсоюзов [23].

Известия о начале стачки до Черноморской губернии дошли довольно быстро. Так, 7 декабря 1905 г. из Ростова-на-Дону поступила телеграмма, в которой сообщалось, что Петербургский и Московский Совет рабочих депутатов, организации 29 железных дорог и центральный комитет бюро железнодорожного союза постановили – начать всеобщую политическую забастовку с целью свержения самодержавия [24].

В течение недели в Новороссийске прошли выборы в Совет рабочих депутатов, который взял курс на поддержку политической стачки, а также на вооружение своих сторонников. В связи с этим, вооруженные дружинники стали наведываться в села с целью изъятия у крестьян оружия, т.к. последние не намеревались вступать в вооруженную конфронтацию с существующими властями. В итоге в Кабардинке дружинниками изъято 22 винтовки, Глебовке 11, Васильевке 3, Кириловке 20, Владимировке 14, Борисовке 2, на заводе «Цепь» 21, в имении Абрау-Дюрсо 44, на старом цементном заводе 2 и у конно-полицейской стражи изъята одна винтовка [25].

Исправляющий дела губернатора Березников не сумел предотвратить изъятие оружия дружинниками. При этом, как он сам отмечает, в селе Кабардинка оружие было заведомо оставлено поселянам, т.к. поселяне настоятельно просили о разрешении соединиться с постом пограничной стражи и отбить нападение революционеров. Березников преследуя цель подъема духа населения оставил оружие кабардинцам, но поселяне в последнюю минуту струсили и не препятствовали изъятию оружия дружинниками [26].

В селе Марьино Роща учителя Э. Цимер и Д. Шульженко, совместно с поселянами Петром Черненко, Дмитрием Костюченко в декабре 1905 г. подбивали крестьян ехать в Геленджик и отбирать

оружие у крестьян, после чего отправиться в Новороссийск для сопротивления казакам. Эти же лица 27 декабря 1905 г. предложили отправиться за оружием на дачу барона Рауша, а также предлагали крестьянам избить и изгнать старосту из села [27].

Несмотря на то, что в газете «Черноморское побережье» было опубликовано распоряжение исправляющего дела губернатора А. Березникова об объявлении города и его окрестностей на 20 верст вокруг на положении усиленной охраны с 16 декабря 1905 г., в Геленджике социалист-революционер Гречкин, С. и И. Кошманы, Кисель, Кожушко, Ракович, Росляков и другие, активно призывали крестьян к вооруженному восстанию [28].

Вместо этого крестьяне села Геленджик на сходе 15 декабря 1905 г., созванного еще раз обсудить основные положения царского манифеста, на котором присутствовало 73 человека и сельский старшина Л. Мещенко, первым делом *принесли благодарность павшим за свободу*, после чего составили следующий приговор:

1) *Земля – народное достояние, нужно созвать Учредительное Собрание, чтобы на нем решили передать землю народу без пролития крови.*

2) *Равенство всех перед законом, несмотря на национальность, вероисповедание, уничтожить сословие.*

3) *Получение образования за счет государства, чтобы после окончания низшего учебного, можно было пойти учиться в среднее и высшее учебные заведения.*

4) *Отмены выкупных платежей и всех несправедливых налогов, это тоже должно быть решено на Учредительном Собрании.*

5) *Скорейший созыв Учредительного Собрания для выработки основных законов.*

6) *Конституционное управление в государстве с Государем во главе.*

7) *Преподавание закона божьего в училищах низших, средних и высших.*

8)...

9) *Отмена смертной казни и телесных наказаний.*

10) *Привлечение к суду всех без исключения, а также и должностных лиц.*

11) *Учредительное Собрание должно выработать и ввести новое устройство сельское, волостное, губернское и городское на основе самоуправления.*

12) *Все должностные лица должны быть избираемы людьми, достигшими совершеннолетия на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права.*

13) *Учредительное Собрание должно установить справедливые порядки на фабриках.*

Сход постановил утвердить и подписать данный приговор. В подписании приговора не отказываться иногородним, если они пожелают [29].

Нужно отметить, что у крестьян было негативное отношение к учителям, которые подвергали сомнениям их религиозные устои или не корректно отзывались о царских особах. Например, летом 1905 г. из Геленджика была удалена учительница Введенская, о чем имела место публикация в газете «Черноморское побережье»:

25 августа группой местной интеллигенции был устроен прощальный ужин с целью почтить уезжающую из Геленджика учительницу местной школы Н.П. Введенскую.

Отъезд г. Введенской стоит в прямой связи с деятельностью наших доморожденных «охранителей», добившихся окольными путями составления приговора об удалении г. Введенской от занимаемой ею должности. Как составлялся приговор, какие общественные элементы принимали в нем участие, и какие приемы были пущены в ход при собирании подписей, обнаружит лишь подробное беспристрастное следствие, которого ждет как сама г. Введенская, так и та часть населения (поселяне и интеллигенция), которые возмущены подобного рода приговорами и пассивным отношением к данному вопросу г. инспектора народных училищ. Высказывая свое искреннее сожаление об отъезде из Геленджика Н.П. Введенской, отдавшей все свои силы на служение дорогому делу народного просвещения и получившей пресловутым приговором, такую благодарность от общества, мы с грустью отмечаем, что человеконенавистничество, проповедуемое г.г. Бергом, Грингмутом и К^о нашло себе место и в Геленджике.

М. Росляков, Е. Анисимова, Е. Рослякова, Ник. Анисимов, Ф. Горянов, Борис фон Ренгартен, Н. Жидков, К. Жидкова, Ив. Анисимов, Флюг, Сахарцев, Воробьева, Анна Редько, Литниевич, З. Ключниковская, А. Пирловская, В. Синицкий, Гр. Лебедев, Н. Череватенко, В. Николаевская, С. Шубин, П. Петницкий, И. Горянов, К Кожушко, Т. Николаевская, А. Ярцев [30].

В этой статье так и не была конкретно указана причина, по которой крестьяне желали удалить из села преподавательницу Введенскую. В Марьиной Роще у Э. Цимера проживали учительницы из сел Небуга и Ольгинской Туапсинского округа, где учителя также сыграли свою роль в дестабилизации политической обстановки.

Со стороны руководства бюро крестьянского союза усилилась агитация среди сельских жителей Новороссийского и частично Туапсинского округов. Из протокола от 5 января 1906 г., составленного полицейским урядником с. Геленджик Козьмой Завгародным известно, что проживающий в общине Криница Новороссийского округа бывший Дальнего Востока офицер Михаил Коган, в цивильном платье в сопровождении священника Николаевской церкви О. Никольским-Далинским, 11 декабря 1905 года явился в сельское правление села Пшада, где вел пропаганду о съезде Всероссийского

крестьянского союза, который должен состояться в Москве. Призывал поселян примкнуть к Всероссийскому крестьянскому союзу, от чего им должно стать хорошо. Говорил, что правительство не честное, чиновники – мошенники, они устанавливают налоги, которые кладут себе в карман, а народ ничего не имеет, ни земли, ни воли. Предлагал соединиться с Всероссийским крестьянским союзом и поддержать всероссийскую забастовку, не признавать царского правительства, не давать рекрутов, податей, не давать приговоров на подпись начальнику округа, не давать нарочных и обывательских подвод, не посылать выборного в Гос. Думу, а кто против этих требований, тот враг народа. Нужно послать своего выборного на съезд Всероссийского крестьянского союза в Москву.

Коган запугивал поселян, что если послать выборного в Гос. Думу, то опять попадете в рабство к попам. Его поддержал Трофим Сенько из Пшады, но поселяне имели разные суждения.

После этого, Коган и Далинский поехали в Архипо-Осиповку, после чего вернулись обратно в Пшаду, где были холодно приняты поселянами, говорить с которыми Когану не удалось.

18 декабря 1905 года Коган и священник Далинский, а также поселяне села Берегового Николай Казенный и Николай Пироженко, снова явились в Пшаду. Предлагали поселянам присоединиться к ним и подписать в крестьянский союз, после чего с каждого члена Всероссийского крестьянского союза нужен вступительный взнос в размере 10 копеек, а также месячный взнос - 10 копеек.

22 декабря 1905 года священник Далинский, его псаломщик учитель с Широкой Мартынов, Николай Пироженко и Изот Сычугов из Криницы, приезжали в с. Пшаду уговаривать поселян вступить в Всероссийский крестьянский союз. Это могут подтвердить поселяне Аким Сергиенко, Николай Гецко, Емельян Пурис, Николай Лемешко, Андрей Орлов и другие [31].

Поездка Когана и Далинского в Пшаду и села Туапсинского округа – Архипо-Осиповку, Ольгинку и Небуг каких-либо результатов не принесла, т.к. их агитация о присоединении к Всероссийскому крестьянскому союзу имела незначительное действие, если не считать, что в селе Небуг поселянин Власенко был избран крестьянами своим представителем [32].

На совещании бюро крестьянского союза 1 января 1906 г. был решен вопрос о самообложении и добровольных пожертвованиях в фонд на случай ареста или болезни участников союза. Постановили об обязательном внесении взносов в сумме 20 копеек с каждого члена. В случае проведения съезда Всероссийского крестьянского союза в Москве, были проведены выборы кандидата. По результатам голосования большинство набрал Ракович. При этом, для окончательного подведения итогов голосования, не были учтены результаты из Марьиной Роши и Новороссийска [33].

В дальнейшем со стороны властей в отношении участников крестьянского союза проводилось дознание, в следствии чего в феврале 1906 г. был арестован А. Ракович. Кроме него к следствию привлекались еще 20 человек: Кошевец, Черныш, Кисель, Второв, Анисимов, Власенко, Калитаев, Виноградов, Коган, Яковлев, Бровко, Сычугов, Череватенко, Обрезков, Кожушко, Ф. и С Кошманы, Васильев, Мартынов и Пироженко [34].

Деятельность сторонников крестьянского союза практически прекратилась, если не считать отдельные эпизоды, имевшие место в Новороссийском округе и других населенных пунктах Черноморской губернии. В октябре 1905 г. властям стало известно, что в селе Геленджик в нежилом помещении состоялся митинг. Главным организатором этого митинга являлся учитель местного училища Сергей Второв, которого было предложено выслать за пределы Черноморской губернии [35].

Кроме этого, имели место и другие происшествия. Например, в ночь с 15 на 16 декабря 1906 г. в деревне Береговой произошло нападение на сельское правление, в которое ворвалось 5 человек и откуда было изъято: 1) две медных печати сельского Берегового старшины (сургучную и мастичную), 2) 32 белых и 10 желтых бланков паспортов, 3) один штемпель для сельского суда, 4) один штемпель для бланков Берегового сельского правления, 5) один штемпель для повесток о вызове в суд, 6) коробку стальных перьев, 7) одну медную печать с надписью: «Береговой староста», 8) Медный знак: «Сельский старшина», 9) 5-ти летнюю книжку писаря выданную 1903 г. Иосифу Александрова Эрславана, 10) мелкими монетами на 6 рублей [36].

На Михайловском перевале 3 февраля 1907 г. местными властями у В.Н. Николаевской была найдена революционная литература и гектограф. При обыске был арестован И.И. Анисимов, который привлекался ранее по делу «Крестьянского союза» заявил, что гектограф принадлежит ему [37].

В селе Джубга Туапсинского округа 3 апреля 1907 г. сотрудники полиции задержали мещанина г. Новгорода Н.Ф. Сонкина и крестьянина д. Улуковья Гомельского уезда и волости С.И. Сорокина. На основании агентурных сведений, властями было установлено, что эти лица нелегальные и принадлежат к партии социалистов-революционеров и направлялись в Новороссийск. Сонкин и Сорокин предполагали в одном из сельских правлений Черноморской губернии произвести экспроприацию паспортных бланков, но это оказалось излишним, т.к. писарь правления добровольно дал им нужное количество бланков. Где именно это произошло властям известно не было [38].

В своих воспоминаниях социалист-революционер О. Прохоров отмечал, что образованный окружной крестьянский союз придерживался толстовского направления. Организаторы союза желали крестьянское движение ввести в мирное русло и этим помочь им разрешить аграрный вопрос. Но в дальнейшем, большинство участников крестьянского союза примкнули к партии социалистов-революционеров, которые настаивали на радикальном решении аграрного вопроса, т.е.

экспроприровать земли казенные, церковные, помещичьи, со всеми угодьями, скотом и инвентарем [39].

Заключение

Таким образом, создание крестьянского союза в Новороссийском округе стало следствием совместных усилий интеллигенции и крестьян, при этом активность первых превалировала над вторыми. Деятельность бюро крестьянского союза была в большей степени направлена на информирование сельских жителей на происходящие в стране события и самое главное на освещение решений, принятых на съездах Всероссийского крестьянского союза. После публикации «Финансового манифеста» и объявления антиправительственной стачки, радикальная часть интеллигенции пыталась втянуть крестьян округа в вооруженный конфликт с властями, но поддержки сельского населения в этом получено не было.

Примечания:

1. Taran K.V. Revisiting the issue of far-left political parties in 1907-1909 (through the example of Black sea governorate) // *Былые годы. Российский исторический журнал*. 2015. № 36 (2). С. 347-358.
2. Taran K.V. Rural communities on the outskirts of the Russian empire amid the first Russian revolution (through the example of villages within the black sea governorate) // *Былые годы. Российский исторический журнал*. 2015. № 35 (1). С. 124-132.
3. Bagdasaryan S.D. The History of the Olympic Capital Sochi 2014: the Scientific Research Aspect // *Journal of Advocacy, Research and Education*, 2015, Vol.(2), Is. 1, pp. 13-24.
4. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 2830. Оп. 1. Д. 1075. Л. 7.
5. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 584. Оп. 1. Д. 205. Л. 30.
6. ГАКК. Ф. 584. Оп. 1. Д. 199. Л. 5.
7. ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 986. Л. 1.
8. ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 1075. Л. 1.
9. Черноморское побережье (Новороссийск). 1905. 25 окт.
10. ГАКК. Д. 584. Оп. 1. Д. 230а. Л. 425.
11. ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 46. Л. 1.
12. Черноморское побережье (Новороссийск). 1905. 25 окт.
13. ГАКК. Д. 584. Оп. 1. Д. 230а. Л. 422, 425.
14. Черноморское побережье (Новороссийск). 1905. 25 нояб.
15. ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 46. Л. 35.
16. ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 62. Л. 34.
17. Черноморское побережье (Новороссийск). 1905. 26 нояб.
18. Черноморское побережье (Новороссийск). 1905. 9 дек.
19. ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 46. Л. 7.
20. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1308. Оп. 1. Д. 24196. Л. 10.
21. Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997. С. 205.
22. Урилов И.Х. История Российской социал-демократии (меньшевизма). Ч. 3. М., 2005. С. 294.
23. Первая революция в России: Взгляд через столетие // Ответственные редакторы: А.П. Корелин, С.В. Тютюкин. М., 2005. С. 358-359.
24. Невский В.И. Новороссийская республика. // *Пролетарская революция*. 1923. № 11(23). С. 26.
25. РГВИА. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 24194. Л. 307.
26. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 233. Д. 1350. Ч. 61. Л. 14.
27. РГВИА. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 24194. Л. 312.
28. РГВИА. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 24194. Л. 122.
29. ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 40. Л. 1-3.
30. Черноморское побережье (Новороссийск). 1905. 1 сент.
31. ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 46. Л. 3-4.
32. ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 46. Л. 10.
33. ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 46. Л. 7-8.
34. ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 166. Л. 112-113.
35. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 236. Д. 9. Ч. 74. Л. 1.
36. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233. Д. 2500. Ч. 75. Л. 10.
37. ЦДНИКК. Ф. 1774-р. Оп. 2. Д. 15. Л. 5.
38. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 237. Д. 2. Ч. 4. Л. 1-2.
39. ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 1075. Л. 22.

References:

1. Taran K.V. (2015) Revisiting the issue of far-left political parties in 1907-1909 (through the example of Black sea governorate) *Bylye Gody*. 36 (2): 347-358.
2. Taran K.V. (2015) Rural communities on the outskirts of the Russian empire amid the first Russian revolution (through the example of villages within the black sea governorate) *Bylye Gody*. 35 (1): 124-132.
3. Bagdasaryan S.D. The History of the Olympic Capital Sochi 2014: the Scientific Research Aspect // Journal of Advocacy, Research and Education, 2015, Vol.(2), Is. 1, pp. 13-24.
4. Documentation Centre of the modern history of the Krasnodar Krai (TsDNIKK). F. 2830. Op. 1. D. 1075. L. 7.
5. State Archive the Krasnodar Krai (GAKK). F. 584. Op. 1. D. 205. L. 30.
6. GAKK. F. 584. Op. 1. D. 199. L. 5.
7. TsDNIKK. F. 2830. Op. 1. D. 986. L. 1.
8. TsDNIKK. F. 2830. Op. 1. D. 1075. L. 1.
9. Chernomorskoe poberezh'e (Novorossiisk). 1905. 25 okt.
10. GAKK. D. 584. Op. 1. D. 230a. L. 425.
11. TsDNIKK. F. 2830. Op. 1. D. 46. L. 1.
12. Chernomorskoe poberezh'e (Novorossiisk). 1905. 25 okt.
13. GAKK. D. 584. Op. 1. D. 230a. L. 422, 425.
14. Chernomorskoe poberezh'e (Novorossiisk). 1905. 25 noyab.
15. TsDNIKK. F. 2830. Op. 1. D. 46. L. 35.
16. TsDNIKK. F. 2830. Op. 1. D. 62. L. 34.
17. Chernomorskoe poberezh'e (Novorossiisk). 1905. 26 noyab.
18. Chernomorskoe poberezh'e (Novorossiisk). 1905. 9 dek.
19. TsDNIKK. F. 2830. Op. 1. D. 46. L. 7.
20. Russian State Military History Archive (RGVIA). F. 1308. Op. 1. D. 24196. L. 10.
21. Leonov M.I. Partiya sotsialistov-revolutsionerov v 1905–1907 gg. M., 1997. S. 205.
22. Urilov I.Kh. Istoriya Rossiiskoi sotsial-demokratii (men'shevizma). Ch. 3. M., 2005. S. 294.
23. Pervaya revolyutsiya v Rossii: Vzgl'yad cherez stoletie // Otvetstvennye redaktory: A.P. Korelin, S.V. Tyutyukin. M., 2005. S. 358-359.
24. Nevskii V.I. Novorossiiskaya respublika. // Proletarskaya revolyutsiya. 1923. № 11(23). S. 26.
25. RGVIA. F. 1308. Op. 1. D. 24194. L. 307.
26. State Archive of the Russian Federation (GARF). F. 102. Op. 233. D. 1350. Ch. 61. L. 14.
27. RGVIA. F. 1308. Op. 1. D. 24194. L. 312.
28. RGVIA. F. 1308. Op. 1. D. 24194. L. 122.
29. TsDNIKK. F. 2830. Op. 1. D. 40. L. 1-3.
30. Chernomorskoe poberezh'e (Novorossiisk). 1905. 1 sent.
31. TsDNIKK. F. 2830. Op. 1. D. 46. L. 3-4.
32. TsDNIKK. F. 2830. Op. 1. D. 46. L. 10.
33. TsDNIKK. F. 2830. Op. 1. D. 46. L. 7-8.
34. GAKK. F. R-411. Op. 2. D. 166. L. 112-113.
35. GARF. F. 102. Op. 236. D. 9. Ch. 74. L. 1.
36. GARF. F. 102. Op. 233. D. 2500. Ch. 75. L. 10.
37. TsDNIKK. F. 1774-r. Op. 2. D. 15. L. 5.
38. GARF. F. 102. Op. 237. D. 2. Ch. 4. L. 1-2.
39. TsDNIKK. F. 2830. Op. 1. D. 1075. L. 22.

УДК 94

Деятельность Всероссийского крестьянского союза на территории Черноморской губернии в период Первой русской революции

¹ Константин Викторович Таран

² Наталья Викторовна Свечникова

³ Станислав Иванович Буслаев

¹ Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

² Российский экономический университет им Г.В. Плеханова, Российская Федерация

117997 г. Москва, Стремянный пер., 36

Кандидат юридических наук, доцент

³ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Российская Федерация

105187 г. Москва, Ул. Щербаковская, 38

Кандидат военных наук, старший преподаватель

Аннотация. В статье рассматривается деятельность Всероссийского крестьянского союза на территории Черноморской губернии в период Первой русской революции. Основным источником для подготовки статьи стали документы центральных и региональных архивохранилищ Российской Федерации, а именно государственного архива Российской Федерации, Российского государственного военно-исторического архива, государственного архива Краснодарского края и центра документации новейшей истории Краснодарского края. Часть архивного материала впервые вводится в научный оборот. При решении исследовательских задач применялись как общенаучные методы (анализа, синтеза, обобщения), так и традиционные методы исторического анализа. В работе использован историко-ситуационный метод, который предполагает изучение исторических фактов в контексте изучаемой эпохи в совокупности с «соседствующими» событиями и фактами. В заключении авторы приходят к выводу, что деятельность крестьянского союза была в большей степени направлена на информирование сельских жителей на происходящие в стране события и самое главное на освещение решений, принятых на съездах Всероссийского крестьянского союза.

Ключевые слова: Всероссийский крестьянский союз, Первая русская революция, Черноморская губерния.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 38, Is. 4, pp. 1062-1068, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

Financial and Credit Cooperation of Zemstvo in the Middle Volga at the Beginning of XXth Century: The Legal and Economic Aspects of Functioning

Tatyana A. Kobzeva

Ulyanovsk state pedagogical university of I.N. Ulyanov, Russian Federation
Ulyanovsk. The area of 100th anniversary of the V.I. Lenin, 4, 432700
PhD (History). Associate Professor.
E-mail: tadir@mail.ru

Abstract

The activities of zemstvo provinces of the Middle Volga region in the development of the financial and credit co-operatives in the early XX century is studied in the article. The author reveals the role of banks in the formation Zemsky credit and financial infrastructure in the village. The author analyzes the strategy of the credit and financial policy during the period of modernization zemstvos sotsi-cially-economic processes in Russia in the early XX century. This article was prepared on the basis of the analysis of annual and quarterly reports Zemsky small credit banks, archival documents of the Russian State Historical Archive.

Keywords: zemstvo, credit co-operatives, Zemsky cash desk small credit, Simbirsk, Kazan province, Penza Province, Samara Province, Saratov Province.

Введение

Земские учреждения дореволюционной России представляли собой систему взаимосвязанных социально-политических институтов, охватывавших своей деятельностью различные сферы общественной жизни. Земства старались учитывать интересы различных слоев общества и региональную специфику своего края. За небольшой по историческим меркам период они выработали механизмы для мирного разрешения социальных конфликтов и формирования партнерских отношений между обществом и государством. Проблемы, которые приходилось решать земствам в то время, формы и методы их финансово-кредитной политики во многом созвучны современной России. В начале XX века в стране шли экономические реформы, которые способствовали становлению институтов рыночного хозяйства. Именно в это время деятельность органов местного самоуправления приобрела наиболее широкий характер и затронула все сферы общественной жизни. Одним из основных направлений их экономической политики стало содействие финансово-кредитной, потребительской и сельскохозяйственной кооперации. Причем наиболее успешной из них была финансово-кредитная кооперация. На ее развитие были направлены основные усилия земских органов самоуправления. В предлагаемой статье исследуются основные аспекты финансово-кредитной кооперации земских учреждений губерний Среднего Поволжья, таких как Симбирская, Саратовская, Пензенская и Казанская.

Материалы и методы

Статья написана на основе опубликованных годовых отчетов уездных и губернских земских касс мелкого кредита губерний Среднего Поволжья и архивных материалов Российского государственного исторического архива (РГИА) и Государственного архива Ульяновской области (ГАУО).

Использование различных по форме и содержанию источников обусловило применение автором в работе сравнительно-исторического метода, методов статистического анализа данных, системного анализа деятельности земских касс мелкого кредита в контексте функционирования финансовых институтов дореволюционной России.

Обсуждение

В дореволюционной и советской историографии основное внимание уделялось общественно-политической истории земств, их деятельности в сферах народного образования и здравоохранения. Все дореволюционные работы по истории земств отличает богатый фактический материал, который не потерял своей актуальности и его можно использовать в современных исследованиях. Особенно это касается сведений, отражающих экономическую деятельность земских учреждений [1]. В советской историографии в русле марксистской теории большое внимание уделялось функциям капиталистического развития страны во второй половине XIX века и становления буржуазных общественных институтов, одним из которых были органы городского и земского самоуправления. Признавая большую заслугу земцев в качестве медиков, учителей, агрономов и др., советские историки отмечали, что земства так и не создали эффективной программы социально-экономического обновления страны [2].

На современном этапе наблюдается повышенный интерес к земской проблематике, обусловленный радикальными переменами в общественной жизни России 1990–2000-х гг. В последнее десятилетие XX в. появилось большое количество региональных исследований. Это очерки по истории земской медицины, культурно-просветительской работы, благотворительной и экономической деятельности земств [3]. Кроме того, на материале губерний Среднего Поволжья был написан и защищен ряд диссертаций, касавшихся отдельных аспектов организации и функционирования земств. Увидели свет и монографии по земской историографии [4]. Проблемами, связанными с деятельностью российских земств затрагивали и зарубежные исследователи в своих работах [5]. Особенно следует отметить работы зарубежных авторов, анализирующие региональные аспекты местной политики [6]. Однако, результаты всех этих работ еще не систематизированы в специальном историографическом исследовании.

Результаты

Начало развития кредитной кооперации в России было положено в конце XIX века. В 1895 г. правительство издало «Положение об учреждениях мелкого кредита» [7]. Закон предусматривал несколько видов кредитных кооперативов: судо-сберегательные и кредитные товарищества, сельские волостные банки и кассы. Кредитные товарищества отличались от судо-сберегательных отсутствием паевых взносов. Их основной капитал образовывался из ссуд Государственного банка. Волостные банки и кассы были сословными органами, так как создавались при сельских обществах [8]. Сельские волостные банки и кассы учреждались на суммы, поступающие от сельских обществ, а также на суммы, пожертвованные казной, земскими и общественными учреждениями и частными лицами [9]. Учреждениям мелкого кредита разрешалось принимать денежные вклады, выдавать займы, краткосрочные ссуды, заниматься посредничеством в покупке предметов хозяйственного назначения [10].

7 июня 1904 г. было издано новое «Положение об учреждениях мелкого кредита». Оно во многом повторяло старый закон. Однако система учреждений мелкого кредита была расширена за счет включения в нее региональных союзов кредитных кооперативов и земских касс мелкого кредита. По новому положению за земствами законодательно было закреплено право учреждать по своей инициативе кредитные учреждения. На местах предусматривалось создание губернских комитетов по делам мелкого кредита, в состав которых, наряду с администрацией, входили представители земских учреждений — председатель земской управы и члены по выбору земского собрания. Кроме того, земские кассы мелкого кредита наделялись рядом привилегий. Они освобождались от государственного промыслового обложения и гербового сбора. Проценты по вкладам, принимаемых кассой, не облагались 5 % государственным налогом. Кроме того, вклады не подлежали описи и отчуждению [11]. От частных коммерческих банков земские кассы отличались тем, что их основной капитал образовывался посредством ассигнований земского собрания, займов, ссуд государства и пожертвований частных лиц. Запасной капитал кассы, служащий для покрытия убытков, образовывался из прибылей, а также из других источников. Не менее 20 % прибыли касса обязана была отчислять в запасный капитал [12].

Образцовый устав земской кассы мелкого кредита, изданный правительством в 1906 г. определял следующие направления деятельности: «Земская касса мелкого кредита имеет целью облегчить сельским хозяевам, земледельцам, ремесленникам и промышленникам, равно как образуемым ими артелям, товариществам и обществам, а также волостным, сельским и станичным обществам и крестьянским товариществам производство хозяйственных оборотов и улучшений и приобретение инвентаря путем: 1) снабжения названных в этой статье лиц и сообществ необходимыми для того денежными средствами на банковских основаниях, и принятии на себя посредничества по их оборотам, а также 2) содействия образуемым ими для того учреждениям мелкого кредита» [13]. Таким образом, земские кассы имели возможность кредитовать как единоличных заемщиков, так и коллективных, среди которых были учреждения мелкого кредита, производственные и потребительские кооперативы.

Возможность учреждать собственные кредитные учреждения открыло для органов земского самоуправления новые горизонты экономической деятельности. Главное назначение земских касс мелкого кредита земцы видели в повышении производительности крестьянских, ремесленных, промышленных хозяйств, их кредитных, потребительских и сельскохозяйственных кооперативов, посредством финансового и товарного кредитования [14].

В Среднем Поволжье земские кассы появились в 1908–1916 годах. В Казанской губернии к 1916 г. действовало семь касс, из них шесть уездных и одна губернская. В Пензенской губернии кассы появились в 1910–1914 годах. Пик их открытия пришелся на 1911 год. Были созданы Пензенская губернская касса, Инсарская, Мокшанская и Наровчатская уездные кассы.

Основные трудности, с которыми столкнулись земства при организации касс мелкого кредита – это отсутствие необходимых свободных финансовых ресурсов. В связи с этим, вопрос об открытии касс в ряде губерний Среднего Поволжья затягивался на несколько лет. В уже упоминавшейся Пензенской губернии вопрос об открытии губернской кассы мелкого кредита был поставлен еще в 1909 г., однако касса была открыта только два года спустя [15]. Аналогичная ситуация была и с Саранской уездной кассой мелкого кредита Пензенской губернии. Впервые вопрос об открытии был поставлен очередным уездным земским собранием в 1912 г., и на протяжении последующих 3 лет неоднократно поднимался на земском собрании, однако касса была открыта только 23 марта 1916 г.

Можно выделить два периода в кредитной деятельности земских касс Российской империи. В первый период (1910–1914 гг.) в основном кредитовались единоличные заёмщики тех волостей, где не было кредитных товариществ и волостных касс, и постепенно наблюдался переход к кредитованию кооперативов. На втором этапе (1914–1917 гг.) кредитной деятельности земств основными заемщиками касс стали сельские кооперативы и учреждения мелкого кредита. Смена приоритетов в кредитной политике земств была обусловлена трудностями при определении степени кредитоспособности сельских производителей и становлением к 1914 г. сети учреждений мелкого кредита, которые стали сами предоставлять кредиты единоличным заемщикам. Этот процесс был характерен для большинства земских касс России [16].

Среди земских касс Среднего Поволжья общероссийская тенденция наиболее отчетливо прослеживается в деятельности некоторых касс Симбирской губернии, которые на первом этапе кредитовали единоличных заемщиков, а затем переориентировались на кредитные кооперативы. Например, в Симбирской уездной кассе изменения в стратегии кредитной политики начинаются в 1913 г., когда единоличным заемщикам было выдано 22 % ссуд от общей суммы (32449 руб.), а кредитные кооперативы получили 113012 рублей [17]. В следующем 1914 году доля кредитования учреждений мелкого кредита составила 75 % (155104 руб.) от общей суммы. Доля же кредитов, предоставленных единоличным заемщикам, составила 25 % в сумме 49394 руб. [18]. Первая мировая война внесла свои коррективы. Объемы кредитования единоличных заемщиков остались на прежнем уровне. По данным на 1 января 1916 г. единоличные заёмщики получили 10234 руб. или 20 % всех ссуд. Доля кредитования кредитных учреждений сократилась с 78 до 58 % и общая сумма выданных им кредитов составила 30265 рублей. [19]. Это снижение было вызвано перенаправлением части финансовых ресурсов земских касс на кредитование коллективных заемщиков, к которым преимущественно относились производственные и потребительские кооперативы. В текущем году им было выдано кредитов на 10969 рублей.

В изучаемый период можно выделить несколько региональных тенденций в реализации кредитно-финансовой политики земских касс.

Первая тенденция – ориентация отдельных земских касс на кредитование учреждений мелкого кредита. Это было характерно для Наровчатской уездной земской кассы мелкого кредита Пензенской губернии, Балашовской и Камышинской уездной кассы Саратовской губернии, Ардатовской кассы Симбирской губернии. Изначально избранная стратегия кредитования учреждений мелкого кредита была обусловлена тем обстоятельством, что в указанных регионах уже сложилась сеть учреждений мелкого кредита, которая обслуживала единоличных заемщиков. На момент открытия Наровчатской уездной кассы в 1911 г. в уезде функционировала сеть учреждений мелкого кредита, включавшая 66 кредитных и 3 ссудо-сберегательных товариществ [20]. По сути, земские кассы мелкого кредита не столько меняли сложившуюся систему взаимодействия финансовых институтов и населения России, сколько встраивались в нее, по возможности занимая свободные экономические ниши с учетом условий местного рынка. Камышинская земская касса Казанской губернии в 1910–1912 годах кредитным учреждениям были выданы ссуды на общую сумму 78350, при этом единоличным заемщикам за этот же период была выдана всего одна ссуда в 200 руб. [21]. Казанское губернское земство кредитовало около 60 % кооперативных учреждений губернии, среди которых были волостные ссудо-сберегательные кассы и кредитные товарищества [22]. Аналогичная ситуация наблюдалась и в Пензенской губернии. В 1913 г. касса выдала кредит 104 учреждениям мелкого кредита на сумму 787264 руб. [23]. Инспектор мелкого кредита Пензенской губернии отмечал снижение объемов кредитования кассой производственных кооператив и окончательная ее переориентация на кредитные кооперативы [24]. Таким образом, данные кассы выполняли стоявшую перед земскими учреждениями задачу, а именно оказывать финансовую поддержку исключительно мелким финансово-кредитным кооперативам.

Переориентация касс на кредитование кооперативов произошла вследствие увеличения количества кредитных кооперативов, которые быстрее могли удовлетворять потребности местного населения в доступном кредите. В Среднем Поволжье кредитная кооперация была не только самой ранней по времени возникновения, но и наиболее распространенной по форме. К 1914 г. в 5 губерниях сельская кредитная кооперация была представлена 70 ссудо-сберегательными (6,7 %) и 970 кредитными (93,2 %) товариществами, объединявшими около 762 тыс. человек. Здесь располагалось около 10,7 % всех кредитных кооперативов европейской части России. Из них более половины в 1914 г. находились в Самарской — 297 (28,5 %) и Саратовской — 231 (22,2 %) губерниях. В Казанской и Пензенской губерниях к этому времени сформировалось соответственно — 193 (18,5 %) и 187 (17,9 %) кредитных кооперативов. Меньше всего их было в Симбирской губернии — 132 кредитных кооператива (12,6 %) [25].

С точки зрения ускорения и оптимизации процедуры кредитования, коллективные заемщики были наиболее «удобными» клиентами для земских учреждений. Земским кассам было легче определить степень их кредитоспособности, контролировать их оплату по кредитам, нежели индивидуальных заемщиков. Однако, земства не довольствовались только лишь ролью кредитора, они выступали и как организаторы кооперативного движения в регионе, координировали деятельность уже существующих и открывающихся кооперативных учреждений. Учреждения же мелкого кредита были заинтересованы в финансовой помощи со стороны земских касс. Процесс выстраивания отношений между кооперативами и земскими кассами был постепенным и сложным. Кредитные товарищества в начальный период деятельности земских касс неоднократно указывали на недостатки их функционирования: высокий процент по ссудам, небольшие суммы кредитов и их краткосрочность, прекращение заключенных договоров по усмотрению касс [26]. Так, например, проанализировав отчеты инспекторов мелкого кредита в губерниях Среднего Поволжья, можно констатировать, что кредитные учреждения многих уездов (Инсарский и Нижнеломовской уезды Пензенской губернии, Вольский уезд Саратовской губернии) прибегали к кредиту в земских кассах только в самых крайних случаях, их не устраивал высокий процента (8 %) [27].

Вторая тенденция — это преимущественное кредитование единоличных заемщиков, обусловленная отсутствием широкой сети учреждений мелкого кредита — кредитных и ссудо-сберегательных товариществ. Эта тенденция прослеживается в деятельности Керенской кассы Пензенской губернии, Вольской кассы Саратовской губернии, Ядринской и Козмодемьянской уездных земских касс Казанской губернии. Так, в Керенской уездной кассе сумма кредитования единоличных заемщиков составляла в 95 % от общей суммы кредитов и возросла в 1913–1915 гг. в два раза, с 36467 руб. до 78940 руб. [28]. Ядринская касса кредитовала только отдельных сельских производителей, причем наибольший объем их кредитования пришелся на 1914 г. и составил 53422 руб. [29]. Некоторые кассы с самого начала своей работы ориентировались исключительно на единоличных заемщиков, как, например, Самарская губернская касса, открытая в конце 1915 г., одной из последних в Среднем Поволжье. За недолгий период своей работы, она кредитовала исключительно индивидуальных заемщиков, размер ссуд которым в 1916 г. составил 49916 руб. [30].

Третья тенденция — кредитование производственных и потребительских кооперативов, связанная с развитием кооперации в уездах Среднего Поволжья. Она была характерна для Буинской уездной земской кассы мелкого кредита, которая с самого начала своей деятельности перешла к кредитованию производственных кооперативов. В 1915 г. общая сумма их финансирования составила 16765 руб. [31]. В этом же году на производственные и потребительские кооперативы переориентировалась Городищенская земская касса Пензенской губернии. На производственные кооперативы из общей суммы ссуд приходилось 90 %, в то время как на кредитные кооперативы всего 10 % [32].

Представители учреждений мелкого кредита на районных кооперативных съездах неоднократно обсуждали вопрос об участии земств в развитии кредитной кооперации. При этом отмечались как очевидные достижения земств, так и отдельные проблемы. В 1912 г. на прошедшем кооперативном съезде района Казанского отделения Госбанка было отмечено, что благодаря земской поддержки в течении двух лет с 1911 по 1912 гг. было открыто 30 товариществ и предоставлено товаров по льготным ценам 100 кредитным кооперативам [33]. Первой проблемой были высокие проценты по кредитам. Второй — экономическая неэффективность земских касс мелкого кредита. Так, например, Мокшанская уездная касса мелкого кредита была открыта 12 февраля 1911 г., а закрыта была в октябре 1912 г. За короткий период своего существования касса обслуживала 18 сельских кредитных учреждения, из которых восемь, по мнению инспектора, пришли в упадок, а их оплата по судам составила 50 % от общей суммы долгов. Кредитными услугами кассы в 1915 г. воспользовались только 14 кооперативов [34]. Мокшанская касса стала убыточной организацией для земских учреждений, потому что основные долги кассы должно было погасить уездное земство. Именно поэтому было принято решение закрыть кассу [35].

В период экономического кризиса кассы стали подспорьем финансирования деятельности самих земств. Уездные кассы выдавали ссуды уездным земствам. Так, например, Ардатовская касса Симбирской губернии в 1915 г. выдала 11 ссуд уездному земству на сумму 105000, в 1916 г. эта сумма

увеличилась в 2,5 раза и составила 268000 руб. [36]. Например, в 1917 г. Сенгилеевская касса выдала ссуду уездному земству 20000 руб. на “выполнение неотложных нужд” [37].

Заключение

Анализируя участие земских учреждений в открытии новых кредитных и ссудо-сберегательных товариществ, следует отметить их незначительное участие по сравнению с правительственными учреждениями. По данным Управления по делам мелкого кредита при Государственном банке Министерства финансов Российской империи всего при содействии земств с 1906 по 1915 гг. было открыто 1114 кредитных и ссудо-сберегательных товариществ, что составило всего 8 % от общего количества открытых за этот период мелких кредитных учреждений [38]. Ограниченность земств в средствах и незначительной промежутков времени не позволило земствам в полной мере реализовать данное направление деятельности. Деятельность земских органов самоуправления в сфере финансово-кредитной кооперации была направлена на поддержку и развитие учреждений мелкого кредита губерний Среднего Поволжья. Большинство земских касс Среднего Поволжья за короткий период своего функционирования переориентировали свою работу: от кредитования единоличных заемщиков перешли к кредитованию кредитных кооперативов. Однако, следует отметить, что земская кредитная кооперация начала развиваться в XX веке и находилась в самом начале своего пути, именно поэтому сохранялись многие проблемы, такие как, нехватки квалифицированных кадров, конкуренция с учреждениями мелкого кредита в начальный период деятельности земских касс. Тем не менее, земские кассы заняли свою нишу на формирующемся финансовом рынке России. Также кассы стали одним из главных инструментов по содействию кредитной кооперации в деревне, стали своеобразным координатором в деятельности всех местных учреждений мелкого кредита. Благодаря кассам появился новый и во многом доступный источник кредитования единоличных и коллективных заемщиков, способствующий развитию кредитной кооперации в России.

Благодарности

Статья написана в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых (Договор № 14. Z56.14.4287-МК)

Примечания:

1. Маслов С. Земство и кооперация. М.: Тип. И. Д. Сытина, 1916. 47 с.
2. Пирумова Н. М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция. М.: Наука, 1977. 287 с.
3. Абрамов В.Ф. Российское земство: экономика, финансы и культура. М.: Ника, 1996. 165 с.
4. Горнов В.А. Историография истории земства России. Отечественные исследования второй половины 40-х – начала 90-х годов. Рязань: Горизонт, 1997. 122 с.
5. Nancy Mandelker Frieden. Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution, 1856-1905. Princeton University Press, 2014. 398 p.
6. Scott J. Seregny. A Wager on the Peasantry: Anti-Zemstvo Riots, Adult Education and the Russian Village during World War One: Stavropol' Province. // The Slavonic and East European Review. Vol. 79, No. 1 (Jan., 2001), pp. 90-126.
7. Сообщения СПб. Отделение Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществ. Вып. 10. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1895. С. 136, 170, 174-183.
8. Соколовский П.А. Положение об учреждениях мелкого кредита // Кооперация. Страницы истории / Под ред. К.Н. Фигуровской. М.: Наука, 2001. Т.1. Ч.2. С. 572.
9. Положение об учреждениях мелкого кредита от 1 июня 1895 г. // Кооперация. Страницы истории / Под ред. К. Н. Фигуровской. М.: Наука, 2001. Т.1. Ч.2. С. 599.
10. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 46. Оп. 2. Д. 248. Л. 13.
11. Хижняков В.М. Земство и кооперация. М.: Тип-литография И.Н. Кушнерев и Компания, 1918. С. 81.
12. Хижняков В.М. Земство и кооперация. М.: Тип-литография И.Н. Кушнерев и Компания, 1918. С. 85.
13. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 582. Оп. 4. Д.12634. Л. 8.
14. Хижняков В.М. Земство и кооперация. М.: Тип-литография И. Н. Кушнерев и Компания, 1918. С. 79.
15. РГИА. Ф. 582. Оп. 4. Д. 12640. Л. 4.
16. Корелин А. П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX — нач. XX вв. М.: Наука, 1988. С. 142.
17. ГАУО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 1166. Л. 31.
18. ГАУО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 1292. Л. 25.
19. ГАУО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 1292. Л. 22.
20. РГИА. Ф. 582. Оп. 4. Д.12638. Л. 3.
21. Отчет Камышинской уездной кассы мелкого кредита за 1912 год. Камышин: Типография Г.И. Фадеева, 1913.С.4.

22. Обзор деятельности кассы мелкого кредита Казанского губернского земства по развитию мелких кредитных учреждений за время с 1 сентября 1914 по 1 сентября 1915 г. Казань: Типо-литография И.Н. Харитонов, 1915. С. 1, 25.
23. РГИА. Ф. 582. Оп. 4. Д.12640. Л. 244.
24. РГИА. Ф. 582. Оп. 4. Д.12640. Л.308-309.
25. Целовальникова И.И. Сельскохозяйственная кооперация в аграрном секторе экономики России в начале XX века (на материалах Среднего Поволжья). Ульяновск: УлГПУ, 2013. С.135.
26. Королева Н.Г. Хозяйственно-экономическая деятельность земств в период модернизации российской деревни (1907-1914 гг.). М.: РОССПЭН, 2011. С. 135-136.
27. РГИА. Ф.582. Оп.4. Д.12639. Л.70.
28. РГИА. Ф.582. Оп.4. Д.12635. Л.43, 98-99, 102-103.
29. Отчет Ядринской уездной кассы мелкого кредита за 1914 год. Василь-Сурск: Типография А. Попова и В. Макарова, 1915. С.7.
30. РГИА. Ф. 582. Оп. 6. Д.204. Л. 8-12.
31. ГАУО. Ф. 193. Оп. 1. Д. 66. Л. 55.
32. РГИА. Ф.582. Оп.6. Д.197. Л. 16-17.
33. Королева Н.Г. Хозяйственно-экономическая деятельность земств в период модернизации российской деревни (1907-1914 гг.). М.: РОССПЭН, 2011. С. 140.
34. РГИА. Ф. 582. Оп. 4. Д. 12637. Л. 34-35.
35. РГИА. Ф. 582. Оп. 4. Д.12638. Л. 67.
36. РГИА. Ф. 582. Оп. 6. Д. 207. Л. 3.
37. ГАУО. Ф. 46. Оп. 2. Д. 884. Л. 8.
38. РГИА. Ф. 582. Оп. 6. Д. 497. Л. 3.

References:

1. Maslov S. Zemstvo and cooperation. M.:, Type. Sytin, 1916. 47 p. (In Russian)
2. Pirumova N.M. Provincial liberal movement. Social roots and evolution. M. : Science, 1977. 287 p. (In Russian)
3. Abramov V.F. Russian Zemstvo: the economy, finance and culture. M: Nick, 1996. 165 p. (In Russian)
4. Gornov V.A. Historiography History Russian zemstvos. Domestic study of the second half of 40th - beginning of the 90s. Ryazan: Horizon, 1997. 122 p. (In Russian)
5. Nancy Mandelker Frieden. Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution, 1856-1905. Princeton University Press, 2014. 398 p.
6. Scott J. Seregny. A Wager on the Peasantry: Anti-Zemstvo Riots, Adult Education and the Russian Village during World War One: Stavropol' Province. // The Slavonic and East European Review. Vol. 79, No. 1 (Jan., 2001), pp. 90-126
7. View of St. Petersburg. Department of the Committee on Rural ship-savings and industrial partnerships. Vol. 10. St. Petersburg. : Typography I. Skorokhodova, 1895. P. 136, 170, 174-183. (In Russian)
8. Sokolovsky P.A. Provisions on the establishment of small loan // Cooperation. Pages of History / Ed. K.N. Figurovskaya. M. : Nauka, 2001. Vol.1. Part2. P. 572. (In Russian)
9. The position of small credit institutions from June 1, 1895 // Cooperation. Pages of History / Ed. K.N. Figurovskaya. M. : Nauka, 2001. Vol.1. Part 2. P. 599. (In Russian)
10. The State Archives of the Ulyanovsk region (GAUO). F. 46. Inv. 2. D. 248. P. 13.
11. Hizhnyakov V.M. Zemstvo and cooperation. M. : Type lithography I. Kouchner and Company, 1918. P. 81 (In Russian)
12. Hizhnyakov V.M. Zemstvo and cooperation. M.: Type lithography I. Kouchner and Company, 1918. P. 85 (In Russian)
13. The Russian State Historical Archiv (RGIA). F. 582. Inv. 4. D.12634. P. 8.
14. Hizhnyakov V.M. Zemstvo and cooperation. M.: Type lithography I. Kouchner and Company, 1918. P. 79 (In Russian)
15. RGIA. F. 582. Inv. 4. D. 12640. P. 4.
16. Korelin A.P. Agricultural credit in Russia in the late XIX – early. XX centuries. M.: Nauka, 1988. P. 142. (In Russian)
17. GAUO. F. 84. Inv. 1. D. 1166. P. 31.
18. GAUO. F. 84. Inv. 1. D. 1292. P. 25.
19. GAUO. F. 84. Inv. 1. D. 1292. P. 22.
20. RGIA. F. 582. Inv. 4. D.12638. P. 3.
21. Report Kamishinskaya county fund small loans for 1912. Kamyshin: Printing G.I. Fadeev 1913. P.4.(In Russian)
22. Review of the small loans fund Kazan Province Zemstvo for the development of small credit institutions in the time from September 1, 1914 to September 1, 1915 Kazan: Tipo lithography I.N. Kharitonov, 1915. P. 1, 25. (In Russian)
23. RGIA. F. 582. Inv. 4. D.12640. P. 244.

24. RGIA. F. 582. Inv. 4. D.12640. P.308-309.
25. Tselovalnikova I.I. Agricultural cooperation in the agricultural sector of the Russian economy in the early XX century (on materials of the Middle Volga region). Ulyanovsk: UIGPU, 2013. P.135. (In Russian)
26. Koroleva N.G. Economic activities Zemstvos during the modernization of the Russian village (1907-1914 yy.). M.: ROSSPEN, 2011. P. 135-136.
27. RGIA. F.582. Inv.4. D.12639. P.70.
28. RGIA. F.582. Inv.4. D.12635. P.43, 98-99, 102-103.
29. Report Yadrinsky county fund small loans for 1914. Vasil-Sura: Printing Popov and V. Makarov, 1915. P.7. (In Russian)
30. RGIA. F. 582. Inv. 6. D.204. P. 8-12.
31. GAUO. F. 193. Inv. 1. D. 66. P. 55.
32. RGIA. F.582. Inv. 6. D.197. P. 16-17.
33. Koroleva N.G. Economic activities Zemstvos during the modernization of the Russian village (1907-1914 yy.). M.: ROSSPEN, 2011. P.140. (In Russian)
34. RGIA. F. 582. Inv. 4. D. 12637. P. 34-35.
35. RGIA. F. 582. Inv. 4. D.12638. P. 67.
36. RGIA. F. 582. Inv. 6. D. 207. P. 3.
37. GAUO. F. 46. Inv. 2. D. 884. P. 8.
38. RGIA. F. 582. Inv. 6. D. 497. P. 3.

УДК 93/94

**Земская финансово-кредитная кооперация Среднего Поволжья в начале XX века:
правовые и экономические аспекты функционирования**

Татьяна Александровна Кобзева

Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова, Российская
Федерация

Кандидат исторических наук, доцент

E-mail: tadir@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается деятельность земских учреждений губерний Среднего Поволжья в развитии финансово-кредитной кооперации в начале XX века. Автор раскрывает роль земских касс в формировании кредитно-финансовой инфраструктуры в деревни. Анализируются стратегии кредитно-финансовой политики земств в период модернизационных социально-экономических процессов, происходивших в России в начале XX века. Статья подготовлена на основе анализа годовых и квартальных отчетов земских касс мелкого кредита, архивных материалов Российского государственного исторического архива.

Ключевые слова: земства, кредитная кооперация, земские кассы мелкого кредита, Симбирская губерния, Казанская губерния, Пензенская губерния, Самарская губерния, Саратовская губерния.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 38, Is. 4, pp. 1069-1077, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 821.161.1

The Revolutionary Movement in the Evaluation of F.M. Dostoevsky: To Understand Conservatism in the Political History of Russia

¹Konstantin A. Lotarev

²Oleg V. Kuznetsov

¹Volgograd State University, Russian Federation
PhD (Political Sciences), Assistant Professor
E-mail: lotarev16@mail.ru

²Volgograd State University, Russian Federation
PhD (History), Assistant Professor
E-mail: kusnezov_oleg@mail.ru

Abstract

The article attempts to show the features of the conservative worldview of F. M. Dostoevsky through the prism of his assessments of the revolutionary movement and socialist ideas in Russia. The main focus is on the analysis of artistic creativity, and journalism, especially "Diary of a Writer". This allowed us to identify the political views of F. M. Dostoevsky and the possibility of their practical implementation. It is concluded that the main cause of the political turmoil in the 1860s – early 1880s, the spread of revolutionary ideas the writer felt a deep moral crisis afflicting Russian society. Therefore, the cause of the crisis he saw not in reforming state institutions, and in fundamental moral renewal of Russian life on the basis of Christian Orthodox values.

Keywords: social movement, revolutionary movement, political thought, conservatism, liberalism, socialism, painiketta.

Введение

Консервативное мировоззрение, как представителей власти, так и части общества – от народа до образованной элиты, по онтологии своей выполняет функцию политической и социальной стабилизации, основанной на поступательном и преемственном историческом развитии. Оно же в периоды различных обострений и радикальных настроений становится источником формирования и действия консервативных концепций, доктрин и идеологий, направленных на преодоление кризисных явлений и утверждение стабилизации и консолидации общества и государства. С конца восьмидесятых годов XX века, обусловленная необходимостью более системного и не ангажированного подхода, возникла волна научных исследований, посвящённых консервативному феномену в российской истории. Большой интерес представляют исторические персоналии, жизнь и деятельность которых имели не только довольно заметный политический резонанс, но и реальное воздействие на ход российской истории [1, 2, 3, 4, 5].

Материалы и методы

В основе статьи используются аналитические научно-исторические материалы, а так же первоисточники, относящиеся к документально-повествовательному виду. Обращение авторов к источникам личного происхождения, вышедших из под пера известных в XIX веке общественных и государственных деятелей имеет целью документально и образно показать политическую борьбу идеологических и мировоззренческих установок, оказавших сильное влияние на исторические судьбы Российского общества и государства. В контексте исторического времени публицистические сочинения Ф.М. Достоевского и К.П. Победоносцева представляют ценность, которую трудно переоценить в силу широты и глубины затрагиваемых аспектов жизни и духовно-нравственного

состояния общества. Достаточно известными были так же и сочинения генерала Р.А. Фадеева. Но главным образом в статье анализируются социально-политические и духовно-нравственные ценности Ф.М. Достоевского в контексте борьбы либеральных, консервативных и социалистических идей в Российской империи второй половины XIX века. «Дневник писателя» сравнительно мало исследован в исторической науке, в отличие от художественных произведений Ф.М. Достоевского. Между тем источник даёт богатый материал для изучения и анализа консервативных исканий в условиях радикальных и революционных общественных настроений.

При проведении данного исследования были использованы принципы объективности и историзма. Применение общенаучных и всеобщих исторических методов: проблемного, аналитического, логического, критического, сравнительного, позволило ещё более приблизиться к осмыслению феномена консерватизма и его позитивной роли в борьбе с тщеславными и опасными в силу своей радикальности и разрушительности идеологическими доктринами.

Обсуждение

В конце XVIII века в России зарождается революционная традиция [6, с.3, 57]. А в XIX веке революционное движение становится важнейшей частью и во многом ключевым фактором общественно-политической борьбы. В названный период основными направлениями общественной мысли и общественного движения были консервативное, либеральное, социалистическое, выражавшие различные и взаимоисключающие проекты социально-экономического и политического устройства.

Революционное движение, как и революционные формы борьбы, принято обычно связывать с социалистическим направлением в общественном движении. Действительно, социалисты наиболее часто и успешно, с точки зрения достижения ими своих целей, к ним прибегали. Однако революционная традиция в России зарождается почти на полвека раньше, чем в русском обществе получают распространение социалистические идеи. А первую серьёзную попытку применить на практике революционные методы предприняли декабристы: «революционеры в военных мундирах» [6, с. 80].

В современной литературе неоднократно отмечался либеральный характер идеологии декабризма [7, с. 332, 345, 352]. Показательны последствия этой неудачной либеральной попытки прийти к власти революционным путём. С одной стороны, у русских либералов надолго отпала охота братья за оружие. Лишь в начале XX века, в период Первой российской революции, русская буржуазия, полноправная носительница идей либерализма, вновь обратится к революционным методам борьбы. С другой стороны, после поражения декабристов революционное движение прервётся почти на два десятилетия: у смельчаков, вышедших на Сенатскую площадь, не окажется достойных последователей, да и в обществе идеи насильственного изменения государственного строя не будут пользоваться большой популярностью.

Революционное движение возродится к середине XIX столетия, но инициатива прочно перейдёт к социалистам. В течение десятилетий слова «революционное движение» и «социалистическое движение» будут восприниматься как синонимы. (Впрочем, в определённом политическом контексте даже консерватизм может быть революционным. Именно так известный славянофил Ю.Ф. Самарин определил взгляды одного современного ему консервативного публициста: Р.А. Фадеева.)

Размах революционного движения, его эффективность зависели от разных факторов. Важнейшими являлись, безусловно, число вовлечённых в революционную борьбу лиц, степень их организованности, готовность отдать себя движению. В то же время не последнюю роль играло и отношение к нему со стороны общества. Общественные настроения в немалой степени определялись позицией, мнением людей, служивших авторитетом, бывших, так сказать общественной совестью.

Одним из них являлся Ф.М. Достоевский. В своем художественном творчестве, публицистике он поднимал самые злободневные проблемы русской жизни первых пореформенных десятилетий. Его сочинения неизменно вызвали большой общественный резонанс и превращались в фактор острой идейно-политической борьбы. К.П. Победоносцев, являвшийся в это время наставником наследника престола великого князя Александра Александровича, был внимательным читателем всего, что выходило из-под пера Ф.М. Достоевского, и периодически знакомил с его произведениями своего подопечного. Революционное движение, как нам представляется, в то время в большей степени, нежели позиция либералов или консерваторов, влияло на внутреннюю и отчасти на внешнюю политику самодержавия. И Ф.М. Достоевский не мог оставаться только сторонним наблюдателем активной деятельности революционного подполья на протяжении почти двух десятилетий. У писателя были и личные мотивы публично высказаться о причинах роста революционного движения и вовлечения в него всё большего числа молодежи, его разрушительных последствиях. Как известно, в молодости он был осуждён за принадлежность к кружку петрашевцев и несколько лет провёл на каторге и в солдатах. Поэтому революционная тема в 1860–1870-е годы становится, без преувеличения, сквозной в творчестве писателя. Не случайно и героя своего последнего романа, Алёшу Карамазова, Ф.М. Достоевский собирался провести через горнило революционных испытаний.

Исходя из сказанного, вполне правомерно выглядит обращение к оценкам революционного движения, дававшимся Ф.М. Достоевским. Для нас несомненен консерватизм его мировоззрения. Консервативными были не только общественно-политические взгляды Ф.М. Достоевского, но и его историософия, восходящая к теории славянофилов. Русский пореформенный консерватизм был явлением неоднородным и весьма противоречивым, в нем без труда просматриваются различные течения, выразителями которых были, в частности, М.Н. Катков, В.П. Меццкерский, уже упомянутые К.П. Победоносцев и Р.А. Фадеев. Тем важнее, через призму оценок Ф.М. Достоевским феномена русского революционного движения, попытаться понять особенности консерватизма писателя, его место и роль в ряду других мыслителей этого направления общественной мысли.

Дополнительную актуальность наследию Ф.М. Достоевского придает то важное обстоятельство, что современный мир переживает подъем радикально-революционного движения. На части постсоветского пространства и в некоторых сопредельных странах они выступают в качестве так называемых «цветных революций». В отдельных регионах радикализм приобретает форму религиозного фундаментализма и т.д.

Как отмечалось выше, революционная тема была сквозной для творчества Ф.М. Достоевского в последние два десятилетия его жизни. Революционные мотивы прослеживаются в таких романах, как «Преступление и наказание», «Идиот», «Подросток», «Братья Карамазовы». Без сомнения, самым «революционным», точнее, антиреволюционным художественным произведением писателя являются «Бесы», в основу которых, как известно, была положена фабула дела С.Г. Нечаева. Он был создателем подпольной революционной организации «Народная расправа» и автором «Катехизиса революционера», в котором откровенно, если не сказать цинично, изложил основные цели и, главное, методы революционной борьбы. Несмотря на грандиозные замыслы, в итоге вся эта борьба свелась к убийству одного из членов организации, возмущенного методами С.Г. Нечаева и пожелавшего покинуть ее ряды. Вместе с тем для понимания сложного, далеко неоднозначного восприятия Ф.М. Достоевским революционного движения одного романа «Бесы» будет недостаточно. И здесь не обойтись без обращения к публицистике Ф.М. Достоевского, прежде всего к «Дневнику писателя».

Жанровое своеобразие «Дневника писателя», его проблематика изучены неплохо (сошлемся для примера на одно из последних исследований на эту тему [8]), что избавляет нас от необходимости останавливаться на данном сюжете. Заметим только, что благодаря «Дневнику писателя» к изучению творчества Ф.М. Достоевского, наряду с филологами и философами, могут широко подключиться историки и политологи – специалисты в области общественно-политической мысли и историографии. Последнее подтверждается, в частности, работой У.С. Любятинской, удачно вписавшей Ф.М. Достоевского в контекст истории русской исторической мысли [9].

Для консервативного мыслителя, то есть приверженца традиционных общественных устоев, больше всего ценящего процесс естественного, органического развития, ратующего за перемены, вытекающие из всего хода исторического процесса, отношение к революции, революционному движению, революционным методам политической борьбы может быть только однозначно отрицательным. И обращение к творческому наследию консерваторов-современников Ф.М. Достоевского, к примеру, перечисленных чуть выше, подтверждает данную мысль. В случае с самим Ф.М. Достоевским дело обстоит значительно сложнее. Попытаемся раскрыть и обосновать это утверждение.

Революционная и социалистическая тематика появляется на страницах «Дневника писателя» едва ли не с первых страниц: автор вспоминает о своих встречах с А.И. Герценом, В.Г. Белинским, Н.Г. Чернышевским. Ф.М. Достоевский показал, что в А.И. Герцене талант художника, мыслителя, блестящего писателя уживались с доходящим до цинизма неверием в проповедуемые идеалы. «Он отрекся от основ прежнего общества, отрицал семейство и был, кажется, хорошим отцом и мужем. Отрицал собственность, а в ожидании успел устроить дела свои и с удовольствием ощущал за границей свою обеспеченность. Он заводил революции и подстрекал к ним других и в то же время любил комфорт и семейный покой» [10, т. 21, с. 9]. В.Г. Белинский, напротив, показан человеком «беззаветно восторженным», верящим в то, что он исповедует. При всем несходстве этих двух личностей Ф.М. Достоевский определил главное, на его взгляд, что их объединяло. Будучи приверженцами социализма, они отвергали нравственные основы современного им общества – христианскую религию. «Я застал его страстным социалистом, и он прямо начал со мной с атеизма», – вспоминал Ф.М. Достоевский свою первую встречу с В.Г. Белинским [10, т. 21, с. 10]. От встреч с Н.Г. Чернышевским у автора «Дневника писателя» остались тёплые воспоминания, которые не омрачила даже серьёзная разница во взглядах: «Мне наружность и манера Чернышевского нравились. <...> Признаюсь, я редко встречал более мягкого и радушного человека <...> Чернышевский никогда не обижал меня своими убеждениями. Можно очень уважать человека, расходясь с ним в мнениях радикально» [10, т. 21, с. 25–26, 29].

В контексте воспоминаний о своих встречах с Н.Г. Чернышевским Ф.М. Достоевский высказался в «Дневнике писателя» о так называемом прокламационном движении начала 1860 годов. Распространение прокламаций стало одним из проявлений начала нового этапа революционного движения, бесперывно нараставшего с этого момента и достигшего своей

кульминации в 1870-е годы. Одна из таких прокламаций, «К молодому поколению», попала в руки Ф.М. Достоевского. По его признанию, прокламация произвела ошеломляющее действие, став «как бы новым неожиданным откровением». Ошеломил писателя не сам факт появления прокламаций и даже не их содержание. Он никак не ожидал, что так низко мог пасть уровень революционного движения по сравнению с прежним временем: «Тут подавлял один факт: уровень образования, развития и хоть какого-нибудь понимания действительности, подавлял ужасно. <...> Никогда до этого дня не предполагал я такого ничтожества! Пугала именно степень этого ничтожества» [10, т. 21, с. 25]. Можно даже сказать, что Ф.М. Достоевский, давно распрошавшийся с социалистическими увлечениями молодости, был разочарован в новом поколении революционеров: «И вот мне, давно уже душой и сердцем не согласному ни с этими людьми, ни со смыслом их движения, – мне вдруг тогда стало досадно и почти как бы стыдно за их неумелость: «Зачем у них это так глупо и неумело выходит?» [10, т. 21, с. 25].

Ответом на последний вопрос стала отчасти статья «Одна из современных фальшей», появившаяся в «Дневнике писателя» в том же 1873 году. Ф.М. Достоевский не мог не сравнивать свое поколение, петрашевцев, увлеченных идеями теоретического социализма, с поколением революционеров-нечаевцев, захваченных социализмом политическим. Писатель признавал, что его увлечение в 1840-е годы, повторим и подчеркнем, теоретическим, социализмом было заблуждением, но для того времени вполне оправданным. Вот как он сам об этом пишет: «... тогда понималось дело еще в самом розовом и райско-нравственном свете. Действительно правда, что зарождавшийся социализм сравнивался тогда, даже некоторыми из коноводов его, с христианством и принимался лишь за поправку и улучшение последнего, сообразно веку и цивилизации (сочинение одного из теоретиков социализма, А. Сен-Симона, так и называлась «Новое христианство». – О.К.). Все эти тогдашние новые идеи нам в Петербурге ужасно нравились, казались в высшей степени святыми и нравственными и, главное, общечеловеческими, будущим законом всего без исключения человечества. <...> Все эти убеждения о безнравственности самих оснований (христианских) современного общества, о безнравственности религии, семейства; о безнравственности права собственности; все эти идеи об уничтожении национальностей во имя всеобщего братства людей, о презрении к отечеству, как к тормозу во всеобщем развитии, и проч. и проч. – всё это были такие влияния, которых мы преодолеть не могли и которые захватывали, напротив, наши сердца и умы во имя какого-то великодушия. Во всяком случае тема казалась величавою и стоявшею далеко выше уровня тогдашних господствовавших понятий – а это-то и соблазняло» [10, т. 21, с. 130–131].

Петрашевцы были людьми образованными, находившимися далеко не внизу социальной лестницы, но даже они, по признанию Ф.М. Достоевского, не смогли устоять перед соблазном рисовавшегося им во всем своем великолепии социалистического будущего. Будущее было соблазнительным до такой степени, что они вполне могли ради его приближения даже совершить убийство «à la Нечаев» [см.: 10, т. 21, с. 131].

Здесь Ф.М. Достоевский затрагивает важнейшую проблему, которая неизбежно встает почти перед любым приверженцем социалистических идей, когда дело доходит до воплощения теории на практике, когда идея, что называется, «попадает на улицу». Тогда на смену социализму теоретическому приходит социализм политический. Последний, как представлялось Ф.М. Достоевскому, «произошел» «из нетерпения голодных людей, разжигаемых теориями будущего блаженства». Если писатель допускал возможность революционного насилия даже в рамках теоретического социализма, то социалистическая практика вела к насилию в массовом масштабе. Содержание современному ему социализма, политического социализма, а следовательно, и революционного движения писатель видел «лишь в желании повсеместного грабежа всех собственников классами неимущими» [10, т. 21, с. 130]. И принять это содержание он никак не мог. Тем более, если учесть, что увлечение и прежними идеями было признано ошибкой.

Разговор с читателями о различных поколениях революционеров Ф.М. Достоевский продолжил в январском выпуске «Дневника писателя» за 1877 год, статьей (главкой) «Старина о петрашевцах». Поводом, как он сам отмечает, стала публикация в «Петербургской газете». Кратко проследившая историю революционного движения, автор газетной статьи обратил внимание на то, до какой степени за несколько десятилетий измельчал сам тип революционера в России: от лиц «из среды высшего интеллигентного общества» до «полуграмотного сброда» и «фабричного забулдыги».

Ф.М. Достоевского задело в этой публикации упоминание о петрашевцах, поставленных значительно ниже декабристов. Поэтому он предложил собственное представление об эволюции «типа политического преступника» в России. Для писателя и декабристы и петрашевцы принадлежали к одному поколению революционеров: «... петрашевцы были совершенно ещё одного типа с декабристами <...>» [10, т. 25, с. 25]. Среди петрашевцев, аргументировал своё утверждение автор «Дневника писателя», было немало людей состоятельных и находившихся в родственных отношениях с представителями высших общественных слоев, а также военных. Что касается уровня образования, то в этом отношении петрашевцы, среди которых были выпускники высших учебных заведений (университетов, Александровского лицея, Училища правоведения и др.), преподаватели и учёные, стояли гораздо выше декабристов. Но главное, что объединяло декабристов и петрашевцев, – это их принадлежность «к одному и тому же господскому, “барскому”, так сказать, обществу» [10, т. 25, с. 25].

По мнению Ф.М. Достоевского «коренное изменение типа политического преступника» произошло лишь в середине – второй половине 1850-х годов, когда в революционное движение пришли выходцы из мещан и разночинцев. Писатель обращает внимание еще на одно, помимо социального происхождения, различие между двумя поколениями революционеров. Петрашевцы еще догадывались о своем коренном разрыве с народом, революционеры 1860–1870-х годов о нем и не подозревают. (К этой теме, о разрыве с народом значительной части русской общества, сквозной и определяющей в публицистике Ф.М. Достоевского, мы вернемся ниже.)

Как видим, оценивая современное ему революционное движение, Ф.М. Достоевский обращал внимание на ряд моментов. Прежде всего это изменение, «измельчание» типа революционера. На смену образованным выходцам из привилегированных слоев пришли полуграмотные разночинцы, мещане и т.п. люди. Значительно снизился уровень революционной пропаганды. Увеличилось непонимание со стороны революционеров народных нужд, потребностей.

Писатель решительно не принимал главную идейно-нравственную основу революционного движения: атеизм. Для него это было равнозначно полному отсутствию каких-либо нравственных начал, когда всё, даже преступление становится дозволенным и оправданным. Прежние надежды «социалистов» 1840-х годов на новые нравственные основы социализма не оправдались: он «не указал до сих пор ни единой, кроме гнусных извращений природы и здравого смысла» [10, т. 21, с. 10]. На таких идейных основаниях, полагал Ф.М. Достоевский, ничего положительного создать нельзя. Революционеры ничего не могут предложить, кроме разрушения старого общества: «... по-настоящему ничего ещё не решено, чем будущее общество заменится, а решено лишь только, чтоб настоящее провалилось, – и вот пока вся формула политического социализма» [10, т. 21, с. 130].

Как продолжение этой же темы выступают в «Дневнике писателя» и размышления Ф.М. Достоевского относительно так называемой теории «среды». Формально он обращается к теории «среды» в связи с участвовавшими оправдательными приговорами судом присяжных уголовных преступлений. Дескать, тяжелые условия жизни толкают людей на преступления, «среда заела». В обществе, «гадко» устроенном, «нельзя ужиться без протеста и преступлений», «нельзя из него выбиться без ножа в руках». Фактически же, эта теория вполне применима и в революционной практике. Если общество несправедливо («гадко устроено»), необходимо его насильственно уничтожить.

Теории «среды», правде «среды» Ф.М. Достоевский противопоставляет христианскую правду: «Делая человека ответственным, христианство тем самым признает и свободу его. Делая же человека зависящим от каждой ошибки в устройстве общественном, учение о среде доводит человека до совершенной безличности, до совершенного освобождения его от всякого нравственного лично долга, от всякой самостоятельности, доводит до мерзейшего рабства, какое только можно вообразить» [10, т.21, с. 16]. Иными словами, христианское учение, в отличие от учения о «среде», дает каждому человеку возможность выбора: подчиниться обстоятельствам, «среде» или бороться против несправедливого общественного устройства. Но эта борьба, по Ф.М. Достоевскому, не предполагает революционного насилия. Изменить общество, «среду» каждый человек может, только изменив себя, приближаясь к тому высокому нравственному идеалу, который явило христианское учение.

И здесь мы подошли к вопросу о том, что лежало в основе восприятия Ф.М. Достоевским социалистических идей и революционной практики? Анализ общественно-политических взглядов Ф.М. Достоевского, выраженных, повторимся, прежде всего в его публицистике, показывает, что в ряду современных ему русских консервативных мыслителей писатель стоял особняком. Консерваторы весьма критично оценивали положение в стране в «эпоху великих реформ» и последующее время. Приведем две цитаты, в которых содержится квинтэссенция такой оценки. Первая – из сочинения К.П. Победоносцева «Болезни нашего времени». «... Стоит только пройтись по улицам большого или малого города, по большой или малой деревне, чтоб увидеть разом и на каждом шагу, в какой бездне улучшений мы нуждаемся и какая повсюду лежит безобразная масса покинутых дел, пренебреженных учреждений, рассыпанных храмин. Вот школы, в которых учитель, покинув детей, составляет рефераты о методах преподаваний и фразистые речи для публичных заседаний; вот учебные заведения, где, под видом и формой преподавания, обучение не производится, и бестолковые учителя сами не знают, чему учить и чего требовать в смешении понятий, приказаний и инструкций; вот больница, в которую боится идти народ потому, что там холод, голод, беспорядок и равнодушие своекорыстного управления; вот общественное хозяйство, в котором деньги собираются большие и никто ни за чем не смотрит, кроме своего прибитка или тщеславия; вот библиотека, в которой всё разрознено, растеряно и распущено, и нельзя найти толку ни в употреблении сумм, ни в пользовании книгами; вот улица, по которой пройти нельзя без ужаса и омерзения от нечистот, заражающих воздух, и от скопления домов разврата и пьянства; вот присутственное место, призванное к важнейшему государственному отправлению, в котором водворился хаос неурядицы и неправды, за неспособностью чиновников, туда назначаемых; вот департамент, в который, когда ни придешь за делом, не находишь нужных для дела лиц, обязанных там присутствовать; вот храмы – светильники народные, оставленные посреди сел и деревень запертыми, без службы и пения, и вот другие, из коих, за крайним бесчинием службы, не выносит народ ничего, кроме хаоса, неведения и раздражения... Велик этот свиток, и сколько в нем написано у нас *рыданий, и жалости, и горя*» [11,

с. 102–103]. Вторая цитата принадлежит Р.А. Фадееву, автору книги «Русское общество в настоящем и будущем (Чем нам быть?)», вызвавшая в свое время большой переполох в печати и правящих верхах. «Современное состояние дважды обновленного русского общества, во всяком проявлении его, до какого ни коснись, – до жизни высших и низших слоев, до земского управления, до церковного причта, до школы светской и духовной, до печати, до войска, до семейного быта, – доказывает совершенный разброд людей и понятий, ничем между собою не связанных» [12, с. 9].

Ф.М. Достоевский разделял подобные оценки. Не случайно свой роман «Подросток» он первоначально собирался озаглавить «Беспорядок». Писатель сетовал на «беспорядок всеобщий, беспорядок везде и всюду». Однако коренную причину этого «беспорядка» он видел, в отличие от других консерваторов, не в глубоком кризисе государственных, общественных, сословных, религиозных институтов, а в серьезном нравственном недуге, давно поразившем и теперь разъедающем русское общество. Ф.М. Достоевский-публицист постигал социально-экономические и политические вопросы русской жизни художественным чутьём Ф.М. Достоевского-писателя.

По мысли Ф.М. Достоевского, общество должно строиться на началах нравственных, то есть христианских, точнее, православных. Просвещенная часть русского общества, приобщившись, благодаря реформам Петра I, к европейской цивилизации, разорвала связь с остальной массой русского народа, оторвалась от «родной почвы» и в итоге утратила нравственный идеал. (Писатель неоднократно подчёркивал, что католический и протестантский Запад давно растерял подлинные христианские ценности, они остались только в православии.) А.И. Герцен, о котором шла речь выше, был для автора «Дневника писателя» наиболее выразительным воплощением такого типа русских людей: русский дворянин и гражданин мира. «В полтора года лет предыдущей жизни русского барства за весьма малыми исключениями истлели последние корни, расшатались последние связи его с русской почвой и с русской правдой. Герцену как будто сама история предназначила выразить собою в самом ярком типе этот разрыв с народом огромного большинства образованного нашего сословия. В этом смысле это тип исторический. Отделяясь от народа, они естественно потеряли и бога. <...> К русскому народу они питали лишь одно презрение, воображая и веруя в то же время, что любят его и желают ему всего лучшего» [10, т. 21, с. 9]. Люди такого типа нередко становились социалистами и революционерами, «из одного только “логического течения идей” и от сердечной пустоты на родине» [10, т. 21, с. 9].

Подлинный христианский идеал, главная, повторим, нравственная основа общественной жизни, сохранился, по убеждению писателя, только в русском народе, в «почве». Он, русский народ, русский мужик является единственным хранителем и носителем «Христовой истины», «истинной истины, настоящего Христова образа, затемнившегося во всех других верах и во всех других народах» [10, т. 23, с. 46].

Как и многие современные ему мыслители и публицисты либерального и консервативного направления, Ф.М. Достоевский не идеализировал русский народ. Более того, он признавал, что русский мужик «груб и невежествен, предан мраку и разврату». Этому во многом способствовали сами условия русской жизни (та самая «среда»). Автор «Дневника писателя» указывал на два главных недуга, которыми страдал русский народ. Первый – пьянство со всеми вытекающими из него последствиями, наиболее опасным из которых является фактическое вырождение нации: «Матери пьют, дети пьют, церкви пустеют, отцы разбойничают; бронзовую руку у Ивана Сусанина отпилили и в кабаке снесли; а в кабаке приняли! Спросите лишь одну медицину: какое может родиться поколение от таких пьяниц?» [10, т. 21, с. 94]. Другим недугом Ф.М. Достоевский считал начавшееся почти повсеместно преклонение народа перед материальными ценностями в ущерб нравственным: «Да и одно ли вино свирепствует и развращает народ в наше удивительное время? Носится как бы какой-то дурман повсеместно, какой-то зуд разврата. В народе началось какое-то неслыханное извращение идей с повсеместным поклонением материализму. Материализмом я называю, в данном случае, преклонение народа перед деньгами, пред властью золотого мешка. В народ как бы вдруг прорвалась мысль, что мешок теперь всё, заключает в себе всякую силу, а что всё, о чем говорили ему и чему учили его доселе отцы, – всё вздор. Беда, если он укрепитесь в таких мыслях <...>» [10, т. 22, с. 30].

От подобных картин народной жизни можно было, казалось, прийти в отчаяние. Однако Ф.М. Достоевский верил в русский народ – носитель нравственного идеала и призывал судить его не по проявлениям этих далеко не лучших качеств, «не по тем мерзостям, которые он так часто делает», а по той силе духа, которая в нем заложена и которую он уже не раз являл и ещё явит, спасая Россию. Но здесь для писателя оставался вопрос: как долго народ в одиночку будет способен противостоять поразившим его недугам? На помощь духовенства Ф.М. Достоевский не рассчитывал. Признавая, что такая помощь народу необходима как никогда, он в то же время признавал, что церковь после преобразований Петра Великого находится в параличе.

Помочь народу преодолеть его недуги могло бы дворянство. Только оно было способно, передав народу «грамотность и науку, рассеять мрак его невежества». При этом дворянство, по замыслу Ф.М. Достоевского, должно было именно обучать народ грамоте, но ни в коем случае не просвещать его в духе европейских идеалов. Русский народ давно уже просвещен христианским учением. И в этом отношении, наоборот, дворянство само должно было просветиться от народа, вернувшись к утраченной за десятилетия европейских скитаний истинной вере. Благодаря такому просвещению

дворянство вернется на родную почву, соединится с народом. Образованный народ и просвещенное в подлинно христианском духе дворянство, соединившись, положат начало нравственному обновлению России.

О необходимости союза между народом и дворянством Ф.М. Достоевский впервые возвестил в начале 1860-х годов, в период издания журналов «Время» и «Эпоха». Писателю казалось, что с отменой крепостного права рухнули сословные перегородки, а следовательно, исчезли препятствия для такого союза. Спустя десятилетие, в середине 1870-х годов в «Дневнике писателя» зазвучали новые мотивы. Для Ф.М. Достоевского к этому времени стало очевидно, что его призывы к объединению сословий услышаны, но проигнорированы. Полемика вокруг романа И.С. Тургенева «Новь» обнаружила весьма скептическое отношение тех, к кому в первую очередь эти призывы были обращены, то есть дворянства, к возможности передать своё дело в руки массы и подчиниться народным идеалам. Обращение к дворянству ещё оставалось в силе, принимая форму то «категорического императива» (как в Пушкинской речи), то робкой надежды (как в январском выпуске «Дневника писателя» за 1881 год). Ф.М. Достоевский по-прежнему признавал, что высшее сословие может и должно быть «вожатаем» и «предводителем» народа, но он категорически отрицал какое-либо нравственное и культурное (в смысле приобщения к плодам европейской цивилизации) превосходство первого сословия, на котором настаивали такие консервативные публицисты, как, например, В.П. Мецкерский, Р.А. Фадеев.

Новой у Ф.М. Достоевского в 1870-е годы стала идея о необходимости единения самодержавия и народа. Раньше писатель не развивал эту тему, подчёркивая, напротив, что самодержавие со времен Петра I «осознало себя на европейский манер», а потому утратило саму мысль о «древнерусском отношении своём к народу». Однако то обстоятельство, что верховная власть по собственному почину, «во имя народных начал» освободила крестьян с землёй, сделало ее теперь в глазах автора «Дневника писателя» силой, способной стать опорой народа на новом пути.

Таким образом, оценивая состояние русского общества в первые пореформенные десятилетия как нравственный кризис, Ф.М. Достоевский полагал, что и преодолеть его можно только путём коренного нравственного обновления на основе тех ценностей, единственным носителем которых являлся русский народ, то есть «почва». По сути, это была консервативная утопия. Умозрительные почвеннические построения Ф.М. Достоевского вряд ли могли быть переведены в плоскость политической практики, но он сам попытался сделать это. На рубеже 1870–1880-х годов в обществе и правительственных кругах активно обсуждалась возможность созыва земского собора. Ф.М. Достоевский не остался в стороне от этих конституционных исканий. В январском 1881 года выпуске «Дневника писателя» он выступил с критикой различных проектов «увенчать здание» (то создать общероссийский представительный орган) как ограничивающих, по его мнению, самодержавие и отстраняющих народ от политической жизни.

Неприятие формально-институционального пути выхода из кризиса логически вытекало у Ф.М. Достоевского из его установки на необходимость нравственного оздоровления общества. Но он не удержался, поддавшись, что называется, искушению, высказал-таки «магическое словцо»: «Позовите серые зипуны и спросите их самих об их нуждах, о том, чего им надо, и они скажут вам правду, и мы все, в первый раз, может быть, услышим настоящую правду» [10, т. 27, с.21]. Обнародовав этот едва ли способный воплотиться призыв, Ф.М. Достоевский тут же спохватывается и уточняет, ещё больше оттеняя всю несбыточность и весь утопизм своего предложения: «И не нужно никаких великих подъёмов и сборов; народ можно спросить по местам, по уездам, по хижинам. Ибо народ наш, и по местам сидя, скажет точь-в-точь всё то же, что сказал бы и весь вкуче, ибо он един» [10, т. 27, с. 21].

Заключение

Подведём итоги. Отношение Ф.М. Достоевского к революционному движению было неоднозначным. В этом движении он безусловно отвергал революционные формы политической борьбы, то есть прежде всего насилие в любых его проявлениях. Революционное насилие, чем бы оно ни оправдывалось, противоречило тому христианскому идеалу, в который верил Ф.М. Достоевский, было лишено каких бы то ни было нравственных оснований. В целом негативным было отношение писателя и к самому революционному движению.

Принципиально важно, на наш взгляд, подчеркнуть следующее. Антиреволюционный пафос Ф.М. Достоевского и объективно и субъективно был направлен сразу против двух направлений в пореформенном общественном движении и общественно-политической мысли: социалистического и либерального. Для значительной части теоретиков и практиков русского социализма революция и сопутствующее ей революционное насилие были едва ли не единственным способом достижения и утверждения социалистического идеала. Сложнее обстояло дело с русским либерализмом. Не имея на протяжении длительного времени собственной социальной основы, русские либералы тяготели к силам, отнюдь не сочувствующим либеральным идеям: самодержавию и дворянству. Вместе с ними противостояли революционной угрозе. Но либералы, так же как и социалисты, были, по выражению Ф.М. Достоевского, «оторваны от родной почвы» и своим «европейничаньем» немало способствовали созданию благоприятных условий для распространения революционных идей. В то же время писатель по сути предугадал «сползание» русских либералов на революционный путь. Пройдёт

немного времени и либералы, обретя в лице российской буржуазии надёжную социальную базу, почувствуют в себе достаточно силы, чтобы бросить открытый вызов самодержавию и стать во главе двух российских революций.

Вместе с тем в негативном отношении Ф.М. Достоевского к революционному движению были элементы, мы бы сказали, определенного понимания и даже сочувствия, проистекавшие из его собственного революционного прошлого. Показательна эта оговорка в цитате, приведённой ранее: «Зачем у них это так глупо и неумело выходит?». Исследователи уже обращали внимание на диалог, который, если верить А.С. Суворину, журналисту и издателю, состоялся у него с Ф.М. Достоевским в феврале 1880 года, вскоре после взрыва в Зимнем дворце, устроенном народником С.Н. Халтуриным. Оба, осуждая это преступление, сошлись во мнении, что если бы заранее знали о готовящемся взрыве, то не стали бы об этом доносить властям [13, с. 135–136]. По мнению И.Л. Волгина, Ф.М. Достоевскому была невыносима сама мысль о возможности политического доноса, как безнравственная [13, с. 137–138]. Представляется, помимо этого были ещё сочувствие и понимание. Мы уже приводили признание Ф.М. Достоевского, что, будучи, петрашевцем, он сам при определённых условиях мог решиться на убийство.

Полемика Ф.М. Достоевского с оппонентами, прежде всего из социалистического лагеря, с революционной демократией, позволяет говорить и об особенностях консерватизма автора «Дневника писателя». Выделим здесь лишь две. В отличие от других консерваторов, Ф.М. Достоевский не предложил сколько-нибудь конкретной политической программы выхода из того «беспорядка», в котором Россия находилась в первые пореформенные десятилетия. Он предложил скорее мечту, «Сон смешного человека» (фантастический рассказ, напечатанный в апрельском выпуске «Дневника писателя» за 1877 год), герой которого попадает на неизвестную планету, где все люди живут счастливо, как в райском саду. Но как достичь этого счастья писатель не знал. «... Я не знаю, как это всё будет, но это сбудется, Сад будет. <...> Человечество обновится в Саду и Садам выправится – вот формула» [10, т. 23, с. 96]. Ф.М. Достоевский и сам порой называл некоторые свои «политические» предложения утопией, мечтой.

Русские консерваторы в поисках силы, способной в пореформенной России сыграть роль своеобразного социального мессии, ориентировались на самодержавие, дворянство, церковь, даже земские учреждения. Ф.М. Достоевский и здесь стоял особняком. Он связывал свои надежды даже не с крестьянством, а с теми нравственными идеалами, единственным хранителем и носителем которых оно являлось.

К сожалению, эти надежды писателя не оправдались. Сил, противостоявших революции, физических и нравственных, оказалось недостаточно. В начале XX столетия Россия прошла через потрясения трех революций, имевших катастрофические последствия для страны, о чём предупреждал Ф.М. Достоевский. Они должны послужить для нас хорошим уроком. Есть Пророки в своем Отечестве.

Примечания:

1. Лотарев К. А., Никотин А. Д. Либерализм и консерватизм в России: онтологические основы и политическое развитие: монография / К.А. Лотарев, А. Д. Никотин; ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы». Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2008. 264 с.
2. Лотарев К. А. Стабилизирующие и консолидирующие ресурсы консерватизма в России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. № 6. С. 91–99.
3. Кузнецов О.В. Р.А. Фадеев генерал и публицист. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 1998. 182 с.
4. Кузнецов О.В. Рец. на кн.: Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / Отв. ред. А.Ю. Минаков Воронеж: Воронежский государственный университет, 2005. 417 с. / Кузнецов О.В. // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. № 1 (13). Волгоград : Издательство ВолГУ, 2008. С. 175–180.
5. Janet Tucker. Dostoevsky's Crime and Punishment: Stopping History's Clock // Russian History. 2009. Volume 36, Issue 3, pages 443–453.
6. Пантин, И.К. [и др.]. Революционная традиция в России: 1783–1883 гг. / И.К. Пантин, Е.Г. Плимак, В.Г. Хорос. М.: Мысль, 1986. 343 с.
7. Китаев, В.А. XIX век: пути русской мысли: Научные труды / В.А. Китаев. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского университета, 2008. 355 с.
8. Тарасова, Н. А. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского (1876–1877): критика текста: монография / Н.А. Тарасова. М.: Квадрига; МБА, 2011. 392 с.
9. Любятинская, У.С. Исторические воззрения Ф.М. Достоевского (по материалам «Дневника писателя»): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. РГБ ОД, 61:06-7/626. М., 2006. 193 с.
10. Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / Ф.М. Достоевский. – Т. 21. Л.: Издательство «Наука», 1980. – 552 с.; Т. 22. Л.: Издательство «Наука», 1981. – 408 с.; Т. 23. Л.: Издательство «Наука», 1981. – 424 с.; Т. 25. – Л., Издательство «Наука», 1983. – 472 с.

11. Победоносцев, К.П. Великая ложь нашего времени / К.П. Победоносцев. М., 1993. 640 с.
12. Фадеев, Р.А. Собрание сочинений: в 3 т. Т.3, ч. 1 / Р.А. Фадеев. СПб.: Типография В.В. Комарова, 1889. 225 с.
13. Волгин, И.Л. Последний год Достоевского: Исторические записки / И.Л. Волгин. М.: Советский писатель, 1991. 544 с.

References:

1. Lotarev K.A., Nicotin A.D. Liberalism and Conservatism in Russia: Ontological foundations and political development: monograph / K.A. Lotarev, A.D. Nicotin., Volgograd: «Volgograd Academy of Public Administration», 2008. - 264 p.
2. Lotarev K.A. Stabilizing and consolidating resources conservatism in Russia // Vestnik Volgograd State University. Series 4, history. Regional Studies. International relationships. 2014. № 6. p. 91-99.
3. Kuznetsov O.V. R.A. Fadeyev, general and writer. Volgograd: Volgograd State University, 1998. 182 p.
4. Kuznetsov O.V. Rets. in the book.: Against the Current: historical portraits of Russian conservatives of the first third of the XIX century / Editor. Ed. A.Y. Minakov. Voronezh State University, 2005. 417 p. / Kuznetsov O.V. // Bulletin of Volgograd State University. Ser. 4. History. Regional Studies. International relationships. Number 1 (13). Volgograd, 2008. P. 175-180.
5. Janet Tucker. Dostoevsky's Crime and Punishment: Stopping History's Clock // Russian History. 2009. Volume 36, Issue 3, p. 443-453.
6. Pantin I.K. [and etc.]. The revolutionary tradition in Russia: 1783-1883 years / I.K. Pantin, E.G. Plimak, V.G. Horos. Moscow: Thought, 1986. 343 p.
7. Kitaev V.A. XIX century: the way of Russian thought: Proceedings / V.A. Kitaev. Nizhny Novgorod: the Nizhny Novgorod State University, 2008. 355 p.
8. Tarasova, N.A. «Diary of a Writer» F. Dostoyevsky (1876-1877): A critique of the text: monograph / N.A. Tarasova. M.: Quadriga; 2011. 392 p.
9. Lyubyatinskaya, U.S. Historical views F.M. Dostoevsky (based on the «Diary of a Writer»): Dis. ... Cand. Historical Sciences: 07.00.09. RSL DD, 61: 06-7 / 626. Moscow, 2006. 193 p.
10. Dostoevsky F. Complete Works in 30 volem. / F.M. Dostoevsky. – Vol. 21. Moscow: «Nauka», 1980. 552 p. ; Vol. 22. Moscow: «Nauka», 1981. 408 p. ; Vol. 23. Moscow: «Nauka», 1981. - 424 p. ; Vol. 25. Moscow: «Nauka», 1983. - 472 p. ; Vol. 27. Moscow: «Nauka», 1984. 464 p.
11. Pobedonostsev K.P. The great lie of our time / K.P. Pobedonostsev. M. : Russian book, 1993. 640 p.
12. Fadeev R.A. Complete Works in 3 volem. V.3, h. 1 / R.A. Fadeev. SPb.: Printing V.V. Komarova, 1889. 225 p.
13. Volgin, I.L. Last year Dostoevsky: Historical Records / I.L. Volgin. M.: The Soviet writer, 1991. 544 p.

УДК 821.161.1

Революционное движение в оценке Ф.М. Достоевского: к пониманию консерватизма в политической истории России

¹ Константин Анатольевич Лотарев

² Олег Викторович Кузнецов

¹⁻² Волгоградский государственный университет, Российская Федерация

¹ Кандидат политических наук, доцент

E-mail: lotarev16@mail.ru

² Кандидат исторических наук, доцент

E-mail: kusnezov_oleg@mail.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка показать особенности консервативного мировоззрения Ф.М. Достоевского через призму его оценок революционного движения и социалистических идей в России. Основной акцент делается на анализе не художественного творчества, а публицистики, прежде всего «Дневника писателя». Это позволило выявить общественно-политические взгляды Ф.М. Достоевского и возможность их практической реализации. Сделан вывод о том, что главной причиной политических потрясений 1860-х – начала 1880-х годов, распространения революционных идей писатель считал глубокий нравственный кризис, поразивший русское общество. Поэтому причину преодоления кризиса он видел не в реформировании государственных институтов, а в коренном нравственном обновлении русской жизни на основе христианских православных ценностей.

Ключевые слова: общественное движение, революционное движение, общественно-политическая мысль, консерватизм, либерализм, социализм, почвенничество.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 38, Is. 4, pp. 1078-1084, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 930.2

The Method of Analysis Derived Coefficients of Database as a New Method of Historical Research (for Example, a Database of Ballistic Parameters of Naval Artillery)

¹ Nicholas W. Mitiukov

² Kent Rand Crawford

¹ Izhevsk State Technical University, Russian Federation
Kama Institute of Humanitarian and Engineering Technologies

Dr. Sc., Associate Professor

E-mail: nico02@mail.ru

² Gunnery Fire Control Group, USA

Dr. Sc., Professor of Natural history

E-mail: krand7@yahoo.com

Abstract

In paper there is proposed a new method of historical research, based on analysis of derivatives coefficients of database (for example, the form factor in the database of ballistic data). This method has a much greater protection from subjectivism and direct falsification, compared with the analysis obtained directly from the source of the numerical series, as any intentional or unintentional distortion of the raw data provides a significant contrast ratio derived from the average sample values.

Application of this method to the analysis of ballistic data base of naval artillery allowed to find the facts, forcing a new look at some of the events in the history data on the German naval artillery before World War I, probably overpriced for disinformation opponents of the Entente; during the First World War, Spain, apparently held secret talks with the firm Bofors ended purchase of Swedish shells; the first Russian naval rifled guns were created obvious based on the project Blackly, not Krupp as traditionally considered.

Keywords: ballistics, mathematical modeling, methods of historical research, database.

Введение

В начале 1990-х гг., после появления персональных компьютеров, начали появляться первые игровые программные продукты, моделирующие морской бой. Однако ограниченный объем оперативной памяти и жесткого диска заставлял разработчиков использовать механику Ньютона при описании движения снаряда, что было аналогично полету в безвоздушном пространстве. В связи с этим, например, полет двенадцатидюймового снаряда и легкой винтовочной пули происходил по абсолютно одинаковой траектории, что сильно уменьшало историчность игровых сценариев. В это время наша группа предприняла первую попытку комплексной реконструкции баллистических параметров морской артиллерии, а через некоторое время нам удалось объединить свои усилия с Gunnery Fire Control Group. Результатом стала база данных по морской артиллерии (ГР РФ 50200601789 [1]), насчитывающая несколько тысяч записей. База данных находится в свободном доступе и в настоящее время используется рядом ведущих мировых разработчиков компьютерных игр [2]. Кроме индустрии развлечений разработанная база данных дала возможность поставить и решить ряд исторических задач, о которых и пойдет речь в данной работе.

Методика исследования

Методика исследования базируется на использовании методов математического моделирования и системного анализа. Анализ артефактов разработанной базы данных проводился с помощью методов исторических исследований позволяющих найти и обработать историческую

информацию о баллистике орудий конца XIX – первой половины XX вв. При историческом анализе использовались следующие группы источников:

1. Архивные данные испытаний и производства некоторых орудий.
2. Данные периодической печати, касающиеся испытаний и производства орудий.
3. Справочные работы по артиллерии и кораблям, включая таблицы стрельбы.
4. Аналитические работы по корабельной артиллерии.

Теоретические основы исследования

Математическая модель, описывающая полет снаряда с учетом атмосферы в плоской постановке при отсутствии у снаряда угла атаки описывается с помощью четырех дифференциальных уравнений.

1. Уравнение для изменения скорости снаряда v :

$$\frac{dv}{dt} = -\frac{\pi c_x i \rho (vD)^2}{8m} - g \sin \theta.$$

2. Уравнение для изменения угла тангажа θ :

$$\frac{d\theta}{dt} = -\frac{g \cos \theta}{v}.$$

3. Уравнений, описывающих траекторию снаряда, его текущую высоту Y и дальность X :

$$\frac{dY}{dt} = v \sin \theta; \quad \frac{dX}{dt} = v \cos \theta.$$

Здесь зависимость плотности воздуха ρ и ускорения свободного падения g от высоты достаточно хорошо описываются данными Стандартной атмосферы (ГОСТ 4401-81), аппроксимация которых приводится практически в любом учебнике по внешней баллистике (например, [3]). Для определения диаметра снаряда D , его массы m , дульной скорости v_0 , а также начального угла возвышения θ_0 можно использовать артиллерийские и корабельные справочники (например, справочник Конвея [4], Веера [5], ВКАМ [6] и др.).

Для однозначного решения системы уравнений не хватает одного условия – знание функции коэффициента аэродинамического сопротивления c_x . Строго говоря, этот коэффициент зависит от множества факторов, таких как Рейнольдса, геометрических параметров снаряда, его скорости и т.п. Однако в артиллерии известен подход, когда с достаточной степенью точности считают c_x , зависящим лишь от числа Маха M или скорости v ($M = v/a$, где a – скорость звука).

В этом случае, выделяя некоторые эталонные законы сопротивления, в которых функция $c_x^{эТ} = f(M)$ заранее задана (рис. 1), функцию коэффициента аэродинамического сопротивления данного конкретного снаряда можно задать довольно просто:

$$c_x = i \cdot c_x^{эТ},$$

где i – коэффициент формы.

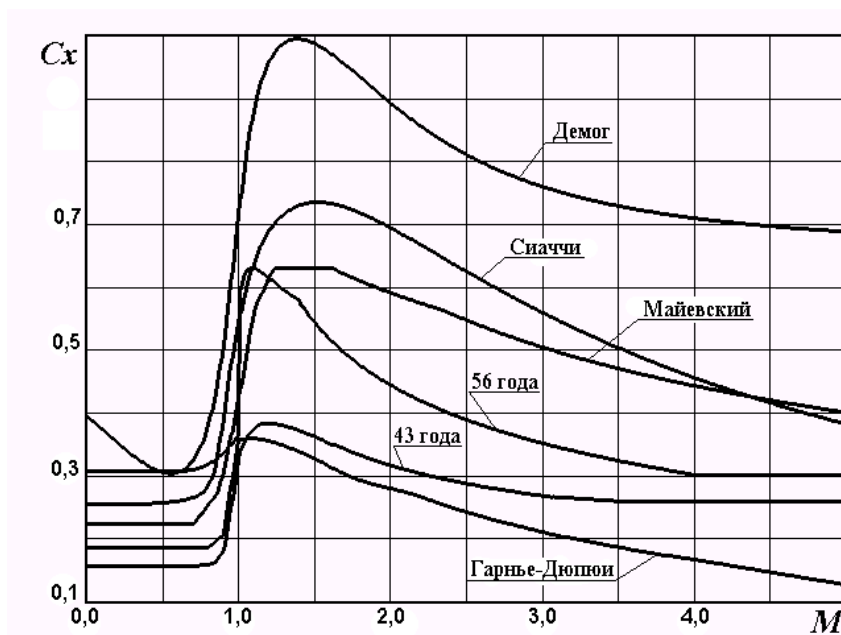

Рис. 1. Некоторые законы сопротивления

В артиллерии коэффициент формы обычно определяется осреднением по результатам стрельб. Разумеется, данный подход неприемлем для исторических исследований, поэтому можно предложить несколько альтернативных взаимно дополняющих методик его определения.

1. *Метод прямого поиска* – в исключительных случаях информация о коэффициенте формы и эталонного закона сопротивления, для которого он получен, может содержаться в явном виде. В первую очередь это таблицы стрельбы. Например, в работе [7] имеются данные по всем снарядам для 122-мм гаубицы. А в работе С. Шредера, лично проводившего стрельбы 1893 г. на крейсере "Везувиус", указывается коэффициент формы снаряда крейсера по отношению к закону Майевского [8].

2. *Аэродинамический расчет* подходит в том случае, если имеются достоверные данные о геометрии снаряда. Для проведения аэродинамического расчета существует несколько способов. Первый предполагает численное решение газодинамических уравнений, например, Навье-Стокса. В настоящее время имеется несколько программных оболочек, позволяющих автоматизировать этот процесс, например, ANSYS CFX [9]. В этом случае рассчитывается поле давлений при разных скоростях полета, после чего определяется интегральная аэродинамическая сила и по ней вполне тривиально считается коэффициент аэродинамического сопротивления. Второй способ предполагает использование предварительно аппроксимированных аэродинамических данных по сходному классу снарядов. Однако, как нами было показано ранее, эти аппроксимации обычно плохо подходят для дозвукового диапазона скоростей [10, 17, 18].

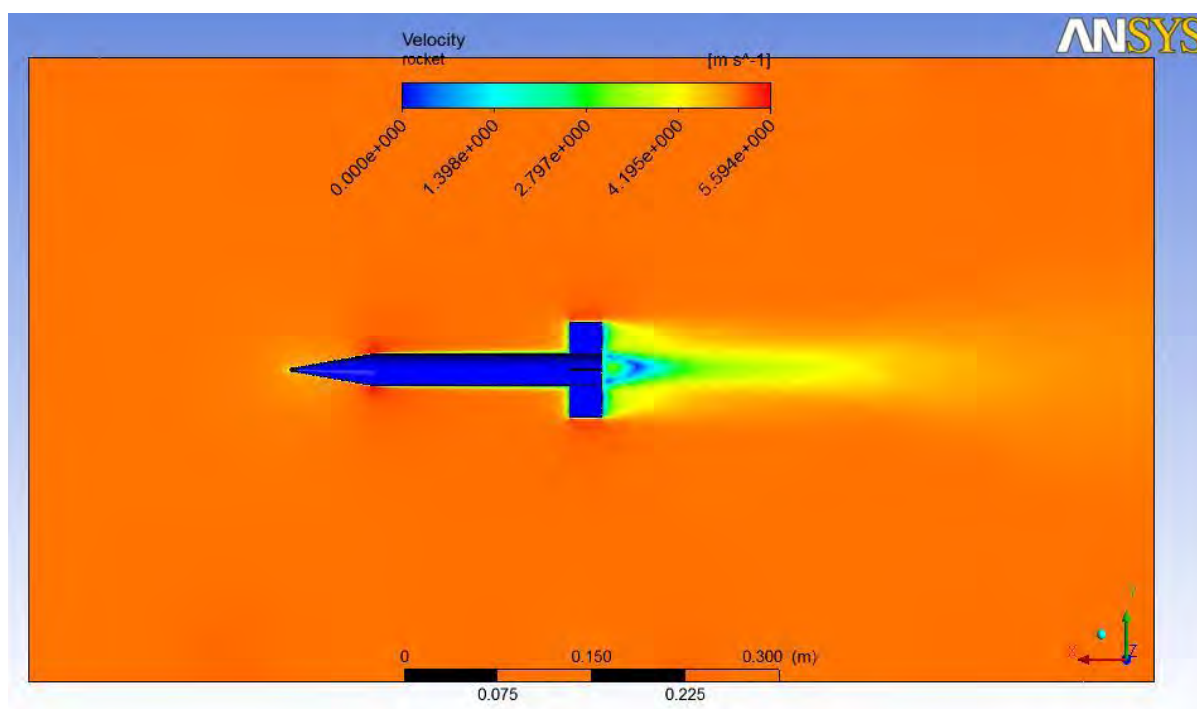

Рис. 2. Поле скоростей в окне программы ANSYS CFX

3. *Обратный баллистический расчет* является самым распространенным способом определения баллистических параметров снаряда. Суть его заключается в следующем – если имеется информация о дальности стрельбы снарядом с заданными характеристиками при некотором угле возвышения, путем серии баллистических расчетов можно подобрать такой коэффициент формы, чтобы обеспечить эту требуемую дальность. Данных с подобными "связками" баллистических параметров намного меньше, чем данных по характеристикам орудия, но они все-таки довольно часты. Например, в справочнике Конвея имеются данные по германским орудиям времен Первой мировой войны [4], в работе Моисеева есть таблица о дальностях русских орудий при угле возвышения в 4° [11]. Интересны сведения, содержащиеся в работе В. Хынека и П. Ключины [12, S. 40], – скорость снаряда на дальности в 1 км. В этом случае обратный баллистический расчет сам ведется вариационно.

Целый цикл работ имеют информацию о пробиваемой броне на определенной дальности (например, [12]). В этом случае часть параметров снаряда при попадании в цель остаются неизменными (калибр и масса), а часть изменяются (скорость и угол падения). Но и в этом случае можно всегда подобрать такой коэффициент формы, чтобы снаряд на заданной дальности пробивал заданную толщину брони.

Проблема идентификации данных

Как показали проведенные исследования, даже взятые из разных источников данные, группируют коэффициент формы вокруг некоторого среднего значения i_{cp} (рис. 3). Но вокруг ярко выраженного кластера обычно возникают "всплески", называемые в теории информации "артефактами".

Из основных причин появления артефактов можно выделить следующие.

1. *Использование в общем ряде данных других порохов, других снарядов и т.п.* Например, при стрельбе бронебойными снарядами лучше всего подходит эталонный закон сопротивления Сиаучи, но если на тот же снаряд надеть баллистический колпачок, его коэффициент формы уменьшится. Строго говоря, для этого снаряда уже не следует использовать закон Сиаучи, а применить, например, закон Гарнье-Дюпюи (в СССР он назывался "Закон 1930 г."). Аналогично при использовании и других порохов, например, замена бурого пороха на бездымный даст прирост дульной скорости и как следствие сильное отклонение от i_{cp} (рис. 3).

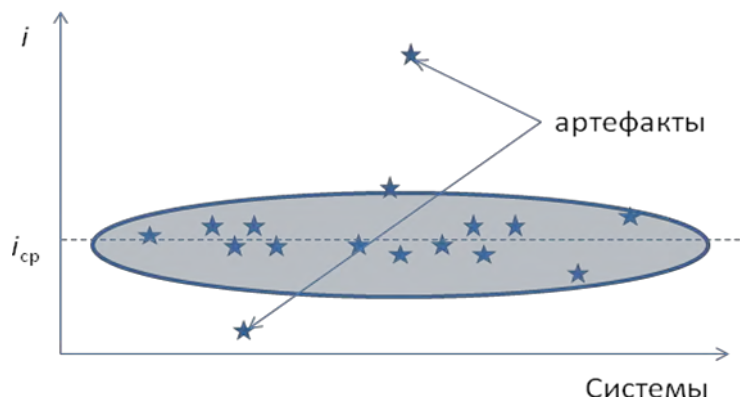

Рис. 3. Поиск артефактов в базе данных

2. *Синтетические данные.* Авторы, публикующие данные о "баллистических связках" нередко эти связки могут брать из разных источников. Даже если исключить искусственную "правку" данных этими авторами, нередко испытания могли проводиться при изначально разных условиях. Например, дульная скорость замерена при максимальном заряде метательного пороха, а дальность при облегченном.

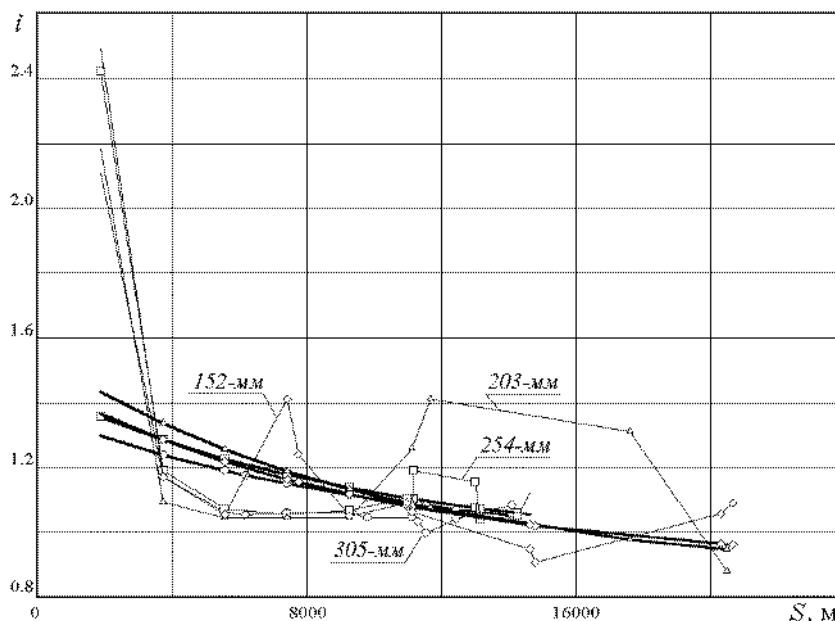

Рис. 4. Коэффициенты формы для некоторых орудий русско-японской войны от дальности стрельбы с наложенной линией тренда

3. *Ошибки замера.* В работе С.И. Титушкина [13] приводятся баллистические данные русских и японских орудий времен русско-японской войны для разных дальностей, определенные по ним коэффициенты формы приведены на рис. 4. Видно, что все рассчитанные снаряды демонстрируют повышение коэффициента формы в два и более раз при небольших дальностях. Причины этого

парадокса достаточно просты – на небольших дистанциях траектории более настильные, что может затруднять определение точной координаты точки падения. Например, при стрельбе в песок на больших дистанциях точка падения будет представлять собой практически круглую воронку, а на небольших – длинную борозду. Кроме того, ошибки могут быть связаны и с другими причинами: несовершенством схемы эксперимента, примитивной аппаратурой и т.п.

4. *Оценочные и сравнительные данные.* Иногда встречается ситуация, когда в первоисточнике нет четкого упоминания, например, о дальности стрельбы и содержатся лишь расплывчатые сведения, что она "примерно такая же как..." или "чуть лучше, чем...". Здесь же возможны и ошибки округления, когда фраза первоисточника, например, "около тысячи футов" может интерпретироваться как вполне точная дистанция 3050 м. Подобные данные характерны для очень старых источников [14].

5. *Загадки истории.* Наибольший практический смысл для истории получили артефакты, которые не объясняются вышеуказанными причинами. Как правило, этот довод является решающим для более детального исследования уже с привлечением традиционных методов исторических исследований.

Результаты и обсуждение

Во время анализа базы данных по морской артиллерии были обнаружены несколько артефактов, идентифицированных нами как загадки истории.

1. Анализ показал, что германские снаряды для аналогичных оружейных систем, как правило, имеют более высокие коэффициенты формы (аэродинамически худшую форму), чем английские. Поскольку анализ материальной части эти доводы не подтверждает, можно сделать вывод, что в предвоенный период германская сторона предприняла меры по дезинформации, завышая истинные характеристики своих орудий.

2. Во время Первой мировой войны испанские 305-мм снаряды (главный калибр линкоров типа "Эспанья") отличался от снарядов британского прототипа. Наиболее близкие характеристики имеют снаряды Бофорса. Очевидно, что поскольку в морской артиллерии в предвоенный период Испания ориентировалась исключительно на Великобританию [19], а с началом войны все британские фирмы были загружены заказами для своего флота, Испания решила найти поставщика снарядов на стороне, в частности в Швеции. Но поскольку эти действия нарушали лицензионный договор, все переговоры и поставки проводились тайно. Разумеется, пока это только гипотеза, подтверждение которой можно найти только в испанских или шведских архивах.

3. Традиционно считается, что первые нарезные морские орудия русского флота создавались на основе проекта Круппа. Вероятно, это не так. Баллистически эти орудия подобны орудиям Блекли. Данный вопрос рассматривался нами на основе открытых источников, показавших, что конструктивно русские орудия действительно гораздо ближе к орудиям Блекли, чем Круппа [2].

Кроме того, перспективно нахождение закономерностей в поведении коэффициента формы. Так анализ баллистических поправок (частные производные дальности по дульной скорости, по массе снаряда и по углу возвышения) дали возможность объяснить снижение дульной скорости у итальянских орудий периода Второй мировой войны тем, что в этом случае повышалась кучность итальянских снарядов [2, 16]. Несмотря на то, что при этом неизбежно ухудшились баллистические характеристики, итальянское руководство сочло это меньшим злом. Аналогично, при проектировании в 1920-х гг. орудия для эсминцев, американцы искусственно занизили баллистические характеристики своего 127-мм орудия, чтобы получить повышенную кучность [15].

Выводы

Методика анализа производных коэффициентов в базах данных (например, коэффициент формы в базе баллистических данных) – новый перспективный метод исторических исследований. Этот метод обладает гораздо большей защищенностью от субъективизма и прямой фальсификации, по сравнению с анализом непосредственно полученного из первоисточника численного ряда, поскольку любое преднамеренное или непреднамеренное искажение исходных данных дает значительное отличие производного коэффициента от среднего по выборке значения.

Применение данного метода к анализу базы баллистических данных по морской артиллерии позволило обнаружить несколько фактов, заставляющих по новому взглянуть на некоторые события в истории:

1. Данные по германской морской артиллерии перед Первой мировой войной, вероятно, завышены для дезинформации противников по Антанте.

2. Во время первой мировой войны Испания, по-видимому, провела тайные переговоры с фирмой Бофорса, закончившиеся покупкой шведских снарядов.

3. Первые русские нарезные морские орудия создавались очевидно на основе проекта Блекли, а не Круппа, как традиционно считается.

Примечания:

1. *Crawford K.R., Mitiukov N.V.* База данных по морской артиллерии «Database of Naval Guns» // ГР в ВНТИЦ 17.10.2006 № 50200601789.
2. *Crawford K. R., Mitiukov N. W.* Identification of the Parameters of Naval Artillery. Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2013. 212 p. ISBN 978-80-87786-52-9. DOI: 10.17686/sced_rusnauka_2013-1180.
3. *Коробейников А.В., Митюков Н.В.* Баллистика стрел по данным археологии: введение в проблемную область. Ижевск: Изд-во НОУ «КИТ», 2007. 140 с. ISBN 978-5-902352-20-4. DOI: 10.17686/sced_rusnauka_2007-1181.
4. *Conway's All the World's Fighting Ships 1905-1922.* London: Conway Maritime Press Ltd, 1981. 422 p.
5. *Weyer B.* Taschenbuch der Kriegsflotten 1915. Т. XVI. München: J.F. Lehmanns Verlag, 1915.
6. *Военные флоты и морская справочная книжка на 1899 год/под ред. Его Императорского Высочества Великого Князя Александра Михайловича.* СПб.: Типография Э. Гоппе, 1899. 1154 с.
7. *Таблицы стрельбы 122-мм гаубицы образца 1938 г. М.: Воениздат 1971. 248 с.*
8. *Schroeder S.* The USS "Vezuvius" // US Naval Institute Proceeding. 1894. № 1. Vol. 69. P. 1–60.
9. *Mitiukov N.V., Ganzy Y.V., Busygina E.L.* Identification of Subsonic Aerodynamic Parameters Damaging Elements // European Journal of Technology and Design. 2014. Vol. 4. № 2. P. 81–85. DOI: 10.13187/issn.2308-6505.
10. *Митюков Н.В.* Идентификация аэродинамических параметров дозвуковых поражающих элементов // Вестник КИГИТ. 2013. № 1 (31). С. 56–63.
11. *Моисеев С. П.* Список кораблей и судов русского парового и броненосного флота с 1861 по 1917 г. -М.: Воениздат, 1948. 556 с.
12. *Hynek V., Klučina P.* Valečné lodě. Т. 2. Mezi krymskou a rusko-japonskou válkou. Praha: Naše Vojsko, 1986. 336 s.
13. *Титушкин С. И.* Корабельная артиллерия в русско-японской войне // Гангут. 1994. № 7. С. 64-79.
14. *Mitiukov N.W., Busygina E.L.* Aeroballistic Parameters of Arab arrows On the Medieval Tract "Arab Archery" // Crusader. 2015. № 1. P. 50–56. DOI: 10.13187/crus.2015.1.50.
15. *Mitiukov N.W.* Were Fubuki's Guns Best in the World? // International Naval Journal. 2014. Vol. 4. № 2. P. 105–110. DOI: 10.13187/inj.2014.4.105.
16. *Crawford K.R., Mitiukov N.W.* The British – Italian Performance in the Mediterranean From the Artillery Perspective // Военный сборник. 2013. № 2. P. 95–102. DOI: 10.13187/issn.2309-6322.
17. *Kasatkin T.A.* Comparison of Analytical Methods for Calculating of Subsonic Aerodynamic Submunitions Standard Arrow // European Journal of Technology and Design. 2014. Vol. 6. № 4. P. 173–175. DOI: 10.13187/ejtd.2014.6.173.
18. *Касаткин Т.А.* Сравнительный анализ некоторых методик аэродинамического расчета летательного аппарата на дозвуковом диапазоне скоростей // Новый университет. Сер. Технические науки. 2014. № 7–8. С. 52–64. DOI: 10.15350/2221-9552.2014.7-8.0010.
19. *Mitiukov N.W.* Innovations of Spanish Shipbuilding of the Regency's period // Bylye gody. 2014. № 2. P. 215–225.
20. *Mitiukov N.W., Crawford K.R.* Mystery of the First Russian Rifle Naval Guns // Voennyi Sbornik. 2015. № 3. P. 135–139. DOI: 10.13187/vs.2015.9.135.

References:

1. *Crawford K.R., Mitiukov N.V.* Baza dannyh po morskoj artillerii «Database of Naval Guns» // GR v VNTIC 17.10.2006 № 50200601789.
2. *Crawford K. R., Mitiukov N. W.* Identification of the Parameters of Naval Artillery. Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2013. 212 p. ISBN 978-80-87786-52-9. DOI: 10.17686/sced_rusnauka_2013-1180.
3. *Korobejnikov A.V., Mitiukov N.V.* Ballistika strel po dannyh arheologii: vvedenie v problemnuju oblast'. Izhevsk: Izd-vo NOU «KIT», 2007. 140 s. ISBN 978-5-902352-20-4. DOI: 10.17686/sced_rusnauka_2007-1181.
4. *Conway's All the World's Fighting Ships 1905-1922.* London: Conway Maritime Press Ltd, 1981. 422 p.
5. *Weyer B.* Taschenbuch der Kriegsflotten 1915. Т. XVI. München: J.F. Lehmanns Verlag, 1915.
6. *Voennye floty i morskaja spravocchnaja knizhka na 1899 god/pod red. Ego Imperatorskogo Vysochestva Velikogo Knjazja Aleksandra Mihajlovicha.* SPb.: Tipografija Je. Goppe, 1899. 1154 s.
7. *Tablicy strel'by 122-mm gaubicy obrazca 1938 g. M.: Voemizdat 1971. 248 s.*
8. *Schroeder S.* The USS "Vezuvius" // US Naval Institute Proceeding. 1894. № 1. Vol. 69. P. 1–60.
9. *Mitiukov N.V., Ganzy Y.V., Busygina E.L.* Identification of Subsonic Aerodynamic Parameters Damaging Elements // European Journal of Technology and Design. 2014. Vol. 4. № 2. P. 81–85.
10. *Mitiukov N.V.* Identifikacija ajerodinamicheskikh parametrov dozvukovyh porazhajushih jelementov // Vestnik KIGIT. 2013. № 1 (31). S. 56–63.

11. Moiseev S. P. Spisok korablej i sudov russkogo parovogo i bronenosnogo flota s 1861 po 1917 g. M.: Voenizdat, 1948. 556 s.
12. **Hynek V., Klučina P. Valečné lodě. T. 2. Mezi krymskou a rusko-japonskou válkou.** Praha: Naše Voisko, 1986. 336 s.
13. Titushkin S. I. Korabel'naja artillerija v rusko-japonskoj vojne // **Gangut. 1994. № 7. С. 64-79.**
14. Mitiukov N.W., Busygina E.L. Aeroballistic Parameters of Arab arrows On the Medieval Tract "Arab Archery" // **Crusader. 2015. № 1. R. 50–56.** DOI: 10.13187/crus.2015.1.50.
15. Mitiukov N.W. Were Fubuki's Guns Best in the World? // *International Naval Journal.* 2014. Vol. 4. № 2. R. 105–110. DOI: 10.13187/inj.2014.4.105.
16. Crawford K.R., Mitiukov N.W. The British – Italian Performance in the Mediterranean From the Artillery Perspective // *Voennyj sbornik.* 2013. № 2. P. 95–102.
17. Kasatkin T.A. Comparison of Analytical Methods for Calculating of Subsonic Aerodynamic Submunitions Standard Arrow // *European Journal of Technology and Design.* 2014. Vol. 6. № 4. P. 173–175. DOI: 10.13187/ejtd.2014.6.173.
18. Kasatkin T.A. Sravnitel'nyj analiz nekotoryh metodik ajerodinamicheskogo rascheta letatel'nogo apparata na dozvukovom diapazone skorostej // *Novyj universitet. Ser. Tehnicheskie nauki.* 2014. № 7–8. S. 52–64. DOI: 10.15350/2221-9552.2014.7-8.0010.
19. Mitiukov N.W. Innovations of Spanish Shipbuilding of the Regency's period // *Bylye gody.* 2014. № 2. P. 215–225.
21. Mitiukov N.W., Crawford K.R. Mystery of the First Russian Rifle Naval Guns // *Voennyi Sbornik.* 2015. № 3. P. 135–139. DOI: 10.13187/vs.2015.9.135.

УДК 930.2

Метод анализа производных коэффициентов базы данных как новый метод исторического исследования (на примере базы данных баллистических параметров морской артиллерии)

¹ Николай Витальевич Митюков

² Кент Ренд Крауфорд

¹ Ижевский государственный технический университет,
Камский институт гуманитарных и инженерных технологий, Российская Федерация
д-р техн. наук, доцент
E-mail: nico02@mail.ru

² Gunnery Fire Control Group, USA
Dr. Sc., Professor of Natural history
E-mail: krand7@yahoo.com

Аннотация. В работе предложен новый метод исторического исследования, основан на анализе производных коэффициентов база данных (например, коэффициент формы в базе баллистических данных). Этот метод обладает гораздо большей защищенностью от субъективизма и прямой фальсификации, по сравнению с анализом непосредственно полученного из первоисточника численного ряда, поскольку любое преднамеренное или непреднамеренное искажение исходных данных дает значительное отличие производного коэффициента от среднего по выборке значения.

Применение данного метода к анализу базы баллистических данных по морской артиллерии позволило обнаружить факты, заставляющих по новому взглянуть на некоторые события в истории: данные по германской морской артиллерии перед Первой мировой войной, вероятно, завышены для дезинформации противников по Антанте; во время первой мировой войны Испания, по-видимому, провела тайные переговоры с фирмой Бофорса, закончившиеся покупкой шведских снарядов; первые русские нарезные морские орудия создавались очевидно на основе проекта Блекли, а не Круппа, как традиционно считается.

Ключевые слова: баллистика, математическое моделирование, метод исторического исследования, база данных.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 38, Is. 4, pp. 1085-1092, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(47)

Forms of Consolidation of Provincial Society in the Conditions of World War I

Irina N. Litvinova

Volgograd State University, Russian Federation
100, University Avenue, Volgograd, 400062
PhD (History), Associate Professor
E-mail: irina-litvinova2010@mail.ru

Abstract

On the basis of for the first time the massif of new archival material introduced into scientific circulation in article the problem of consolidation of society of the Lower Volga province in the years of great tests of World War I is analyzed. Particular attention is paid to the practices used by local charitable committees and non-governmental organizations created in that period in Tsaritsyn. In particular, it analyzes the activities of local branches of the committees of the Grand Duchess Elizabeth, to assist the families of soldiers and Grand Duchess Tatiana – to support refugee families. The article was first introduced into scientific circulation new archival sources on the issue of the functioning of national non-governmental organizations based in the city of Lithuanian, Latvian, Polish and Jewish refugees who were engaged in assisting their fellow countrymen, to move from front-line areas in the new place of residence, in Tsaritsyn. The questions of organizational character connected with difficulties of official registration of the public unions by the provincial authorities are specified; severity of rules of the Ministry of Internal Affairs, when carrying out public monetary collecting by societies from the population. On the basis of concrete historical material, revealed new tricks and techniques used by charitable institutions for admission donations from citizens, as well as forms of voluntary activity themselves representatives of provincial society, to assist the families of the soldiers called to the front, wounded, children, refugees. The microanalysis of some unique historical sources which are of interest both for researchers of the region, and for experts of the "culture of the back" direction of times of World War I is carried out.

Keywords: World War I, "the culture of the rear", provincial society, philanthropic structure, forms of voluntary activity.

Введение

История тыла периода Первой мировой войны как научная проблема находится в центре внимания российских и зарубежных специалистов. Интерес к теме «человеческого измерения» Великой войны существенно активизировался в последнее десятилетие, достигнув своего апогея в юбилейный год, когда научное сообщество отмечало печальную дату – 100-летие со дня ее начала. Особое внимание у исследователей вызывают вопросы социокультурной жизни, устремленной на адаптацию общества к тяжелым условиям военного времени, его консолидацию вокруг интересов государства.

Вместе с тем, воссоздание относительно полной картины влияния конфликта такого масштаба на общество и культуру нашей страны, невозможно без опоры на новые региональные исследования, изучающие историю российской провинции и выполненные на основе местных архивных документов по разнообразному перечню вопросов функционирования гражданского общества.

Частично заполнить существующий пробел могут результаты изучения жизнедеятельности общества уездного центра Царицына Саратовской губернии, представлявшего к началу великих испытаний Первой мировой войны типичную тыловую провинцию Нижнего Поволжья, на жизни которой отразились все процессы социальной напряженности в обществе, и проявились потребности граждан в эффективных институтах общественной самоорганизации.

Поиск и изучение новых исторических источников гуманитарной составляющей «тотальной» войны представляется актуальным еще и потому, что постсоветская отечественная историография данной проблемы находится в стадии формирования.

Материалы и методы

Источниковую основу данного исследования составляют материалы фондов Государственного архива Саратовской области, в которых отложились документы, отражающие помощь жителей г. Царицына армии и населению, пострадавшему в годы Первой мировой войны, а также источники о деятельности общественных союзов и организаций губернии. Прежде всего, особый интерес для исследователя представляют документы следующей группы фондов: 176 – «Саратовское губернское по делам об обществах и союзах присутствие» Министерства внутренних дел; 573 – «Саратовское губернское отделение Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны»; 574 – «Саратовское губернское отделение Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну» 1914–1918 гг.; 611 – «Саратовское губернское Совецание по устройству беженцев».

В ходе исследования применялся документальный анализ архивных источников, методом которого является сбор фактических данных содержащихся в документах, а сами документы используются в качестве главного источника информации. Автор применял цивилизационный подход к познанию провинциального общества и изучению социокультурных факторов общественного сознания времен великих испытаний, также в работе использовались логические методы дедукции и индукции и системный метод исследования.

Обсуждение

Тема влияния военных условий и конкретных событий на преобразования социальной среды, возможностей и мобилизации ресурсов общества настолько многогранна, что и последующие поколения исследователей будут находить в ней новые аспекты для изучения. Труды отечественных авторов Е.Ю. Семеновой, О.С. Поршневой, А.С. Тумановой можно отнести уже к методологической базе исследования вопросов развития общества в условиях военного времени. В частности, Е.Ю. Семенова занимается тематикой эволюции патриотизма и настроения общества в годы Первой мировой войны [1]. Факторы влияния войны на стереотипы представлений простых людей из «массовых слоев» после вступления России в Мировую войну, изменение их ценностных установок, поведенческих привычек анализируются в работах О.С. Поршневой [2]. Исследования профессора ВШЭ А.С. Тумановой посвящены феномену «мобилизованного общества» российского тыла времен Первой мировой, в том числе вопросам функционирования общественных союзов, как базовых составляющих данного феномена [3].

Проблемы формирования общественных организаций в имперской России, а также благотворительности, свойственной менталитету русского общества, накануне и во время Мировой войны, находятся в центре внимания зарубежных специалистов. В частности, согласно мнению историка Университета Вилланова (шт. Пенсильвания) Адель Линденмайер, благотворительность являлась повсеместной особенностью российского социального ландшафта до Октябрьской революции [4, с. 2]. В **американской русистике** одним из основополагающих трудов по **истории российского общества и государства поздней имперского периода** является монография Джозефа Брэдли – главного редактора журнала “Russian Studies in History”, профессора истории Университета Талса (шт. Оклахома). На русский язык работа переведена как «Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество» [5]. Дж. Брэдли исследовал становление общественных организаций и гражданских учреждений на примере дореволюционной Москвы, причем предпочтения были отданы научным обществам и клубам. Изучению деятельности представителей научной элиты российского общества – статистиков, этнографов, специалистов по демографии общества, их «профессиональных» общественных ассоциаций посвящена работа Жюльет Кадио – доцента Высшей школы социальных наук (Марсель), входящей в Объединенный Парижский университет [6].

Тем не менее, проблема выживания социума и аспекты деятельности общественных структур, добровольной активности жителей провинциального Царицына в обозначенный период, не только не исследованы, но и не поднимались научным сообществом и краеведами региона.

Необходимо уточнить, одной из главных проблем, стоящих перед исследователями Волгоградского края в изучении истории досоветского прошлого, и весьма затрудняющей изучение столь разносторонней тематики, является утрата значительного пласта документов местными архивами еще в период Сталинградской битвы. Впоследствии, так исторически сложилось, что вопросы консолидации царицынского общества времен «забытой» войны, долгое время были заслонены «устойчивым» исследовательским интересом к событиям Сталинградской битвы и факторам ее героико-патриотической составляющей.

Данная статья отражает результаты поиска, сбора и анализа нового архивного материала, представляющего историческую ценность, как для региона, так и исследователей направления «культура тыла» периода тотальной войны.

Результаты

К началу войны в Царицыне действовали образовательные, просветительские, попечительные, здравоохранительные общественные организации благотворительной направленности. Под гражданским обществом мы и понимаем разветвленную сеть добровольных ассоциаций, осуществляющих свою миссию независимо от государства, и реализующих многообразные социальные практики по оказанию помощи нуждающимся слоям населения – вдовам, инвалидам, немощным старикам, несостоятельным ученикам.

С началом военных действий государство в лице Верховного совета по призрению семей воинов, призванных на фронт, а также семей раненых и павших воинов выделяло крупные субсидии для поддержки благотворительных учреждений. Данное обстоятельство распространялось на общества, находившиеся под покровительством членов императорской семьи. Крупные пособия, в том числе, выделялись Комитету великой княгини Елизаветы Федоровны и Комитету великой княжны Татьяны Николаевны, Человеколюбивому обществу и некоторым другим государственно-общественным структурам, помогавшим жертвам войны. Например, Елизаветинский комитет находился под непосредственным покровительством императрицы Александры Федоровны. Однако для полноценной работы комитетов существовала необходимость в благотворительных поступлениях от населения в виде денежных сумм, одежды, постельного белья, медикаментов и перевязочных средств, продуктов.

Согласно сведениям, полученных из новых источников, можно оценить то разнообразие приемов и форм, которые использовались представителями губернских и уездных отделений благотворительных структур для организации денежных пожертвований от населения в пользу пострадавших от войны.

В частности, порядок жертвования денег осуществлялся не только посредством публичной продажи марок, цветов и открыток кружечных или тарелочных сборов, но и путем почтовых переводов, отношений, квитанционных благотворительных книжек, подписных благотворительных листов, благотворительных расписок, актов и других документов. Источники такого рода «по оприходованию» денежных сумм от жителей Царицына хранятся в делах фондов отделений Татьянинского и Елизаветинского комитетов [4].

Интересным документом для исследователей являются квитанционные книжки с отрывными талонами на благотворительные цели семьям воинов, которые распространяли волонтеры Елизаветинского Комитета. Размеры документа невелики: ширина – 70 мм, длина – 120 мм. Отрывной благотворительный талон имел номинальную стоимость в 25 коп, всего их насчитывалось 50 штук в каждой книжке. Это означает, что при распространении всех талонов книжки волонтер мог собрать 12 руб. 50 коп. [5, Л. 49–97]. Сумма незначительная, но, например, только за один день, 7 февраля 1915 г. от реализации талонов в пользу данной категории семей, на имя председателя Царицынского отделения Елизаветинского Комитета, поступило 436 руб. 52 коп. [6, Л. 99].

Миссия Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны заключалась в устройстве и объединении благотворительной помощи семьям лиц, призванных в действующую армию, а формы работы включали следующее: призрение детей-сирот, денежную помощь остро нуждающимся семьям, сбор средств для оказания помощи продуктами, одеждой и пособиями, организацию трудовой помощи.

Исследование новых документальных источников помогло установить наличие и работу в городе четырех детских приютов и трех «вечерних очагов» для малолетних детей нижних воинских чинов и «прочих беднейших семейств», входивших в состав отделения Царицынского Императорского Человеколюбивого общества. Местное отделение Общества, согласно источникам, в те годы находилось под патронатом благотворительного Комитета Елизаветы [7]. Установлено и место нахождения Царицынского отделения Комитета – в здании городской управы, где ныне находится областной краеведческий музей. Отметим, что ранее историки края не располагали документальными свидетельствами о существовании в Царицыне приютов Человеколюбивого общества, как впрочем, и самого отделения Елизаветинского Комитета.

Война сплачивала людей и царицынцы, движимые благородными порывами активно участвовали в многочисленных благотворительных мероприятиях – сборах одежды для беженцев, теплых одеял и постельного белья, чая, табака и различной бытовой утвари для армии. Документальный анализ деятельности Татьянинского и Елизаветинского Комитетов позволяет сделать вывод о том, что жителям Царицына была свойственна активная гражданская позиция, особенно в 1914–1916 гг., так как представители всех сословий жертвователи средства на благотворительные цели устроителям различных мероприятий как уездных, так и губернских отделений комитетов.

Приведем один пример, 5 декабря 1914 г. в Царицыне проходили кинематографические благотворительные «представления» в пользу семей воинов, призванных на войну. Только в этот день кинематограф и работа волонтеров уездного отделения Елизаветинского Комитета принесли выручку в 1837 руб. 09 коп. Более того, в «Уведомлении», направленном из Царицына казначею Саратовского Комитета о сборе этих средств, отдельной строкой к обозначенной сумме, было добавлено еще 400 руб. В итоге сбор пожертвований в пользу воинских семей составил 2237 руб. [8, Л. 12].

Документ, объясняющий происхождение суммы в 400 руб. представляет собой «Расписку мещанина г. Царицына», пожертвовавшего денежные средства для фронта, и как исторический источник, весьма достоин внимания исследователей. В частности, в расписке И.В. Нехорошев обращается к представителям Комитета с просьбой «об отсылке этих денег войскам», и далее уточняется, каким конкретно войскам: «...100 руб. на наши передовые позиции, по 100 руб. Бельгийским и Сербским и 100 руб. в пользу жителей разоренного Польского края» [9, Л. 18].

Данный архивный источник мы относим к категории раритетных документов по истории края времен Первой мировой, как свидетельство проявления патриотических чувств провинциального обывателя к русской армии, армии союзников и пострадавших от войны поляков. Подобных сохранившихся источников, более не было обнаружено ни в документах Царицынского Елизаветинского Комитета, ни губернского Саратовского.

Следует отметить, что в многочисленных публичных сборах пожертвований в пользу армии и гражданских категорий населения в городе активно работали представительства многих организаций, в том числе, Комитета Российского общества Красного Креста. Однако правила денежных сборов для всех общественных и государственно-общественных структур были крайне строгими. Например, в одном месте, в разрешенный полицмейстером (или губернатором) календарный день сборов, даже на территории одной улицы, работа представителей двух различных обществ одновременно не допускалась, согласно условиям правил, утвержденных Министерством внутренних дел [10, с. 373]. Более того, о времени проведения денежных сборов населению заранее сообщалось, через прессу и письменные объявления в публичных местах, церковных приходах, таким же образом обнародовались и результаты сборов.

В документах фонда Елизаветинского Комитета хранятся лицевые счета денежных сборов жителей Царицына и Саратова, приуроченных к церковным праздникам. Известно, что пик денежных и подарочных сборов выпадал на Пасху и Рождество. Согласно новым источникам, в Вербную субботу 1915 г., на содержание одного из Елизаветинских детских приютов для нижних воинских чинов, царицынцы собрали 300 руб. [11, Л. 88об].

Благотворительный Комитет великой княжны Татьяны Николаевны играл значимую роль в оказании помощи вынужденным переселенцам западных прифронтовых территорий, отправляемых в тыловые губернии Российской империи. Согласно августовскому закону 1915 г «Об обеспечении нужд беженцев», Комитет занимался оказанием единовременной материальной помощи беженцам, самой организацией их отправления на новые места жительства, трудоустройством, помещением в больницы, устройством детей в учебные заведения или приюты, а немощных стариков – в богадельни, также оказывалось содействие в воссоединении потерявшихся членов беженских семей. Работа велась через губернские, городские и уездные отделения комитетов при непосредственном участии местных властей, губернские же совещания по устройству беженцев находилось под личным руководством губернаторов.

Было установлено, что Царицынское отделение Комитета возглавлял уездный предводитель дворянства Михаил Федорович Мельников, членом Комитета являлся городской голова Василий Викторович Кленов [12, Л. 14–14об.]. Среди документов фонда Татьянинского Комитета ГАСО, имеющих отношение к Царицыну, имеется многочисленная группа источников, указывающих о выплатах пособий за обучение в городских гимназиях детей латышских, польских, еврейских и литовских беженцев. В основном, выплаты проводились на детей, обучавшихся в 1-ой мужской Александровской гимназии и 4-ой частной женской. Вероятнее всего, детей беженцев принимали именно два этих учебных заведения, хотя в Царицыне действовали четыре женских и две мужских гимназии. В городских школах и народных училищах для организации классов, состоящих из детей беженцев, также предоставлялись отдельные помещения.

В этой же группе архивных дел содержатся многочисленные прошения самих беженцев о выплате денежных пособий, а также ходатайства отделения Царицынского Комитета Татьяны Николаевны в губернский Комитет об удовлетворении этих прошений.

Обучение детей в гимназиях не было дешевым, поэтому многие беженские семьи не имели возможности оплачивать учебу. Приведем пример отдельных сведений, полученных из «вопросного листа» беженца – уроженца Виленской губернии, бывшего станового пристава И.М. Слодкевича. Согласно сведениям формуляра, он также являлся бывшим военным цензором, служившим при штабе 1-ой Армии [13, Л. 26].

В частности, за обучение двух сыновей в Александровской мужской гимназии, в первом полугодии 1916 г. отцу необходимо было заплатить 65 рублей, однако, в 4-ой женской гимназии обучались еще две его дочери. Учебу девочек И.М. Слодкевич оплачивал самостоятельно, получая 110 руб. жалования, но за средствами для обучения сыновей отцу семейства пришлось обратиться с прошением об освобождении от уплаты в местный Татьянинский комитет. Определено можно утверждать о том, что беженец был трудоустроен, хотя жалования на содержание большого семейства не хватало.

Итоговый результат дела И.М. Слодкевича был положительным. Более того, Царицынское отделение исходатайствовало в губернском Комитете денежное пособие на оплату обучения двух гимназистов не только за полугодие, но и за весь учебный год. В формуляре также указано, что оплата

за обучение детей и в предыдущем, 1915 г. была произведена Беженским комитетом, действовавшим при городской управе Царицына [14, Л. 26].

Анализ источников фондов Татьянинского Комитета и Губернского по делам об обществах и союзах присутствия, позволяет утверждать о том, что в Царицыне действовало несколько национальных общественных организаций, основанных беженцами: «Царицынский Латышский Комитет спомоществования беженцам», (действовал с ноября 1916 г.); «Царицынское отделение Общества спомоществования бедным семействам поляков, участвующих в войне» (основано в октябре 1916 г.) [15]. Миссия национальных обществ очевидна – оказание помощи в поддержке приютов для беженцев, бань, чайных и столовых, учебных классов для детей, выдачи пайков. Возникновение подобных обществ также было связано с законом 1915 г. «Об обеспечении нужд беженцев».

По нашим подсчетам, на основании источников трех архивных фондов, можно свидетельствовать об учреждении в 1915–1917 гг. в Царицыне шести организаций, представлявших интересы беженцев [16]. Следует отметить, что прежде не имелось документальных подтверждений о наличии в городе национальных обществ, организованных во время войны, то есть данная информация публикуется впервые, о чем свидетельствуют и учетные записи №1 в реестрах об использовании архивных дел автором статьи.

В местной прессе ранее освещались некоторые вопросы о деятельности Царицынского Российского отделения организации Красного Креста, особо ярко проявившей себя в годы Первой мировой войны. Основные пожертвования горожан в пользу этой организации шли, прежде всего, на устройство лазаретов. Так, в 1914 г. Царицынский Красный Крест открыл 13 лазаретов на 632 койки [17, с. 1–2].

Для более детального изучения функционирования общественных союзов и организаций Царицына наибольшую ценность представляют документы фонда «Саратовское губернское по делам об обществах и союзах присутствие». Согласно сведениям новых источников, можно утверждать о том, что в военный период в городе были организованы и действовали местные ассоциации: «Царицынское общество помощи жертвам войны», «Царицынское общество помощи пострадавшим от войны и переселенцам», «Царицынское общество презрения и попечения о детях воинов, пострадавших во 2-ю Отечественную войну» [18, Л. 16]. Общественную организацию с таким названием мы встречаем впервые. Следует понимать, что 1-ой Отечественной была война 1812 г.

Процесс официальной регистрации обществ губернскими властями представлял довольно длительную процедуру, включавшую тщательное изучение уставов, личных сведений об учредителях, а также проверку оплаты марочных сборов и прочие бюрократические проволочки. При положительном решении, информация о регистрации организации в губернском реестре обществ обязательно размещалась в газете «Саратовские губернские ведомости».

Так, устав «Царицынского общества презрения и попечения о детях воинов, пострадавших во 2-ю Отечественную войну» с первой попытки, в ноябре 1915 г., утвержден не был. Только в апреле 1916 г., после урегулирования некоторых технических процедур, пересылки второго экземпляра устава общества, процесс завершился его официальной регистрацией [19, Л. 16]. В числе учредителей этой организации, в том числе, значатся имена двух известных царицынских купцов – И.К. Мухина и В.П. Смирнова. Купец первой гильдии В.П. Смирнов являлся владельцем крупного кожевенного завода, работавшего в военные годы на ВПК.

В документах фонда ГАСО 176 были обнаружены архивные документы, указывающие об утверждении в ноябре 1915 г. уставов еще двух беженских организаций – «Царицынского Еврейского общества помощи жертвам войны», «Латышского общества помощи пострадавшим от войны и переселенцам» [20]. Еврейская организация в городе отличалась особо активной деятельностью, и в марте 1916 г. была организована еще одна ассоциация – «Общество пособия бедным евреям».

Тем не менее, «Царицынскому отделению римско-католического благотворительного общества», не позволили официально зарегистрироваться, по причине возникших у губернских властей вопросов к учредителям, впоследствии устав так и не утвердили. Органы власти контролировали как создание, так и закрытие общественных структур благотворительного характера. Инициаторами организации римско-католического благотворительного общества являлись беженцы польского происхождения, хотя ранее было отмечено, что в городе уже функционировало «Царицынское отделение Общества спомоществования бедным семействам поляков, участвующих в войне», а в губернском центре официально действовал «Польский комитет помощи жертвам войны» [21].

Неожиданной находкой в коллекции документов фонда «Саратовского губернского совещания по устройству беженцев» стал «Отчет Царицынского отдела Литовского общества по оказанию помощи беженцам» за 1916 г. [22]. Как правило, отчетная документация благотворительных общественных структур имеет местонахождение в других группах документов, где хранятся обязательные ежегодные отчеты организаций об их деятельности, в том числе и финансовой [23].

Следовательно, анализ документальных источников позволяет утверждать о том, что беженцы различных национальностей, оказавшиеся волею судеб в Царицыне, имели собственные

представительства в виде общественных структур, и оказывали материальную и моральную поддержку своим землякам.

Общественные союзы и кружки благотворительной направленности в военное время создавались при различных учреждениях города, в том числе, объединяя участников по профессиональным признакам, например, таковым являлся Царицынский Совет врачей. Для отчисления процентов от заработков для помощи армии в общественные комитеты объединялись сотрудники многих торгово-промышленных фирм Царицына: Комитет служащих магазинов купца В.Ф. Лапшина, Комитет «Второго Общества официантов Царицына», Комитет служащих и рабочих при «Максимовском Лесопромышленном и Торговом Обществе» и других товариществ.

Уже в августе 1914 г. был создан «Комитет Царицынского отделения государственного банка для оказания помощи воинским чинам и их семьям» [24, Л. 1–5].

В состав Банковского комитета входили не только сотрудники банка, но и представители трех волостных и городских кредитных товариществ. Участниками данного объединения организовывались кружечные сборы пожертвований, а в одном из городских лазаретов содержались три койки для раненых имени этого Комитета. Следует отметить, что содержание коек в лазаретах общественными организациями или частными лицами стало новой формой добровольных практик военного времени.

В отчете Банковского Комитета за ноябрь 1914 г. содержится информация о формах деятельности организации, а также о вкладе некоторых ее членов в дело благотворительности. Выяснилось, что в состав Комитета входили, в том числе, два потомственных почетных гражданина г. Царицына – В.Ф. Лапшин и Г.Н. Серебряков, являвшиеся крупными коммерсантами в Нижнем Поволжье и известными благотворителями Царицына.

Среди активных деятелей Банковского Комитета в оказании помощи действующей армии, можно отметить представительниц Дамского отдела. Только в ноябре 1914 г. они передали отделению Российского Красного Креста теплое белье, сшитое из тканей, купленных на средства Дамского отдела, а также одеяла, подарки – 150 кисетов с табаком. Все это было отправлено в Петроград для «пересылки на передовые позиции» [25, Л. 50б.].

Социокультурная жизнь Царицына в условиях войны тесным образом была связана с частной и общественной филантропией. Вышеприведенные сведения означают, что факторы участия царицынцев в добровольных союзах и частных благотворительных деяниях в годы военных испытаний, определяли дух их гражданственности, и горожане, прежде всего, руководствовались общественными интересами.

Заключение

Таким образом, анализ информационного потенциала конкретных исторических источников позволил выявить основные формы консолидации провинциального общества, выразившиеся в добровольной активности горожан и социальных практик, бытовавших в Царицыне в годы трагических испытаний Первой мировой войны. Содержание коек в лазаретах, пожертвования деньгами, продуктами, медикаментами, теплыми вещами в пользу воинов и их семей, беженцев и сирот; работа волонтеров в организации многочисленных публичных сборов – такая деятельность в наибольшей степени способствовала и активному росту различных институтов общественной самоорганизации в тот период, которые долгое время помогали стабилизировать провинциальное общество. Пик основания общественных союзов в Царицыне пришелся на 1916 г.

При всем том, спектр вопросов, касающихся проблемы жизнедеятельности социума, весьма многогранен, и требует дальнейшего поиска новых документов, изучения и осмысления новых фактов по истории общества тыловых провинций периода Великой войны.

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 15-13-34004 а(р) и Правительства Волгоградской области по проекту «Гражданское общество Царицына в период Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 гг.)».

Примечания:

1. Семенова Е.Ю. Патриотические и антипатриотические настроения горожан Поволжья в Первую мировую войну (1914 – начало 1918 гг.) // Современные проблемы науки и образования. 2011. № 5.
2. Поршнева О.С. Эволюция образа войны в сознании массовых слоев российского общества в 1914 – начале 1918 гг. // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006.
3. Туманова А.С. Российский тыл в континууме войны, 1914–1922: новое исследование. Блумингтон: Славичи, 2014.
4. Lindenmeyr A. Building a Civil Society One Brick at a Time: People's Houses and Worker Enlightenment in Late Imperial Russia // *The Journal of Modern History*, Vol. 84, № 1 (March 2012). University of Chicago Press. pp. 1–39.

5. Брэдли Д. *Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество*. М.: Новый Хронограф. 2012. 448 с.
6. Cadot J. Searching for Nationality: Statistics and National Categories at the End of the Russian Empire (1897–1917) // *The Russian Review*. Vol. 64, Release 3 (July, 2005). pp. 440–455
7. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 573. Оп. 1. Д. 51; Ф. 574. Оп. 1. Д. 1; Д. 2; Д. 3; Д. 5.
8. ГАСО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1. Л. 49–97.
9. ГАСО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1. Л. 99.
10. Там же.
11. ГАСО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.
12. ГАСО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.
13. Сафронов Ю.А. *Саратовские марки кружечных сборов периода Первой мировой войны / Времен связующая нить*. Изд-во: ООО «Приволжское издательство». Саратов, 2006. 439 с.
14. ГАСО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 3. Л. 88об.
15. ГАСО. Ф. 573. Оп. 1. Д. 2 Л. 14–14об.
16. ГАСО. Ф. 573. Оп. 1. Д. 29. Л. 26.
17. Там же.
18. ГАСО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 517. Л. 1–5; Ф. 573. Оп. 1. Д. 29. Л. 25.
19. ГАСО. Ф. 573. Оп. 1. Д. 1. Л. 82; Д. 29; Д. 33; Д. 35; Ф. 176. Оп. 1. Д. 506. Л. 9–11; Ф. 611. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–5.
20. *Отчет Царицынского комитета Российского общества Красного Креста за 1914 г. Царицын, 1914*. С. 1–2.
21. ГАСО. Ф. 573. Оп. 1. Д. 29. Л. 16.
22. Там же.
23. ГАСО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 506. Л. 1; Д. 517. Л. 1–7; Д. 527. Л. 2–4, 12–14.
24. ГАСО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 506; Д. 517.
25. ГАСО. Ф. 611. Оп. 1. Д. 11.
26. ГАСО. Ф. 2. «Саратовское губернское правление»; Ф. 176 «Саратовское губернское по делам об обществах и союзах присутствие»; Ф. 576. «Саратовский губернский благотворительный комитет при Саратовском губернаторе».
27. ГАСО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 440. Л. 1–5.
28. Там же. Л. 50б.

References:

1. Semenova E.Y. Patriotic and anti-patriotic sentiments of citizens of the Volga region in World War I (1914 – the beginning of 1918) // *Modern problems of science and education*. 2011. No. 5.
2. Porshneva O. S. Evolution of an image of war in consciousness of mass layers of the Russian society in 1914 – the beginning of 1918 // *Military and historical anthropology*. Year-book, 2005/2006.
3. Tumanova A.S. *The Russian Home Front in a Continuum of War, 1914–1922: New Research*. Bloomington: Slavica Publishers, 2014.
4. Lindenmeyr A. Building a Civil Society One Brick at a Time: People's Houses and Worker Enlightenment in Late Imperial Russia // *The Journal of Modern History*, Vol. 84, № 1 (March 2012). University of Chicago Press. pp. 1–39.
5. Bradley J. *Voluntary Associations in Tsarist Russia: Sciences, Patriotism and Civil Society*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 2009. 366 p.
6. Cadot J. Searching for Nationality: Statistics and National Categories at the End of the Russian Empire (1897–1917) // *The Russian Review* Vol. 64, Release 3 (July, 2005). pp. 440–455
7. State Archive of Saratov oblast (GASO). F. 573. Op. 1. D. 1; D. 2; D. 3; D. 5.
8. GASO. F. 574. Op. 1. D. 1. L. 49–97.
9. GASO. F. 574. Op. 1. D. 1. L. 99.
10. Ibid.
11. GASO. F. 574. Op. 1. D. 1. L. 12.
12. GASO. F. 574. Op. 1. D. 1. L. 18.
13. Safronov Y.A. *Saratov brand plate fees during the World War I / A link of Times*. Publishing house: ООО "Volga publishing house". Saratov, 2006. 439 p.
14. GASO. F. 574. Op. 1. D. 3. L. 88v.
15. GASO. F. 573. Op. 1. D. 2. L. 14–14v.
16. GASO. F. 573. Op. 1. D. 29. L. 26.
17. Ibid.
18. GASO. F. 176. Op. 1. D. 517. L. 1–5; F. 573. Op. 1. D. 29. L. 25.
19. GASO. F. 573. Op. 1. D. 1. L. 82; D. 29; D. 33; D. 35; F. 176. Op. 1. D. 506. L. 9–11; F. 611. Op. 1. D. 11. L. 1–5.
20. *Report Tsaritsyn Committee of the Russian Red Cross for 1914 Tsaritsyn, 1914*. pp 1–2.
21. GASO. F. 573. Op. 1. D. 29. L. 16

22. Ibid.
23. GASO. F. 176. Op. 1. D. 506. L. 1; D. 517. L. 1–7; D. 527. L. 2–4, 12–14.
24. GASO. F. 176. Op. 1. D. 506; D. 517.
25. GASO. F. 611. Op. 1. D. 11.
26. F. 2. "Saratov provincial board"; F. 176. "Saratov provincial cases on the presence of associations and unions"; F. 576. "Saratov province charity committee at the Saratov governor".
27. GASO. F. 176. Op. 1. D. 440. L. 1–5.
28. Ibid. L. 5v.

УДК 94(47)

Формы консолидации провинциального общества в условиях Первой мировой войны

Ирина Николаевна Литвинова

Волгоградский государственный университет, Российская Федерация
400062, Волгоград, проспект Университетский, д. 100
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: irina-litvinova2010@mail.ru

Аннотация. На основании впервые вводимого в научный оборот массива нового архивного материала в статье анализируется проблема консолидации общества нижеволжской провинции в годы великих испытаний Первой мировой войны. Особое внимание уделяется вопросам практик, используемых местными благотворительными комитетами и общественными организациями, созданными в тот период в г. Царицыне. В частности, анализируется деятельность местных отделений комитетов великой княгини Елизаветы Федоровны, в оказании помощи семьям воинов и великой княжны Татьяны Николаевны – по поддержке беженских семей. В статье впервые вводятся в научный оборот новые архивные источники по проблеме функционирования национальных общественных организаций, основанных в городе литовскими, латышскими, еврейскими и польскими беженцами, которые занимались оказанием помощи своим землякам, переселившимся из прифронтовых территорий на новое место жительства, в Царицын. Уточнены вопросы организационного характера, связанные со сложностями получения официальной регистрации общественных союзов у губернских властей, а также строгостью правил Министерства внутренних дел, при проведении обществами публичных денежных сборов от населения. На основе конкретного исторического материала, выявлены новые приемы и методы, применяемые благотворительными структурами для поступления пожертвований от горожан, а также формы добровольной активности самих представителей провинциального социума, в оказании помощи семьям призванных на фронт воинов, раненым, детям, беженцам. Проведен микроанализ некоторых уникальных исторических источников, представляющих интерес, как для исследователей региона, так и для специалистов направления «культура тыла» времен Первой мировой войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, «культура тыла», провинциальное общество, благотворительные структуры, формы добровольной активности.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 38, Is. 4, pp. 1093-1104, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

The Evolution of Public Views of the Black Sea Province During the First World War

¹ Lyubov G. Polyakova

² Valentina A. Ageeva

³ Leonid L. Balaniuk

¹ International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

E-mail: polyakoval84@mail.ru

² Taganrog Institute Named after A.P. Chekhov (Branch of the Rostov State University of Economics (RINH)), Russian Federation

46, Initsiativnaya Street, Taganrog, Rostov Region 347936

³ PhD (History)

Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation

Stremyanny lane, 36, Moscow 117997

PhD (legal), Associate Professor

Abstract

The article discusses the evolution of public views of the Black Sea province during the First World War. The materials of pre-revolutionary periodicals of the Black Sea province became the main source of work. This article employs the records of personal origins. As a result of study, the authors come to the conclusion the First World War began for Russian society with massive patriotic speeches, but at the end of 1916 year for both in Russia in general and in the Black Sea province comes a complex social process that can be described as war weariness.

To the reasons for war weariness the authors referred: the protracted war, and as a consequence – the complexity of an economic nature.

Keywords: The First World War, the Black Sea province, population, patriotism, war weariness.

Введение

Региональная история сегодня превращается в актуальное направление современной историографии. В том числе и региональная история Первой мировой войны, о чем свидетельствуют проанализированные в историографическом обзоре работы. Черноморская губерния в годы Первой мировой войны с момента вступления Турции в войну стала прифронтовой территорией: спереди враждебная Турция, а в тылу еще совсем недавно нестабильный Кавказ (Кавказская война и Первая русская революция). В 1914 году у администрации Черноморской губернии были все основания опасаться и подрывной работы некоторых представителей горских народов, которых Турция призывала к всеобщему восстанию.

Материалы и методы

Основным источником для подготовки статьи стали материалы дореволюционной периодической печати Черноморской губернии, а именно газеты: «Сочинский листок» и «Черноморская газета». Используются и материалы личного происхождения, например «Дневники императора Николая II».

При решении поставленных задач применялись как общенаучные методы (анализа и синтеза, конкретизации, обобщения), так и традиционные методы исторического анализа. В работе использован историко-ситуационный метод, который позволяет изучить исторические факты в контексте изучаемой эпохи в совокупности с «соседствующими» событиями и фактами.

Это особенно важно при изучении таких источников, которыми является периодическая печать.

Обсуждение

Историографию по теме исследования можно разделить на три хронологических периода: дореволюционную, советскую и современную российскую историографию. Подробно историография была рассмотрена нами в статье «Black sea governorate during world war I: a historiographical survey» [1].

Результаты

Война и патриотический подъем. Первая информация о начале войны в Черноморской периодике начала появляться с 18 июля 1914 г. Так, например, в «Сочинском листке» в рубрике «Война. Официальное сообщение» говорилось, что «многочисленные патриотические манифестации, производившиеся за последние дни в столицах и в других местах империи, показывают, что твердая и спокойная политика правительства нашла сочувственный отклик в широких кругах населения.

Правительство надеется, однако, что эти выражения народных чувств отнюдь не примут оттенка недоброжелательности по отношению к державам, с которыми Россия находится и желает находиться в мире. Черпая силу в подъеме народного духа и призывая русских людей к сдержанности и спокойствию, Императорское правительство стоит на страже достоинства и интересов России» [2].

В Казанском соборе Санкт-Петербурга прошло молебствие о даровании победы славянскому оружию. Огромный храм был заполнен молящимся людом.

После молебствия, настоятель собора обратился к молебствующим со словом, которое было посвящено настоящему моменту, и вручил икону Казанской Божьей матери посланнику, доставившему ее в действующую Сербскую армию [3].

Следом «Сочинский листок» отображал патриотические шествия в двух столицах империи, а также в европейских столицах [4].

На следующий день «Сочинский листок» опубликовал правительственное извещение от 16 июля о мобилизации в стране. Как продолжение темы шла информация Новороссийского уездного по воинской повинности присутствия, в котором говорилось: «Государь Император высочайше повелеть соизволил привести армию и флот на военное положение. Первым днем мобилизации назначена пятница 18 июля 1914 г.

Объявление... о призыве нижних чинов запаса во исполнении ВЫСОЧАЙШЕГО повеления о приведении армии и флота на военное положение:

1) нижним чинам запаса с увольнительными билетами, а не имеющим таковых – с видами на жительство или удостоверениями о личности явиться на сборный пункт уездного воинского начальника в городе Новороссийске на 10-й день мобилизации в воскресенье 27 июля к 6 часам вечера;

2) нижние чины запаса пос. Сочи должны собраться в пос. Сочи на 2-й день мобилизации в субботу 19 июля к 6 часам утра, откуда будут перевезены на сборный пункт;

3) все учреждения и лица, у которых запасные служат, обязаны немедленно окончить с ними расчет и выдать увольнительные билеты, если таковые находятся у нанимателей» [5].

По причине начавшейся мобилизации в России была прекращена продажа спиртного [6].

В Сочи первая массовая манифестация прошла 20 июля. Улицы, направлявшие к пристаням Русского и Российского обществ, были заполнены людьми. Оркестр вольнопожарной дружины на пристани играл национальный гимн. Крики: «Долой Австрию и Германию!» беспрерывно взрывали округу. Дружное «ура» громко и раскатисто разносилось по берегу [7]. В день всеобщего патриотического порыва городское управление Сочи представило несколько пудов хлеба в распоряжение начальника Сочинского округа для раздачи оногo незажиточным запасным нижним чинам [8].

Аналогичная манифестация прошла в Геленджике в этот же день. В ней участвовали запасные, мобилизованные в действующую армию. Так, в 7 часов утра масса людей из запасных в сопровождении своих близких и знакомых явились в церковную ограду, где по их желанию им был отслужен напутствующий молебен. Священник о. Владимир Лаванов, перед провозглашением многолетия, во время последнего молебна с большим воодушевлением и талантом произнес сильную патриотическую речь, с замечательной ясностью обрисовал перед взволнованными слушателями картину переживаемого исторического момента, указал на безнравственность и жестокость поступка превознесшейся Австрии по отношению к маленькой единоверной нам Сербии; указал на Священную обязанность России встать как один человек на защиту меньшего нашего брата – Сербии, политическая самобытность которой создавалась на русских костях и крови в ходе освободительной войны 1877–1878 гг.

В этот торжественный момент не одна горячая слеза скатилась по умиленному лицу и не одно сердце зажглось священным огнем от высоких патриотических чувств и долга выступить на защиту угнетенной Сербии, а если понадобится, то и пасть смертью за них. Здесь, бесспорно, около этого святого храма, была кинута та первая искра, которая вслед же разжигала целый ряд манифестаций.

Как только был закончен молебен, где-то на шоссе стали раздаваться звуки духового оркестра, исполнявшего народный гимн «Боже, Царя храни», затем грянули крики «ура!», и несметная толпа

народа сразу заполнила все улицы у общественной пристани. Появились два портрета Николая II, в предшествии которых вся толпа устремилась на ярмарочную площадь.

Здесь один молодой священник, забравшись на повозку, обратился с пламенной патриотической речью к собравшимся, покрытой мощным «ура!».

Отсюда манифестация двинулась в местный храм, где в это же время проходила литургия и настоятель храма о. В. Лаванов с амвона произносил вторую свою, не менее яркую речь на тему о серьезности переживаемого исторического момента и об обязанностях, возлагаемых им на Россию.

После литургии сонмом всего случайно проживающего в Геленджике духовенства в торжественной ноте был отслужен молебен, перед началом которого ставропольский миссионер, священник о. Валентин Руденко произнес речь, начав с данных слов:

«Я видел недавно картину: большое поле, усеянное человеческими трупами, а посреди них плачущий Спаситель. Я видел сегодня море людей и среди них плачущих отцов, матерей, сестер, жен и детей»...

Речь была краткой, но сильной, затрагивающей патриотические ноты души и умело сказанной.

По завершении молебствия, после провозглашения обычных многолетий за Царствующий Дом, воинство и всеми православными христианами, дьяконом о. Терновским в торжественном духе было провозглашено:

«Братьям нашим, народу Сербскому, на брани страждующему, подаждь, господи, на враги победу и одоление, и сохрани их на многия лета» [9].

Мобилизация русской армии проходила успешно. Уже 21 июля первые эшелоны были отправлены на фронт. Об одном из таких случаев в Новороссийске написала «Черноморская газета»: «Проводы. 21 июля почти вся железнодорожная сторона была усеяна провожающими. Переходной мост железной дороги со всех сторон окружала публика. На площадке, где стояли запасные, невозможно было пройти. Когда дали второй звонок, со всех сторон послышались крики «ура!», «Да здравствует Россия!» «Долой Австрию!». После отхода поезда толпа долго еще не расходилась. Все время слышалось несомлаемое «ура!», «Да здравствует Россия!» и другие возгласы» [10].

Высочайший манифест о войне с Германией, подписанный 21 июля 1914 г. был опубликован по всей России. 22 июля он оказался в редакции «Сочинского листка», где и был опубликован: «Петербург. Официально. Божией милостью Мы, Николай Второй, император и самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий князь Финляндский и проч. и проч.

Объявляем всем верным нашим подданным, что, следуя историческим заветам, Россия, единая по вере и крови с Славянским народом, никогда не взирала на их судьбу безучастно. С полным единодушием и особой силой пробудились братские чувства Русского народа к Славянам за последние дни, когда Австро-Венгрия предъявила Сербии заведомо неприемлемые для Державного государства требования.

Презрев уступчивый и миролюбивый ответ Сербского правительства и отвергнув доброжелательное посредничество России, Австро-Венгрия перешла в вооруженное нападение, открыв бомбардировку беззащитного Белграда.

Вынужденные в силу создавшихся условий принять вызов и необходимые меры предосторожности, Мы повелели провезти Армию и Флот на военное положение, но, дорожа кровью и достоянием наших подданных, прилагали все усилия к мирному исходу начавшихся переговоров. Среди дружественных сношений Союзная Австрия Германия, вопреки нашим надеждам на вековое доброе соседство и не внемля заверению Нашему, что принятые меры отнюдь не имеют враждебных ей целей, стала домогаться немедленной их отмены и, встретив в этом требовании отказ, внезапно объявила войну России.

Ныне предстоит уже защищаться не только за несправедливо обиженную и родственную Нам страну, но оградить честь, достоинство, целостность России и положение ее среди Великих Держав.

Мы непоколебимо верим, что на защиту Русской земли дружно и самоотверженно встанут все верные Наши подданные.

В грозный час испытания да будут забыты внутренние распри, да укрепится еще теснее единение Царя с народом и да отразит Россия, поднявшаяся как один человек, дерзкий натиск врага. С глубокой верой в правоту нашего дела и с смиренным упованием на Всемогущий промысел, Мы молитвенно призываем на Святую Русь и доблестные войска Наши Божье благословение. НИКОЛАЙ» [11].

Резонанс на манифест оказался молниеносным. Корреспондент «Сочинского листка» в статье «Перед ответственной минутой», стремясь уяснить сущность геополитических вопросов, писал: «Теперь более, чем когда-либо за последние тревожные годы, Россия стоит на роковой грани. Все ее могущество, ее исторические задачи, ее настоящее и будущее – решением судьбы ставится на карту. Отказываться от этой карты, отступать, сдаваться без боя мы не смеем, не можем, ибо по пути уступок дошли уже до предела, за которым следует унижение.

Разгром Сербии, если бы мы его допустили, будет знаменовать то, что славянство как целое, стремящееся вырваться из-под гнета германизма, исчезнет, а Россия, потеряв десятки миллионов друзей на Западе, приобретет столько же себе врагов. Победа Австрии, захват ею западной части Балкан повлекли бы за собою невероятное усиление немецких сил – к Германии окончательно

перешла бы гегемония. А чем грозит она первым долгом России, это мы видим по ее стремлению колонизовать весь наш западный край и юг, по ее поддержке финского и балтийского сепаратизма и по ее за последнее время произносимым без стеснения по адресу России угрозам. Нет сомнения, что русская армия и флот доблестно исполняют возлагаемую на них отечеством задачу, но мы также должны быть уверены, что и русское общество, которое всегда было проникнуто миролюбивыми стремлениями, на этот раз согласится с тем, что бывают минуты, когда от миролюбия приходится отказаться и думать о войне. Такая минута наступает, и русское общество своими манифестациями и выступлениями прессы доказывает, что оно готово в сознании ответственной минуты сомкнуться дружнее, забыв на время партийные разногласия и помня одно, что «отечество в опасности». И надо надеяться, что в нужную минуту охваченное горячим патриотизмом все русское общество, сознавая, что унижение Сербии равносильно унижению России, проявит ту мощь единения и солидарности, ту силу всеобщего воодушевления и красоту героической готовности жертв, которые окрыляют действия тех, кто своей грудью примет на себя вражеский удар» [12].

Украины страны отозвались на манифест бесчисленными патриотическими манифестациями [13].

26 июля в своем манифесте о войне с Австро-Венгрией Николай II отмечал: «Видит Господь, что не ради воинственных замыслов или суетной мирской славы подняли Мы оружие, но, ограждая достоинство и безопасность Богом хранимой Нашей Империи, боремся за правое дело... Да благословит Господь Вседержитель Наше и союзное нам оружие и да поднимется вся Россия на ратный подвиг с железом в руках, с крестом в сердце» [14].

Война быстро разгоралась: 19 июля германский кайзер Вильгельм II объявил войну России; 21 июля он же объявил войну Франции, т.к. по военно-техническим представлениям Германия не могла далее задерживать свое наступление, а исполнение Францией союзнических обязательств считалось неперемennым. Факт того, что Германия объявила войну в обоих случаях первой, дал Италии формальный повод для уклонения от выполнения военного договора.

Вследствие нарушения бельгийского нейтралитета практически внезапно и незамедлительно в борьбу вступила Англия: ультимативным тоном она потребовала от Германии уважения неприкосновенности бельгийской территории, когда германские войска уже перешли границу нейтрального государства, и в ночь с 22 на 23 июля объявила Германии войну.

Австро-Венгрия в этой ситуации несколько дней затягивала, рассчитывая, что Россия сама объявит ей войну и что даст законный повод для Италии; однако Российская империя не спешила этого делать, и в итоге Австрии 24 июля пришлось самой объявить войну, дабы не отстать от Германии в развитии военных операций.

Бесспорно, война застигла российское общество врасплох. Однако с самого начала конфликта в Российской империи воцарилось совершенное единодушие. Аналогично периоду русско-японской войны, Россия лишь отвечала на нападения (в 1904 г. еще более грубое, нежели в 1914 г.). Однако в этом случае российское общество встретило войну не единственно в качестве реакции на вражеское нападение: данная война стала логическим следствием политики, встречавшей полное одобрение в среде либеральных кругов интеллигенции: требование союза с Францией и сближения с Англией, а также активизации России на Балканах.

В российских городах всюду осуществлялись массовые патриотические манифестации. В сельской глубинке народ, стоит отметить, не выражал особого энтузиазма, однако отнесся к участию в войне как к исполнению своего долга перед царем и Родиной. Мобилизация была проведена быстрыми темпами и закончилась успехом: благодаря распоряжению царя о запрете продажи алкоголя на время мобилизации не возникло пьяных бесчинств, нигде не наблюдались и протестов [15].

Война активизировала невиданный патриотический энтузиазм и сочинской молодежи. По сообщениям местной печати, среди сочинской молодежи было много желающих отправиться на место военных действий, а кое-кто уехал на собственные средства [16]. В сообщении «Сочинского листка» от 29 июля говорилось, что из города скрылось несколько мальчиков в возрасте от 14 до 17 лет, которые до этого сказали товарищам, что едут на войну [17]. Более того, газета «Сочинский листок» известила, что проживающий в городе германский подданный Гейнеке выразил неподдельное желание войти в ряды русской армии добровольцем [18].

Параллельно в сочинский комитет Российского общества Красного Креста [19] стали приходить бесчисленные предложения от стремящихся отправиться на место военных действий сестрами милосердия [20].

В связи с началом войны в Общественном собрании были отменены спектакли Е.А. Лепковского. Был закрыт театральный сезон знаменитого артиста Шевелева. По причине отъезда отдыхающих город казался вымершим. В магазинах наблюдалось затишье. Даже огни Сочинского маяка были потушены [21].

Стремясь поддержать императора Николая II в тяжелые минуты начала войны, геленджикский благочинный священник В. Лаванов (через Черноморского губернатора) отправил государю верноподданническую телеграмму: «Ваше Императорское Величество! По одному слову своего Державного Вождя Русь как один человек поднимается на защиту Родины в годину тяжелых

испытаний, ей посланных. Мы, жители Геленджика и съехавшиеся в него со всех концов России, тоже проводили на подвиг бранный своих близких с радостью и воодушевлением, от чистого сердца свидетельствуем, что и оставшиеся готовы все принести в жертву, дабы исполнить слова Вашего Величества: «Да ни один неприятельский воин не останется в земле русской».

Только смолкли звуки священных молитв и песнопений, которыми мы молились о здравии и благоденствии Вашего Величества и Всего Царствующего Дома и о даровании победы победоносному воинству, но в душе каждого непрестанно звучит еще одно моление по Всевышнему: да будет в эти великие дни у многомиллионного русского народа одна душа, одно сердце и одна воля с его возлюбленным Царем, и христоролюбивое воинство да украсит Его Царство Лаврами победы». Данный текст телеграммы Государю Императору был предварительно прочитан на катере «Князь Оболенский» собравшимся в отъезд на войну ратникам ополчения. Чтение телеграммы закончилось долго не смолкавшими мощными криками «ура!». Среди ратников ополчения и всего собравшегося народа заметно было необыкновенно высокое патриотическое настроение, сознательное отношение к переживаемому ответственному историческому моменту и вполне сочувственное отношение к предпринимаемой, хотя и вынужденно, войне [22].

Составным элементом военной жизни были слухи, которые, по нашему мнению, можно условно подразделить на два вида: слухи патриотические и слухи пораженческие. Последние в обстоятельствах противостояния причиняли существенный урон не только армии, но и тылу, от которого армия целиком зависела. Одним из первых региональных пораженческих слухов заключался в принудительном выселении жителей Батума и Михайловской крепости. Данный слух смогло рассеять официальная информация от командира Михайловской крепости генерал-майора Ельшина, который опроверг этот слух, заметив: «Еще раз прошу не слушать никаких частных слухов, так как я ничего скрывать не намерен, а все, что будет необходимо знать населению, будет мною объявляться во всеобщее сведение» [23].

28 февраля 1915 г. в «Сочинском листке» было высказано опасение о захвате Константинополя армиями союзников. В статье «Вопрос о Константинополе» говорилось: «В Константинополе – паника, в нейтральных государствах Балканского полуострова – полное смятение и растерянность, передающаяся даже в Берлин и Вену, и всему этому причина – приближающаяся англо-французская эскадра к столице Оттоманской империи.

Укрепления внешних Дарданелл разрушены, суда союзной эскадры уже входят в пролив, громадное количество транспортов с десантными войсками уже стоят у острова Тенедоса – есть над чем призадуматься и обеспокоиться...

Та планомерность, та настойчивость, с которой союзники развивают военные действия в проливах, наглядно доказывает, что невозможность прорыва их является мифом и что в один прекрасный день морские стальные чудовища, тихо скользя по волнам Мраморного моря, войдут в Золотой Рог, который впервые увидит у себя военные флаги Франции и Англии.

Историческая задача России, завещанная нам еще царем Иоанном III, таким образом, по воле Проведения, будет решена не нами, а нашими союзниками, так братски сражающимися в борьбе с общим страшным врагом.

И, несмотря на некоторую боль, которую дает сознание этого, мы все же не можем не приветствовать наших дорогих союзников с тем успехом, который выпадает на их долю в деле овладения столицей мира, как назвал Константинополь император Наполеон, не можем не радоваться тем блестящим успехам, которые увенчают их усилия.

Но из этого не следует, что мы отказываемся от Константинополя. Он должен быть наш и будет нашим» [24].

Нужно заметить, что страхи сочинцев о захвате Константинополя союзниками были преждевременными. В общем операции союзников на Месопотамском театре военных действий складывались неудачно, более того, английская крепость Кут-Эль-Омары, взятая турками в осаду в 1915 г., была захвачена.

Однако идея взятия Константинополя в ходе всей войны оставалась основной, в особенности в среде православных жителей России.

Признанием пользовались и герои-сочинцы, отличившиеся в сражениях. Например, в «Сочинском листке» от 28 февраля 1915 г. отмечается: «Сын сочинского землевладельца Лев Александрович Де Симон за отличия против германцев награжден знаками военного ордена 4-й, 3-й и 2-й степени за мужество и представлен к первому офицерскому чину. Ныне же он находится на излечении от полученных ран в голову и ногу в одном из Юрьевских лазаретов» [25].

9 марта 1915 г. на австро-германском фронте русские войска одержали одну из крупнейших своих побед – взяли австрийскую крепость Перемышль, пленив более 100 тыс. солдат и офицеров. Торжества по случаю этой победы в России проводились с необычайным размахом. Так, в Новороссийске торжества по случаю падения крепости начались утром 10 марта, к этому моменту весь город был разукрашен национальными флагами.

В 15 часов в местной городской почтово-телеграфной конторе, перед иконой Христа Спасителя, сооруженной чинами конторы в память 300-летия царствования Дома Романовых было отслужено о. Владимиром Львовым благодарственное Господу Богу молебствие по случаю взятия русскими

войсками австрийской крепости Перемышль. Было провозглашено многолетие Царственному Дому, Верховному Главнокомандующему и Русскому Победоносному воинству и с коленопреклонением вечная память павшим в бою героям [26].

В 14 часов 11 марта было назначено торжественное всенародное молебствие на Соборной площади.

Уже с 11–12 часов население большими толпами потянулось на площадь.

В 13 часов закрылись магазины Серебряковской улицы, и непрерывным потоком полилась народная толпа на площадь. Автобусы «Черноморского Товарищества» приходили со Стандарта переполненными. Народ ехал даже на ступеньках. В 13:30 со Стандарта прошла на площадь группа рабочих, человек 300–400, с портретами Их Величеств, массой национальных флагов и плакатами: «Да здравствует наша доблестная армия!», «Да здравствуют наши союзники!», «Крест на Святую Софию!» и проч.

На площади длинными лентами были развернуты войска местного гарнизона. Свыше чем 10-тысячная толпа окружила их. Посреди площади, на широком помосте, около 2-х часов дня началось торжественное молебствие. Молебствие проводилось в присутствии Черноморского губернатора В.Н. Барановского, начальника местного гарнизона генерал-майора Соколовского, военного начальника подполковника Левашова, массы офицеров, чиновников и прочих должностных лиц.

По окончании молебствия, во время пения «Многия лета», раздался пушечный салют. Полевые орудия, поставленные около мола, произвели 21 выстрел.

После парада, в предшествии военного оркестра, портретов Их Величеств и массы национальных флагов, также английского и бельгийского флагов, 10-тысячная толпа народа двинулась по Серебряковской улице с пением гимна, заканчивающегося восторженными возгласами «ура».

Около городской управы член городского комитета о раненых Н.И. Чиж сказал несколько слов о значении падения Перемышля и неминуемом вслед за этим падением Кракова. С Серебряковской манифестанты направились на Стандарт. По пути следования из уст многотысячной толпы раздавалось несмолкаемое «ура» и пение: «Боже, Царя храни!» и «Спаси, Господи, люди твоя!».

Около Эстакадной пристани манифестация остановилась против английского парохода «Фридерика», команда которого салютовала манифестантам, поднимая и опуская флаги на мачте. Потом манифестация двинулась к английскому и французскому консульствам. У английского консула оркестром был исполнен английский гимн, у французского – французский. Консул г. Дюмортье, растроганный, крикнул: «Да здравствует русский Император».

Тысячи людей, подхватив его слова, ответили криком «ура!».

Отсюда манифестация направились мимо Мифодиевского базара к Шоссейной улице и по последней к вокзалу. Завершилась манифестация в 17 часов у железнодорожных мастерских [27].

В начале 1916 г. войска русского Кавказского фронта начали наступление и смогли осадить крепость Эрзерум. Штурм в целом складывался успешно, на четвертые сутки постоянных атак российские войска заняли ряд укрепленных позиций крепости. Так, Верховный Главнокомандующий император Николай II сделал запись в своем дневнике от 2 февраля 1916 г.: «...Хорошие вести приходят с Кавказа – четыре укрепления Восточного фронта Эрзерума взяты нашими войсками!» [28].

На следующий день, 3 февраля, Эрзерум пал. Данная победа имела громадное значение для России: она воплощала собой силу российской армии и самодержавия. Эта победа стала первым крупным успехом после Великого в кампании 1915 г. 3 февраля 1916 г. Николай II записал: «Сегодня Господь ниспослал милость Свою: Эрзерум – единственная турецкая твердыня – взят штурмом нашими геройскими войсками после пятидневного боя!» [29]. Даже 4 февраля Николай II отмечал, что отовсюду прибывают поздравительные телеграммы [30].

Торжества по случаю взятия Эрзерума носили общероссийский характер. Так, в Тифлисе, где находилась ставка наместника царя на Кавказе, в 14 часов 3 февраля после получения известия о взятии Эрзерума Великий князь Николай Николаевич, эскортируемый казачьим конвоем, посетил экзарха Грузии и сообщил владыке о победе. После этого великий князь пригласил владыку совершить молебствие по случаю этого события.

Весть о взятии Эрзерума быстро облетела весь город, вызвав патриотический порыв населения. Здания украсились флагами, несметная толпа народа живым потоком устремилась на главные улицы, к дворцу и собору. В 16:30 в военном соборе было совершено торжественное молебствие экзархом Грузии. При входе в храм Великого князя экзарх обратился к Его Высочеству с приветствием, отметив, что взятием твердыни ислама в Азии нанесен удар и немцам в Европе.

При пении «вечной памяти» вождям и воинам, павшим на поле брани, все присутствующие благоверно опустили на колени. По выходе Августейшего Главнокомандующего из собора, толпы народа обнажили головы и громким «ура!» приветствовали Его Высочество. Великий князь проследовал в Сионский собор, откуда, помолившись и приложившись к святыням, возвратился во дворец, перед которым собралась громадная толпа народа.

Раздались звуки горской музыки и начались народные гуляния. Великий Князь выходил к

народу, Городской голова обратился к Его Высочеству с краткой речью, выразив восторг всего многоязычного населения, и провозгласил «ура» Государю Императору и Августейшему Главнокомандующему славной Кавказской армии. Громовое «ура» многотысячной толпы огласило воздух. Великий князь поблагодарил за выраженные чувства и провозгласил «ура» державному Вождю русской армии и славным доблестным воинам Кавказской армии. Вновь раздалось восторженное «ура!».

Вечером город был иллюминирован. Учащиеся, с оркестром музыки и флагами, устроили шествие. На улицах продолжились патриотические манифестации [31].

Праздновали взятие Эрзерума и в Новороссийске.

Первыми отметили взятие Эрзерума учащиеся города Новороссийска. Так, по случаю праздника все учащиеся на 3 дня были освобождены от занятий.

Утром 4 февраля в мужской гимназии перед началом торжественного богослужения по случаю взятия нашими войсками Эрзерума, директор гимназии М.О. Сарагадзе поздравил учащихся с радостным событием, провозгласив «ура» Государю Императору и Августейшему Наместнику Царя на Кавказе Великому князю Николаю Николаевичу. Ученики мощно подхватили «ура!».

По окончании молебствия гимназисты вместе с учителями, взяв портреты Государя и флаги, отправились по Серебряковой улице. У городского дома манифестанты остановились. Городской голова вышел на балкон и произнес речь.

Несколько позже состоялась вторая манифестация, при участии учащихся и учителей городских школ [32].

Так, 5 февраля в 11 часов на Соборной площади местным духовенством был отслужен благодарственный молебен.

Перед началом богослужения протоиерей Львов произнес речь, отметив блестящую победу русского войска.

После молебствия состоялся парад местного гарнизона. Начальник гарнизона генерал Соколовский провозгласил «ура» Государю Императору и Августейшему Главнокомандующему славной Кавказской армии и доблестным войскам. Громовое «ура!» войск и многотысячной толпы учащихся и граждан оглушало воздух продолжительное время.

На богослужении и параде присутствовали черноморский губернатор В.Н. Барановский, вице-губернатор А.И. Ридель, штаб и обер-офицеры с начальником гарнизона генералом Соколовским, консулы дружественных и нейтральных стран, чины гражданских ведомств, учащиеся средних, низших и начальных школ и многие другие.

Соборная площадь не смогла вместить всех собравшихся, расположившихся по примыкающим улицам.

После парада учащиеся с оркестром и флагами устроили шествие навстречу двигавшимся со 2-й части города многочисленным манифестантам с портретами Государя Императора, Великого князя Николая Николаевича и особ Царствующего Дома.

У манифестантов красовались плакаты с надписью: «Да воссияет на Святой Софией!» и «Да здравствуют наши союзники!». Патриотическая манифестация продолжалась около двух часов. Национальными флагами город был разукрашен 4 и 5 февраля [33].

В 1916 г. после взятия Эрзерума российская печать начинает распространять сведения из Османской империи. В «Сочинском листке», с ссылкой на «Вечернее время», отмечалось: «В Турции сейчас голод, было много случаев смерти от голода в Константинополе. Голодает армия, подвоз припасов из Сирии и Армении невозможен.

Промышленность за недостатком материалов приостановлена. Ближайшее будущее Турции – безвыходно.

Вопрос о сепаратном мире, с какими угодно жертвами – самая популярная тема в Константинополе» [34].

Тем временем военная удача продолжала сопутствовать России. Утром 5 апреля 1916 г. Русская армия взяла Трапезунд. Николай II занес в свой дневнике заметку: «...Узнал о взятии сего дня Трапезунда отрядом ген. Ляхова при энергичном содействии судов Черноморского флота» [35].

«Сочинский листок» известил о падении Трапезунда 8 апреля 1916 г.: «Трапезунд взят!» – эта долгожданная весть пронеслась по Сочи еще вечером 5 апреля.

На улицах царило всеобщее оживление. Друг друга поздравляли с новой победой как с великим праздником...

Действительно, сломлена еще одна твердыня врага и ныне он, объятый панически ужасом, отступает вглубь Анатолии, к Сивасу.

Наши чудо-богатыри преподнесли России драгоценный подарок: до сих пор Трапезунд служил для третьей турецкой армии, действующей в приморском районе, главным питающим центром.

Сюда подвозились морем из Константинополя боевые припасы, провиант и свежие солдаты.

Здесь была база для остатков турецкого флота и немецко-болгарских подводных хищниц. Помимо важнейшего стратегического значения, Трапезунд имеет громадную ценность как город с 80-тысячным населением, как главный центр международной торговли – морской и сухопутный (караваны в Сирию и Персию) и как старинная (основанная в 700 г. до Р.Х.) православная колония на

берегу Малой Азии.

Трапезундский вилайет (область) имеет площадь около 31 тыс. квадратных километров, населенную свыше 1 млн. жителей, из которых половина говорит по-гречески.

В вилайете значительное рыболовство, обширные леса, далеко не использованные рудники, вывоз орехов, бобов, овощей и хлеба...

Низкий поклон тебе, победоносная русская армия и великое русское "спасибо" шлем мы, оставшиеся в тылу!

Великая слава твоим героям, творящим беспрестанно подвиги, и вечная память тем, кто пали смертью храбрых в честном бою!» [36].

По случаю Трапезунда на городской площади 6 апреля 1916 г. в 3 часа дня было совершено благодарственное Господу Богу молебствие. На нем присутствовали должностные лица местной администрации, возглавляемые начальником Сочинского округа Ф.И. Яниковым и много граждан [37].

Патриотические мотивы в печати были продолжены. Например, в статье «От Эрзерума до Трапезунда» корреспондент «Сочинского листка» отмечал: «Вслед за разгромом третьей турецкой армии Камаль-паши и взятием Эрзерума наша Кавказская армия, не останавливаясь на достигнутых ею результатах, неуклонно продолжала свое наступление по Армении, преследуя и нанося постепенно все новые и новые удары врагу.

Боязнь за Анатолию заставила противника бросить все, что можно было взять из войск как из Константинопольского района, так и Анатолийского, к западным границам Армении.

Часть их влилась в ряды отступающей третьей турецкой армии, увеличивая ее способности, а остальные, сосредотачиваясь на линии Трапезунд – Эрзинджан – Диарбекир, должны были образовать ту живую стену, на которую возлагалась задача остановить подвинувшуюся волну русских войск на рубеже Анатолии.

В общем, им удалось сюда перебросить до 200 тыс. человек.

В то же время наша армия продвигается вперед, ведя неимоверно трудную борьбу как с врагом, так и с суровой природой. Достаточно указать, например, что нашим войскам нередко приходилось не только преодолевать, но и с боем брать перевалы, достигавшие высот до 10 тыс. футов.

Два месяца, прошедшие с момента взятия Эрзерума до овладения нами Трапезунда, как видим, не только не увеличили обороноспособность врага, но доказали, как сообщают сегодняшние телеграммы об овладении важным участком в верхнем Чорохе, это весьма важное обстоятельство – турки не в состоянии вести сколько-нибудь успешную борьбу.

Под Трапезундом турецкому военному могуществу в Азии нанесены решительные удары, которые положили конец владычеству полумесяца над несчастной Арменией.

Целая громадная область отхвачена от Оттоманской империи, и этот беспримерный по своим размерам военный успех достигнут славной Кавказской армией, навсегда увенчавшей себя в народной истории такими блестящими победами, какие были ею одержаны над турками под Эрзерумом и Трапезундом» [38].

22 мая 1916 г. началось подготовленное наступление на Восточном фронте. Оно проводилось силами русского Юго-Западного фронта под командованием генерала Брусилова. Благодаря использованию боевых отравляющих веществ, от которых австрийцы испытывали панический страх, фронт 23 мая был прорван. Австро-венгерская армия начала отступление. Было захвачено 13 тыс. пленных, трофеи составили 15 орудий и 30 пулеметов. В своем дневнике Николай Александрович заметил: «Благослови, Господи, наши доблестные войска дальнейшим успехом!» [39].

Нужно заметить, что наступление русской армии длилось вплоть до 30 июля и застопорилось лишь при истощении людских ресурсов и многократном росте сопротивления перекинутых сюда германских войск. Николай II сильно интересовался происходившими в это время событиями на Юго-Западном фронте. Так, в своих дневниковых записях российский император чуть ли не ежедневно вел счет пленным и трофеям. К 3 августа он подводит в своем дневнике итог: «С 22 мая по 30 июля (1916 г. – Авт.) армиями Брусилова взято в плен 7757 офицеров и 350 845 нижних чинов и захвачено 405 орудий, 1326 пулеметов, 338 бомбо- и минометов и 292 зарядных ящиков» [40]. Значимо было и то, что противник потерял и до одного миллиона солдат и офицеров убитыми и ранеными. После Брусиловского прорыва судьба Австро-Венгрии была predetermined, а ее армия, точнее, остатки ее, были деморализованы. Только вмешательство Германии спасло Австро-Венгрию. Отметим, что успехи русского Юго-Западного фронта имели значительные внешнеполитические результаты. В итоге на сторону Антанты летом 1916 г. вступила Румыния. Брусиловский прорыв стал считаться шедевром мирового военного искусства. Прорыв позиционной обороны противника практически в начальный период наступления союзники по Антанте смогли повторить только в 1918 г. – уже в конце Первой мировой войны. В 1916 г. о подобной операции могли лишь мечтать все противостоящие страны.

Русские военные успехи в кампании 1916 г. позволили тылу и в первую очередь окраинам иметь твердую уверенность в победе России, и она – только вопрос времени. Причем в конце 1916 г. эта перспектива уже ясно была видна. Все это в общем формировало чрезвычайно положительный патриотический облик, а связи между армией и тылом выглядели незыблемыми.

УСТАЛОСТЬ ОТ ВОЙНЫ. Тем не менее Черноморская губерния, так же как и вся Россия, в условиях Первой мировой войны видоизменялась. Если зимой 1914 – 1915 гг. сборы на нужды войны происходили каждую неделю, то спустя год эти явления стали менее часты. В 1914 г. фронт в буквальном смысле был завален подарками и теплыми вещами.

В конце 1915 г. существовали серьезные опасения отправки подарков не ранее чем к Рождеству. На страницах «Сочинского листка» в декабре 1915 г. некий Н. Григорович отмечал, что «если в конце 1914 г. артисткам на бенефисах дарили махорку, то нынче бриллианты. В прошлом году стыдились наряжаться, нынче пошло безумие тряпок».

Портнихи завалены работой, у их мастерских стоят целые хвосты шикарно одетых женщин. Модные магазины, меховщики, ювелиры в один голос говорят, что они с лихвой наверстали убытки прошлого года.

Театры и рестораны битком набиты, и не останавливают ни «мародерные» цены Шаляпиных и Собиновых, ни бешеная дороговизна «запрещенного» шампанского, льющегося рекой.

Зато не хватает работников: никто не желает работать даром.

Тысячная толпа студентов и курсисток с шести часов утра дежурит до позднего вечера у Народного дома в чаянии получить бесплатный билет. В бюро военнопленных некому заделать посылки пленным.

А самое главное – забыты долг и обязанности перед армией и Родиной.

И невольно припоминается прошлогодняя зима и поздние укоры, что зиму мы проспали, потратили на театры, кусание локтей весной и отступление с Карпат, и недостаток снарядов, и целый ворох разных неудач.

Мы, русские, удивительно распоясываемся и забываем об опасности, когда она отдалается.

Но сейчас немцы стоят более ближе, чем они стояли в прошлом году, а наше настроение стало не только беспечней, но и преступней.

Принимаем ли мы хотя какое-нибудь участие в подготовке победы, думаем ли мы о грядущей весне?

Ответьте себе каждый по искренней совести, как на исповеди.

В девяносто девяти случаях из ста ответ, несомненно, будет отрицательный.

А между тем весной начнется третий период мировой войны и, вероятно, последний.

Враг усиленно готовится к нему и не дремлет.

Не дремлют и наши союзники – англичане и французы, и только у нас – меха, бриллианты, шелка, жажда скорой и личной наживы, театры и будничные мелочи – пленили наши силы и наше желание.

Так дальше продолжаться не может и не должно.

Надо кричать и напоминать об опасности, надо будить совесть и долг общества.

Надо работать для победы, иначе и меха, и бриллианты, и театры полетят к лешему» [41].

В марте 1916 г. «Сочинский листок» разразился еще одной статьей, которая раскрывала психологические черты части общества в условиях военного времени. Так, в статье «Пища духовная» неизвестный автор под псевдонимом «Brut» писал: «Больше, чем полтора года длится война. Ровно столько же протекло времени со дня закрытия казенных винных лавок, винных погребов, пивных и вообще всех заведений, где производилась продажа алкоголя во всех видах».

Правда, существует масса “подпольных” торговцев, но на них давно уже ополчилась администрация и борется с ними все успешней с каждым днем, штрафуюя их или просто сажая в тюрьму по мере обнаружения и выяснения их “деятельности”.

Трезвость все сильнее и сильнее входит в повседневную жизнь русского человека, принося невиданные до этого плоды.

Так, никому не секрет, что, несмотря на всеобщую дороговизну и на отсутствие рабочих рук в стране, русское крестьянство, в широком значении этого слова, переживает сейчас расцвет экономического благополучия. Да и не одно крестьянство, рабочие, получающие ныне двойную и тройную поденную плату, торговцы, наживающие колоссальные проценты на продаже своих товаров, наконец, различные служащие, которым прибавлено содержание благодаря все той же дороговизне, – все они с прекращением всероссийского пьянства, более или менее восстановили свои до того запутанные дела и теперь живут безбедно и даже имеют излишек.

Но... “Не единым хлебом жив человек”...

И вот, люди, привыкшие к разгулу, начали искать способ, чтобы можно было “пощекотать” нервы, “встряхнуть” от повседневных будней, словом, отдохнуть от забот и тревог, связанных с трудом.

Это искание вылилось в две формы: азарт и беспричинное мотовство.

К азарту – этому новому бичу нужно отнести, по-моему, столь же строго, как и к его старшему брату алкоголю и начать борьбу с ним, не медля ни одного дня. Уже мелькают в газетах известия о том, что там-то такой-то крестьянин проиграл землю, а там-то – еще один – весь свой скот, дом и прочее имущество... Беспричинное мотовство – также недуг, который необходимо излечить» [42].

Автор задается вопросом: «Отчего же эти два новых пришельца вторглись в жизнь»? И сам же отвечает: «Да очень просто: раньше все деньги, не только лишние, но и необходимые для

существования, неслись в кабак.

А теперь – куда может пойти россиянин, отдыхающий от дневного или даже недельного труда?

В кинематограф? Но там зачастую демонстрируются совершенно нелепые, ничего не говорящие уму и сердцу фильмы.

В театр? Но разве у нас, в России, есть поставленный на надлежащую высоту народный театр-школа?

Поневоле человек, стиснутый рамками, начинает придаваться азарту и мотовству.

Необходимо заронить в сердца луч света, теплого и яркого, чтобы оживить замерзшую в холоде жизни грезу... Необходимо прийти на помощь людям, блуждающим во тьме. У нас две трети до сих пор не знают причин, вызвавших начало Великой войны. У нас поныне не знают ровно ничего о наших союзниках, кроме их происхождения: англичанин, итальянец, француз и пр.» [43].

В данном случае автор совершенно прав: на протяжении всей войны периодическая печать Черноморской губернии ни разу не помещала даже примерные сведения о союзниках Российской империи. В самом начале войны небольшая заметка была уделена вооруженным силам Австро-Венгрии. Но это и все.

Очевидно, что настроения усталости от войны не были характерны для всей Черноморской губернии, тем не менее, особенно в условиях курортной местности, различия общественных слоев были видны особо остро.

Помимо этого нельзя забывать, что, несмотря на значительные успехи в деле борьбы с алкоголизмом полностью преодолеть это явление не удалось [44].

Заключение

Завершая, хочется отметить, что Первая мировая война для российского общества началась с массовых патриотических выступлений, но в конце 1916 г. как в России в целом, так и на территории Черноморской губернии происходит сложный социальный процесс, который можно охарактеризовать как усталость от войны. В качестве причин усталости от войны можно назвать затянувшуюся войну, а также как последствие сложности экономического характера.

Примечания:

1. Polyakova L.G. Black sea governorate during world war I: a historiographical survey // **Былые годы. Российский исторический журнал.** 2015. № 36 (2). С. 366-372.
2. Сочинский листок (Сочи). 1914. 18 июля.
3. Черноморская газета (Новороссийск). 1914. 18 июля.
4. Черноморская газета (Новороссийск). 1914. 18 июля.
5. Сочинский листок (Сочи). 1914. 19 июля.
6. Сочинский листок (Сочи). 1914. 19 июля.
7. Сочинский листок (Сочи). 1914. 21 июля.
8. Сочинский листок (Сочи). 1914. 21 июля.
9. Черноморская газета (Новороссийск). 1914. 28 июля.
10. Черноморская газета (Новороссийск). 1914. 28 июля.
11. Сочинский листок (Сочи). 1914. 22 июля.
12. Сочинский листок (Сочи). 1914. 22 июля.
13. Сочинский листок (Сочи). 1914. 22 июля.
14. Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. М., 1992. С. 519.
15. Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. М., 1992. С. 521.
16. Сочинский листок (Сочи). 1914. 25 июля.
17. Сочинский листок (Сочи). 1914. 29 июля.
18. Сочинский листок (Сочи). 1914. 22 июля.
19. Первый выпуск слушательниц курсов Сочинского комитета Красного Креста должен был состояться в начале мая 1913 г. (Сочинский листок (Сочи). 1913. 25 апр.).
20. Сочинский листок (Сочи). 1914. 21 июля.
21. Сочинский листок (Сочи). 1914. 22 июля.
22. Черноморская газета (Новороссийск). 1914. 31 июля.
23. Сочинский листок (Сочи). 1914. 22 июля.
24. Сочинский листок (Сочи). 1915. 28 февр.
25. Сочинский листок (Сочи). 1915. 28 февр.
26. Черноморская газета (Новороссийск). 1915. 12 марта.
27. Черноморская газета (Новороссийск). 1915. 13 марта.
28. Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 571.
29. Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 571.
30. Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 571.
31. Черноморская газета (Новороссийск). 1916. 6 февр.
32. Черноморская газета (Новороссийск). 1916. 5 февр.
33. Черноморская газета (Новороссийск). 1916. 6 февр.

34. Сочинский листок (Сочи). 1916. 18 марта.
35. Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 580.
36. Сочинский листок (Сочи). 1916. 8 апр.
37. Сочинский листок (Сочи). 1916. 8 апр.
38. Сочинский листок (Сочи). 1916. 22 апр.
39. Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 588.
40. Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 598.
41. Сочинский листок (Сочи). 1915. 20 дек.
42. Сочинский листок (Сочи). 1916. 11 марта.
43. Сочинский листок (Сочи). 1916. 11 марта.
44. Polyakova L.G. Reasons behind the Asocial Conduct of Residents of the Black Sea Governorate during World War I // Journal of International Network Center for Fundamental and Applied Research, 2014, Vol. (1), Is. 1, pp. 33-41. DOI: 10.13187/jincfar.2014.1.33

References:

1. Polyakova L.G. (2015) Black sea governorate during world war I: a historiographical survey. *Bylye Gody*. 36 (2): 366-372.
2. Sochinskii listok (Sochi). 1914. 18 iyulya.
3. Chernomorskaya gazeta (Novorossiisk). 1914. 18 iyulya.
4. Chernomorskaya gazeta (Novorossiisk). 1914. 18 iyulya.
5. Sochinskii listok (Sochi). 1914. 19 iyulya.
6. Sochinskii listok (Sochi). 1914. 19 iyulya.
7. Sochinskii listok (Sochi). 1914. 21 iyulya.
8. Sochinskii listok (Sochi). 1914. 21 iyulya.
9. Chernomorskaya gazeta (Novorossiisk). 1914. 28 iyulya.
10. Chernomorskaya gazeta (Novorossiisk). 1914. 28 iyulya.
11. Sochinskii listok (Sochi). 1914. 22 iyulya.
12. Sochinskii listok (Sochi). 1914. 22 iyulya.
13. Sochinskii listok (Sochi). 1914. 22 iyulya.
14. Ol'denburg S.S. Tsarstvovanie imperatora Nikolaya II. M., 1992. S. 519.
15. Ol'denburg S.S. Tsarstvovanie imperatora Nikolaya. M., 1992. S. 521.
16. Sochinskii listok (Sochi). 1914. 25 iyulya.
17. Sochinskii listok (Sochi). 1914. 29 iyulya.
18. Sochinskii listok (Sochi). 1914. 22 iyulya.
19. Pervyi vypusk slushatel'nits kursov Sochinskogo komiteta Krasnogo Kresta dolzhen byl sostoyat'sya v nachale maya 1913 g. (Sochinskii listok (Sochi). 1913. 25 apr.).
20. Sochinskii listok (Sochi). 1914. 21 iyulya.
21. Sochinskii listok (Sochi). 1914. 22 iyulya.
22. Chernomorskaya gazeta (Novorossiisk). 1914. 31 iyulya.
23. Sochinskii listok (Sochi). 1914. 22 iyulya.
24. Sochinskii listok (Sochi). 1915. 28 fevr.
25. Sochinskii listok (Sochi). 1915. 28 fevr.
26. Chernomorskaya gazeta (Novorossiisk). 1915. 12 marta.
27. Chernomorskaya gazeta (Novorossiisk). 1915. 13 marta.
28. Dnevnik imperatora Nikolaya II. M., 1991. S. 571.
29. Dnevnik imperatora Nikolaya II. M., 1991. S. 571.
30. Dnevnik imperatora Nikolaya II. M., 1991. S. 571.
31. Chernomorskaya gazeta (Novorossiisk). 1916. 6 fevr.
32. Chernomorskaya gazeta (Novorossiisk). 1916. 5 fevr.
33. Chernomorskaya gazeta (Novorossiisk). 1916. 6 fevr.
34. Sochinskii listok (Sochi). 1916. 18 marta.
35. Dnevnik imperatora Nikolaya II. M., 1991. S. 580.
36. Sochinskii listok (Sochi). 1916. 8 apr.
37. Sochinskii listok (Sochi). 1916. 8 apr.
38. Sochinskii listok (Sochi). 1916. 22 apr.
39. Dnevnik imperatora Nikolaya II. M., 1991. S. 588.
40. Dnevnik imperatora Nikolaya II. M., 1991. S. 598.
41. Sochinskii listok (Sochi). 1915. 20 dek.
42. Sochinskii listok (Sochi). 1916. 11 marta.
43. Sochinskii listok (Sochi). 1916. 11 marta.
44. Polyakova L.G. (2014) Reasons behind the Asocial Conduct of Residents of the Black Sea Governorate during World War I *Journal of International Network Center for Fundamental and Applied Research*, (1), 1: 33-41. DOI: 10.13187/jincfar.2014.1.33

**Эволюция общественных взглядов населения Черноморской губернии
в период Первой мировой войны**

¹ Любовь Георгиевна Полякова

² Валентина Анатольевна Агеева

³ Леонид Леонидович Баланюк

¹ Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

E-mail: polyakoval84@mail.ru

² Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), Российская Федерация

347936, Ростовская область, Таганрог, ул. Инициативная, 46

Кандидат исторических наук

³ Российский экономический университет им Г.В. Плеханова, Российская Федерация

117997 г. Москва, Стремянный пер., 36.

Кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В статье рассматривается процесс эволюции общественных взглядов населения Черноморской губернии в период Первой мировой войны. Основным источником для написания статьи стали материалы дореволюционной периодической печати Черноморской губернии. Используются и материалы личного происхождения. В результате исследования авторы приходят к выводу, что Первая мировая война для российского общества началась с массовых патриотических выступлений, но в конце 1916 г. как в России в целом, так и на территории Черноморской губернии происходит сложный социальный процесс, который можно охарактеризовать как усталость от войны.

В качестве причин усталости от войны авторы называют: затянувшуюся войну, а также как следствие – сложности экономического характера.

Ключевые слова: Первая мировая война, Черноморская губерния, население, патриотизм, усталость от войны.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 38, Is. 4, pp. 1105-1114, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94 (47) 084.3 (571)

Forms of Representation of National Identity in the Official and Pro-Government Periodical Press of Eastern Russia (June 1918 – December 1919)

¹ Dmitry N. Shevelev² Kirill A. Konev¹⁻² Tomsk State University, Russian Federation¹ Dr. (History), Associate Professor

E-mail: shev-dn@yandex.ru

² E-mail: konev-k-92@rambler.ru

Abstract

On the basis of the official and pro-government periodical press published in the east of Russia from the summer of 1918 to the end of 1919 the author considers the key ideas, images and meanings for the anti-Bolshevik movement which played an important role in the collective self-identification of its supporters. Important components of legitimizing the power of the new political regimes were competitive struggle for hegemony in the field of symbolic production and formation of information, political, social, economic and cultural space corresponding to the new state doctrine. In the situation of destruction of the former (imperial) mechanism of social integration the new forms of organizing the political community «We» and its hostile opposition «They» were needed. The main object of the propagandistic departments of the Omsk government was formation and consolidation of the «imagined community», understood as the «Russian national community», and obedience to its goals of struggle against Bolshevism. The purpose of the study is to identify methods of institutionalization and representation of national identity which are typical for the newspaper formal discourse. Through the representation of goal the official and pro-government periodical press of anti-Bolshevik regimes of eastern Russia outlined the boundaries of the construction of the imagined community and built a unique identification corridors: «We» (the honest citizens of Russia) – «They» (our enemies – the Bolsheviks); politically active «Citizen» – indifferent to the fate of the homeland «Small-minded person» etc. The authors comes to the conclusion that the main methods of representation of national identity were the actualization of ideologically marked value components and political narratives.

Keywords: Civil war, Siberia, anti-Bolshevist movement, Russian government of admiral A.V. Kolchak, identity, political narrative.

Введение

В период Гражданской войны одним из ключевых элементов утверждения новых политических режимов являлась конкурентная борьба за гегемонию в сфере символического производства, противостояние идей, понятий, ценностей и образов, формирующих и конституирующих на постимперском пространстве новые «воображаемые сообщества». В условиях разрушения прежнего (имперского) механизма общественной интеграции обществу были необходимы *новая система символических кодов, новая система позиционирования себя в мире, новые формы дискурсивной самоидентификации, а в ситуации социального раскола и начавшейся Гражданской войны – и новые способы организации политической общности «Мы» и противопоставления ее враждебной «Они».*

В такой ситуации многократно возросло значение убеждения, роль устного и печатного слова. «Теперь, – отмечала одна из сибирских газет осенью 1919 г., – в атмосфере гражданской войны у нас, в исчерпывающей сущности жизненного процесса, вовсе нет мирных граждан, непричастных к войне людей. Мы все «армия», ибо каждый из нас, как бы ни был он нейтрален и аполитичен, он все-таки принадлежит к той или иной партии. Как бы ни была слаба его политическая окраска, каждый из нас

все-таки красный или белый! Но так как среди этой “армии” громадные массы населения не принимают в войне активного непосредственного участия, то они-то и создают или, по крайней мере, должны создавать ту психическую атмосферу, которая должна быть насыщена жаждой победы, уверенности в ней. Мы, воины гражданственности, должны проникнуться сознанием опасности момента и горячей веры в правоту своего дела» [1; 12 окт.].

Зададим вопрос: какую идентичность конституировали и поддерживали антибольшевистские правительства, действовавшие на территории Сибири в годы Гражданской войны?

Первоначально, в ситуации кризиса и распада центральной власти, активизации политических сил на местах, на востоке страны предпринимались попытки актуализации региональной идентификации. Более того, в Сибири базовые для начального этапа антибольшевистской государственности политические ценности и принципы, в основе которых лежала идея областной автономии, были сформулированы еще до начала Гражданской войны. Летом–осенью 1917 г. господствовавшая в политическом пространстве Сибири «революционная демократия» определила основные ориентиры ее будущего общественного уклада: «федеративное устройство» и «народовластие». Вокруг этих базовых политических ценностей организуются «узловые точки» нарождавшегося сибирского политического дискурса: областная автономия, демократические выборы, принцип разделения властей, Сибирская областная дума. Эти основные знаки нового дискурса начинают играть ключевую роль и в формировании новой политической идентичности.

Летом 1918 года власть на востоке России переходит к Временному Сибирскому правительству. 4 июля 1918 г. оно принимает декларацию «О государственной самостоятельности Сибири», в которой говорилось о том, что новая власть, с одной стороны, «торжественно объявляет во всеобщее сведение, что ныне оно одно вместе с Сибирской областной думой является ответственным за судьбы Сибири, ... а также заявляет, что отныне никакая иная власть ... не может действовать на территории Сибири или обязываться от ее имени», а, с другой – «полагает также совершенно необходимым объявить не менее торжественно, что оно не считает Сибирь навсегда оторвавшейся от тех территорий, которые в совокупности составляли Державу Российскую, и полагает, что все его усилия должны быть направлены к воссозданию Российской государственности». [2; 20 авг.].

Однако основанная эсеро-областнических политических ценностях риторика довольно быстро сходит на нет уступая место общероссийской гражданской идентичности. Произошедший в ночь на 18 ноября 1918 г. государственный переворот означал окончательный распад и без того непрочной коалиции умеренных социалистов и либерально-консервативных сил. «После изгнания Авксеньтьева, – писал П.Н. Милюков, – умеренная часть эсеров совершенно стухевалась, а среди кадетов, после ухода Виноградова, окончательно возобладали правые настроения. Элементы возможного умеренного центра были отброшены переворотом 18 ноября к противоположным полюсам политической жизни. На сцену выступили крайние фланги, немедленно вступившие друг с другом в самую острую борьбу». [3; с. 53].

Похожую оценку ноябрьского переворота дает и М.В. Вишняк, который охарактеризовал его как поворотный пункт в истории Гражданской войны. «После 18 ноября 1918 г., – отмечал он, – по иному переставились участвовавшие в борьбе против большевиков силы, по иному и надолго установились отношения между партиями, до того более или менее согласно выступавшими против советской власти». [4; с. 390] Происходит и определенная переоценка политических ценностей.

Как справедливо заметил один из главных идеологов Омского режима Н.В. Устрялов: «Но, конечно, идеология наша была не сибирской, а всероссийской. Тут мы не могли уступить. Но ведь и сама личность Колчака была символом меньше всего областническим, меньше всего лишь сибирским! Отдавая должное «крепким сибирским корням», Омск не мог себе не ставить всероссийских задач, они навязывались ему сами, логикой всероссийской революции». [5; с. 228].

В итоге основной задачей, решаемой пропагандистскими ведомствами Белого Востока, являлось формирование и консолидация «воображаемого сообщества», понимаемого как «русская национальная общность», подчинение его целям борьбы с большевизмом. Цель работы заключается в выявлении характерных для газетного дискурса поддерживавших антибольшевистские режимы востока России изданий приемов структурирования политического пространства, с одной стороны, и способов конституирования и репрезентации национальной идентичности – с другой.

Материалы и методы

Сложившееся на востоке России в годы Гражданской войны информационное пространство, рассматриваемое как многомерное поле взаимодействия информационных потоков и различных видов коммуникации, отличалось многообразием и динамизмом составляющих его элементов – образов, идеологем и мифов. Это проявлялось в наличии целой палитры взглядов на идеологию, политику, экономику и другие сферы общественной жизни, которые отразились на страницах периодических изданий Белого Востока. Пресса являлась в тот период наиболее распространенным каналом передачи информации, а также одним из важнейших инструментов воздействия на общество. В условиях же отсутствия у Омского правительства прочного идеологического фундамента

государственная печать востока России представляла собой многомерное поле идеологического производства, пропагандистской репрезентации и борьбы за гегемонию в дискурсе.

Выстраивая свою «осведомительную» деятельность официальные и проправительственные издания Белого Востока стремились сформировать особую картину мира и распространить в рамках этой картины необходимый, по их мнению, набор ценностей и установок, закрепив при этом за собой право на их интерпретацию. Данная картина мира, выстраивалась в соответствии с ключевыми идеологическими доминантами, образующими смысловой каркас избранной модели («Национальное государство»). В настоящее время известно несколько форм экспликации таких смысловых доминант – идеологема, мифологема, концепт, нарратив, реконструировать которые возможно при рассмотрении материалов правительственной и официальной периодики. Моделирование и анализ данных элементов позволяет рассмотреть и уточнить содержательную составляющую государственной идеологии; выявить стратегии и тактики представления идеологических установок в пропагандистских текстах; зафиксировать те политические мифы, которыми оперировала антибольшевистская пропаганда для создания положительного образа политических режимов белой Сибири и конструирования новой национально-государственной идентичности.

Основным источником для написания данной работы послужили материалы официальной и проправительственной периодической печати, выходившей как на территории, подконтрольной Временному Сибирскому, Временному Всероссийскому и Российскому адмирала А.В. Колчака правительствам (газеты «Сибирский вестник», «Вестник Временного Всероссийского правительства», «Правительственный вестник», «Русская армия», «Русское дело», «Наша газета», «Сибирская речь», «Сибирская жизнь», «Свободная Сибирь», «Свободный край», «Военные ведомости», «Русский голос», «Отечество» и ряд других), так и за границей («Общее дело») с лета 1918 по конец 1919 г. На страницах «государственно мыслящей» прессы, пропагандистских листовок и брошюр шло формирование идеологических смыслов и ценностей: осмысление политического и исторического опыта – концептуализация – трансляция пропагандистских установок. В политическом и масс-медийном дискурсах белого Востока осуществлялось конституирование модели «Национальное государство», которую антибольшевистские правительства противопоставляли «Диктатуре пролетариата», «Советской республике».

Обсуждение

К настоящему моменту изучены многие значимые вопросы истории Гражданской войны, и в этом огромная заслуга как советской, эмигрантской и зарубежной, так и современной российской исторической науки. Однако сложность и многогранность процессов, происходивших в этот период, заставляет исследователей вновь и вновь обращаться к данной тематике. Кроме того, следует согласиться с утверждением новосибирского историка В.В. Журавлева о том, что «культурные трансформации этого периода оказались весьма живучими, на протяжении длительного времени воздействуя на последующий исторический процесс». [6; с. 108]. В последние десятилетия у отечественных исследователей существенно возрос интерес к идеологии белого движения, а также различным аспектам информационной и пропагандистской деятельности антибольшевистских сил. Однако в первую очередь речь идет об изучении деятельности правительственного аппарата осведомления и политической пропаганды, органов цензуры, государственных спецслужб, осуществлявших контроль политических настроений населения и ведавших пропагандистской работой на территории противника, особенностей функционирования антибольшевистской прессы. Специальных же работ, анализирующих политический дискурс антибольшевистского движения на востоке страны в целом, и дискурс политической пропаганды в частности, написано немного. Лишь некоторые аспекты проблемы изучались В.В. Журавлевым [7], Л.А. Молчановым [8] и Д.Л. Шереметьевой [9]. Таким образом, «идеологические процессы в контрреволюционном движении и на территориях, подконтрольных антибольшевистским режимам, трудно назвать изученными сколько-нибудь целостно и глубоко». [6; с. 109]. Все это создает вполне достаточные предпосылки для более глубокого и детального изучения идеологии антибольшевистского движения, представленной в организационных структурах, институционализированных политических практиках, дискурсах и нарративах.

Результаты

Анализ официальной и проправительственной периодической печати, выходившей на востоке России в годы Гражданской войны, позволяет выделить несколько ключевых форм дискурсивной репрезентации национальной идентичности.

1. Само формирование национально-ориентированной «Мы-группы» происходило через жесткое структурирование политического пространства. Успех идеологического воздействия, его мобилизационная эффективность во многом зависят от того, каким образом государственная власть сформулирует общие цели своей деятельности, насколько они близки и понятны населению, отвечают его настроениям и интересам. Именно на основе совпадения интересов и единства цели происходит формирование политической общности «Мы» и

противопоставление ее враждебной «Они». При этом следует понимать, что и у того («белые») и другого («красные») сообщества имелось четко выраженное ядро – люди, составлявшие идейную основу движения. Достижение согласия между этими «ядрами» было принципиально невозможно, ввиду непримиримости целевых установок. Кроме того имелась довольно зыбкая, неустойчивая, колеблющаяся периферия, которую составляла основная часть населения бывшей Российской империи, где были потенциально СВОИ и потенциально ЧУЖИЕ.

В Сибири основная цель антибольшевистского движения, организационно оформленного в несколько сменяющих друг друга политических режимов, на протяжении всей Гражданской войны оставалась неизменной. Это бескомпромиссная борьба с «большевистским игом» до полной победы. Такая установка четко прослеживается во всех официальных декларациях и воззваниях Западно-Сибирского комиссариата, Временного Сибирского, Временного Всероссийского и Российского адмирала Колчака правительств. Именно через репрезентацию цели официальная и проправительственная периодическая печать востока России очерчивала границы конструирования воображаемого сообщества, выстраивала своеобразные идентификационные коридоры:

«Мы» («все честные граждане России») – «Они» (наши враги – большевики)

Пропаганда Белого Востока представляла большевиков «врагами народа», «узурпаторами», «путем обманчивых обещаний и насилий» захватившими власть над русской землей, разрушившими «целостность и единство государства Российского» и подвергнувшими «величайшей опасности свободу и независимость российских граждан». «Большевистская власть, – отмечалось, в частности, в обращении Временного Всероссийского правительства к правительству США, – исповедующая на словах демократические принципы, на деле попирает их ногами и осуществляет лишь партийную диктатуру. Всеобщее избирательное право, основа истинного демократизма, уничтожено. Разогнано избранное на основе этого права Учредительное Собрание, а также городские и земские самоуправления». [10; 8 нояб.]

Установленная большевиками власть именовалась «кошмарным гнетом», «новым самодержавием», «преступной», «самочинной» и «безответственной». На них возлагалась ответственность за развязывание гражданской войны и террор. «Этот режим вызывает неукротимую оппозицию со стороны наиболее сознательных слоев населения, – указывалось в опубликованном в конце февраля 1919 г. правительственным сообщении, – и советской власти приходится поддерживать его тремя чудовищными средствами: голодом, террором и гражданской войной. Голодом она загоняет на службу в свои учреждения обессилевшую интеллигенцию; террором, неслыханно жестоким и беспощадным, подавляет массовые движения и истребляет все наиболее стойкое и сильное, а гражданской войной, провозглашаемой как постоянный принцип жизни, искусственно раздуваемой и расширяемой, она поддерживает разделение и бессилие враждующих групп» [11. 21 февр.]

В своих воззваниях к населению правительства Белого Востока выражали твердую уверенность в том, что «всем опостылевшая большевистская власть» решительно отвергается всеми слоями и классами российского общества. «Временное Всероссийское правительство, – указывалось в адресованной «ко всем областным правительствам и ко всем гражданам государства Российского» грамоте Директории, – глубоко верит, что все части и все народности Великой России, поняв смертельную опасность, грозящую Родине со стороны германо-мадьярских полчищ и их приспешников большевиков, сплотятся в единое мощное целое, дабы под твердым руководством всероссийской верховной власти вывести, наконец, нашу исстрадавшуюся отчизну из бездны распада на предначертанный ей путь всероссийского государственного возрождения». [10. нояб.]

В такой ситуации, полагало политическое руководство Белого Востока, «цель, которую ставит себе правительство, должна стать общей целью честных граждан России – освободить страну от большевистского гнета, спасти последние остатки народного достоинства и приступить затем в полном порядке и разумно к переустройству народной жизни» [11. 14 янв.]. Любые переговоры, перемирие, компромисс с большевиками были невозможны. Непокколебимость такой установки наиболее отчетливо выразил адмирал А.В. Колчак в своем воззвании к населению летом 1919 г. «Я, – говорилось в этом документе, – обращаюсь к населению свободной от гнета комиссаров России: мы ведем с большевизмом смертельную борьбу, которая не может кончиться договором или соглашением, ибо в этой борьбе мы защищаем родину против интернационала, свободу против тирании и культуру против одичания. В этой борьбе у нас нет честных противников, есть шайки грабителей, руководимые международными отбросами. Против нас нет честных способов ведения борьбы: есть путь мучения безвинных, насилия над беззащитными и всеобщее разграбление. И укрыться от борьбы и ее последствий нет возможности, пока враг не уничтожен» [11. 26 июля.]

Кроме того, довольно часто пропагандисты прибегали к использованию контрастных альтернатив. Так, сравнивая Россию с былинным богатырем с картины Васнецова «Витязь на распутье», газета «Голос сибиряка» отмечала в начале 1919 г.: «С одной стороны, перед ней «революционный» путь, продолжение того, каким шла она в истекшем году, обильно политый кровью, усеянный острыми камнями злобы и ненависти, с другой – новый, ведущий не к разрушению, но к созданию, сохранению того, что есть... Возьмет ли она в руки красный флаг

интернационала или поднимет милый русскому сердцу национальный бело-красно-синий?» [12. 1 янв.].

Подобную метафору использовал и публицист В. Покровский. В статье «Памятная годовщина» он писал: «Многострадавшая от самодержавия, растоптанная сапогами пьяных комиссародержавцев и немецких шпионов, она пришла, наконец, к тому часу своего существования, когда надолго решается ее судьба, когда лежит перед ней несколько путей, несколько дорог. Одни скользкие и заманчивые – вниз. Другие узкие, тяжелые, затруднительные вверх – к свободе, мирному труду и благосостоянию» [13. 7 авг.].

Политически активный «Гражданин» – безучастный к судьбе Родины «Обыватель»

Кроме того новая власть столкнулась с пассивным, индифферентным отношением города и деревни к правительству и его мероприятиям, с тем страшным для любого политического режима явлением под названием «обыватель». «Странное и, говоря по совести, сквернейшее существо – это наш многоликий дряблый кислый обыватель, – отмечала “Народная Сибирь”. – Он только и делает, что от зари до зари надрывно канючит. Канючит и поет, словно черти жилы за него тянут. Он всегда и всем недоволен. Все критикует, ко всему прикладывает свой замызганный обывательский аршин... Вечером в 9 ч. наглухо закрываются ставни, спускаются с цепи собаки, – вот и вся защита, а что дальше там, что бог даст или... моя хата с краю». [14; 26 июня.].

В прессе официального направления равнодушный, безучастный обыватель противопоставлялся деятельному и сознательному гражданину. «Гражданин думает об общем благе, – писала по этому поводу “Народная газета”, – обыватель – только о собственном. Гражданин заботится о своем государстве, о своей стране, о родине; обыватель лишь о своей хате, своей семье, своих делах. Гражданин свое свободное время посвящает служению обществу, государству, народу; обыватель свой досуг убивает в сплетнях, болтовне, пустых играх и... попойках». [15; 16 марта].

Цивилизация и право – варварство, беззаконие, грубая сила.

Мировая и гражданская войны рассматривались как столкновение «двух культур, даже двух мирозерцаний». На одном полюсе, по мнению белых, находились Западные демократические страны – «носительницы старой европейской культуры», с примкнувшими к ним противниками большевизма. На другом – Германия и большевики. «Большевизм и германизм, – по мнению редакции газеты «Военные ведомости», – родственные по психике, тесно связанные между собою, как проявления одного и того же материалистического понимания мира, права «силы и меча», права только одной стороны (народа или класса) на мировое господство – ныне всем миром признаны как зло». [16; 29 июня].

Заявления о верности антибольшевистских сил странам Антанты, адресованные как союзникам, так и собственно населению России выступали средством выстраивания коллективной идентичности на основе утверждений «мы-европейцы», «мы-члены сообщества демократических, цивилизованных стран». Победа стран Антанты в мировой войне трактовалась белыми как победа демократии и права над авторитаризмом, «хищничеством и насилием в международной политике». Г.К. Гинс, выступая с речью, на собрании «Союза Возрождения», посвященном окончанию мировой войны, заявлял: «Победа союзников – это победа тех идей, которым поклоняется возрождающаяся Россия». [17; 29 нояб.]. Возвращение обновленной, демократической России в когорту великих держав, рассматривалось как вполне закономерный итог войны. Окончательное установление мира в Европе связывалось с разгромом большевиков при активном участии союзных стран. Пока же, Россия, «претерпев всю тяжесть большевистских бесчеловечных преступлений», являлась, по мнению белых, тем буфером, который неоднократно спасал Европу от ужасов разрушения ее культуры». [16. 12 июня]. Таким образом, в рамках выстраивания оппозиции союзники и белые – Германия и большевики, осуществлялось конструирование положительного образа антибольшевистских режимов Белой Сибири, а также происходил поиск обоснований для вмешательства стран Антанты в гражданскую войну в России на стороне белых.

Лидеры и идеологи белого движения не только стремились доказать необходимость союзной помощи антибольшевистскому движению, но и рассматривали социальное и политическое устройство стран Антанты как образец для подражания, призывая использовать опыт «просвещенного Запада» при построении новой государственности. «Мы должны помнить, что культурные ценности, данные миру, Англией и Францией, никогда не утратят своей силы и потому не перестанут освещать мир своим ярким светом. И нам, вступившим в семью европейских культурных народов, слишком поздно, и отставшим в своем развитии, необходимо быть поближе к этому свету, в особенности сейчас, когда мы так жестоко потратили и то немногое, что имели» – отмечалось в кадетской газете «Свободный край». [18; 27 апр.].

2. Для конституирования и репрезентации национальной идентичности особую значимость имело **транслирование официальной и проправительственной периодической печатью антибольшевистского Востока консолидирующих «Мы-группу» ценностей.**

Основные программные установки и идеологические приоритеты новой власти Верховный правитель России адмирал А.В. Колчак обозначил вначале в своем обращении «К населению», а затем во время встречи с представителями прессы. В обращении, опубликованном «Правительственным вестником» 20 ноября, задачи нового политического режима были

сформулированы кратко, в самом общем виде. «Я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности, – заявлял Колчак. – Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашенные по всему миру».[17; 20 нояб.].

Более детально задачи верховной власти, ее идеологические ориентиры были изложены Верховным правителем в беседе с журналистами, состоявшейся 28 ноября. На основании этих материалов, а также более поздних его выступлений складывается вполне определенное представление об идеологической направленности колчаковского режима.

Во-первых, это **политический центризм** как основа государственного курса. «Я сказал, “я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности”. И это свое обещание я оправдаю не словами, а делом, – заявлял адмирал А.В. Колчак. – Я сам был свидетелем того, как гибельно сказался старый режим на России, не сумев в тяжкие дни испытаний дать ей возможность устоять от разгрома. И, конечно, я не буду стремиться к тому, чтобы снова вернуть эти тяжелые дни прошлого, чтобы реставрировать все то, что признано самим народом ненужным». [17; 30 нояб.].

Во-вторых, это **демократическое государственное устройство**. «С глубокой искренностью скажу Вам, господа, что теперь, пережив впечатления тяжкой мировой войны, я твердо укрепился на той мысли, что государства наших дней могут жить и развиваться только на прочном демократическом основании», – говорил А.В. Колчак на встрече с представителями прессы в конце ноября 1918 г. Демократическое государственное устройство Верховный правитель связывал с развитием местного самоуправления. [17; 30 нояб.]. «Новая свободная Россия, – отметил он, выступая в Екатеринбурге, – должна строиться на фундаменте единения власти и общественности... Я и правительство, мною возглавляемое, отчетливо представляем себе всю тяжесть условий, в которых приходится начинать свою созидательную работу молодой русской общественности. В программу правительства входит, поэтому, как широкая помощь земствам и городам в деле выполнения ими задач общегосударственных, так и оказание им содействия всякого рода по восстановлению разрушенного хозяйства и развитию муниципальных предприятий». [11; 26 февр.].

В-третьих, это **порядок и законность**. На протяжении всего правления А.В. Колчак позиционировал себя как «сторонник порядка и государственной дисциплины». «Порядок и закон, – говорил он вскоре после переворота, – в моих глазах являются неизменными спутниками, неразрывно друг с другом связанными. Я буду принимать все меры, которыми располагаю в силу своих чрезвычайных полномочий, для борьбы с насилием и произволом. Я буду стремиться к восстановлению правильного отправления всех функций государственной жизни, служащих не только делу государственного строительства, но и возрождению Родины, так грубо, так дерзко нарушенному предательской рукой большевиков». [11; 30 нояб.].

В будущем, считал Колчак, законность и порядок должны были составить фундамент «великой, свободной демократической России». В своем же настоящем основную угрозу установлению в стране правопорядка он видел в «большевизме справа». «Большевизм справа, – отметил он в своем выступлении в Екатеринбурге, – как отрицание морали и долга перед родиной и общественной дисциплины, базирующийся на монархических принципах, но в сущности имеющий с монархизмом столько же общего, сколько большевизм слева имеет общего с демократизмом, подрывающим государственные основы страны еще много времени после этого потребует упорной борьбы с собой». [11; 26 февр.].

Рассмотрим, как провозглашенные Российским правительством адмирала А.В. Колчака политические ценности воспроизводились в пропагандистских изданиях белого Востока.

В качестве объекта анализа была выбрана «Наша газета» [19], которая выпускалась с августа по декабрь 1919 г. Русским Бюро печати в Омске, Томске, Новониколаевске и Иркутске. Газета написана доступным и весьма простым языком, свидетельствующим о том, что ее целевой аудиторией являлись широкие слои городского населения, солдаты и крестьянство. Издание было достаточно популярно и широко распространено, благодаря тщательному подбору материала и невысокой стоимости газеты – 20, затем 40 копеек за номер. Наибольшего тиража газета достигла в августе – 50 тыс. экземпляров. Всего же за август 1919 г. было выпущено 543 616 экземпляров газеты.

Авторами была отобрана и проанализирована 341 публикация «Нашей газеты», выпускавшейся в Томске с 26 октября по 3 декабря 1919 г. При этом доля публикаций, содержащих маркеры консолидирующих «Мы-группу» ценностей, составила почти 31 % от общего числа рассмотренных статей (106 из 341, соответственно). В результате исследования было выявлено шесть типов ценностных установок. Основанием для типизации послужило отнесение слов-индикаторов, выражающих каждую ценностную установку, к определенной тематике:

1. Религиозные ценности. Обозначались такими словами-индикаторами как: *вера, духовность, церковь, храм, святость, православие, мусульманство, «добровольческие дружины святого креста и полумесяца»*. Призыв защищать веру и религиозные ценности фигурировал в 25 % статей (27 из 106 публикаций).

2. Ценности, связанные с трудом и благосостоянием. Индикаторами послужили такие понятия как: *справедливый/честный и мирный труд, хозяйство, земля, собственность, земледелие, имущество, семья*. Данные категории присутствуют в 29 % статей. (31 из 106 публикаций).

3. Следующая большая группа ценностей, связана с интересами государства, восстановлением его мощи и престижа на международной арене. Ее можно обозначить такими словами-индикаторами как: *Родина, честь страны, государство/государственность, держава, власть, патриотизм, свобода/независимость*. Также сюда следует отнести концепт «*единая и неделимая Россия*» – лозунг, активно использовавшийся в пропагандистской риторике партии кадетов и правительством Колчака. Данная группа ценностных установок содержится в 43 % публикаций (46 из 106 публикаций).

4. Набор либеральных ценностей, связанных с понятиями *народоправства/демократии*, а также укреплением и соблюдением *прав и свобод* человека и гражданина. Данные ценности представлены в 15 % статей. (16 из 106 публикаций).

5. Еще одну категорию ценностей можно определить понятиями *законность, правопорядок и классовое единение, социальный мир*. Эти категории присутствуют в 24 % статей (26 из 106 статей).

6. Последняя ценностная категория связана с темой созыва *Учредительного Собрания*, содержится в 9 % статей (10 из 106 публикаций).

Таким образом, преобладающей в материалах газеты была идея сильного, единого государства, а также традиционные ценности, связанные с религией, землей и материальным благополучием, следом за ними отстаивалась необходимость сохранения правопорядка и классовой солидарности. Учитывая направленность газеты на широкие слои населения, следует предположить, что для привлечения на свою сторону народных масс белые стремились опереться на близкие и понятные крестьянам, солдатам и рабочим категории. В то же время, актуализировавшийся в период революции ценности демократии, прав и свобод, в пропагандистской риторике данной газеты были оттеснены на второй план.

3. Существенную роль в коллективной самоидентификации сторонников антибольшевистского движения на востоке России играли **встроенные в пропагандистский дискурс идеологически маркированные истории, рассказы, повествования**. Речь идет о политических нарративах – «*совокупностях дискурсивных образований разных жанров, сконцентрированных вокруг определённого политического события*». В предыдущих статьях мы рассматривали два узловых политических нарратива Антибольшевистского Востока – рассказы о «*Великой войне*» и «*Единой Неделимой Руси*». Остановимся на их общих свойствах. В первую очередь следует обратить внимание на два ключевых параметра выявленных нарративов: дискретность и когерентность. С одной стороны, анализируемые повествования представлены не в одном произведении, а рассеяны по многим по многим газетным текстам, листовкам и пропагандистским брошюрам. С другой – объединяющие эти тексты рассказы отличаются содержательной цельностью и смысловой завершенностью, изложенной в них истории. При этом единая для всех текстов история могла воспроизводиться в несколько отличных изложениях (интерпретациях) и многими повествователями.

Репрезентация рассказов о «*Великой войне*» и «*Единой Неделимой Руси*» происходила в результате соединения и комбинирования нескольких дискурсов, рассматриваемых как отдельные потоки социальной коммуникации. При этом политический дискурс задавал идеологические ценности и установки значимые для понимания настоящего, а масс-медийный дискурс выступал как форма актуализации и представления информации с целью воздействия на аудиторию.

Рис. 1. Структура нарратива о «Великой войне»

Представленные в официальной и проправительственной периодической печати, выходявшей на востоке России в годы Гражданской войны, политические нарративы обладали определенной сюжетно-ролевой структурой: фабулой, сюжетной композиций, действующими лицами. Например, используя

ставшую классической актантичную модель А. Греймаса [20; с. 261], можно установить основных акторов рассказа о «Великой войне» и схему взаимодействий между ними.

В качестве главного субъекта-героя этого повествования выступает антибольшевистское Российское правительство адмирала А.В. Колчака, действия которого направлены на объект – заключение справедливого (в его понимании) мира. Отправителем (*адресантом*) в нарративе о «Великой войне» является некая трансцендентная сила – высшая историческая справедливость, которая должна вознаградить *получателя* (адресата) – Россию за совершенные подвиги и принесенные жертвы. Подобным образом можно выявить конфигурацию коммуникативных и функциональных позиций в других политических нарративах.

Встроенные в антибольшевистский пропагандистский дискурс *сверхтекстовые повествования* имели свою протяжённость во времени и пространстве. Воспроизводимые в прессе истории соединяли прошлое, настоящее и будущее, конфигурируя связное ценностно-смысловое единство. В политических нарративах происходила постоянная отсылка к мифическому *первовремени*, тому историческому моменту когда Русь (Россия) была велика и могуча, времени легендарных героев и злодеев, величайших свершений, безмерных подвигов и жертв. Так в рассказе о «Великой войне» оказалось соединено недавнее героическое прошлое, в котором Россия продемонстрировала всему миру свою жертвенность ради союзников, а ее армия совершила беспримерный подвиг, и будущее, где справедливый мир должен стать лучшим для нее воздаянием.

Обращение к героическому прошлому позволяло выстраивать в рамках политических нарративов воображаемые пространства со своей историей и географией. Обязательным условием для достижения Россией ее прежнего величия считались сохранение территориальной целостности и укрепление влияния в соседних, прежде всего славянских, государствах. Одним из основных мотивов нарратива о «Единой Неделимой Руси» являлась *идея единства русского народа*, *служившая для Прикарпатской Руси, как писала газета «Карпаторусское слово» «путеводным маяком в атмосфере гнета и несправедливости» [21; 20 дек.]. Русины Закарпатья, оказавшиеся в результате мировой войны на территории Сибири в качестве беженцев, часть из которых примкнула к белым, осознавали себя частью «народности русской», а земли Прикарпатской Руси воспринимали как часть русской территории. В таком контексте вся история Прикарпатья представляла в виде непрерывной борьбы русинов за сохранение своей национальной идентичности, апогеем которой стала мировая война. «Оскотиневшие гунны» и «зверские германцы», возглавляемые «Францем-Иосифом – Антихристом», являлись воплощенным злом, борьба с которым должна была стать для карпаторуссов проверкой на прочность их приверженности идее общерусского единства. [22; 4 февр.]. Для правительства адмирала А.В. Колчака движение карпаторуссов и присущая ему политическая риторика, стали одним из путей конструирования новой национальной идеи, способной консолидировать общество перед лицом большевистской угрозы.*

Заключение

Подводя итог, следует выделить два аспекта дискурсивной репрезентации национальной идентичности:

Первый аспект подразумевает определенную форму представления и трансляции. В рамках данной статьи мы рассмотрели три способа репрезентации идентичности:

1. Жесткое структурирование политического пространства, с помощью использования упорядоченной системы бинарных оппозиций, которые позволяли определить, чем субъект («Мы-сообщество») является, и чем не является. Ключевые бинарные оппозиции:

- Цивилизованный, культурный – варварский, дикий;
- Национальный – универсальный (интернациональный);
- Политически активный – политически пассивный;
- Внутренне ориентированный – внешне ориентированный.

Все эти противопоставления явно, либо завуалировано выраженные в пропагандистских текстах, служили для политической идентификации, а также для доказательства моральной правоты белого движения, разоблачения преступного и антинародного характера большевистского режима, его слабости и неустойчивости. Кроме того, сама репрезентация целей белого движения служила одним из важнейших инструментов формирования национально-ориентированной «мы-группы».

2. Транслирование посредством *официальной и проправительственной периодической печати антибольшевистского Востока консолидирующих «Мы-группу» ценностей*. Проведенный контент-анализ материалов «Нашей газеты» позволил выявить набор ценностей, на которые опиралась правительственная антибольшевистская пропаганда, адресованная широким слоям населения. Использование данной методики подтвердило предположение о том, что, несмотря на присутствие в текстах либеральной, демократической фразеологии упор был сделан на традиционные ценности религии, справедливого распределения земли и необходимости честного труда. Основопологающей ценностью объявлялось сильное, независимое государство, на восстановление и укрепление которого, должны быть направлены все усилия.

3. Использование политических *нарративов, которые являлись особой формой осмысления, упорядочивания и организации исторического опыта, конституирования новой картины мира*.

Другой аспект репрезентации национальной идентичности связан с содержанием пропагандистской риторики.

Для коллективной самоидентификации сторонников антибольшевистского движения на востоке России ключевую роль играл образ врага – большевиков. Особенностью содержания пропаганды белых являлось то, что собственный положительный образ являлся менее четким и детализированным, чем отрицательный образ врага. Анализ публикаций на эту тему позволяет выделить основные аргументы, которыми оперировала политическая пропаганда:

- Борьба с большевиками необходима. Это естественная реакция российского общества на губительные для страны, ее государственности и народа действия большевиков.

- Борьба с большевиками морально оправдана, это противостояние сил Добра и Зла, поэтому она носит справедливый характер.

- Борьба с большевиками не является делом отдельных социальных групп или политических партий, она общественно значима.

- Борьба с большевиками исторически обоснована. Все, кто ведет борьбу с большевизмом, спасают от варварства не только Россию, но и всю мировую цивилизацию.

- Борьба с большевиками может завершиться только полным уничтожением большевизма.

Социальная и политическая разнородность антибольшевистского движения, вкупе с политикой непредрежденчества обуславливала размытость содержания пропагандистских установок белых и их непривлекательность для широких слоев населения. Как в конечном итоге, справедливо отметил Н.В. Устрялов: «У нас не хватило разума, прозорливости, таланта, влияния наполнить диктатуру Колчака той ударной социальной демагогией и вместе с тем той народной, реально-крестьянской начинкой, которые одни могли, быть может, ее спасти». [5; 274].

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (исследовательский проект № 14-01-00395 «Государственная идеология антибольшевистских правительств на территории Сибири в годы революции и Гражданской войны: роль медийного дискурса в институционализации политической власти и формировании информационного пространства»).

Примечания:

1. Восточный курьер. (Чита). 1918.
2. Сибирский вестник. (Омск). 1918.
3. Милоков П.Н. Россия на переломе: в 2 т. Париж, 1927. Т. 2.
4. Вишняк М.В. Из истории гражданской войны // Современные записки. 1932. № 48.
5. Устрялов Н.В. 1919-й. Из прошлого // Русское прошлое. 1993. № 4. С. 194–287.
6. Журавлев В.В. Вождизм в идеологической практике контрреволюционного движения: опыт анализа приветственных посланий А.В. Колчаку // Политические системы и режимы на востоке России в период революции и гражданской войны. Вып. 2. Новосибирск, 2013. 216 с.
7. Журавлев В.В. Образ А.В. Колчака в публикациях С.А. Ауслендера // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сборник научных статей. Вып. 3 / Науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: Параллель, 2012. С. 102–111.
8. Молчанов Л.А. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (окт. 1917–1920 гг.). М.: Издатпрофпресс, 2002. 272 с.
9. Шереметьева Д.Л. Большевики в представлении «демократической контрреволюции» Сибири (июнь–ноябрь 1918 г.) // Власть и общество в Сибири в XX веке. Выпуск 4. Сборник научных статей / Научный редактор В.И. Шишкин. Новосибирск: Параллель, 2013. С. 50–75.
10. Вестник Временного Всероссийского правительства. (Омск). 1918.
11. Правительственный вестник. (Омск). 1919.
12. Голос сибиряка (Екатеринбург). 1919.
13. Надежда России. (Новониколаевск). 1919.
14. Народная Сибирь. (Новониколаевск). 1918.
15. Народная газета. (Томск). 1919.
16. Военные ведомости. 1919. (Новониколаевск).
17. Правительственный вестник. (Омск). 1918.
18. Свободный край (Иркутск). 1919.
19. Наша газета (Томск). 1919.
20. Греймас А.Ж. Структурная семантика: Поиск метода. М., 2004. 368 с.
21. Карпаторусское слово (Омск). 1918.
22. Карпаторусское слово (Омск). 1919.

References:

1. Vostochnyy kur'er. The East Courier. (Chita). 1918. [In Russian].
2. Sibirskiy vestnik. The Bulletin of Siberia. (Omsk). 1918.
3. Milyukov P.N. Russia at the turn: in 2 v. Paris, 1927. V. 2. [In Russian].

4. Vishniac M.V. From the history of the Civil War // **Modern note. 1932. № 48. [In Russian].**
5. Ustrialov N.V. 1919 From the past // **Russian past. 1993. № 4.** pp 194-287. [In Russian].
6. Zhuravlev V.V. Warlordism in the ideological practice of counter-revolutionary movement: the experience of analysis congratulatory message AV Kolchak // **Political systems and regimes in eastern Russia during the revolution and civil war. Vol. 2. Novosibirsk, 2013. 216 p. [In Russian].**
7. Zhuravlev V. The image of the A. Kolchak in publications S. Auslander // **Power and society in Siberia in the XX century. Collected articles. Vol. 3 Novosibirsk: Parallel, 2012. pp. 102-111. [In Russian].**
8. Molchanov L. Newspaper press Russia during the Revolution and the Civil War (October. 1917-1920.). M., 2002. 272 p. [In Russian].
9. Sheremetyeva D. The Bolsheviks in the presentation of the "democratic counter-revolution" in Siberia (June-November 1918) // **Power and society in Siberia in the XX century. Vol. 4. Collection of scientific articles. Novosibirsk: Parallel, 2013. pp. 50-75. [In Russian].**
10. Vestnik Vremennogo Vserossiyskogo pravitel'stva. The Bulletin of the All-Russian Provisional Government. (Omsk). 1918. [In Russian].
11. Pravitel'stvennyy vestnik. The Bulletin of the Government. (Omsk). 1919. [In Russian].
12. Golos sibiryaka. The Voice of Siberian (Yekaterinburg). 1919. [In Russian].
13. Nadezhda Rossii. The Hope of Russia. (Novonikilaevsk). 1919. [In Russian].
14. **Narodnaya Sibir'. The People's Siberia. (Novonikilaevsk). 1918 [In Russian].**
15. **Narodnaya Gazeta. The People's newspaper. (Tomsk). 1919. [In Russian].**
16. Voennye vedomosti. The Military newspaper. (Novonikilaevsk). 1919. [In Russian].
17. The Bulletin of the Government. (Omsk). 1918. [In Russian].
18. Svobodnyy kray. Free region (Irkutsk). 1919. [In Russian].
19. Nasha gazeta. Our newspaper (Tomsk). 1919. [In Russian].
20. Greimas A. J. Structural semantics : an attempt at a method. M., 2004. 368 p. [In Russian].
21. Karpatorusskoe slovo. Carpathorussian word (Omsk). 1918. [In Russian].
22. Karpatorusskoe slovo. Carpathorussian word (Omsk). 1919. [In Russian].

УДК 94 (47) 084.3 (571)

**Формы репрезентации национальной идентичности в официальной
и проправительственной периодической печати востока России
(июнь 1918 – декабрь 1919 гг.)**

¹ Дмитрий Николаевич Шевелев

² Кирилл Александрович Конев

¹⁻² Томский государственный университет, Российская Федерация

¹ Доктор исторических наук, доцент

E-mail: shev-dn@yandex.ru

² E-mail: konev-k-92@rambler.ru

Аннотация. В статье, на основе материалов официальной и проправительственной периодической печати, выходявшей на востоке России с лета 1918 до конца 1919 г., рассматриваются ключевые для антибольшевистского движения идеи, образы и смыслы, игравшие важную роль в коллективной самоидентификации его сторонников. Важной составляющей легитимации власти новых политических режимов была конкурентная борьба за гегемонию в сфере символического производства и формирование информационного, политического, социального, экономического и культурного пространства, соответствующего новой государственной доктрине. В ситуации разрушения прежнего (имперского) механизма общественной интеграции необходимы были новые формы организации политической общности «Мы» и противопоставления ее враждебной «Они». Основной задачей, решаемой пропагандистскими ведомствами Омского правительства, являлось формирование и консолидация «воображаемого сообщества», понимаемого как «русская национальная общность», подчинение его целям борьбы с большевизмом. *Цель исследования заключается в выявлении характерных для газетного дискурса официального направления способов конституирования и репрезентации национальной идентичности.* Через репрезентацию цели официальная и проправительственная периодическая печать антибольшевистских режимов востока России очерчивала границы конструирования воображаемого сообщества, выстраивала своеобразные идентификационные коридоры: «Мы» (честные граждане России) – «Они» (наши враги – большевики); политически активный «Гражданин» – безучастный к судьбе отечества «Обыватель» и т.д. Авторы приходят к заключению о том, что основными способами репрезентации национальной идентичности являлись актуализация идеологически маркированных ценностных компонентов и политические нарративы, метафоры и метафорические модели.

Ключевые слова: Гражданская война, Сибирь, антибольшевистское движение, Российское правительство адмирала А.В. Колчака, идентичность, политический нарратив.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 38, Is. 4, pp. 1115-1118, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

Evacuees and social stress on the Soviet home front: the Iaroslavl' experience, 1941

¹ Roger D. Markwick² Beate Fieseler¹ The University of Newcastle, Australia² Heinrich-Heine Universität, Düsseldorf, Germany

Abstract

This article examines the everyday experiences of evacuees and how Iaroslavl' residents and authorities dealt with the resulting social stresses and challenges amidst the exigencies of total war. It does so primarily on the basis of reports and data from Iaroslavl' district communist party organisations, held in the Center for the Documentation of Contemporary History of the Iaroslavl' Region State Archive (TsDNI GAIaO), on 'accommodating' (*razemeshchenie*) evacuees in the region. Comparison between these reports and *Sovnarkom* resolutions on the way evacuees were supposed to be dealt with and the resources allocated to them reveals a wide gap between official expectations and the harsh reality of life for the evacuees, especially children.

The article concentrates on the critical summer and autumn of 1941, which saw a flood of evacuees, women and children, the elderly and sick, followed by a further influx as the enemy threatened Moscow and even Iaroslavl' itself, necessitating re-evacuations, children in particular, by water and rail.

Keywords: social stress, the everyday experiences, children, war, victory, soviet.

Introduction

The Axis attack on the Soviet Union, on 22 June 1941, caught Soviet authorities off-guard. Red Army military doctrine boasted that any invader would be rapidly repelled. War would be fought on enemy soil. In these circumstances, Moscow made no specific plans to evacuate Soviet civilians in the event of invasion or occupation. But the unexpected rout of the allegedly invincible Red Army changed all that. Within two days of Hitler's 'treacherous' invasion, as Molotov called it, a Council for Evacuation was established [1]. On 5 July, the Council of People's Commissars (*Sovnarkom*) adopted a resolution on 'the evacuation of the population in wartime', which required local authorities to receive and accommodate evacuees, and provide them with the necessary medical, food and material support [2]. Over the next 18 months, an estimated 10 to 17 million Soviet citizens were evacuated; an extraordinary feat which 'had no precedent' in such a short time [3]. By mid-July 1941, in the Iaroslavl' region, 250 kilometres northeast of Moscow, the communist party leadership had established a 'Department for Evacuation' and set up evacuation reception centres at two major railway junctions: one in the regional capital of Iaroslavl' and the other in the industrial city of Rybinsk [4]. By this time, the *Wehrmacht* had penetrated up to 600 kilometres into Soviet territory. By this time too, the first evacuees, primarily from Leningrad and Moscow, were streaming into the Iaroslavl' region, mainly by rail but also by ship along the Volga river. All told, during the course of the war, some one million people flooded into this sparsely populated agricultural region, increasing its pre-war population of 2.28 million by nearly half as much again, two thirds of whom lived in the countryside [5].

Sources and method

This article examines the everyday experiences of evacuees and how Iaroslavl' residents and authorities dealt with the resulting social stresses and challenges amidst the exigencies of total war. It does so primarily on the basis of reports and data from Iaroslavl' district communist party organisations, held in the Center for the Documentation of Contemporary History of the Iaroslavl' Region State Archive (TsDNI GAIaO), on 'accommodating' (*razemeshchenie*) evacuees in the region. Comparison between these reports

and *Sovnarkom* resolutions on the way evacuees were supposed to be dealt with and the resources allocated to them reveals a wide gap between official expectations and the harsh reality of life for the evacuees, especially children.

The article concentrates on the critical summer and autumn of 1941, which saw a flood of evacuees, women and children, the elderly and sick, followed by a further influx as the enemy threatened Moscow and **even Iaroslavl' itself, necessitating re-evacuations**, children in particular, by water and rail. The influx in less than six weeks by 1 August of almost 120,000 desperate, often ill and traumatised, evacuees put **extraordinary strains on the already stretched resources of the Iaroslavl' region, itself virtually on the frontline**. In looking at how evacuees, regional inhabitants and authorities coped, or otherwise, this paper raises vital questions about the roles that political authority and particularly social solidarity played in the Soviet war effort.

Results

According to official figures, as of 1 August 1941 a total of 118,366 evacuees had arrived in the Iaroslavl' region, the bulk of them from Leningrad and Moscow: 91,301 and 4,577 respectively. Three quarters of these were children (90,252), only a quarter of whom (23,631) were 'accompanied by their parents'; the remainder (67,754) arrived in 'organised order', accompanied by 6,880 supervisors, one for every 10 children [6].

On paper, from the moment evacuees arrived at the 'evacuation point', they were supposed to be looked after by local authorities; they would be met, have medical and document checks, be provided with information, and conducted to a cafeteria. Food kiosks, baths, medical facilities would be provided, and **medical checks conducted 'to avert the spread of diseases'**. For those delayed at the evacuation points, temporary hostel accommodation, rations and hot meals were to be available; in addition, children were **supposed to receive 'eggs, butter and milk'** [7]. The entire process of evacuation, settlement and care for the evacuees was allegedly, as a letter from **evacuees to the local newspaper later put it, 'imbued with the Stalin-spirit of concern [Stalinskaia zabota] for the individual possible only in our Soviet country'** [8]. The reality, of course, was otherwise, in a poor rural region still reeling from forced collectivisation and industrialisation, and the specific social dislocation caused by the construction of the massive Rybinsk reservoir and hydroelectric scheme.

When it came to evacuation from major cities, alongside enterprises and key employees, the Soviet privileged were given priority; particularly the families of political and military leaders and the intelligentsia. **Children of Leningrad writers were among the first to be evacuated to Iaroslavl'** [9]. A meeting of mothers on 23 July 1941 who accompanied them voted unanimously to thank the Literary Fund camp administrators and **Iaroslavl' local authorities for housing the children. But the issues facing local authorities and their priorities** were already apparent: food and accommodation, particularly for babies; health, medication and sanitation, including paediatric care; schooling, work and political education for older children, up to 15 years. While sustenance and accommodation were major concerns for those administering evacuees, especially children, the prevention of diseases and the maintenance of social order on the home front were at least as important, **if not more so. 'Strengthening labour discipline and political-education' among older children (and evacuees in general)**, was already a high priority for regional political and administrative leaders [10].

Life for newly arrived children from Leningrad in the Yaroslavl' backwoods was very austere. Dispatched to ill-equipped, rural schools and kindergartens without bedding, children often slept on the floor. **Not surprisingly, in such an environment, 'scarlet fever, mumps, and whooping cough' had broken out. In at least one district, the food supply was 'exceptionally bad'. 1812 chaperoned children received 'virtually none of the promised milk, meat, sugar, oil or eggs.' The arrival of a further 1377 children with their mothers halved the available rations (norma) in a district where food stocks (raipotrebsoiuz) 'could not meet the norms for children'. Not even prioritised parental status guaranteed foodstuffs for newly arrived 'wives and families of servicemen, workers and officials from Leningrad and Moscow'. They received 'nothing'** [11].

Evacuated children might have been saved from aerial bombardment, but it was no guarantee of their wellbeing. **Scathing, secret reports from the Iaroslavl' Prosecutor's office, as early as mid-July 1941, to the regional communist party secretary, condemned the 'scandalous ... neglectful, criminal treatment of children'** by organisations responsible for child evacuees. Among the findings:

- abysmal accommodation, without beds and heating;
- inadequate food and nutrition;
- rife infections and illnesses with little or no sanitary measures;
- no recreational activities;
- neglectful supervision resulting in accidents and drownings;
- and, nursery-aged children sleeping with adults, in one case causing venereal infection.

Faced with these horrendous findings, the prosecutor threatened that authorities that did not improve **children's welfare would be held responsible** [12].

These fraught conditions, bordering on chaos as regional and district officials struggled to cope with **waves of evacuees, were compounded by the 'daily' arrival of hundreds of mothers from Leningrad, not yet under lethal siege, searching for and taking their children back home; a situation indicating the initial evacuation of children had been undertaken without parental consent.** These mothers were followed by other

mothers, authorised to travel by Leningrad authorities, who had learned of their children's terrible conditions and determined to retrieve them. The result was 'enormous disorganisation ... crowding railway stations' and even disrupting farming by mothers buying desperately needed horses to convey their children back to the railway stations [13].

Given the scarcity of work and poor quality of accommodation in the cities and towns, in the main, evacuees were sent to live in collective farms (*kolkhozy*); either with families or in separate houses. Often they were sent to where there were 'labour shortages' [14]. Often too, the impoverished collective farms to which they were sent could barely feed themselves, let alone evacuees and their families. Although some collective farms were able to provide up to three 'community' meals (*obshchestvennoe pitanie*) a day, in some cases supplemented by one kilogram of bread from district food stocks (*raipotrebsoiuz*), where they existed, the 'majority' of evacuees, especially those on poorer farms, had to feed themselves. Those who had the money would buy food; those without would sell personal items, such as clothes, in exchange for food. Those without 'money, shoes or clothes', such as children who had 'lost their parents', were in 'dire' straits [15].

Overwhelmingly, the evacuees were 'city dwellers', mainly 'white collar workers' (*kontorskie sluzhashchie*): 'artists, teachers, engineers, technicians, doctors, tailors' [16]. Some of these found work in the towns. But most were consigned to the collective farms. Here lay real sources of tension. Although unused to farm work, nevertheless, many of these urban workers were praised for their contributions to farm work, even exceeding their output quotas. Moreover, an official report observed, 'where evacuees go out to work on a daily basis, friendly relations have been established between them and the collective farmers.' [17] The same report hailed the 'overwhelming majority [who] express hatred towards German fascism and gratitude towards Soviet power for saving them from Hitlerite terror.'

Relations were otherwise when evacuees declined to work or despised the farmers. In one district (Galich), a 'majority' of Leningrad evacuees made no effort to help with the harvest. In another (Chukhlom) evacuees, from Lithuania and Latvia, were reportedly anti-Soviet, or 'contemptuous of physical labour and reluctant to work with our collective farmers or Jewish arrivals'. Iaroslavl' authorities were deeply suspicious of these Baltic refugees, among whom were not only 'qualified intelligentsia' and trades people but also a Jewish, 'bourgeois element': manufacturers and large shop proprietors. While the 'majority want to work... not wishing to be seen as spongers (*izhdeventsi*)', the 'arrogant attitudes' of others rang 'alarm bells' [18]: One was reported to have told his or her fellow evacuees, 'It is stupid to work so hard on the collective farm, when it feeds you so badly'; another refused to 'work with the common people [*chern*]'. In one district, 'enmity' between Jews and Latvians spilled over into denouncing each other for anti-Soviet views, while a Soviet official presumed to be Jewish was beaten [19].

Such attitudes and actions, coupled with the fact that the evacuees were generally better off than most of their *kolkhoz* hosts, engendered resentment and tensions that caused regional authorities 'serious concern':

'As a rule, the *kolkhozniki* are considerate towards the new arrivals; even in the most impoverished farms sharing the little money and foodstuffs they have with them. But there are also occasions when the *kolkhozniki* reproach the new arrivals (sometimes reducing them to tears) because they "eat our bread and receive 500 grams of bread when there are collective farms that do not even have bread." Some *kolkhozniki* make fun of the ignorance of the new arrivals about farm work and their unsuitability for life in the countryside. On some farms... the new arrivals are given work, but nobody shows them how to do it.' [20]

Conclusion

The experiences and treatment of the first wave of evacuees, especially children, by both Iaroslavl' authorities and inhabitants points to a range different behaviours. Social order and control was the number one priority of both Union and regional state and party officials in chaotic circumstances caused by unexpected military rout, retreat and flight. But the health and well-being of evacuees was also high on their agenda. However, that was often not the case with those charged with immediate responsibility for evacuees, despite communist party injunctions. Under resourced, poorly trained or remunerated, they often neglected, took advantage of, or abused an exceptionally vulnerable group of people. Likewise, the response of evacuees' regional hosts, principally in the countryside, varied widely from a willingness to share accommodation and food to outright resentment against outsiders whom they saw as privileged and contemptuous of their backward country cousins, so to speak. Examined up close, the evacuee experience in Iaroslavl' is not a pretty picture. Amid conditions of acute social stress and distress, it raises questions about the degree to which a specifically Soviet, socialist, 'Stalin-spirit of concern' and social solidarity contributed to the war effort and ultimately victory.

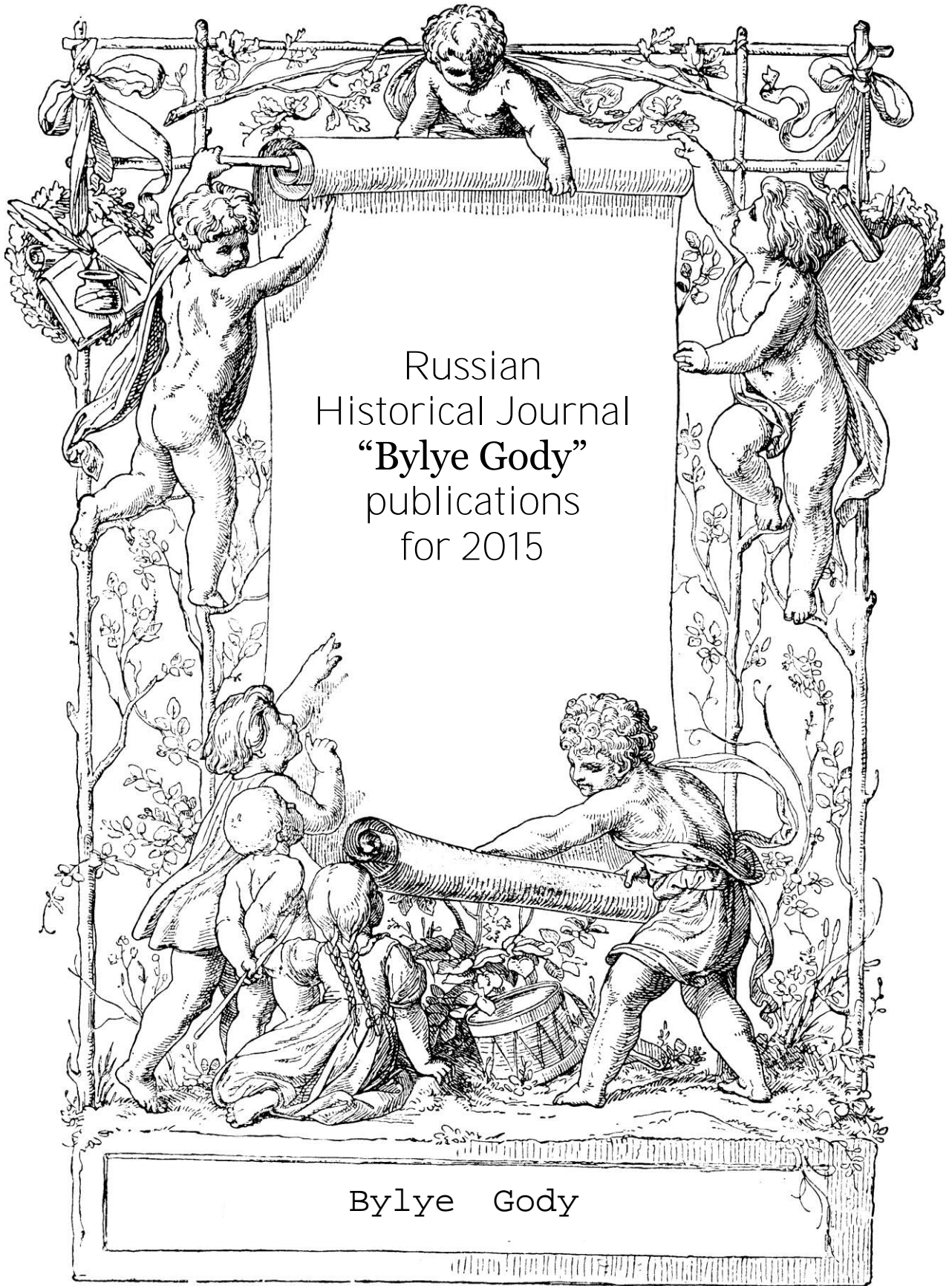
Acknowledgment

Research for this article was supported by an Australian Research Council (ARC) Discovery Project grant. It was first presented as a paper to the XXIII Australasian Association of European Historians (AAEH) conference, Victoria University, Wellington, New Zealand, 2-5 July 2013.

References:

1. 'O sozdanie Soveta po evakuatsii Postanovlenie TsK VKP TsK (b) i SNKK SSSR', 24 iunია 1941 g., *Izvestiia TsK KPSS*, 6, 1990, p. 201.
2. Postanovlenie № 1825-818cc Soveta narodnykh komissarov Soiuzა SSR "O poriadke evakuatsii naseleniia v voennoe vremiia", 05 iulia 1941 g.
3. Lewis H. Siegelbasum and Leslie Page Moch, *Broad Is My Native Land. Repertoires and Regimes of Migration in Russia's Twentieth Century* (Ithaca and London: Cornell University Press, 2014), p. 329.
4. 'Evakuatsiia grazhdanskogo naseleniia s okkupirovanykh i prifrontovykh territorii', G. Kazarinova, O. Kuznetsova, eds., *Iaroslavskaia oblast' v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. Nauchno-populaliarnoe spravochnoe izdanie* (Iaroslavl': INDIGO, 2010), p. 332.
5. *Vsesouiznaia perepis' naseleniia 1939 g. Osnovnye itogi* (Moskva: Nauka, 1992), pp. 24, 32.
6. 'O rabote s evakuirovannymi v iaroslavskoi oblasti' – 14.08.41. TsDNI GAIaO f. 272, op. 244, d. 313, l. 63.
7. 'Evakuatsiia grazhdanskogo naseleniia', pp. 332-3.
8. 'V redaktsiiu *Severnyi rabochyi*', 8.02.1942, f. 272, op. 224, d. 203, l.18.
9. Rebecca Manley, *To the Tashkent Station. Evacuation and Survival in the Soviet Union at War* (Ithaca and London: Cornell, University Press, 2009), pp. 32-34.
10. 'Rezoliutsiia obshchego sobraniia materei soprovodaiushchikh detei Leningradskikh pisatelei v Iaroslavskuiu oblast'. 23 iulia 1941g. g. Gavrilov-Iam, f. 242, op. 1, d. 792, ll. 13-14.
11. 'Dokladnaia zapiska o razmishcheniie, pitaniie evakuirovannykh v Parfen'evskom raionne'- [no date] f. 272, op. 244, d. 313, ll. 29-32.
12. *Prokurator Iaroslavskoi oblasti': Sekretariu obkoma VKP (b) SEKRETNO* 10.07.41; 18.07.41, f. 272, op. 244, d. 313, ll. 68, 68ob; 73-74.
13. 'Dokladnaia zapiska o razmishcheniie, pitaniie evakuirovannykh v Parfen'evskom raionne'- [date unknown] f. 272, op. 244, d. 313, ll. 29-32.
14. 'O rabote s evakuirovannymi v iaroslavskoi oblasti' – 14.8.41, f. 272, op. 244, d. 313, l. 64.
15. 'O rabote s evakuirovannymi v iaroslavskoi oblasti' – 14.8.41, f. 272, op. 244, d. 313, ll. 64-5.
16. 'O rabote s evakuirovannymi v iaroslavskoi oblasti' – 14.8.41, f. 272, op. 244, d. 313, l. 63.
17. 'O rabote s evakuirovannymi v iaroslavskoi oblasti' – 14.8.41, f. 272, op. 244, d. 313, l. 66.
18. 'O polozhenii evakuirovannikh v chukhlomskom raione', 14.8.41, f. 272, op. 244, d. 313, ll. 45-6.
19. 'O rabote s evakuirovannymi v iaroslavskoi oblasti' – 14.8.41, f. 272, op. 244, d. 313, ll. 45-9, 65-6.
20. 'O polozhenii evakuirovannikh v chukhlomskom raione', 14.8.41, f. 272, op. 244, d. 313, l. 47.

Russian
Historical Journal
“Bylye Gody”
publications
for 2015

Bylye Gody

Russian Historical Journal “Bylye Gody” publications for 2015

Bylye Gody. 2015. № 35 (1)

The Design Features of Complex Vessels of Malyshev Neolithic Culture of Lower Priamurye (case study: Malyshevo 1 Settlement) Inga V. Filatova	5
The Formation of a Reclamation Region around the Amur River Basin in the Late Neolithic Period Vyacheslav G. Shvedov, Elena V. Stelmah, Sergei A. Solovchenkov, Andrew B. Golub	14
The Eastern Turk Empire in Central Asia 620–630 years Rustam T. Ganiev	22
Bohai Suryongs: Who Were They? Alexander Kim	30
On Hungarian-Galician Marriage Politics in the 13th Century: The Wedding of Dynasties in Zvolen and its Reflections in Central European Historiography Pavol Maliniak	36
The Voivode Government’s Genesis in Siberia: a Study of Key Aspects Yakov G. Solodkin	41
’Tryokhstennyi Gorodok’ in the Context of the History of Lower Reaches of the Terek till XVIII Century Nina N. Garunova	48
Peter the Great and Alexander I: Double portrait in the European interior Dmitrii A. Redin, Marie-Pierre Rey	55
Russian and Foreign Authors of the late 18 th – 19 th Centuries on the North-West and Central Caucasus (the Historiographical and Historical Aspects) Part 1 Vladimir G. Ivantsov, Aleksandr A. Cherkasov, Vasily V. Tarakanov, Violetta S. Molchanova, Olga V. Natolochnaya	70
The Development of Information Policy of the Russian Empire During the Reign of Alexander II Elena S. Ustinovich	81
The Elder With «Keys From Heaven»: the Image of a Skopets in the History Russian Mystical Sectarianism in XIX cent. Anastasia V. Chernysh, Alexander V. Apanasenok	87
History of Maternity and Infancy in Zemsky Period (Based on the Central Chernozem (Black Earth Region) Files) Anna S. Tretyak	94
South-east frontier of the Russian Empire and the processes on the division of the Ural River left bank area between Kirghiz-Kaysaks and Ural Cossacks in the second half of the XIX century Alexey I. Kortunov	100
Features of the Russian Language Institutionalization in the Poly-ethnic Environment of Sochi District by Means of Education at the Turn of XIX–XX Centuries Jury S. Tynnikov, Valentina V. Krylova	107
National School of Udmurtia in the Beginning of the XX century (in the Context of the Russo-Japanese war and the First Russian Revolution) Lucia A. Volkova, Irina V. Rubanova	116

Rural Communities on the Outskirts of the Russian Empire amid the First Russian Revolution (through the Example of Villages within the Black Sea Governorate) Konstantin V. Taran	124
Naval Assistance to Spain and the Triple Entente Nicholas W. Mitiukov	133
Kalmyk Steppe During the World War I: the Question of the Transition to the Cossack Estate Irina V. Lidzhieva, Valery V. Batyrov, Ludmila V. Okonova	137
The Economy of the Cities of Kursk Province in the Years of the First World War Elena S. Ustinovich, Fedor A. Gavrikov, Galina N. Sukhorukova, Oleg E. Chuikov	145
Prisoners of War of the Triple Alliance within Kazakhstan Gulzhaukhar K. Kokebayeva, Nurzipa K. Alpysbayeva, Shotbek T. Bulgauov	152
Research and protection of natural resources of the Southern Russia during the First World War Anna N. Eremeeva	159
The problem of recognition of the USSR in 1924 and the Soviet-Chinese relations are based on the regional press Vladimir G. Dazischen, Larisa A. Kutilova	167
Gathering Edible as a Survival Strategy and Life Support System of the Siberian Rearward Village in Wartime Daily Living 1941–1945 on the Oral Historical Sources Tatiana K. Shcheglova	174
Gender Aspect of Soviet Citizens' Labour use on the Territory of the Third Reich During the World War II Natalia A. Garazha	185
Contemporary European historiography of Stalinism: Tradition and new Research Strategies for Central and Eastern Europe (Statement of the Problem) Viachaslau Menkouski, Michal Smigel, Aleksandr A. Cherkasov	192
Old-Believers and Soviet Reality of the middle of XX century: materials of Tomsk State University Research Library Valeriya A. Esipova	197
Nation state building in Tajikistan in 1988–2000-s. Search for "the backbone of the construct" Abdullah K. Daudov, Artyom A. Andreev, Vladimir A. Shorohov, Denis G. Yanchenko	204
Book in the Sociocultural History of the East of the Russian Empire Timur A. Magsumov, Irina V. Kornilova	211

Bylye Gody. 2015. № 36 (2)

The Legal Regulation of Artisan and Trade Corporations in the Cities of Medieval Europe Valentine G. Medvedev, Anna N. Fedorova, Pavel A. Rumjantsev	219
Medieval Burials in Coffins at the area of Tomsk Ob Region: A Local Phenomenon or a "Mongol Trace"? Evgeny V. Vodjasov, Olga V. Zaitceva	229

Metallic Masks from the River Tym Natalya V. Toroshchina, Anna I. Bobrova	238
Russia's Territorial Size as a Concept for International Politics: Nikita Panin's Northern System (1760–1770)	
Konstantin D. Bugrov	245
Bessarabian Functionaries in the Epistolary Legacy of Ivan Sergeyevich Aksakov Sergey I. Degtyarev	254
Transformation of Manor of the Nobility in Russian Culture-Historical space of 18 th –19 th Centuries (Materials of Chernozem Region) Tat'yana V. Kovaleva, Tat'yana O. Tsurik	260
The Realization of the State Policy on Expanding the Drugstore Network in the Russian Empire between the 18 th and the First Half of the 19 th Centuries Natalia N. Koroteeva, Alexey A. Soynikov	268
Ethno-Demographic Processes in the North-East Black Sea Area in the 19 th – Early 21 st Centuries (through the Example of Greater Sochi) Aleksandr A. Cherkasov, Vyacheslav I. Menkovsky, Michal Smigel, Violetta S. Molchanova	276
Liberal-Conservative Synthesis: the Experience of Creating the Concept of Evolutionary Modernization of Russia in the Second half of the 19 th Century Maxim N. Krot	282
The Contribution of Russian and Mountaineer Enlighteners to the Making of Writing Culture in the North Caucasus Hope O. Bleich	289
Norm of Exploitation of Miners in Siberia in the Late 19 th – Early 20 th Centuries Vasiliy P. Zinov'ev, Igor S. Solovenko	296
New-York “Water Buses” – The <i>Intrépida</i> and <i>Mensajera</i> Gunboats Nicholas W. Mitiukov	303
Russia's Regional Governance at the Change of Epochs:	
Administrative Reform Drafts in the Late 19 th -Early 20 th Centuries Sergey V. Lyubichankovskiy, Igor A. Tropov	309
The Making and Development of Economic Forms of the Industry of Turkestan Krai in the late 19 th – Early 20 th Centuries Tulebaev Turganzhan, Gulzhaukhar K. Kokebayeva	319
The Additional Professional Training in the Late Russian Empire Timur A. Magsumov	327
The Russian Government's Policy on Control over the Religious Life	
of Moslem Communities within Western Siberia between the Second Half of the 19 th and Early 20 th Centuries Petr K. Dashkovskiy, Elena A. Shershneva	338
Revisiting the Issue of Far-Left Political Parties in 1907–1909 (through the Example of Black Sea Governorate) Konstantin V. Taran	347
Genocide of the Rusins in Austro-Hungary during WWI. A Short Review of the Question Sergey G. Sulyak	359
Black Sea Governorate during World War I: A Historiographical Survey Lyubov G. Polyakova	366

The Muqaddimah of Ibn Khaldun and the Specificity of the Social Structure of a Nomad Society (through the Example of Traditional Kazakh Society) Altaiy I. Orazbayeva, Zakish T. Sadvokassova	373
Origins and Phenomenon of the Civil War in Russia: Glance Through a Hundred years Vladislav I. Goldin	382
The Everyday Activity of Rural Schools in the Early 1920s (through the Example of Schools in the Village of Aibga) Anvar M. Mamadaliev	388
A. Gorelik: Argentinean touches of Russian Revolution Portrait Lazar S. Jelifets, Anton S. Andreev	394
Policy in the Area of Wages and Its Implementation in the Far East in the 1930s as a Mechanism for the Formation of Social Hierarchy Olga I. Shestak	403
Insurgency in Xinjiang in the first half of the 1930s Dmitry V. Buyarov	413
June 22, 1941: Evaluation of Public Opinion US and UK Sergey O. Buranok, Dmitry V. Surzhik	420
On the Participation of Don Cossacks in World War II in 1941 Vladimir P. Trut, Anatoly I. Narezhny	428
«In Order to Strengthen the Protection of Rostov Mobilized Population»: the Construction of Fortifications Autumn 1941 – Summer 1942 Tatiana P. Khlynina	434
The Orthodox Believer in the USSR. The 1940–1980th (on Materials of the Penza Region) Larisa A. Koroleva, Alexey A. Korolev, Victor V. Zinchenko, Elena K. Mineeva	442
Circassian Question: Transformation of Content and Perception Veronika V. Tsibenko, Sergey N. Tsibenko	450
Bylye Gody. 2015. № 37 (3)	
Gao Mouhan in the History of Liao Empire And Koryo Kingdom Alexander Kim	465
The Appearance and Development of Iron Production on the Border Between the «Steppe» and «Taiga» Cultural Worlds in Western Siberia (Tomsk Ob Region) Evgeny V. Vodyasov, Olga V. Zaitceva	472
The Life Support System of the Siberian Village Anan'ino in XVII–XVIII Centuries (Archaeological and Written Sources) Larisa V. Tataurova, Anna A. Krikh	479
Russia's Territorial Size as a Concept for Domestic Politics: Territory, Military Strength and Form of Government in 18 th century Russian Political Thought Konstantin D. Bugrov	491
Childhood and its Age Limits in Society of Getmanat in the XVIII Century Igor A. Serdiuk	499
«Raison d'etat» and «private interest» in Russia in the late 18th century – early 19th century: the example of A. Knauf at metall industry in the Urals, 1797–1830 Andrej V. Keller	508
Sami in the History of the Norwegian-Russian Borderland: Factor of Tension or Regional Integration? Vladislav I. Goldin, Konstantin S. Zaikov, Aleksandr M. Tamitskiy	519

The Fight Against Emissaries across the Black Sea Coastline Area (1834–1847 years) Vladimir B. Karataev, Alexey A. Volvenko, Alexander G. Varfolomeev	536
The Moving of the Ubykhs to the Russian Service as a Result of the Peace Initiatives in the First Half of the 1840s Years Aleksandr A. Cherkasov, Vladimir G. Ivantsov, Elena S. Ustinovich, Nina I. Kryukova, Violetta S. Molchanova	541
Scripts liberation of Peasants in Russia in the First Quarter of the XIX-th Century in the Reflection of Rumors, Petitions and Noble Projects Dmitrii V. Timofeev	549
Visit of Grand Duke Vladimir Alexandrovich of Western Siberia as a Part of the Ritual Legitimization of the Ruling Romanov Dynasty Alexander A. Valitov, Igor S. Tomilov, Sergey A. Dianov, Darya Iu. Fedotova	558
Social Roles of Prince A.I. Vasilchikov: was it Possible to Combine Russians “Gumption” with “Economic Virtues”? Alexander Yu. Davidov	564
Rural Yakutia in the Late of XIX – XX Centuries: Traditional Economy in the Mirror of Time Lilia Vinokurova, Viktoria Filippova, Alexander Suleymanov, Stepan Grigorev	576
Russian Consuls in Xinjiang: Legislative Initiatives at the Turn of XIX–XX Centuries Gulnar K. Mukanova	586
Barter Trade in North Western Siberia in the Late of 19 th - Early 20 th Centuries Valery V. Tsys	595
Russia and the West: «Different Time Zones» Boris N. Mironov	602
Law, Imperial Bureaucracy and Russian Jews Beyond the Pale of Settlement in 19 – Beginning of the 20 th Centuries Vladimir N. Shaidurov, Ekaterina S. Norkina	623
The Secularization of Russian Orthodoxy in the Late Russian Empire, 1860–1910: the Indoctrination and De-Institutionalization (Problem Statement) Andrey Yu. Mikhailov	633
The Archival Sources for the History of the Liquorstrade in the North-East of Russia in the Late XIX – Early XX Centuries (Funds of the National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia) Oxana P. Kolomiets	641
The Fertility of Women in the Primary Sector in Slovakia According to Censuses Conducted Between 1900 and 2001 years Branislav Šprocha, Pavol Tišliar	650
The Organization of Social Support of the Population of Siberia in the Years of Russian-Japanese War (1904–1905) Tatiana A. Kattsina	663
The Suburbs During the First Russian Revolution of 1905–1907 Years (on the Example of Tuapse District of the Black Sea Province) Konstantin V. Taran, Nina I. Kryukova	670
The Activities of Political Parties on the Territory of Kursk Province in the Early Twentieth Century Oleg E. Chuikov, Alexey V. Sapronov, Jeanne Y. Koptev, Galina N. Sukhorukova, Olga N. Marganova	676
Key Figures of the Russian Vanguard: Historical Roots Elena G. Lapshina, Larisa A. Koroleva	682
“Research in Natural Historical Value of East Region of Russia and Siberia”: a Role of Society of Scientists at the Kazan University in Development of Ethnography in the First Quarter of the XX Century Tatiana A. Titova, Vadim E. Kozlov, Elena G. Guschina	689

Power and Society: the Activities of the Novorossiysk Detective Department in 1912 year Anvar M. Mamadaliev, Svetlana V. Shevelyova, Margarita N. Urda	697
Public Self-Government of Krasnoyarsk City in the Fight Against Food Crisis During World War I Olesya M. Dolidovich	708
To the Issue of Gendarme Activities on the Territory of Black Sea Province During the First World War (1914–1917 years) Lyubov G. Polyakova, Lyudmila G. Zimovets, Leonid L. Balaniuk	715
Rear Daily Tsaritsyn County in the First Months of the Great War Elena Y. Leontyeva, Nikolai A. Bolotov, Yuriy F. Boldirev	720
The Problem of the Entry of the Ottoman Empire in the First World War From the Point of View of Russian And Turkish Historians Kamil G. Akhsanov	729
Food Policy of White Power in the European North of Russia in the 1918–1920 Years Vasilii A. Sablin	735
The 6th branch of the Secret Department of the All-Russian Extraordinary Commission (the work with churchmen and sectarians): questions on organizational and personnel policy» Mihail Y. Krapivin, Yury N. Makarov	742
The Relationship of the Azerbaijan Democratic Republic and the Terek-Dagestan Region AFSR, 1919–1920: a Modern View Timur M. Karmov, Vladimir B. Lobanov	750
The Library as a Socio-Cultural Space of Soviet Kuban (1920s Years) Viktor M. Kononenko, Yekaterina A. Forzun, Yekaterina A. Muravskaya, Valentina V. Bykova	758
Modernization of Ethnocultural Processes in the National Areas of the Far East (1920s – 1930s years) Anna V. Akhmetova, Sergej V. Bobyshev	766

Bylye Gody. 2015. № 38 (4)

Christianity on the Territory of the Russian Black Sea Region (in the VIII–XVth centuries): Historical and Archaeological Aspects Olga V. Natolochnaya, Lyudmila G. Zimovets, Nina I. Kryukova	779
Tactic "Tulgama" the Art of War the Mongols XIII century Leonid A. Bobrov, Aleksei V. Salnikov	786
The History of Islam in Western Siberia: Interdisciplinary Approach to Chronology and Periodization Sergey F. Tataurov, Mikhail A. Korusenko	798
Genoese Domain in the Crimea (the Second Half of 14th century) Sergey G. Bocharov	808
Nuremberg Counting Jetons of XVI–XIX centuries: from Western Europe to Western Siberia Andrey A. Pushkarev	825
Foreign Sources in the Contemporary Works of British-American Researchers on History of Russian Colonization Guzel V. Ibneyeva, Iliya A. Popov	834
Accessions of the Crimean Khanate (1783): Influence on Prospects and Problems of Folding of the Russian North Caucasus Boris V. Vinogradov	842
The Role of the XVIII Century Maps and the Population of the Higher North of Russia and Norway in the Construction of the Borders of the Internal Sovereignty Vladislav I. Goldin, Konstantin S. Zaikov, Aleksandr M. Tamitskiy	849

Public and State Significance The Ranks of the Table of Ranks in the Russian Empire at the End of XVIII – the First Half of the XIX Centuries Sergey I. Degtyarev	865
«Orenburg Frenchmen»: Life of War Prisoners of the Grand Armee of Napoleon Who Obtained the Russian Citizenship and Stayed for Living in the Orenburg Guberniya (1814–1836 years) Alexey I. Kortunov	876
Jikis and Jiketi in Conditions of War and Peace (1840–1860 years) Aleksandr A. Cherkasov, Mikhal Shmigel, Sergei N. Bratanovskii, Violetta S. Molchanova	888
Spirits Trade After Reform in 1863: To the Issue of Efficiency of State Regulation of Spirits Turnover in Terms of Free Trade Natalia Ye. Goryushkina	894
The Function of a Trade of a Post-Reform Siberian Town Valery A. Skubnevsky	901
First Battleships of the Coast Defense of Russian Emperor Fleet Yuri F. Katorin, Anatolii P. Nyrkov	910
The formation of the religious infrastructure of cities of Kuban and Black Sea region in the context of the development of cross-cultural dialogue (the middle of XIX – beginning of XX century) Sergey L. Dudarev, Sergey N. Ktitorov	924
To the Issue of Historical Prerequisites and the Significance of the Construction of the Railway Network in the Caucasus (the late 19th and early 20th Century era) Vladimir B. Karataev, Irina N. Markaryan, Ruslan M. Allaliev	933
Educational Congress and Teachers' Courses as a Means of Methodical Education Teachers Second Half of XIX – Beginning XX Centuries: Regional Dimension Sergei I. Belentsov, Oksana P. Dovger, Alesia A. Kuznetsova, Natalia J. Agronina, Valentina L. Barkova	940
Vasilii Ilich Denisov: Historical Portrait at the Backdrop of the Russian Modernization (End of XIX – Beginning of XX Century) Maria V. Bratolyubova, Irina G. Brizgalova, Natalia V. Samarina	948
Elements of European Political Culture in the Central Asian National Outskirts of the Russian Empire: Perception Specifics of Foreign Cultural Innovations (late 19 th – early 20 th) Yuliya A. Lysenko, Inna V. Anisimova, Irina B. Bochkareva, Marina F. Lysenko	955
«Society for Welfare of Workers and Employees of Gold and Mining Fields» as a Source on Research of Economic and Social Status of Employees of the Gold-Mining Fields of Siberia at the End of XIX – the Beginning of the XX Century Peter P. Rumyantsev	965
Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX Centuries Alexander G. Gryaznukhin, Tatiana V. Gryaznukhina	972
The Development of the System of Mining Education in the «Kingdom of Poland» in the XIX Century Anton B. Mokeev	982
The Question of the Economic Structure of the Rusins of Bessarabia in the 19th – beginning of the 20th Century Sergey G. Sulyak, Vladimir V. Kazakov	992
The Country Council Work on Extracurricular Enlightenment of Adults in the Volga-Ural Region Timur A. Magsumov, Marina S. Nizamova	1001
Between the Prohibition and Indulgence: Casual Religious Culture of the Orthodox Population Russian north in the Second Half of the XIX – early XX century Pavel V. Fedorov, Alexey A. Malashenkov	1011

The Belgian Investments in Mass Transit of the Cities in Russian Empire at the End of the XIXth and at the Beginning of the XXth Centuries Ilya V. Shpakov, Yelena D. Mikhailova, Nataliya N. Koroteeva	1019
Refinement of the Causes of Ethnic Migration North Selkups Based on the Historical Memory of Indigenous Ethnic Groups Turukhansk District of Krasnoyarsk Krai Natalia P. Koptseva, Ksenia V. Reznikova	1028
The Development of Agriculture and Trade Relations in the Caucasus in the Early 20th Century Tatiana E. Gvarliani, Evgeniya V. Vidishcheva, Ilya M. Rassolov	1039
Societies of the Mutual Credit of Siberia at the Beginning of the XX Century: Number, Structure of Management and Composition Tatiana A. Kattsina, Elena V. Bolonkina, Lyudmila E. Marinenko	1047
The Activities of All-Russian Peasant Union on the Black Sea Province During the First Russian Revolution Konstantin V. Taran, Natalia V. Svechnikova, Stanislav I. Buslaev	1053
Financial and Credit Cooperation of Zemstvo in the Middle Volga at the Beginning of XXth Century: The Legal and Economic Aspects of Functioning Tatyana A. Kobzeva	1062
The Revolutionary Movement in the Evaluation of F.M. Dostoevsky: To Understand Conservatism in the Political History of Russia Konstantin A. Lotarev, Oleg V. Kuznetsov	1069
The Method of Analysis Derived Coefficients of Database as a New Method of Historical Research (for Example, a Database of Ballistic Parameters of Naval Artillery) Nicholas W. Mitiukov, Kent Rand Crawford	1078
Forms of Consolidation of Provincial Society in the Conditions of World War I Irina N. Litvinova	1085
The Evolution of Public Views of the Black Sea Province During the First World War Lyubov G. Polyakova, Valentina A. Ageeva, Leonid L. Balaniuk	1093
Forms of Representation of National Identity in the Official and Pro-Government Periodical Press of Eastern Russia (June 1918 – December 1919) Dmitry N. Shevelev, Kirill A. Konev	1105
Evacuees and social stress on the Soviet home front: the Iaroslavl' experience, 1941 Roger D. Markwick, Beate Fieseler	1115
Russian Historical Journal "Bylye Gody" publications for 2015	1119